

Международный
научно-просветительский
форум

РУССКИЕ ТРАДИЦИИ БЫТОВОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В СЛАВЯНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

17-20 мая 2022 года

БРЯНСК-ГОМЕЛЬ

Фонд "Русский мир"
ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского"
УО "Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины"

**РУССКИЕ ТРАДИЦИИ
БЫТОВОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В
СЛАВЯНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ**

**Международный научно-просветительский форум
г. Новозыбков, Брянская область, 17–20 мая 2022 г.**

Брянск, 2022

УДК 811.161
ББК 80/84+81.1+74
Р- 83

Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье :
Научные доклады участников Международного научно-просветительского
форума (г. Новозыбков, Брянская область, 17-20 мая 2022 г.) / Ред. колл.
С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов, С. М. Пронченко. – Брянск : РИСО
"БГУ", 2022. – 635 с.

ISBN 978-5-9734-0395-9

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Е. М. Маркова – заведующий кафедрой русского языка как
инострannого ФГБОУ ВО "Российский государственный университет
имени А. Н. Косыгина", доктор филологических наук, профессор;

В. А. Маслова – профессор кафедры германской филологии
УО "Витебский государственный университет имени П. М. Машерова",
доктор филологических наук, профессор;

Н. В. Трошина – заведующий кафедрой русского языка ФГБОУ ВО
"Брянский государственный университет имени академика
И. Г. Петровского", кандидат филологических наук, доцент.

В сборнике представлены доклады участников Международного научно-
просветительского форума "Русские традиции бытовой лингвокультуры в славян-
ском пограничье", проведение которого поддержано Фондом "Русский мир" (про-
ект № 2613Гр / П-446-22). Форум состоялся 17–20 мая 2022 г. на базе филиала
ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И. Г. Пет-
ровского" в г. Новозыбкове.

Материалы сборника будут полезны научным работникам, аспирантам, пре-
подавателям, учителям, студентам и всем, кто интересуется проблемами русского
языка и русской культуры, изучения русского языка как иностранного и межкуль-
турной коммуникации.

ББК 80/84+81.1+74

*Материалы печатаются в авторской редакции. Ответственность за
корректность, достоверность фактов и заимствования несут авторы статей.
Мнение членов редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.*

ISBN 978-5-9734-0395-9

© Фонд "Русский мир", 2022
© ФГБОУ ВО "Брянский
государственный университет имени
академика И. Г. Петровского", 2022
© УО "Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины", 2022
© Коллектив авторов, 2022

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ ФОРУМА

Уважаемые участники форума!

Русский язык и русская культура – приоритеты государственной и межгосударственной политики Российской Федерации.

2022 год Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным объявлен Годом культурного наследия народов России, который проводится "в целях популяризации народного искусства, сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации". (Указ № 745 от 30 декабря 2021 года.)

"Культура не просто существует, но развивается в вербальном пространстве языка" (В. В. Колесов), именно поэтому государственная поддержка лингвокультурных научно-просветительских мероприятий, направленных на укрепление позиций русского языка и русской культуры, представляется "духовным орудием" (И. А. Ильин), обеспечивающим успешную интеграцию русской науки, русской интеллигенции, русского искусства с целью фундаментального созидания и развития национальной культуры и межславянского взаимодействия.

Международный научно-просветительский форум *"Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье"* проводится под эгидой Фонда "Русский мир" с целью содействия укреплению и расширению русского языкового, российского культурного и образовательного пространства в приграничных с Россией государствах.

Научно-методическая значимость Международного научно-просветительского форума бесспорна и заключена в популяризации русского языка и культуры на территориях приграничных с Россией государств, укреплении межкультурных славянских связей.

Патриотическое и духовно-нравственное воспитание, ориентированное на погружение в глубинные смыслы русского мирозерцания, отражённого в духовной и материальной культуре, в том числе посредством

Слова, обеспечит высокую степень национальной преданности современных школьников и студентов.

Убеждён, что вынесенная на обсуждение участников форума проблематика будет способствовать сохранению самобытности многонационального народа Российской Федерации и расширению межкультурного взаимодействия.

Искренне желаю участникам форума плодотворной работы и эффективного сотрудничества!

*Ректор ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского",
Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор филологических наук, профессор А. В. Антюхов*

Стародубец Светлана Николаевна

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, Россия

e-mail: starodubets.madam@yandex.ru

УДК 81'272:811. 161. 1

РУССКИЕ ТРАДИЦИИ БЫТОВОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Статья посвящена духовно-мировоззренческому лингвокультурологическому аспекту исследования языковых единиц, в семантическом поле которых совмещено предметно-понятийное и культурно-символическое содержание. Подчёркнуто, что наиболее продуктивна в этом отношении предметно-бытовая и обрядовая лексика русского национального языка, отражающая народное мировидение в языке.

Ключевые слова: восточнославянское пограничье, лингвокультура, двуединый семиотический анализ языковых единиц.

Исторические судьбы юго-западной Брянщины и Восточной Гомельщины, Северной Черниговщины объединены и связаны. На формирование своеобразной материальной и духовной культуры жителей пограничья оказало влияние заселение края старообрядцами с конца XVIII в. Старообрядческое население, не знавшее крепостной зависимости, сохранило исконно народные формы традиционной культуры.

Среди объектов предметного быта особое место занимает жилище, так как является многослойным объединением элементов материальной и духовной культуры.

Предметный мир жилища связан со многими древнейшими славянскими ремеслами: ткачеством, гончарством, ковкой, домостроительством. Орудия производства и продукты традиционной ремесленной деятельности включаются в ритуальный контекст, из плана "вещного мира" переводятся в символическую систему, находят выражение в языке и закрепляются в культуре.

Предметы быта "сопровождают" человека на протяжении его исторического развития, их наименования содержат информацию о жизнедеятельности личности и социума. По мнению Людмилы Аркадьевны Власовой, "данная лексика ценна в том аспекте, что она даёт возможность обратиться к наиболее древнему, изначальному лексическому пласту русского языка, обслуживающему жизненно важную сферу физического существования человека" [2, с. 5].

Исследование наименований предметов быта наших предков представлено в работах этнографов, лингвистов – А. Н. Афанасьева, Ф. И. Бус-

лаева, О. Миллера, А. А. Потебни, П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова и др.

Сергей Алексеевич Милюченков отмечает: "Исследование традиционных сельских построек в народной терминологии Белоруссии и соседнего зарубежья показывает, что на этнических территориях с общим хозяйственно-культурным типом их основной перечень является однородным. <...> культурная специфика наиболее отчётливо проявляется в диалектных названиях жилища и хозяйственных строений. Им свойственны неограниченное этническим фактором распространение и общность в ареалах, которые в большей или меньшей степени охватывают и связывают территории расселения соседних народов" [5, с. 228-231].

В системе материального жизнеобеспечения славян предметы быта, и в первую очередь, жилище, являются культурными артефактами, имеющими, с одной стороны, хозяйственное предназначение, с другой стороны, символический план содержания.

Лингвокультурная идентификация объектов материальной культуры восточных славян предполагает двуединый семиотический анализ языковых единиц: предметно-понятийный и культурно-символический.

Рассмотрение особенностей культурной идентификации материальных объектов жизнеобеспечения славян предполагает учёт функционального предназначения предметов быта, отражённого в структурно-семантической мотивации наименования.

Соглашаясь с профессором Валентиной Авраамовной Масловой, подчёркиваем, что "в языке существуют глубинные смыслы, почти недоступные для рационального осмысления, но играющие огромную роль в формировании духовности как отдельного человека, так и духовного кода нации" [4, с. 8].

Владимир Викторович Колесов в монографии "Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека" особое место уделяет анализу понятий *дом* и *двор*, их формированию в концептуальной и языковой картине мира славян. Учёный подчёркивает, что в Древней Руси доминирующим значением номинации *дом* было "хозяйство": "... в основе народного представления о доме лежит не понятие о здании, а понятие о чем-то созданном, постоянном, общем для всех "своих", которые объединяются кровом такого дома" [3, с. 207]. Немаловажно и то обстоятельство, что "все древнерусские тексты, начиная с сочинений Илариона, называют храмы и церкви домами и этим отличаются от текстов других славян" [3, с. 208].

"Рассматривая лингвокультуремы, мифологемы, идеологемы и символы русского коммуникативного пространства, исследователи обращаются к таким понятиям, как *колодка*, *дом*, *болото*, *рушник*, *дорога*", отражающим духовный и материальный опыт народа [7], [8, с. 119], так как продуктивным лексическим фондом в славянской лингвокультуре является пласт лексических единиц, декодирование которых отсылает к скрытому смыслу,

обусловленному идеологическим, символическим, мифологическим, культурным планом содержания языковых единиц. Особенно "привлекательна" в этом отношении предметно-бытовая и обрядовая лексика национального русского языка, функционирующая в том числе и в русских говорах.

В работе Екатерины Сергеевны Бангоян "Тематическая группа "Предметы быта" в диалектах юго-запада Брянщины: лексико-семантический, сопоставительный и этнолингвистический аспекты", выполненной под нашим руководством, установлено, что сакральный смысл имеют номинации *рушник*, *сцельница* / *цельница* (женская рубаха), *кашник* (горшок, наполненный кашей в обряде крещения), *дэжа* (ёмкость для приготовления хлебного теста), *коромысло* (*коромысел*), *заслонка* и др. В пределах выбранной области общность наименований, являющихся литературными в белорусском и украинском языках и диалектными в русском языке на территории брянско-гомельского пограничья составляет 26%, с белорусизмами – 3%, украинизмами – 6%. "Проведённое исследование диалектизмов достоверно убеждает, что территория российского приграничья Брянской области представляет собой ареал распространения смешанных языковых и диалектных явлений, что свидетельствует о единой исторической основе и общих этнокультурных процессах в жизни восточных славян вообще, и, в частности, в области лексики, номинирующей бытовые реалии, значимые для каждого народа" [1, с. 100, 112].

Руководитель НИИ восточнославянских языков Гомельского государственного университета имени Фр. Скорины, профессор кафедры белорусского языка Александра Александровна Станкевич совместно с коллегами А. М. Войновой и Л. М. Минаковой подготовили монографию "Лексика народной гаспадаркі ў гаворках Мазырска-Прыпяцкага Палесся", в которой обобщили результаты многолетней полевой работы исследователей белорусской лингвокультуры, наиболее ярко сфокусированной наименованиями, отнесёнными к области "народного хозяйства" [6].

Отражение народного мировидения в знаке, реализованное как поверхностный и глубинный смыслы, позволяет провести двуединый семиотический анализ языковых номинаций, отнесённых к предметно-бытовой сфере жизнедеятельности человека.

Список использованных источников

1. Бангоян, Е. С. Тематическая группа "Предметы быта" в диалектах юго-запада Брянщины: лексико-семантический, сопоставительный и этнолингвистический аспекты : дисс. ... канд. филол. наук / Екатерина Сергеевна Бангоян ; Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского. – Брянск, 2020. – 223 с. – Текст : непосредственный.

2. **Власова, Л. А.** Лексика кухонной утвари и посуды в орловских говорах: монография. Орёл: Картуш, 2005. – 219 с.

3. **Колесов, В. В.** Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. – 326 с. – ISBN 5-8465-0029-3 – Текст: непосредственный.

4. **Маслова, В. А.** Русское слово как источник духовности человека // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья: научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 18–21 мая 2021 г.) / ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов, С. М. Пронченко. Брянск: РИСО "БГУ", 2021. – С. 8–11. – Текст : непосредственный.

5. **Милюченко, С. А.** Традиционные постройки в народной терминологии Белоруссии и соседнего зарубежья // Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья / Редактор-составитель М. Ю. Мартынова. – Москва: ИЭА РАН, 2012. – С. 228-231. – Текст : непосредственный.

6. **Станкевіч, А. А.** Лексіка народнай гаспадаркі ў гаворках Мазырска-Прыпяцкага Палесся: манаграфія / А. А. Станкевіч, А. М. Воінава, Л. М. Мінакова. М-ва адукацыі РБ, Гом. дзярж. ўн-т імя Ф. Скарыны, 2008. – 312 с. – ISBN 978-985-439-361-2 – Текст: непосредственный.

7. **Стародубец, С. Н.** Роль символического атрибута *рушник* в традиционном свадебном обряде на примере приграничных с Беларусью территорий Брянской области / С. Н. Стародубец, М. А. Кривоносова – Культура и цивилизация. – Т. 6. – № 5А. – С. 102-109. – Текст: непосредственный.

8. **Стародубец, С. Н.** Современные векторы изучения русского слова на территории восточнославянского брянско-гомельского пограничья / С. Н. Стародубец, С. М. Пронченко // Вестник Тверского государственного университета. – 2021. – № 3 (70). – С. 117–125. – Текст: непосредственный.

УДК 81.3

ЭМБЛЕМАТИКА И СИМВОЛИКА ДОМА В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В работе представлены образные признаки концепта "дом" в русском языковом сознании, включающие перцептивные и ассоциативные характеристики. Для выявления названных признаков были привлечены данные Национального корпуса русского языка, современные ассоциативные словари.

Ключевые слова: концепт, фрейм, прототип, архетипические, оценочные признаки.

Дом является важнейшим знаком освоенного пространства, выступает в качестве промежуточной зоны между человеком и миром и поэтому множественно и вариативно отражен в содержании языковых единиц. Осмысление дома неоднократно привлекало к себе внимание культурологов и филологов (Байбурин, 1983; Габдуллина, 2004; Плотникова, 2000; Радомская, 2006; Цивьян, 1975; Якушевич, 2018). Целью данной работы является объяснение эмблематики и символики дома на основе концептуальных признаков этого объекта – понятийных, образных и ценностных.

В "Идеографическом словаре" О. С. Баранова идея дома тематически представлена следующим образом: жилье – 1) обитель (очаг; гнездышко (разг.); свой угол; кров; крыша над головой; жилплощадь); 2) плохое жилье (лачуга, халупа, хибара, развалюха, избушка на курьих ножках); 3) временное жилье (пристанище, приют, прибежище; гостиница, отель, номера (устар)., мотель, кемпинг, пансион, пансионат, постоялый двор, подворье, караван-сарай); 4) здание (дом– жилия постройка; секционные дома; небоскреб; казарма; усадьба; дворцовые постройки (Баранов).

В "Словаре синонимов русского языка" З. Е. Александровой уточняются следующие смысловые линии рассматриваемого концепта: 1) большой дом – домина, хоромы; 2) родной дом – очаг, пепелище, пенаты (устар.); 3) жилище – дом, квартира, жилплощадь, пристанище, приют, угол, гнездо, крыша над головой, жилье, кров, кровля, фатера (уст. прост.) / просторное жилье – апартаменты; / неопрятное жилье – берлога, логово / темное, тесное – нора; 4) род – с фамилией или именем (о монархах) (Александрова).

Тематическое поле концепта "дом" включает множество разновидностей построек, функционирующих в качестве жилого или нежилого здания.

При анализе понятийных признаков концепта устанавливается внутренняя форма его главного номинанта (в нашем случае – идея строительства) и конструируется фрейм его содержания (постройка – проживание – жильцы). Приведенные дефиниции свидетельствуют о том, что дом как постройка осмысливается в русской лингвокультуре с уточнением его величины, функционального назначения и оценки (как правило, отрицательной).

Образные признаки данного концепта выявляются на основе анализа сочетаемости основного номинанта этого кванта переживаемого знания (слово "дом") и опроса информантов. Образные признаки концепта распадаются на два типа: перцептивные и метафорические характеристики, в первом случае нас интересуют прототипные представления о доме, во втором случае – его ассоциативные переосмысления.

Приведем характеристики сочетаемости лексемы "дом" (использовались ресурсы www.ruscorpora.ru и "Библиотека лексикографа", сост. А. А. Бурыкин).

В функциональном плане дом обычно является частью населенного пункта:

Семью Севрюгиных в доме № 19 на улице Клязьминской знают все (К. Арский).

В городах России дома обычно нумеруются и улицы имеют названия. Адрес дома является его именем. Исключение составляют особые дома – Кремлевский дворец съездов, Дом правительства, Ипатьевский дом и др.

Значимыми являются назначение и величина дома:

Через пять минут мы подъехали к жилому пятиэтажному дому (Е. Самойлова).

Типичные городские постройки второй половины XX в. в России – это стандартные блочные пятиэтажные дома. Эти дома противопоставляются одноэтажным строениям:

Вокзал сам по себе обретался на краю города, где обрывались улицы с многоэтажными городскими домами и росли ульем деревянные домишки (О. Павлов).

Городские окраины в архитектурном отношении представляют собой переходное образование между городскими и сельскими населенными пунктами. Показательно эмоциональное сравнение множества маленьких одноэтажных домов с пчелиным ульем.

В начале XX века престижными стали собственные дома для каждой семьи. Приведем фрагмент рекламного объявления о внешнем виде современного дома:

Один фасад дома отделан виниловым сайдингом, другие – вентилируемые навесными панелями сибирского завода "Краспан" (М. Песин).

В таком доме обычно бывает терраса, к нему примыкает сад:

И как бы вы его ни называли – патио, терраса или просто уголок отдыха, это место должно быть уютным и соответствовать стилю вашего дома и сада (В. Иршенкова).

Собственный дом является знаком благосостояния и принадлежности его владельца к среднему классу:

Более 65% канадцев имеют собственные дома и автомобили (Образование в Канаде).

Внутреннее убранство жилища нуждается в комментарии, если описание относится к давно ушедшей эпохе:

И дом у него старинной постройки: в передней, как следует, пахнет квасом, салными свечами и кожей; тут же направо буфет с трубками и утиральниками; в столовой фамильные портреты, мухи, большой горшок герани и кислые фортопьяны; в гостиной три дивана, три стола, два зеркала и силлые часы, с почерневшей эмалью и бронзовыми, резными стрелками; в кабинете стол с бумагами, ширмы синеватого цвета с наклеенными картинками, вырезанными из разных сочинений прошедшего столетия, шкапы с вонючими книгами, пауками и чёрной пылью, пухлое кресло, итальянское окно да наглухо заколоченная дверь в сад... (И. Тургенев).

Приведенное описание помещицкой усадьбы XIX века свидетельствует о том, что дом освещался свечами, гордостью хозяина были старинные часы, обычно с гириями, на стенах дома висели портреты его обитателей, в этом доме водились разные насекомые. Архитектурным знаком первой половины 19 века было итальянское окно – трехчастное окно с более широкой средней частью (обычно арочной, выше боковых прямоугольных).

Эмблематика городских строений требует пояснений для представителей иных культур:

Насчёт жилья никаких посулов, лишь общежития местами да реденько комнаты с подселением в переживших свой век бараках и заводских домах, строенных в тридцатых годах (В. Астафьев).

В приведенном примере значимы следующие характеристики домов: заводские дома тридцатых годов – как правило, двух-трехэтажные очень простые строения, предназначенные для рабочих. Не случайно упоминание о таких домах координативно сочетается со словом "бараки" – "постройка (обычно казарменного типа) для временного проживания рабочих и военнослужащих, содержания заключённых и т. п. *Жить в бараках. Дощатый, кирпичный б.* " (БТС). Тридцатые годы в Советском Союзе – период индустриализации, когда в города в большом количестве приехали сельские жители, и для них быстро строилось непритязательное жильё.

В сельской местности уровень благосостояния человека также легко определяется по внешнему виду дома:

Я не люблю узнавать дом председателя колхоза по шиферной крыше (Ф. Вигдорова).

Председатель колхоза имел возможность жить в доме, крыша которого была выложена шифером, рядовые колхозники жили значительно проще.

В дореволюционной России по типу дома сразу же можно было определить социальный статус его обитателя:

Люди они были небогатые; домик, весьма старинный, деревянный, но удобный, стоял на горе, между заглохшим садом и заросшим двором (И. Тургенев).

Богатые люди жили в каменных особняках, люди победнее – в деревянных домах. Следует отметить, что в традиционной русской культуре оппозиция "камень – дерево" применительно к жилым строениям эмблематически обозначает социальный класс. Например, поговорка: *Трудом праведным не построишь палат каменных*. Ее смысл состоит в том, что честным трудом невозможно достичь богатства. Эта идея глубоко укоренилась в массовом сознании. Есть и более древний символический смысл в противопоставлении деревянного и каменного жилого дома: деревянный дом воспринимался как своеобразное живое существо, а каменный – как нечто мертвое. Когда некоторые помещики в дореволюционной России решили с самыми благими намерениями построить своим крепостным крестьянам каменные дома, то крестьяне отказались покидать свои привычные избы, а каменные строения использовали в качестве отхожих мест. Считается, что жить в деревянном доме полезно для здоровья.

Простым избам противопоставлялись дворянские и купеческие особняки:

Мамаша, у которой он был единственным любимым сыном, к его удивлению, не очень горевала и скоро устроила его в кулинарный техникум, что размещался в купеческом доме на соседней улице (В. Быков).

Техникум – это среднее учебное заведение, в котором обучается достаточно большое количество студентов. Отсюда следует, что купеческий дом был весьма вместительным, и там было много комнат.

Соответственно, типичным жильем бедного человека в России была изба – одноэтажное жилое деревянное строение:

Если бы Яков Иванов был гробовщиком в губернском городе, то, наверное, он имел бы собственный дом и звали бы его Яковом Матвеевичем; здесь же в городишке звали его просто Яковом, уличное прозвище у него было почему-то – Бронза, а жил он бедно, как простой мужик, в небольшой старой избе, где была одна только комната, и в этой комнате помещались он, Марфа, печь, двухспальная кровать, гробы, верстак и всё хозяйство (А. Чехов).

Традиционное жилое помещение в России – изба (восходит к слову "истьба" – истопка, отапливаемый сруб, деревянное сооружение из горизонтально уложенных бревен или брусьев). Дом в России по своей сути прежде всего ассоциируется с теплом:

И вы выходите из своего тёплого дома в холодное утро и идёте на встречу другу, который тоже не хочет идти ловить рыбу (Е. Гришковой).

В России принято поддерживать достаточно теплую температуру в доме. Такая температура резко контрастирует с зимним холодом. Иностранцы часто чувствуют себя не вполне комфортно в квартире, где в холодное время года невозможно находиться в свитере.

Дом как место, где живут люди, имеет в русской лингвокультуре две важнейших характеристики – тепло и уют. Тепло осмысливается буквально и фигурально, уют понимается как "удобство, благоустроенность в домашней обстановке, в быту" (БТС):

- Где находишься, Антон? – На лестничной площадке уродского многоэтажного дома. Рядом с мусоропроводом. Здесь довольно тепло, и уже почти уютно (С. Лукьяненко).

В приведенном примере герой иронически отзывается о своем месте пребывания (лестничная площадка многоэтажного дома, обычно не самое чистое место). Но важны характеристики – тепло и уютно.

Когда речь идет о доме, то противопоставляются функциональные типы строений – жилые дома и различные типы сооружений (заводы, склады, магазины, музеи и т. д.). Некоторые сооружения используются для кратковременного или долговременного проживания людей (гостиницы, больницы, интернаты, общежития, тюрьмы). К числу перцептивных характеристик дома относятся его конструктивные части – подвал, чердак, мансарда, мезонин и бельведер. Например:

Это был хороший каменный дом с деревянной мансардой-надстройкой, в которую с первого этажа вела узкая скрипучая лестница (Д. Быков).

Обратим внимание на то, что достраиваемые к дому сверху части обозначаются в русском языке заимствованными словами:

Эта постройка, обычно круглая в плане, сооружается на крыше дома (иногда отдельно, где-либо на возвышенности) исключительно для красоты и для наслаждения видами природы. Мезонин же – жилое верхнее помещение над серединой дома – выглядит проще (М. Пупшева).

В первом случае говорится о бельведере, во втором – о мезонине.

Дом воспринимается в единстве с прилегающей территорией. В городах это – двор.

Наши участковые настоятельно рекомендовали футболистам немедленно сообщать в УВД о каждом подозрительном человеке или группе граждан, которые будут собираться во дворах их домов или возле подъездов (Г. Степанов).

Двор дома осмысливается как ближайшее пространство, примыкающее к дому, и поэтому чужие люди не должны собираться во дворе, для этого существуют улицы, парки и площади. Примыкающее к многоквартирному дому пространство допускает семиотическое членение: двор –

подъезд – лестничная площадка. Во многих современных подъездах российских городов установлены железные двери с кодовыми замками и домофонами, наличие которых свидетельствует как о стремлении жильцов обезопасить себя от нежелательного вторжения незнакомцев, так и о материальном статусе проживающих в подъезде людей. Отметим для сравнения, что в советскую эпоху люди часто оставляли ключ от входной двери в квартиру под ковриком у входной двери.

Ближайшее метонимическое переосмысление дома – люди, которые живут в этом здании. Например, наличие прислуги в доме свидетельствует о высоком статусе проживающих:

Тогда же у нас в доме появилась прислуга, и вообще весь стиль жизни изменился до неузнаваемости (В. Белоусова).

Прислуга в доме – яркая статусная эмблема представителей высшего общества. В дореволюционной России, как показано в автобиографии известного художника Александра Бенуа, в помещицкой усадьбе были заняты лакей, кучер, конюх, кухарка, прачка, судомойка и горничные. Горничные обычно считались блюстительницами домашнего порядка, часто жили в доме долгие годы и с течением времени превращались почти в членов семьи. Как отмечает А. Бенуа, *"К ним не без "решпекта" относились и наши знакомые, называя обеих по имени, а мамину горничную даже и по отчеству"*. Из этого комментария вытекает, что существовала иерархия в позициях прислуги. В наши дни возможность пользоваться услугами приходящих уборщиц определяется финансовым положением той или иной семьи (в интернете находим сведения, что вызов горничной стоит от 2000 рублей), хотя мысль о том, что посторонний человек длительное время находится в доме, многим нашим современникам не нравится.

Образные характеристики дома в ряде случаев приобретают символический смысл:

Из нечеловечески высокого подъезда сталинского дома на мрачном гранитном цоколе вышел пожилой человек в толстенной дублёрке и втреху из двух лисиц сразу (Л. Улицкая).

Архитектурный стиль, который получил наименование "сталинский ампир", характеризуется подчеркнутой парадностью, использованием на цокольных этажах гранитных облицовок или руста – рельефной кладки стен камнями с грубо отесанной или выпуклой поверхностью, наличием символической лепнины, высокими потолками. В приведенном примере выражение "нечеловечески высокий подъезд" символизирует государство, в котором человеку неуютно и страшно жить. Заметим, что демократические преобразования в эпоху Н. С. Хрущева проявились, среди прочего, и в борьбе с "архитектурными излишествами" – дома стали проще, дешевле и однообразнее.

Для выявления характеристик концепта "дом" в сознании наших современников использовались данные ассоциативных словарей русского

языка ("Русский ассоциативный словарь в 2 т. Москва, 2002", "Русский ассоциативный словарь в 2 т. Саратов, 2011") и опрос информантов.

Важнейшие ассоциативные признаки рассматриваемого концепта сводятся к следующим: *"родной; большой, мой; в деревне, кирпичный, крыша, семья, с мезонином; белый, деревяня, жилой, красивый, на окраине, строить, тепло, хата"* (Москва), *"квартира, большой, жить, жилье, дверь, домашний, домик, кирпич, окно, жилище, крыша, комната, красивый, мама, дача, диван, дома, жизнь, кирпичный, семья, стоит, тепло, хозяин, этаж"* (Саратов). Информанты (московские студенты и саратовские школьники) осмысливают дом с учетом своего отношения к нему и его объективных характеристик – величины, местоположения, внешнего вида, разновидности строения, строительного материала, составных частей и живущих в нем людей. Опрос информантов сводился к заданию завершить высказывание *"Когда я думаю о доме, я представляю себе..."*. Типичные завершения предложения таковы: *"избушку с трубой, из которой идет дым"; "как я возвращаюсь вечером после работы домой"; "детский рисунок – стены, треугольная крыша, окна, дверь, труба"; "частный одноэтажный дом", "на зеленой лужайке двухэтажный домик с крыльцом"; "мою семью, мы сидим в комнате, разговариваем и смеемся"; "дом, в котором много гостей и пахнет выпечкой"*. Можно увидеть, что в образную составляющую данного концепта в индивидуальном сознании наших современников обычно входят архетипические признаки деревенского дома (хотя респонденты – городские жители), а также представления о семье. Осмысление дома связано с гостеприимством. Обратим внимание на сенсорный признак – запах дома: в доме пахнет хлебом или пирогами. Этот признак тоже является архетипическим.

Перцептивные характеристики концепта "дом" включают образы строительства, украшения, ремонта дома, его устройство – от подвала до крыши, характеристики стен, окон, дверей, комнат, расположение мебели в жилище, функциональные разновидности помещений (коридоры, гостиные, кабинеты, спальни, кухни и т. д.), описание окультуренного пространства рядом с домом, наличие адреса (в ряде случаев – имени дома). Для информантов важнейшими перцептивными признаками дома являются характеристики собственности (*мой, родной*), величины (*большой, высокий*), материала (*кирпичный, деревянный*), места (*в деревне, на окраине, в центре города*). Метафорика дома – это описание уюта и душевного тепла.

Оценочные признаки концепта "дом" сводятся к нормам поведения, связанным с осмыслением важности дома, устанавливаются на основе поговорок, афоризмов, различных кодексов и правил и включают следующие основные ценностные ориентиры: 1) *"Свой дом – лучшее место для человека"* (*В гостях хорошо, а дома лучше; Своя хатка – родная матка; И стены в доме помогают; Приведи бог и собачке свою конуру!*), 2) *"В доме должен быть хозяин"* (*Дом красится хозяином; Без хозяина дом –*

сирота; Хозяин в дому, что медведь в бору), 3) "Поддержание дома в порядке требует усилий" (*Дом – яма: никогда не наполнишь; Дом невелик, да лежать не велит; Дом вести – не бородой (не вождской) трясти*), 4) "Следует оказывать уважение гостям в доме" (*Не красна изба углами, красна пирогами; Гостю почёт – хозяину честь; Добрый гость всегда впо-ру*); 5) "Дом не должен быть пустым" (*Из пустой хоромины либо сыч, либо сова, либо сам сатана*); 6) "Благополучие дома зависит от хозяйки" (*Доб-рая жена дом сбережет, а худая рукавом расстрясет; Коли изба крива – хозяйка плоха*); 7) "Следует вести себя прилично не только на людях, но и в своем доме" (*В гостях Илья, а дома свинья*).

Для традиционной русской лингвокультуры очень важны ритуалы гостеприимства и угощения как проявление ценности дома. Современная городская среда обитания в значительной мере сводит эти ритуалы к универсальным нормам поведения в Западной цивилизации, люди предпочитают встречаться с друзьями в кафе, а дома проводят время с близкими.

Дом как художественный символ подразумевает смысложизненную ценность и открыт для множественного прочтения. Известное речение "*Каждый человек должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына*" допускает как прямое, так и символическое осмысление. Например, построить дом – это реализовать себя, выполнить свое предназначение в жизни, посадить дерево – принести пользу другим людям, тем, кто придет после и сможет воспользоваться плодами этого дерева, вырастить сына – передать свой опыт тем, кто придет нам на смену. Можно трактовать это высказывание иначе: например, с позиций христианского вероучения построить дом – это выстроить храм Божий, который есть внутри человека, посадить дерево – дать вырасти древу жизни, имеется в виду вечная жизнь в духовном мире, а воспитать сына – вырастить в себе настоящего человека. Строка Арсения Тарковского "*Живите в доме – и не рухнет дом*" может быть истолкована как призыв принять с благодарностью эту жизнь и взять на себя ответственность за нее. Дом символизирует устойчивость и стабильность, ему противопоставляется всё зыбкое и непрочное. Метафора "Дом есть построенный мир" открывает множественные интерпретации для классической сентенции Новалиса: "*Куда же мы идём? – Всякий путь ведёт домой*".

Таким образом, концепт "дом" представляет собой одно из универсальных базовых смысловых образований лингвокультуры и в концентрированном виде выражает освоение мира человеком. Будучи одним из важнейших архетипических концептов, дом в его этнокультурном осмыслении часто ассоциируется в русском языковом сознании с крестьянской избой, эмблематически осмысливается как свой дом в противоположность чужому, особую роль здесь играет встроенность дома в привычный ландшафт, аллегорически противопоставляется хаосу и враждебному миру, символически раскрывается как жизнь, имеющая смысл.

Список использованных источников

1. **Байбурин А. К.** Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л. : Наука, 1983. 191 с.
2. **Габдуллина С. Р.** Концепт ДОМ/РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны(сопоставительный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.
3. **Плотникова А. А.** Дом // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 2000. С. 142.
4. **Радомская Т. И.** Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX в. Опыт духовного, семейного, государственного устройства: монография. М. : Совпадение, 2006. 240 с.
5. **Цивьян Т. В.** Дом в фольклорной модели мира // Типологические исследования по фольклору. М. : Наука, 1975. С. 191-214.
6. **Якушевич И. В.** Символ "дом" в русском языке и поэтическом тексте: монография. Владимир: Транзит-ИКС, 2018. 182 с.

УДК 81.3

ДОМ КАК ЧАСТЬ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПОГРАНИЧЬЯ С ПОЗИЦИИ ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В докладе рассматривается дом как жилище и часть бытовой культуры пограничья. Проблема анализируется с трех сторон: 1. Культура пограничья как проблема региональной лингвистики. 2. Дом – это организующий центр мира в русской философии и культуре. 3. Дом с позиции лингвокультурологии, поскольку анализ языка – это способ описания и существования культуры.

Ключевые слова: бытовая культура, регионалистика, философия пространства, лингвокультурология.

Вынесенная в заглавие доклада тема обсуждения, с нашей точки зрения, имеет несколько аспектов, три из которых будут проанализированы в докладе.

Первая. Культура пограничья как проблема региональной лингвистики. Как известно, процессы глобализации привели к противоположному результату: повышению интереса к регионалистике, в которой на первый план выдвигаются культурные и языковые проблемы региона. Региональная лингвистика – это часть общей большой проблемы варьирования языка в пространстве. В начале XX века возник лингвогеографический метод, результатом которого стали лингвистические атласы ряда стран, например, Франции и Германии. И. И. Срезневский еще в середине XIX века указывал на необходимость изучения языка в пространственной проекции [4, с. 6]. Справедливости ради нужно сказать, что в XX веке – Е. Ф. Будде, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин и др. крупные лингвисты отрицали сам факт возможности варьирования литературного язык. И лишь во второй половине XX века в работах Р. Р. Гельгардта, М. В. Панова, И. Г. Добродомова утвердилась бесспорность наличия вариантов литературного языка, прежде всего региональных. Официальным признанием данного направления в лингвистике стала работа "Типы наддиалектных форм языка" (М. : Наука, 1981). Однако до сих пор у ряда лингвистов можно наблюдать скептическое отношение к данной проблеме.

Сам термин "регионализм" возник в 80-е годы прошлого века, а "региолект" в 90-е – в работах В. И. Трубинского (1991) и А. С. Герда (1995). В научной литературе, кроме термина "региолект", используются также ряд других терминов – "региональный язык", "региональные говоры", "региональные черты".

На рубеже XX и XXI веков вновь вспыхивает интерес к крестьянской и традиционной культуре, изучению народных говоров, которые, вопреки прогнозам, не исчезают, а лишь изменяются, приобретая черты регионального языка (В. М. Жирмунский). Интерес к языку и культуре регионов привел к формированию региональной идентичности, т. е. к появлению в массовом сознании соотношения себя с региональным локусом. Вопросы разграничения языка и диалекта посвящена обширная литература, и все же, по замечанию французского исследователя Э. Гийореля, "лингвисты никогда не могли разграничить язык и диалект".

Анализ существующей литературы позволяет понять, что региональному языку присуща более высокая степень развития функциональной системы, в то время как диалект в основном функционирует в бытовой сфере. Кроме того, именно язык заключает в себе самооценку народа и его соседей, отображает национальное самосознание и национальный характер, фиксирует в себе элементы материальной и духовной культуры (Р. И. Аванесов, М. А. Бородина, К. Доминте). Сама проблема региональных языков в Беларуси еще не поставлена, в отличие от германской, французской и даже русской лингвистики.

Мы используем в своей работе словарь Могилевско-смоленского пограничья, с привлечением отдельных примеров Гомельско-Брянского пограничья, а также исследования по Могилевско-Смоленскому пограничью (многотомный словарь, вышло 3 тома). Еще в 1927 г. Н. Касперовичем был создан "Віцебскі краёвы слоўнік", который включал в 9703 слов, зафиксированных в 591 населенных пунктах, в 2012 году создан более полный "Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны".

Язык региона включает в себя местные диалекты, если это преимущественно сельский регион в глубинке, где он относительно замкнут. Сюда, кроме диалектов, можно отнести неологизмы XXI века, например, связанные с ковидом (*ковитнутый, ковигисты*), региональные названия объектов мира: кабысдох = худая собака; кутёнок = щенок; чушка = свинья; сажалка = пруд; гарбуз (тыква), бурак (свекла), дичка (дикая яблоня), смецце (мусор), *мальцы* (Витебский регион). Региональные названия учреждений (Витебский госуниверситет, сеть магазинов "Витебские продукты"), организаций ("Витебкстрой"), названия жителей региона (*витеблянин, оршанец, полочанин*), имена великих людей региона (для Витебщины – *М. Шагал, И. Ретин, Ю. Пэн, П. Машеров, Ж. Алферов*) и др.).

В белорусско-русском пограничье функционирует "трясянска" – смесь русского и белорусского языков: Домовка – жилье, дом, квартира: *Мая*

дамоука вози калоцца, яе легка найці. Есть и полное сходство, и семантико-прагматические различия между словами. Например, *обед* – для русских сейчас состоит из 3-х блюд. Первое – суп, второе – каша с мясом, т. е. густое. Если перед супом съесть салат, то суп все равно будет первым. Потому что существует принятая структура. На третье у белорусов – *компот*, у русских *чай*, у украинцев – *взвар* (компот из сухофруктов). Есть незначительное количество слов, которые встречаются, например, в белорусской части пограничья: *насяг* (приданое), *заручыны* (помолвка), *вяселле* (свадьба), *кажэн* и др. Слово *кожан* существовало в языках восточных славян и являлось однокоренным словом "кожа" (ср. : рус. *кожаная птичка*). *Кажан* функционирует в мифологических верованиях белорусов. Согласно народным поверьям, в *кажана* превращалась мышь, которая съела что-то в церкви. За это Бог сделал *Кажана* существом, которое днем не видит, за это белорусы называли его "ночным чертом" [1, с. 209].

В этом аспекте интересно проанализировать слово *дом*, которое обозначает жилище человека часто вместе со всем хозяйством вообще – *хлевам, баней, амбаром, сараем* и другими придомовыми постройками. При этом в каждом регионе есть свои различия. Хотя в результате постоянных контактов и генетического родства народов этнолингвистический ареал пограничья в значительной мере однороден.

Вторая проблема – дом как пространство. Философский аспект. Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком, оно организуется вокруг человека как центра макро- и микрокосмоса. Пространство – форма бытия материи, ее важнейший атрибут. Оно характеризует протяженность мира, его связность, непрерывность, структурность, трехмерность (многомерность) и т. д. Как важнейшая форма мира и жизни в нем человека пространство многолико репрезентировано в языке, сознании, культуре, мифологии. *Дом* – это образ замкнутого пространства. Это "свое" пространство, которое противопоставляется всему остальному – "чужому". Оно безопасно, способно помогать человеку: *Домой придешь – хлеб-соль найдешь.*

Сами по себе пространственные отношения оказываются теми "примитивами", к которым сводятся более сложные представления. Восприятие пространства никогда не ограничено утилитарно-прагматическими аспектами, но, по утверждению В. Б. Касевича, ". . . всегда трактуется в системе мировоззренческих оппозиций, релевантных для данного культурно-исторического сообщества" [3, с. 137]. Так части дома начинают принимать на себя самые разные смыслы: люди извлекают некоторые знания из *подвалов памяти* и движутся вверх по служебной *лестнице*, переходя со *ступеньки на ступеньку*, бьются головой о *стену*, наконец, достигают *потолка*, а потом у них едет *крыша*, и эту ситуацию можно характеризовать - *не все дома.*

Поведение людей в значительной мере связано с пространством вообще и пространством дома, в частности, и это отображено в языке: *Дом невелик, да лежать не велит. В своем доме не кланяются никому. Дом крепок не укладом, а ладом. В доме повешенного о веревке не говорят.* В данных поговорках закреплён опыт славянского народа: дом как жилище требует постоянной заботы человека, в доме все должны жить в ладу и согласии, в своем доме человек - хозяин.

В мифологической традиции пространство вселенной расходится "от человека" концентрически кругами. Самый ближний круг (микрокосм) - это сам человек. Его граница - тело и одежда, прикосновение к которым расценивается в разных культурах как нарушение этических и прочих норм. В русском языке существует выражение "это меня не касается". Ср. белорусское "гэта мяне не датычыць", внутренняя форма глагола - "ты-каць", что позволяет предположить следующее: в менталитете белорусов заложено более грубое, чем просто прикосновение, нарушение микрокосма человека.

Следующий круг - это дом человека, его ближайшее окружение. Круг дома у кочевых народов, например, у казахов, - это степь, по которой человек со стадом проходит за световой день. Поэтому уход из дома в мифологии, фольклоре - это начало приключений и испытаний.

Последняя граница вокруг человека - это граница "своей" земли, родины. Всякое массовое переселение, смещение с нее воспринималось как трагедия. Лишь после того, как возникли первые государства, граница стала государственной, а присоединение чужих земель стало интерпретироваться как "освоение", "окультуривание" чужого пространства.

Разновидность дома – **храм**, Это дом для Бога. Но и в доме есть места, которые называют "христианскими", "чистыми", например, *красный угол*. Нечистыми местами считаются: баня, овин, кузница) и т. п. Исполон веку храмостроительство имитирует космогоническое свершение, а сами храмы в миниатюре олицетворяют мирозданье:

*Взор постепенно из долины
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм (Ф. Тютчев).*

Третий аспект проблемы, выдвигаемой в докладе, – дом как жилище, место обитания человека. **Лингвокультурный аспект.** Концепт дома тщательно разработан Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым [2]. Поэтому рассмотрим те аспекты проблемы, которые либо вообще не отражены в названном исследовании, либо мы имеем иную точку зрения на отдельные аспекты.

Дом – это часть бытовой культуры, которая существует в 2-х ипостасях: материальная и духовная. Духовная культура а зеркале языка – вечная проблема, идущая от школы "Слова и Вещи". В культуре не только слова,

но и материальные предметы могут нести духовный смысл; между духовной и материальной культурой нет резкой непреходимой границы (например, камень на обочине дороги и этот же камень на могиле). Более того, в культуре нет ни чисто духовных концептов, ни чисто материальных вещей, каждое явление культуры имеет две эти стороны. Такова ситуация и со словом **дом**. В русской и белорусской лингвокультурах **дом** – это внутреннее, обжитое человеком пространство мира, окруженное хаосом, это как бы двойник человека: кухня – это чрево, окна – глаза, лестница или крыльцо – ноги и т. д. Это раковина, к которой прирос человек, поэтому в него мы возвращаемся, как заколдованные: *В гостях хорошо, а дома лучше; Дома и стены помогают.*

Поскольку славяне названного пограничья вели оседлый образ жизни, дом у них входит в ядро языкового сознания, о чем свидетельствуют многочисленные ассоциативные эксперименты. По мнению психолингвистов, в языковом сознании русских он стоит на втором месте, у белорусов на 4, у испанцев на 10, у англичан – на 22. Поэтому слово **дом** – заголовочное для нескольких больших словарных статей "Ассоциативного словаря...".

Дом имеет целый ряд синонимов: *хата, изба, землянка, терем* (дом в виде башни), *дворец* и др. И если в белорусской части пограничья превалирует слово *хата*, то в Брянской – *изба*. В белорусском пограничьи встречаются такие номинации: *дом* – это *гроб*: *Быу у нас такі Ахрэм ен усім пакойнікам дамы делау* (Дедин. Мог.) **Жило** – это дом. От него – жилище, жителяц (*Сколькі жыльцоу живеє у Беларусі?*). Приоритетным является представление о *родном доме* (*кров, очаг, изба, хата*). Это перекресток всех жизненных путей человека, сходящихся у родного очага. *Родной дом* – это первая вселенная человека, объединяющая его воспоминания, мысли, мечты и тем самым организующая "связь времен". Дом – это еще и убежище, последняя опора в жизни: *"Дом, который не страшен в час народных расправ"* (М. Цветаева).

Дом как жилище может иметь разный вид: городской квартиры (*многэтажний, хрущоба, коммуналка*), частный сельский дом (*изба, хата*), и промежуточный тип (большой, но частный) – *котедж*. Не только в литературном, но и региональных языках содержатся смыслы, идущие из глубины веков. Например, **дом** как царство мертвых, могила, гроб: *дом на погосте; вечный дом*.

Дом как жилище вызывает богатейшие ассоциации с телом и жизнью человека, что было подтверждено психоаналитиками. *Фасад дома* – это внешний облик человека, *крыша* – голова и разум. *Подвал* – область бессознательного и т. д. Его возведение.

Больше всего в региональном материале обнаружено значение "**дом – это строение**": *вот мой дом*. Главное место в доме занимала *печь*, которая считалась центром дома, слева от нее – *бабий кут* – женский угол. Важен для любого дома был и красный кут – главное место в доме. Там к уг-

лу приставлялся стол, над которым была полочка для икон. Все, входящие в дом, кланялись этим иконам.

Несколько реже в текстах встречается значение дом - это еще и *люди, семья*, живущие вместе: *Здесь мой дом – родители, брат*. В белорусском пограничье нам встретились такие поговорки: *Жонка тры вуглы дома трымае. Добрая жонка дом зберажэ, а ліхая рукавом растрасе*.

Дом как свое, безопасное, обжитое пространство противопоставлен лесу (М. Ю. Лотман) как чужому, опасному, дьявольскому пространству: *Дома и солома съедома*. В белорусских регионах часто встречаются такие поговорки: *Свая хатка – родная матка; У сваёй хаце і качарга маці; У сваёй хаце і вуглы дапамагаюць*. В Российских регионах Смоленщины и Брянщины частотны *Дома и стены помогают. Лучше дома своего нет на свете ничего*. В обоих регионах встретились: *Хорошо тому, кто в своем доме*. Итак, дом – замкнутое пространство, безопасное пространство, свое пространство: *"А дом – это мир, где вся злая энергия исчезает, куда непросто попасть кому-то постороннему – это твое и только твое пространство"* (А. Фомин).

Дом может выступать в значении "город" и "страна": *Наш дом – Россия. Москва! – Какой огромный / Странноприимный дом!* (М. Цветаева).

В русской культуре, русской литературе были и разрушители и строители дома. Строительство дома – этическая модель поведения русских: *Кто дома не строил, земли недостойн* (М. Цветаева). Оберегали дом и хранили его в русской культуре И. Тургенев ("Дворянское гнездо"), А. Пушкин ("Евгений Онегин", "Домик в Коломне"), Л. Толстой ("Война и мир"), С. Аксаков ("Семейная хроника"), А. Чехов ("Дом с мезонином"), А. Твардовский ("Дом у дороги"), Ф. Абрамов ("Дом"). Разрушали дом - Н. Островский ("Гроза"), Н. Гоголь ("Мертвые души"), А. Ахматова (*Я пью за разоренный дом*), Н. Гумилев (*По стенам опустелого дома...*).

Таким образом, лингвистика без культурных основ – карточный домик. Язык сам по себе является культурной силой (Малиновский).

Выводы. По первой проблеме. Тема конгресса выбрана своевременно, потому что разработка концепции региональной лингвистики позволит объяснить ряд закономерностей регионального языка и понять особенности региональной языковой личности, а также установить региональные ценности, лежащие в основе региональной культуры, описать коммуникативное пространство региона.

Вторая проблема. С точки зрения философии. Дом - это организующий центр мира в русской культуре.

Третья проблема. С позиций лингвокультурологи, анализ языка – это способ описания и существования культуры. Е. Бартминьский назвал "парадоксом взаимной зависимости", на самом деле ничего парадоксального здесь нет: язык не только описывает, но и создает культуру, т. к. лишь то, что имеет имя в языке, может войти в культуру народа.

Список использованных источников

- 1.** Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік. – М. : Беларусь, 2004. – 291 с.
- 2. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г.** Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Икар, 2000. – 97 с.
- 3. Касевич, В. Б.** Буддизм. Картина мира. Язык. / В. Б. Касевич. – СПб., 1996. – 274 с.
- 4. Срезневский, И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. / И. И. Срезневский. – СПб., 2014. 1851 с.

Теркулов Вячеслав Исаевич

Донецкий национальный университет,
Донецкая Народная Республика
e-mail: terkulov@rambler.ru

УДК 81'374

"СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ВОЙНЫ В ДОНБАССЕ": ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье рассмотрены лингвистические и лингвокультурологические особенности "Словаря языка войны в Донбассе". Автор даёт общую характеристику Словаря, описывает базовые принципы формирования словника Словаря, структурные типы единиц, вошедших в Словарь, и их отношение к единицам общенационального лексикона.

Ключевые слова: словарь, война, лексикон, просторечие, тематические группы, структурные типы.

Предлагаемая статья посвящена описанию лингвистических и лингвокультурологических особенностей "Словаря языка войны в Донбассе", создаваемого Группой по изучению донецкого просторечия при кафедре русского языка Донецкого национального университета (ДонНУ) совместно с Южным научным центром Российской академии наук (ЮНЦ РАН). Общее руководство проектом осуществляют со стороны ДонНУ проф. В. И. Теркулов, со стороны ЮНЦ РАН – старший научный сотрудник Лаборатории филологии Т. Ю. Власкина. Техническим секретарём проекта является ассистент кафедры русского языка ДонНУ В. С. Коробова-Латынцева. Данный словарь входит, наряду со "Словарём донецкого региолекта", "Ассоциативным словарём дончанина", "Словарём неофициальных урбанонимов г. Донецка" и "Словарём шахтёрского сленга Донбасса", в комплекс разрабатываемых Группой словарей донецкого просторечия.

Словарь языка войны можно назвать относительно новым лексикографическим жанром: в нём собираются те слова и выражения, которые отражают особенности, ход и восприятие боевых действий участниками и жертвами войны, общественностью, литераторами и т. д.

Наиболее известным и фундаментальным воплощением идеи лексикографирования лексикона войны стала начавшаяся в 2006 г. совместная акция Берлинского издательства "Merve" и Московского издательства "Логос" "Словарь войны". Формат данного словаря несколько необычен: это представленные на специализированном сайте "Словарь войны" [3] тексты сообщений представителей различных профессий и отраслей – журналистов, писателей, психологов, историков и т. д. – о "концептах войны", сделанные во время "сессий" конференций "Словарь войны" в городах Герма-

нии, Сербии, Австрии, Италии, Тайваня, России. Как отмечают организаторы, каждый участник акции "собой воплощает то, о чем говорит, каждый выбирает своё слово-концепт для Словаря войны, чтобы сделать высказывание. У каждого – своя война, но свидетельство каждого помогает самоартикуляции гражданского общества в целом. Ведь в этих высказываниях общество смотрит в ту сторону, куда обычно боится смотреть, передавая эти полномочия государству и военным" [3]. Например, немецкий историк литературы, теоретик электронных медиа Фридрих Адольф Киттлер дал во время одной из сессий лингвокультурное описание концепта "Блицкриг", российский военный обозреватель Вячеслав Измайлов представил концепт "Война: освобождение пленных" и т. д.

Особую значимость приобретают Словари войны, посвящённые лексиконам локальных конфликтов. Таким, например, является созданный учебной системой StoryboardThat "Словарь Войны во Вьетнаме", в котором представлены концепты вьетнамской войны, например "Подсчет убитых – это количество вражеских солдат, убитых в бою или операции. Во время войны во Вьетнаме американские военные часто использовали подсчет трупов как показатель успеха в той или иной миссии" [4].

Словарь локального конфликта, представляя в первую очередь просторечную, разговорную, "неофициальную" лексику, связанную с восприятием войны её непосредственными участниками, как военными, так и гражданскими – жителями районов боевых действий, зачастую позволяет пролить свет на "атмосферу", события войны, описывает концепты, которые становятся "точкой обсуждения информационной войны" и получают разную интерпретацию сторонами конфликта. В сети, например, относительно войны в Донбассе последнее время очень часто появляются сообщения сторонников киевской власти о том, что "на Украине нацизма нет", "Донбасс сам себя бомбил", "Войны в Донбассе не было – там все живут в мире" и т. д. Собранные в Словаре языка войны в Донбассе материалы показывают обратное: наибольшие словарные блоки – синонимические и полевые – представляют лексику, связанную с обозначением обстрелов и звуков обстрелов, украинских военных как националистов и т. д.

Процесс создания Словаря войны базируется на новых теоретических основаниях словарной работы. Как отмечает Л. П. Колоколова, "современный уровень лингвистических знаний позволяет рассматривать вопросы систематизации лексики с новых позиций – с точки зрения концептуализации и обобщения ментального опыта и упаковки информации в памяти человека с помощью лексических средств" [2, с. 54]. Иначе говоря, к современному словарю предъявляются новые требования: он уже не может быть простым перечнем слов с толкованиями значений, в нём, особенно если говорить о Словаре войны, важна лингвокультурная трактовка обозначаемых реалий, которая зачастую полностью заменяет простое толкование значения, особенно в приложении к синлексам, коллокациям, фразе-

мам и паремиям. Например, в "Словаре языка войны в Донбассе" для выражения *К бабушке в гости* даётся полностью лингвокультурологическое описание: "В июле 2014 г. представитель Госдепа США Мари Харф заявила, что 110 тыс. людей, пересёкших Российскую границу, по данным верховного комиссара ООН, возможно "поехали навестить своих бабушек, а потом вернулись обратно". Эта фраза стала популярной в российско-украинском дискурсе. В частности, политолог А. Мухин, комментируя заявление Госдепа, сказал: "Зато у России появляется железобетонное оправдание присутствия на Украине российских добровольцев – они все тоже поехали к своим бабушкам!": *Сегодня в Майском замечена колонна БТР. Так же много военной техники сегодня можно было встретить по всему белгородскому району. к бабушке, в гости* (Северный ветер, Горловский Гагарин URL: <https://twitter.com/EFn6oSqE2WMu0CZ/status/1451579307164409871> – 24.10.2021).

На данный момент обработано более тысячи единиц, которые были отобраны путём сплошной выборки из двух источников. Во-первых, это материалы полевых исследований, которые проводились группой под руководством Н. Ю. Власкиной, включавшей представителей ЮНЦ РАН и преподавателей и студентов ДонНУ. Во-вторых, это данные интернет-форумов, постов в Твиттере, блогов в Телеграм, материалов СМИ, сообщений в группах в социальных сетях и т. д. В последнем случае в первую очередь использовались материалы групп социальной сети "В контакте", в которых происходило актуальное на время написания сообщений обсуждение ситуации в городах Донбасса" ГО Группа оповещения. Новороссия. ДНР. ЛНР", "Самооборона Горловки. Переключка", "В Макеевке – Донецк | ДНР | Сводки с фронта" и др.

Обращение именно к этим источникам обусловлено необходимостью показать употребление описываемых единиц в живой стихии спонтанной речи, их "естественность" для носителей языка.

Для определения устойчивости употребления, а также его лингвокультурных особенностей в качестве примеров даются, там, где это возможно, три контекста, связанные с тремя периодами войны: 2014 – начало 2015 гг. – период активных боевых действий, 2015–2020 гг. – период позиционной войны и регулярных обстрелов, в основном, окраин населённых пунктов Донбасса, 2021–2022 гг. – нагнетание напряжённости и возобновление активных боевых действий. Например, *Авиаудар, -а*, м. Поражение авиабомбами с летательных аппаратов наземных и морских целей. Прямые обозначения авиаударов отмечаются для 2014 года. С 2015 г. авиация в Донбассе не применялась, что связывают с удачными действиями войск ПВО республик и последующими Минскими договорённостями. В текстах 2015 г. и более поздних слово *авиаудар* употребляется в наибольшей мере либо в воспоминаниях о 2014 г., либо при описании акций памяти о жертвах авиабомбардировок: *В тот день в Кондрашовке Луганской области хоронили*

жертв авиаудара украинских ВВС – пятилетнего Ваню и его отца Владимира (ВК: В Макеевке – Донецк | ДНР | Сводки с фронта, 27.11.2014). *Траурный митинг по случаю четвертой годовщины трагедии в Снежном, когда под авиаударами ВСУ погибли 12 мирных жителей, собрал сегодня до полутысячи жителей города* (ВК: Донецк | Переключка, 16.06.18). *Да, помню тот день. Тогда от авиаудара у меня аж шторы на окнах ходуном зашатались* (Твиттер: Алексей Толстый, URL: <https://twitter.com/AlexeyNemo/status/1424711057981968385> – 10.08.2021).

Выделяются следующие структурные типы единиц "Словаря языка войны в Донбассе":

1) слова, например *Греметь, -млю, -ишь*, нсв. "Производить стрельбу/обстрелы из различного вида вооружения";

2) коллокации, то есть устойчивые словосочетания, значения которых выводятся из значений составляющих их слов, например *Ущерб от обстрелов*. Обобщённое выражение для обозначения потерь мирного населения;

3) синлексы, то есть дискретные наименования, имеющие "цельное" словное значение, не выводимое из значений составляющих их слов, например *Тревожная сумка*, ж. "Базовый набор вещей для выживания в экстремальных ситуациях до прибытия спасателей или до безопасной эвакуации из зоны чрезвычайной ситуации";

4) фразеологизмы, например *Вышиванка головного мозга* – устойчивое выражение, обозначающее отсутствие логики, упрямство и крайнюю степень увлечённости националистическими идеями;

5) паремии, то есть пословицы и поговорки, например *Главное – остаться человеком*.

Для единиц, входящих в "Словарь языка войны в Донбассе", по отношению к единицам общенационального лексикона обнаруживаются следующие базовые группы:

1) единицы общенационального лексикона, сохраняющие своё значение, например коллокация *Жертвы обстрела*. "Люди, пострадавшие от обстрелов", *ГРАДы, -ов*, мн. "Советская и российская реактивная система залпового огня калибром 122 мм. ";

2) военные сленгизмы, например *Двухсотый, -ого*, м. "Убитый, погибший", *Броник, -а*, м. "Бронежилет";

3) единицы общенационального фонда со специализированным, "смещённым" значением, например *Вибрация, -и*, ж. "Дрожание земли, зданий, окон от разрывов снарядов"; *Бомбить, -блю, -бишь*, нсв., кого (что). "Производить артиллерийский обстрел"; в словарях русского языка это слово толкуется исключительно для обозначения авиабомбардировок, см., например в Словаре Ожегова: *БОМБИТЬ, -блю, -бишь*; несовер., кого (что). "Атаковать с воздуха, сбрасывая бомбы";

4) образные номинации, например **Вжик**, *-а*, м. "То же, что *беспилотник*": по имени героя мультфильма "Чип и Дейл спешат на помощь" – мухи Вжик;

5) дериваты, например, **Взэушник**, *-а*, м. "Военнослужащий ВСУ", **Двухсётить**, нсв. "Убивать", **Минусовать**, нсв. "Стрелять"от нас"".

Помимо словарной части в словаре предполагаются и другие лингвистические и лингвокультурные разделы.

1. Принципы сбора материала, в котором излагаются основные принципы отбора и обработки материала, частично представленные в предлагаемой статье.

2. Перечень тематических групп слов языка войны с лингвокультурными комментариями (см. образец описания тематической группы "обстрел" в [1]). Например, для тематической группы "обстрел" нами обнаруживаются номинации *арта*, *артобстрел*, *бомбёжка*, *будильник*, *веселье*, *весёлый вечер*, *весёлый вечерок*, *вечер*, *взрывы*, *выстрел*, *грады*, *гроза*, *грозовой фронт*, *донецкое утро*, *доброе утро*, *дружественный огонь*, *залпы*, *замес*, *канонада*, *минуса*, *плюсы*, *обстрелы*, *пальба*, *расстрел*, *салют*, *серия*, *стрельба*, *утро*, *утро не доброе*, *утренняя зарядка* и др.

3. Список населённых пунктов, находящихся в зоне боевых действий.

4. Библиографическая сводка.

Словарь языка локальной войны, как уже было сказано, является новым лексикографическим жанром. В предложенной статье даются только общие принципы лингвистического и лингвокультурного описания в нём. Как нам представляется, его издание может стать толчком для разработки принципов исследования и описания лексикона войны.

Список использованных источников

1. Власкина Т. Ю. "Обстрел" в тезаурусе по повседневности современного Донбасса / Т. Ю. Власкина // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17–18 ноября 2020 г.). – Том 4: Филологические науки. Культура и искусство / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 22–25.

2. Колоколова, Л. П. Функционально-когнитивный словарь – новый тип идеографического словаря / Л. П. Колоколова // Филология и человек. – 2013. – № 1. – С. 53–64.

3. Словарь войны: международный проект. – URL: <http://www.slowar.tv>. (дата обращения: 04.04.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

4. Словарь войны во Вьетнаме. – URL: <https://www.storyboardthat.com/ru/lesson-plans/Вьетнамскаявойна/словарь>. (дата обращения: 04.04.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

Любимова Марианна Викторовна

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского, Россия
e-mail: lbmv73@gmail.com*

УДК 304. 2

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РУССКИХ ТРАДИЦИЙ ДОМОСТРОЕНИЯ

В статье отражена география и роль волонтерского движения "Том Сойер фест" в решении проблем сохранения объектов культурного наследия и ценной исторической среды. Показаны объекты деятельности, а также предпосылки и характерные черты волонтерского движения в Нижнем Новгороде. Подчеркнуты текущие проблемы сохранения объектов культурного наследия русских традиций домостроения.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, заповедный квартал, фестиваль восстановления исторической среды, взаимодействие "общество – бизнес – власть".

В России тысячи объектов культурного наследия и еще тысячи зданий исторической застройки, не включенных в их единый реестр. Многие собственники и пользователи этих зданий даже при желании сохранить их исторический вид не имеют достаточных для этого уровня навыков и финансовых ресурсов. В то же время в обществе сформирован устойчивый запрос на сохранение такой застройки. Мостиком между собственниками и пользователями исторических зданий и волонтерами, готовыми к соучастию в судьбе этих домов, стал фестиваль "Том Сойер Фест".

Фестиваль родился в Самаре в 2015 году для сохранения и восстановления исторической городской среды силами волонтеров и спонсоров. Автор идеи фестиваля – Андрей Кочетков, а его название в честь персонажа романов Марка Твена, организовавшего покраску забора, придумал математик Андрей Чернов. В рамках фестиваля волонтеры приводят в порядок старинные здания, возвращая их в городскую среду обновленными, при этом особое внимание уделяется деревянному зодчеству. Первыми объектами "Том Сойер Феста" стали фасады трех самарских домов.

Уже в 2016 году "Том Сойер Фест" был упомянут в докладе ЮНЕСКО на конференции ООН Habitat III, посвященной жилищному строительству и устойчивому развитию городов, как пример эффективного "мягкого обновления". В том же году фестиваль получил грант, на средства которого была проведена "Школа Том Сойер Феста" и выпущено методическое пособие. В 2018 году фестиваль выиграл грант Президента России на развитие гражданского общества.

В 2016 году к Самаре присоединились Бузулук и Казань, в 2017 году инициативу подхватили 11 городов. В 2018 году в фестивальное движение включились 26 городов и одно село, в 2019 году – 39 городов и сел России, включая город Лабытнанги за Полярным кругом, а также киргизский город Каракол. В 2020 фестиваль еще больше расширил свою географию, и в 2021 году в Нижнем Новгороде состоялся Первый Всероссийский съезд координаторов "Том Сойер Фест" [9].

Фестиваль "Том Сойер Фест – Нижний Новгород" стартовал в 2018 году вскоре по окончании Чемпионата мира по футболу FIFA. Для фестиваля были выбраны дома в квартале церкви Трех Святителей, ограниченном улицами Новая – Короленко – Славянская – Студеная. В этом районе сохранилось множество объектов деревянного зодчества XIX – начала XX века. Более того, он находится в границах территории "Старый Нижний Новгород" между двумя основными магистралями – улицей Белинского и улицей Горького [2]. При этом он тихий и зеленый.

Церковь Трех Святителей была построена на пересечении улиц Славянская (бывшая Немецкая) и Короленко (бывшая Канатная) в 1860 году по проекту Николая Ивановича Ужумедского-Грицевича. Внутри здания полы были выстланы белым камнем, поставлены три резных иконостаса, своды расписаны фресками, а стены затянуты холстами с ликами святых. Семь колоколов на колокольне радовали жителей своим звоном. В 1930 году церковь была закрыта и приспособлена под жилье, завершения храма и колокольни были снесены, а интерьер утрачен (сохранился лишь плиточный пол и отдельные фрагменты росписи). Судьба икон и другой церковной утвари неизвестна. Видимо, они были уничтожены, а колокола отправлены на переплавку. Внутри храма при перепланировке под квартиры появились междуэтажное перекрытие и новые световые проемы в верхней части стен [12].

В 1998 году на средства Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря началась реставрация храма, которая придала ему статус архитектурной и градостроительной доминанты района. В наши дни церковь Трех Святителей – одна из немногих, оставшихся в городе с середины XIX века как пример небольшого приходского храма.

Выбранный для благоустройства квартал интересен разнообразием архитектурных стилей. С середины XIX века здесь селились представители разных слоев общества: отставные солдаты, выкупившиеся из крепостной зависимости крестьяне, представители интеллигенции: инженеры, архитекторы, разночинцы, поэтому в постройках читаются эклектика (дома №№ 4, 4-а и 4-б по улице Славянская, усадьба архитектора Владимира Лемке на улице Короленко), классицизм (угловой дом № 48 по улице Студеная), модерн и даже готика. Характерен и народный стиль, который угадывается по резьбе наличников на домах. Большинство домов в районе

церкви получили статус объектов культурного наследия и теоретически им уже не угрожает снос.

Кроме того, квартал церкви Трех Святителей связан с именами писателей Владимира Короленко, Максима Горького и других литераторов и краеведов рубежа XIX-XX веков, а также творческой интеллигенции советского периода.

В 2018 году в рамках фестиваля за август-сентябрь был отремонтирован двухэтажный "Дом Авдотьи Скворцовой" по улице Короленко, 18, построенный в 1891 году. Дом А. Скворцовой был предоставлен для размещения оперативного штаба команды фестиваля, в 2020 году он поступил в областную собственность. Команда "Том Сойер фест – Нижний Новгород" сформировалась за первый сезон из людей с различными компетенциями, пусть с противоположными политическими взглядами, но активных и неравнодушных, разделяющих ценности фестиваля и готовых заниматься волонтерской деятельностью [5]. В памяти части участников команды (Нина Ершова, Олег Антонов) были и первоначальные шаги по сохранению Церкви трех святителей в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в составе общественного движения "добровольных помощников реставраторов" под руководством Валентины Петровны Бузмаковой, когда из жилого помещения к храму стало возвращаться исконное предназначение.

С 2008 года в Нижнем Новгороде работает общественная организация "Институт изучения города", она с энтузиазмом поддержала фестивальное движение организационно. В 2019 году в городе была зарегистрирована АНО "Центр сохранения и развития исторической среды "Заповедные кварталы" (руководитель – Нина Владимировна Ершова) и были приведены в порядок три дома: на улице Новая, 20 и 22-а и улице Короленко, 16; в 2020 году два дома: на улице Новая, 20-а и улице Новая, 22 [7]. Деньги на ремонт домов собирались вначале "всем миром", включая planeta.ru. Кстати, наличник дома по улице Новой, 22а стал в 2019 году экспонатом Нижегородской области на Петербургском экономическом форуме как символ бережного отношения к историко-культурному наследию России. В 2019 – 2021 гг. фестиваль получил грантовую поддержку "Команды 800" - проектного офиса по подготовке юбилея г. Нижнего Новгорода. Вначале – для проведения в отремонтированном доме А. Скворцовой выставки находок "Встреча историй", затем – под текущий ремонт объекта культурного наследия регионального значения – главного дома усадьбы В. М. Лемке, а также для проведения культурной программы "Возрождение заповедных кварталов" [4] [20]. В 2021 еще четыре деревянных многоквартирных дома-памятника в заповедном квартале дождались ремонта фасада и кровли – за счет Фонда капитального ремонта [14].

Но на конструктивную работу и взаимодействие в Правительством Нижегородской области по сохранению исторической среды общественникам удалось выйти далеко не сразу. Это скорее логичное вознаграждение

кропотливой деятельности и выступлений в публичной плоскости: с одной стороны – пикеты, статьи, "вопрос президенту" [3], креативные сессии, . . . наконец, масштабный круглый стол "Деревянный Нижний: у точки невозврата", где архитекторы, искусствоведы и представители власти из разных городов России обсуждали историческую значимость, культурную ценность памятников деревянной архитектуры – в ноябре 2017 г. в Центре современного искусства "Арсенал" [16]. Через полгода в Литературном музее им. А. М. Горького состоялось учредительное собрание общественного движения "Деревянные города", обозначились его цели и задачи [17], [18]. За институционализацией последовала акция "Народная консервация" [13]. За 2018 год остановлен снос ценной исторической застройки, отменён ряд аукционов по развитию застроенных территорий, в частности в районе улицы Короленко. Администрация области выявила 39 объектов культурного наследия по заявкам общественности. Ровно через год после "точки невозврата" круглый стол повторился, и стало ясно, что положительные сдвиги имеют место быть [19].

К 2022 году в городе достигнуто много. Отремонтировано множество исторических объектов, в ряде случаев на "5", изменилось отношение самих жителей к их домам. Исторический квартал Церкви трех святителей стал туристическим притяжением, в нем появились сады, которые наполнились культурной жизнью. Образовано Агентство по сохранению исторической среды (АСИРИС), представляющее собой общественно-государственное партнерство [6], [10].

Но даже юбилей города не смог создать иммунитет заповедному кварталу. Именно в юбилейный дни предприниматель, получивший разрешение на расселение нескольких исторических домов еще в 2014 году, начал демонтаж на центральном перекрестке, чтобы осуществить проект по возведению трех домов "под старину". Ни на какие договоренности и общие стратегии с общественниками он не пошел, заручившись историко-культурной экспертизой, что дома не являются памятниками. . . Проблемы периодически дают о себе знать с большей или меньшей остротой: и незаконный снос исторических зданий, и "безжалостная" реставрация исторических балконов, дверей и зданий в целом, снос под видом переноса здания, возведение нового здания под видом исторического, угрожающе далекие сроки планового капитального ремонта – как дом, где родился писатель П. И. Мельников-Печерский. После зимы и сброса снега гнутся ограждения, образуется много пыли на стенах и наличниках - очевидно, требуются новые технологии по поддержанию в чистоте и хорошем состоянии фасады исторических зданий. Да и просто регулярно следить за чистотой – тоже иногда проблема [11].

Как показывает наш опыт, культурные проекты – понятный язык взаимодействия "общество – бизнес – власть". Здесь есть куда двигаться. Широко популяризировать знание законодательства в сфере культурного

наследия [1], артикулировать его принципы и значимость, демонстрировать бережное отношение к наследию – без этих кирпичиков не получится сохранить исторические объекты и встроить их в современную жизнь. Фестиваль восстановления исторической среды придает вдохновения искать бережные пути развития.

"В Нижнем Новгороде реализован пока единственный в России опыт создания межведомственной комиссии по защите ценной градостроительной среды. Ее возглавляет министр градостроительной деятельности и развития агломераций Нижегородской области Марина Ракова. Сейчас в России, если дом не является ОКН, его сносят. Так, в городах было уничтожено множество исторических зданий, а иногда и целых кварталов. Комиссия исследует здание перед сносом и может дать рекомендации: не сносить, сносить, но снять ценные элементы или сносить с возможностью воссоздания по чертежам", - рассказывает лидер "Том Соьер фест – Нижний Новгород", эксперт Министерства культуры РФ кандидат исторических наук Анна Давыдова. Она также отмечает важность заключенного правительством 19 мая 2021 года инвестиционного контракта. "Министр земельных и имущественных отношений Сергей Баринов заключил уникальный в стране инвестконтракт. Инвестору, занимающемуся сохранением объекта культурного наследия, будет предоставляется земля под строительство, к примеру, многоквартирного дома. Разработана нормативно-правовая база. Такого тоже еще не было" [8].

Список использованных источников

1. Закон РФ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ
2. Решение Нижегородского областного Совета народных депутатов от 30.11.1993 № 370-м "Об установлении границ исторических территорий г. Нижнего Новгорода"
3. Активисты ОНФ проконтролируют ход реставрации дома купца Смирнова в Нижнем Новгороде // Общероссийский народный фронт. 14. 04. 17. URL: <https://onf.ru/2017/04/14/aktivisty-onf-prokontroliruyut-hod-restavracii-doma-kupca-smirnova-v-nizhnem-novgorode/>
4. В Нижнем Новгороде открылась уникальная выставка "Встреча историй" 4.10.19 // ГТРК "Нижний Новгород" URL: https://vestinn.ru/news/society/132140/?fbclid=IwAR3R-tc7VfIOzR1bXkTSb2nWPITWCWr_b9lxjGoYtS5yDTaJ-L-gTuDsn2g

5. Давыдова А. А., Любимова М. В., Попов С. В. Фестивали, инициируемые общественниками: управленческие успехи и промахи // XIX Международная конференция. История управленческой мысли и бизнеса. Управленческий труд и роли менеджеров: прошлое, настоящее, будущее: Материалы конференции 21–22 сентября 2018 г. / Под науч. ред. В. И. Маршева. – М. : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. – 256 с. – С. 98; URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=52075&p=attachment>

6. Два исторических квартала восстановят в центре Нижнего Новгорода // Недвижимость. РИА Новости. 23.04.2021. URL: <https://realty.ria.ru/20210423/nizhniy-1729667714.html>

7. Деревянная архитектура Нижнего Новгорода // Телекомпания "Образ". URL: <https://www.youtube.com/watch?v=56fkDmn-BYs>

8. Звонкова С. "Мы говорим о планомерной работе по сохранению культурного наследия", - Анна Давыдова // НИА "Нижний Новгород". 26.05.21. URL: https://www.niann.ru/?id=565589&query_id=1671823

9. Звонкова С. "Нижегородская область демонстрирует чудеса нового подхода к менеджменту исторического наследия", - Елена Лагодина // НИА "Нижний Новгород". 31.05.21. URL: https://www.niann.ru/?id=565807&query_id=1671823

10. Звонкова С. Экскурсии станут водить в самый старый деревянный дом Нижнего Новгорода //НИА "Нижний Новгород" 25.10.2021 URL: <https://www.niann.ru/?id=571339>

11. Левкина С. Хоть строй, хоть падай. Старинный дом на Черниговской набережной уничтожили для строительства жилой многоэтажки // Нижегородская правда. 13.01.22 URL: <https://pravda-nn.ru/articles/starinnyj-dom-na-chernigovskoj-naberezhnoj-unichtozhili-dlya-stroitelstva-zhiloj-mnogoetazhki/>

12. Любимый город. Нижнему Новгороду 800 лет / авторы идеи и сост. Н. И. Антипова, Е. С. Борматова. - Нижний Новгород: ООО ИРА "СтройЭксперт". - 2021, 288 с.

13. Народная консервация исторического центра Нижнего // Репортер-НН. URL: <https://reporter-nn.ru/фоторепортажи/271/>

14. Носырева М. Балкон в доме Максима Горького восстановили к 800-летию Нижнего Новгорода // ГИПЕР-НН. 30.07.21 URL: <https://www.giper-nn.ru/zhurnal/remont/novosti/balkon-v-dome-maksima-gorkogo-vosstanovili-k-800-letiyu-nizhnego-novgoroda>

15. Реставрация домов в исторических кварталах Нижнего Новгорода продлится до 2024 года 28.06.21. URL: <https://www.redeveloper.ru/news/restavratsiya-domov-v-istoricheskikh-kvartalakh-nizhnego-novgoroda-prodlitsya-do-2024-goda.htm>

16. Светланава Д. Деревянный Нижний: у точки невозврата // День города. 29.11.2017 <http://dengoroda-nn.ru/derevyannyj-nizhnij-u-tochki-nevozvrata>

17. Серебрякова Ю. "Мы хотим создать некую коалицию, чтобы начать работать единым фронтом в части сохранения ОКН", - Анна Давыдова // НИА "Нижний Новгород". 10.05.18. URL: <https://www.niann.ru/?id=524495>

18. Серебрякова Ю. Нижегородские градозащитники и активисты объединились в движение "Деревянные города" // НИА "Нижний Новгород" 16.05.18. URL: <https://www.niann.ru/?id=524691>

19. Снегирева О. "Деревянный Нижний". Как сохранить старый город? // Нижегородская правда. 2.11.2018. URL: <https://pravda-nn.ru/news/derevyannyj-nizhnij-kak-sohranit-staryj-gorod/>

20. "Том Сойер Фест НН" начал ремонт главного дома усадьбы архитектора Владимира Лемке // НИА "Нижний Новгород" 06.10.20. URL: <https://www.niann.ru/?id=557718>.

Станкевіч Алёксандра Алёксандраўна

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны,
Рэспубліка Беларусь
e-mail: stankevich_gomel@mail.ru

УДК 811. 161. 3'373:811. 161. 1'373:398. 91

СЛОЎНА-ВОБРАЗНАЯ ВЕРБАЛІЗАЦЫЯ ЗМЕСТУ Ё ПРАВЕРБІЯЛЬНЫХ ВЫРАЗАХ БЕЛАРУСКАЙ І РУСКАЙ МОЎ

В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ словесно-образной вербализации содержания паремийного дискурса в белорусском и русском языках. При этом в качестве важнейших языковых средств создания изобразительной выразительности пословичного фонда рассматриваются сравнение, иносказание и антитеза, анализируются их виды, определяется функционально-стилистический потенциал.

Ключевые слова: паремии, пословицы и поговорки, провербиальные выражения, народные афоризмы, компаративные обороты, иносказание, метафоризация, антитеза.

Вусная народна-паэтычная творчасць з'яўляецца важнейшай часткай духоўнай культуры, у якой яскрава адлюстраваліся нацыянальная свядомасць і менталітэт, народная мудрасць і жыццёвы вопыт, маральна-этычныя і эстэтычныя погляды этнасу. Прыкметнае месца ў агульнай сістэме фальклорных твораў займаюць прыказкі і прымаўкі. Даследчыкі вуснай народна-паэтычнай творчасці адносяць правербіяльныя выразы да самых дасканалых як па форме, так і па змесце малых фальклорных жанраў: "Амаль усе прыказкі <...> вылучаюцца такімі асаблівасцямі, як сцісласць, выразнасць, поўная або частковая вобразнасць, высокія мастацкія якасці" [5, с. 3]. "Прыказка вызначаецца завершанасцю і лаканічнасцю формы, яскравай метафарычнасцю, рытмічнасцю мовы, разнастайнасцю сродкаў мастацкай выразнасці" [8, с. 282].

Параўнальнае вывучэнне лінгвапрагматычных, кагнітыўна-дыдактычных і аксіялагічных асаблівасцей правербіяльных выказаў ва ўсходнеславянскіх мовах дазваляе вызначыць тыпалагічныя рысы агульнай гістарычнай спадчыны блізкароднасных народаў, падобныя і адметныя накірункі развіцця іх духоўнай культуры.

Слоўна-вобразная форма адлюстравання аб'ектыўнай рэчаіснасці ў парэміях прадугледжвае выкарыстанне разнастайных моўных спосабаў стварэння выяўленчай выразнасці.

Даволі прыкметнае месца ў сістэме слоўна-вобразных сродкаў парэмій як беларускай, так і рускай мовы займаюць параўнальныя звароты.

Параўнанні ў парэміях вобразна характарызуюць прыродны свет: "Вясна – маці, а лета – бацька" [6, с. 77] / "Солнце – князь земли, луна –

княжна" [2]; сацыяльныя стасункі: "Чалавек без друга, што яда без солі" [6, с. 381] / "Худой мир лучше доброй ссоры" [9, с. 86]; сямейныя адносіны: "Жывуць, як аднае маткі дзеці" [1, с. 66] / "В людях – ангел, не жена, дома с 9 мужем – сатана" [9, с. 94]; фізічны стан чалавека: "Мой хвор мужычок, да красён, як бурачок; а я здарова, да жоўта, як маркова" [7, с. 71] / "Здоровье дороже богатства" [2]; маўленне: "Распусціў язык, як фурманскі біч" [1 с. 313] / "Сказал, что узлом завязал" [9, с. 127]; характар: "Голы, як біч, востры, як меч" [6, с. 408] / "Злая жена – та же змея" [9, с. 94]; а таксама адцягненыя з'явы: "Добрая слава лепш за багацце" [6, с. 370] / "Чужая душа, что темный лес" [9, 63].

У параўнальных зваротах выдзяляюцца тры кампаненты – суб'ект, аб'ект параўнання і модуль – прыкмета, паводле якой адбываецца супастаўленне. Адметнай асаблівасцю многіх народных афарызмаў як у беларускай, так і ў рускай мове з'яўляецца ўключэнне модуля ў структуру парэміі – расшыфроўка прыкметы супастаўлення, што павышае яго выяўленчую выразнасць: "Бяда як дуда: станеш дуць, слёзы самі йдуць" [6, с. 444]; "Мачыха – як зімовае сонца: свеціць, ды не грэе" [1, с. 124]; "Зямля – талерка: што пакладзеш, тое і возьмеш [1, с. 82] / "Мужик женатый, как пан богатый: в головах подушка, на руке подружка" [9 с., 91]; "Дружба, что стекло, сломаешь – не почишишь" [6, с. 85]; "На посуле, что на стуле: посидишь да и встанешь" [3 с. 520].

Кампаратывныя звароты ў беларуска-рускай правербіяльнай прасторы надзвычай разнастайныя і па сваёй структуры. У злучнікавых параўнаннях выкарыстоўваюцца злучнікі як (рус. как): "Кінуў слаўцом, як пярком" [1, с. 154]; "Родная зямелька, як зморанаму пасцелька" [6, с. 287] / "Живут, как кошка с собакой" [9, с. 94]; "Дрожит, как осиновый лист" [9, с. 75]; што(рус. что): "Без гаспадынькі хата, што дзень без сонца" [7, с. 68]; "Благі чалавек – што вуголле: або апячэ, або абмарае" [1, с. 274] / "Взглянет, что огнем опалит, а слово молвит – рублем подкупит" [9, с. 55]; "С любимой целоваться, что медом упиваться" [9, с. 83]; бы, быццам, нібы (рус. будто): "Бы сыр у масле качаецца" [1, с. 360]; "Быццам хто языком злізаў" [1, с. 369]; "Майская травіца, нібы маладая дзявіца" [6, с. 81] / "На помин, будто сноп на овин" [3 с. 387].

У складзе беларускіх і рускіх народных афарызмаў выдзяляюцца кампаратывныя звароты, выражаныя ступенню параўнання прыметнікаў, лаканічныя па форме і выразныя па змесце, якія ўзмацняюць характарыстыку адметных якасцей суб'екта параўнання: "Блізкі сусед лепш дальняй радні" [6, с. 386]; "Сваё хазяйства мілей чужога царства" [6, с. 185] / "Правда чышце ясного солнца" [2]; "Верный друг лучше сотни слуг" [9, с. 84].

У парэміях беларускай і рускай моў сустракаюцца таксама бяззлучнікавыя параўнанні ў форме назоўнага склону, у якіх лаканічна і экспрэсіўна, праз супастаўленне з вобразамі чалавека або канкрэтных

прадметаў, характарызуюцца прыродныя з'явы, пэўныя рэаліі, абстрактныя паняцці: "Ноч – маці, дзень – мачаха, вечар – залоўка, раница – ятроўка" [6, с. 91]; "Увосень і грач – багач" [6, с. 88] / "Іюль – макушка лета, декабрь – шапка зimy" [9, с. 145]; "Дон с Донцом – сын с отцом" [9, с. 145].

У складзе беларускіх і рускіх парэмійных выказаў выкарыстоўваюцца і адмоўныя параўнанні, якія супрацьпастаўляюць суб'екты параўнання з пэўнымі прадметамі і рэаліямі і ўключаюць модуль у выглядзе каментарыя, які дае адказ, чаму гэта не тое, што абазначана ў якасці аб'екта параўнання, штосаздзейнічае стварэнню кантрасту і выразнасці апісваемых вобразаў: "Абед не заяц, не ўцячэ" [6, с. 259]; "Сваё дзіця не кацяня – за плот не выкінеш" [1, с. 131]; "Праўда – не скварка, з кашаю не з'ясі" [1, с. 156] / "Жена не рукавица, с руки не сбросишь" [2]; "Ремесло – не коромысло, плеч не оттянет" [2]; "Банька не нянька, а хоть кого ублажит" [3, с. 377].

Не меншую значнасць у слоўна-вобразнай вербалізацыі зместу правербіальных выказаў парэмійных фондаў беларускай і рускай моў адыгрывае іншасказанне, калі пэўнае назіранне, сентэнцыя або павучанне выражаюцца ў пераносным сэнсе. У аснову метафарычнага мадэлявання прыказкавага зместу многіх правербіальных выказаў як беларускай, так і рускай мовы пакладзена персаніфікацыя, калі фізічная, фізіялагічная або псіхічная, разумовая, маўленчая дзейнасць чалавека прыпісваецца з'явам прыроды ці адцягненым паняццям: "Ліпень косіць і жне, доўга спаць не дае" [6, с. 83]; "Улетку кожны кусцік начываць пусціць" [6, с. 86]; "Прыйшоў недастатак, забраў астатак" [6, с. 407] / "Прыдет осень, за всё спросит" [3, с. 267]; "Добрая слава лежит, а худая бежит" [3, с. 105]; "Матушка рожь кормит всех сплошь, а пиеничка – по выбору" [3, с. 474].

Іншасказанне ў парэміях можа выражацца праз метафарызацыю, заснаваную на падабенстве прадметаў і з'яў аб'ектыўнай рэчаіснасці – рэалій прыроднага свету, прадметаў паўсядзённага або гаспадарчага побыту чалавека. У такіх парэміях як беларускага, так і рускага прыказкавага фонду, выкарыстоўваюцца зааморфныя метафары: "Воўк не пастух, а свіння не агароднік" [6, с. 63]; "І заяц мае дамоўку, хоць пад кустом" [6, с. 210]; "Кабыла з ваўком цягалася – хвост ды грыўка асталася" [6, с. 354] / "Два медведя в одной берлоге не живут" [3с. 383]; "Заставили козла огород стеречь" [9, с. 48]; "Мышь копны не боится" [3, с. 441]; арнітаморфныя: "Папер'і птушку ўзнаюць" [6, с. 65]; "Салавей пье, да хлеба не дае" [6, с. 67] / "Старого воробья на мякине не проведешь" [3, с. 397]; "Пуганая ворона и куста боится" [3, с. 433]; фітаморфныя: "Усяка сасна ў сваім бару гудзе" [6, с. 290]; "Які куст, такі і адростак" [4, с. 596] / "Нет розы без шипов" [3, с. 474]; "Это еще цветочки, а ягодки впереди" [3, с. 506]; арэчаўленне: "Каму долата, а каму золата" [6, с. 428]; "Змяняў шыла на мыла" [6, с. 465] / "Битая посуда два века живет" [3, с. 42]; "Дома и стены помогают" [3, с. 107].

Слоўна-вобразная вербалізацыі прыказкавага зместу некаторых парэміі суправаджаецца іранічным падтэкстам, у якім прысутнічаюць алюзія, намёк: "Багат Цімошка: сабака да кошка" [6, с. 410]; "Лес на пажару не плача" [6, с. 69]; "Цалаваў каршун курачку да апошняга пёрушка" [6, с. 67] / "Одного рака смерть красит" [9, с. 62]; "Первый парень по деревне, а деревня в два двора" [9, с. 67]; "Не все сосны в лесу корабельные" [3, с. 485]; алагізмы: "Тады тое будзе, як на далоні валасы парастуць" [6, с. 92]; "Гэта будзе, калі рак свісне" [6, с. 92]; "Слепой сказал: посмотри" [3 с. 482].

Акрамя разгледжаных вышэй параўнання і іншасказання, важную ролю ў слоўна-вобразнай вербалізацыі прыказкавага зместу беларускіх і рускіх парэміі адыгрывае супрацьпастаўленне, кантраст, заснаваны на выкарыстанні антонімаў. Структура парэміі уключае антанімічныя лексічныя адзінкі, якія выражаюць канфліктныя паняцці і найчасцей выкарыстоўваюцца ў складзе антытэзы. Антонімы ў беларускіх і рускіх парэміях заснаваны на дамінантных семантычных апазіцыях, якія ўключаюць тэмпаральнае: "Днём раней засееш – тыднем раней зьбярэш" [1, с. 81]; "Не адкладвай на заўтра, што паспееш зрабіць сёння" [1, с. 90] / "Лето работает на зиму а зима на лето" [3, с. 434]; "День да ночь – и сутки прочь" [3, с. 409] або лакатыўнае супрацьпастаўленне: "Далей кінеш – бліжэй возьмеши" [4, с. 151]; "Высока лятаеш, ды нізка сядзеши" [1, с. 208] / "Куда конь с копытом, туда и рак с клешней" [3, с. 432]; "Где хозяин ходит, там земля родит" [3, с. 491]; кантрастную квантытатыўную: "Дзе больш прыходу, там больш расходу" [6, с. 478]; "Хто мала жадае, той многа мае" [6, с. 238] / "Чем дальше в лес, тем больше дров" [3, с. 385]; "Клади навоз густо, в амбаре не будет пусто" [3, с. 405] або кваліфікатыўную характарыстыку з'яў: "Харошае доўга помніцца, а дрэннае ніколі не забудзеши" [7, с. 428]; "Добрая слава лежит, а худая бежит" [3, с. 378].

Многія антанімічныя карэляцыі ў прыказках і прымаўках уключаюць назвы процілеглых дзеянняў: "Лёгка бярэцца, ды цяжка аддаецца" [6, с. 491]; "За што купіў, за тое і прадаў" [6, с. 467] / "Подальше положишь, поближе возьмешь" [2]; "Наперед не узнаешь, где найдешь, где потеряешь" [2]; называюць рознабаковыя супрацьлеглыя ўласцівасці: "Сыты галоднаму не кампаня" [6, с. 427]; "Пакуль бедны зайдзе, то багаты заедзе" [6, с. 420] / "У бабы волос долог, да ум короток" [3, с. 430]; "Старый старится, а молодой растет" [3, с. 439]; адзначаюць процілеглыя акалічнасці: "Еду ціха – са мною ліха, еду скоро – са мною гора" [1, с. 31]; "Лёгка кінуць, але цяжка падняць" [7, с. 485] / "Встанешь раньше, шагнешь дальше" [3, с. 473]; "Что дальше в лес, то больше дров" [3, с. 385]. У такой структурна-семантычнай дыферэнцыяцыі кантэкстуальнага супрацьпастаўлення пэўных фактаў і з'яў аб'ектыўнай

рэчаіснасці ў парэмійных выразах прымаюць удзел дзеяслоўныя, ад'ектыўныя і адвербіяльныя найменні.

Антанімічныя апазіцыі ў парадыгме народных афарызмаў беларускай і рускай моў дазваляюць лагічна выдзеліць і падкрэсліць процілеглыя з'явы і паняцці, перадаць іх палярызаванасць, супрацьпастаўленне, узаемнае адмаўленне, размеркавальныя адносіны пры характарыстыцы пэўных фактаў аб'ектыўнай рэчаіснасці.

Такім чынам, слоўна-вобразная форма адлюстравання аб'ектыўнай рэчаіснасці ў парэміях прадугледжвае выкарыстанне разнастайных моўных спосабаў стварэння выяўленчай выразнасці, першаступеннае месца ў сістэме якіх займаюць параўнанне, іншасказанне і супрацьпастаўленне.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Склаў Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск: "Навука і тэхніка", 1992. – 491 с.
2. **Владимир Даль.** Пословицы и поговорки русского народа [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.100bestbooks.ru/files/Dal_Poslovice_i_pogovorki_russkogo_naroda. – Дата доступа: 03. 02. 2022.
3. **Жуков, В. П.** Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд. / В. П. Жуков. – М. : Изд-во "Русский язык", 2000. – 554 с.
4. **Лепешаў, І. Я.** Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна: ГрДУ, 2011. – 667 с.
5. **Лепешаў, І. Я.** Этымалагічны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Вышэйшая школа, 2014. – 141 с.
6. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, кн. 1 / Рэд. А. С. Фядосік. – Мінск: "Навука і тэхніка", 1976. – 557 с.
7. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, кн. 2. / Рэд. А. С. Фядосік. – Мінск: "Навука і тэхніка", 1976. – 616 с.
8. **Рагойша, В. П.** Паэтычны слоўнік / В. П. Рагойша. – Мінск. : Выш. школа, 1979. – 320 с.
9. **Рыбникова, А. М.** Русские пословицы и поговорки / А. М. Рыбникова. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 230 с.

Королева Инна Александровна

Смоленский государственный университет, Россия

e-mail: innakor@mail.ru

УДК 811. 161. 1'282(470. 322)

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА СМОЛЕНСКО-МОГИЛЕВСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ И ЕЕ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ

В статье рассматривается этнографическая лексика в региональных лексикографических источниках смоленско-могилевской приграничной территории. Отмечается важность включения диалектных этнографизмов в региональные лексикографические труды. Особое внимание уделяется подаче этнографизмов в уникальном "Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров".

Ключевые слова: диалектология, лексикография, этнографическая лексика, смоленско-могилевское приграничье, сопоставительные диалектные материалы.

Лексика приграничных по территории русско-белорусских говоров всегда интересна для изучения, ибо эти говоры находятся на стыке русского и белорусского языков и диалектов, существующих в условиях длительного и постоянного контакта.

Говоры смоленско-могилевского приграничья занимают значительную территорию (более 200 населенных пунктов в десяти районах Смоленской и Могилевской областей). Изучение этих говоров очень актуально сегодня, так как они недостаточно исследованы и вместе с тем отражают исторические и культурные связи Смоленска и Могилева (России и Беларуси). Многовековая общность жителей приграничной зоны порождает и их языковую общность (помимо тесных экономических, политических и иных отношений). Таким образом, описание диалектного языка смоленско-могилевского приграничья – важная задача исследователя.

В 2017 году вышел первый выпуск "Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров" (СМСПГ). Авторский коллектив - группа ученых Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, которую возглавила В. Б. Сузанович. Тесное сотрудничество с преподавателями-диалектологами Смоленского государственного университета (ранее Смоленского государственного педагогического института имени К. Маркса) послужило основой значительного включения в словник СМСПГ смоленских материалов из "Словаря смоленских говоров" ССГ) и его картотеки. ССГ состоит из 11 выпусков (1974 – 2005), а словарь пограничных говоров пока имеет только три выпуска, издание продолжается. Кстати, отметим, что смоленский диалектный словарь готовится к переизданию.

Очень емко и полезно для работы с материалами Предисловие к СМСПГ. В нем, в частности, дается характеристика приграничных (авторы

пользуются термином пограничных) говоров. Так, многолетние наблюдения показали, что при всей их фонетико-морфологической и лексико-семантической пестроте говоры все же достаточно однородны; именно эта однородность служит основанием для объединения смоленско-могилевских говоров в одну диалектную зону.

Безусловно, рассматриваемые говоры нельзя считать ни русскими, ни белорусскими. Как справедливо указывают авторы СМСПГ, их следует квалифицировать как "промежуточные, переходные белорусско-русские или русско-белорусские говоры" [1, с. 6]. Своеобразна и методика описания собранного фактического материала: идет противопоставление и русскому литературному, и белорусскому литературному языкам.

Большое достоинство СМСПГ состоит в том, что в его словник включается этнографическая лексика, в которой отражены самые разнообразные стороны жизни приграничного жителя: лексика домашнего обихода, одежды, обуви, головных уборов, лексика жилища, пищи, народных обрядов, поверий и пр.

Это серьезно расширяет наши представления о картине мира жителя приграничья и в прошлом, и в настоящем. Для максимально полного толкования диалектного этнографизма словарная статья с рассматриваемым словом включает, помимо словарного толкования лексемы и соответствующих примеров, за знаком = еще и этнографический комментарий со сведениями, которые удалось извлечь из различных привлекаемых этнографических источников. Приводим образец такой словарной статьи из СМСПГ:

АНГеРКА, -и, ж. *Этнограф. Пальто с небольшим отложным воротником. Ангерка у мяне ужо старая, я яе тольки у грябы адываю. Звенчатки, Клим. Мгл. У школи была холодна. Учительница ни снимала ангерку, а мы сидели у валёнках и кажухах. Татарск, Мон. Смл. = В XIX веке довольно широко входят в обиход пальто с маленьким отложным воротником, сшитые преимущественно из покупного материала, известные под названием "ангерки", "ингерки", которые носили женщины более зажиточных семей. Молчан. Матер. культ. С. 159 (Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. Минск, 1969) [1, с. 27].*

БИКЛаГА, -и, ж. *Этнограф. Сосуд для переноски воды; баклага, фляга. Ваду насили у биклагах – таких двугдёнках з диркай пасярётки. Селец, Мст. Мгл. Биклага – эта вядро ти кадушка дирваяная, хадитя у сарай, я вам пыкажу яе. Татарск, Мон. Смл. Сын прынёс биклагу квасу. Любавичи, Мон. Смл. = Весьма своеобразным сосудом для хранения и переноски жидкости являлась "биклага", которая изготовлялась чаще из дубовых или еловых клепок, обтянутых обручами с двумя вставленными в уторы дубовыми днищами. Молчан. Матер. культ. С. 221 [1, с. 28].*

Сравним приведенные лексемы со "Словарем смоленских говоров". Так, слово **АНГеРКА**, -и, ж. представлено без пометы, что это этногра-

физм, без примера, с указанием на смоленский ареал и на 1907 год. Значение – "Короткое женское пальто или длинная кофта на вате" [2, с. 75]. Как видим, семантика очень неопределенная, подробности отсутствуют: лексему надо перепроверять и словарную статью дополнять.

Отмечена в смоленском словаре лексема **БАКЛаГА**, -и, ж. без пометы "этнографизм". Значение – "Деревянный или глиняный сосуд (ведро, бочонок) для хозяйственных нужд (дегтя, колесной мази, керосина, воды и т. п.)". Примеров много, есть иллюстрации из пограничных с Могилевской областью районов: Шумячского, Монастырщинского. Отмечена ссылка на "Словарь русских народных говоров". Для сравнения даны отсылки на слова баклажка, бадейка, баклан, бальзанка, беглага, беклажка, бляха [2, с. 106-107]. Все они также активны в смоленских говорах, что еще раз подтверждает современность и широкое распространение обозначенного лексемой предмета домашнего обихода.

В СМСПГ отмечен еще один сопоставимый этнографизм: **БАКЛаН**, -а, м. *Этнограф. Деревянный бочонок для дегтя. Хызяин заташчыу баклан на крышу и стау заливать яе дехтям. Звенчатка, Клим. Мгл. Раньшы яуреи ездилі па дереунях з гаршкамі, мисамі, бакланамі з дехтям; усе ета выменивали на хлеб і картошку. Любавічы, Мон. Смл.* [1, с. 84]. В этой словарной статье нет этнографического комментария. Возможно, слово *баклан* было не так распространено и не попало в исследовательские материалы.

В СМСПГ включается этнографическая лексика, отражающая самые разные стороны жизни и быта жителей приграничных территорий: БЕЛяк, ПОРТАк, СИНяк - названия домотканых юбок, различающихся назначением, фасоном, расцветкой и т. п.; ЛаДКА, ПРыЩ, РеЗНИК, ТОШНоТИК - названия лепешек; ПОРШНИ, РаКИ, ХОДОКИ и др. - названия лаптей; БаННИК, БаНЩИК – "злой дух, живущий в бане"; ЛЮБиСТА – "заговор на любовь", ОТХоДЧИК – "знахарь, снимающий порчу, сглаз", РОДиМЕЦ – "черт, дьявол, нечистая сила". ЧАРОВНИК – "злой колдун, наводящий порчу на людей и скотину" и др. - мифологическая лексика; ДОМОВИНА, КЛАДиЩЕ, УСТАВЩИК, ХОВТуРЫ и др. – похоронно-обрядовая лексика [1, с. 11].

Жаль, что ССГ не дает этнографическую лексику и помета в словаре отсутствует вовсе. В первом его выпуске во введении вскользь отмечено, что помещаются слова из старых работ, но в небольшом количестве и без помет. "Смоленская диалектная лексика содержится в некоторых лингвистических, этнографических, исторических, фольклорных и других работах, статьях и заметках, начиная с середины прошлого века. Выборка материала из этих источников проведена нами только отчасти: эта работа требует длительного времени и не способствует существенному пополнению словаря (увеличивается в основном иллюстративный материал" [2, с. 25]. Естественно, при таком подходе этнографизмами авторы словар-

ных статей не занимались, а начиная с третьего выпуска, и вообще перестали помещать историческую по времени фиксации в источниках лексику. Надеемся, что при переиздании ССГ огромный содержательный пробел будет восполнен. Так, например, рецензент первого выпуска СМСПГ известный белорусский ученый В. А. Маслова во вступительном слове о словаре прямо пишет: "К достоинствам Словаря следует отнести также то, что в него включается этнографическая лексика, в которой зафиксированы различные стороны материальной и духовной культуры жителей пограничного региона" [1, с. 4].

Мы полностью согласны с этим мнением. Этнографическая диалектная лексика – это богатство любых говоров, она заметно расширяет область научно-практического применения материалов региональной лексикографии в этнографии и лингвокультурологии. Отметим также, что этнографические материалы интересны и в школьном образовательном процессе в приграничье, так как предоставляют материал по изучению диалектологии и истории русского и белорусского языков, при изучении истории и быта русского и белорусского народов.

Список использованных источников

1. Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров. Выпуск 1. А-Б. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. 196с.
2. Словарь смоленских говоров. Выпуск 1. А-Б. Смоленск: СГПИ имени К. Маркса, 1974. 310с.

УДК 821. 161. 1. 09"19"(092) Короленко В. : 82-992(498)

СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОТРАЖЕНИЯ РОМАНО-СЛАВЯНСКОГО МИРА В ОЧЕРКАХ В. КОРОЛЕНКО О РУМЫНИИ

В статье рассматривается художественное своеобразие очерков выдающегося русского писателя-демократа В. Г. Короленко "Над лиманом", "Наши на Дунае", "Нирвана", "Турчин и мы", в которых он с теплотой, симпатией и мягкой иронией воплотил образ придунайской юго-восточной Румынии, её природы и обитателей. Их исследование предваряется краткой историей создания очерков, уточняются некоторые особенности жанра очерка в целом и путевого очерка Короленко в частности. Основное внимание в статье уделяется природным и национальным реалиям, подмеченным Короленко, пространственно-временному и персонажному плану очерков, речи героев, тропам и стилистическим фигурам, с помощью которых писатель создает образ славяно-романского быта и бытия, гармонично помещая его в общую универсальную картину мира.

Ключевые слова: путевой очерк, жанровая диффузия, художественное пространство, геокультурный локус, речь героя, тропы, стилистические фигуры.

Знакомство Владимира Галактионовича Короленко (1853–1921) с Румынией оставило большой след в его внутреннем мире и творчестве. В Румынию Короленко приезжал несколько раз. Впервые он побывал в стране в сентябре 1893 года, затем он посетил юг Румынии в 1897, 1903, 1904 и 1907 гг. ;впечатления от этих поездок воплотились в очерках и путевых заметках: "Над лиманом", "Наши на Дунае", "Нирвана", "Турчин и мы" и др. С искренней симпатией Короленко описывал быт и характеры простых людей разных национальностей, живущих по берегам Дуная: румын, русских (липован), украинцев, болгар, турков, греков, цыган.

Очерк привлекал художника показом жизни в её фактической основе и вместе с тем позволял решать важные эстетические задачи. Короленко можно назвать мастером беллетризованного очерка. Писатель создал яркие образцы очерка разных видов: очерка нравов, очерка социального, путевого, бытового и физиологического, очерка-портрета и др. В них можно заметить так называемую **жанровую диффузию**. Расширяя жанровую систему, писатель органично совмещал в одном произведении элементы разных литературных родов и видов: бытоописательного и путевого очерков, публицистической статьи, исторической хроники, притчи, этнографического очерка, рассказа, стихотворения в прозе и т. д.

Путевой очерк Короленко отличается достоверностью, точным соответствием реальному маршруту и событиям путешествия, персонажному плану (изображению конкретных лиц и типов, характерных для данного места). Автор конкретно указывает, где происходит действие, или куда он отправляется, например, "на главной улице Тульчи", "в Русской Славе", "Из поездки на пепелища Дунайской сечи", "по самому берегу моря"; "Тульча – бойкая дунайская пристань, в которую заходят даже большие морские суда", "нужно было ещё заехать на магалу (предместье, окраина города) над Дунаем", "Сулин исчезает за зелёною плавней" и т. п.

Герои очерков – люди реальные, писатель старается подробно представить их читателю (внешность, положение в обществе, род занятий, особенности речи, историю жизни): *"Это был супрефект тульчанского округа (некто вроде нашего вице-губернатора). Либерал, европеец не только по внешности, он, как большинство состоятельных румын, получил высшее образование в Париже. <...> Человек тонкий, серьёзный и приличный, он стоял за скорейшее введение в Добрудже конституционного представительства..."* [3, с. 310]

Румынские очерки Короленко до настоящего времени остаются малоисследованными. Им посвящены лишь фрагменты нескольких специальных статей и диссертаций, в частности Е. Гусевой, М. Поповой, Л. Скреминской.

Е. Гусева раскрывает историю создания очерков "Над лиманом", написанных после поездки писателя по Добрудже летом 1897 года и посещения липованского села Сарыкиной [2, с. 14-15]. На первый взгляд, жизнь большого села, раскинувшегося в дельте Дуная, "где сходятся степь, море и небо", вполне благополучна: "весёлые улицы с белыми хатами и кудрявыми садами", рядом "синюют вершины далёкого Махмудийского горного кряжа", и лиман "точно подымается и подымается кверху, захватив своей колыхающей синевою полнеба..." [3, с. 265]. Но здесь то и дело возникают социальные конфликты: то власти притесняют, то в вопросах веры нет согласия. Автору такая жизнь представляется суетной и преходящей, он погружается в природный мир, вечный и прекрасный. Разглядывая развалины старой крепости, он философски замечает: *"Всё проходит, всё угасает, как сверкающая полоска на глади лимана. Исчезли генуэзцы, строившие эти стены, исчезло могущество османов, их возобновлявших. <...> Затихла братоубийственная борьба запорожцев и некрасовцев, <...> ушли и турки"* [3, с. 283].

М. Г. Петрова, рассматривая очерк "Наши на Дунае" (1909), ставит в центр своего исследования нравственную и социально-политическую проблематику [4, 356-402]. Возражая Г. Бялому, который делал упор на политических взглядах молодого румынского социалиста Катриана и обеднял при этом общественно-нравственную позицию патриархального крестьянина Луки [1, с. 240-241], она обращается к детальной характеристике пер-

сонажей. Исследователь справедливо указывает на то, что Короленко, симпатизируя Катриану, всё же склоняется на сторону Луки. "Короленко с сочувствием рисует "живого и деятельного" румынского социал-демократа, но при этом с мягкой иронией отстраняется от догматики "бесповоротных убеждений" Катриана, с опаской и предостережением указывает на его "самодовольные излияния", категоричное отрицание религии и т. п. " [4, с. 365].

В духе своих народнических убеждений Короленко противопоставляет этого героя обычным "мирским людям", подобным Луке и доктору Александру Петровичу (его прототипом был брат жены писателя – народо-волец В. С. Ивановский). Лука жалостлив, прощает обидчика жены, потому что "у него тоже баба и два дитёнка". Катриан понимает приятеля: "Ты есть алтруист".

Описывая Луку, Короленко прибегает к интересной характеристике его речи, которая носит обобщённый характер, выделим в ней выражение "**лингвистический компромисс**": *"Дома с отцом, братом и женой Лука говорит на чистом украинском языке. Для вневдомашнего употребления у него есть своеобразное общедобруджанское "руснацкое" наречие. В нем формы русских глагольных окончаний смягчены по-украински и, кроме того, вошло немало румынских и турецких слов и оборотов. Этот особый смешанный, наивно неправильный говор – результат междуплеменного лингвистического компромисса – слышится часто в пёстрой толпе добруджанских базаров и вообще над Дунаем. Его, кажется, выработали липоване в период своих передвижений через Стародубицину и Буковину и за время пребывания в Добрудже"* [3, с. 326].

Образ Румынии в очерках Короленко покоряет скромной красотой, многогранностью, искренней симпатией автора к изображаемому краю и острым желанием понять этот непростой мир с его обитателями. Румыния, по Короленко, – это прежде всего её люди. Так, в очерке "Наши на Дунае" дана яркая зарисовка, передающая впечатление писателя о пёстром населении юго-восточной Румынии (г. Тулча): *"Я проходил по базарной площади, наблюдая своеобразные картины разноплеменного торга и прислушиваясь к разноязычному говору. Тут были липованские возы, румынские дилижансы и каруцы. Между горами огромных арбузов сидели торговки-болгарки; румыны-пастухи, не скидающие в жару бараньих безрукавок, молчаливо оглядывались иссиня-черными наивными глазами; недавние владыки – турки – в красных фесках продавали всякую мелочь с лотков; липоване из Сарыкоя и Рязина и потомки запорожцев равнодушно сидели на возах, налитых до краев золотой душистой пшееницей... Шныряли арнауты и малоазиатские курды..., пробежал газетчик с листками карикатур, на которых Фердинанд болгарский изображался с слоновым хоботом вместо носа, а порой и regele Carol румынский являлся в более или менее непочтительном виде"* [3, с. 315]. Характерно, что автор подчёркивает един-

ство этого *разноплеменного* мира: "преобладала деревня", – включает он описание базара, т. е. простые люди, труженики, о властях упомянуто вскользь, причем они являются образами карикатур.

В цикле "Наши на Дунае" писатель точно подмечает, что "на косе, обмываемой Дунаем и взморьем – блеск европейской культуры встречается как будто с задворками Азии". Он рассуждает о том, как в румынской и болгарской культурах сливаются элементы христианской Европы и мусульманской Турции, как они отражаются в особенностях быта и речи людей, отношениях друг к другу, к природе, к жизни в целом.

Описания социума соседствуют (как правило, по контрасту) с выразительными картинами природы юго-восточной Румынии. Самые характерные образы пространства: *солнце, облака, высокое небо, река, море, степь, ветер*. Пейзажи не блещут ничем особенным, в них нет южной пышности, экзотики, необыкновенных красок, великолепия растительности. Они скромны и незатейливы, Короленко скорее прибегает к образной и предметной детализации, "вещному словарю" (Ю. Лотман) нежели к какой-то особенной звукописи или яркой цветописи.

Излюбленные тропы: **персонификация** ("пробегают вихри", "вынырнул минарет", "молчаливый простор Добруджи", "ласковое небо", "убаюканная память", "ровное дыхание степного ветра", мерное дыхание моря); **метафора** ("солнце заливало мостовую", "стальная полоса Дуная", "волнистый простор Добруджи", "тяжёлая синева неба", "обугленный солнцем чабан", "сладкое усыпление", "степная нирвана" – характерно, что в очерке "Нирвана" Короленко использовал **развёрнутую метафору**, т. е. такую, которая становится сюжетом произведения, основой его содержания, даёт ему заглавие); **эпитет** ("синяя тень", "мглистый горизонт", "мелодичный, глуховатый плеск", "серповидные тонкие крылья", "узкий берег", "мелодические дойны"); **сравнение** ("море сверкало точно раскалённое серебро", "прямая, точно по линейке, полоса морского берега", "дикий лук торчит стрелками", "высокие ворота рисуются в небе, как виселица"; "все это бледнело, отодвигалось и исчезало, как след дыхания на стекле, как круги на воде от брошенного камня, как звуки приснившегося когда-то шумного оркестра").

В очерке "Нирвана" (1913) Короленко создал выдающийся образ романского мира. В нём писатель отразил свои впечатления о поездке в Кытерлез ("по самому берегу моря") в 1897 году. Размышляя об историческом прошлом Румынии и её современности, о народной поэзии и народных идеалах, автор с необыкновенной глубиной и тонкостью выражает духовную культуру народа. "Нирвана" является ярким примером диффузии жанров: произведение скорее сходно с философско-лирическим "стихотворением в прозе", нежели с традиционным очерком.

"И от всего этого – от солончаков, от травы, от чабана с его стадом – опять веет в душу особое ощущение. Я спрашиваю себя, – что это

такое? Тихое прозябание, бессознательная жизнь, накапливающаяся годами, десятками лет, веками, – веющая стихийной гармонией и в шелесте этой травы, и в клёкоте орла, и в отчаянном крике испуганной, быть может, погибающей степной птицы, и в незаметном созревании зерна, и в тёмных глазах загорелого чабана румына. ...И по-новому его "кымпойул" отзывается на голоса природы. На просторе придунайских степей и на пастбищах горных Карпат он создаёт мелодические "дойны", на которые задрожит ответными звуками всякое человеческое сердце... Есть что-то особенное в этой степи, и в этом солнце, и в ровном дыхании степного ветра, и в загадочном, как горное озеро, взгляде румынского пастуха... Что-то усыпляющее и влекущее, какое-то волшебство степной нирваны, всего этого бездумного хора первичной жизни..." [3, с. 370].

"Нирвана" – это уникальное художественное единство со своими **сквозными образами**: реки, солнца, степи, ветра, песни (дойны), румынского пастуха; **смысловыми опорами**, например, мыслями о бренности всего сущего и о вечной нирване; **характерными лейтмотивами**, например, путешествия, дороги и жизненного пути. Отметим также, что музыкальный характер и ритм очерков Короленко связан с такой стилистической фигурой, как **повтор**, а богатство интонаций помогают выразить **риторические вопросы, восклицания, умолчания и антитеза**: "**Всё то же** море, **всё та же** синяя полоса воды, **всё те же**, вечно повторяющиеся и вечно изменчивые формы облаков, **тот же** ветер, **те же** колыхающиеся над ним камыши плавни... – И тысячи лет пролетают над ними, и тысячи лет все так же поют и плещут волны... О чём?..."

Суете и пустоте общества Короленко противопоставляет величие и вечность природы: "*Не счастливее ли этот блаженный сон полусознания, эта спокойная летаргия человеческого духа, в слиянии с природой, живой, но не мыслящей, чувствующей, но не страдающей болями сознания... Слиянии, накапливающим черномоземные силы человечества... Не здесь ли истинное блаженство, завершение всякой философии...*" [3, с. 372]. Выделим контекстуальные синонимы с лексемой "сон". Она осмысливаются писателем амбивалентно: суетные торжества в Констанце и сладкое усыпление степной нирваны, в которую художник проникает во время путешествия, одинаково названы сном, с одной лишь разницей: сон общества, с точки зрения писателя, является фальшью и суетой, а природная нирвана – истиной и покоем. В этом фрагменте читателя завораживает лиризм и полифония, богатство художественной отделки и многообразие использованных приёмов, удивительная музыкальность и ритм, переданные повтором слова "только", а также с помощью однородного членения и номинативной градации.

Таким образом, автор вступал в живые диалоги с художественными мирами разных культур и современной ему реальностью. Он мастерски

пользовался словом, стремясь найти в нем непреходящие всеобщие ценности.

Геокультурный локус исследуемых очерков всегда "привязан" к конкретной местности. Как видим в вышеприведенных примерах, писатель тщательно прорисовывает передний и дальний планы изображения, представляет читателю живописные и сменяющие друг друга картины, детали пути. **Пейзаж** в путевом очерке Короленко играет особую роль: он непреходящий фон поездки, широкая картина национального мира, а иногда – равноправный участник событий, важнейшая часть идейно-художественной структуры произведения в целом. Природа, местность, люди, их быт выписаны отчётливо и подробно, причём нередко их описания сопрягаются с лирическими сентенциями, авторскими размышлениями, и тогда конкретные ориентиры пройденного пути отступают на второй план, а на первый выступает личность автора – интересного и наблюдательного художника, чуткого и внимательного собеседника, тонкого исследователя другой культуры.

Список использованных источников

- 1. Бялый, Г. А.** В. Г. Короленко. –Л., 1983. Текст : непосредственный.
- 2. Гусева, Е.** Путевые очерки В. Короленко // Філологічні науки. Збірник наукових праць. – Днепропетровск, 2011, № 9.
- 3. Короленко, В. Г.** Над лиманом. Наши на Дунае. Нирвана. // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М. : изд-во "Правда", 1971. – Текст : непосредственный.
- 4. Петрова, М. Г.** В. Г. Короленко: "Высота примиряющей мысли" // Миротворчество в России: Церковь, политика, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX-XX столетий. – М. : 2003: [сайт]: – URL: // <http://vmkog.ru/index.php?id=164#28>(дата обращения: 03.04.2022). Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
- 5. Скреминская, Л. Р.** Запад - Восток: Духовные и творческие искания В. Г. Короленко. – Бишкек, 2003: [сайт]: – URL:// <http://www.dissercat.com/content/zapad-vostok-dukhovnye-i-tvorcheskie-iskaniya-vg-korolenko#ixzz2bJU10Pmq>(дата обращения: 04.04.2022). Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

УДК 308

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ "РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА"

Исследование "Симболорий региональной идентичности" выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-28- 20342 и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

Статья посвящена рассмотрению признаков региональной субкультуры: специфичность самосознания, общность опыта и системы ценностей.

Ключевые слова: культура, национальная культура, субкультура, региональная культура, ценность.

Развитие антропоцентрических теорий способствовало разноаспектному рассмотрению полидисциплинарного понятия *культуры*. В науке накоплены сотни дефиниций этого сложного явления. Общим местом различных подходов в объяснении культуры является понимание её неоднородности, включение в её сферу ментальных и знаковых образований. В настоящее время большой интерес вызывает феномен региональной культуры. О. Б. Фоминых отмечает: "Для России вопрос изучения региональной культуры напрямую связан с её будущим. Но невозможно единство и величие культуры страны без изучения всего её культурного пространства, из которого и складывается единая культура" [5, с. 212].

Для решения лингвокультурологических задач перспективным является семиотический подход в понимании культуры. Он изложен в трудах В. Н. Телия. Исследователь, определяя культуру, совмещает ментальный и знаковый аспекты: культура – это "мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой" [4, с. 222]. В культурологии используются разнообразные классификации культуры, подчёркивающие её неоднородность. Одним из оснований дифференциации культур выступает региональный фактор. Региональная культура включает в себя систему смыслов и их обозначений, отличающих данную локацию от другой. Д. А. Погосбекова называет региональную культуру "...интегратором социальной жизни конкретного региона..." [3, с. 76].

И. Ф. Петров указывает на то, что термин *региональная культура* тождествен понятию провинциальная культура, поскольку столичная культура составляет ядро национальной культуры. "Под регионом понимается пре-

имущественно провинция в том своем качестве, чем она отличается от столицы" [2, с. 31]. Полагаем, что такой подход осуществим не для всех культур. Так, для русской культуры данная оппозиция релевантна, для европейских – нет, поскольку в них нет того очевидного противопоставления центра и провинции. Несмотря на формальный провинциальный характер тульской культуры, она позиционирует себя как культуру столичную, о чём свидетельствуют номинации типа: *самоварная столица*, *оружейная столица*, *пряничная столица*, что говорит о том, что культура стремится стать в какой-то степени законодательницей.

Нельзя согласиться и с выделенными признаками провинции "замкнутость, плотность, структурированность, целостность" [2, с. 31], поскольку степень выделенности территориальной субкультуры из общенародной может быть разной, региональная культура может иметь неструктурированный, хаотичный характер. Сомнителен и признак замкнутости: региональная культура, как правило, находится в состоянии диалога с национальной культурой. Интересны выделенные И. Ф. Петровым системообразующие факторы региональной культуры. К ним исследователь относит: "1. Развитое региональное самосознание... 2. Региональные культурные интересы, включающие все стороны территориального бытия. ... 3. Общий исторический и культурный опыт. 4. Структура и этнонациональный состав населения..." [2, с. 32]. Мы полагаем, что существенным признаком, дифференцирующим данную субкультуру, является географическое расположение, определяющее материальные условия существования культуры и вследствие этого ценности и особенности миропонимания. Региональная дифференциация культуры опирается на территориально-административный принцип выделения своих разновидностей. Так, допустимо говорить о тульской разновидности региональной культуры.

И. Я. Мурзина справедливо указывает на вариативный характер региональной культуры, демонстрирующий одну из ипостасей общенародной культуры. Безусловно, что региональная культура формируется на основе базовых ценностей национальной культуры. Данное свойство региональной культуры исследователь характеризует как парадоксальное: существовать "на значительных этапах своего развития и "внутри" национальной культуры и "наряду" с ней" [1]. В то же время, по мнению исследователя, региональная культура "оказывает влияние на общенациональную культуру в целом" [1, с. 29].

Любая региональная культура выступает своего рода частью более крупной культурной сферы. Так, тульская культура выступает частью культуры Центральной (европейской) части России.

Ядро ментального аспекта региональной культуры составляют ценности, характерные для данной территории. Д. А. Погосбекова отмечает "региональная система ценностей, возникающая в результате специфичного развития конкретной территории и связывающая личность с территорией,

интегрирует в единое целое региональную культуру" [3, с. 76]. По мнению Е. Н. Яковлевой, данные смыслы формируют региональное мировоззрение, "региональное самосознание, самоотождествление людей с соответствующими территориями" [6, с. 256].

Таким образом, региональная культура представляет собой вариант национальной культуры, с которой она находится в диалоге. Базовыми для региональной культуры являются признаки специфичности самосознания, общности опыта и ценностей.

Список использованных источников

- 1. Мурзина, И. Я.** Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: дис. ... докт. культурологии. – Екатеринбург, 2003. – 237 с. Текст: непосредственный.
- 2. Петров, И. Ф.** Разъяснение региональной культуры // Территория науки, 2018, № 3. – С. 29-34. Текст: непосредственный.
- 3. Погосбекова, Д. А.** Региональная культура как пространство ценностей и смыслов // Дискуссия, 2010, №8. С. 76-78. Текст: непосредственный.
- 4. Телия, В. Н.** Телия В. Н. 1996. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Шк. "Яз. рус. культуры". – 284 с. Текст: непосредственный.
- 5. Фоминых О. Б.** К вопросу о понятии региональная культура // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности. – Курган: КГУ, 2012. – С. 210-212. Текст: непосредственный.
- 6. Яковлева Е. Н.,** К определению понятия "региональная культура" // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 4 (28) – С. 256-262. // Текст: непосредственный.

Трофимович Тамара Григорьевна, Русакович Ирина Кузьминична

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, Республика Беларусь
e-mail: t.trof@mail.ru, 140105@tut. by

УДК 811. 161'221. 2 (476)

ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК И ЕГО НОСИТЕЛИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

В статье кратко анализируется современное состояние белорусского жестового языка в контексте проблемы признания его национального статуса, рассматриваются место и роль носителей жестового языка в жизни современного белорусского общества, а также некоторые вопросы их социокультурной инклюзии.

Ключевые слова: жестовый язык, национальный статус языка, инклюзия, социокультурная адаптация.

В настоящее время в мировом общественном сознании прочно укрепилось представление о том, что кроме естественных словесных языков, являющихся главными средствами общения, существуют и успешно выполняют свои коммуникативные функции жестовые языки. Согласно Википедии, "*жестовый язык* – самостоятельный язык, состоящий из жестов, каждый из которых производится руками в сочетании с мимикой, формой или движением рта и губ, а также в сочетании с положением корпуса тела. Эти языки в основном используются в культуре глухих и слабослышащих с целью коммуникации".

В современном полиэтническом мире существует большое количество национальных словесных языков (около 7000). По некоторым сведениям, в мире зафиксировано 138 национальных жестовых языков (А. Комарова). Естественное их развитие привело к созданию международного жестового языка жестуно (*джестуно*, *International Sign (IS)*) (также *Gestuno*, *International Sign Language (ISL)*, *International SignPidgin* и *International Gesture (IG)*), который, по многим утверждениям, успешно используется [1, с. 10].

Жестовый язык в современном социокультурном пространстве рассматривается как язык, принадлежащий "субкультуре глухих" – культурно-лингвистическому микросоциуму. Его носителями на территории Республики Беларусь, по данным "Белорусского общества глухих", являются около 10000 лиц с инвалидностью по слуху. В России, согласно Википедии, жестовым языком пользуются 120 000 человек [[https://ru.wikipedia.org/wiki/Русский жестовый язык](https://ru.wikipedia.org/wiki/Русский_жестовый_язык)].

К актуальным проблемам современного гуманитарного знания принадлежит вопрос об осознании и закреплении за жестовым языком нацио-

нального статуса. Другими словами, есть ли бразильский, испанский, американский и другие жестовые языки? Если они есть, то каким образом установлена их национальная принадлежность? Можно ли утверждать, что существуют *русский жестовый язык* и *белорусский жестовый язык*?

Исторически белорусская ассоциация людей с нарушением слуха ранее входила в структуру "Всероссийского общества глухих", где также использовался еще в СССР единый для системы образования русский словесный язык и русский дактильный алфавит как средство обучения детей с нарушением слуха, а также формировались общие корни русскоязычного образования и профессиональной подготовки переводчиков жестового языка. Термин *русский жестовый язык* является устойчивым и распространенным [3], [4], хотя само понятие вряд ли можно считать лингвистически доказанным.

Это же относится и к термину и понятию *белорусский жестовый язык*. В настоящее время в нормативных государственных документах национальный характер жестового языка, используемого на территории Беларуси, не обозначен, и в отношении к нему применяются наименования *жестовый язык*, *жестовая речь*. Решение вопроса о придании национального статуса этим средствам общения приобретает особую актуальность.

Изучение национального жестового языка ведется в рамках исследовательской работы, осуществляется поиск аргументов, которые могут послужить концептуальным обоснованием понятия и термина *белорусский жестовый язык*. Социальная значимость проводимых исследований усиливается поддержкой и адресным запросом общественного объединения "Белорусское общество глухих", его обращениями в Министерство образования РБ и другие государственные инстанции с предложениями установить статус жестового языка и укрепить лингвистические, культурные, образовательные права неслышащих белорусов, опираясь при этом на Конвенцию ООН "О правах инвалидов".

Признание факта существования белорусского жестового языка, как и называющего его термина, полностью соответствует сложившимся в науке представлениям о статусе языка вообще. Принимается во внимание самосознание носителей (1), функциональная полноценность (2); политический фактор (3); этническая ориентация (4). К этим критериям добавляются и лингвистические показатели. Это взаимопонятность (5) и статистическое соотношение лексики (6). Видно, что из перечисленных критериев наиболее значимыми являются социолингвистические показатели, а не собственно лингвистические [1].

Исследования национального жестового языка позволили выделить ряд характеристик его "белорусскости": территориально-политическая принадлежность (он является средством общения неслышащих и слабослышащих людей на территории независимого государства); фактор самоидентификации (носители белорусского жестового языка считают себя в

подавляющем большинстве белорусами), а также ряд лингвистических показателей (проявление лингвистических различий на уровне лексики и фразеологии). Все сказанное свидетельствует о том, что в настоящее время особую значимость приобретает изучение лингвистических особенностей жестового языка, функционирующего на территории Республики Беларусь. По предварительным сведениям, национальный компонент жестового языка, функционирующего на территории Беларуси, присутствует, он поддается выявлению, может быть оценен в количественном и качественном отношении. Например, выявлены отличия национального жестового языка от близкородственных славянских в среднем в 9, 1% языковых единиц, охарактеризованы уровни его лексико-грамматической и синтаксической организации, описаны экстралингвистические и лингвистические аргументы определения национальной принадлежности, в том числе дискуссионный вариант его рассмотрения как диалекта русского жестового языка.

В связи с этим укажем, что актуальным направлением в изучении и осмыслении статуса белорусского жестового языка является лексикографическая фиксация его ресурсов.

Как видно из таблицы, в лингвокультурном пространстве Беларуси используются отечественные разработки (позиции № 1-4) и жестовые словари России (№ 5, 6), которых гораздо больше (Г. Л. Зайцева, Р. Н. Фрадкина, И. Ф. Гейльман и др.). Одним из самых значимых по объему ресурсов является интернет-словарь (№ 1), разработанный Европейским Центром жестовых языков (г. Эрёбро, Королевство Швеция) и включающий 40 национальных жестовых языков: шведский (SSL), финский (SVK), немецкий (DGS), французский (LSF), итальянский (LIS), японский (JSL), международные жесты (IS), русский, украинский, китайский и др., а с 2016 г. и белорусский жестовый язык. Лексика словаря каждой страны включает более 15300 жестов и жестовых высказываний, объединенных в 40 тематических разделов.

Видеокурс "Жесты" (№ 4 в таблице) имеет конкретное назначение: он был разработан для студентов УО "Академии МВД" и содержит лексику, необходимую для коммуникации сотрудников милиции с неслышащими, а также набор тематических высказываний и практические упражнения, направленные на понимание и различение жестов.

Отдельный комплекс словарей и образовательных ресурсов по изучению национального жестового языка (в таблице № 2, 3) основывается на применении системы письменной фиксации жестов с использованием условных обозначений, разработанных под научным руководством белорусского исследователя Л. С. Димскис. Эта система отражает структуру жеста (по В. Стоккоу) – форму руки, направление ладоней, пальцев, локализацию и движение. По сути, эта модель анализа жеста по составу (в какой-то степени соотносимая с морфологическим анализом слова) помогает зафиксировать начальную расстановку смыслоразличительных элементов жеста и

их изменение в динамике. Указанная система также применяется в авторских тематических учебных пособиях ("Изучаем жестовый язык", 1998, "Основы сурдоперевода", 2011 и др.), в электронные ресурсы (см. таблицу, № 3), в которых запись жеста сопровождает его видеопрезентацию.

Таблица. – Характеристика словарей, используемых для анализа языковых средств национального жестового языка

	<i>Название источника</i>	<i>Год и вид издания, разработки</i>	<i>К-во яз. ед-ц</i>	<i>Средства фиксации</i>	<i>Жестовые языки</i>
1	Международный интернет-словарь жестовых языков Sign language dictionary - SPREADTHESIGN	2016-2021 Сайт проекта "Распространим жест", электронный ресурс	Более 400000	Видеоролики жестов и жестовых высказываний по темам	Национальные жестовые языки 40 стран
2	Русско-белорусский словарь жестового языка.	2006 Печатное издание, с переводом на русский и белорусский словесные языки	5000	Письменная система записи жеста на основе графических знаков	Белорусский жестовый язык
3	Жестовый словарь "РУКО_ВОДСТВО"	2007 компьютерная система электронный ресурс	5000	Видеоролики, система условных обозначений	Белорусский жестовый язык
4	Видеокурс "Жесты"	2009 компьютерная система электронный ресурс	860	Видеоролики жестов и жестовых высказываний	Белорусский жестовый язык
5	Русский жестовый язык с дополненной реальностью	2021, тематический словарь	3500	Фотографии, видео-анимация жестов	Русский жестовый язык
6	Видеокурс "Русский жестовый язык"	2005, компьютерная система электронный ресурс на ютуб-канале	500	Видеоролики по тематическим блокам	Русский жестовый язык

В словаре "РУКО_ВОДСТВО" кроме изолированных 5000 жестов-эквивалентов слов, представленных в тематических блоках или по алфавитному указателю, приводятся википедические сведения (словотолкование). Разъяснение значения слов и жестов дает сама автор, носитель жестового языка Л. С. Димскис.

Анализ существующих ресурсов показывает, что формат любого словаря, его содержание во многом определяются адресным запросом. Так, например, для слышащих пользователей удобен вариант не только с фотографией (видеорядом), но и со словесным описанием, кодированием. Для неслышащих пользователей важно, чтобы от указанного жеста они могли найти правильный словесный эквивалент, осмыслили значение слова, об-

раз, который их связывает, т. к. действие двухсторонней цепочки "слово – смысл – жест" является предметом затруднений для лиц с нарушением слуха. Поэтому для культурно-образовательного пространства РБ перспективно научное обоснование содержания и технологии разработки тематических словарей национального жестового языка для фасилитации языковой (полилингвальной) подготовки незлышащих обучающихся и процесса усвоения (осмысления средствами жестового языка) ими учебного материала общеобразовательных предметов, понятий, терминов, идиом, фразеологизмов, грамматических категорий. Для слышащих пользователей востребованными являются жестовые словари-разговорники, этимологические словари, а также практикумы.

Проблема признания статуса жестового языка как одного из языков титульной нации, правовое обеспечение условий существования белорусского жестового языка продолжают быть актуальными. Жестовый язык официально утвержден в "Законе о социальной защите инвалидов в Республике Беларусь" (1991) как средство общения и обучения незлышащих граждан. Государственными языками, согласно ст. 17 Конституции РБ, являются русский и белорусский (словесные) языки, а обучение незлышащих организуется с опорой на русский словесный язык. Поэтому национальная принадлежность жестового языка может быть уточнена в нормативно-правовых и образовательных документах (названии учебных программ и комплексов, в обозначении профессии переводчика и т. д.).

Для современного белорусского социокультурного пространства ценными и уже в определенной мере реализованными на государственном уровне являются обязательное привлечение к работе и исследованиям незлышащих специалистов, обеспечение возможности изучения учебных предметов "Жестовый язык" и "История и культура глухих"; субтитрование и перевод на жестовый язык учебных пособий; включение в квалификационные требования к педагогическому персоналу, работающему с незлышащими детьми, владение жестовым языком.

В сфере профессионального образования осуществляется обеспечение реализации прав незлышащих на свободный выбор и поступление в профессиональное учебное заведение с предоставлением услуг по переводу жестового языка на полный период обучения; продвижение вопроса о статусе и условиях оплаты труда переводчиков жестового языка. По вопросам изучения жестового языка важна поддержка организаций, занимающихся лингвистическими, социологическими и другими исследованиями, профессиональной подготовкой переводчиков и преподавателей; издание словарей, специальной научной и учебно-методической литературы.

Практические шаги предпринимаются также во многих сферах социокультурной жизни незлышащих белорусов. Так, например, в Национальном художественном музее РБ размещены 15 сурдогидов – экскурсий на белорусском жестовом языке, презентация которых стала результатом ре-

лизации социально-образовательного проекта "Ожившие картины". В текущем году Белорусская государственная академия искусств впервые выпускает курс сурдоактеров.

Таким образом, современное белорусское общество уверенными шагами движется навстречу своим представителям с ограниченными возможностями. Много сделано для обеспечения их социального равенства, многое предстоит сделать.

Список использованных источников

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика : учебник для бакалавриата и магистратуры. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2016. – 337 с. - Текст : непосредственный.

2. Димскис, Л. С. Система обучения жестовой речи студентов-дефектологов : автореф. дисс. ... канд. педаг. наук / Лидия Сергеевна Димскис; Белорусский государственный педагогический университет. – Минск, 2000. – 131 с. – Текст : непосредственный.

3. Зайцева, Г. Л. Жестовая речь: дактилология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Г. Л. Зайцева. – Москва : Владос, 2000. – 192 с. – Текст : непосредственный.

4. Русакович, И. К. Адукацыйны праект "Ажыўшыя карціны" як сродак сацыяльнай інклюзіі / И. К. Русакович, А. В. Киселева // Веснік адукацыі Адукацыйны праект "Ажыўшыя карціны" як сродак сацыяльнай інклюзіі // Веснік адукацыі. – 2018. – № 11. – С. 58–63.

5. Словарь белорусского жестового языка на сайте проекта "Распространим жест" // Международный интернет-словарь жестовых языков Sign language dictionary [сайт]. – URL: <https://www.spreadthesign.com/ru.by/search/by-category/>? (дата обращения: 14.04.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

УДК 39'392. 398. 34, 398. 4

ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ: ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО, СИМВОЛИКА

В статье рассматривается интерьер и внутренне убранство традиционной крестьянской хаты российско-белорусского пограничья, описывается символика жилища, связанная с природным и жизненным циклами человека, семейно-обрядовыми традициями. Особое внимание уделено символическому значению сакральных мест и предметов традиционного жилища – красному углу, печи, краснам.

Ключевые слова: традиционное жилище, хата, интерьер хаты, предметы быта, символика жилища, сакральные места в традиционном жилище.

Хата (именно так называется традиционное жилище на белорусско-российском пограничье) представляет собой одну из наиболее важных ценностных категорий в народном сознании. *"Няма лепшай хаткі, як у роднай маткі; Лепш у сваёй хатцы, як у чужым палацы; Свая хатка – родная матка"* – так оценивает хату народ. В этих высказываниях на одной аксиологической оси находятся слова *мать (матка), родная, своя, лепш, лепшая*. Для обозначения жилища русские и белорусы используют диминутив *хатка*, тем самым выражая особо теплое отношение к родному жилищу. Хата, родной дом – это истоки жизни человека, родина, место, где человек родился и вырос, место, которое навсегда остается в сердце. Одно из самых больших несчастий в жизни человека – лишиться родного крова.

Организация внутреннего пространства хаты, функциональная взаимосвязь и последовательность расположения отдельных ее частей, типологическая характеристика составных элементов, конкретное (предметное) наполнение жилища определялись бытовыми потребностями и имели много общего у русских и белорусов. Общей была типовая планировка хаты с русской печью в ближнем от входа углу, пристенными лавками, местом в углу под образами. Вместе с тем в интерьере хаты разных регионов Беларуси и России имелись свои локальные особенности: например, разные объёмные пропорции, размещение и конструктивные особенности печи, разные способы освещения, убранство красного угла, наличие глинобитного или деревянного пола, разнообразие мебели и бытового инвентаря, варианты местных ступ, жерновов, местные узоры одежды и декоративных тканей, широко представленных в интерьере, – все это воочию отражало региональное разнообразие традиционной культуры, которая еще

больше усложнялась семейными трудовыми навыками и духовными традициями, социальной неоднородностью населения [7, с. 117–118].

Традиционное крестьянское жилище прошло долгий путь: от "курной" однокамерной хаты (XVI–XVIII вв.), до "белых" ("чистых") двухкамерных (хата+сени) и трехкамерных (хата+сени+хата; хата+сени+хозяйственная постройка) домов (с XIX в.). В современной Беларуси и России остается все меньше деревенских домов, которые принято называть традиционными. Постройки, что сохранились до наших дней, – в большинстве своем послевоенные, советские. Это деревянные яркие домики, покрашенные желтой, голубой или зеленой краской, часто в комбинации этих цветовых тонов. Изменилась планировка жилища, его внутреннее убранство, стал выше потолок, два окна выходят на улицу, два или три – во двор, комнат в среднем две-три [6].

"Без четырех углов хата не стоит"

Существуют разные концепции символики хаты. На наш взгляд, интересна концепция, связанная с природным календарным циклом и жизненным циклом человека, с семейно-обрядовыми традициями: в хате 4 угла, сходящиеся в центре, и каждый угол соотносится с определенной порой года и важнейшими вехами жизни человека, такими как рождение, свадьба, новоселье, похороны и др. К теме "Зима" относится хозяйский угол (*бабий кут/бабін кут*), находившийся около входа в хату напротив печи. "Весна" – это "красный угол" (*покуць, красный/чырвоны кут, бажніца*) – самое праздничное место в хате. На *покуці* развешивались образа, убранные узорными рушниками, горели лампы, свечи, хранились веточки вербы, освещенные в Вербное Воскресенье, дожинальный сноп, принесенный с поля, свадебный каравай и другие ритуальные предметы. Под окнами в красном углу ставились лавки практически на всю длину стен и стол, накрытый скатертью. Обычно между красным и бабьим углами выполнялись всевозможные хозяйственные работы. Именно здесь ставили станций (*вярстат, красны*). Рядом был лучник, чаще в виде переносной стойки с зажимом, в который втыкали лучину. "Лето" – это часть помещения от печи до стены, где находился спальный помост (*пол, полата/палаці*). На нем лежали набитый сеном или соломой матрац (*сенник/сянник*), подушки, постилки. Тут же вешалась детская люлька (*калыска*). Под потолком прикреплялись тонкие жерди для одежды (*ашосткі*). "Осень", пора достатка – это прежде всего *печь*. Около нее находились *качарэжнік/важужнік*, где составляли печной инвентарь. Под потолком здесь тоже крепились жерди, на которых сушили одежду и ткань. Рядом с печью – хлебная *дежа (дежка)* [2]. Стены хаты периодически (к праздникам) мыли, скоблили.

Богатством и разнообразием обстановки хата не отличалась, однако каждая вещь имела свое место, определенное вековыми традициями.

Продукты обычно хранились в каморе, сенях, клетки в деревянной емкости (*кубел*); одежда, изделия ткачества, приданое невесты – в *сундуке* (*куфр/кофр/куфар, скрыня*). Пространство сеней занимали бондарные и плетеные емкости, ступа, жернова, корыто для корма скота и др. По стенам в один или два яруса располагались полки для хранения посуды, инструментов. На вбитых в стену деревянных крюках висели сбруя, старые тулупы (*кажухі*), на деревянной жерди – мешки. Сени часто использовались как летнее жилище, поэтому здесь могли стоять кровать, стол, скамеечки [1].

Интерьеры хат украшались вышитыми или вырезанными из бумаги занавесками, рушниками, салфетками, сетчатыми скатертями и накидками на подушки. Над кроватями вешали расписной или самотканый ковер, на полу расстилали тканые дорожки. Самым простым и доступным в материалом была солома. Из нее плели посуду для хранения зерна, муки и других продуктов. Мелочь и рукоделия хранились в соломенных или деревянных шкатулках. Необходимой утварью крестьянского дома была глиняная посуда, созданная руками народных умельцев-гончаров: жбаны для молока и кваса, горшки для приготовления пищи, гляки для хранения масла, слинки для меда, спарыши для супа и каши, приносимых в поле жнецам и косцам.

В интерьере традиционного жилища есть несколько сакральных мест, особо значимых и почитаемых, имеющих сложную амбивалентную символику.

При планировке дома большое значение имела оппозиция: юго-восток против северо-запада. На этой оси обычно находились две наиболее важные, символически наполненные жилые зоны – *красный угол*, где стоял *стол*, и *печь* с прилегающим к ней пространством. "Осью ориентации жилища является диагональ: красный угол – печь. Красный угол отождествляется с востоком или Богом, указывая на полдень, на Божью сторону, откуда идет свет, а печь – на запад, на тьму, отождествляясь с западом или севером. Место у печи – женское пространство, в красном углу – наиболее почетное" [3].

"Няма лепшай рэчы, як дома на печы"

Особое место в доме отводилось печи. Обычно печь имела несколько функциональных элементов: *под/чарэнь* – на нем разжигали огонь; *прытечак* – место, где сохранялся жар; *камін/камінок* – самостоятельная печечка, в которой готовили быструю еду и т. д. В печах делали *пячуркі* – небольшие ниши на поверхности печи, в которых удобно было сушить небольшие бытовые предметы.

Печь многофункциональна. В ней готовят пищу, на ней спят, в некоторых регионах используют в качестве бани, с ней связана народная медицина, многие обряды, например, обряд приручения ребенка или домашних животных к дому; обряд припекаания больного ребенка;

заглядывание в печь после похорон – обряд избавления от боязни покойника и тоски по нему; вынув хлеб из печи, нужно бросить туда полено, чтобы хлеб не выводился, <чтобы не зевала печь>, т. е. не было голода в хате; на ночь в печь клали полено и ставили горшок с водой, чтобы у печи или у огня было что есть и пить и т. д. Как вместители пищи или домашнего огня печь воплощает собой идею дома в аспекте его полноты и благополучия и в этом плане печь соотносена со столом

Символика печи двойственна: с одной стороны, связана с интимной (утробной) жизнью человека (соитие, дефлорация, развитие плода, рождение), с другой стороны, соотносена со смертью (агония, смерть и посмертное существование). В свадебном и родинном обрядах она символизировала рождающее женское лоно, а в похоронном – дорогу в загробный мир или даже само царство смерти, подчас дифференцированное на ад и рай. Отдельные элементы печи также имеют особое символическое значение: печная труба (выход из дома, через который осуществляется связь с внешним миром, в том числе с <тем светом>, с потусторонними силами); пространство за печной трубой и угол около печи также особо почитались; огонь в печи осмыслялся как живое существо. Одним из опекунов хаты являлся *пячурник*, который проживал под печью, и его ни в коем случае нельзя было чем-то обидеть [4].

"Кто любит честь, тому бы в передний угол сесть"

Если сакральность печи связана во многих случаях с ее утилитарным применением, то сакральность *красного угла* иного типа – обращена к Божественному началу. Красный угол (*красный/чырвоны кут, покуць, святой, передний, почётный, верхний, большой, кутный угол, кутник*) – это своего рода домашний алтарь, обращенный на юго-восток, который воплощал собой символ православной веры (существует мнение, что его символика связана с двоеверием: красный угол как символ христианства, является противоположностью печи как олицетворению языческой веры). В красном углу висели иконы, украшенные вышитыми красными рушниками. На белорусско-русском пограничье такие рушники назывались чаще всего *набожник*, реже – просто *ручник*, в Витебской области фиксируется название *набразник*. На *покуці* стояли стол и сходились две лавы-скамьи, неподвижно прикрепленные к стенам (служили местом отдыха и работы, для чего снабжались отверстиями для прялок, гребней, винтов и тисков).

В красном углу, под иконами, люди не только молились, здесь отмечали все религиозные праздники и совершали обрядовые действия, связанные с рождением ребенка, его первым купанием; со сватовством, свадьбой, проводами невесты на венчание; под образами прощались с покойником и справляли поминки. Этнографы и историки не раз обращали внимание на характерную для народной культуры связь красного угла с потусторонним миром. Практически вся жизнь человека была напрямую связана с этим особым, сакральным местом.

"Не учишь безделью, а учишь рукоделью"

Умение ткать было обязательным для каждой женщины, поэтому прялка и ткацкий станок – на белорусско-русском пограничье он назывался *кросна/кросны* – присутствовали в интерьере традиционной хаты. Этимологически слово *krosno* в своем первичном значении "навой, вращаемая часть ткацкого станка" соотносится с глаголом *крутить* (вращать). В народной культуре *кросны* также рассматриваются двойственно: с одной стороны, как предмет, способный повлиять на плодородие, рождаемость и плодовитость, а с другой, – как атрибут потустороннего мира и нечистой силы. Кросны используется в обрядах, направленных на рождение, прибавление, увеличение плодородия и плодовитости. Например, роженицу для облегчения родов переводили через кросны. В Полесье также считалось грехом оставлять надолго (на все лето, на рождественские праздники) невытканные кросны, а чтобы вызвать дождь, окуналив воду или бросали в чужой колодец ниты от ткацкого стана или веретено. На продуцирующей семантике основывается использование кросна как оберега от нечистой силы, болезней. Когда путались или рвались нитки, верили что кросна сглазили – *спортили кросна*. Сам станок также требовал оберега, особенно оставляемый с неоконченной работой на ночь: его накрывали платком или клали рядом гребень, чтобы домовый не работал на станке, не стучал [5].

Таким образом, в традиционном жилище каждая вещь имела свое место, назначение и ценность, не только утилитарную, бытовую, но и символическую, духовную. Все было наполнено смыслом, связано с жизненным циклом, традициями, обрядами. Традиционные элементы интерьера сохраняются в сельских домах до настоящего времени и являются ценным музейно-экспозиционным и этнографическим материалом.

Список использованных источников

1. Белорусская деревня: быт, хозяйство и традиционная культура : [сайт]. – URL: <https://gorodok1863.livejournal.com/7340.html> (дата обращения: 16.04.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
2. Где в хате красный угол : [сайт]. – URL: <https://www.sb.by/articles/gde-v-khate-krasnyy-ugol.html> (дата обращения: 24.04.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
3. "Красный угол": почему русские клали покойника в самый почетный угол : [сайт]. – URL: <https://cyrillitsa.ru/tradition/154978-krasnyy-ugol-pochemu-russkie-klali-p.html> (дата обращения: 16.04.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
4. Символика печи в белорусской народной хате : [сайт]. – URL: https://studbooks.net/1081373/kulturologiya/simvolika_pechi_v_belorussoy_

narodnoy_hate (дата обращения: 16.04.2022). – Режим доступа: свободный.
– Текст : электронный.

5. Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 томах. Том 2 / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Институт славяноведения РАН, 1995. – 687 с. – ISBN: 5-7133-0703-4. – Текст : непосредственный.

6. Традиционный дом белоруса : [сайт]. – URL: <https://planetabelarus.by/publications/traditsionnyy-dom-belorusa-ischezayushchiy-stil/> (дата обращения: 16.04.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

7. Цітоў, В. С. Народная спадчына: Матэрыяльная культура ў лакальна-тыпалагічнай разнастайнасці / В. С. Цітоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 300 с. – ISBN 5-343-01050-4. – Текст : непосредственный.

**ДУХОВНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И
ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

Леонтьева Татьяна Валерьевна¹, Мокиенко Валерий Михайлович²

¹Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия
e-mail: leotany@mail.ru

²Санкт-Петербургский федеральный университет,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия
e-mail: mokienko40@mail.ru

УДК 811. 161. 1:39(038)

ИЗ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ОРНИТОЛОГИИ: ДРУЗЬЯ И ВРАГИ СОРОКИ

**Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда
(проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и
фразеологии: системно-языковые данные и дискурс)**

Лингвистическое исследование Полесья как восточнославянского пограничья – актуальная славистическая проблема. Паремиологический материал позволяет показать лингвокультурологическое наследие этого языкового континуума как в его сходствах, так и различиях. В докладе они демонстрируются на примере русских, украинских и белорусских пословиц и поговорок с компонентом-орнитонимом "сорока". При общем сходстве, унаследованном с праславянского периода, отмечаются семантические и аксиологические различия конкретных паремий. Орнитонам "сорока" анализируется на фоне других орнитонимов в спектре оппозиции "Единение"–"Вражда".

Ключевые слова: концепт единения и вражды, паремиология, пословица, поговорка, орнитоним "сорока", восточнославянское пограничье

Известно, сколь значимо для исследований истоков и иррадиации народной лингвокультуры имеет славянское пограничье, которое стало странственным объектом нашей конференции. К такому пограничью несомненно относится и белорусское и украинское Полесье, давно уже ставшее центром притяжения славистов – этнографов, фольклористов, историков, этнолингвистов и лингвокультурологов. Это и понятно, ибо многие поколения исследователей (Л. Нидерле, М. Фасмер, К. Мошинский, Ф. П. Филин, Н. И. Толстой и др.) именно здесь вели поиски прародины славян, находя убедительные доказательства древности и исконности Полесья как автохтонной территории расселения наших предков. Вершиной таких исследований стала пятитомная энциклопедия "Славянские древности" [8], созданная под руководством Н. И. Толстого и С. М. Толстой большой группой их учеников и последователей, несколько десятилетий записыв-

вавших у жителей Полесья "преданья старины глубокой". Преданья, сохранившие дух праславянского языкового у культурного единства.

Каждый фрагмент такого наследия самоценен уже потому, что он позволяет проследить развитие языковых и культурных "переживаний" от древности до нашего, XXI-го века. Один из таких лингвокультурологических фрагментов предлагается в этой статье – очерк об орнитониме *сорока* в паремиологическом зеркале.

В недавно опубликованном фразеологическом словаре Западного Полесья и смежных территорий этому орнитониму уделено достойное внимание: он стал смысловым стержнем 11 устойчивых выражений [2, с. 112, 436]. Семантически они представляют довольно компактные группы, характеризую доминантные метафорические коннотации нашей птицы у жителей Западного Полесья и смежных территорий. Особо здесь выделяется такой ее раздражающий людей признак, как чрезмерно громкое, неприятное стрекотание, переносно характеризующее и отрицательные свойства человеческого (прежде всего женского) поведения:

1. Болтливость: *скреготіти як сорока* 'про балакучу жінку, базіку' (Смідин, Ставок); *таракотіти як сорока* 'то же' (Воєгоща); *тріскотіти як сорока* 'то же' (Гірка Полонка); 3. *чваркотіти як сорока* 'про балакучу жінку, базіку'; *сорока скрекотлива* 'про балакучу жінку, базіку' (Шменьки).

2. Пристрастие к сплетням: *рознести як сорока по селі* 'про жінку, яка не вміє зберігати таємниць, пліткарку' (Заріччя); *хвостата сорока* 'про жінку, яка не вміє зберігати таємниць, пліткарку' (Топільне).

3. Склонность к похвальбе: *хвалитися як ті сороки* 'про хвалькувату людину' (Любитів).

В одном из таких фразеологизмов эти три характеристики выступают в неразрывном единстве: *сокотіти як сорока* 1) 'бути балакучим'; 2) 'пліткувати'; 3) 'про хвалькувату людину' (Шменьки).

Два других (из одиннадцати) фразеологизмов с компонентом *сорока* более индивидуальны:

4. Критичность, недоверчивость: *як сорока в кістку* 'бути критичним' (Забара).

5. Неопрятность, неряшливость: *на голові сорока гніздо звила* 'мати розтріпане волосся' (Броди).

В русских народных говорах представлены подобные экспрессивные характеристики нашей птицы [3, 4, 5]:

1. Болтливость: разг. Как сорока 'об очень болтливой, быстро и бойко говорящей женщине, тараторке'; вят. ерготать как две сороки; баять как сорока; кубан. Балабокать как сорока; пск. Болтать/ разболтаться (таракать/ растаракаться) как сорока; орл. Гваздить как сорока; народн. Лепетать (сокотать) как сорока; прост. Трещать (стрекотать) как сорока; кубан. Цокотать как сорока; смол. Щекотать как сорока. Ср. Как сорока хвостом, так и

болтун языком ‘о беспардонном болтуне’; сорока сокочет, гостей пророчет; всякая сорока от своего языка погибает (погибнет, гинет); сорока гостей накликала и под.

2. Пристрастие к сплетням: волг. *слетаться как сороки на махан* ‘о судачащих, сплетничающих, любопытных людях, собирающихся вместе’; народн. *настрекотала сорока про Якова всякое* ‘о слухах, сплетнях’; *сорока на хвосте принесла* ‘о неизвестном источнике сообщения, новости (уклончивый ответ на вопрос "Откуда ты знаешь об этом?")’; *сорока на хвосте разносит вести* ‘о неправдоподобных вестях, сплетнях, слухах’, ‘о сплетнице’; народн. *сороки изо рта скачут у кого* ‘о болтливом, лживом человеке, сплетнике. Ср. *И баба видала, как (что) сорока летала; Сорока скажет вороне, ворона – борову, а боров – всему городу; прост. как сорока на хвосте принесла (разнесла); Сорока на хвосте (на хвосту) весть принесла; Сорока на хвосте разносит вести.*

3. Склонность к похвальбе: народн. *вильнуть умом как сорока хвостом* ‘о человеке, хитроумно и лукаво изворачивающемся, выкручивающемся’.

4. Критичность, недоверчивость, любопытство: прост. *любопытный как сорока* ‘о назойливо и дерзко любопытном человеке; волог. *как сороки всесущие* ‘о любопытных, везде сующих свой нос женщинах’.

5. Неопрятность, неряшливость: смол. *чья жисть сороочка – як сарока на калу*; волог. *жить как сорока на остром колу* ‘о чьей-л. жизни, полной лишений и неудобств’; народн. *как сорока: где [ни] посидит, там [и] накостит (напакостит)* ‘о человеке, который везде, где бывает, творит пакости’. Ср. волг. шутил. *сороки на гнездо унесут кого* ‘о чрезмерно чистоплотном человеке’; народн. шутил. -ирон. *как сорока бродила/набродила (писано)* ‘о чьём-л. дурном, неровном, нечетком и неразборчивом почерке’.

Белорусская паремиология воспроизводит те же коннотативные характеристики сороки [7, 1, 9]:

1. Болтливость: *затрашчаць/трашчаць як сарока; застракатаць як сарока на дождж; лахандзець як сарока*. Ср. *Сарока шчакечыць – гасцей кажыць; Сарока шчабеча – гося ждэжэ; Сарока шчабеча – гося будзе; Недарам сарока шчабятала, гасцей казала* и под.

2. Пристрастие к сплетням: *як сарока на хвасце*.

3. Склонность к похвальбе: *Над пешым арлом і сарока з калом; Каб не затыкі ды датыкі, дык і сарока кросны ткала б; Тагды хіба перастанець, калі ўся сарока бела станець*.

4. Критичность, недоверчивость, любопытство: *угледзеца як сарока на костку*.

5. Неопрятность, неряшливость: *Не мыйся чыста, а то сарокі знясуць; Не ўся сарока бела; жыць як сарока на калу*.

В украинском малом фольклоре сорока характеризуется подобными качествами: "З дрібніших птахів колоритною є сорока. її невгамовне скре-

котання асоціювалося з балакучістю. На цій основі виникли й прислів'я *Сорока сороці, ворона вороні, грак гракові, дурак дуракові, Всяка сорока від свого язика страждає* та ін. Коли не хочуть відкривати джерела якоїсь новини, то адресуються до сороки: *Сорока на хвості принесла*" [6, 1, с. 20]. Они представлены многими паремиями [6, 1-4]:

1. Болтливость: *балакучий, як сорока; говорить, як сорока скрекоче; говорить, як сорока білобока; скрекоче, як сорока; торохтить, як сорока; цокотала сорока пугачеві і про теє і про сее, і про Якова, і про всякого, а він їй в одвіт "Пугу!"*; *Сорока скрегоче, бо гостей хоче; Сорока віщує прихід гостей; Сорока скрегоче – дівка того хоче, бо гості будуть; Сорока скрекотала – гості казала; Сорока – жіноча розмова* и под.

2. Пристрастие к сплетням: *сорока на хвості принесла вістку; цю вістку сорока на хвості принесла; панянки скреготять, як ті сороки, і без сорому кожного на зубах перетирають; Сорока – сороці, ворона – вороні та й піде чутка; Сорока – сороці, ворона вороні, так і пішло.*

3. Склонность к похвальбе: *заливається, як сорока на гілці; сороки колодязь перевернули; Хитру сороку спіймати морока, а на сорок сорок – сорок морок; Сорока скаже, що сир, та й ухопить; Знає сорока, де зиму зимувати.*

4. Критичность, недоверчивость, любопытство: *будеш глядав так, як сорока в кістку; заглядає, як сорока в кістку; заглядає, як сорока на голу кістку; ходить, заглядає, як сорока в кістку; На голу кістку і сорока не впаде.*

5. Неопрятность, неряшливость: *він, як сорока: де посидить, там і напаскудить; розживемось, як сорока на лозі, а тіль на воді; набудував, як сорока; пише, як сорока лапою; пише, як сорока по тину; се написав, неначе сорока.*

Показательно, что отмеченные в Западном Полесье аксиологические характеристики сороки имеют не только широкий славянский ареал, но и связаны с этнолингвистической символикой. Так, стрекотание сороки, в бытовой семантике связываемое с болтовней и сплетнями, предсказывает появление гостей или получение известия, чаще всего недоброго. А в приметах оно окрашивается в зловещие тона: сулит несчастья или близкую смерть. Будучи, по народным представлениям, нечистой птицей, сорока связана с другими нечистыми птицами, – особенно с вороной и, реже, – с коршуном [А. В. Гура – 8, с. 126-127]. Восточнославянская паремиялогия, отражая такой орнитологический "союз", запечатлела и следы взаимодействия сороки с другими птицами, в общем виде укладываемые в оппозицию "Друзья" и Враги".

Разумеется, в самых неразлучных друзьях сороки и в мифологии, и в паремиялогии восточных славян фигурирует ворона. Об этом свидетельствуют многочисленные пословицы и поговорки.

Эти птицы хорошо знают друг друга, внешне похожи и ведут себя сходным образом.

Рус. *Знай сорока сороку, а ворона ворону; Сорока в платье и ворона в платье, будет платье и на нашей братье; Ворона в платье, сорока в платье; будет платье и на нашей братье; Между воронами и сорока повороньи каркает; Сорока скажет вороне, ворона – борову, а боров – всему городу.*

Укр. *Сорока-бо сороці, а ворона вороні скаже; Сорока – сороці, ворона – вороні; Сорока – сороці, ворона – вороні та й піде чутка; Сорока – сороці, ворона вороні, так і пішло; Сорока сороці, ворона вороні, грак гракові, дурак дуракові.*

Ср. рус. *С ворон болтун начал, на сорок перевёл – укр. Из ворон почали, а на сороки перевели.*

Живут они в одинаковых природных условиях, не переставая при этом удивляться друг другу.

Рус. *Сорока вороне дивует, а обе на улице ночуют; Сорока вороне дивуется, а обе живут на одной улице; Сорока над вороной (ворона над сорокой) дивуется [, а [обе] живут на одной улице; Ворона над сорокой дивуется [, а [обе] живут на одной улице.*

Белор. *Варонаю не будзь, то і сарока не падвядзе; Жыві з сарокамі, жыві й з варонамі.*

В случае необходимости они действуют заодно.

Рус. *Нет обороны, так клюют сороки и вороны; Ворона – не оборона, [а] сорока не без порока; Вот, напряла ворона мот, а сорока пасмы, да и то не хвастат.*

Укр. *Сорока у ворони просить оборони; Сорока у ворони прохала оборони; Сорока в ворони прохала оборони; На кого ворони, на того й сороки;*

Сорока, ворона, на припичку сиділа, діткам кашку варила, ополоником мішала, да й так годувала... Оцьому дам, і сьому дам, і сьому дам, а сьому не дам! сей бицман дров не рубав, води не носив, хати не топив!...; Сорока-ворона, на припичку сиділа, діткам кашу варила, ополоником мішала, діток годувала... Оцьому дам, оцьому дам, а цьому не дам, бо цей болван дров не рубав, води не носив, діжі не місив, печі не топив, хліба не пік, з хати втік!

Для охотников обе эти птицы не представляют интереса ввиду одинаковой малоценности такой добычи: *Бей сороку и ворону.*

Народная диалектика при этом этих двух птиц полностью не отождествляет, ибо они разнятся по оперению: *Сорока не ворона: в одно перо не родится; Человек не сорока, не ворона: в одно перо (перье) не родится; Сорока и ворона в одно перье не уродятся.*

Двумя другими птицами, выступающими в качестве своеобразных "спарринг-партнеров" сороки, являются сокол и лебедь. Разные по своей орнитологической породе, они тем не менее в паремиологии становятся

неким эталонным ценностным противовесом и сороке, и вороне. Разумеется, противовесом с точки зрения охотничьей добычи:

Рус. : *Бей сороку, бей ворону – руку набьёшь, сокола убьёшь; Бей сороку и ворону – доберёшься [и] до ясного сокола; Бей сороку и ворону – добьёшься и до белого лебедя; Бей сороку и ворону – добьёшься и до ясного сокола, и до белой лебёдки.*

Белор. : *Страляй сароку, варону – даб'еися да сокала; Бі сароку і варону – даб'еися белага лебедзя.*

Укр. *Бий сороку і ворону, діб'єися і до білого лебедя; Бий сороку і ворону, діб'єися і до ясного сокола.*

При этом в русской орнитологической ролевой иерархии сорока и сокол выступают как непримиримые соперники, одна мысль о содружестве которых кажется абсурдной: *Дошли странные вести, что сокол с сорокой летают вместе; Дошли до невежи старинные песни, что сокол с сорокой летают вместе.* Столь же несовместимо взаимодействие сороки с другой хищной птицей – орлом: рус. *Воробьям до сорок далеко, не то, что до орлов;* белор. *Над пешым арлом і сарока з калом;* укр. *Над пішим орлом і сорока з колом; Куди орли літають, туди сорок не пускають; Дружні сороки і орла заклюють.*

В определенной "конкуренции" с сорокой выступает и сова, сыч (укр. *пугач – 'филин'*): рус. *У совы, сидящей в дупле, сорока не спрашивает новостей; Сороку взять – щекотлива, ворону взять – картавита, взять ли сову господжу?; Настрекотала сорока, что на сыча похож Фока;* укр. *Цокотала сорока пугачеві і про тебе і про сест, і про Якова, і про всякого, а він їй в одвіт "Пугу!".*

Особые отношения сороки регистрирует паремиология с более крупными, чем она, птицами при условии сорочьего "содружества": *Дружные сороки и гуся съедят; Дружные сороки и гуся съедят, дружные чайки и ястреба забьют; Дружные сороки и гуся утащат; Разрозненные гуси добыча для сплоченных сорок;* укр. *Як дружні сороки, то й гуску з'їдять.* При этом одна из паремий характеризует разнонаправленность перелетов этих птиц: *Гуси летят с Руси, а сороки в Запороги.*

Голосовой диссонанс неблагозвучного стрекотания сороки и мелодичного пения соловья отмечен русскими пословицами *Сорока никогда соловьиных песен не поёт* и *Сорока соловьиных песен не поет.* Другие орнитонимы в окружении сороки спорадичны и, как кажется, семантически довольно индивидуальны: рус. *Осудила кукушка сороку, что наперстка нет; Из ивового (твоего) куста либо дрозд, либо сорока;* укр. *Сорока сороці, ворона вороні, грак гракові, дурак дуракові.*

Обзор восточнославянской паремиологии, компонентным стержнем которой является наименование сороки, демонстрирует коннотативную общность в ее восприятии. Общность, фиксируемую как в районе славянского пограничья (напр., в Западном Полесье), та и на всей территории

восточной Славии. Пословицы и поговорки с этим компонентом отражают аксиологическую градацию в восприятии сороки на фоне других орнитонимов, в том числе и на оси оппозиции "Друг – Враг". Не исключено, что многие представления об этой птице уходят корнями в праславянскую эпоху, кодируя в себе древние мифологические аллюзии и реминисценции.

Список использованных источников

1. Володина, Т. В., Мокиенко, В. М. Русско-белорусский словарь сравнений. – Минск: Беларуская наука, 2018. – 811 с.

2. Мацюк, Зоряна. Говорити як медок варити : словник фразеологізмів Західного Полісся та суміжних територій / Зоряна Сергіївна Мацюк. – Луцьк : Вежа-Друк, 2020. – 688 с.

3. Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений. – Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО "ОЛМА Медиа Групп", 2008. – 784 с.

4. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений. – Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО "ОЛМА Медиа Групп", 2008. – 800 с.

5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. – Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М. : "ОЛМА Медиа Групп", 2010. – 1024 с.

6. Прислів'я та приказки. Упорядник М. М. Пазяк. – К. : "Наукова думка". Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. – 1989. – 479 с. Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. – 1990. – 524 с. Т. 3. Взаємини між людьми. – 1991. – 440 с. Т. 4. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. Упорядник М. М. Пазяк. – К. : Наукова думка, 2001. – 392 с.

7. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах. Складанне, сістэматызацыя тэкстаў, ўступны артыкул і каментарыі М. Я. Грынבלата. Т. 1 – 560 с. ; т. 2 – 616 с. Мінск: Навука і тэхніка, 1976.

8. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого. Т. 1. А-Г., 1995. – 584 с. ; т. 2. – Д-К (Крошки), 1999. – 697 с. ; т. 3. – К (Круг) – П (Перепелка), 2004. – 704 с. ; т. 4. – т. 5. –, 2013. – М. : Изд-во. "Международные отношения"

9. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / НАН Беларусі, ін-т мовы і літ. імя Я. Купалы; уклад. Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей; навук. рэд. В. М. Макиенка. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 482 с.

УДК 811. 161'42: 7. 046. 1 (=161)

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ СИНКРЕТИЧНОГО ИДИОЛЕКТА: РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

В статье рассматриваются сведения, относящиеся к сфере народной демонологии, зафиксированные собирателями на территории города Новозыбкова и Новозыбковского городского округа. Отмечается наличие сходных языковых и внеязыковых фактов в других культурных традициях, выявляются региональные особенности традиционных народных верований из сферы "низшей" мифологии.

Ключевые слова: традиционная духовная культура, этнолингвистика, ведьма, оборотничество, вредоносность.

Территория российско-белорусского пограничья, к которому относятся населенные пункты юго-западной Брянщины, является ценнейшим источником сведений по народной духовной культуре. Несмотря на происшедшие и происходящие здесь социальные потрясения (военное и послевоенное время, авария на ЧАЭС) и вполне мирные явления (миграционные процессы, урбанизация населения), на этой территории в большом количестве сохранилось автохтонное население, унаследовавшее от своих предков уникальные сведения, связанные с традиционными языческими верованиями. Именно об этом красноречиво свидетельствует недавно опубликованная книга "В мире живого народного слова Брянского края", авторами-составителями которой являются Сергей Михайлович Пронченко – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского в г. Новозыбкове и Мария Александровна Мухина – учитель русского языка и литературы Замишевской средней общеобразовательной школы Новозыбковского городского округа Брянской области [4]. Содержащийся в этой "книге для филолога" богатый фактический материал – рассказы местных жителей, зафиксированные с сохранением важнейших диалектных особенностей – демонстрирует как общевосточнославянские, так и местные, региональные сведения, являющиеся объектом изучения этнолингвистики – направления современного языкознания, занимающегося исследованием отражения в языке народных обрядов, обычаев и различных традиционных верований, что наглядно подтверждается данными наиболее авторитетного источника – этнолингвистического словаря "Славянские древности", подготовленного

коллективом авторов под руководством академика Н. И. Толстого [7]. Остановимся на характеристике некоторых этнолингвистических древностей юго-западной Брянщины, представленных в названной книге и связанных с народной демонологией.

К числу главных мифологических персонажей "низшего уровня" относится ведьма, которая "сочетает черты реальной женщины и демона" [2, с.297]. Например, респондент из села Верещаки рассказывает о ведьме Бельчихе как о конкретной женщине, живущей в определенном, всем известном месте: *А яе уарод на самам краю, туды пат Свяцкую, дак на самам краю уарод. Адин ище двор – и яна* [4, с. 66]. В рассказе жительницы Новозыбкова Райсы Федоровны Булановой отмечаются две важнейшие особенности ведьмы: ее способность к оборотничеству и вредоносность, в том числе –насылание трудноизлечимой болезни: *Ну уаварыли, што вот у кошку прэвращаюцца хтось-то... Ну у кошку, у любое маугли прэвратицца. Ва што ууодна, да. Были люди балели. Вот чалавек ходя, сохня, есть ня хоча, пить ня хоча. И балезнь нихто не прызнаёт. Ну эта только жэ вот накалдавала эта ведьма* [4, с. 35].

Превращение в кошку (чаще всего – в черную кошку) – обычное проявление оборотничества ведьмы [3, с. 360]. Об этом, как о реальном жизненном факте, рассказывает Нина Макаровна Елисеенко – жительница села Верещаки Новозыбковского городского округа: *Я щё была малая, была падпасичем у бабки. Бабка старая, пасьвила кароў. Ну, унали кароў. Яна напераде и деть, а я пауаняю. Прабеула кошка чорная – ведьма. А яна ж, ведьма тая, Варка ее звали. Кароў уоним дамоў. А карова – ни в какую: на дыпки становицца – и никак! Што мы только ни делали! Ничёга рады карови ни зделаим! Эта Варка, эта тая ведьма зделаала!* [4, с. 66].

В соответствии с народными верованиями, ведьма нередко принимает образ круглого способного самостоятельно перемещаться предмета: колеса, клубка, корзины [2, с. 298]. Это наглядно и достаточно живописно подтверждается информантами из сел Верещаки и Каташин: *Идутъ наши свяцкоўцы, хлопцы. Так па насыпу идуць уулять. Котицца каток. Каток этый котицца, а яны куды? У канаву. А адин кажэ: "Ой, дурныя вы! Эта ужэ ведьма! Эта ужэ ж сам каток ни пакотицца! Давайте сычас мы яўэ тэй!" Не. Вси си равно папужалися, вси утыкат. Так яна пакатицлася – и всё. Да мостика дакатицлася, и ўде делаця [4, с. 67]; Бачыли. Да, такое: калабком, катком. И котицца па дароўи клубок. Ну эта ведьмы; Ишол з уульни. Хлопцам ище быў. Котицца каток во с калёс. И прями-ка пад мене. Дак я хватиў тэй каток. И де делаця всё [4, с. 100–101].*

Широко распространены также поверья о том, что за свои грехи ведьма наказывается тяжелой, мучительной смертью, и для того, чтобы облегчить ее уход в иной мир, советуют сделать отверстие в потолке или крыше дома. Показательно, что жительница села Новые Бобовичи Ольга Федоровна Ерошенко, передавая слова дочери умирающей ведьмы (*Ужо*

сутки во памирая и ничёуа ня зделаю), сообщает и о предсмертном распоряжении ведьмы Кававшихи, согласно которому во время ее кончины нужно отрывать либо мостницы (половицы), либо доски на потолке: *Як буду памирать, дак аткрывайтя две масницы, а хоть на паталку* [4, с. 83].

Ведьма, как считается, не сможет умереть до тех пор, пока не передаст свои знания и способности кому-то, кто находится в это время с ней рядом: "Ведьмой может стать и обычная женщина, если умирающая ведьма передала ей свое ведовство через какой-нибудь предмет (веник или клубок), на который были нашептаны знания" [3, с. 359]. Сравн. информацию от жительниц села Новые Бобовичи: *Бельчыха Варка умирала. И вот яна умира-ла, ляжала у яе, у Татьяны. А яна знала кое-што, баба тая. Яна и уаворя: "Падыди ты ка мне". А яна кажэ: "Мам, мне ништо тваё ня нада. Я не падыду" – "Падыди, дай мне сваю руку". Ну и вот яна ужэ не падышла* [4, с. 83].

Не менее опасным магическим приемом, которым пользуется ведьма, является так называемое *вынимание следа*. Вообще, как замечал в свое время английский этнограф Дж. Фрэзер, такие колдовские действия известны в разных культурных традициях: "По всему миру распространено поверье, согласно которому, повредив следы, вы наносите вред оставившим их ногам [8, с. 49]. В редких случаях вредоносная деятельность ограничивается лишь желанием субъекта этого магического действия доставить неприятность человеку. Сравн. русский диалектный фразеологизм *подбирать следы* 'вредить (идя вслед за рыбаком)', который иллюстрируется соответствующей информацией: "В понедельник всякий ловец старается не выходить на лов первым, поскольку последующие следы подбирают, отчего не бывает удачного лова" [6, с. 338]. Вариант этого фразеологизма представлен и в кратком сообщении Нины Макаровны Елисеенко из села Верещаки, содержащем, кроме того, информацию об особом вредоносном магическом приеме – втыкании иголок в след, оставленный человеком: *Ат нас к баби ни идите: баба иуолак панатыркывала в зямлю, наколите. И слет падбярэць ваш, и ноуи у вас аткажать* [4, с. 71]. Сравн. сведения, приведенные в монографии Дж. Фрэзера: "У мекленбуржцев считается, что если вы вгоните гвоздь (иногда требуется, чтобы этот гвоздь был выдернут из гроба) в оставленный человеком след, тот охромеет" [8, с. 49].

Новозыбковчанка Раиса Федоровна Буланова приводит интересные поверья, иллюстрирующие региональный фразеологизм *взять след*: *Я, када у Дубраўке жыла, дак вот набеўла босая на крыницу. Адна мне жэницына и уаворя: "Рая, чё-та ты босая у крыницу бяўиш вады?". Я уаварю: "А што?" – "Нада, – уаварэ, – адяват хоть плахье тапки, но тапки, а то возьмаць слет". Ну вот я прабяўу – мой слет ужэ возьмаць. Землю, да. А я гаворю ей: "Как этап можна той слет брать?"* [4, с. 35].

Чаще же всего магическое воздействие на след ставит целью причинение ущерба здоровью человека. В русской этнокультурной традиции "чары на след" заключаются в измерении следа человека каким-либо предметом (веревочкой, лучиной) с последующим его сжиганием или замуравливанием (замазыванием) в печи, из-за чего у заклинаемого "пропадают ноги", то есть появляется болезнь ног [5, с. 408]. У белорусов "вынимание следа" осуществлялось путем собирания земли из следа, зашивания ее в мешочке и высушивания. "Логика" этого магического действия заключалась в следующем: "Так должен иссохнуть человек, чей след был вынут" [1, с. 169]. В статье "Ведьма", помещенной в этнолингвистическом словаре "Славянские древности", прямо указывается о локализации именно на Брянщине поверья о том, что "ведьма вынимает за человеком его след и подкладывает в чей-нибудь гроб" [2, с. 298]. Сравн. сведения, сообщенные Ольгой Федоровной Ерошенко из села Новые Бобовичи: *Вот человек праишол на пяску. Ти босый, ти абутый ты, який ты идеш. И если я враждую на тябе (хоть ты и вабутый прайшоў), я пясочек тэй сабирала – и у платочик у етый. И кали вот хто умрэ, укинуть у магілу. И тэй чялавек памрэ* [4, с. 80].

Приведенные выше сведения, лишь в незначительной степени отражающие один из фрагментов богатой духовной культуры юго-восточной Брянщины, наглядно свидетельствуют о большом потенциале исследования этих материалов в этнолингвистической перспективе.

Список использованных источников

1. **Богданович, А. Е.** Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнографический очерк / А. Е. Богданович. – Гродно, 1895. – 187 с. – Текст : непосредственный.
2. **Виноградова, Л. Н., Толстая, С. М.** Ведьма // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. – М. : Междунар. отн., 1995. – С. 297–301. – Текст : непосредственный.
3. **Левкиевская, Е. Е.** Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. – М. : ООО "Издательство Астрель", ООО "Издательство АСТ". – 2000. – 528 с. – Текст : непосредственный.
4. **Пронченко С. М., Мухина М. А.** В мире живого народного слова Брянского края: Книга для филолога. – М. : Издательство "Спутник +", 2021. – 228 с. – Текст : непосредственный.
5. **Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным.** – М. : Автор, 1992. – 607 с. – Текст : непосредственный.

6. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. – М. : Междунар. отн., 1995. – 584 с. ; Т. 2. – М. : Междунар. отн., 1999. – 584 с. ; т. 3. – М. : Междунар. отн., 2004. – 704 с. ; т. 4. – М. : Междунар. отн., 2009. – 656 с. ; т. 5. – М. : Междунар. отн., 2014. – 736 с. – Текст : непосредственный.

7. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Вып. 27: Печенки – Подельвать. – СПб. : Наука, 1992. – 400 с. – Текст : непосредственный.

8. Фрэзер, Дж. Золотая ветвь: Исследование религии и магии. Пер. с англ. / Дж. Дж. Фрэзер. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1983. – 703 с. – Текст : непосредственный.

Степанов Евгений Николаевич

Хунаньский педагогический университет,
Китайская Народная Республика
e-mail: stepanov.odessa@gmail.com

УДК 811.161.1'282.4'373.4(477.74)

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА НАИМЕНОВАНИЙ ОРУДИЙ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ТРУДА
В СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ОДЕСЩИНЫ**

В статье представлен функционально-семантический и, отчасти, социолингвистический анализ специфических для русских говоров Одесской области наименований сельскохозяйственного инвентаря, орудий и приспособлений. Дана типология подгрупп таких наименований, основанная на функционально-прагматическом признаке называемых предметов быта, связанных с сельскохозяйственным трудом русских в северо-западном Причерноморье.

Ключевые слова: диалект, говор, лексико-семантическая группа, многозначное слово, наименования орудий сельскохозяйственного труда, Словарь русских говоров Одесщины, Одесская область.

Русские островные говоры юга Украины представляют собой своеобразную "живую лабораторию языка": в них можно наблюдать контакты между разными говорами одного диалекта, между разными диалектами одного языка и между разными языками как близкого, так и отдалённого родства" [5, с. 24].

Первая работа по говорам Одесской области датирована 1952 годом – кандидатская диссертация И. Ф. Нелубовой "Орловский говор на территории Измаильской области УССР (говор села Сергеевка Тузловского района)" [12]. В 1950-е годы были защищены ещё две кандидатских диссертации: М. В. Тихомировой "Южновеликорусский говор на территории Одесской области (говор села Большого Плоского Велико-Михайловского района)" [18] и Л. Я. Усачёвой "К истории курского говора на территории Одесской области (говор сёл Вознесенки и Введенки Арцызского района)" [19]. В последующие годы также защищались кандидатские диссертации Л. Ф. Баранник [3], И. Д. Гриценко [7], Л. И. Демьяновой [8], Е. М. Мотузенко [11], А. И. Швеца [20]. Единственная диссертация доктора филологических наук в области изучения русских диалектов Одесщины была защищена 22 декабря 2021 года Н. Г. Арефьевой [2]. Изучению разных аспектов русской диалектной речи Одесской области посвящено более двухсот статей, среди которых работы Л. Ф. Баранник, Н. И. Букатевича, И. Д. Гриценко, Ю. А. Карпенко, Н. В. Колышкиной (Булки), А. В. Просяной, Е. Н. Степанова, М. Г. Шатух, А. И. Швеца, Н. Л. Швецово́й и ряда

других исследователей [напр.: 4; 5; 6; 9; 10; 15; 16; 17; 21]. Изданы два словаря: "Словарь русских говоров Одесщины" в 2 томах (2000–2001) под редакцией Ю. А. Карпенко [13] и "Фразеологический словарь русских говоров Одесщины" (2020) Н. Г. Арефьевой под ред. Е. Н. Степанова [1], а также учебное пособие Л. Ф. Баранник [5].

В работах рассматриваются системные связи на лексико-семантическом уровне, изучаются проблемы тождества слова и фразеологизма, фонетической, словообразовательной и семантической вариативности, описываются межъязыковые, междиалектные контакты; проблемы русско-украинского, русско-болгарского, русско-молдавско-румынского лексического взаимодействия анализируются в социолингвистическом, этнолингвистическом, историко-культурном аспектах.

Целью данной работы является анализ семантической и социолингвистической специфики лишь одной из лексико-семантических групп лексико-семантического поля "Предметы быта", а именно ЛСГ наименований орудий сельскохозяйственного труда. Предметы, наименования которых проанализированы в этой статье, прочно вошли в сельский быт и картину мира русских, переселившихся в северо-западное Причерноморье и Южную Бессарабию, в основном, из юго-западных областей России в первой трети XIX в., а также в быт старообрядцев, поселившихся на берегах Дуная и Днестра во второй половине XVIII – начале XIX в. Основным источником анализируемого материала послужил двухтомный "Словарь русских говоров Одесщины" (далее – СРГО), изданный в 2000–2001 гг. [13]. Главным принцип отбора включённых в СРГО слов из карточки – их отсутствие в СРНГ на момент макетирования словаря (1999–2000) либо отсутствие в СРНГ каких-либо лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) многозначных диалектизмов.

В СРГО выявлено 278 лексических единиц, которые являются наименованиями орудий сельскохозяйственного труда и приспособлений к ним. Применение метода компонентного анализа наряду с выявлением и использованием в семантической типологии лексем интегральные и дифференциальные семы, мы распределили выявленные единицы по таким лексико-семантическим подгруппам:

1. Наименования сельскохозяйственных машин и приспособлений.

В СРГО зафиксировано 35 наименований машин и 5 наименований приспособлений, не зафиксированных в СРНГ ("Словаре русских народных говоров") или зафиксированных в нём с другими значениями. Например:

Брызгатель, -я, м., нов. Поливальная машина, опрыскиватель. *Падйижжае брызгатель и крапить.* Петр. // СРНГ: нет.

Гречкорушка, -и, ж. Машина для размола гречихи. *Гречкарушка – на ней гречку делают.* Дем. // СРНГ: нет.

Папушо́вка, -и, ж. Кукурузоуборочная машина. *На ступу папушо́вка работала.* Введ. // СРНГ: нет.

Хварзо́нчик, -а, м. Небольшой трактор. *Прежди нам прислали хварзо́нчики.* Б. Пл.

Бурáт, -а, м. Приспособление в мельнице для крупного помола. *Большую часть на бурáт пускали.* Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Дотакá, -и, ж. Приспособление для помола зерна на мельнице. *Дотакá стучит так, шо уши затыкай.* Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Тараба́нка¹, -и, ж. Барабан для веяния зерна. *Раньше мы так веяли: на калисе тараба́нка была, на неё зирно падала.* Ст. Некр.

2. Наименования орудий, применяемых с использованием тягловой силы.

Наименований целых орудий в СРГО зафиксировано 42, их деталей – 19. Например:

Галажо́вка, -и, ж. Небольшой плуг. *Галажували на полю галажо́вкой.* Троиц. // СРНГ: нет.

Двойня́к, -а, м. Устар. Плуг с двумя лемехами. *У каво був два́йняк.* Рус. Ив. // СРНГ: двойник.

Распа́шник, -а, м. Плуг. *Пахали землю на конях распа́шниками.* Серг. *Адна видёть каня за уздечку, а другая – за распа́шник стае.* Серг.

Терноко́п, -а, м. Плуг. *Лашака нада запрячь ф тернако́п, штоп работал.* Мур.

Сошняк, -а, м. Однолемешный плуг. *Сашняк – эта плук адинаковый.* Возн.

Букáр, -а, м. Четырёхлемешный плуг. *Букáрам мы пахали землю.* Дем.

Топта́к, -а, м. Разновидность плуга. *Тантакóм мы пат картоху землю пахаим.* Антон.

Троя́чка, -и, ж. Плуг для обработки кукурузы. *Плужалка или трая́чка – фсе нужна для хазяйства.* Вас.

Вийце, -а, ср. Ось плуга. *Плух цыпляца за вийце.* Троиц. // СРНГ: нет.

Гальмо́, а, ср. Тормоз. *У машины есть гальмо́.* Алекс. // СРНГ: гальма.

Оре́т, ж. Острая часть плуга, которая вспахивает землю. *Арёт арёт землю, а атвал йиё абрасывають.* Троиц. // СРНГ: нет.

Чапи́га, чепи́га, -и, ж. Деревянная ручка плуга. *Дет диржался за чипи́гу.* Рус. Ив., Чап., Антон.

3. Наименования ручного сельскохозяйственного инвентаря, орудий и приспособлений.

Наименований целых орудий – 101, их частей и деталей к ним – 20. Например:

Бары́, мн. Вилы. *Аир балотный дастають барáми са дна.* // СРНГ: в этом знач. нет.

Вілкі, вилкі́, -лок, мн. Вилы. *Вілками складывали копны.* Введ. *Сена вілками складывали.* Серг. *На зимле вілками, лапатами рабили.* Б. Пл. *Вілками салому згрибаим.* Рус. Ив. *Стох смятали вілками.* Спас. // СРНГ: нет.

Горбу́ша, -и, ж. 1) *Устар.* Коса, похожая на серп. *Раньшы мы касили гарбу́шами.* Ст. Некр. 2) Насадка на косу для сгребания срезанных стеблей. *Гарбу́ша – ана к ручки пацыпляйца.* Спас. // СРНГ: во 2-м знач. нет.

Горóдник, -а, м. Лопата. *Лапату ишо гарóдникам завуть.* Рус. Ив. // СРНГ: в этом знач. нет.

Тарпа́н, терпа́н, терпе́н, -а, м. Короткая коса. *Тарпа́нам касили камыши и делали лясы.* Анат., Вас., Дем., Троиц. *У нашава деда тирпа́н дюжа харошы́й был.* Вилк. *Тарпаном у нас папуру и камыши косят.* Нов. Некр.

Грабелі́це, -а, ср. Рукоятка граблей. *Грабли састаяли из нескальких частей: грабелі́ца и других.* Мур.

Кліне́ц, -нца и -нца́, м. Зубец у граблей. *Спадручна клиниц тачильникам тачить.* Введ. *На граблях питнацать клинцоф.* Введ. // СРНГ: в этом знач. нет.

Терпане́нце, -а, ср. Ручка серпа. *Терпане́нца фсигда диривяннае делают.* Вилк.

Баштарма́к, -а, м. Густые деревянные вилы. *Палову фсю сынок баштармаком збираить.* Троиц. // СРНГ: нет.

Фармакі́, -ов, только мн. Деревянные вилы. *А вилы раньшы звались фармака́ми и были диривяны.* Рус. Ив.

Штармакі́, -ов, мн. Вилы. *Бирём иштармакі́ и идём на поле.* Серг.

4. Наименования средств перемещения сельхозпродукции.

Всего – 14 лексических единиц. Например:

Аба́лка, -и, ж. Воз (сена). *Её целую абалку привёс.* Серг. // СРНГ: нет.

Га́раба́, -ы (ы), ж. Арба, длинная четырёхколесная телега с высокими бортами для перевозки сена, соломы. *Га́раба – эта пахожэ на вос, штобы на ней пшаничку складывать.* Возн. *Сена на гарабáх вазили.* Усп. *Гараба́ приижжаить и вязе́ть йиво дамой.* Усп., Б Бур., Введ., Мирн., Рус. Ив. // СРНГ: нет.

Горба́, -ы, ж. Арба. *На гарбе́ сена и хлеп возим.* Дем.

5. Наименования мест хранения сельскохозяйственного инвентаря, орудий, приспособлений и выращенного урожая.

Всего зафиксировано 42 единицы. Например:

Анба́р, -а, м. Место в сарае, куда ссыпают зерно. *В закати есть анба́р.* Серг. // СРНГ: нет.

Возо́вня, -и, ж. Сарай. *Барабулю, бурак и усё там ды высушым, ды у вазо́вню да халадоф.* Б. Бур.

Гамазе́я, -и, ж. Амбар. *Дефки у гамазе́ю хлеп складывали.* Спас.

Гамази́на, -и, ж. 1) Амбар. *Сямяна в гамази́ни харонят.* Серг. 2) Магазин. *Была така гамази́на там на вулицы.* Возн. // СРНГ: нет.

Гамбáр, -а, м. Амбар. В гамбáрах фсе клетки арнаутай завалины . Введ. // СРНГ: нет.

Закáт, -а, м. 1) Сарай. Типеря и горницу, и закáт маем, и калидор у хати. Есть закат, куды падводы, вейлки закатывають. Серг. Пагнала авец в закáт. Алекс. Давно ужэ были закáты . Рус. Ив. 2) Навес. Я брал иё над закáт ат дажжа . Ст. Некр. 3) Чердак дома. Кукурузу на закáти сушым . Петр. // СРНГ: нет.

Закáтник, -а, м. Сарай. Тяпки, лапаты – те в закáтнику стаять. Анат. // СРНГ: в этом знач. нет.

Подсарáй, -я, м. Небольшой сарайчик для хранения сельскохозяйственного инвентаря. Ф патсарáях у нас вилы, цапы, шыты. Павл.

Имеются также многозначные диалектные наименования орудий сельскохозяйственного труда и приспособлений к ним. Разные ЛСВ, как правило, распределяются между разными лексико-семантическими подгруппами ЛСГ наименований орудий сельскохозяйственного труда и приспособлений к ним. Например:

Гра́бки, -бок, мн. 1) То же, что горбу́ша во 2-м знач. (насадка на косу для срезания стеблей). *Гра́пки укрпляютца кола касья, шоп пакос лажылся харашо.* Серг. 2) Деревянное приспособление для захвата соломы. *У нас у хазяйства были адни гра́пки.* Анат. 3) **Грабкí, мн.** Устар. Деталь сохи. *У сахе были гра́пки, штоп ромна шол рят.* Анат. // СРНГ: нет. *Грабки* имеет три ЛСВ, и все они объединены семьей "оформлять, выравнивать покос / вспашку".

Драбiна, -ы, ж. 1) Лестница. *Драбiна называють у нас или лесница .* Алекс. *Драбiну поставила и наверх палезла.* Вас. *Па драбiны мы на кро влю влязаим.* Никол. *Повсеметно.* 2) Боковина повозки, арбы. *Драбiна у гарбы. Адна па ету сторону , другая па ету . Драбiны з дрючкоф .* Возн. *Драбiна у них высокия.* Никол., Усп. 3) Повозка для сена с высокими боковыми стенками, арба. *Сена кладуть в драбiны.* Чап., Мирн., Павлов.

Драбiнка, -и, ж. 1) Уменьш. к *драбина* в 1-м знач. *На драбiнку ни можу залесть.* Рус. Ив. 2) Повозка, уменьш. к *драбина* в 3-м знач. *На свадьбу ани запригали длинны драбiнки.* Алекс. // СРНГ: нет.

Многозначность трёх первых лексем формируется по метафорическому признаку.

Поливáлка, -и, ж. 1) Лейка. *Бири поливáлку, палей цвиты.* Мур. *Грятки поливáлкой палью.* Возн. 2) Поливалочная машина. *Приехал он в савхос, назначили йиво на поливáлку.* Троиц. В слове *поливалка* лексико-семантические варианты различаются дифференцирующей семьей "механизм", но имеют общую сему "функция".

Лéмéш, -а и -á, м. 1) Лемех, часть плуга, подрезающая пласт земли снизу. *Што там есть, лимишá есть.* Рус. Ив. *Адинапашный плух – эта с адним лемишóм.* Б. Пл., Алекс. 2) Плуг. *Тринацать лет хадили за*

лѣмишами. Ст. Некр. В слове *лѣмѣш* ЛСВ соотносятся по принципу синекдохи: метонимического переноса наименования целого по его части.

В СРГО зафиксированы также многозначные слова, только некоторые из ЛСВ которых входят в ЛСГ наименований орудий сельскохозяйственного труда и приспособлений к ним. Есть среди ЛСВ этих слов единицы других ЛСГ лексико-семантического поля "Предметы быта", а также единицы ЛСП "Человек". Например:

Гарáгá, -и, ж. 1) Шест для крепления виноградной лозы. *Гарáга – эта палка такая, штоп винаграгт диржатъ*. Возн., Нов. Некр. *Гарáги делатъ. Подвязыватъ винаграгт*. Ст. Некр. 2) Палка. *Там иѣ гарáгаи душили*. Рус. Ив. *Гарáгаф пастухи набрали*. Усп. 3) *Перен*. Худой человек высокого роста. *Ваня гарáга – патаму шта худой и высокай*. Алекс.

Одинáк, -á, м. 1) Единственный ребенок. *Я у матки адинак был*. Алекс., Чап. *Хто адинак, так их ни брали ф казну*. Никол. 2) *Устар.* Однолемешный плуг. *Раньшы адинаком арали*. Ст. Некр., Возн., Павлов., Вас. 3) Невод с одним кошелем. *Адинак на лямках тяни*. Коса. // СРНГ: во 2-м и 3-м знач. нет.

Рожóчек, -чка, м. *Уменьш.-ласкат.* 1) Зубец у вил. *Были спицыальна для гармана вилки диривянныи в три ражбóчка, ими сена пириwirtали*. Рус. Ив. 2) Украшение из теста на свадебном пироге в виде зубчиков. *Патом зделають шышычку у три ражбóчка и ставять на той каравай, ражбóчик гострый такой*. Рус. Ив.

Барáн, -а, м. 1) Вал, барабан, на который наматывается колодезная цепь, веревка. *Барáн приделали, штоп лехчи воду вымать была*. Введ. *Калоди-та у нас криница, а то барáн што пасирётки*. Ст. Некр., Б. Пл., Вас., Орёл., Трост. 2) Вал, на котором мельница поворачивается к ветру. *Барáн павёртывал мельницу против ветра*. Рус. Ив. 3) Любая цилиндрическая деталь, на которую что-то наматывается. *Столл-барáн, на ниво накручивали цепь, на каторам було душла*. Возн. 4) Барабан, детская игрушка. *Унуку барáн падали*. Усп. // СРНГ: во 2-м, 3-м, 4-м знач. нет.

Количественный анализ данных, отражающих содержание пласта наименований орудий сельскохозяйственного труда и приспособлений к ним в русских говорах Одесщины, позволил выделить внутри него доминирующие и малопродуктивные лексико-семантические подгруппы. Представим их в виде таблицы (см. Таблица).

Таблица. – Количественные характеристики наименований сельскохозяйственных орудий и приспособлений в СРГО

Лексико-семантическая подгруппа	Количество единиц	Процентное соотношение
Сельскохозяйственные машины и приспособления	40	14,4%
Орудия, применяемые с использованием тягловой силы	61	22%
Ручной сельскохозяйственный инвентарь, орудия и приспособления	121	43,5%
Средства перемещения сельскохозяйственной продукции	14	5%
Места хранения сельскохозяйственного инвентаря, орудий, приспособлений и выращенного урожая	42	15,1%
Всего:	278	100%

Таким образом, исследованный нами материал показывает, что в структуре ЛСГ наименований орудий сельскохозяйственного труда и приспособлений к ним при функционально-прагматическом анализе выявляется пять лексико-семантических подгрупп: наименования сельскохозяйственных машин и приспособлений; наименования орудий, применяемых с использованием тягловой силы; наименования ручного сельскохозяйственного инвентаря; наименования средств перемещения сельскохозяйственной продукции; наименования мест хранения сельскохозяйственного инвентаря, орудий, приспособлений и выращенного урожая. Наибольшую подгруппу представляют наименования ручного сельскохозяйственного инвентаря, орудий и приспособлений к ним (43,5%), что свидетельствует о весьма внушительной доле ручного труда в сельскохозяйственном производстве в регионе северо-западного Причерноморья и, в то же время, о разнообразии видов деятельности, направленных на выращивание, уборку и обработку урожая. Исследованный материал свидетельствует о многовекторном развитии в русских говорах Одесской области полисемии в группе слов, именующих орудия сельскохозяйственного труда. Среди проанализированных лексем имеются заимствования из языков народов, компактно проживающих вместе с русскими на сопредельной территории Одесской области.

Список использованных источников

- 1. Арефьева, Н. Г.** Фразеологический словарь русских говоров Одесщины / Н. Г. Арефьева. – Одесса : ОНУ, 2020. – 236 с. – ISBN 978-617-689-365-3. – Текст : непосредственный.
- 2. Арефьева, Н. Г.** Фразеология русских переселенческих говоров Юга Украины : монография / Н. Г. Арефьева ; науч. ред. Е. Н. Степанов. –

Одесса : Астропринт, 2021. – 352 с. – ISBN 978-966-927-773-2. – Текст : непосредственный.

3. Баранник, Л. Ф. Лексика русских говоров, функционирующих в разноязычном окружении (на материале переселенческих говоров Одесской области УССР) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Ф. Баранник. – Москва, 1969. – 18 с. – Текст : непосредственный.

4. Баранник, Л. Ф. Лексические особенности русских переселенческих говоров Одесской области / Л. Ф. Баранник // Русские говоры на Украине. – Киев : Наукова думка, 1982. – С. 85–98. – Текст : непосредственный.

5. Баранник, Л. Ф. Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении : учеб. пособие / Л. Ф. Баранник. – Одесса : ОНУ, 2015. – 178 с. – ISBN 978-617-689-116-1. – Текст : непосредственный.

6. Букатеви́ч, Н. И. Из наблюдений над словообразованием имён существительных в русских говорах Одесской области / Н. И. Букатеви́ч // Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу (Одесса, 4-7 июня 1969 г.). – Москва, 1969. – С. 19–28. – Текст : непосредственный.

7. Гриценко, И. Д. Промысловая лексика русских рыбаков дельты Дуная (Словарь и исследования): дис. ... канд. филол. наук / И. Д. Гриценко. – Ленинград-Кишинёв, 1964. – Т. 1 : Словарь. – 245 с.; Т. 2 : Исследование. – 270 с. – Текст : непосредственный.

8. Демьянова, Л. И. Экспрессивная лексика русских говоров в разноязычном окружении (на материале говоров Одесской области УССР) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Демьянова. – Одесса, 1987. – 16 с. – Текст : непосредственный.

9. Карпенко, Ю. А. Украинско-русское лексическое взаимодействие в говорах Одесщины / Ю. А. Карпенко // Лексика української мови в її зв'язках з сусідніми слов'янськими і неслов'янськими мовами : Тези доп. – Ужгород, 1982. – С. 42–43. Текст : непосредственный.

10. Кольшикина, Н. В. Наименования пищи в русских переселенческих говорах Одесской области / Н. В. Кольшикина // Материалы II Форума молодых исследователей-русистов в рамках VII международного фестиваля "Великое русское слово", 4-6 июня 2013 г. – Одесса, 2013. – С. 20-28. – Текст : непосредственный.

11. Мотузенко, Е. М. Морская рыболовецкая терминология северо-западного Причерноморья : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. М. Мотузенко. – Одесса, 1987. – 24 с. – Текст : непосредственный.

12. Нелюбова, И. Ф. Орловский говор на территории Измаильской области УССР (говор села Сергеевки Тузловского района) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Ф. Нелюбова. – Станислав, 1953. – 18 с. – Текст : непосредственный.

13. СРГО – Словарь русских говоров Одесщины : в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Карпенко, С. Уэмура. – Одесса : Астропринт, 2000-2001. – Текст : непосредственный.

14. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. – Вып. 1–41. – Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965–2016. – Текст : непосредственный.

15. Степанов, Е. Н. Современное состояние южнорусских переселенческих говоров Одесской области // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье : сб. докл. участников Междунар. науч. форума. – Брянск : Аверс, 2019. – С. 42–49. – ISBN 978-5-6043491-1-3. – Текст : непосредственный.

16. Степанов, Е. Н. Современное функционирование русских говоров Одесской области (на материале экспедиций 2018–2019 гг.) // Русистика и современность : сб. статей XXII Междунар. науч. конф. – Астрахань : ИД "Астраханский университет", 2019. – С. 109–113. – ISBN 978-5-9926-12028. – Текст : непосредственный.

17. Степанов, Е. Н., Булка, Н. В. Две группы прагматонимов в русских говорах Одесской области : ЛСГ 'Мучные изделия' и 'Напитки' // Славянские чтения : научно-теоретический журнал. Кишинёв : Славянский ун-т Респ. Молдова, 2020-2021. № 16-17 (22-23). С. 81–99. – ISSN 1857-4580. – Текст : непосредственный.

18. Тихомирова, М. С. Южновеликорусский говор на территории Одесской области (говор села Большого Плоского Велико-Михайловского района Одесской области) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. С. Тихомирова. – Кременец, 1955. – 16 с. – Текст : непосредственный.

19. Усачёва, Л. Я. К истории курского говора на территории Одесской области (говор сёл Вознесенки и Введенки Арцизского района) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Я. Усачёва. – Харьков, 1959. – 16 с. – Текст : непосредственный.

20. Швець, А. І. Дієслівна лексика російських говірок Одеської області : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. І. Швець. – Одеса, 2007. – 21 с. – Текст : непосредственный.

21. Швецова, Н. Л. Прозвища в русских островных говорах Одесщины (структура и ономообразование) / Н. Л. Швецова // Мова : науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса : Астропринт, 2007. – № 12. – С. 147–150. – ISSN 2307-4558. – Текст : непосредственный.

Условные сокращения названий сёл

Алекс.	Александровка Подольского р-на
Александр.	Александровка Тарутинского р-на
Анат.	Анатолевка Березовского р-на
Аннов.	Анновка Тарутинского р-на
Антон.	Антоновка Окнянского р-на
Бел.	пгт. Беляевка, райцентр
Б. Бур.	Большое Бурилово Подольского р-на
Б. Пл.	Большое Плоское Великомихайловского р-на
Вас.	Васильевка Килийского р-на
Введ.	Введенка Саратовского р-на
Вил.	г. Вилково Килийского р-на
Возн.	Вознесенка Первая Арцизского р-на
Град.	Граденицы Беляевского р-на
Дем.	Демидово Березовского р-на
Кисл.	Кислица Измаильского р-на
Коса	Коса Болградского р-на
Лесн.	Лесное Тарутинского р-на
Мирн.	Мирное Килийского р-на
М. Пл.	Малое Плоское Великомихайловского р-на
Мур.	Муравлёвка Измаильского р-на
Никол.	Николаевка Тарутинского р-на
Нов. Некр.	Новая Некрасовка Измаильского р-на
Орёл	Орёл Великомихайловского р-на
Павл.	Павловка Захарьевского р-на
Павлов.	Павловка Арцизского р-на
Петр.	Петропавловка Саратовского р-на
Плав.	Плавневое Раздельнянского р-на
Прив.	Приволье Великомихайловского р-на
Прим.	Приморское Килийского р-на
Рус. Ив.	Русская Ивановка Белгород-Днестровского р-на
Серг.	Сергеевка Саратовского р-на
Спас.	Спасское Татарбунарского р-на
Ст. Некр.	Старая Некрасовка Измаильского р-на
Сув.	пгт. Суворово Измаильского р-на
Троиц.	Троицкое Беляевского р-на
Трост.	Тростянец Великомихайловского р-на
Усп.	Успеновка Саратовского р-на
Чап.	Чапаевка (с 2016 г. – Малый Куяльник) Подольского р-на

УДК 811. 161. 3'42'373:711. 642:398. 92

ЛЕКСЕМЫ-СИМВОЛЫ 'ГРАНИЦА' И ОБРАЗЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АРХИТЕКТУРНО-ДОМОСТРОИТЕЛЬНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ

В статье на материале фразеологизмов с компонентом-символом 'граница' устанавливаются культурная коннотация, устойчивое ценностное содержание культуры, ее категорий и смыслов, взаимодействие языка и культуры белорусов благодаря отбору лексем при создании образов фразеологизмов, объективирующих архитектурно-домостроительный код культуры в диапазоне культурно-национального самопознания. Лингвокультурологический анализ компонентов, образных представлений, связанных с частями дома, позволяет отметить, что представленные фразеологизмы прежде всего характеризуют, оценивают самого человека, его действия, состояние, взаимоотношения между людьми и наиболее важные понятия.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент, символ, граница, образ, культурная информация, архитектурно-домостроительный код

Одним из актуальных направлений исследования в современной лингвистике является выявление соотношений и связей языка и духовной культуры, языка и национального менталитета. Исследование фразеологизмов в лингвокогнитивном аспекте позволяет определить эти единицы языка как "микротексты, в номинативное значение которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде "свёртка", готового к употреблению как текст в тексте" [1, с. 8].

Среди многочисленных кодов культуры, составляющих по сути национальную картину мира, выделяется архитектурно-домостроительный, который является одним из важнейших, поскольку "жилище человека – это не только материальный объект", а ещё и "один из ключевых символов культуры" [2, с. 8]. Под архитектурно-строительным кодом культуры разумеется совокупность наименований, обозначающих жилище человека как целое или его отдельные части, разных видов строений, что несут функционально значимые для культуры смыслы, надает этим именам роль знаков "языка" культуры.

Из числа выделенных более 250 литературных и диалектных фразеологических единиц (ФЕ) белорусского языка, репрезентирующих архитектурно-домостроительный код культуры, в пределах статьи выделяем ФЕ с

компонентом как единицей "языка" культуры из числа "строительных" с наличием у них и, следовательно, во ФЕ, образованных с ними, символического смысла 'граница'. Такими являются ФЕ с компонентом-лексемой *дзверы, дах, сцяна, парог, страха, плот* (рус. 'забор') и *вароты*, ставшими центрами многочисленных ФЕ для образного представления марально-этических принципов, взглядов, правил жизни и взаимоотношений людей.

Верхней границей дома по вертикали является *дах /страха* (рус. *крыша*), разделяющая территорию дома и мира с противоположной стороны дома – неба. В результате ФЕ *дах /страха над галавой* и *над адным дахам /адной страхой* (Л-2008: 365) доводят посредством части дома о наличии целого – дома, квартиры, вообще места проживания (ср. *над голым небам* 'на улице, не в помещении', где небо – крыша мира) или о совместном проживании, общем месте. Использование аналогии "дом – человек" и метафоры, уподобляющей отклонение у человека адекватности восприятия, правильной оценки окружающей действительности нарушению целостности дома через перемещение его крыши, образована ФЕ *дах /страха паехаў /ла* (Л-2008: 363) для экспрессивно-оценочного обозначения человека с ненормальной психикой, того, кто делает, говорит глупости, не понимая своих безрассудных поступков.

Порог выступает наиболее ритуализированной нижней границей по своему размещению между домом "как максимально освоенной, "окультуренной" человеком частью пространства и наружным, потенциально враждебным миром (потусторонним, миром мёртвых)" [3, с. 349]. Несомненно, благодаря этой символической, ритуальной, поверьям, многие из которых дошли до наших дней (через порог нельзя здороваться, прощаться, подавать друг другу руку, передавать что-либо, поскольку при обратном – это повод для ссор, размолвок; нельзя садиться или наступать на порог, особенно беременным; обязательное уважение к порогу через остановку перед ним и моление, особенно при входе в чужой дом, что по своему зафиксировано в пословице *Без Бога ні да парога*, и др.), имеем ФЕ для обозначения, как правило, абстрактных понятий, перевода их из невидимых в видимые, конкретизированные, для выражения их оценки и для сохранения и передачи во времени и пространстве выработанных и установленных правил межличностных отношений людей.

В частности, ФЕ *паказваць парог* (Л-2008-2: 161) образно передаёт нежелание одного человека в результате каких-то расхождений, возможно, вражды и под. видеть другого на "своей" территории, границей которой выступает порог, за которым "чужое", враждебное пространство. К нему приближается междометная ФЕ *вось /вот <табе> бог, а вось /вот парог* (Л-2008-1: 117), выражающая более сильно эмоцию и негатив одного к другому, разрывая всякие отношения и по сути выгоняя его со "своей" территории.

ФЕ *не пускаць на парог* 'не принимать в своем доме, не позволять заходить в свой дом' (Л-2008-2: 274) и *на парог не ступаць* 'не приходить, не заходить, не навещать кого-л.' (Л-2008-2: 469) образно представляют негативные отношения между людьми, вражду представителей с противоположных сторон границы-порога, или "своей" и "чужой".

Разрыв связи между родными как отрицательного явления доводят прозрачные по мотивации диалектные ФЕ *на парог не перастаўляць нагі* (М-К-1972: 160) и *праз /цераз парог не пераступіць* (М-К-1972: 214) с общим значением 'не заходить к родным, отречься их'. Здесь представление о посещении, о внимании к родным связывается с переступанием ноги через порог, а когда такого не наблюдается, то это показатель разрыва, отречения. И ФЕ передают стереотипное народное представление о невнимательности, отречении от родных, близких по духу людей.

Как видим, порог выступает границей не только пространственной, но и морально-этической. Это по-своему доводит ФЕ *не пускаць /выпускаць за парог* (Ю-1974: 170), которая образно называет запрет, как правило, жены мужу, встречаться с другими мужчинами или с кем-либо вообще и при этом выражает иронию по отношению к такому мужчине со стороны других, поскольку зависимость мужа от жены, его подчинение ей осуждается и говорит о безволии мужчины (*Цябе жонка, значь, ужо и зы парог ни пускаиць, дзяржыць пьц спадницью*).

Ещё одно негативное действие образно и наглядно передают ФЕ *акалачываць /выкалачываць парогі* 'надоедать частым посещением' (Ю-1972: 43) и *з парога не сходзіць* 'часто бывать, надоедая кому-л.' (Д-2020: 379). Обе ФЕ построены на основании метафоры, уподобляющей надоедание своими частыми посещениями или долгим пребыванием кого-либо в тягость хозяевам таким конкретным действиям человека, как околичивание порога или не схождения с него.

ФЕ *да парога* (Л-Ш-2007: 192), *з парога, на парозе* (Л-2008-2: 188) со структурой "предлог + порог" одновременно символизируют пространственную и временную границы. В частности, в первой компонент *порог* выступает в роли границы памяти во временном измерении благодаря предлогу *да* (*Ласка іх да парога, толькі да парога*); во второй – в роли измерения пространства (на расстоянии от порога) и времени (сразу – з) (*Заявіў з парога*); в третьей – метафорически переосмысленная оппозиция "своего" и "чужого" пространства, разделённого порогом, переносится на временные отношения (*Жніво на парозе. Максім і Кацярына Яніцкія – людзі на парозе пенсійных садоў*).

Стена как репрезентант архитектурно-строительного кода культуры белорусов и важнейший конструктивный элемент дома символически представляет вертикальную границу между "своим" миром жилого помещения и миром внешнего пространства. Это послужило отбору лексемы

стена как основы образов ФЕ для обозначения новых абстрактных понятий, а главное, для передачи во времени и пространстве национально-культурной информации, духовно-культурного опыта народа. В результате имеем образные представления об отделении, добровольном или вынужденном, от других (*у чатырох сценах сядзець /жыць* (Л-2008-2: 476), о проживании по соседству (*сяня ў сяну* (Л-2008-2: 478), о спокойствии и надёжности защиты (*як /што за каменнай /мураванай сяной; як на каменную сяну /гару* спадзявацца, апірацца (Л-2008-2: 479), о единении и сплоченности людей для защиты своих убеждений, взглядов (*станавіцца сяной* (Л-2008-2: 451), о высокой степени проявления раздражения, злости, агрессии (*палезці /лезці на сяну* (Л-2008-2: 167); *кідацца на сяну* (Ю-1974: 38) или капризности, упёртости и несогласии (*класці /палажыць рогі на сяну* (Ю-1974: 47), о безнадёжности и отчаянии (*хоць на сяну /сценку лезь /кідайся* (Ю-1977: 171); *хоць галавой біся аб сяну* (Л-2008-1: 105).

А вот выражение неодобрения и отрицательной оценки безрезультатности воздействия на кого-либо или, наоборот, восприятия воздействия кем-либо используются ФЕ *як /што гарох аб сяну /сценку* или *як /што гарох ад сяны /сценкі* (Л-2008-1: 297), где стена символизирует силу, крепость, и ФЕ приобрели роль эталона, меры безрезультатного воздействия или восприятия.

Использование лексемы *сяня* при образовании новых вторичных единиц показывает, какое важное место в картине мира белорусов играет понятие стена и его символика границы, защиты, препятствия, крепости, надёжности. И тогда понятны такие ФЕ, как *падпіраць сяну* ‘не участвовать в танцах, а только стоять в помещении’ (Л-2008-2: 142); *прыпіраць /прыціскаць да сценкі /сяны* ‘ставить в безвыходное положение’ (Л-2008-2: 262); *ставіць да сценкі /сяны* ‘расстреливать’ (Л-2008-2: 442), *хоць сцены ў хаце абклейвай* ‘очень много, в большом количестве. О деньгах’ (Л-2008-1: 43); *сцены абклейваць* грашыма ‘иметь очень много (денег)’ (Д-2020: 508) и др.

С заметными отличиями воспринимаются в сознании человека *дверь, окно иворота*, поскольку они символизируют не только границу между своей и чужой территорией (дверь и окно – граница жилого помещения, а ворота – двора), защиту от внешнего мира, но и обеспечивают связь обитателей дома с этим миром, что и отражают ФЕ с названными компонентами. Так, открытая дверь (ФЕ *дзверы адчынены /расчынены /парасчынены* (Л-2008-1: 371); *дзень /дні адкрытых дзвярэй* (Л-2008-1: 372); *адчыняць /адкрываць дзверы* (Л-2008-1: 79); *не зачыняць дзвярэй* (Л-Ш-2007: 80), как и открытое окно (*адчыняць акноў свет* (Л-2008-1: 79) – символ связи, контакта, возможности узнать, создать благоприятные условия или советом, новостью приносить радость, облегчение, показать выход из трудного положения. Всё это результат поверий, обрядов,

ритуалов, магических действий, связанных с символикой границы, закреплённой за дверью, окном, бытовавших в прошлом и сохранённых имплицитно во фразеологизмах.

С отрицательной оценкой "прочитываются" ФЕ, отражающие открывание двери, но при этом акцентирующие внимание на том, как, кто и с какой стороны открывает дверь. Так, ФЕ *адчыняць ілбом дзверы* (Л-2008-1: 79) передаёт стереотипную ситуацию о нежелании видеть, осуществлять совместную деятельность с кем-либо на своей территории. Здесь компонент *лоб* на основе метонимии представляет человека, которого грозятся выгнать, и его "средство" открывания двери (ср. *наказваць парог*). А вот в образе ФЕ *нагой адчыняць дзверы* (Л-2008-1: 79) действие выполняется со стороны чужой территории и тоже нетрадиционным способом – ногой, демонстрируя таким образом близость отношений с хозяевами противоположной территории, возможность без разрешения, предупреждения приходить, что не одобряется. Новые абстрактные явления характеризуют, наглядно представляют и негативно оценивают синонимические ФЕ *ламацца ў адкрытыя дзверы* и *адмыкаць адмакнёныя дзверы* 'настойчиво утверждать, доказывать то, что давно всем известно и не вызывает возражения' (Л-2008-2: 142, 69), мотивированные алогичным словосочетанием-прототипом. Невысокую оценку доносит и образ ФЕ *ў дзверы не ўлазіць* (М-К-1972: 268), используемой для выражения иронии, осуждения сильно пополнившегося человека (*Жонка яго сухая, а цешка раздзелылася, у дзверы ня ўлезя*) и символики границы измерения.

Противоречивая оценка ФЕ и с образом закрытых дверей. Так, с нейтральной оценкой используется ФЕ *дзверы зачынены /зачыніліся* (ср. антоним *дзверы адчынены*), в основе которой лежит метафора, уподобляющая пространственные межличностные отношения, передаёт стереотипное представление о приостановлении или нереальности контакта с кем-либо, лишения каких-то возможностей, попасть куда-нибудь. Функционально не закреплённая и ФЕ *пры зачыненых дзвярах* (Л-2008-1: 371), выступающая в роли эталона скрытности, секретности, конфиденциальности любых действий, что связано с символикой двери и стереотипе представления о невозможности видеть, слышать, узнавать о чем-либо, когда закрыта дверь.

И наоборот, ФЕ *зачыніць дзверы з таго боку*, основанной на представлении двери как границе, имеющей две стороны – ту и эту, выражает отрицательную оценку к человеку, нежелание его видеть через требование оставить помещение, выйти за пределы этой территории.

Самые разные действия, эмоции и оценку доносят образы ФЕ с закрытой дверью и "звуковыми" действиями с ней. Это ФЕ *біць як дуры ў дзверы*, где звуковая ассоциация вызывается посредством уподобления звучащей речи человека стучанию в дверь, а отрицательная оценка особенно выразительно доводится посредством использования

компаративного образа-эталона наименования исполнителя такого действия (*Ты лепи людзей паслухай, а ни бий як дурны у дзверы*). Это и ФЕ *стукаць у <ва> усе дзверы* (Л-2008-2: 468), *застукаць ва ўсе дзверы* (Л-2008-1: 471), образованные на основании метафоры, уподобляющей обращение, просьбу человека или приближение, приход чего-либо стуку в дверь, символизирующей закрытость "чужого" пространства (*Давялося Леаніду Уладзіміравічу, зняўшы шапку, стукацца ў дзверы розных устаноў, выпрошваць кармы. Вясна стукаецца ў дзверы*).

ФЕ *бразгаць дзвярамі* (Л-2008-1: 133) продолжает тему "закрытой двери". Только здесь в основе образа метафорическое уподобление резкости высказывания, несогласия с результатом на "чужой" территории громкому действию с дверью (*Паглядзеў: німа парадку, жулик на жулику едзя і жулікам паганяе. Бразнуў дзвярыма ды паехаў...*).

Вароты и *плот* в белорусских ФЕ дополняют новыми образными представлениями благодаря своей богатой культурной информации, роли и функции символики 'граница'. В частности, *плот* – один из наиболее частотных компонентов ФЕ, доносящих не только о разграничении "своей" от "чужой" территории, но и о защите, ограде и обереге от нечистой силы, "усялягага ліха", беды. Плот – это и место всего ненужного, нечистого, неправильного. В свете такой информации становятся понятными образы ФЕ *ні к тыну ні к плоту* (П-2008: 62) как негативной характеристики никчемного человека; *ні ў плот ні ў гарод ні ў ляску /ні ў дубовую ляску /ні паміж лясак /ні паярод сясак /ні ў крывыя ляскі; ні ў плот ні ў гарод* (Д-2020: 394) как неодобрение ни к чему непригодного и неумелого, не к месту и невпапад сказанного, неаккуратно или кое-как сделанного, чего-то непригодного или не подходящего кому-л. ; *ні ў плот ні ў чарот* (Д-2020: 395) как характеристика неопределённого, непростого положения, в которое кто-то попадает, и др.

Особенно многочисленные компаративные ФЕ для отрицательной оценки отсутствия аппетита (*як на плот вешаць* (Л-2008-1: 194) и *як на плот чапляць* (М-К-1972: 315), бессмысленной траты денег (*як за плот* (М-К-1972: 310), надоедливости пристаивания (*як сляпы да плота* (Л-2008-2: 421); *як п'яны да плота* (Л-2008-2: 285), настойчивости и упрямства в суждениях (*як сляпы плота /за плот* (Л-2008-2: 422), визгливого крика (*як сучка ў плот ушчаміўшыся* (Д-2020: 507). А также для выражения юмора и насмешки при неизвестности и бесследности исчезновения чего-л. (*як порткі з плоту* (Д-2020: 400); *як слоік з плоту* (Д-2020: 488) и др.

По сути, все ФЕ с компонентом *плот* несут негатив, отрицание, насмешку, что иллюстрируют и многочисленные глагольные ФЕ, например: *гарадзіць плот* 'говорить глупости, изворачиваясь, выдумывать' (Л-2008-1: 295); *ісці за плот* 'быть плохим, выполнять кое-как' (Л-Ш-2007: 198); *вісець як цадзілак на плоце* 'надоедать кому-либо' (Д-2020: 553);

пісана як віламі на плоце 'неизвестно, осуществится, произойдѣт что-л.' (Д-2020: 86) и др.

ФЕ с компонентом *ворота* как ещё одним символом 'граница' служат для образного представления разных и значимых для народа реалиях жизни. Это обозначение категорического отказа (*ад варот паварот* (Л-2008-2: 124), болтливости или не умеющего держать в секрете (*рот без варот* (Д-2020: 433), нарушения принятых норм (*не лезе ні ў якія вароты* (Л-2008-1: 641), одностороннего действия (*гуляць у адны вароты* (Л-2008-1: 335), сплетничества (*вісець на вароцях* (Д-2020: 76), увольнения с работы (*выкідваць за вароты* (Л-2008-1: 241). Во ФЕ ворота символически выступают границей территории человека для иллюстрации богатой жизни, достатка (*вароты пірагамі падпёрты* (Л-2008-1: 175), *вароты піразамамі адкрываць /закрываць* (М-К-1972: 35), *вароты хлебам адкрываць* (Д-2020: 76), иронического отношения к богато живущему человеку (*вароты килбасамі завязаныя* (Д-2020: 76), где символами богатой жизни избраны гастрономические единицы – *пирог, хлеб, колбаса*.

Таким образом, анализ и "расшифровка" культурной информации, "закодированной" в семантике ФЕ, своеобразных "знаках-микротекстах" [4, с. 74] позволяет понять отбор компонентов-символов границы, образование новых единиц с ними для выражения картины мира народа, создателя и носителя этих единиц. ФЕ с компонентами-символами границы проходят культурную интерпретацию в архитектурно-домостроительном коде культуры, приобретают функции эталонов, стереотипов и представляют мироощущение белорусов об ограниченном пространстве, разделении своего и чужого, освоенной и неосвоенной территории, служат для характеристики и оценке человека с его недостатками, абстрактных понятий.

Список сокращений источников фразеологизмов

Д-2020 – Даніловіч, М. А. Фразеалагічны слоўнік гаворак Гродзеншчыны. – Гродна : ГрДУ, 2020; **Л-2008-1** – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 1: А-Л. – Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008; **Л-2008-2** – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 2: М-Я. – Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008; **Л-Ш-2007** – Ляшчынская, В. А., Шведава, З. У. Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2007; **М-К-1972** – Мяцельская, Е. С., Камароўскі, Я. М. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі – Мінск: БДУ, 1972; **П-2008** – Пашкевіч, М. І. Рубельскі лексіка-фразеалагічны слоўнік. – Брэст : БДУ імя А. С. Пушкіна, 2008; **Ю-1972** – Юрчанка, Г. Ф. І коціца і валіца (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны). – Мінск: Навука і тэхніка, 1972; **Ю-1974** – Юрчанка, Г. Ф. І сячэ і паліць (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны). – Мінск: Навука і тэхніка, 1974; **Ю-1977** – Юрчанка, Г.

Ф. Слова за слова (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны). – Мінск: Навука і тэхніка, 1977.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 288 с.

2. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях славян / А. К. Байбурин. – Л. : Наука, 1983. – 166 с.

3. Лобач, У. Парог / У. Лобач // Міфалогія беларусаў: Энцыклапедычны слоўнік / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск: Беларусь, 2011. – С. 349-350.

4. Телия, В. Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов-знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2004. – 880 с.

Аксенова Елизавета Сергеевна, Трошина Наталья Викторовна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: mahabrayn2002@gmail.com, natalya_troshina@mail.ru

УДК 82'396, 81'42

СРЕДСТВА ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА РЕБЕНКА В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ

В статье представлен анализ лексем, репрезентирующих образ ребенка в говорах Брянской области. С опорой на лексикографические источники описаны лексико-семантические группы слов-репрезентантов образа ребенка, выявлены основания классификации данных лексем.

Ключевые слова: ребенок, лексема, брянские говоры, репрезентация.

Детство – "особый период в жизни человека, накладывающий отпечаток на всю его дальнейшую жизнь, это своеобразный потенциал будущего" [7, с. 737]. Образы ребенка и детства, возникающие в ментальном пространстве диалектоносителей, отражают бытийные, социально-исторические, оценочные знания и представления о ребенке, периодах его взросления, становления характера и увлечениях.

Предметом рассмотрения в данной статье стали лексические единицы, репрезентирующие представление о ребенке в говорах Брянской области. Данная группа лексики является довольно многочисленной и разнообразной. Интерес к номинациям, маркирующим ребенка в сельской местности, вызван тем, что в традиционной культуре ребенок – это не только продолжение рода, но и символ гармоничного семейного союза, т. е. важнейшая составляющая человеческого существования.

Проведенный анализ показал, что для вербализации образа ребенка в говорах Брянской области используется большое количество языковых средств.

Значительную группу составляют наименования маленького ребенка. Грудного ребенка называют *дитя, дитё, дитятко*: [*Батья звали дитя пирибабить – пупок пиривязать*]. Также по отношению к ребенку используются лексемы *лялька, ляля*.

В говорах Городищенского и Климовского районах зафиксировано употребление слов *нЕзнорок, нЕзнарочек*, именующих маленького, еще мало что понимающего ребенка: [*Ни ругайся на яго, ён жа ще незнаррак, ничога ни панимая*] (Горд. р-н); [*Ну што ты на яго сварысся, на етага незнарарчка*] (Клим. р-н) [1, с. 232].

Лексема *мальва* в брянских говорах используется для наименования маленьких детей, а также сирот: [*Асталася адна мальва, биз батьки и без матки*] [1, с. 201].

ДетворА употребляется в брянских говорах в собирательном значении: [*Дитвара уже многия ни знают, што такое свайка*] [5, с. 18]. В качестве синонимов в местных говорах употребляются слова *голтепа* и *голУз*: [*У миня гьлтипы хватаить, фсих абмыть, адеть нада. Галуз ёсть на Титъфкипъл дисятка*] (Брас., Поч. р-ны) [5, с. 36]. Также отмечается лексема *голтёпа*, характерная только для брянских говоров (с пометой *пренебр.*) [6, с. 349].

П. А. Расторгуев зафиксировал следующие синонимичные лексемы для наименования детей в многодетных семьях: *орАва, ордА, плен, плОйма*: [*Ну, што я буду делать без его (мужа) з этаи аравай? Эта ж арда – папробуй накармить ее!*] (с. Понуровка С-д. р-на) [3, с. 43]. Лексема *плОйма* в брянских говорах имеет оттенок неодобрительности, именуется при этом толпу или группу людей (чаще о детях): [*На дваре плОйма рибятни, чилавек дваццать будить*] [1, с. 256].

Также в словаре П. А. Расторгуева зафиксированы лексемы *мАлый, малОй* в значении сущ. *ребенок, дитя, подросток*: [*Скажы малому, штоб ён ишоу сюды*] [3, с. 156].

Отдельные группы слов существуют для обозначения детей по признаку пола. Так, в брянских говорах представлен и синонимический ряд слов, именующих мальчика-подростка: *хлоПец, хлопёнок, хлопчОнок, хлопчИшка, хлопЯ, хлопЕц, хлопчик* [3, с. 277]. [*Хлопчик, як мне да бальницы даехать?*] (Сур. р-н). [*Унучачка, штой-та за хлопчики тябе дажыдающая?*] (Н-з. р-н). [*Етый хлапёнак у тябе дюжа славный малый*] (С-д. р-н) [1, с. 357].

Следует сказать, что в брянских говорах отражены наименования, называющие несовершеннолетнего, глупого мальчишку и образующие синонимический ряд: *блАзень* (чаще), *блазнО, блАзня*: [*Гани ты етага блазня, буде ён тут лазить. Блазно ты ешчэ, куды тебе да его!*].

В брянских говорах девушку называют *дивчИной*: [*Ана и дивчина на пагляд ничега*] (Ун. р-н) [5, с. 20]. Во мн. ч. – *девчАта*: [*Рибяты ис чюжжих дирявень хадили гулять, и дифчаты збируцца на вечир, цэлинькая хата будить*] (Тр. р-н); *девчАточки* – ласк. к девчата: [*На руках у миня пирчятачьки, добрый вечер, дифчятачьки*] (Рог. р-н) [5, с. 12].

Бывают случаи, когда в семье рождаются близнецы или двойня. Эта особенность также нашла отражение в брянских говорах. Так, например, в литературном языке *близнецами* называют "детенышей, одновременно рожденных одной матерью" [2, с. 51], а номинативы *двойня, двойняшки* носят разговорный характер [2, с. 153].

В брянских говорах по-разному называют близнецов: *близнЯты, двойнЯты, двоЕшки*. Как отмечает П. А. Расторгуев, слово *близнЯты*

более характерно для городской речи: [*У их што год, то и близняты*] [3, с. 53]. [*А у нас нидавна близняты радилися, два мальчика*] (Клин. р-н) [1, с. 28]. Отметим, что в брянских говорах слово **двоЕишки** в значении *двойни* употребляется только во мн. ч., однако в Климовском районе так именуют близнецов: [*У сястры дваеишки радилися летась*].

"В брянских говорах для наименования детей, рождающихся каждый год, т. е. погодок, используют синонимичные диалектные агентивы *кажесбодок* и *кажелётток*. В говоре Трубчевского района зафиксировано: [*аны кажыготки. Падрасли и зравнялись биз разницы, таго што кажы-готки, адин за дным радилися*]" [4, с. 101].

Следует отметить, что в говорах Брянской области существуют такие наименования, которые подходят как мальчикам, так и девочкам, т. е. не дифференцируют детей по половому признаку. Например, лексема **базЫль** именует ребенка-подростка: [*Звали базылями, ета ужо бальший*] [1, с. 17].

Некоторые лексемы, называющие детей, указывают на особенности внешности: **вЫлупком** на Брянщине называет пучеглазого ребенка: [*Надень свайму вылупку хоть чыстая сарочку*] [3, с. 71].

Можно выделить номинативы по особенностям поведения детей. Так, в говорах Брянской области существует синонимический ряд слов, указывающих на шаловливого, резвого, суетливого и непоседливого ребенка: **азияТ, беговУлька, блазнёнок (близнёнок), вертёшка, егаза, кавЫрза, канькала, мазУрик, неворИзна**. При этом такие слова, как **азият, бего-вулька, вертешка, егаза и кавырза**, носят шуточный, ласковый характер: [*Бизавулька нъзывают дитей, многа бегают, ох и, бизавуля, ни сидитца тибе дома*]. Суз. Устарь [5, с. 36]. Отдельные слова употребляются с оттенком неодобрительности: [*Ну и мазурик ж ты, усё шутки з бапкай шуттиш. Ваши мазурики на танцах драку устроили, девак напугали*] [1, с. 199].

Стоит отметить номинатив **канькала**, называющий надоедливого ребёнка или взрослого человека, пристающего с просьбами: [*Адстань ты ад мене, канькала ты такое*] [3, с. 131]. В Унечском районе: [*Ну и канькала жа ты!*] [1, с. 138]. Плачущего, крикливого ребенка именуют **крИксой**: [*Не дала вам севодня спать мая крыкса – усё плача да плача.*] А ребёнка, пользующегося особенной любовью и расположением матери, в брянских говорах называют **божОк**: [*Эта ж у нас бажок – чаго ни захоча, усё яму матка дае*] [3, с. 47].

Во всех трёх словарях брянских говоров зафиксирована лексема **бай-стрУк** в значении "внебрачный ребенок" (обычно мальчик): [*Маладая была, радиуса байструк, ну и што, мамка ё, жалеть будя*] (Н-з. р-н) [1, с. 19], но также данная лексема имеет и другое, менее распространенное значение: "бойкий, шустрый мальчик": [*Мальчыкау байструками звали, жывыый такий, шустрый*] (Клим. р-н) [1, с. 19].

В брянских говорах достаточно распространены наименования детей, родившихся в семье последними: *подшкрёбыш, подскрёбок, подшкрёбок*. Так, в "Брянском областном словаре" отмечен номинатив *подшкрёбыш*: [*Ён самый малый у сямье, патшкрёбыш, у яго радители ужо старыя*] (Злынк. р-н) [1, с. 262]. Лексема *мезЕный* именуется самого младшего ребенка в семье: [*Мязенага усигда радитяли большы жалеюць*] [1, с. 198]. А последнего ребёнка в семье ласково называют в брянских говорах *послЕ-душек*. [*Ён у нас последушык, чатьвёртый у сямье*] (К-г. р-н). [*Етат паследушак матки трудна дастауся*] (Тр. р-н) [1, с. 272].

Подводя итоги всему вышесказанному, стоит отметить, что брянские говоры изобилуют вариациями наименования детей по возрастному и половому признаку, характеру, виду деятельности и другим особенностям ребенка. Многообразии номинаций образа данного – свидетельство того, что рассматриваемая группа слов является "живой, продуктивной, постоянно развивающейся лексической подсистемой" [4, с. 220], взаимодействующей с литературным языком.

Список использованных источников

1. Брянский областной словарь / Науч. ред. А. Л. Голованевский. – Брянск, 2007. – 381 с. – Текст : непосредственный.
2. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2001. – Текст : непосредственный.
3. Расторгуев, П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров) / П. А. Расторгуев. – Минск: Наука и техника, 1973. – 296 с. – Текст : непосредственный.
4. Седойкина, Ю. В. Наименование лиц в Брянских говорах: семантика, словообразование, ареальные связи : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Юлия Васильевна Седойкина ; Курский государственный университет. – Брянск, 2011. – 281 с. – Текст : непосредственный.
5. Словарь брянских говоров / Под ред. В. И. Чагишевой, В. А. Козырева. – Вып. 1–5. – Л., 1976–1988. – Текст : непосредственный.
6. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – Вып. 1–41. – М.–Л. : Наука, 1965–2007. – Текст : непосредственный.
7. Трошина, Н. В., Фёдорова, Т. В., Фёдорова, С. К. Компаративные конструкции в поэзии Арсения Тарковского как средство репрезентации образов ребёнка и детства в контексте культурных кодов / Н. В. Трошина, Т. В. Фёдорова, С. К. Фёдорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Том 14. Выпуск 3. – С. 737–742. – Текст : непосредственный.

Ничипорчик Елена Владимировна

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
Республика Беларусь
e-mail: evnich@gmail.com

УДК 811. 161. 3'373:398. 91(=161. 3):664. 6

БЕЛОРУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ ХЛЕБ

На материале словаря "Прыказкі і прымаўкі", составленного М. Я. Гринблатом, проанализирован корпус белорусских пословиц с компонентом хлеб. Установлен удельный вес таких пословиц в каждом из тематических блоков словаря. Определена семантика компонента хлеб и выявлены обобщенные смыслы пословиц с данным компонентом.

Ключевые слова: пословица, словарь, тематическое объединение, компонент, значение, смысл.

Как известно, в пословицах любого народа находит отражение жизнь человека во всех ее проявлениях. В самом общем виде человеческая жизнь может быть представлена в противоположении физического и духовного начал. Неслучайно составители тематически организованных словарей в прошлом следовали традиции дифференциации пословиц на три крупных тематических блока, два из которых – мир природы и мир человека – ассоциировались с материальным миром, а третий – мир морали – с миром идей [9, с. XXXIV]. В языковом же сознании человека все сущее оказывается тесно взаимосвязанным, так как осмысление мира, его концептуализация и категоризация зиждется на переплетении ассоциаций, объединяющих мир вещей и мир идей.

Паремиологические исследования показывают, что многие "вещные" языковые коды широко используются в пословичных единицах для утверждения ценностей идеального мира [4, с. 232, 323]. Так, наименования денег в белорусских и русских пословицах, как, впрочем, и в пословицах иных языков, используются для подчеркивания непреходящей значимости счастья, любви, дружбы, семьи и др. [1, с. 187; 4, с. 176, 177]. Как показывают наблюдения, по сути, любая вещь может стать основой для создания образа, позволяющего постичь суть "незримых" идей: *Шчасце не цукерка – у рукі не возьмеш; Братэрства мацней каменнай сцяны; Ласка – не каляска, не сядзеш, не паедзеш; Якія мы самі, такія трэба і сані; Стары гаворыць як плот гародзіць; Бліжэй к целу свая сярмяжка, чым чужая рубашка; Бот лапцю не нара; Кашу маслом не змарнуеш; Дорага лыжка к абеду.*

В центре нашего исследовательского внимания белорусские пословицы с компонентом *хлеб*. Как известно, слово с данной семантикой представляет один из древнейших пищевых кодов в лингвистической культуре разных этносов и квалифицируется когнитологами как базовый компонент

мифолого-религиозного сознания [8, с. 53–54; 3, с. 235, 239; 6, с. 10; 2; 7 и др.]. Проследим, с какой целью используется данный языковой код в белорусских пословицах.

В словаре "Прыказкі і прымаўкі" [5], составленном М. Я. Гринблатом, зафиксировано 451 пословичное выражение с компонентом *хлеб*. Причем пословицы с данным компонентом встречаются во всех тематических блоках, выделяемых на первом уровне тематического членения (пословичные идеологемы, представленные в блоке "Прыказкі і прымаўкі савецкага часу", во внимание не принимались). Распределение пословиц с компонентом *хлеб* по тематическим блокам показано на рисунке.

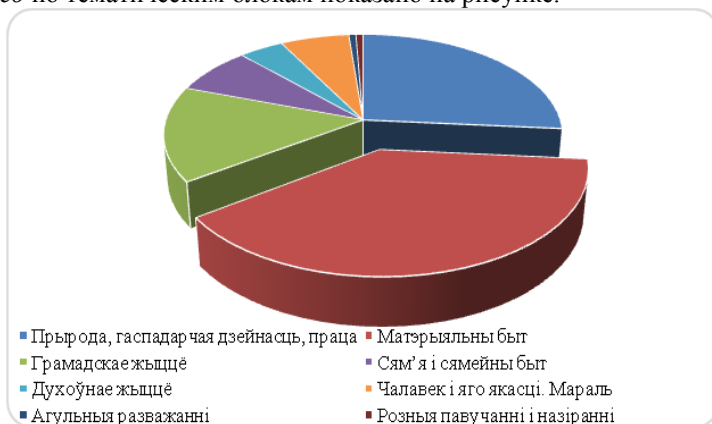

Рисунок. – Количественное соотношение пословиц с компонентом *хлеб* в тематически организованном словаре М. Я. Гринблата.

Как видим, пословицы с компонентом *хлеб*, представленные в тематическом блоке "Прырода, гаспадарчая дзейнасць, праца" (119 единиц), в количественном отношении незначительно уступают пословицам, которые включены составителем словаря в блок "Материальный быт" (175 единиц). Факт сам по себе весьма красноречивый, хотя вполне закономерный, так как и в других провербиальных фондах удельный вес пословиц о природе и сельскохозяйственных работах, как правило, велик [4, с. 148]. Этот факт лишь подтверждает то, что время формирования пословичных фондов относится к доиндустриальной эпохе и основным занятием древнего человека было земледелие. В то же время удельный вес пословиц с компонентом *хлеб* по отношению к общему количеству пословиц в каждом из тематических блоков существенным образом различается: в блоке "Материальный быт" – пословицы с компонентом *хлеб* составляют 10,62% от всех паремий данного блока, в блоке "Прырода, гаспадарчая дзейнасць, праца" – 5,55%, в блоке "Грамадскае жыццё" – 1,83%, в блоке "Семья и семейный быт" – 1,53%, в остальных тематических блоках менее одного процента. Чтобы

сделать вывод, с какой целью используется слово *хлеб* в пословицах, отнесенных к разным тематическим объединениям, необходимо проанализировать содержание этих пословиц.

В первом тематическом блоке словаря "Природа, господарчая дзейнасць, праца" о хлебе упоминается в связи с народными приметами, народным календарем и иными наблюдениями, важными для сельскохозяйственных работ. В пословицах содержатся советы, как и когда сеять хлеб, какие земли лучше подходят для посева зерновых, как правильно организовать свой труд на земле и т. п.: *Зарадзіла мяцеліца, хлебу паловіца; Калі май халодны, дык год хлебародны; Барыс і Глеб сеюць хлеб; Зямлі кланяйся ніжэй – будзеш да хлеба бліжэй; Паміраць збірайся, а хлеб пашы; Хто рана ўстае, у таго хлеба стае; Хлеб на хлебу сеяць – ні малаціць, ні веяць; Хто поле гноіць, той хлеб кроіць; Якая зямля, такі і хлеб; Калі расце лебядка, дык гэта не бяда, а калі расце званец, дык хлебу канец.* Компонент *хлеб* в пословицах данного блока используется, соответственно, для обозначения зерна, злаковых растений, а также продукта в виде выпеченного изделия.

В тематическом блоке "Материальный быт" пословицы с компонентом *хлеб* включены в два раздела "Хата, хатняе абсталяванне і начинне" и "Харчаванне". В первом разделе пословицы с компонентом *хлеб* единичны и данный компонент обладает символическим смыслом: *Няхай ляжыць, хлеба не просіць; Быў бы хлеб, а мышы будуць; І сабака на таго не брэша, чый хлеб есць; Таго кусі, чый хлеб ясі.* Основная масса пословиц с компонентом *хлеб* включена в раздел "Харчаванне". Компонент *хлеб* в пословицах данного тематического раздела реализуется и в узком значении – 'продукт питания', и в широком метонимическом значении – 'пища'. В то же время далеко не всегда в пословицах данного тематического блока речь идет собственно о хлебе и пище. Семантика пословиц с компонентом *хлеб* разнообразна, и можно выделить целый ряд микротем, представленных в содержании пословиц данного раздела. В микротемы объединяются пословичные выражения:

- о ценности хлеба как продукта питания: *Хлеб над усім пануе; Хлеб будзе, дык і ўсё будзе; Не той багаты, хто мае срэбра і злата, а той багаты, хто мае хлеб; Хлеб і вада – няма галада; Маліна то маліна, але каб хлеба скарына; Без солі не смачна, без хлеба не сытна; Без хлеба няма абёда; Адзін хлеб не прыедліў;*

- о качестве испеченного хлеба: *От хлеб удаўся: пад скарынку кот схаваўся; Хлеб не зяць: які е, такі і з'ядзяць; Хлеб не свякроўка: які ўдаўся, такі і лоўка.*

- о предпочтении простой пищи, о довольствовании малым: *Еш хлеб з вадою, абы не з бядою; Лепш хлеб з вадою, чым пірог з бядою; Хлеб ды каша – то яда наша; Шукаючы пірага, хлеб загубіў;*

- о хлебе в пути: *Хто хлеб з сабой носе, той есці не просе; Хлеб у да-розе не важыць; Ідзеш на часок – бяры хлеба кусок;*
- о своем и чужом хлебе: *Хоць чоран хлеб, да свой; З сваім хлебам і паабедаеш; Са сваім хлебам і на калодзе абед; Чужы хлеб – гасцінец;*
- о щедрости / жадности: *Хлеба-солі не жалей: добраму для дабросці, а злому – для злосці; Хлеб еш да й другому не шкадуі; Рад гасцям, ды хлеба ні на гам; Госць міл, да хлеба жаль; За вачамі пірагі з блінамі, а як мы прышлі, то і куска хлеба не нашлі;*
- о голоде и голодных людях, нехватке хлеба: *Ёсць зубы, ды хлеба няма да губы; Галоднай куме хлеб на уме; Тады нажыў хлеба, як зубоў няма; Век пражыла, хлеба з сокам не ела; хлеб ёсць – соку няма, сок ёсць – хлеба няма; Ёсць хлеб – соліняма, соль ёсць – хлеба няма; Ёсць хлеб – ядзімо, а няма – глядзімо; Ямо хлеб траякі: чорны, белы і ніякі;*
- о социальной несправедливости в распределении материальных благ: *Калі паны лікуюць, тады мужыкі без хлеба таскуюць; Панам сеюць, жнуць і косяць, а сабе хлеба просяць; Наймалі – сала давалі, нанялі – хлеба не далі.*

Пословицы данного тематического ряда позволяют прийти к выводу, что продуценты белорусских паремий неприязнительны в быту, рачительны и щедры, терпеливы, ироничны в оценке сущего.

В тематическом блоке "Сям'я і сямейны быт" 34 пословицы с компонентом *хлеб*. Все эти пословицы о семейной жизни и ее перипетиях, связанных так или иначе с материальным благополучием или неблагополучием: *Трэба дровы – будуйся, а трэба хлеб – жаніся; Як хлеба не стала, дык сварка паўстала; Сякі-такі, абы быў, абы хлеба зарабіў; Пела, як бацькаў хлеб ела, а як мужыкоў, так і голас не такоў; Хоць без хлеба пасяджу, але ж на мужа пагляджу; Як дачакаўся хлеба, то бацькі не трэба; Баця мой, еш хлеб свой; Прымацкі хлеб – сабацкі; Калідзіця на свет прыходзіць, новы кусок хлеба родзіць.* Компонент *хлеб* используется в пословицах этого блока в основном как кодовое обозначение пищи, материального достатка.

Незначительное количество пословиц с компонентом *хлеб* зафиксировано в тематических блоках "Духоўнае жыццё", "Агульняе разважання", "Розныя павучанні і назіранні". В пословицах этих тематических блоков хлеб становится предметом речи в связи с мыслями человека о Боге, в связи с утверждением ценности научного знания, правды: *Трэба неба, а трэба і хлеба; Бог жыве сабе на небе і не думае аб хлебе; На бога надзейся, калі хлеб у торбе; Чалавек вучоны як хлеб пячоны; Хлеб еш, а праўду рэж.*

Пословицы с компонентом *хлеб* используются и для выражения отношения к качествам человеческого характера. В пословицах с данным компонентом, зафиксированных в тематическом блоке "Чалавек і яго якасці. Мараль", осуждается лень, хвастовство, чрезмерная гордость, пристрастие к алкоголю, болтливость человека: *Нашаму гультаю ні хлеба, ні чаю; Гультаю хлеб на кію; Хвасць хлеба не дасць; Хто горды, таму хлеб цвёрды;*

Хлеб на ногіставіць, а гарэлка з ног валіць; Хлебом не кармі, а пагаварыць дай.

Как видим, компонент *хлеб* используется в пословицах не только с целью утверждения ценностного смысла хлеба как одного из основных продуктов питания, но и для указания на ценностный смысл идеальных объектов: трудолюбия, рачительности, благоразумия, щедрости, благодарности, справедливости, уважения к старшим, скромности, сдержанности. Ценностный смысл этих идеальных объектов утверждается, как правило, косвенным образом, посредством осуждения проявления в поведении человека противоположных названным выше личностных качеств и социальных установок.

Список использованных источников

1. Бредис, М. А. Человек и деньги : Очерки о пословицах русских и не только. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2019. – 296 с. – Текст : непосредственный.

2. Долинский В. А. Номинация хлеб в русской языковой картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 13 (699). – С. 81–121. – Текст : непосредственный.

3. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – 2-е. изд. – М. : Книжный дом "Либроком", 2013. – 456 с. – Текст : непосредственный.

4. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е. В. Ничипорчик ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с. – Текст : непосредственный.

5. Прыказкі і прымаўкі : ў 2-х кн. ; рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Текст : непосредственный.

6. Савельева, О. Г. Концепт "еда" как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты : на материале русского и английского языков : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Геннадиевна Савельева ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 24 с. – Текст : непосредственный.

7. Синячкин, В. П. Концепт "Хлеб" в русском языке, лингвокультурологические аспекты описания : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Владимир Павлович Синячкин ; Российск. ун-т дружбы народов. – М., 2002. – 22 с.

8. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с. – Текст : непосредственный.

9. Boggione, V. Lògos, dialogo, letteratura / V. Boggione // Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi / V. Boggione, L. Massorbio. – Torino : UTET, 2007. – P. XXIII–XLVIII. – Текст : непосредственный.

Красовская Нелли Александровна

Тульский государственный педагогический университет
имени Л.Н. Толстого, Россия
e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

УДК 81.282

РУССКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ ГЛАГОЛ: ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДА

В статье речь идет о диалектных глаголах с семантикой активного физического действия и воздействия. Рассматривается лексико-семантическое поле таких глаголов, приводятся примеры. По мнению автора, среди подобных глаголов больше всего наблюдается глаголов, выражающих разнообразную семантику удара.

Ключевые слова: диалектный глагол, семантика, активное действие, удар, тульские говоры.

Диалектная картина мира значительным образом отличается от картины мира носителя литературной формы языка и элитарной культуры. Представления о мире у людей традиционной культуры, традиционного мировоззрения строятся на принципах, во многом базирующихся на стремлении к добру, истине, гармонии, соответствии природным началам.

Многие ценностные ориентиры диалектоносителей реализуются в глагольных лексемах. Глагол всегда связан с действием. Смысловое наполнение слов указанной части речи весьма важно для человека традиционной культуры. Ведь действие – это всегда изменение состояния, движение, продвижение, стремление. Отсутствие действия – это стагнация, остановка, бездействие.

Традиционно глаголы по семантике распределяются как глаголы действия, отношения и состояния. Корпус диалектной глагольной лексики можно представить сквозь подобную же призму, однако важно определить, какие глаголы и почему оказываются более значимыми и важными для народного мировоззрения. В диалектной лексической системе таятся ответы на многие вопросы, связанные с формированием традиционного образа жизни человека. В этой связи мы не можем обойти вниманием высказывание Т.И. Вендиной: "...адекватная характеристика психологии, мировоззрения народа и соответственно его культуры может быть получена только с опорой на данные языка. Будучи инструментом культуры, язык формирует не только представления о реальном окружающем человека мире, но и саму личность. Погружаясь в определенную культурную наследственность, благодаря нравственной валентности памяти она через язык воспринимает традиции, обычаи, мораль, систему норм и ценностей своего наро-

да, специфический культурный образ мира, осознавая постепенно и свое место в нем" [2, с. 10].

Изучению подвергались самые разные аспекты диалектного глагола: морфемная структура и способы словообразования диалектных глаголов (см. работы Е.Н. Шабровой [5]), грамматические особенности глаголов, в частности аспектуальность и способы действия диалектных глаголов (например, работы Пак М.К.[4]), семантические разновидности глагола, полисемия (например, исследования Красовской Н.А. [3], Бессоновой Ю.А. [1]) и мн. др.

Исследователи неоднократно подчеркивали, что диалектный глагол довольно точно отражает картину мира традиционного человека, его систему жизненных установок и ценностей. Мы в качестве материала обращаемся к глаголам, зафиксированным в тульских говорах. Нами были определены основные лексико-семантические разновидности бытующих в тульских говорах глаголов, которые не входят в основной словарный состав литературного языка. Они отличаются от слов литературного языка либо своим внешним обликом, то есть корневой морфемой или служебными морфемами, либо они отличаются от слов литературного языка семантикой при совпадении морфемного сходства. Отнесенность лексических единиц к диалектному фонду проверялась по словарям. С одной стороны, мы проверяли наличие слова в толковых словарях современного русского литературного языка, с другой стороны подтверждали (или не подтверждали) вхождение слова в региональные и диалектные словари.

По нашим данным, в диалектной системе преобладают глаголы, которые связаны с активным поведением человека. Именно поэтому мы в рамках данной статьи останавливаемся на рассмотрении глаголов физического действия и воздействия. Безусловно, в рамках составленного нами лексико-семантического поля преобладают глаголы физического воздействия. В центре поля, исходя из численных показателей, оказываются глаголы, которые связаны с воплощением и нанесением сильного воздействия рукой или ногой на кого- или что-либо, иначе говоря, самыми частотными по зафиксированным нами употреблениям являются глагольные лексемы, выражающие семантику удара. По нашим предположениям, положение таких глаголов в центре лексико-семантического поля физического воздействия важно и соответствует реальному положению дел, традиционному образу жизни и крестьянскому представлению о мире. Удар – это далеко не всегда действие, которое характеризуется негативной оценкой или выражает негативное отношение. Удар связан с защитой, со строительством, с преобразованием пространства. Подчеркнем, что удар невозможен без совершения активного действия или воздействия. Так, нами были зафиксированы, например, следующие высказывания: БУКЛИ'НИТЬ. Бить кого-либо. *Дитями она не занимается, только буклилит их.* (с. Монаенки, Арсен.). ЖА'ХАТЬ. Ударять, бить. *Так жахали бревнами по сваям, фундамент*

заколачивали. (д. Дальне-Русаново, Сувор.). ЖВА'РИТЬ. Сильно бить, ударять. *Я по молодости так жварил молотком: с одного размаху гвоздь забивал.* (д. Глинищи, Одоев.) и др. К ядерной зоне указанного лексико-семантического поля относятся также такие группы глаголов, как глаголы, выражающие семантику единичного сильного удара (*бышкнуть, ввить, давануть, дербануть, ерыхнуть* и др.), глаголы, указывающие на совершение удара с помощью чего-либо или при помощи чего-либо (*егарнуть, жвыкнуть, загвоздить, застобать, охавячить, покнуть* и др.), глаголы, имеющие семантику, связанную с нанесением ряда ударов кому-либо (*отмутузить, нашкопать, отлупешить* и др.), глаголы, указывающие на нанесение удара, сопровождающегося определенным звуком (*взбацаться, взгреметься, дрынкавать, затукать, хляскать* и др.), глаголы, называющие удар, который связан с получением конкретного результата (*завацить, закомшить, шиибить* и др.), глаголы, указывающие на удар, который производитель действия наносит сам себе (*жмякнуться, стебануться, убиться, шиндарахнуть* и т.п.).

Из перечня основных групп глаголов, входящих в ядерную зону, понятно, насколько актуальна семантика удара для мировосприятия традиционного человека. В зону ближней периферии входят самые разные глагольные лексемы, указывающие на разнообразные активные действия, совершаемые человеком, связанные с перемещением в пространстве, с возделыванием земли, наведением порядка, устройством и ведением домашнего хозяйства, производством одежды, домашней утвари, приготовлением пищи и мн. др. Подчеркнем, что все глаголы, отнесенные к зоне ближней периферии, предполагают также активное совершение действия (*грабить, заскородить, болтухать, вворачивать, колтыхать, грешить, размахрить, выпростать, колупать, раскубрить, замуздать, напехтерить, выложить, начакрыжить* и мн.др.).

Надо отметить, что в целом и в зоне дальней периферии мы найдем глаголы, которые также важны для понимания того, что человеку с традиционными взглядами важно осознание движения, активного поведения, значительных изменений, которые могут происходить при достаточном приложении усилий. К зоне дальней периферии, по нашим предположениям, относятся глаголы, которые указывают на действия, выражающие отношение к другим людям, на ритуальные и обрядовые действия, действия, связанные с различными типами движения, передвижения, размещением чего-либо в пространстве, наполнения чего-либо (*сховать, натурить, хорониться, напхать, наряжать, просевываать, зашучить* и др.).

К зоне крайней периферии, по нашим предположениям, относятся глаголы, которые выражают семантику действия обобщенно, в целом указывая на определенные изменения (*валякать, гомозиться, гондобить, ладить, мазюкать* и др.).

Можно, таким образом, говорить о том, что при рассмотрении диалектных глаголов с точки зрения их семантического разнообразия и выражения ими традиционного мировоззрения, особое внимание следует уделять глаголам активного физического действия и воздействия. Эта самая многочисленная часть лексико-семантического поля диалектных глаголов. Меньшим представляется лексико-семантическое поле глаголов физического состояния. На наш взгляд, это можно связать с тем, что для человека традиционного миропонимания, конечно, очень важно осознание физического состояния и здоровья, но, скорее всего, труд и способность выживать приводят к тому, что глаголов физического воздействия гораздо больше в отдельно представленной диалектной лексической совокупности.

Еще меньшим по объему представляется лексико-семантическое поле глаголов движения. Нельзя уменьшать их ценность, однако, видимо, само разнообразие этих глаголов находится в связи с образом жизни крестьян, поэтому ограничено набором самых частотных передвижением, связанных с укладом жизни. Однако анализ и таких глаголов дает интересные наблюдения, например, связанные с тем, что колебательные движения, движения без цели, обычно оцениваются негативно в народном миропонимании (*шаландаться, шлындать, шалаться, налытаться, щebuнять* и др.).

Еще раз подчеркнем, что для мировоззрения человека традиционной культуры первостепенное значение имеют глаголы, выражающие активное физическое воздействие или действие. Скорее всего, в этом заключается стремление человека выразить с помощью глагола свое стремление к активной жизни, к борьбе за жизнь, способность к выживаемости. Все это и составляет первостепенную значимость для человека традиционного уклада.

Список использованных источников

1. **Бессонова, Ю.А.** Семантика диалектных глаголов речи в орловских говорах и отражение в ней мировосприятия их носителей: дисс. ... канд. филол. наук / Юлия Александровна Бессонова ; Орловский государственный университет. – Орел, 2001. – 269 с. – Текст : непосредственный.

2. **Вендина, Т.И.** Антропология диалектного слова / Т.И. Вендина. – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 684 с. – ISBN 978-5-4469-1776-1 – Текст : непосредственный.

3. **Красовская, Н.А.** Организация и функционирование диалектных антропоцентрических глаголов (на материале тульских говоров): дисс. ... докт. филол. наук / Нелли Александровна Красовская ; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. – Тула, 2013. – 574 с. – Текст : непосредственный.

4. **Пак, М.К.** Многократные глаголы в архангельских говорах: дисс. ... канд. филол. наук / Маргарита Константиновна Пак ; Московский государ-

ственный университет им. М.В. Ломоносова. – М., 1993. – 291 с. – Текст : непосредственный.

5. **Шаброва, Е.Н.** Структура производных глаголов в вологодских говорах: дисс. ... канд. филол. наук / Елена Николаевна Шаброва ; Вологодский государственный университет . – Вологда, 1997. – 300 с. – Текст : непосредственный.

Зуева Екатерина Александровна

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Республика Беларусь
e-mail: katarzyna.zujewa@mail.ru

УДК 811. 161. 1'27:811. 161. 3'27

УНИВЕРБЫ С УНИВЕРБАТОРОМ -АЧ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлен анализ суффиксальных универбов с универбатором -ач в русском и белорусском языках. В сопоставительном плане исследуются семантические, стилистические, грамматические и словообразовательные особенности суффиксальных универбов с универбатором -ач в двух близкородственных языках.

Ключевые слова: универб, универбант, универбатор, семантика, стилистическая помета, словообразование, тождество и различие.

В словообразовательной системе современных русского и белорусского языков особое место занимает процесс универбации, "замена описательного наименования, т. е. раздельно оформленной номинативной единицы, цельнооформленной, т. е. однолексемным наименованием. При этом происходит сгущение, конденсация семантического содержания всего словосочетания в одном слове" [2, с. 15]. **Универбы** – мотивированные лексические единицы (результат процесса универбации), которые семантически эквивалентны **универбантам** – исходным базовым неоднословным номинациям и образуются с помощью **универбаторов** – словообразовательных средств, посредством которых образуются новые лексические единицы [1, с. 250–251]. "Образование суффиксальных универбов – явление, широко распространенное <...>, и как особый и динамически прогрессирующий способ создания новых имен существительных оно заслуживает детального и всестороннего анализа" [4, с. 36]. Следует обратить внимание на замечание А. Э. Смирновой, которая указывает на ограниченное число суффиксов при образовании слов-универбов [3, с. 87]. В русском и белорусском языках суффиксальные универбы образуются с помощью 10 универбаторов: рус. / бел. -к(а), рус. -ик – бел. -ік, рус. -ин(а) – бел. -ін(а), рус. / бел. -ак, рус. -иц(а) – бел. -іц(а), рус. / бел. -н(я), рус. -к(и) – бел. -к(і), рус. / бел. -р(а), (без учета их формантов), среди которых выделяется универбатор рус. / бел. -ач. Суффиксальные универбы с универбатором рус. / бел. -ач в русском и белорусском языках восходят к наименованиям структуры типа: рус. / бел. N (**универб**) ← [A + (N)] (**универбант**) + -ач (**универбатор**).

Цель статьи заключается в разноаспектном сопоставительном анализе суффиксальных универбов с универбатором -ач в русском и белорусском

ском языке. **Материалом** послужили суффиксальные универбы с универбатором **-ач**, извлеченные из толковых и словообразовательных словарей, переводного словаря и "Беларускага N-корпуса". При анализе привлекались русская и белорусская грамматики. (Подробнее источники материала см. список условных обозначений и сокращений).

Рассмотрение **семантики** и **стилистики** показало, что суффиксальные универбы с универбатором **-ач** называют: 1. Животных по их отличительным признакам и являются просторечными в русском языке и размоўнымі в белорусском языке: рус. *космач*_{прост.} – о животном с косматой шерстью, гривой (о лошадях и медведях) ← (~ *косматое животное*) (МАС, т. 2, с. 111) = бел. *касмач*_{разм.} – пра касматага чалавека або жывёліну ← (~ *касмая жывёліна*) (МАС, т. 2, с. 658); рус. *лохмач*_{прост.} – о животном с густой косматой шерстью, космач ← (~ *лохматое животное*) (МАС, т. 2, с. 202) = бел. *лахмач*_{разм.} – пра жывёл з густой касмай поўсцю; касмач ← (~ *лахмая жывёліна*) (ТСБМ, т. 3, с. 27). Стилистически нейтральный универб в двух языках рус. *пантач* ← *пантовый олень* (МАС, т. 3, с. 18) = бел. *пантач* – высакародны або плямісты алень з пантамі ← (~ *пантавы алень*) (ТСБМ, т. 3, с. 670). 2. Типы лесов. Стилистика данных универбов отличается в двух языках, слова являются областными, просторечными в русском языке и размоўнымі в белорусском языке: рус. *кедрач*_{обл.} – лес, состоящий из кедровых деревьев ← (~ *кедровый лес*) (МАС, т. 2, с. 45) = бел. *кедрач*_{разм.} – лес з сібірскага кедра ← (~ *кедравы лес*) (ТСБМ, т. 2, с. 679). В примере рус. *пихтач*_{прост.} ← *пихтовый лес* (МАС, т. 3, с. 128) ≠ бел. *пихтоўнік* ← *пихтавы лес* (ТСБМ, т. 4, с. 261) русскому просторечному универбу с универбатором **-ач** соответствует белорусский стилистически нейтральный универб с универбатором **-оўнік**. 3. Орудия труда и механизмы. Универбы русского языка являются специальными и областными, разговорными, белорусские универбы являются размоўнымі: рус. *копач*_{2 спец. и обл.} – орудие для копания земли, корчевания пней и т. п. ← (~ *копательное орудие*) (МАС, т. 2, с. 99) (МАС, т. 2, с. 99) = бел. *капач*_{1 разм.} – прылада для капання зямлі, выкопвання карняплодаў ← (~ *капальная прылада*) (ТСБМ, с. 2, с. 627–628); рус. *пускач*_{разг.} ← *пусковой механизм* (МАС, т. 3, с. 559) = бел. *пускач* (РБС, т. 3, с. 132) ← (~ *пускавы механізм*). 4. Социальные понятия. Универбы рус. *строгач*_{разг.} ← *строгий выговор* (НБТСРЯ, с. 1278) = бел. *страгач*_{разм.} – суровая вымова (ТСБМ, т. 5(1), с. 330) ← *строгая вымова* (РБС, т. 3, с. 470) в двух языках являются разговорными. В примере рус. *первач*_{1 прост.} – товар первого сорта ← (~ *первосортный товар*) (МАС, т. 3, с. 41) ≠ бел. *пярышак*_{1 разм.} ← *тавар першага гатунку* (ТСБЛМ, с. 662) русскому просторечному универбу с универбатором **-ач** соответствует белорусский размоўны универб с универбатором **-ак**. 5. Обувь. Рус. *кирзачи*_{разг. -сниж.} ← *кирзовые сапоги* (НСРЯ, т. 1, с. 667), *кирзач* – см. *кирзачи* (НСРЯ, т. 1, с. 667) = бел. *кірзачы* (БНК) ← (~ *кірзавыя боты*) (РБС, т. 1, с. 630). Русский универб является

стилистически разговорно-сниженным, белорусский универб не зафиксирован словарем, а встречается в БНК, соответственно стилистической пометы не выявлено. 6. Денежные средства. Рус. *целкач-прост., устар.* ← *◇ целковый рубль*_{устар.} – серебряная монета достоинством в один рубль (МАС, т. 4, с. 637) (МАС, т. 4, с. 637) ≠ бел. *рубель*¹ – 1. Грашовая адзінка ў Расіі і СССР, роўная 100 капейкам. 2. Банкнот і манета такой вартасці (ТСБМ, т. 5 (2), с. 719), где русский универб стилистически является просторечным, устаревшим *целкач-прост., устар.*. В белорусском языке универб отсутствует, а русскому универбу *целкач-прост., устар.* соответствует имя существительное *рубель*¹. 7. Жидкие вещества. В примере рус. *первач*_{1-прост.} – самогон, полученный из аппарата в самом начале гонки ← (~ *первый самогон*) (МАС, т. 3, с. 41) ≠ бел. *пяршак*_{2-разм.} ← *першая*, самая мощная *самагонка* (ТСБЛМ, с. 662), где русскому просторечному универбу с универбатором **-ач** соответствует белорусский размоўны универб с универбатором **-ак**.

Грамматически все суффиксальные универбы с универбатором **-ач** в русском и белорусском языках относятся к мужскому роду N_m : рус. *космач_т*, *лохмач_т*, *пантач_т*, *кедрач_т*, *пускач_т* и др. = бел. *касмач_т*, *лахмач_т*, *пантач_т*, *кедрач_т*, *пускач_т* и др. В двух языках встретился универб, который выступает в форме множественного числа N_{pl} : рус. *кирзачи_{pl}* = бел. *кірзачы_{pl}*.

Анализ **словообразовательных особенностей** универбов с универбатором **-ач** показывает, что однословные номинации в русском и белорусском языках являются: 1) отсубстантивными (образованными от имен существительных): рус. *косм-ач* ← *космы* (ССРЯ, т. 1, с. 482) = бел. *касм-ач* ← *космы* (ССБМ, с. 161); рус. *пант-ач* ← *панты* (ССРЯ, т. 1, с. 719) = бел. *пант-ач* ← *панты* (ССБМ, с. 236); рус. *кедр-ач* ← *кедр* (ССРЯ, т. 1, с. 425) = бел. *кедр-ач* ← *кедр* (ССБМ, с. 163); 2) отглагольными (образованными от глаголов): рус. *копа-ч* (ССРЯ, т. 1, с. 469–470) и *коп-ач* (РГ, т. 1, с. 144) ← *копать* (ССРЯ, т. 1, с. 469–470) = бел. *кап-ач* ← *капаць* (БГ, т. 1, с. 236); рус. *пуска-ч* (ССРЯ, т. 1, с. 844) и *пуск-ач* (РГ, т. 1, с. 144) ← *пускать* (ССРЯ, т. 1, с. 844) = бел. *пуска-ч* и *пуск-ач* ← *пускаць* (по аналогии с рус.), т. е. универбатор **-ач** выделяется в приведенных универбах согласно РГ и БГ. Данные ССРЯ **-ч**.

Наблюдаются следующие различия в словообразовании универбов с универбатором **-ач**: 1) русский универб является отсубстантивным, а белорусский универб отадъективным: рус. *лохм-ач* ← *лохмы* (ССРЯ, т. 1, с. 555) ≠ бел. *лахм-ач* ← *лахматы* (ССБМ, с. 174); 2) отсубстантивные и отадъективные универбы образуются с помощью разных универбаторов: рус. *пихт-ач* ← *пихта* (ССРЯ, т. 1, с. 755) ≠ бел. *пихт-оўнік* ← *пихта* (ССБМ, с. 262); рус. *перв-ач* ← *первый* (ССРЯ, т. 1, с. 734) ≠ бел. *пярш-ак* ← *першы* (ССБМ, с. 290); 3) в русском языке встретился универб, который образован на базе адъективно-субстантивного словосочетания с суффикса-

цией по данным ССРЯ, а белорусский универб по данным ГБМ является отадъективным: рус. *строг-ач* ← [*строг(ий выговор)-ач*] (ССРЯ, т. 2, с. 182) ≠ бел. *страг-ач* ← *строгі* (РБС, т. 3, с. 470; ГБМ, т. 1, 102). Универб *кирзачи* не зафиксирован ССРЯ, но в ССАСРЯ относительно образования этого универба указано, что данное существительное обозначает предмет, называемый словосочетанием с мотивирующим прилагательным в роли определения: *кирз-ач(и)* (ед. ч. *кирз-ач*) ← [*кирз(овые сапоги)-ач(и)*] (САСРЯ, с. 296); 4) русский универб является отадъективным, а в белорусском языке суффиксальный универб отсутствует: рус. *целк-ач* ← *целковий* (ССРЯ, т. 2, с. 352) ≠ бел. Ø ;

Таким образом, разноаспектный сопоставительный анализ суффиксальных универбов с универбатором *-ач* в русском и белорусском языках позволяет сделать следующие выводы и обобщения: 1) универбы с универбатором *-ач* составляют отдельную группу суффиксальных универбов; 2) данные универбы делятся на 7 групп и называют: животных по их отличительным признакам; типы лесов; орудия труда и механизмы; социальные понятия; обувь; денежные средства; жидкие вещества; 3) универбы с универбатором *-ач* имеют стилистическую окраску, маркированы пометами прост. ; разг. ; обл. ; разг. -сниж. ; спец. и обл. ; прост., устар. в русском языке и как разм. в белорусском языке; единичны случаи, когда универбы с универбатором *-ач* являются стилистически нейтральными; 4) все универбы с универбатором *-ач* в русском и белорусском языках относятся к мужскому роду; 5) универбы с универбатором *-ач* являются отсустантивными, отадъективными, отглагольными, также могут образовываться на базе адъективно-субстантивных словосочетаний.

Список условных сокращений и обозначений

БНК – Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bnkorus.info/index.html>. – Дата доступа: 27. 03. 2022. ; **БГ** – Беларуская граматыка : у 2 ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; рэд. М. В. Бірыла, П. П. Шуба. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – Ч. 1. Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. – 431 с. ; **ГБМ** – Граматыка беларускай мовы : у 2 ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; рэд. К. К. Атраховіч (Крапіва), М. Г. Булахаў. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1962. – Ч. 1. Марфалогія. – 540 с. ; **МАС** – Словарь русского языка : в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – 4 т. ; **НБТСРЯ** – Новейший большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; под ред. С. А. Кузнецова. – М. ; СПб. : Рипол-Норинт, 2008. – 1534 с. ; **НСРЯ** – Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз. 2001. – 2 т. ; **РБС** – Русско-белорусский словарь : в 3 т. / НАН Беларуси, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – Минск : БелЭн, 2002. – 3 т. ; **РГ** – Русская грамматика : в 2 ч. / АН СССР, Ин-т русского языка ; ред. Н. Ю. Шведова (гл. ред.), Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко [и др.]. – М. : Изд-во "Наука", 1980. – Ч. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 788 с. ; **САСРЯ** – Лопатин, В. В. Словарь словообразовательных аффиксов со-

временного русского языка / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. – М. : Издат. центр "Азбуковник", 2016. – 812 с. ; **ССБМ** – Бардовіч, А. М. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А. М. Бардовіч, М. М. Круталевіч, А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – 413 с. ; **ССРЯ** – Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1990. – 2 т. ; **ТСБЛМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даследаванняў беларус. культуры, мовы і літаратуры, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; уклад. : І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя Пётруся Броўкі, 2016. – 967 с. ; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. Савец. Энцыкл., 1977–1984. – 5 т., 6 кн.;

бел. – белорусское; **обл.** – областное; **прост.** – просторечное; **прост., устар.** – просторечное, устаревшее; **разг.** – разговорное; **разг. -сниж.** – разговорно-сниженное; **разм.** – размоўнае; **рус.** – русское; **спец. и обл.** – специальное и областное; **устар.** – устаревшее.

(**N**) – имя существительное, входящее в универбант (утрачивается при образовании универба); **A** – имя прилагательное; **N 1** – универб на базе многозначности; **N¹** – универб на базе омонимии; **N_m** – универб мужского рода; **N_{pl}** – универб множественного числа; ~ – потенциальный универбант или атрибутивно-субстантивное словосочетание; ≠ – различие; = – тождество; ◇ – устойчивое сочетание.

Список использованных источников

1. **Лукашанец, А.** Універбацыя/універбізацыя: сутнасць паняцця і месца ў тэрмінасістэме словаўтварэння [Электронны рэсурс] / А. Лукашанец // Zb. radova. Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima : матэрыялы Osamnaesta Međunar. nauč. konf. Komisije za tvorbu riječi Međunar. komiteta slavista., Sarajevo, 4–7 aprila 2017 ; ured. A. Šehović. – Sarajevo : Slavistički komitet, 2018. – S. 248–263. – Рэжым доступу : <http://iml.basnet.by/files/files/KSS/Sarajevo%202018.pdf>. – Дата доступу : 26.03.2022. – Текст : электронны.

2. **Осипова, Л. И.** Активные процессы в современном русском словообразовании (суффиксальная универбация и усечение) / Л. И. Осипова. – М. : Прометей, 1994. – 115 с. – Текст : непосредственный.

3. **Смирнова, А. Э.** Сорбция как продуктивный морфологосинтаксический способ / А. Э. Смирнова // Народная асвета. – 2000. – № 11. – С. 85–94. – Текст : непосредственныйб.

4. **Kaliszan, J.** Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке / J. Kaliszan. – Poznań : Uniw. im. Adama Mickiewicza w Poznaniu : Seria filologia Rosyjska NR 23., 1986 – 148 s. – Текст : непосредственный.

Адамко Денис Сергеевич

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: Ad.Nihil.ru@yandex.ru

УДК 81'272:811. 161. 1

КОММУНИКАТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СОСТАВНОГО НАИМЕНОВАНИЯ "РУССКАЯ ЗЕМЛЯ"

В статье рассматривается компонентный состав составного наименования русская земля. Описаны основные коммуникативные значения, входящие в состав "нациообразующего концепта", репрезентированного неоднословным образованием русская земля в русской языковой картине мира и зафиксированного в основном и газетном корпусах НКРЯ.

Ключевые слова: составное наименование, коммуникативное значение, Национальный корпус русского языка, нациообразующий концепт.

В настоящее время в языковой картине мире каждого народа существует ряд понятий, которые образуют национальную идею, актуализируя ее в форме целостных наименований, которые активно используются носителями языка (в основном, в произведениях публицистического, реже – в устном виде). Многие из таких наименований можно соотнести с различными "нациообразующими концептами" [7, с. 32], обобщающими накопленный народом культурный опыт (неразрывно связанный не только с бытом, установившимися социальными отношениями, но и с временными и пространственными характеристиками), формирующими его духовный облик, ментальность.

Одним из таких "зонтиковых" концептов является концепт "русская идея", который, по мнению исследователей, представляет собой "*manifestation of the essence of Russian and Slavic civilization, the Russian way of life, the Russian character, and the true mission of the Orthodox Russian people, S/spirituality, the aesthetic and moral component of the Russian culture and Russian Messianism (nobility, exceptional and spiritual nature, the deep meaning of creativity, purification, sacrifice, etc.)*" [1, с. 189].

В качестве составного наименования в настоящей статье мы будем рассматривать устойчивое словосочетание "русская земля". Данное наименование употреблялось еще в текстах Древней Руси, датирующихся 12-13 веками (например, в эпических произведениях "Слово о полку Игореве" и "Слово о погибели Русской земли"). В названном составном наименовании наибольший интерес для нас представляет слово-компонент "земля", которое, в зависимости от контекста, может иметь разные значения. Оно положено в основу мировосприятия русского народа, так как связано с быто-

вавшими в дохристианскую эпоху анимистическими верованиями, превозносившими значение земли в качестве источника богатства (а также являющегося символом женского начала, плодородия) [3, с. 252; 6, с. 140]. Кроме того, "земля" является представлением не только о культурной (сюда же следует отнести единство религиозных убеждений), но также государственной и территориальной целостности народа [5, с. 7; 2, с. 235].

Чтобы выявить основные коммуникативные значения составного наименования "русская земля", мы обратились к текстам основного и газетного корпусов информационно-справочной системы "Национальный корпус русского языка" (НКРЯ). В основном корпусе было зафиксировано (посредством лексико-грамматического поиска) 221 документ и 3184 вхождений, в газетном – 865 документов и 988 вхождений.

В основном корпусе НКРЯ было выявлено и проанализировано 10 контекстов, в газетном корпусе - 8.

Проанализировав найденные отрывки из документов основного и газетного корпусов НКРЯ, мы можем выявить следующие коммуникативные значения составного наименования "русская земля".

Основной корпус НКРЯ:

Коммуникативное значение №1: Русская земля – символ православия для русского народа, утверждающий в качестве национальных ценностей нравственность, самопожертвование и духовную чистоту (святость).

1. *"Сонм древних и новых мучеников и исповедников сияет перед лицом Божиим как свидетельство о том, что наша русская земля не погибла во тьме веков"* (пример №1).

2. *"Настоящая святая русская земля! В одном Пскове было сорок пять храмов!"* (пример №27).

3. *"Сама Русская земля оказывалась островом православия. В ней самой островом спасения была Церковь, в которой – тоже островом – виделось духовное подвижничество, монашество"* (пример №45).

4. *"В основание церкви была заложена русская земля, которую привезли на шестидесяти подводках"* (пример №51).

5. *"Обширная русская земля... не столько в единстве языка находила свое притягательное средоточие, сколько в единстве убеждений, происходящих из единства верования в церковные постановления"* (пример №57).

6. *"Да, это я знаю, знаю, что русская земля на семи праведниках держится"* (пример №88).

7. *"...во всей вселенной одна лишь русская земля в благочестии стоит неподвижно"* (пример №205).

Коммуникативное значение №2: Русская земля – совокупность представлений (или собрание людей, разделяющих общие идеалы) русского народа (основанных на убеждении внутреннего единства, чувства соборности), являющихся идеологической основой восприятия мира, определяющего национальные особенности образования и культуры, включающее в

себя такие черты национального менталитета, как щедрость (указание на масштаб территории), загадочность, миролюбие и сочувствие.

8. *"Дуня. Русская земля большая, бабушка. Место для нас найдётся"* (пример №5).

9. *"И желание одно, и тревога за землю Русскую, и речь идет о внуках Дажьбога – русском народе, о внуках Бога Солнца, а земля Трояна тоже Русская земля!"*(пример №23).

10. *"О, Русская Земля! Страшный, великий, непонятный народ!"*(пример №26).

11. *"Знать у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета..." Он сидел на нашей кровати с шариками, весь светился, и мне казалось, что он становится высоким, могучим, как вся русская земля, и гордым, что родился и живет на этой земле"* (пример №36).

12. *"Ясно, что мирная малая русская земля от Сочи до Анапы – обетованная, этническая куча мала, мозаика, где каждый строит из себя коренья"* (пример №39).

13. *"Сознание единства русской нации образуется в X и XI вв. и выражается в XI и XII вв. в памятниках законодательных (Русская Правда) и литературных: первоначальная летопись употребляет термин "Русская земля" то в смысле южнорусских земель, то в значении целой нации"* (пример №221).

14. *"Нипочем бы это было медвежатникам – русская земля длинна, широка, не клином сошлась, есть где лесному боярину разгуляться, потешиться"*(пример №225).

15. *"Вместе со своим князем вся русская земля чувствовала это унижение"* (пример №236).

16. *"Не вовсе оскудела русская земля людьми добра и правды"* (пример №259).

17. *"...мгла исчезала, и русская земля открывалась, тучная, плодородная, богатая, и русское небо озарилось первым лучом просвещения"*(пример №276).

Коммуникативное значение №3: Русская земля – мать, вскормившая и воспитавшая множество талантливых людей (может употребляться с оттенком иронии).

18. *"Прощаясь с небольшим поволжским городком, не перестаем восхищаться мастерством и талантами, на которые так щедра русская земля"*(пример №8).

19. *"Надо только радоваться, что не оскудела русская земля талантами, хотя где тут грань между талантом и неразборчивой прытью, где сам талант, а где пройдоха, – поиди разбери"*(пример №33).

20. *"Что ж, русская земля навсегда славилась своими умельцами-самодельщиками!"* (пример №64).

21. *"Оскудела русская земля, что ли? Или это уж наше поколение?"* (пример №223).

Коммуникативное значение №4: Русская земля – участок земли, захваченный и защищенный от иноземных захватчиков славянскими племенами и их потомками (присутствует указание на темпоральные признаки, временные условия происхождения понятия, отношение к определенному историческому периоду).

22. *"И от тех варягов, – говорится в нашей летописи, – стала называться Русская земля и новгородцы, которые от рода варяжского, а раньше были словене"* (пример № 16).

23. *"Русская земля принадлежит русским, одним русским, и есть земля русская, и ни клочка в ней нет татарской земли"* (пример № 233).

24. *"Вышло и то, что скитальцами наполнилась Русская земля, из хлебопашцев стали делаться и невинные бродяги веселого промысла скорморошеством, кормившиеся гудком и скрипкой, и бродяги с воровскими и разбойничьими замашками"* (пример № 243).

Коммуникативное значение №5: Русская земля – ограниченный участок земли, включающий в себя субъекты РФ, территориально равнозначный России или принадлежащий ее гражданам.

25. *"Зато теперь русские бьют себя пятаками в грудь, заявляя, что Сибирь исконно русская земля!"* (пример №10).

26. *"...затем происходит эволюция понятия – Русская земля, Русь, Россия"* (пример №18).

27. *"Он ведь с Кубани, а это Россия, русская земля"* (пример №46).

28. *"Бегло осматриваем роскошный старинный дворец графа Эстре, в котором размещается посольство (кстати, в этом дворце и раньше находилась резиденция царских послов, так что это "древняя русская земля")"* (пример №59).

29. *"Есть в Яффе и русская земля; часть ее продана под теннисный корт"* (пример №63).

30. *"Вот и появились у нас населенные пункты Россия, Русское, Русская Земля"* (пример №72).

Коммуникативное значение №6: Русская земля – одно из ключевых понятий, определяющих сущность российской государственности (политики), основанное на представлении о русском государстве как источнике силы, могущества, исключительной крепости, победоносного патриотизма.

31. *"Русская земля уже не раз становилась символическим средоточием отечественного патриотизма"* (пример №14).

32. *"Необходимо вообще восстановить ключевые понятия в системе российской государственности, составляющих саму суть государства, такие, как "Русь", "Русская Земля", "русская нация", "великорус", "белорус", "малорус", "любовь к Отечеству", "патриотизм", "верность своему"*

народу и государству", "бог", "православие русское" и многие другие"(пример №43).

33. "Однако персонажи летописи включены и в другие семантические поля с иными – политическими – характеристиками (например: "русская земля – нерусская земля", "правильное управление – неправильное управление")"(пример №56).

34. "Слава тебе Господи, у нас пока русская земля и русская власть на ней, какая ни есть, а русская"(пример №85).

35. "Благодаря этому чувству, Русская земля есть живая сила повсюду, где имеет силу Царь Русской земли" (пример №255).

36. "До царя Петра русская земля находилась въ пучинѣ варварства и безобразия: одеждой бояръ были звѣриныя кожи, сынъ могъ жениться на матери, народъ питался мохомъ и дикими каштанами" (пример №262).

Коммуникативное значение №7: Русская земля – то же, что Московская Русь и Киевская Русь.

37. "Уже игумен Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий (умер в 1515 году) утверждал, что "Русская земля ныне благочестием всех одоле" (под "Русской землёй" понималась, естественно, Московская Русь)" (пример № 15).

38. "единая национальная колыбель – Киевская Русь, Русская земля" (пример № 43).

Коммуникативное значение №8: Русская земля – мифологическое представление о земле как матери (может быть и обратное сопоставление – с образом отца – "отчизна", что в большей степени соответствует христианскому пониманию мира), давшей жизнь русскому народу, одухотворенной в его сознании.

39. "Какое сердце биться перестало! Плачь, русская земля! но и гордись– С тех пор, как ты стоишь под небесами, Такого сына не рождала ты" (пример №185).

40. "Дрогнула в роковую ночь русская земля, и скоро все далекие дети ее почувствуют этот толчок и, смятенные, растерянные, будут ждать последнего, страшного часа родной земли..." (пример №189).

41. "...земля польская и литовская, а русская земля наша отчина" (пример №235).

42. "Велика наша родина – мать-свято-Русская земля!" (пример №254).

Коммуникативное значение №9: Русская земля – совокупность характерных для местности, на которой проживает русский народ, особенностей растительного мира, определяющих национальную ментальность россиян.

43. "Огромная Русская земля с ее полями, лугами, лесами, реками и озерами была открыта в древности, при начале государства" (пример №204).

44. *"Русская земля крепка березой. Истребят леса – пропадет земля русская"* (пример № 228).

Коммуникативное значение №10: Русская земля – газета, выходящая ранее в Петербурге, переставшая выпускаться по причине негативных отзывов, идущая вразрез с действующей политикой государства.

45. *"6 октября 1906 года в газете "Русская земля" была опубликована статья некоего Елиева"* (пример №44).

46. *"Русская Земля" плохая и вздорная газета, но я не могу ничего сделать"* (пример №197).

47. *"148-й Устава о цензуре и печати в совещании 4-го сего января, постановили совершенно прекратить издание газеты "Русская Земля", выходящей в Петербурге"* (пример №199).

Идеологическая составляющая составного наименования *русская земля* реализуется посредством таких определений, как *"настоящая"*, *"святая"*, *"мирная"*, *"тучная"*, *"плодоносная"*, *"богатая"*, *"высокая"*, *"могучая"*, *"древняя"*, *"огромная"*.

Газетный корпус НКРЯ:

Коммуникативные значения №№ 1-6 совпадают с аналогичными в основном корпусе.

Коммуникативное значение №7: "Русская земля" – книжное издательство.

1. *"В комнату уже входил Тихон Иванович Полнер, почтенный земский деятель и зачинатель первого зарубежного книгоиздательства "Русская Земля", на которое ожидали денег от бывшего посла в Вашингтоне Бахматьева"*(пример №140).

Коммуникативное значение №8: Русская земля – ироническое выражение, призванное подчеркнуть неприятные исторические или общественные явления в жизни россиян, негативные стороны русского народа.

2. *"Очевидно, "Новые люди" исходят из патриотического принципа "А я дурдома, дурдома не боюсь, // Дурдом ведь тоже русская земля"*"(пример №79).

3. *"Казалось, что русская земля послала в Петербург все, что было в ней дикого, полного зависти и злобы"* (пример №104).

4. *"В течение более двадцати лет на русской земле будут пожинать только горе"* (пример №795).

5. *"И когда ни помотришь на русскую землю, хоть бы из самого космоса, всегда увидишь в ней не национальное согласие, но как раз яростное несогласие – несогласие церковное, несогласие пугачевщины, несогласие декабризма, несогласие славянофильства и западничества, несогласие большевизма, несогласие оппозиций, несогласие "красного", несогласие "белого", несогласие конституций, несогласие демократий, несогласие бизнеса – и так до бесконечности"*. (пример №852).

Идеологическая составляющая составного наименования *русская земля* реализуется посредством таких определений, как "*православная*", "*бескрайняя*", "*родная*", "*великая*", "*древняя*". Идеологическая составляющая рассматриваемого составного наименования также реализуется посредством таких слов и выражений, которые косвенно или прямо характеризуют "*русскую землю*" (в целом или отдельные ее компоненты) с негативной стороны: "*дурдом*", "*горе*", "*несогласие*", "*дикого, полного зависти и злобы*".

Таким образом, в большинстве случаев, коммуникативные значения в основном и газетном корпусах НКРЯ совпадают. Доминирующим в газетном и основном корпусе НКРЯ является коммуникативное значение, которое в большей степени опирается на характеристику национального менталитета русского народа, раскрывающего такие признаки русского характера, как стойкость, щедрость, нравственность, соборность и подвижничество.

Список использованных источников

1. **Belugina, O. V., Starodubets, S. N., Timofeev, S. E.** On the specifics of the ideologization of a composite name in the Russian language / O. V. Belugina ; S. N. Starodubets ; S. E. Timofeev // UniversidadSociedad. – 2020. –№ 3 (Т. 12). –С. 185-194. – Текст : непосредственный.

2. **Котышев, Д. М.** Русская земля в X-XII вв. : центр и периферия / Д. М. Котышев // Палеоросия. – 2016. – №5. – 233-252. – Текст : непосредственный.

3. **Мошина, Е. А.** Гендерные и теоморфные признаки мифологемы земля-мать в русской лингвокультуре / Е. А. Мошина // Вестник КемГУ. – 2020. – №1 (81). – С. 251 - 257. – Текст : непосредственный.

4. Национальный корпус русского языка : [сайт]. – URL:<https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 08.04.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

5. **Неменский, О. Б.** Российская Федерация, русский мир и русская земля / О. Б. Неменский // Вопросы национализма. – 2012. – №3 (11) – С. 3 - 11. – Текст : непосредственный.

6. **Пименова, М. В. Мошина Е. А.** Мифологема мать-сыра-земля в русской языковой картине мира / М. В. Пименова ; Е. А. Мошина // Сибирский филологический журнал. - 2021. - №3. - С. 138 - 151. – Текст : непосредственный.

7. **Сковородников, А. П. Севруженко Н. С.** "Русская земля" как нациообразующий концепт / А. П. Сковородников ; Н. С. Севруженко // Экология языка и коммуникативная практика. – 2020. – №1. – С. 30-46. – Текст : непосредственный.

УДК 811. 161. 1'42'28:398. 92:392. 52

О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, СВЯЗАННЫХ СО СВАДЕБНЫМИ ОБРЯДАМИ

В статье представлен анализ диалектных фразеологических единиц русского языка с затемнённой внутренней формой. Объектом исследования выступает семантика компонентного состава некоторых русских фразеологизмов. Предметом исследования является связь семантики компонентов фразеологизмов с традиционной русской духовной культурой.

Ключевые слова: фразеологизм, внутренняя форма, диалект, свадьба, обряд.

В настоящее время характер формирования, развития и функционирования фразеологических единиц представляет большой научный интерес в силу специфики и комплексности их семантики. В качестве основополагающего элемента семантики устойчивого словосочетания выделяется его внутренняя форма, т. е. исходный мотивирующий образ. Внутренняя форма мотивирует актуальное значение фразеологизма, обуславливает оценку и эмотивность значения и является носителем культурной коннотации фразеологизма [2, с. 112].

С точки зрения содержания, экспрессивности и изобразительных свойств, русская диалектная фразеология представляет собой богатейший пласт традиционной народной культуры. В отличие от фразеологических единиц, используемых в литературе, образная основа диалектных фразеологизмов отражает древние, архаические представления о мире, а также связанные с ними мифологию и обряды. Изучение образной основы таких фразеологизмов имеет большое значение для изучения взаимосвязи языка и культуры и составления региональных словарей.

Целью данной статьи является не только выявление внутренней формы фразеологических единиц русского языка, но и разграничение фразеологизмов по степени затемнённости их внутренней формы посредством обращения к различным факторам внеязыковой действительности.

В русской диалектной речи выражение *дать плат* имеет значение 'скреплять словом и подарками согласие невесты на брак' [11, с. 94]. Слово *плат* происходит от др. -русск. и ст. -слав. *платъ* и означает 'платок'. Слова *плат* и *платок* могут обозначать одно и то же понятие, а также сближаются по значению со словом *полотно* [14, с. 274]. Платом называли четырёхугольный лоскут ткани, который может выступать в качестве головного

женского убора. Для женщины, достигшей совершеннолетия, платок был обязательным элементом одежды. Платок широко используется в различных русских ритуалах: свадебных, похоронных, календарных и т. д. Внутренняя форма устойчивого словосочетания раскрывается посредством обращения к символике платка: в свадебном ритуале платок в качестве дара служит символом любви и согласия на брак: девушки дарили своим возлюбленным вышитые ими платки в знак любви и верности [9, с. 66]. Для наиболее полного выявления внутренней формы фразеологической единицы следует обратиться к обряду сговора в русской свадьбе: платок выступал в качестве знака согласия на брак, когда родители будущей жены отдавали его семье будущего мужа в залог во время сговора: "Родители обыкновенно дают срок, когда ответ дадут, сразу никогда не соглашались. И если в срок ответом было согласие – то сваты в залог давали плат" [12, с. 44].

Устойчивое словосочетание *ступить в красный сапог* имеет значение 'оказаться в хороших условиях жизни' [3, с. 115]. В указанном словосочетании слово *красный* имеет оценочную семантику и употреблено в значении 'красивый, ценный, парадный' [7, с. 647]. Внутренняя форма частично проявляется с учётом данных о символике красного цвета в русской культуре: красный цвет ассоциируется с плодородием и изобилием, а в свадебном обряде представляет собой символ жизни, радости и праздника [4, с. 54].

Помимо изучения положительной коннотации красного цвета в русской культуре, внутренняя форма устойчивого словосочетания раскрывается посредством обращения к общеславянскому обряду смены обуви. Наш взгляд, мотив переобувания имеет связь с обрядом приобщения невесты к роду жениха: жена в старой обуви не могла переступить порог дома жениха, что является отсылкой к древним обычаям, призванным регулировать отношения между родами [8, с. 476]. В народной культуре сапог может выступать символом богатства, а лапоть – бедности. Это наблюдается на примере оппозиции символических значений лаптя и сапога, представленной в пословицах и поговорках, что указывает на статусный характер сапога в русской культуре: "Лапоть знай лаптя, а сапог – сапога" [12, с. 46].

Рассмотрим фразеологизм, имеющий более сложную внутреннюю форму. Фразеологизм *отдавать волю* используется, когда речь идёт 'о замужестве, выходе замуж' [10, с. 88]. Внутренняя форма фразеологической единицы частично раскрывается путём обращения к понятию воли в народной культуре.

В свадебных обрядах мотив воли связывают с периодом жизни девушки до замужества, или, другими словами, с девичеством. Воля соотносится с понятиями доли, участи [6, с. 429]. Девушке, живущей свободной незамужней жизнью, следовало сделать выбор своей судьбы (доли), что подразумевает выбор будущего жениха.

Чрезмерная воля часто отрицательно воспринималась носителями русской народной культуры, что отражено в пословицах: *своя воля – страшнее неволи, боле воли – хуже доля* [5, с. 111]. Волю также связывают с властью родителей над детьми: когда девушка самовольно без согласия родителей выходила замуж, это называлось "снятием (чужой) воли", о чём свидетельствует наличие в русских говорах устойчивого выражения *снять волю* в значении 'отслушиваться, не повиноваться кому-либо' [10, с. 88].

В диалектной лексике встречается слово *красота*, которое является близким по смыслу к слову *воля*. В народной культуре слова *воля* и *красота* оказываются очень близкими по смыслу, так как оба могут указывать на девичество, жизнь девушки до свадьбы и замужества [5, с. 112]. Так как слова *красота* и *воля* близки по значению в русских свадебных обрядах, ряд исследователей используют их как синонимы либо пользуются сочетанием *воля-красота* [1, с. 11].

Мотив прощания невесты с *волей-красотой* широко представлен в свадебных обрядах северных регионов России: *волей* называются некоторые атрибуты невесты: её коса, лента в косе; бант или лента на голове; повязка, перевязка и т. д. [5, с. 112]. *Волей* называют 'девичий головной убор в виде широкой ленты' [10, с. 88]. Невесте расплетали косу и нередко силой вырывали из неё ленту [5, с. 113]. В других случаях невеста сама снимала ленту и отдавала брату либо подругам. При вступлении в брак невеста меняла причёску и головной убор – вместо девичьей ленты (*воли*) на голове появлялся головной убор, полностью покрывающий волосы. Прощание с волей выражалось в причитаниях, в которых невеста оплакивала конец девичьей и переход к замужней жизни [5, с. 113]. Замужество ассоциировалось с неволей. Невеста прощалась или расставалась с волей, теряла её, отдавала мужу или подругам.

Одним из важных символов девичества выступает коса девушки. Косу заплетали таким образом, чтобы её затем было трудно распутать: вплетали шнуры, вкалывали булавки и даже зашивали нитками. Этот процесс обнаруживается в причитаниях [13, с. 277]. Мотив переплетения также связан с неволей.

Одним из атрибутов невесты в обряде прощания с девичеством выступает маленькое деревце, как правило, ёлочка, украшенная лентами, которую называли *красота*. Подружки невесты предлагали ей последний раз взглянуть на свою "красоту", приговаривая "как ёлочке не бывать больше зелёной, так и тебе, Марья Ивановна не бывать больше в девках". Затем они выносили красоту-деревце со словами "Красота-деревце ножкой топнула, дверью хлопнула" [13, с. 276]. Аналогично ёлочку, украшенную лентами, могли называть "волей" [5, с. 112].

Образ устойчивого выражения *отдавать волю* содержит множество мифологических сюжетов на основе прощания невесты с *волей-красотой*. Часто *воля-красота*, которую воплощает сама невеста, либо её атрибуты,

принимает орнитоморфный облик. Она превращается в утку, затем улетает на озеро, реку или болото, в тёмный лес [1, с. 11]. На наш взгляд, с учётом множества обрядов и мифологических представлений, содержащихся в устойчивом словосочетании, можно говорить о высокой степени "закрытости" его внутренней формы.

Таким образом, внутренняя форма выявляется наиболее отчётливо при рассмотрении русских диалектных фразеологизмов в их органической связи с внеязыковой действительностью. В результате фразеологизмы могут быть разделены на несколько разновидностей с точки зрения затемнённости их внутренней формы:

- достаточно "закрытая",
- в высокой степени "закрытая" внутренняя форма.

Список использованных источников

1. Кузнецова В. П. Причитания в северо-русском свадебном обряде: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10. 01. 09 / В. П. Кузнецова; Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. – Минск, 1988. – 20 с.

2. Лысенкова, В. Н. Внутренняя форма фразеологизма и его значение / В. Н. Лысенкова // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 10. – С. 111-116.

3. Нефедова, Е. А. Экспрессивный словарь диалектной личности / Е. А. Нефедова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 144 с.

4. Новикова, О. В., Нудевица Кем. Символика красного цвета в языковой картине мира африканских и восточнославянских народов / О. В. Новикова, Нудевица Кем // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. - 2011. - №7. – С. 51-57.

5. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / науч. ред. : В. Я. Петрухин, Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая. – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с.

6. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995-2012. – Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). – 1995. – 584 с.

7. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995-2012. – Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). – 1999. – 702 с.

8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995-2012. – Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). – 2004. – 704 с.

9. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995-2012. – Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). – 2009. – 656 с.

10. Словарь русских народных говоров: В 44 вып. / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. – Москва – Ленинград : Наука, 1966–2011. – Вып. 5. Военство-Выростковый/ Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. – 1970. – 345 с.

11. Словарь русских народных говоров: В 44 вып. / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. – Москва – Ленинград : Наука, 1966–2011. – Вып. 27. Печечки-Подельвать / П. И. Павленко, Ф. П. Сороколетов. – 1992. – 345 с.

12. Тихомирова, А. В. Символика наименований одежды и обуви в русской диалектной лексике и фразеологии свадебного обряда / А. В. Тихомирова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – №1 (21). – С. 43–50.

13. Шангина, И. И. Русские девушки / И. И. Шангина. – СПб. : Азбука-классика, 2007. – 352 с.

14. Этимологический словарь русского языка: в 4. т. / ред. кол. М. А. Оборина [и др.]. – М. : Прогресс, 1986-1987. – Т. 3 / М. Фасмер. – 1986. – 832 с.

Белова Анна Михайловна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: pwodjdj@yandex.ru

УДК 81`28

НЕОДНОСЛОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ "РУССКИЙ СТИЛЬ" В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматривается компонентный состав неоднословного образования русский стиль, исследуется коммуникативное значение на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и анализируется семантическое поле.

Ключевые слова: Национальный корпус русского языка, неоднословное образование, коммуникативное значение.

В современной лингвистике феномен принадлежности человека к определенной национальной общности приобрел чрезвычайную популярность среди исследователей и учёных различных отраслей знания таких, как лингвокультурология, социология, культурология, история и др. Подобный "всплеск" обусловлен интересом ученых к изучению и описанию особых черт культурно-этнической группы – группы людей, которые имеют общую этническую идентичность, язык, культуру, родословную, историю.

Нами будет рассмотрено неоднословное образование *русский стиль*, сущность его коммуникативного значения и компонентного состава на основе материалов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [3].

Составные наименования имеют следующие базовые характеристики: неразрывность фразовой структуры, устойчивость по составу и порядку следования лексических единиц, образование по определенным структурно-семантическим моделям русского языка, формальную, но не семантическую эквивалентность слову, в ряде случаев способствуют возникновению новых слов языка, что проявляется в особенности СН трансформироваться в слово, сохраняя исходный смысл, возможное употребление одного из его членов в переносно-образном значении [6, с. 168].

Изучению *русского стилия* были посвящены работы Е. И. Кириченко [1], исследующей особенности возникновения и исторического бытования такого своеобразного явления в отечественной культуре.

Согласно определению "словарю русского языка" – малый академический словарь современного русского литературного языка, созданный на основе картотеки "Словаря современного русского литературного языка" (автор Станислав Ежи Лец) *русский* – это "*принадлежащий русским созданный русскими, свойственный русским*", *стиль* – "*совокупность призна-*

ков, характеризующих искусство определенного времени и направления или индивидуальную манеру художника в отношении идейного содержания и художественной формы" [2].

Соответственно, первичное значение неоднословного образования *русский стиль* представляет собой "совокупность признаков характеристики искусства, свойственных русским" [2].

Чтобы выявить компонентный состав коммуникативного значения составного наименования, мы обратились к основному и газетному корпусам информационно-справочной системы Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В основном корпусе было зафиксировано 75 употреблений, в газетном – 90.

Составное наименование *русский стиль* имеет несколько инвариантов плана выражения (три).

Инвариант: русский стиль / "русский" стиль / "русский стиль".

Вариант 1: русский стиль.

"В то же время не теряет своей актуальности и традиционный русский стиль с фасадами, отделанными имитацией бруса" (газетный корпус, пример №7).

В данном примере *русский стиль* представляет собой направление в творчестве, основанное на использовании традиций русского национально-го искусства. Этот вариант употребляется наиболее часто.

Вариант 2: "русский" стиль.

"Творческая деятельность Шехтеля за первый 25-летний период характеризуется напряжённостью стилевых исканий, в которых "русский" стиль и "готика" 1890-х были определяющими"(основной корпус, пример №3).

Заметим, что в данном контексте смысловая направленность частично отражает смысл первого варианта. Однако, учитывая, что в данном примере сразу два стиля – "Русский" и "готика" заключены в кавычки, можно сделать вывод о том, что акцент ставится не на саму эфемерность стиля как феномена, а на нематериальность его разновидностей.

Вариант 3: "русский стиль".

"Но можно предположить, что ее контекст – волна неоклассицизма 1910-х годов, когда классика, по мысли Г. Ю. Стернина, была понята как своеобразный "русский стиль""(основной корпус, пример №20).

В данном контексте наименование *русский стиль* представляет собой динамичное продолжение варианта 2, однако, здесь смысл приобретает переносное необъектное значение именно из-за слова "стиль".

В основном и газетном корпусе нами были исключены примеры с повторяющимся, аналогичным значением.

Основной корпус НКРЯ:

1. *"Исключительной популярностью пользовался в Москве русский стиль, позволявший в полной мере проявить фантазию в резном убранстве фасадов"* (пример №4).
2. *"И точно нельзя сказать, что такое русский стиль в частных маленьких домах"* (пример №6).
3. *"В то же время не теряет своей актуальности и традиционный русский стиль с фасадами, отделанными имитацией бруса"* (пример №9).
4. *"Новый русский стиль в том, что родимое государство все настырнее вытесняет жизнь из самой жизни"*. (пример №14).
5. *"Сказочно-затейливый, величавый и нарядный, исконно прекрасный, подминающий под себя любую тему – хоть про жития святого, хоть про тракторы, бодрый русский стиль лаковой живописи дает пример праздничной картинки"*. (пример №18).
6. *"Создать новый русский стиль для передачи иноязычного стиля, не имеющего аналогов в русском литературном опыте, – задача величайшей трудности"*(пример №24).
7. *"И своими подачками он этот русский стиль научного мышления у нас как сапогом вышибает"* (пример №26).
8. *"В сущности, лишние килограммы только подчеркивали ее русский стиль"*(пример №27).
9. *"Он дал свое название этому феномену: русский стиль морских открытий"*(пример №29).
10. *"Право, это русский стиль, – с удивлением подумал Мамонтов, – чем не Рязань!"*(пример №39).

Рассмотрим компоненты значения составного наименования.

Лексическое значение компонента *русский–принадлежащий к русскому народу, русскому языку, русской культуре и другому*.

Архисемы: *славянский, человек*.

Дифференциальные семы: *московский, оренбургский, сочинский, великорусский*.

Лексическое значение компонента *стиль –характерный вид, разновидность чего-н., выражающаяся в каких-либо. особенных признаках, свойствах художественного оформления*.

Архисемы: *признаки, черты, методы*.

Дифференциальные семы: *нематериальное*.

Коммуникативное значение неоднословного образования *русский стиль* в основном корпусе: *"устойчиво воспроизводимые отличительные черты поведения, свойственные русским людям и выявляющие своеобразие их духовного мира, интересов, предпочтений, особенно в области искусства"*.

Идеологическая составляющая составного наименования *русский стиль* реализуется посредством таких определений, как "народный", "особенный".

Газетный корпус НКРЯ:

1. *Ведь во многом благодаря именно ему новый русский стиль в ювелирном искусстве обрел поклонников по всему миру* (пример № 2).

2. *"На лед полетели краги, шлемы, флаги – все, что было под рукой. Это был чисто русский стиль. Парни Олега Знарка сначала заставили поверить в себя, потом сами себе создали проблемы и героически выровняли ситуацию, а затем и обернули ее в свою пользу"* (пример № 4).

3. *"Как с помощью техники рукопашного боя удастся побеждать боксеров и борцов с их навыками, отработанными до автоматизма? – Рукопашный бой – это русский стиль единоборств. Смешанный стиль – это простота и эффективность"* (пример №15).

4. *"Поленова была одним из идеологов Абрамцевского кружка, где русский стиль в искусстве формировался не как умозрительная идеология, но как серия образцов и приемов, достаточно живых, чтобы воспроизводиться без опасности стать клише"*. (пример №20).

5. *"Сейчас же мне захотелось показать русский стиль"* (пример №21).

6. *"Впрочем, русский стиль, конечно, не просто дополнительное украшение, а самостоятельный тон данного "разговора", но доминантная идея все-таки пришла с других берегов"*(28).

7. *"К тому же мне всегда нравился русский стиль хоккея"* (пример №29).

8. *"Именно тогда складывался определенный русский стиль: московский, петербургский, усадебный, дворцовый"*. (пример №33)

9. *"Русский стиль тренерства неплох, но он сильно отличается от североамериканского"*(пример №39).

Коммуникативное значение неоднословного образования (составного наименования) русский стиль в газетном корпусе: "устойчиво воспроизводимые отличительные черты поведения, свойственные русским людям, особенно спортсменам, горячность, непредсказуемость, невероятное усердие, исключительная целеустремленность". В данном контексте акцент делается на описательный притяжательный признак принадлежности к национальности.

Идеологическая составляющая составного наименования *русский стиль* реализуется благодаря следующим определениям: "национальный", "народный".

При сравнении газетного корпуса с основным были выявлены различия по коммуникативному значению составного наименования:

1. В основном корпусе *русский стиль употребляется* с целью предоставить особенности, специфику и смелость стиля русских.

2. В газетном корпусе составное наименование употребляется с целью обозначить национальность, народность.

Таким образом, можно сделать вывод, что в основном корпусе составное наименование образование – это результат вторичной дефиниции, так как в контексте употребления оно раскрывает содержание (смысл) посредством описания существенных и отличительных признаков предметов или явлений, обозначаемых данным именем (денотата).

Полагаем, что в основном корпусе НКРЯ имеет место неоднословное образование *русский стиль* вторично дефинированного типа, а в газетном корпусе НКРЯ – вторично номинированного типа [5, с. 419].

Список использованных источников

1. **Кириченко Е. И.** "Русский стиль" / Е. И. Кириченко. – М. : Галарт; АСТ-ЛТД. – 432 с. – ISBN: 978-5-907043-52-7

2. Малый академический словарь. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/mas>

3. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/index.html>

4. **Серова, О. В.** Интерьер в русском стиле как часть культурного наследия / О. В. Серова, В. Е. Оглодкова, А. А. Недопивцева. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 25 (129). – С. 665-669.

5. **Стародубец, С. Н.** Составное наименование с атрибутом "духовный" как маркер дискурса И. А. Ильина / С. Н. Стародубец // Русский язык в поликультурном мире : Сборник научных статей III Международного симпозиума, в 2-х томах, Ялта, 08–12 июня 2019 года / Ответственный редактор Е. Я. Титаренко. – Ялта: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Типография "Ариал", 2019. – С. 418-421. – EDN PKOEGV.

6. **Тимофеев, С. Е.** Идеологизированные составные наименования с атрибутом русский в современном русском языке / С. Е. Тимофеев, С. Н. Стародубец // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей IV Международного симпозиума: в 2 томах, Симферополь, 09-11 июня 2020 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2020. – С. 479-484. – EDN RFCLHO.

Белякова Елена Алексеевна

Гомельский государственный профессиональный лицей строителей,
Республика Беларусь
e-mail: lena13021975@yandex.ru

УДК 811. 161. 3'373. 2:641. 56:398. 3:393

ТРАДИЦИОННЫЕ НАЗВАНИЯ ПРАЗДНИЧНЫХ И ПОМИНАЛЬНЫХ БЛЮД БЕЛОРУССКОЙ КУХНИ

В статье рассматриваются названия свадебных и поминальных блюд белорусской кухни, этимология слов "каравай", "кулич". Внимание акцентируется на связи белорусской и русской кухни. Сделан вывод о том, что до сих пор сохранились поминальные обычаи и обряды.

Ключевые слова: русская кухня, белорусская кухня, обряд, каравай, кулич, поминальное блюдо, кутья.

Каждый народ, в том числе и белорусский, имеет свои традиционные блюда питания. Из глубины веков до нас дошли многие самобытные блюда. К самым известным белорусским блюдам относят: драники, тартюх, клёцки, колбаса из свинины с гречкой, затирка, жур, мачанка – крестьянское блюдо, её готовили на свинине, сале, жире и макали в неё блины, хлеб, а позже картофель; картофляники, булочки из картофельного пюре, яиц и муки, могут без холодильника храниться неделю и оставаться вкусными. Например, хозяйки Волковысского района уже не одно поколение пекут бородитские блины из дрожжевого теста и тёртого картофеля. В восточных районах Полесья из муки пекли лазанки, цыганки и др. Для всей территории Беларуси характерен холодец, который варили из ног и голов животных и птиц. В восточной части Беларуси наиболее характерно название этого блюда *холодное*, в Полесье такое блюдо встречается под названием дрыгва [4, с. 25]

Кулинарное искусство всегда было связано с бытом, культурой, обычаями народа. Отдельные материалы по белорусской народной кулинарии мы находим у русских историков и этнографов XVIII-XIX вв. Более подробно о ней написано в трудах русских, польских, литовских, белорусских учёных XIX и начала XX столетия – А. К. Киркора, Ч. Петкевича, П. В. Шейна, Н. Я. Никифоровского, А. С. Дембовецкого, Е. Р. Романова и др. Белорусская кухня оказала влияние на кухни соседних народов – русских, украинцев, поляков, литовцев, латышей. Кухня русского народа воздействовала на белорусскую. Об этом говорят общие названия кулинарных блюд. Хорошо известна белорусская "зацірка" в русской кухне.

Известный белорусский этнограф Н. Я. Никифоровский так описывал правила поведения за столом у сельского населения Витебщины: "Па меры

Кулич. Есть две версии происхождения этого слова. Согласно первой, это заимствование из греческого языка, где "кулич" образовано от "круглый хлеб". Согласно другой версии, кулич образовано от *кулик* (название птицы) и первоначально так назывался ритуальный хлеб, выпекавшийся в честь прилёта куликов, т. е. наступления весны. Ср. жаворонок – булочка в форме птички, выпекаемая на День сорока мучеников (22 марта) в честь прилёта жаворонок [6, с. 244-245].

До сих пор сохранились и поминальные обычаи и обряды. Значение этих традиций заключается прежде всего в укреплении родственных связей, в сплочении семьи. Они выполняют миротворческую миссию, прививают любовь к ближним. Как и в давние времена, близкие и родственники собирались, чтобы добрым словом помянуть усопших.

На поминальной трапезе абавязковай была спецыяльная абрадавая страва – канун ("канон"), куцця, поліўка, сыта (падсалоджаная мёдам вада), гарачыкі (бліны), клёцкі. У розных рэгіёнах Беларусі абрадавыя стравы гатаваліся па-рознаму. Так, напрыклад, для прыгатавання кануна ў падсалоджаную цукрам або мёдам ваду крышылі хлеб, бублікі, баранкі ці іншыя мучныя вырабы, а куццю варылі з рысавых, прасяных, ячных ці грачаных круп (на памінальным сталі яна павінна была быць салодкай). Памінкі заўсёды і па сённяшні дзень пачынаюцца з куцці ці кануна. Частаваліся адной ці трыма лыжкамі кануна з агульнай міскі, па чарзе перадаючы яе адзін аднаму. Паводзіны ўдзельнікаў памінальнай трапезы вызначаліся ўсведамленнем таго, што разам з жывамі ў трапезе ўдзельнічаюць і памерлыя продкі [3, с. 10-11].

Отличительная особенность белорусской сервировки стола прошлого и настоящего заключается в том, что отдельные блюда, кулинарные изделия подают в горячем виде и в той посуде, в которой они готовились.

Таким образом, в современном белорусском обществе сохраняется традиционный колорит отдельных свадебных и поминальных блюд (каравай, кулич, кутья, клёцки), переданные нашими предками. Существует связь белорусской и русской кухни: об этом говорят общие названия кулинарных блюд.

Список использованных источников

1. Белорусская кухня / Л. Д. Маркова, И. П. Корзун, З. В. Василенко и др. ; под ред. З. В. Василенко – 3-е изд., перераб. и доп. – Мн. : Ураджай, 1993. – 222 с. – Текст : непосредственный.

2. **Болбас, В. С., Сущева, И. С.** Каравайный обряд в системе нравственно-эстетического воспитания восточных славян / В. С. Болбас, И. С. Сущева // Мир образования – образование в мире. – 2005. – № 3. – С. 109-118. – Текст : непосредственный.

- 3. Наваградскі, Т. А.** Традыцыйныя сямейныя трапезы беларусаў / Т. А. Наваградскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2017. – № 2. – С. 5-13. – Текст : непосредственный.
- 4. Наваградскі, Т. А.** Традыцыі народнага харчавання беларусаў. – Мінск: Нац. ін-т адукацыі, 2000. –112 с. – Текст : непосредственный.
- 5. Никифоровский, Н. Я.** Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. – Витебск, 1895. – С. 59-60. – Текст : непосредственный.
- 6.** Этимологический словарь русского языка для школьников / сост. М. Э. Руг. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 432 с. – Текст : непосредственный.

Брыткова Виолетта Витальевна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: leta_brytkova@mail.ru

УДК 82'396, 81'42

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ТОПОНИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА Г. НОВОЗЫБКОВА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена анализу неофициальных топонимов города Новозыбкова Брянской области как элемента онимического пространства. Приведена классификация народных названий городских реалий, отмечены особенности их в речи, показано, что они помогают сохранить богатую культуру и историю муниципалитета и его жителей, демонстрируют языковую креативность и народное творчество.

Ключевые слова: топоним, неофициальный урбаноним, типы номинации, мотивировочный признак, народное название.

Неотъемлемой частью жизни современного человека являются топонимы – собственные имена любых географических объектов [3, с. 135]. Они выступают не только ориентирами в пространстве и времени, но и носителями историко-культурного облика страны, региона.

Особый научный интерес представляет собой изучение микротопонимов - собственных имен природных физико-географических объектов, имеющих узкую сферу употребления, функционирующих в пределах небольшой территории и известных узкому кругу людей [3, с. 86]. Среди всего многообразия данного типа онимов выделяют официальные топонимы, закрепленные в документах, на картах, строго регламентированные в словарях, и неофициальные топонимы, функционирующие в речи как народные названия географических объектов, не закрепленные в печатных источниках.

Чаще всего неофициально именуются объекты, особо значимые для населения: это могут быть местные ориентиры, места встреч молодежи, строения, имеющие неповторимые архитектурные особенности. Народные названия районов, улиц и пр. входят в "базовый" словарь горожанина, маркируя "своих" (местных) и "чужих" (приезжих), обеспечивая успешность повседневной коммуникации [2, с. 169]. Неофициальные топонимы возникают стихийно, имеют непостоянный характер: либо приживаются и успешно функционируют в бытовом общении, закрепляясь в памяти горожан, либо не получают дальнейшего распространения в речевом употреблении и исчезают. Многие официальные топонимы представляют собой многосложные наименования, в то время как народные названия городских реалий отличаются краткостью, стремлением говорящего к речевой эконо-

мии. Эмоциональность и креативность – ещё одна специфическая особенность неофициальных онимов.

Основной целью нашей статьи является изучение и описание неофициальных урбанонимов города Новозыбкова Брянской области, что не только обеспечивает успешность повседневной коммуникации на данной территории, но и позволяет проникнуть в историко-культурные лабиринты прошлого исследуемого региона.

Активная застройка городской территории, разрастание торговых предприятий, появление новых учреждений на месте "долгожителей" приводит к пополнению официальной топонимики города. Появившиеся городские реалии и их наименования, однако, еще не закрепившись в бытовом общении, зачастую становятся преградой при объяснении маршрута. Легче объяснить дорогу, используя в качестве ориентиров прошлые названия магазинов, учреждений (Например, местонахождение созданного в городе Новозыбкове в 2015 году Многофункционального центра вызывает у многих жителей города затруднение, однако пояснение "*бывшая 5 школа*" способствует успешной идентификации) и созданные жителями наименования, отражающие вехи жизни называемого объекта и содержащие богатый лингвокультурный и краеведческий материал.

Краткий экскурс в историю города позволил выявить, что активное функционирование неофициальных урбанонимов города Новозыбкова – не "веяние моды", не отправная точка в народной топонимике данного муниципалитета. Многие существовали и в начале прошлого века, однако со временем были забыты. "Гостиный ряд" новозыбковцы чаще всего называли "*Хорами*" за торжественный, парадный вид (Хоры – "верхняя открытая галерея, балкон внутри церкви в парадном заде"). На фоне всего этого скромно глядел расположенный здесь небольшой, принадлежащий горожанке Вареньке, магазинчик, который в народе за доброту и исключительную доброжелательность хозяйки, так и прозвали "*Варечкин погребок*". Сквер возле школы №1 чаще всего называли "*Пожарным садом*", а территорию в районе озера Зыбкое называли "*Малостовка*", то есть "малосостоятельная, скудная", район, где жили небогатые люди [1, с. 29-35].

Методами, использованными нами при сборе ономастического материала, являются следующие: непосредственное наблюдение за речью жителей города, изучение печатной периодики, информационного контента в электронных сообществах города, социальный опрос, а также анкетирование.

Проведенное анкетирование позволило выявить специфику функционирования неофициальных топонимов в речи жителей города Новозыбкова. Многие собранные нами урбанонимы не имеют возрастного ограничения, известны большинству жителей города. Однако встречаются и примеры разграничения по возрасту. В связи с этим интересна судьба урбанонима *43-й магазин*, местонахождение денотата. Старшее поколение горожан

утверждает, что магазин был расположен по улице Ломоносова на стороне музея, более молодое – на противоположной стороне. Объясняется расхождение в ответах респондентов тем, что в 70-х годах Магазин №43 находился в здании современной "Велотехники", то есть, на противоположной от музея стороне. Потом, в 80-х, его перенесли на место нынешнего "Магнита", а в его старом помещении организовали комиссионку. Неофициальный урбаноним "43-й магазин" укоренился в памяти и речи многих горожан именно за последним, однако некоторые старожилы придерживаются первоначального местонахождения магазина.

Также омонимичным топонимом, получившим новую жизнь из-за разницы поколений, является урбаноним *На фонтане*. Старшее поколение называет так детский сквер по улице Набережная ("встретимся на фонтане"), потому что раньше там находился фонтан, бетонная чаша которого окрашена в красный цвет. "Встретимся на фонтане", - говорит более молодое поколение, имея в виду сквер возле кинотеатра "Октябрь", где возведен ныне действующий фонтан.

Неофициальные урбанонимы зачастую запечатлевают "историю городских районов, улиц, отдельных зданий города" [4, с. 205]. Они могут отражать целую временную эпоху и связанные с ней особенности жизни населения, его увлечения, культурные ценности. Ярким примером может служить активное употребление таких хоронимов, как: *Хутор, Жуковицина, Ломоноха, Коммуна, Кресты*. Они появились в 70-е годы 20 века благодаря активным сборам молодежи и разделяли город и его жителей на несколько частей. Каждый район имел своё место встреч, в котором "чужим" вход был закрыт (*Хутор и Ломоноха ходили на дискотеки в технарь, в Карховку, а Жуки, которым вход в технарь был строго воспрещен, собирались на роще. Районы дерутся чем только можно и особенно тем, чем нельзя*). В конце 90-х шли непримиримые войны между Хутором и Ломонохой, *"не на жизнь, а на смерть"*. Кресты же никогда не лезли и стояли в сторонке. Данные урбанонимы, перешедшие из поколения в поколение, не исчезли из бытового общения, а активно функционируют и по сей день, утрачивая, однако, строго дифференцирующую функцию.

Проведенное исследование показало, что в неофициальной топонимике города Новозыбкова преобладающими являются эмпоронимы (30%), ойкодонимы (16%), хоронимы (16%). Менее распространены эргонимы, годонимы, экклезионимы и пр.

Анализ исследуемых урбанонимов с точки зрения мотивированности городских реалий (см. подобный подход в работе Б. Я. Шарифуллина "Язык современного сибирского города" [5]) позволил выделить две группы неофициальных урбанонимов:

1) номинации, являющиеся "отображением" официально существующих названий, их модификацией и / или мутацией;

2) собственно-народные топонимические номинации, не связанные непосредственно с формами официальных урбанонимов [5, с. 19]

Рассмотрим каждую из представленных групп.

I. Урбанонимы, мотивированные официальными наименованиями городских объектов, являющиеся их трансформацией (модификацией).

Номинации данного типа появляются стихийно с целью речевой экономии, для сокращения громоздких названий: *Коммуна* (ул. Коммунистическая), *Пожарка* (Пожарно-спасательная часть №16), *Вечка* (Мемориал Памяти "Скорбящая Мать", Вечный огонь), *Бочка* (кафе "Пивная бочка"), *Боник* (Кафе "БОН Аппетит"), *Художка* (Новозыбковская детская художественная школа), *Станкач* (Новозыбковский станкостроительный завод). Они имеют прозрачную мотивацию, не обладают оценочным подтекстом, отличаются семантической вторичностью.

Названия типа "улица" + "форма род. пад. сущ." легко трансформируются в более простые в речевом употреблении модели: *Южка* (ул. Южная), *Гагарка* (ул. Гагарина), *Ломоноха* (ул. Ломоносова). Продуктивный способ словообразования в данной группе - стяжение словосочетаний с последующей суффиксацией или без суффиксации (универбация).

Неофициальные наименования средних профессиональных учебных заведений (*Медуха, Педуха, Педулице*), также образованных способом универбации, продолжают широко функционировать в речи горожан даже после преобразования училищ в колледжи.

Интересен тот момент, что неофициальные наименования школ города типа "шестёрка", "девятка", "четвёрка" были/есть у нескольких учебных заведений, однако прочно в речевом обороте закрепился такой народный урбаноним только за МБОУ "СОШ № 9" г. Новозыбкова – *Девятка*.

Железнодорожный переезд на 206-м километре в Новозыбкове территориально делит город на две части. Жители той части города, где находится центр Новозыбкова, называют другую *"За переездом"*. Отдельные объекты, находящиеся в этой части города, также добавляют к своему названию (или даже вместо него) данное наименование. Так, заправка "Нефтика" по улице Мичурина получила неофициальное наименование *"Заправка за переездом"*. Часто также можно услышать фразу от жителей данного микрорайона: *"Живу за переездом"*.

II. Собственно-народные урбанонимы, не ориентирующиеся на официальные названия объектов. Данные топонимы являются первичными номинациями объектов, экспрессивны по содержанию, ярко демонстрируют народное языковое творчество.

Продуктивной моделью образования немотивированных урбанонимов является метафорический перенос, способствующий созданию неповторимого образа города Новозыбкова.

Среди топонимов данной группы можно выделить названия, мотивированные внешним видом именуемого объекта, который может характеризоваться различными аспектами номинации:

1. В основу номинации может быть положен внешний вид объекта.

Клюшки (Монумент "Дружбы славянских народов" был прозван в народе "клюшки", так как напоминал три крупногабаритные стоящие хоккейные клюшки; ныне памятник демонтирован, но место его прежнего расположения продолжают так называть), **Пять углов** (перекрёсток представляет собой стык пяти дорог), **Зелёнка** (Берёзовая роща – постоянное место сборов молодёжи в 90-е – 00-е гг. в летний период, когда она богата зелеными насаждениями), **Лесополоса** (Вдоль дороги по направлению от 114 квартала к деревне Крутоберезка посажены полосами берёзы), **Шестиэтажка** (шестиэтажное здание филиала БГУ), **Грибок/Ветродуй** (Место отдыха возле кафе на вынос напоминало детский грибок-песочницу, "не защищено от ветра").

"Клеткой" жители города называют танцплощадку в парке. В недалеком прошлом сооружение представляло собой огороженную металлическим забором цирковую арену, внешне напоминающее клетку.

Некоторые неофициальные урбанонимы данной группы характеризуются наличием негативной коннотации. Приведём примеры:

Здание бывшего "Агрснаба", снабжающего сельское хозяйство тракторами, запчастями, имеет полуразваленный, полуразрушенный вид, от него остался один "скелет", отчего и пошло название – **Скелетка**.

"В закуте, где находится магазин "Бегемотик", долгое время планировали сделать городской рынок, однако дальше желания дело не продвинулось, строительство не началось, а на место застройки стали складировать мусор" – Помойка/Свалка.

Заброшки/Руины – ещё одна "достопримечательность" Новозыбкова. После черновильской аварии на окраине города выбрали достаточно чистый участок для строительства большого жилого района, чтобы переселить сюда жителей "грязного" частного сектора. Начали строительство сразу нескольких десятков домов. Но деньги быстро закончились, а новых не поступало. Так и стоит до сих пор этот "мертвый город". Многие жители также утверждают, что здания не достроили, так как фундамент стал проседать: была выбрана слишком болотистая местность.

2. Часто стимулом для появления неофициальных урбанонимов становится выбор цветовой гаммы архитектурных сооружений. Наиболее широко данная группа представлена эклезияонимами: **Синяя церковь, Жёлтая церковь, Зелёная церковь**. Интересен тот факт, что в настоящее время имеет место употребление народных урбанонимов одного и того же объекта, принадлежащих разным временным пластам: **Красная церковь, Зелёная церковь** (церковь изменила цветовую гамму с красного на зелёный).

3. Выбор оригинальной формы строений также может быть положен в основу неофициальных урбанонимов: *Утюг* (здание магазина "Магнит" в виде треугольника), *Шайба* (здание круглой формы), *Гондурас* (дом по форме напоминает букву "Г"), *Барашки* (место названо так по обилию карьеров, которые придают рельефу волнистую форму, напоминающую гребни волны, барашки), *Кольцо/Пятачок* (единственный перекресток в городе с круговым движением), *Квадрат* (форма озера напоминает квадрат).

Зачастую наименования объектов сопряжено с результатами топографической съемки: *Пентагон* (вид сверху трёх жилых домов имеет форму пятиугольника), *Самолёт, Пэшка/Пушка* (жилой дом построен в форме буквы "П").

Топоним "*Кубик Рубика*" имеет двойную мотивацию: форма куба и яркая цветовая гамма здания филиала БГУ ассоциируется у жителей города со знаменитой головоломкой венгерского изобретателя Эрнё Рубика.

4. Немногочисленной является группа неофициальных урбанонимов, указывающих на протяженность или размер объекта номинации: *Большой магазин* (самый большой магазин в округе), *Большой двор* (самый большой двор в городе), *Стометровка* (тротуарная дорожка от кинотеатра до дома с часами, небольшая по длине).

5. Неповторимая (особенная) деталь внешнего вида городского объекта – ещё одно основание для появления неофициального урбанонима: *1000 мелочей* (магазин "Для вас" называют так за надпись на вывеске магазина), *Стекланный магазин* (здание имело остекленную часть фасада), *Якоря/Якорь* (памятник Р. Алексееву, один из элементов которого – якоря), *Дом с часами* (на одном из главных зданий города располагаются часы), *Арка/С аркой* (дом с проёмом для прохода во двор), *Стегляшка и Кирпичка* (кафе в парке, со стеклянными витринами и выполненное из кирпича соответственно).

Памятник воинам 307-й Новозыбковской стрелковой дивизии "Шаг в вечность" за оригинальное архитектурное решение (ноги солдат находятся в воздухе) получил в народе неофициальные наименования: *Летящий памятник/Летящие солдаты/Ноги/Шагающий солдат*.

Несколько лет одной из визитных карточек Новозыбкова было гнездо аистов на башенке старинного здания, в котором ныне размещается городской Дом культуры. После реставрации на месте гнезда был восстановлен шпиль, но народный урбаноним "*Аисты /В аистах*" прочно закрепился в речи горожан.

6. Мотивировочным признаком при создании неофициальных топонимов может являться и место расположения объекта: *Ёлочки* (рядом с магазином "Для вас" растут ели), *Подвальчик* (магазин расположен на цокольном этаже, вход вниз по ступенькам), *Девятый километр* (Место проведения турслётов: "Отсчитываешь 9 столбиков от автомобильной

трассы направо вдоль железной дороги и поворачиваешь налево в лес"), **Библиотека у озера** (Центральная библиотека расположена возле озера), **Людковская церковь** (Церковь была построена в волостном селе Людков, позднее вошедшем в состав города).

К данной категории топонимов отнесём примеры, прямо указывающие на особенности рельефа местности: **Нижний магазин** (Магазин "Дубрава-3" назван жителями близлежащий домов за расположение на спуске с горы), **Горка** (микрорайон назван так за расположение на возвышенности).

Одно из учреждений, в котором раньше находились игровые автоматы и кафе, получило в народе название "**ЦэКа**" за расположение на пересечении улиц Цветной (в настоящее время – улица 307 Дивизии) и Комсомольской. Образованный путём аббревиации, урбаноним просуществовал в неофициальном пласте лексики горожан вплоть до 2019 года, послужив стимулом для создания официального топонима ООО "ЦК".

Неофициальные урбанонимы, образованные путём метонимического переноса, представлены в меньшей степени, чем метафорические, однако их также можно классифицировать.

1) Широко распространены в системе народных наименований городских реалий урбанонимы, образованные по фамилии владельца магазина: **Домаевская** (Магазин "Для вас", ИП Л. А. Домаевская), **Ремезова, Петросянов магазин, у Раича, у Цурика, у Федоскина, Гулевский магазин и др.** Появление и функционирование в речи горожан приведенных топонимов является характерной особенностью небольших поселений, где люди, живя долгое время бок о бок, довольно хорошо знают друг друга.

Проявлением творчества жителей города, народного юмора является появление неофициального урбанонима **ДПС**. Бывший начальник ГАИ, заметив совпадение своих инициалов с местом прошлой работы, повесил на фасаде собственного магазина кованую вывеску "ДПС". Горожане, по достоинству оценив языковую и смысловую игру слова, способствовали закреплению его в качестве неофициального названия магазина.

2) Названия, мотивированные ассоциациями с заведениями, расположенными внутри объекта номинации, их обитателями, посетителями, также частотны. Яркими примерами являются следующие неофициальные урбанонимы: **Аптека-Библиотека** (Дом, в котором находятся два значимых для города учреждения: Детская библиотека и Аптека), **Химчистка, Прачка** (жилой дом, в котором раньше находились МУП "Химчистка", Прачечная "Новость"), **На лебедях, Лебедянка, Лебединка** (Название озера и близлежащей территории по обитанию там лебедей), **Старая Пушка/Пушка** (сквер возле НППК, где долгое время находилась гаубица времен Великой Отечественной войны). Широко в данной группе представлены хоронимы: **Кристалл** (Микрорайон города возле ТЦ "Кристалл"), **Район подстанции, Кислородка/Возле кислородки, Маслозавод** (Микрорайон города возле Новозыбковского маслозавода), **Кожезавод** и т. д.

Источником таких ассоциаций может служить количественная и качественная характеристика обитателей, посетителей: *Готика* (гаражи на заднем дворе Гимназии - излюбленное место готов), *Таксисты* (*Перекрёсток у магазина "Кристалл" называют "таксисты", потому что там такси неофициальные стоят*), *Военный городок* (долгое время здесь жили солдаты), *Голливуд* (*К Ломонохе примыкает район Голливуд, где водятся самые красивые девчонки округи, звёзды города*), *Ментовские дома* (квартиры в жилых домах по улице Мичурина выдавались от работы полицейским).

Мандеевка - микрорайон города. Первоначальное и более корректное неофициальное название данного района города – Мадеевка - от имени Мадей: так звали деда, который там жил до массовой застройки. Позже произошла трансформация слова – появилась эпентетическая вставка под влиянием созвучного корня - Мандеевка, что вызывает нешуточные споры среди жителей.

Метонимический перенос, подчеркнутый внешним контрастом, обнаруживается в народном названии *Бедный/Нищий район*: быстро застроенный район частного сектора с двухэтажными коттеджами, указывающий на достаточно хорошее финансовое положение владельцев "усадеб". Контраст с большинством частных домов города (одноэтажные, чаще деревянные постройки) дал повод появлению алогичного, ироничного топонима.

В данной категории встречаются неофициальные урбанонимы, соотносимые с этнонимами: *Вьетнамская общага* (в общежитии проживали граждане Вьетнама, работавшие на швейной фабрике), *Северянский дом* (*"Мой дом по ул. Садовой 61 называют "Северянский", так как 90 процентов жителей этого дома приехали из Иркутской области"*, - такой интересной информацией поделился один из опрашиваемых горожан. *"Не только из Иркутской области. Тем, кто работал на Севере, можно было получить в этом доме квартиру"*, - дополняет другой житель города).

Малочисленна группа урбанонимов, стимулом номинации которых стали ассоциации с действиями людей внутри объекта: *Пивнуха* (Так назван жителями города "Спорт бар", потому что там можно "отдохнуть" после работы и хорошо провести время в компании друзей и алкоголя), *Бродвей* (тротуарные дорожки возле ДК им. Калинина, по которым любители прогуливаться парочки, место сбора молодежи).

Важной причиной появления неофициальных урбанонимов является память о старых наименованиях объекта, о ранее располагавшихся объектах. Сопrotивление устной речевой природы активному преобразованию городских реалий приводит к тому, что многие учреждения Новозыбкова, получившие "новую жизнь", долго именуются горожанами по-старому: *61-й магазин* (Раньше был "Магазин №61", сейчас на его месте магазин "Пятёрочка"), *Спутник/Бывший Спутник* (ныне "Магнит"), *Оптика/Бывшая "Оптика"*, *Дом Быта*, *Машиносчётная*, *Диетка*, *Бывший шахматный*

клуб = Бывший книжный, Дикси (ныне магазин "DNS"), *Универмаг/Раймаг, Гастроном, Бывший книжный, Сударушка, Игровые автоматы, Бывший прокат, Мельница, Молочная кухня* (жилой дом по улице Ломоносова, где раньше располагалась молочная кухня).

Садко. Раньше был магазин "Садко", сейчас на его месте магазин "FixPrice", однако в памяти и речи горожан укоренилось название первоначального магазина. Стоит также отметить, что "Садко" - это сеть магазинов, их было несколько в городе, но чаще всего, говоря "Садко", горожане подразумевают магазин именно по данному адресу.

Название "СадКо" до сих пор употребляется в речи горожан и потому, что магазин находится на пересечении улиц **Садовой** и **Комсомольской** (слоговая аббревиация).

Историю наименований некоторых городских объектов можно рассмотреть с точки зрения диахронии. Например, в 70-80-е годы прошлого столетия расположенный возле администрации магазин "Галантерея" был знаком практически всем горожанам. Позже на его месте открывают развлекательный центр с игровыми автоматами. Прошлое официальное наименование заведения (Галантерея) в процессе реорганизации учреждения переходит в неофициальный пласт, сосуществуя с появившимся в обиходе народным названием *Игровые автоматы* (метонимический перенос). Позднее здесь был открыт магазин "Электротовары", прозванный в народе *У Федоскина* (по фамилии предпринимателя). Таким образом, происходящая с течением времени трансформация официальных и неофициальных названий, приводит к функционированию в бытовом общении целых трёх неофициальных урбанонимов, закрепленных горожанами за одним и тем же объектом.

Стоит отметить, что мотивация неофициальных топонимов не всегда прозрачна и однозначна. Встречаются случаи и множественной мотивации. Например, при объяснении появления неофициального названия жилого дома *Титаник* респонденты назвали несколько причин:

- 1) "Титаник" называется дом между 9 школой и 13 садиком, там с момента постройки что-то течет по его стенам, он трескается и его постоянно подмазывают" (отражена судьба парохода - затонул);
- 2) "Так как долго строили" ("Титаник" строился более двух лет);
- 3) "Дом большой по протяженности и сделан из крупных белорусских панелей, "сшит" ими". Каждое объяснение так или иначе связано со всемирно известным трансатлантическим пароходом.

Проведенное исследование показало, что топонимическая система города Новозыбкова богата и разнообразна. Многие собранные урбанонимы не имеют возрастного ограничения, известны большинству жителей города. Классификационные группы, выделенные нами, отражают многочисленные характеристики, послужившие для образования неофициальных урбанонимов. По типу урбанонимов преобладающими являются эмпо-

нимы, ойкоднимы, хоронимы. По типу номинации наиболее частотны и востребованы на данной территории неофициальные наименования, данные по внешнему виду объекта, а также по памяти о старых наименованиях объекта, о ранее располагавшихся объектах. Широко распространены в системе народных наименований городских реалий урбанонимы, образованные по фамилии владельца магазина, появление и функционирование в речи которых является характерной особенностью небольших поселений. Лингвистическая ценность неофициальных топонимов заключается в том, что они помогают сохранить богатую культуру и историю города и его жителей, демонстрируют языковую креативность и народное творчество. Благодаря неофициальным названиям воссоздается закрепленный в народном сознании образ города.

Список использованных источников

1. Вольный, А. Г. Глазами старожила: Заметки о разных сторонах жизни г. Новозыбкова за последнее столетие. - Новозыбков, 1996. - 94 с. - Текст : непосредственный.

2. Михайлюкова, Н. В. Языковой облик современного города : учебное пособие / Н. В. Михайлюкова ; [отв. ред. Т. И. Петрова]. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2017. – 360 с. ISBN 978-5-7444-4021-3. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dvfu.ru/science/publishing-activities/catalogue-of-books-fefu/?PAGEN_1=22 (дата обращения: 09.03.2022). – Текст : электронный.

3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; Отв. ред. А. В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. - 2-е изд., перераб. и доп. - М. : Наука, 1988. - ISBN 5-02-010892-8 : 60 к. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://booksee.org/book/672002> (дата обращения: 04.03.2022). – Текст : электронный.

4. Шарипова, О. А. Неофициальные топонимы как подсистема языка города [Электронный ресурс] / О. А. Шарипова // Ярославский педагогический вестник. - 2012. - № 4, т. 1 : (Гуманитарные науки). - Режим доступа: http://vestnik.uspu.org/releases/2012_4g/45.pdf. (дата обращения: 12.03.2022). – Текст : электронный.

5. Шарифуллин, Б. Я. Язык современного сибирского города // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-метод. бюл. / Краснояр. гос. ун-т. /под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск–Ачинск: Красноярский университет, 1998. – Вып. 5. – С. 8-27. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/sharifullin-97.htm> (дата обращения: 17.03.2022). – Текст : электронный.

Глазкова Елена Анатольевна

*Российский государственный гуманитарный университет,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Россия
e-mail: elena-glazkova1@ya.ru*

УДК 811. 161. 1

"БОРЩ" В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассмотрены представления в картине мира русского человека о борще как блюде, ставшем одним из символов не только русской кухни, но и русской культуры в целом. В качестве материала исследования использованы материалы НКРЯ, пословицы русского народа.

Ключевые слова: картина мира, культура, система ценностей, борщ.

Свидетельством популярности борща у жителей России являются многочисленные опросы, в том числе – опросы ВЦИОМ, проводимые согласно всем требованиям к репрезентативности. Так, в 2018 г. 17% опрошенных назвали борщ в числе самых любимых блюд россиянина [3]. Борщ занял в этом опросе четвертое место, пропустив вперед салаты "Оливье" и "Селёдка под шубой" и пельмени. Сохранив то же место в рейтинге, борщ "прибавил" ещё 1% в 2020 г. [2].

О популярности борща в российских регионах свидетельствуют данные аналитического ресурса Google trends, который отслеживает поисковые запросы, учитывая их популярность в каждом конкретном регионе, и ранжируют по столбчатой шкале в соответствии с отношением конкретной темы ко всем полученным запросам по всем темам. Популярность запроса "борщ" разнится по регионам (от показателя в 100 баллов в Калининградской области (данные на 25 февраля 2021 г.) до 20 в Чеченской Республике), но довольно часто в течение календарного года приближается к отметке в 100 баллов, что свидетельствует о высокой популярности запроса [6]. Безусловно, представления о борще вошли в концептосферу русского человека, можно говорить о значении этого концепта в славянской культуре в целом.

Эти факты объясняет появление борща в числе блюд, включённых в "онлайн-выставку" блюд национальной русской кухни "10 блюд, которые повлияли на русскую кухню" [1], инициированную на платформе Google Arts&Culture в 2020 г. Федеральным агентством по туризму РФ. Борщ оказался пятым по порядку вместе с винегретом, салатом "Оливье", сырниками, пельменями, "кашами из самых разных круп", бефстрогановым, окрошкой, блинами и шашлыком. В кратком описании самого блюда сказано, что "борщ – культовый суп нескольких стран Центральной и Восточной

Европы (и везде разный)" [там же]. В декабре 2020 инспекторы гастрономического гида "Мишлен" разместили на своём сайте информацию о блюдах русской кухни, назвав среди них борщ [20].

Подчёркивая, что борщ ассоциируется с культурой России, исследователи рассматривают его в связи с "гастродипломатией", способствующей формированию представлений о России: борщ и блины – "одни из наиболее репрезентативных (популярных) образов российской кухни во внешнем мире" [17].

Само нарицательное слово "борщ" используется в качестве собственного наименования экономических объектов, попадая в число эргонимов. Так, с этим названием существуют маркетинговое агентство, сеть продуктовых магазинов, кафе и рестораны в разных городах (в Москве, например, "Тёщин борщ"). Процесс онимизации предполагает лексико-семантическое преобразование, в наших примерах – метафорическое (номинация маркетингового агентства) или метонимическое (название заведений общественного питания).

Важность борща в жизни россиянина отметили и экономисты, введя неформальный "индекс борща" по аналогии с "индексом бигмака", фиксирующий уровень покупательной способности и динамики цен [10].

О происхождении самого блюда десятилетия ведутся споры, о происхождении его названия можем получить информацию в "Этимологическом словаре" М. Фасмера: "Первичное знач. "борщевник"; знач. "похлебка из красной свеклы" явилось в результате переноса названия похлебки, которую раньше варили из борщевника, на новое блюдо" [18]. С течением времени вместо "борщевника", растения с остроконечными листьями, стали использовать свёклу.

В "Толковом словаре живого великорусского языка" Д. И. Даля слово "борщ" встречается в нескольких словарных статьях, что свидетельствует о различиях в произношении, написании и значении слов, попавших в разные "гнезда". Первое упоминание в словарной статье "Бадран": "БАДРАН м. ниж. трава борщевник, пучка, коей стебель крестьяне едят сырьем, растение *Heracleum*, *Acanthus* (ошибочно *Aconitum*)" [8]. Ниже приведён вариант "Бодран": "БОДРАН м. растен. борщ, борщевник, пучки, снить, коего листья идут вместо капусты, а ствол едят сырьем; *Heracleum*". В этой словарной статье "борщ" приводится в качестве синонима к слову, называемому съедобное растение. В статье "БАРШЕВЕНЬ" сообщается, что в калужских говорах так называют "большой щаной горшок. Борщ в западных губ., в Польше произносят: барщ". Там же сообщается, что слово "борщ" может быть использовано и для номинации стебля растения, о котором уже написано выше. Искомое значение – название одного из распространённых первых блюд – зафиксировано в словарной статье "Борщ": "БОРЩ м. квашеная свекла; | род щей, похлебка из свекольной кваша, на говядине и свинине или со свиным салом".

В современных толковых словарях толкование часто даётся через гипероним "суп", однако о точности такого гипо-гиперонимического сближения спорят. Багдасарова Н. А. пишет: "Как объяснить своему английскому коллеге, что такое борщ? Едва ли beetroot soup – свекольный суп отражает смысл. Слово soup ассоциируется для англичан с протертой массой, разведенной водой или бульоном, основу которой и составляет входящий в название продукт, например, tomatosoup – суп из протертых помидоров. Да и для нас суп – это не борщ" [4, 69].

В "Большом толковом словаре" под ред. С. А. Кузнецова суп не упоминается, борщ определяется как "Жидкое кушанье из свёклы и капусты (с добавлением других овощей, зелени, острых приправ)" [5]. Дискурсивный "Толковый словарь русского языка" Д. В. Дмитриева не содержит соответствующей словарной статьи [9]. Проверка по ассоциативным словарям показала, что слово "борщ" в качестве стимула долгое время не использовалось в классических ассоциативных экспериментах [19], но есть в "Русском ассоциативном словаре" [14] с такими наиболее частотными реакциями, как "вкусный" (16 ответов), "украинский" (11 ответов), "суп" (8), "красный" (7), (общее число реакций 103). Ассоциативный словарь "Рерайт", помимо стандартной информации о значении, сообщает, что более 60% случаев употребления слова "борщ" связаны со сферой кулинарии [16].

Уникальный ресурс, созданный учёными Института русского языка имени А. С. Пушкина, – "Мультимедийный лингвострановедческий словарь "Россия"" – содержит статью "Борщ", что доказывает отношение исследователей к "борщу" как к культурной доминанте, представление которой необходимо при формировании знаний о стране. В статье "Борщ" даны толкование значения слова "борщ" ("Жидкое горячее блюдо, суп из свёклы и других овощей"), энциклопедическая справка, краткие сведения культурного и лингвистического характера, 4 репродукции картин с изображением борща (все написаны в 21 веке) и 5 фотографий [12].

Представления о культурных доминантах обычно находят отражение в фольклорных произведениях, пословицах и поговорках. Однако довольно трудно найти действительно старые и значимые пословицы и поговорки о борще.

Собрание В. И. Даля "Пословицы русского народа" (1862 г.) не содержит ни одной пословицы со словом "борщ" [7]. В словаре под редакцией В. М. Мокиенко только 5 выражений со словом или корнем "борщ", все они являются новыми, связаны с языковой игрой, в некоторых случаях – просто с эвфемистической заменой ("ни в борщ Ни в Красную Армию"), и не выражают культурные представления русского народа [11].

Отсутствие частотных пословиц и поговорок со словом "борщ" (в отличие от, например, пословиц со словом "хлеб") может объясняться тем, что традиция готовить борщ в том виде, как мы его представляем сегодня, появилась довольно недавно: по свидетельству историков кулинарии,

красный борщ получил распространение только в XVIв. и особенно популярен стал лишь в XX в. Появление особой культурной значимости борща, вероятно, позднее явление.

Немногочисленные пословицы, свидетельствующие о значимости борща в представлениях о достатке: "Борщ и капуста – в доме не будет пусто", "Где свекла да борщи, там и нас ищи" [12], "ГАЗ без баса, как борщ без мяса", где аббревиатура ГАЗ называет любой автомобиль, произведённый Волжским автозаводом, как объясняет словарь сленга, – "тольяттинским" [15]. Несмотря на созвучие с нарицательным словом "газ", которое в переносном употреблении может проявлять негативные коннотации, в молодёжном сленге этого оттенка значения нет, поэтому вполне логично, что происходит сопоставление укомплектованной мощной акустической системой машины с борщом на мясе – и в одном, и в другом случае названы обязательные составляющие.

Чтобы выявить смыслы, составляющие концепт "борщ", рассмотрим некоторые примеры, взятые из Национального корпуса русского языка, в котором основная часть материала "охватывает прежде всего период от середины XVIII до начала XXI века" [13]. Объём основного корпуса составляет 126 901 документ, 337 025 184 слова (данные на 8 октября 2021 года), из них найдено 608 документов, в которых 1 127 раз употреблено слово "борщ" в форме именительного или винительного падежей единственного числа. Это значительный результат. Для сравнения мы проверили выдачу на запрос "харчо" – найден всего 41 документ, 95 вхождений искомого слова, на запрос "рассольник" – 49 документов, 91 вхождение, на запрос "окрошка" – 60 документов, 74 вхождения. Может показаться, что "борщ" в два раза проигрывает слову "щи", которое встречается в НКРЯ 2367 раз в 1204 документах. Объясняться это может не только популярностью супа из капусты, но и тем, что словом "щи" называют несколько самостоятельных первых блюд. Если мы добавим в поисковую выдачу другие грамматические формы слова "борщ", статистика изменится. Форма родительного падежа единственного числа встречается 283 раза в 277 документах, форма дательного падежа – 72 раза в 51 документе, форма творительного падежа – 207 раз в 176 документах, форма предложного падежа – 39 раз в 33 документах. Примеры использования слова во всех формах множественного числа в сумме составляют 121 единицу.

Ниже приведём характерные примеры из корпуса, указывая автора.

Умение готовить борщ как отличительная особенность хороших хозяек и ассоциация самого блюда с уютом, домашним благополучием, достатком: "И мама готовит всякие вкусные вещи, например борщ" (Л. Р. Кабо); "Главное, с мамой ничего не было страшно, она умела все – перелицевать пальто, торговаться на базаре, сварить из пустяка борщ, нашить пеленок из рваного пододеяльника, – вероятно, для этого в свое время она окончила Сорбонну" (Д. Рубина).

Борщ – обязательное умение настоящей женщины: "Но именно это, что она похожа на куколку, на изящную куколку, необъяснимым образом влекло и подсказывало, что она же – женщина, способная сварить борщ и способная подарить радость, которую никто больше не в состоянии подарить – то есть она женщина, как все женщины, но к тому же изящная, как куколка" (В. Шукшин); "Маша, бегавшая на Арбат записываться к парикмахеру Ивану Афанасьевичу – Жану, Машенька, умевшая не только книжки читать, но и борщ варить, и печь торт-наполеон, и шить, и ребёнка вскормившая" (В. Гроссман); "Борщ с пампушками, вареники с вишней... Кто устоит?" (С. Шаргунов). Именно борщ, как видно из перечисленных и других примеров, и обязательное условие счастливой семейной жизни: "Я мечтаю варить тебе борщ, ухаживать за домом, нянчить твоих детей" (М. Милованов), и настоящее секретное оружие: "Когда Зося сварила своему люксембуржцу обыкновенный борщ, он понял, что жизнь прошла зря", "Люди в Люксембурге темные, они понятия не имеют, что такое борщ, винегрет, сырники и так далее", "катастрофа неизбежна – Раймонд переписшет завещание. Конечно, переписшет. Вы умеете варить борщ? Нет? Разговор окончен!" (И. Халыпина).

Самым частотным определением, согласно полученным из корпуса данным, является "наваристый": "Ей-ей, такой наваристый, вкусный борщ, какой готовит наш повар Тихон Васильевич Сухомокрый, умеет готовить, может, еще только одна моя мать" (И. Ф. Стаднюк); "Трактористам был подан наваристый – ложку не провернешь – борщ" (А. И. Мусатов). Настоящий борщ обязательно должен быть горячим и ароматным: "Нам принесли борщ. Горячий, красный, пахучий. Чудо, а не борщ" (А. Рекемчук).

Примеры из корпуса дают представление даже о рецептурных особенностях блюда или об особенностях его подачи к столу: "Хороший борщ с голубями" (Н. В. Гоголь); "Гапка его варит отличный борщ из карасей сушеных" (Т. Г. Шевченко); "украинский борщ с фасолью", "Борщ со свининкой и в будни, и в праздники" (В. Гроссман); "Борщ был коричневым, пожилой, очевидно не раз разогретый, но зато в каждой тарелке плавал кружочек сметаны" (И. Грекова).

По текстам XIX–XXI веков можно восстановить представление о том, как должен быть устроен быт: "Женщины белили хаты свои к Рождеству и Велику-дню (празднику Пасхи), содержали в опрятности дом, варили вкусный борщ, ухаживали за домашнею скотиной, а в зимние вечера при свете ночника пряли, рассказывая соседкам страшные были о ведьмах, мертвецах и русалках; но вообще в это время года были они гораздо дощупливее и полезнее мужьев своих" (О. М. Сомов); "А бок бараний с кашей, щи, борщ, кулебяки, ватрушки, огурцы малосольные и прочее, несмотря на запреты докторов, знакомыми уписывались на славу" (А. П. Боголюбов); "Борщ сменили жареные тетерева, утки, заяц и жирный домашний гусь" (В. Я. Зазубрин); "А вдруг война кончилась?" – подумал Поляков

и представил себе с удивительной силой свою комнату: тарелка борща на столе, жена чистит пойманную им рыбу..." (В. Гроссман).

Борщ вызывает ассоциации с Россией у людей, находящихся в другой стране: "Русский обед: борщ, пельмени и водка" (К. Бадигин); "Для придания вечеру русского характера бывший генерал сварит великодержавный борщ" (А. Ветлугин); "Ирина устраивала нам роскошные русские обеды: борщ, бефстроганов с картошкой, ещё что-нибудь традиционное" (В. Голяховский); "Спагетти – только в Италии. Луковый суп – только во Франции. А борщ – только в России" (В. Токарева).

Борщ одновременно оказывается и атрибутом жизни обеспеченной, и самым доступным блюдом бедняков: "Я, – писал он из Пустозерска, – в такое место послан, что и имя его настоящее Пустозерск: ни мяса, ни калача купить нельзя; хлеба на две денежки не добудешь; один борщ едят да муки ржаной по горсточке прибавляют, и так делают только достаточные люди; не то, что купить, именем Божиим милостыни выпросить не у кого, да и нечего" (Н. И. Костомаров). Борщ остаётся главным первым блюдом, вероятно, самым доступным и довольно сытным и в период Великой Отечественной войны. В корпусе находим примеры из произведений, описывающих военное время: "Майор сидит в крохотной халупке, ест борщ со сметаной прямо из котелка", "Он безнадежно машет рукой, разматывает борщ, завернутый в шинель" (Виктор Некрасов).

Таким образом, можно сделать вывод, что "борщ" как один из символов славянской – в том числе русской национальной – кухни бесспорно воспринимается как культурный концепт, представление о "борще" входит в систему представлений о культурных доминантах России.

Список использованных источников

1. 10 блюд, которые повлияли на русскую кухню // Google Arts&vCulture [сайт] – URL: <https://artsandculture.google.com/story/5gVhH-huQztGkg?hl=ru> (дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

2. Аналитический обзор "День народного единства". 3.11.2020. [сайт] – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-narodnogo-edinstva-2>(дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

3. Аналитический обзор "Единство нации: что нас объединяет?". 2.11.2018. [сайт] –URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/edinstvo-naczii-chto-nas-obedinyaet>(дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

4. **Багдасарова, Н. А.** Про амбиции, борщ и общий язык / Н. А. Багдасарова // Энергия. – 2005. – № 8. – С. 68–71. Текст: непосредственный.

5. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб. : Норинт, 1998. Публикуется в авторской редак-

ции 2014 года. [сайт] –URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=борщ&all=x> (дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

6. Борщ // GoogleTrends. Анализ [сайт] – URL:<https://trends.google.ru/trends/explore?q=борщ&geo=RU>. (дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

7. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. [сайт] – URL:https://librebook.me/poslovice_russkogo_naroda. (дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. [сайт] –URL: https://librebook.me/tolkovyi_slovar_jivogo_velikorusskogo_iazyka/vol1/2. (дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

9. Дмитриев, Д. В. Толковый словарь русского языка. 2003. [сайт] – URL:<http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/index.htm> (дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

10. Индекс борща: любимое блюдо россиян подорожало в два раза с 2017 года. [сайт] –URL:<https://www.fingram39.ru/publications/sberezheniya-i-investitsii-/13469-.html> (дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

11. Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. Борщ // Большой словарь русских поговорок / В. Н. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М., 2007. – С. 56–57. Текст: непосредственный.

12. Мультиязычный лингвострановедческий словарь "Россия" [сайт] –URL: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title=Борщ/C1-C2>. (дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

13. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [сайт] – URL: <https://ruscorpora.ru/new/corpora-intro.html>. (дата обращения: 26. 02. 2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

14. Русский ассоциативный словарь. Борщ. [сайт] – URL:<http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 26. 02. 2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

15. Словарь автомобильного сленга. [сайт] – URL:<https://slovar.cc/sleng/avto/2494777.html> (дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

16. Словарь ассоциаций Рерайт. [сайт] – URL:<http://www.reright.ru/analysis/1790728~борщ.html#anagramm> (дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

17. Табаринцева-Романова, К. Борщ, вино и тропический рай // Российский совет по международным делам. [сайт] – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/otherside/borshch-vino-i-tropicheskiy-ray/> (дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

18. Фасмер, М. Борщ. [сайт] – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/б/борщ> (дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

19. Черкасова, Г. А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. М., 2008. [сайт] – URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm> (дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

20. The MICHELIN Guide drops its luggage in Moscow. 21.12.2020. [сайт] – URL: <https://guide.michelin.com/en/article/news-and-views/the-michelin-guide-drops-its-luggage-in-moscow> (дата обращения: 26.02.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

УДК 811. 161. 3`373. 2

АНАМАСТЫЧНЫЯ ЎЗАЕМАЎПЛЫВЫ І ЎЗАЕМАДЗЕЯННІ Ў СІСТЭМАХ БЕЛАРУСКАЙ І РУСКАЙ МОЎ

В статье на примерах местных говоров, исторической, художественной литературы, фольклора прослеживается взаимодействие белорусских ономастических систем с соседними русскими, объясняются причины взаимодействий, указаны регионы, в которых взаимовлияние в системах ономастики проявлено наиболее убедительно и последовательно.

Ключевые слова: оним, антропоним, фамилия, регион, топоним, этноним, этнотопоним.

У наш час многія беларусы маюць тыпова рускія, польскія, нямецкія, цюркскія, літоўскія прозвішчы: *Іваноў, Дзянісаў, Трафімаў, Сярэбранікаў, Козыраў, Дзёмін; Альшэўскі, Зелянкоўскі, Стахоўскі, Станіслаўскі, Трэмбіцкі, Яблонскі, Панятоўскі; Фурман, Цандзер, Шаңц, Фунт, Хільман, Кошман; Кардаш, Бесан, Бут-Гусаім, Басалык, Султан, Кучук, Шарып; Каўрус, Мальдзіс, Тумас, Мажэйка, Лукас, Судас, Пунтус, Вількс і інш.* У самым агульным выглядзе такія ўзаемаўплыў можна вытлумачыць, напрыклад, тым, што руская, украінская мовы ва ўсе часы былі зразумелыя для беларусаў, бо гэтыя мовы маюць агульныя вытокі. З украінцамі, літоўцамі і палякамі беларусы некалькі стагоддзяў былі ў адной дзяржаве (ВКЛ), што таксама не прайшло бяследна.

Самыя цесныя кантакты ва ўсе перыяды сумеснай гісторыі выяўляюцца паміж беларусамі і рускімі. Гэта прасочваецца на самых розных узроўнях і, безумоўна, выразна выяўляецца і на фактах анамастыкі. Так, вядома, што каля двух мільёнаў беларусаў у выніку самых розных абставін жыве за межамі сваёй этнічнай радзімы, частка з іх забылася нават аб сваіх каранях, але аб гэтым сведчаць іх прозвішчы, некаторыя іншыя адметнасці мовы, фальклору. На працягу стагоддзяў Беларусь была крыніцаю міграцыі насельніцтва ў іншыя рэгіёны Расійскай імперыі, пазней – савецкай дзяржавы. Пра гэта, напрыклад, пераканальна напісана ў дапаможніку "Беларусазнаўства": *"Міграцыя прасочвалася ўжо з Сярэднявечча, з часоў ВКЛ. . . Прычынай былі дынастычныя або палітычныя сваркі, разлады паміж прадстаўнікамі буйнешых княскіх дынастыяў – Рурыкавічаў і Гедымінавічаў (напрыклад, бунт Міхаіла Глінскага)"* [2, с. 239]. Паводле перапісу 1897 г., сярод 700 самых знатных

сем'яў Расіі толькі каля 150 вяло свой радавод ад усходнеславянскай (рускай) дынастыі Рурыкавічаў – князёў і баяр маскоўскіх, цвярскіх, казанскіх. А 430 сем'яў паходзілі з Беларусі, Украіны, Польшчы. Гэта такія княжацкія і баярскія роды, як *Валконскія*, *Шуйскія*, *Курбскія*, *Глінскія*, *Дастаеўскія* і інш. Напрыклад, знакамітыя *Глінскія* паходзілі з тураўскіх і мазырскіх баяраў. Так, вядома, што XVI ст. у гісторыі ВКЛ вызначалася значнымі міжусобнымі звадкамі-спрэчкамі паміж буйнымі беларускімі феодаламі. Асаблівы канфлікт адбыўся ў пачатку 1508 г. паміж тураўскім князем *Міхаілам Львовічам Глінскім* і вялікім маршалакам *Янам Забярэзінскім*, які пачаўся з забойства апошняга ў Гародні 2 лютага. Як сведчаць гісторыкі, *Міхаіл Глінскі* адпомсціў *Яну Забярэзінскаму* нібыта за нагавор на яго манарху, з-за чаго ён трапіў у няміласць да вялікага князя і караля. Учынак М. Глінскага выклікаў хвалю абурэння сярод магнатаў і шляхты, але знайшліся прыхільнікі ў абодвух знатных феодалаў. У выніку распачаўся адкрыты вайсковы канфлікт паміж групамі: супраць Глінскага выступілі прыхільнікі Вялікага князя Жыгімонта Казіміравіча. Міхаіл Глінскі найчасцей цягнуў паражэнні, бо Вялікага князя на той час падтрымлівала большасць магнатаў і шляхты. Глінскі, авалодаўшы Мазыром і адчуваючы хісткасць і слабасць свайго становішча, запрасіў дапамогі ў маскоўскага цара *Васіля III*, які ахвотна аказаў вайсковую дапамогу мяцежнаму ліцвіну, да якога ў выніку адышлі *Орша*, *Крычаў*, *Маціслаў*, *Слуцк* і іншыя ўмацаваныя паселішчы з усходу сучаснай Беларусі. Але хутка ўрадавыя войскі ВКЛ пад кіраўніцтвам гетмана *Канстанціна Астрожскага* і іншых вядомых феодалаў, якія паводле колькасці, узбраенняў і вайсковай вывучкі пераўзыходзілі злучэнні мяцежнікаў, выцеснілі і разграмілі прыхільнікаў апальнага *Міхаіла Глінскага*; апошні вымушаны быў збегчы ад пагібелі і пайсці на службу да маскоўскага цара. З ім, як пісаў І. Саверчанка, уцяклі яшчэ 11 тытулаваных асоб, сярод якіх пяць *Глінскіх*, двое сваякоў *Жыземскіх*, *Іван Казлоўскі*, *Васіль Мунча*, *Іван Азярэцкі*, князь *Друцкі* і яшчэ 18 уплывовых асоб, якія не мелі пасады і званняў. Некаторыя з названых мяцежнікаў, прыхільнікі *Міхаіла Глінскага*, пазней адракліся ад яго і папрасіліся на службу да Жыгімонта Казіміравіча, але *Глінскія* засталіся назаўсёды ў Маскоўскай дзяржаве, атрымаўшы ва ўладанне *Малаяраславец* і *Бароўск*. Больш падрабязна гл. гістарычную хроніку Івана Саверчанкі "Трыумф" [4].

Вынікам узаемадзеяння беларуска-рускага анамастыкону з'яўляюцца і факты тапаніміі: на беларускай карце можна выявіць больш за 30 айконімаў-этнонімаў тыпу *Русіны*, *Русавы*, *Русінаўцы*, *Рускае Сяло*, а таксама *Маскалі*, *Маскалёўшчына*, *Маскаляняты*, *Маскаленкі* і інш., што вядомы ў самых розных, але пераважна ўсходніх рэгіёнах сучаснай Беларусі – у *Полацкім*, *Верхнядзвінскім*, *Нараўлянскім*, *Бешанковіцкім* раёнах. Сюды, відаць, можна аднесці і айконімы тыпу *Вязьмічы* (Аршанскі, Талачынскі), *Бранчыцы* (Салігорскі), *Цверанцы* (Браслаўскі), *Вялікія Лукі*

(Пухавіцкі раёны). Як пісаў пра такія айконімы В. Жучкевіч, паходжанне іх (паселішчаў. – *В. Ш.*) не з’яўлялася выпадковым: звычайна такія назвы атрымлівалі сёлы, заснаваныя перасяленцамі з адпаведных гарадоў і рэгіёнаў. Яны (беларускія паселішчы), відавочна, маладзейшыя за тыя гарады, імёнамі якіх яны ідэнтыфікаваны. Дарэчы, усе гэтыя назвы не капіруюць асноў тых айконімаў, ад якіх утвораны, а набываюць па аналогіі пад уздзеяннем беларускіх мадэляў усталявання ў гэтым рэгіёне словаўтваральных анамастычных асаблівасці: *Цвер* (горад Расіі) → *Цверанцы*; *Вязьма* → *Вязьмічы* і інш. Гэтая з’ява ўласціва і іншым беларускім тапонімам, што ўтвораны ад назваў-этнонімаў: *ляхі* → *Ляхавічы*, *мазуры* → *Мазуричына*. У канцы XVIII ст. пасля далучэння беларускіх губерняў да расійскай імперыі некаторыя расійскія магнаты, феодалы, генералы набылі на далучаных землях значныя зямельныя тэрыторыі і заснавалі ўласныя пасяленні: *Салагуб* → *Салагубава* (Лельч.), *Аўрамаў* → *Аўрамаўская* (Хойн.), *Сумарокава* (Маг.) і інш. У савецкі перыяд (1964 г.) было перайменавана больш за 300 самых розных беларускіх паселішчаў, новыя назвы паводле паходжання выяўлялі тыповыя айканімічныя наватворы, створаныя на падставе рускіх анамастычных мадэляў савецкага перыяду: *Восточная* (былыя Цуцкі Пастаўскага р-на), *Роціно* (былыя Звягі), *Майское* (былыя Лізуны) Сенненскага раёна. Беларускія тапонімы-мігранты (айконімы і антрапонімы) ёсць за межамі Беларусі. Так, сяло *Кобрына* і рэчку *Кобрынка* ведаюць пад *Санкт-Пецярбургам*. Даследчыкі творчасці А. Пушкіна ўстанавілі, што нянька класіка рускай літаратуры *Арына Радзівонаўна* была родам з сяла Кобрына, што пад Пецярбургам, якое ўзнікла сярод іжорскіх балотаў непадалёку ад сталіцы імперыі ў выніку перасялення туды прыгонных беларускіх сялян з *Кобрынічыны* як удзельнікаў нацыянальна-вызваленчага паўстання пад кіраўніцтвам *Тадэвуша Касцюшкі*. Разам з іншымі прыгоннымі, набытымі графам Ф. Апраксіным, з *Кобрына-брэсцкага* ў новае *Кобрына* паблізу *Гатчыны* былі прывезены і бацькі Арыны Радзівонаўны – Радзівон Якаўлеў і Лукер’я Кірылава (Якаўлеў і Кірылава – гэта не прозвішчы, а імёны па бацьку. У той час прыгонныя прозвішчаў не мелі. – *В. Ш.*).

На карце Беларусі таксама можна выявіць і іншыя тапанімічныя назвы-мігранты, што прыйшлі да нас з іншых моў, з іншых тапанімічных сістэм. Так, недалёка каля *Чэрыкава* ў перыяд калектывізацыі ўзнікла вёска *Сормава*. Такую назву паселішча атрымала таму, што яго заснавалі рабочыя-дваццаціпяцітысячнікі *Ніжненоўгародскага* завода "*Чырвоная Сормава*", якія ў 30-я гг. XX ст. праводзілі калектывізацыю на *Магілёўшчыне*. Праўда, гэтая назва, як сведчаць даследчыкі, праіснавала меней за пяцьдзясят гадоў. У 1977 г. вёска *Сормава* злілася з *Чэрыкавам*.

Унікальныя факты пра перасяленні беларусаў у Расійскую дзяржаву, у тым ліку ўплыў беларускага анамастыкону на адпаведную сістэму брацкай

краіны выяўляюцца ў кнізе Л. С. Абэцэдарскага [1]. На канкрэтных прыкладах з гістарычных крыніц, а іх у кнізе больш за 150, прыводзяцца шматлікія факты пра перасяленне, нярэдка прымусовае, беларусаў у Маскоўскую дзяржаву, аб беларускіх дойлідах і майстрах, якія ўзводзілі *Коломенскі* палац, *Іверскі* і *Васкрасенскі* манастыры, *Мяшчанскую Слабаду*, падрабязна апісаны ўнёсак майстроў-беларусаў у развіццё ўнікальных *Збройнай* (Оружейной), *Залатой*, *Срэбнай*, *Майстэрскай палат*, пра тагачасных акцёраў-беларусаў у Маскве і падрабязную асветніцкую і кнігавыдавецкую дзейнасць *Сімяона Полацкага* (Самуіла Емельянавіча Пятроўскага-Сітніяновіча) – таленавітага паэта, драматурга, багаслова, педагога, перакладчыка. Ён вядомы як запрошаны прыдворны педагог рускага цара Аляксея Міхайлавіча для выхавання яго дзяцей. Напісаны ім *"Псалтырь"* высока цаніў М. Ламаносаў, які лічыў яго і *"Букварь"* С. Полацкага *"Вратами своей учености"*. Па яго ініцыятыве і праекту была аткрыта першая ў Маскве і Расіі вышэйшая навучальная ўстанова – *"Славяно-грэцка-лацінская акадэмія"* (1686 г.). Прывядзем з гэтай кнігі некаторыя фрагменты, якія сведчаць пра цеснае ўзаемадзеянне тагачасных культур Беларусі і Маскоўскай дзяржавы. "У 1672 г. быў апублікаваны царскі "Указ", паводле якога для ўраджэнцаў з Беларусі была заснавана ў межах Масквы *Мяшчанская* (Новамяшчанская) *Слабада* для пастанайнага пражывання там беларусаў". Такіх прыкладаў некалькі. "Ураджэнцы з Беларусі трымалі школы ў маскоўскіх слабадах" [1, с. 49]. "У валоданнях рускіх феодалаў у другой палове XVII ст. былі паселены многія тысячы беларускіх сялян..." Па словах тагачаснага патрыярха Нікана, ураджэнцы з Беларусі павінны былі засяляць "большую частку дамоў у сталіцы і ў суседніх вёсках і слабадах, якія абязлюдзіліся ў перыяд мору (чумы)". У той час цар меркаваў перасяліць з Беларусі 300 тысяч карэнных беларусаў. Беларускія сяляне, а большасць рамеснікі, гандляры масава папаўнялі насельніцтва слагод і соцень Масквы (*Броннай*, *Ганчарнай*, *Дзмітраўскай* і інш.), сяліліся ў прыгарадах іншых гарадоў Рускай дзяржавы. Дарэчы тут адзначыць, што некаторыя даследчыкі таго і наступных перыядаў, як заўважыў Л. Абэцэдарскі, карыстаючыся тэрміналогіяй тагачасных першакрыніц, імявалі беларусаў *"палякамі"*, *"іназемцамі"*, а беларускія гарады (*Полацк*, *Віцебск*, *Оршу*, *Шклоў* і інш.) – *"польскімі"* гарадамі. А пры вызначэнні нацыянальнасці нярэдка бралі пад увагу як асноўны крытэры – *веравызнанне* (*католік* – гэта значыць, паляк, *праваслаўны* – беларус). Гэты няправільны крытэры паказвае і тэндэнцыяна выкарыстоўвалі палякі, асабліва ў Заходняй Беларусі ў 1920 – 1939 гг. Такая паланізацыя была афіцыйнай ў даваеннай Польшчы [1]; [2].

У сувязі са сказаным вышэй, памылковым, не зусім карэктным лічым сцверджанне некаторых даследчыкаў пра існаванне ў мінулыя часы ўплыву *польскага*, а не беларускага анамалізму на рускі, асабліва на Смаленшчыне, у *Смаленскім краі*, які ілюструецца падабранымі прыкладамі

з анамастыкону смаленскай шляхты, што засведчаны ў "Росписных списках г. Смоленска" за 1659, 1665, 1681, 1694 гады. Там, як мы лічым, зафіксаваны пераважна тыповыя і масавыя ў сваёй большасці беларускія, і ў меншай меры некаторыя ўкраінскія і польскія прозвішчы з тыповымі для названых моў асновамі і анамастычнымі фармантамі, у чым можна таксама пераканацца, супаставіўшы і параўнаўшы антрапонімы, засведчаныя прафесарам І. Каралёвай [3, с. 47-94] з антрапонімамі адпаведных семантычных груп і словаўтваральнымі фармантаў у слоўніках М. Бірылы, В. Лемціговай, Г. Мезенка і інш. даследчыкаў. Напрыклад, прозвішчы на – *овіч/евіч*, складаюць там 25% такіх адзінак смаленскай шляхты: *Адамовіч, Богдановіч, Васілевіч, Станкевіч, Цітовіч, Яновіч* і інш., прозвішчы на – *скі/цкі*: *Борціцкі, Горецкі, Глінскі, Дубровскі, Дудінскі, Заблоцкі, Залесскі, Каменскі, Кушыянскі, Плескачэвскі, Кобрынскі, Лецінскі, Любанскі, Миклошэвскі, Высоцкі, Новицкі, Косінскі, Томашэвскі* і інш. Такія прозвішчы маюць самыя вядомыя сучасныя беларускія вучоныя, пісьменнікі, якія складаюць гонар беларускай культуры, асветы, навукі. Таму дзіўна і, відаць, як памылковае ўспрымаецца наступнае сцверджанне: *"Между смоленским шляхетством и шляхтичами соседних польских областей поддерживаются знакомства и родственные связи"* [3, с. 45]. Адзначым, што ўпамянутыя *"соседние польские области"* у той перыяд – гэта Віцебшчына і Магілёўшчына (В. Ш.). Адсюль і асноўны падобныя абагульненні, зробленыя не толькі адной І. А. Каралёвай [3], а ў той час ВКЛ – асобная аўтаномная частка Рэчы Паспалітай. Дарэчы, у гэтым кантэксце для пераканання варта нагадаць выключна ўнікальную працу Я. Шыраева [6], якая, як адзначана ў прадмове, напісана з глыбокім аналізам, з павагаю да суседніх з беларусамі народаў, з пачуццём *"уравнаваженности, достоинства, объективности и уважения к интересам и взглядам исторических соседей, которая отличается доказательностью, документальной аргументированностью и при этом некатегоричностью"* (Алесь Адамовіч). Яшчэ прыклад. На падставе статыстычных звестак, этнаграфічных карт, усерасійскага перапісу насельніцтва Расійскай імперыі ў Смаленскай губерні на канец XIX ст. там пераважала беларускае насельніцтва; беларусаў было: 537149, велікарусаў 487930; па колькасці карэннае беларускае насельніцтва пераважала ў сямі з дванаццаці паветаў: у Смаленскім, Дарагобужскім, Духнаўшчынскім, Ельнінскім, Краснінскім, Парэцкім, Раслаўскім, а велікарусы складалі большасць толькі ў Бельскім, Вяземскім, Гжацкім, Сычоўскім, Юхнаўскім паветах [6, с. 111]. Роднасным і вельмі блізкім да Беларусі лічыў Смаленскі край выдатны расійскі паэт А. Твардоўскі, дзед якога, як пісаў яго ўнук, родам з Магілёўшчыны. Паэт гэтым ганарыўся, сябраваў з многімі беларусамі.

Уплыў беларускай анамастыкі на рускую, у прыватнасці, на тапаніміку даследчыкі заўважылі таксама на тапонімах тыпу *Рудня, Гута, Буда, Майдан* і інш., якія з'яўляюцца неад'емнай часткай сучаснай

беларускай тапанімічнай сістэмы, а на спрадвечна рускай частцы Расіі яны ўжываюцца не так часта. Так, Л. Трубэ такія тапонімы прасачыў з XVII ст. на тэрыторыі Ніжагародскай губерні. На яго думку, выплаўка жалеза з балотнай руды, паташны промысел, нарыхтоўка дзэгцо ў XVII–XVIII стст. атрымалі там інтэнсіўнае развіццё, бо, напрыклад, *паташ*, а больш навукова – *вуглякіслы калій*, шырока практыкаваўся ў тыя часы для вытворчасці мыла, шкла, а дзэгаць – для вытворчасці скур і інш. Гэтая сыравіна вельмі высока цанілася. Як сведчаць афіцыйныя дакументы, у Ніжагародскай губерні тады ўзнік шэраг пасяленняў з назвамі *Гута, Рудня, Паташня, Буда* і вытворныя ад іх. Такія пасяленні заснавалі там беларусы-перасяленцы, якія наладжвалі вытворчасці па нарыхтоўцы паташу, мыла, жалеза, дзэгцо і іншага ляснога тавару [5, с. 64].

Такім чынам, асноўнымі прычынамі ўзаемадзеянняў і ўплываў у сістэмах анамастыкі, якія адбываліся ў мінулых стагоддзях у беларускай і суседніх моўных сістэмах, былі міжэтнічныя кантакты: да нашых часоў у анамастыконах прасочваюцца некаторыя роднасныя ўзаемадзеянні і сувязі, асабліва феадальныя шлюбы, канфлікты, міжусобіцы, войны, міграцыйныя працэсы вялікіх груп насельніцтва, выкліканыя беззямеллем, эканамічнымі і сацыяльнымі працэсамі ў суседніх землях і краінах, што заканамерна адбілася і ў моўных сістэмах, асабліва пераканальна на фактах анамастыкі, пераважна айканіміі і антрапаніміі.

Больш падрабязна пра ўзаемаўплывы ў анамастычных сістэмах гл. у нашай кнізе "Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапанімія і тапанімія" [7].

Спіс выкарыстаных крыніц

1. **Абецдарский, Л. С.** Беларусы в Москве XVII в. : из истории русско-белорусских связей / Л. С. Абецдарский. – Минск: БГУ им. В. И. Ленина, 1957. – 60 с.
2. Беларусазнаўства: Навучальны дапаможнік / Пад рэд. П. Брыгадзіна. – Мінск : Завігар, 1997. – 288 с.
3. **Королёва, И. А.** Словарь фамилий Смоленского края / И. А. Королёва. – Смоленск, 2006. – 368 с.
4. **Саверчанка, І.** Трыумф : гістарычная хроніка / І. Саверчанка // Польша. – 2017. – № 4. – С. 153–165; № 5. – С. 158–170.
5. **Суперанская, А. В.** Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1985. – 168 с.
6. **Ширяев, Е. Е.** Русь Белая, Русь Чёрная и Литва в картах / Е. Ширяев. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – 119 с.
7. **Шур, В.** Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапанімія і тапанімія : дапаможнік для магістрантаў, якія навучаюцца па спецыяльнасці 1-21 80 11 "Мовазнаўства" / В. Шур. – Мазыр : Выснова, 2018. – 355 с.

УДК 811. 161. 3

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ВОСТОЧНОПОЛЕСКИХ ГОВОРАХ БЕЛАРУСИ

В статье проанализированы грамматические формы имен существительных, наблюдаемые на территории восточнополесского региона Беларуси. Также осуществлен сравнительный анализ выявленных форм с формами нормативного литературного языка. Обоснована необходимость дальнейшего изучения грамматических особенностей говоров Полесья и наблюдения за изменениями, происходящими под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: восточнополесские говоры Беларуси, реликтовые формы, падежные окончания, имена существительные, нормативный литературный язык.

Современные местные говоры Беларуси еще сохраняют многие черты, характерные разным этапам развития белорусского языка. Поэтому изучение их региональных языковых особенностей дает более полное представление об исторических путях нашего языка.

Среди знаменательных частей речи в плане исследования грамматических региональных особенностей нас интересует имя существительное как древнейшая часть речи. Первобытные люди, постигая окружающий мир, давали названия всему происходящему, всем понятным им явлениям. По этим словам можно судить о мировосприятии народом всего находящего вокруг них.

Исследовательский интерес представляет система падежных окончаний имен существительных, именно в каких формах люди вплетали в общий контекст речи названия познаваемых ими предметов и явлений окружающего мира. В говорах сохранились разнообразные грамматические варианты имен существительных, не свойственные современному белорусскому литературному языку.

Анализ собранного материала восточнополесского региона Беларуси позволяет выделить следующие особенности грамматических форм имен существительных.

Для большей территории Беларуси характерно аканье (оканье только под ударением), но здесь выявляем варианты именительного и винительного падежей имен существительных среднего рода единственного числа на *-о*, *-е*: *небо*, *полыме* (Запесочье, Сторожовцы Житковичский район), *времечко* (Титенки Гомельский район), *болото* (Якимовичи Речицкий

район), *пионце* (Дякавичи Мозырский район), Сравним литературные формы: *неба, балота, польмя, пшано*.

Наблюдаем реликтовую вокативную форму с окончаниями *-о, -е: жаніхно, сватко* (Хильчицы, Запесочье Житковичский район), *пане* (Нисимковичи Рогаческий район), *панначко* (Ельский район), *бабо* (Мозырь), *лецейко* (Гомель).

Формы именительного и винительного падежей мужского рода множественного числа на *-е (-э): жураўле* (Лутки Лоевский район), *котэ, вужэ* (М. Мелешево, Запесочье Житковичский район), (сравним лит. : *жураўлі, каты, вужы*).

В Лоевском районе встречаем древнюю форму парного числа: *дзве душэ* (Ручеёвка) (сравним лит. : *дзве души*).

В белорусском нормативном языке числительные два, три, четыре сочетаются с именами существительными в форме именительного падежа: *два дамы, тры вядры, чатыры дрэвы*. В Лоевском районе наблюдаем сочетание числительного два с существительным в форме родительного падежа: *Я два коромісла* вады прынесла да шэсць бітонаў памыла, от і апазнілася (Деражичи).

Формы имен существительных множественного числа на *-а*, реже *-у: ворота, балота, дрова, грыбу* (Ручеёвка, Первомайск, Бывальки Лоевский район) литературные: *вароты, дровы, балоты, грыбы*.

Употребление на Гомельщине имен существительных в форме родительного падежа в большинстве случаев не отличается от норм литературного языка, но и здесь наблюдаются некоторые грамматические варианты.

Имена существительные мужского рода единственного числа в родительном падеже иногда сохраняют окончание *-а* в формах, обозначающих неперечисленные понятия: *дашча мала* (Козероги Лоевский район); *Паліла агнём усё лета – ні было дашча* (Первомайск). Литературный вариант: *дажджу, агню, туману, марозу* и т. д. В Житковичском районе фиксируем имена существительные женского рода в форме родительного падежа с несвойственным для литературного языка окончанием *-у: с солому* (Запесочье), *не будзе рыбу* (Погост) (сравним лит. : *з соломы, не будзе рыбы*).

В некоторых районах Гомельщины встречаются нехарактерные белорусскому литературному языку формы женского рода с окончанием *-і – у паві* (Семигостичи Житковичский район) и среднего рода – *для моря* (Гомельский район) (сравним лит. : *у павы, для мора*).

В таких сочетаниях, как *кідаць серп, класці стажок, упусціць нож* в нормативном литературном языке имя существительное всегда имеет форму винительного падежа. Исключения составляют имена существительные с обозначением части предмета от целого или неопределенного количества – *пакаштаваць мёду, насыпаць цукру*. В исследуемом нами материале мы

обнаруживаем в подобных случаях форму родительного падежа. Особенно широко распространено это явление в говорах Туровщины и Лоевщины: Такие гаршки дарагіе: на базары *цэлага рубля аддала* (Деражичи), также примеры: *озьмі секача, кідаём серпа, кладзе стожка* (Коротичи, Хачень-Житковичский район), *нашла грыба, упусціць нажа* (Ручеёвка, Бывальки-Лоевский район).

Формы имен существительных мужского рода множественного числа отмечаем с кончаниями –*ов* (не под ударением), –*ёў, -еў: нема молодовитов* (Довск Рогачевский район), *тапчанёў даць, дзесяць локцеў* (Бывальки, Деражичи Лоевский район) (сравним лит. : *няма вывадаў, стрыжняў*).

Вариативные формы дательного падежа представлены именами существительными женского рода единственного числа с неударяемым окончанием –*і: карові*– Насып *корові* абурын, нехай есці; *бабі* – Трэба Танюк *бабі* атвесці на канікулы (Чаплин, Ручеёвка Лоевский район). В белорусском нормативном языке имена существительные первого склонения женского рода имеют окончание –*і* только в том случае, если имеют основу слова, заканчивающуюся на мягкий согласный звук, например: *спявалася ў песні, мыцца ў лазні, сініца сядзіць на вяршыні хвоі*. Выявленные нами в говорах Гомельщины лексические единицы имеют основу, заканчивающуюся на твердый согласный звук, и по общепринятым правилам должны заканчиваться на –*е* – *карове, бабе*.

Во множественном числе, кроме нормативного в белорусском языке окончания –*ам*, используется форма на –*ом* (под ударением): *к берэгом* (Бережцы Житковичский район), *к дэдом* (Чаплин Лоевский район) (сравним лит. : *к берагам, к дзядам*).

Имена существительные в форме творительного падежа мужского и среднего рода единственного числа выявлены с окончанием –*ом*: *бабоўніком* (Подворок Лельчицкий район), *голосом* (Любавичи Житковичский район), *словом, вокошком* (Новосёлки, Журавичи Рогачевский район). Реже встречаем употребление форм на –*эм*: *ключэм* (Альпень Житковичский район), также и на –*ям*: *камяням* (Васильевка Гомельский район) (сравним литературное: *голосам, словам, ключом, каменем*).

Имена существительные женского рода единственного числа имеют одновременно с распространенным окончанием –*ой* под ударением формы на *ою, -ёю: дошчэчкою* (Запесочье Житковичский район), *горою* (Дятловичы Гомельский район), *зямлёю* (Хойники), реже наблюдаются формы на –*эю, -ею: ключэю* (Лутки Житковичский район), –*аю: дарогаю, сястрыцаю* (Хильчицы Житковичский район) (сравним лит. : *гарой, зямлёй, дарогай, сястрыцай*).

Предложный падеж в нормативном литературном языке имеет систему окончаний, выбор которых зависит от основы слова (*на гары, на сэрцы, на тэлефоне, на горадзе, у агні*), ударения и от значения

(одушевленные мужского рода). В рассматриваемом материале мы обнаруживаем формы, несколько отличные от нормативных. Так, в нормативном языке слова с основой на твердый согласный имеют окончание *-е*, в говорах же мы часто встречаем окончание *-і*: Спорціўся трактар, кінулі яго *на дарозі* (Переделка); *У абедашнім перарыві* нагадуе вучнят (Чаплин) Праўда людзей адалевае *на прыроді* (Деражичи); Скарэй іді абірай пчол – вісяць *на дераві* (Ручеёвка). И даже встречается окончание *-у* по аналогии с русской формой (*на краю, на ветру*): *На плану* атмочкі багата (Первомайск).

В нормативном языке в предложном падеже слова с основой на затвердевшие звуки имеют кончание *-ы* (*у душы, на мяжы, у працы*), в исследуемом материале иногда наблюдаем окончание *-э*: Што *на гарэ* дай пшанічанька, а ў даліні й авес, не па праўді, мае сердянтка, ты са мною жывеш (Козероги Лоевский район).

В Лоевском районе у имен существительных множественного числа в предложном падеже встречаем под ударением окончание *-ох*: Я ў *раўчакох* касіў, адзін абарэмак узяў (Карповка).

Таким образом, исследование грамматических вариантов формирует представление о белорусском национальном языке в разнообразных формах его существования.

Язык – явление постоянно изменяемое. Еще многие явления в литературном языке и на грамматическом, и на лексическом уровнях подвергаются сомнению, постоянно вносятся изменения. Но не забываем, что белорусский язык как письменный возродился именно на основе народных говоров, и при внесении изменений и в дальнейшем следуем учитывать не только мнения лингвистов, писателей, журналистов, но и реальные языковые факты, фиксируемые в живом говорении белорусов.

Список использованных источников

1. Тураўскі слоўнік: У 5-ці т. / [Склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін]. Мінск: Навука і тэхніка, 1982-1987.
2. Янкова Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск : Навука і тэхніка, 1982. 432 с.

Наумчик Мария Дмитриевна

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Республика Беларусь
e-mail: maria. nmchk@gmail.com

УДК 398 (08)

РЕАЛИЗАЦИЯ МАГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА В УСТНОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЯ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ

Рассматривается реализация магической функции языка в устных нарративах на основе аудиозаписей автора, полученных в 2021-2022 гг. С помощью метода кейс-стади анализируются языковые средства реализации данной функции в устной речи жителя белорусского Полесья.

Ключевые слова: функции языка, магическая функция языка, устный нарратив, "знающий", "жертва".

Направление функциональных исследований языка опирается на длительную традицию в языкознании. Возрастающий интерес лингвистов к изучению языковых явлений в функциональном аспекте знаменует собой переход от анализа статичного значения слова к рассмотрению изменчивого содержания высказывания.

Одним из исследователей, разрабатывавших данную проблему в русской лингвистике, является Роман Осипович Якобсон. В своей статье "Поэтика и лингвистика" он отмечает разработанную К. Бюлером классификацию языковых функций, включающих эмотивную, конативную и референтивную [5]. Кроме базовых функций, выделяются и факультативные, в их числе и магическая.

Данное открытие Р. О. Якобсона даёт основание для широкого спектра междисциплинарных исследований, базирующихся на функциональной стороне языка. Выделение магической функции речи позволяет связать лингвистическое исследование с такими науками, как антропология, культурология, фольклористика и другие.

В понимании данного явления языка мы будем опираться на трактовку магической функции, представленную в "Словаре лингвистических терминов" под редакцией Т. В. Жеребило, где она рассматривается как частный случай призывно-побудительной функции. Адресат речи в случае использования магической функции языка – высшие силы [1, с. 187]. Также отмечается, что магическая функция универсальна. К проявлениям магической функции речи относятся заговоры, проклятия, клятвы, в том числе божба и присяга; молитвы; магические "предсказания" с характерной гипотетической модальностью (ворожба, волхование, пророчества, эсхатологические видения); "славословия" (доксология), адресованные

высшим силам – обязательно содержащие возвеличивающие характеристики и специальные формулы восхваления – такие, как, например, Аллилуйя! (древнееврейск. 'Восхваляйте Господа!'), Осанна! (грецизированный древнееврейский возглас со значением 'Спаси же!') или Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!); табу и табуистические замены; обеты молчания в некоторых религиозных традициях; в религиях Писания – священные тексты, т. е., тексты, которым приписывается божественное происхождение; можно считать, например, что они были созданы, внушены или продиктованы высшей силой [2, с. 42]. Магические формулы могут строиться как проклятие и брань. В ряде традиций известно ритуальное сквернословие в свадебных и сельскохозяйственных обрядах. К обрядовым заклинаниям восходят некоторые бранные выражения [1, с. 187].

Все известные в культуре ареалы сохраняют в той или иной мере традиции религиозно-магического сознания, о чем говорят устные рассказы, которые бытуют повсеместно. В работе использовались аудиоматериалы, полученные при опросе носителей фольклорной культуры, хранящиеся в фольклорно-этнографическом архиве студенческой научно-исследовательской лаборатории "Фольклористика и краеведение" Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина.

Мифология является частью культуры и одной из форм познания человеком окружающего мира. Она вместе с транслируемым опытом практических действий, обрядами, культурами, магическими практиками (в основе которых лежит сверхъестественная связь различных природно-космических реалий с человеком) послужила фундаментом, на котором продолжается по сей день развитие человеческой культуры, в том числе и на Брестско-Пинском Полесье. Магии даются различные определения, тем не менее, каждое из них базируется на представлении о мире, включающем веру в сверхъестественные силы, которые способны дать человеку возможность контролировать окружающую действительность. Это понятие синонимично чародейству, волшебству, колдовству. У восточных славян для номинации колдуна используются термин *колдун*, *еретик*, *виритник*, *веретник*, *чарівник*, *характерник*, *відьмар*, *чараўнік*. Вместе с тем совершенно ясно, что магия в определенном смысле остается мировоззренческим базисом бытия современного человека. Одной из составных частей коммуникативной ситуации колдовства являются так называемые *знающие* – те самые посредники между двумя мирами, нашим и чужим. Рассмотрение колдовства как источника коммерческой выгоды на базе зафиксированных фольклорных нарративов позволило нам проанализировать два образа *знающих*, реализующих свою деятельность в разных культурных, исторических и ситуативных контекстах. Концепт *колдовство* продолжает функционировать в новой среде, оказывая влияние на воззрения современного человека и его нарративные практики.

В данной статье мы, обращаясь к выделенной Р. Якобсоном магической функции языка, рассматриваем её реализацию в устной речи носителя восточнославянских мифопоэтических представлений. С целью выделения особенностей речи индивидуального представителя культуры мы обратились к методу кейс-стади, разработанному М. Глакманом и В. Тэрнером для изучения особенностей и сложностей одного конкретного случая. Данный метод также был апробирован славянскими исследователями, в частности российским исследователем О. Б. Христофоровой. "Кейс-метод направлен на попытку понять общие социальные нормы, рассматривая индивидуальное поведение, культурные концепты через их "чтение" носителями культуры, сложные конфигурации смыслового поля культуры – через повседневные взаимодействия и тривиальные события. Тот же метод использован для демонстрации части собранного материала в диссертации "Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах" – общие, традиционные представления о колдовстве показаны через призму личных историй героев", – замечает О. Б. Христофорова [4].

Картина мира отдельного человека включает множество различных аспектов, в том числе языковой. Эти аспекты проникают друг в друга и образуют целостную личность, поэтому рассмотрение их независимо друг от друга дало бы не совсем объективное представление.

Реализация в языке магической функции тесно связана с культурой. Она отражает актуальные верования того или иного языкового ареала. Особенно ярко это проявление в употреблении в речи различных магических жанров, таких, как заговоры, проклятия, молитвы и многое другое. Однако также магическая функция может воспроизводиться в языке и вне жанров. Это обусловлено тем, что вера в сверхъестественное включена в подсознательный культурный код и так или иначе отражается в речи посредством использования особой лексики и речевых оборотов.

В статье языковой аспект рассматривается наряду с мифопоэтическими представлениями случайного представителя культуры Восточного Полесья. В работе использовались аудиоматериалы, полученные при опросе носителей фольклорной культуры, хранящиеся в фольклорно-этнографическом архиве студенческой научно-исследовательской лаборатории "Фольклористика и краеведение" Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина (далее ФА).

Ирина О., приезжая в Брест из д. Осовая Столинского района, рассказала о своём свёкре, носившем статус так называемого "знающего", то есть имеющего отношение к потусторонним силам и способного к взаимодействию с ними. Ирина в анализируемом нарративе выступает в качестве "жертвы", то есть носителя культуры, демонстрирующего веру в сверхъестественные категории культуры Восточного Полесья [3].

Согласно сюжету нарратива, Степан, свёкор Ирины, реализовывал свою магическую деятельность через разговор со столом: *"Ну, шо тупа там: **"Стол!"** И он, кажа, стол встане на одну ногу"* (ФА; Брестский р-н).

В данном случае само обращение "Стол!" выполняет магическую функцию. По сути, невзирая на то, что данное предложение представляет собой всего одно слово-вокатив, оно выступает как заклинание, которое обращает "знающего" к сакральному, что в данном случае накладывается в представлении носителя культуры на образ стола. "Стол!" – искажённая, усечённая форма заклинания.

На протяжении всего рассказа нарратор не раз упоминает, что "знающий" разговаривал со столом: *"Там буде с ним **беседовать**, как с человеком. И, тупа, той стол може стать на одну ногу. И там прииде той человек, и он ему **буде казаты**, а стил буде опускаться. Если плохое, то будет там тое. И вин кажа с ним он **беседовал**, как с человеком, со столом"; "И так рассказала, что со столом – это на самом деле! – **беседовал** со столом, как с человеком. Кажа, я не видела, я не помню як, но так маты казала. Вот можса, кажа, с ним там **говорыт**, то беседу... Той стол мог статьи, так о, на одну ногу и стояты. И вин там щось **кажса**, ну, **говорыт**, там. И, кажа, стил так о хитался: на одну ногу, на вторую... То було на самом деле"* (ФА; Брестский р-н).

Ирина не уточняет, какие ещё жанры воспроизводит её свёкор, но активно акцентирует внимание на акте коммуникации "знающего" и "сакрального". Вероятно, беседы, упомянутые нарратором, могли представлять собой предсказания, молитвы, проклятия и другие жанры, соответствующие ситуациям, выходящим за рамки обыденных представлений.

Кроме языковых, Ирина также упоминает экстралингвистические знаки. Движение стола (*"Той стол мог статьи, так о, на одну ногу и стояты"; "И, кажа, стил так о хитался: на одну ногу, на вторую..."* и т. д.) во время взаимодействия с ним "знающего" является в представлении носителя актуального верования прямым подтверждением состоявшегося акта коммуникации.

Традиционно считается, что призывно-побудительная функция языка направлена прежде всего на высшие силы. И тем не менее нельзя отрицать тот факт, что наиболее мощному влиянию подвергаются "жертвы". Реализуясь в речи "знающего" через воспроизведение всякого рода табуированных жанров, магическая функция языка также оказывает сильную психологическую нагрузку на сознание верующих в сверхъестественное, что впоследствии обостряет у "жертв" азарт к поиску сакральных знаков и символов.

Нарратор делает акцент на инвалидности дочери чародея: "Но его осталась дочка, она была инвалид". Она упоминает его неместное происхождение: "Он был цыганской какой-то, кажа, породы". Также замечает его

отстранённость от соседей: "И думал, что ему денег дадут, но ему денег никто не дал, и его из деревни этой согнали".

Нами получены медиафайлы, которые позволяют смоделировать образ "успешного чародея" эпохи интернета. Согласно традиционным мифологическим представлениям, посредник – "знающий" - не может брать плату за совершение акта взаимодействия с высшими силами, однако в наше время наблюдается противоположная картина – "знающие" стремятся получить материальное вознаграждение за свои услуги. У нас есть интервью с Еленой Л., уроженкой Бреста, которая сейчас живет в г. Резекне. Она создала ютуб-канал "Абсолют", себя именует "проводником силы", утверждает, что ее последователи – избранные, "увидевшие свет" (ФА). Она создала образ, убедительный как для самой "знающей", так и для ее клиентов. Это новый тип "колдуна", который приспособился к изменившемуся культурному и ситуативному контексту. Анализ коммуникативных стратегий и тактик "колдунов" эпохи интернета представляется перспективным для наших дальнейших исследований.

Таким образом, магическая функция реализуется не только в устной речи представителя культуры, но и в других знаковых системах, а полученные медиафайлы подтверждают её влияние на сознание современников – носителей определённых мифопоэтических воззрений.

Список использованных источников

1. **Жеребило, Т. В.** Словарь лингвистических терминов. / Т. В. Жеребило. // Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО "Пилигрим", 2010. – 486 с.
2. **Мечковская, Н. Б.** Язык и религия / Н. Б. Мечковская. – М. : Агентство "Фаир", 1998. – 352 с.
3. **Христофорова, О. Б.** Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России / О. Б. Христофорова. – М. : ОГИ, 2010. – 432 с.
4. **Христофорова, О. Б.** Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах / О. Б. Христофорова. –М. : РГГУ, 1998. – 114 с.
5. **Якобсон, Р. О.** Лингвистика и поэтика [Электронный ресурс] / Р. О. Якобсон // Русский филологический портал. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm>. – Дата доступа: 20.12.2021.

Краузе Анастасия Юрьевна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: corovjeva.anastasija@yandex.ru

УДК81`28

НЕОДНОСЛОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ "РУССКИЙ КРЕСТ" В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматривается компонентный состав семантического поля составного наименования русский крест. Цель – дать характеристику коммуникативного значения неоднословного образования русский крест в русской языковой картине мира посредством анализа основного и газетного корпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Ключевые слова: этноним, составное наименование, коммуникативное значение, Национальный корпус русского языка.

В настоящее время довольно активно "рождаются" наименования, которые пополняют словарный состав языка. Они могут представлять из себя одно слово, но чаще всего формируются в виде словосочетаний. В данной статье акцентируется внимание на наименованиях с этнонимом "русский", заключающее в себе различные исторические особенности. Это связано с тем, что множество названий было связано с данным словом. Продуктивность неоднословных образований типа *русский характер, русский солдат, русский дух, русский народ* и подобных подчёркивает системную устремлённость российской государственности и российской ментальности к глубинному осмыслению вопросов исторического и культурного характера.

В данной статье рассматривается составное наименование *русский крест*, особенности его коммуникативного значения и компонентного состава на основе материалов Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Наименованию *русский крест* посвящены работы Кузнецова В. П. [1], Халтуриной Д. А. и Коротаева А. В. [5]. Кузнецов В. П. рассматривает *русский крест* с точки зрения христианства, в качестве одного из главных символов русской православной церкви. Халтурина Д. А. и Коротаев А. В., напротив, анализируют данное словосочетание как одно из названий особенностей русской демографии, представляющей процесс уменьшения и увеличения роста населения в России, включающей в себя мониторинг смертности и рождаемости.

Для того чтобы рассмотреть особенности значения данного наименования, были привлечены материалы основного и газетного корпусов информационно-справочной системы Национального корпуса русского языка

(НКРЯ). В основном корпусе наименование *русский крест* зафиксировано в количестве 23 документов, газетный корпус насчитывает 59 документов.

В процессе анализа были выявлены прямой и переносный варианты использования значений данного словосочетания.

Вариант 1: "русский крест".

"Нынешние граждане России, рождённые ближе к нулевым, даже не отдают себе отчёт в том, скольких людей мы лишились тогда – не только за счёт потери территорий огромной страны, завоёванных нашими предками, но и за счёт огромной смертности, когда в обиход вошло такое понятие, как "русский крест" (газетный корпус, пример №1).

Данный пример, взятый из газетного корпуса НКРЯ, показывает, что наименование *русский крест* употребляется в переносном значении для характеристики уровня смертности и рождаемости в России, основанное на том, что при пересечении друг с другом линии, показывающие данные уровни, приобретают своеобразную форму креста, чаще всего оно используется в журналистской области.

Вариант 2: русский крест.

"В субботу, после аукциона, купил православный русский крест, бронзовый с эмалью, за 900 крон" (основной корпус, пример №6).

Данный пример, взятый из основного корпуса НКРЯ, показывает, что наименование *русский крест* в данном случае употребляется в прямом значении как название для предмета в виде восьмиконечного креста, напрямую связанного с русской православной церковью, являющееся одним из её символов, используется чаще всего в области литературы.

Основной корпус НКРЯ:

1. *"В 1992 году эти два основных показателя народного благосостояния пересеклись и породили то, что в мировом мнении получило зловещее название "Русский крест" – уровень рождаемости и смертности поменялись местами" (пример №3).*

2. *"В красивых благородных формах старого русского языка было сказано о твёрдом решении Государя в единении с народом продолжать войну до полной победы над врагом и о заветных русских целях этой войны: Константинополе. На котором должен снова воссиять православный русский крест, проливах, передаваемых России, и о полном отделении Польши от России и создании из неё свободного государства" (пример №9).*

3. *"Это явление получило название "Русский крест". Русский крест – число родившихся и умерших за год жителей России" (пример №2).*

4. *"Русский крест сплетает свои складки с американскими звёздами и полосами" (пример №8).*

Ниже представлен анализ компонентов значения данного составного наименования, зафиксированного в НКРЯ.

Лексическое значение компонента *русский* –относящийся к России, русским. Архисемы: *советский, русский*. Дифференциальные семы: *православный, народный*.

Лексическое значение неоднословного образования *русский крест* – *восьмиконечный православный крест, являющийся символом христианской веры и русской церкви*.

Коммуникативное значение составного наименования *русский крест*: символическое пересечение двух линий на демографической схеме уровня рождаемости и смертности в России.

Идеологическая составляющая составного наименования *русский крест* отражена с помощью следующих лексем: "народного", "мировом", "зловещее", "русский", "красивых", "благородных", "старого", "твёрдом", "полной", "заветных", "православный", "свободного", "советских".

Газетный корпус НКРЯ:

1. *"Известно, что демографы даже назвали это явление "русский крест""* (пример №1).

2. *"И в 2012 году впервые за много лет мы преодолели так называемый русский крест – рождаемость превысила смертность"* (пример №2).

3. *"Эта ситуация получила в научных кругах название "русский крест""* (пример №3).

4. *"Мрачные пророчества, злопахательства наших недругов о том, что пройден русский крест, что мы – исчезающая, вымирающая нация, не состоялась"* (пример №4).

5. *"Реформы, улучшения в социально-экономической сфере за последние 10 лет смогли переломить так называемый русский крест (линии снижения рождаемости и повышения смертности)"* (пример №5).

Коммуникативное значение составного наименования идентично сформулированному на основе анализа основного корпуса, за исключением отсутствия в газетном корпусе составного наименования *русский крест* со значением "православный восьмиконечный крест".

Идеологическая составляющая составного наименования *русский крест* отражается с помощью следующих лексем: "русский", "мрачные", "исчезающая", "вымирающая".

Таким образом, на основе всего вышеизложенного анализа составного наименования *русский крест*, фиксируем, что в газетном корпусе, по сравнению с основным, преобладают контексты со значением "схемы уровня рождаемости и смертности в России в виде двух пересекающихся между собой линий". При сравнении данных корпусов не было выявлено значительных различий, за исключением того, что в основном корпусе представлено составное образование, эксплицирующее лексическое значение, продуктивно функционирующее в узусе *"восьмиконечный православный крест, являющийся символом христианской веры и русской церкви"*.

Кроме того, составное наименование "русский крест" представляет из себя, помимо всего вышеизложенного, явление эстетическое, нравственное. С этой точки зрения данное словосочетание рассматривается в статье С. Н. Стародубец "Региональный текст на интегрированном занятии (по поэме Н. А. Мельникова "Русский крест")" [4], в которой отмечается, что номинация "крест" в контексте русской культуры имеет потенциальное значение, отражающее символический план содержания – апофеоз христианской нравственности, жизненных лишений, то есть всего того, "*...что христианин обязан выносить мужественно и благодушно, не нарушая требований религии и внушений чистоты совести*" [6]. Кроме того, само название поэмы "Русский крест" рассматривается с учётом таких словосочетаний, как "душу русскую", "русское село", "всё по-русски", "крестьянин русский", что подтверждает связь составного наименования "русский крест" с эстетическим дискурсом, не представленном в основном корпусе НКРЯ, в части рассматриваемого составного наименования.

Список использованных источников

1. **Кузнецов, В. П.** История развития формы креста. Краткий курс православной ставрографии / В. П. Кузнецов. – Москва : Альманах "Жизнь вечная", 1997. – 40 с. – Режим доступа: http://sarkel.ru/istoriya/kuznecov_vp_istoriya_razvitiya_formy_kresta_kratkij_kurs_pравoslavnoj_stavrografii/ /дата обращения (13.04.2022).
2. **Малов, А. В.** Знамёна полков нового строя / А. В. Малов. – Цейхгауз. – 2002. – № 15-16. 47 с. – Режим доступа: [file.magzdb.org/ul/71/Цейхгауз 16.pdf](file.magzdb.org/ul/71/Цейхгауз%2016.pdf). (дата обращения 13.04.2022).
3. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/index.html> дата обращения (13.04.2022).
4. **Стародубец, С. Н.** Региональный текст на интегрированном занятии (по поэме Н. А. Мельникова "Русский крест") / С. Н. Стародубец // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства. Материалы II Международной научно-практической конференции. – Белгород: ООО "Эпицентр", 2017. – С. 70–74.
5. **Халтурина, Д. А., Коротаев, А. В.** Русский крест: Факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России / Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев. – Москва : УРСС, 2006. – 128 с.
6. Христианство. Энциклопедический словарь в 3 томах. Т. 1. Гл. ред. С. С. Аверинцев. – Москва : "Большая российская энциклопедия", 1993. – 864 с.

Марцинкевич Вера Ивановна

Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина, Республика Беларусь
e-mail: vera.martsinkevich@mail.ru

УДК 811. 161. 3'373. 2

**ПЕРЦЕПТИВНЫЙ МОДУС "ЗРЕНИЕ"
И СРЕДСТВА ЕГО ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В
ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА БЕЛОРУСОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ, РЕАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПТ 'ДЕТИ')**

Исследование выполнено в рамках НИР "Ключавыя ідэнтыфікатары беларускай лінгвакультуры і іншакультурныя моўныя феномены ва ўмовах выклікаў глабалізацыі і інфармацыйна-лічбавай эпохі", входящей в задание "Беларуская мова: этналінгвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспекты даследавання" падпраграмы "Беларуская мова і літаратура" Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў "Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы" на 2021–2025 гг.

В статье на фактическом материале фольклорных записей А. Сержпутовского и Ф. Янковского анализируются паремиологические единицы, реализующие концепт 'дети', в контексте лингвистической сенсорики.

Ключевые слова: дети, паремия, лингвосенсорика, перцептивный модус "зрение".

Устное поэтическое творчество занимает одно из важнейших мест в истории культуры народа, формировании его мировоззрения, развитии национального самосознания и общественного мнения. Пословицы и поговорки относятся к жанру малых фольклорных форм, это самые короткие народные произведения, существующие непосредственно в живой речи.

Во все времена они становились объектом паремиологических исследований фольклористов, этнографов, лингвистов (П. Гильтебрант, Е. Карский, И. Лепешев, И. Носович, Е. Романов, А. Сержпутовский, Я. Чачот, П. Шпилевский, Г. Ширма, П. Шейн, Ф. Янковский и др.), привлекали внимание ученых различных школ и направлений, но это не значит, что пословицы и поговорки изучены исчерпывающе и не осталось неразрешённых вопросов.

В современном языковом пространстве выделяется как актуальное направление сенсорная лингвистика, изучающая язык восприятия как систему словесных представлений физиологических показателей пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса, обоняния. По мнению В. К. Храченко, автора монографии "Лингвосенсорика: фундаментальные и

прикладные аспекты", внимание к "сенсорной педагогике" в текстах малых форм, прежде всего в паремиях, остается "белым пятном" лингвистических исследований" [4, с. 13].

В связи с вышеизложенным автор статьи попыталась проанализировать паремиологические единицы, записанные А. Сержпутовским и Ф. Янковским, в контексте языковой сенсорики и выявить некоторые особенности языковой репрезентации перцептивного модуля "зрение".

Известно, что при восприятии окружающего мира люди проводят определенные параллели с тем, что им хорошо известно, например, с частями человеческого тела, поэтому соматизмы являются основными структурными компонентами, посредством которых осуществляется репрезентация экстероцептивных ощущений в паремиологических единицах.

Физиологи доказали, что до 90% информации человек получает через глаза, по этой причине зрительный канал является ведущим по сравнению с другими каналами восприятия информации, а основной составляющей перцептивного модуля "зрение" является соматизм *глаза*, которые являются "важнейшей частью головы и лица человека" [1, с. 150].

Анализ фактического материала позволил выявить визуально воспринимаемые **возрастные группы** детей:

— младенцы: *Люлі, люлі, люлі, палез кот у дулі; Кую, кую ножку, паеду ў дарожку; Малоезвесці вокам не дае; Мал мала мені;*

— маленькие дети: *Да году дзіця – як яечка, да трох – як авечка; Да пяці год пястуй дзіця, як яечка, да сямі пасі, як авечку, то выйдзе на чалавечка; Малыя дзеці – малы клопат, большыя дзеці – большы клопат; Малыя дзеткі – дробныя бедкі, большыя дзеткі – вялікія бедкі; Растуць (дзеткі) на лес глядзячы;*

— взрослые дети: *Жні тианічку прызеланенькую, аддавай дачку маладзенькую (замужество); Карміў да вусоў – кармі і да барады (зрелость); Лепей хаваць ў пеляночках, чым у вяночках (преждевременная смерть детей (младенцев и взрослых)).*

Визуальная лексика также является средством отражения **особенностей внешности** ребенка, что иллюстрируется следующими примерами: *Кірпачка мая маленькая, дарагенькая* ('с курносым носиком'). В толковом словаре белорусского языка существительное *кірпа* определяется как "про короткий и вздернутый нос", слово *кірпаўка* – "про вздернутый нос" с указанием на стилистическую характеристику слова разговорное, что характерно для паремий [3, с. 689]. Это означает, что нос по форме и не длинный, и не прямой, а именно *кірпаты*. *Адзін сыноч Юзік і той – як гарбузік* 'толстый, округлый'; *Адзін, ды ладны* 'физически сильный'.

В паремии *Радзіла малайца, акурат, як айца* акцентируется внимание не только на внешнем сходстве ребенка с отцом (*І кропелькі набраў*, как говорят на Полесье и сегодня). Подчеркивается, что родился именно мальчик, сын. Через внешнее сходство выступает мотив социальной значимости сына как будущего хозяина и продолжателя рода, который обязан обеспечивать благополучие семьи: *Сын у дом грабе, а дачка ў людзі бярэ*. В связи с этим понятным становится и смысл поговорки *Адзін сын – не сын, два сыны – паўсына, а толькі тры сыны – сын*.

Изученный паремиологический материал выявляет не только внешнее сходство детей и родителей. Как показывают примеры, дети перенимают и род занятий родителей: *Бацька быў стралок, а я яго сыноч; Бацькарыбак, і дзеткі ў ваду глядзяць*, а также похожи по **характеру и поведению** на мать или отца: *Няма чаго дзіваваці, такая была й маці; Па таткудзіцятка*. Эти примеры приводят к метафорическому выводу – *Якія мы самі, такія і нашы сані*.

Паремии представленной семантической группы выражают как положительную оценку (*Аддобрагакораня – добры і адростак; З харошай кушачкі харошыя і птушачкі*), так и отрицательную оценку (*Здурногакуста і ягада пуста; Сава не родзіць сакала, а такога ж чорта, як сама;*). Нейтральная оценка характера и поведения иллюстрируется приёмом синтаксического параллелизма, организованного по модели 'какой-такой': *Якое дрэва, такі клін, – які бацька, такі сын. Якая птушка, такое і гняздзечка; Якое карэнне, такое насенне; Які куст, такі і адростак*.

Одним из главных аспектов зрительного восприятия является **цвет**–квинтэссенция визуальности, а колороним "белый" – основа любого языка: *Тады сіраце нядзеля, як сарочка бела*. Вместе с тем, являясь базовым понятием, цвет часто выступает промежуточным этапом при возникновении образных ассоциаций в языке повседневного общения. Так, в паремии *Жні пшанічку прызеляньскую, аддавай дачку маладзенькую* отражается оттенок цвета: он не зеленый, не зеленоватый, а именно *прызеляньскі*, т. е. приближающийся к зелёному, но ещё не ставший зелёным. На наш взгляд, слово-колороним *прызеляньскі* может рассматриваться как аутентичный пример при изучении цвета в той или иной лингвокультуре, в частности, белорусской.

Как известно, прилагательное "красный" является эквивалентом белорусского колоронима "чырвоны". Но в паремии *Не радзіся красным, а радзіся ічасным* он реализуется в значении 'красивый' и актуализирует мотив переживания матери за судьбу своего ребенка. Это же значение выражено в премии *З дзявочае красы вады не нап'ешся*, где красота употребляется в смысле 'красота внешняя', которую можно увидеть и оценить. А когда дети становятся взрослыми, они отождествляют *Прыгожыя на кажусе латкі ад роднага таткі* с уважением и благодарностью к отцу как главному добытчику семьи. Сема 'красивый'

выступает в данном примере не столько как эстетический элемент одежды, сколько как показатель этической нормы, выработанной поколениями на протяжении столетий в процессе семейного воспитания.

Будучи центральным модусом восприятия, зрение предоставляет информацию о многих свойствах объектов, находящихся в нем. Так, в паремиологической единице *Пазнаюць нашу дачку й андарачку* глагол *пазнаюць* выступает как средство идентификации различения предметов и действий.

Ссылаясь на исследования Н. К. Рябцевой, А. В. Нагорная отмечает следующие физические явления, охватываемые ситуацией зрительного восприятия: свет, цвет, (о)краска; размеры и форма; количество; физические свойства; пространство и расположение; расстояние, направление, перспектива; положение наблюдателя и ориентация; следы и отпечатки; геометрические фигуры; состояние среды, через которую воспринимается предмет; наличие преград; сила и состояние зрительной способности; специфические "визуальные" операции; идентификация, сравнение и различение самих физических предметов, действий и явлений. Как отмечает А. В. Нагорная, "само количество компонентов ситуации зрительного восприятия, их разнородность и "разнофокусированность" крайне затрудняют возможность применения такого подхода на практике" [2, с. 27]. Поэтому, вслед за В. К. Харченко, в исследуемом нами паремиологическом материале репрезентация ядерной лексики осуществляется через открытые "частичные" ряды доминантных слов" [4, с. 18]: существительные *малое, паўсына; вусы, барада, пеляно́чкі, вяночкі* (для создания образно-ассоциативного представления о возрасте); прилагательные: цвет *белы, прызеланенькі*; узрост *малы, большы, вялікі, маладзенькі*; физические свойства *ладны*; числительные и неопределенно-количественные слова: *один, два, три, пять, семь*; наречия *многа, штогод*; сочетания слов *лавасыноў (дачок), поўна хата*; глаголы *глядзець, відаць, бачыць, пазнаць*; фразеологизмы *звесці вокам, на лес гледзячы*; сравнительные обороты *як гарбузік, як яечка* (на основе сходства с геометрической фигурой), *як авечка*.

Таким образом, анализируемый языковой материал позволяет констатировать, что в пословицах и поговорках через перцептивный модус "зрение" происходит репрезентация физических свойств (внешность, возраст) и психологических особенностей (характер, поведение) детей разного возраста.

Список использованных источников

- 1. Маслова, В. А.** Лингвокультурология: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
- 2. Нагорная, А. В.** Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч. - информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Яковлева Э. Б. – М., 2017. – 86 с.
- 3. Тлумачальны** слоўнік беларускай мовы. Т. 2. Г –К / [Рэд. тома А. Я. Баханькоў]. – Мн. : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1978. – 768 с.
- 4. Харчанко, В. К.** Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М. : Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2012. – 216 с.

УДК 82'396, 81'42

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ "ПРОЩЕНИЕ" И СПОСОБЫ ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье дается практическое определение прощения как первый шаг к систематическому анализу этого понятия. Используя подход, описанный Уокером и Авантом (1995), авторы определяют признаки и характеристики прощения, а также его теоретические и практические последствия. Терапевтическая роль прощения отстаивалась на протяжении веков в связи с религиозной практикой и отношениями человека с Богом. Данный концептуальный анализ предлагает определить прощение применение в теории и практике.

Ключевые слова: концепт, прощение, русский, исследование, лингвокультура.

Цель исследования состоит во всестороннем анализе концепта "прощение" и способов его репрезентации в русском языке.

Концепт прощение является одним из ключевых концептов, составляющих концептуальный круг русского языка и наиболее важных для понимания русской культуры и национальной психологии русского народа. В то же время, в рамках данного лингвистического анализа, языковая система, связанная с выражением этого ключевого культурного концепта, должна быть сложной, поскольку такие концепты имеют многослойную семантическую структуру, которая формировалась на протяжении долгого времени под воздействием различных социальных факторов. В этом контексте уместен историко-этнографический анализ, предполагающий не только выявление происхождения слов, но и изучение социокультурных компонентов семантики этих слов. Из значений этих слов для исследуемых понятий наиболее важным является значение духовного порядка, связанное с фундаментальным религиозным смыслом христианства. Именно в период формирования христианской культуры на Руси первое, что произошло при вхождении понятий одного культурного пространства в другое, - это заимствование некоторых иностранных терминов, связанных с ключевыми понятиями новой религии. Более того, хорошо известно, что греческие слова, обозначающие важные понятия христианской веры, использовались в качестве инструментов розыска. В данном случае актуальным является "использование старого и в то же время идеологически маркированного (по крайней мере, не нейтрального) слова в новом контексте, сохранение, а иногда и дальнейшее развитие этой "маркированности" и, конечно, значительный сдвиг в поле денотации, который обычно свидетельствует об ус-

ложении семантической структуры слова и богатстве его внутренних возможностей, за счет адаптации слова в новых условиях, главным образом за счет моделирования дополнительных, доселе неизвестных язык, чтобы раскрыть его [14, с. 420].

В IX-XI веках христианизация языка привела к формированию у ряда слов нового концептуального содержания, связанного с выражением христианской концепции прощения. В древнерусском языке 9-11 веков эти слова были "оставить", "отпустить" и "простить". Невозможно проанализировать эти семантические изменения в связи с формированием понятия "прощение" без обращения к древнегреческому языку и к оригинальным византийским текстам, из которых возникли новые религиозные понятия и слова, их выражающие.

Прежде всего, это русское слово сочетает в себе христианский смысл понятия с "мирским" значением действия по удалению чего-либо, устранению объекта какого-либо действия (ср. : положить книгу на стол, уехать из города). В древнерусском языке бросить, оставить - полисемичные слова, употребляющиеся в значении "отложить, пропустить, оставить без внимания", "остановить, не допустить", "оставить что-либо", "отпустить грех" [12, с. 737-738]. Отглагольное существительное *abandonment* несет в себе значение "оставить, отпустить", "не обращать внимания на кого-то", "простить его/ее". Характерно, что в IX-XI веках русское *оставити* в своем первоначальном значении "оставить, покинуть что-либо" в точности соответствует греческому *оставити*, *оставить что-либо*. В то же время в древнерусских текстах *оставити* в этом значении является не ударением, а переводом. Если рассматривать семантическую структуру греческого слова, то центральным и полным семантическим признаком является *sema* "посылать, удалять что-то от себя"; здесь актуализируется динамика объекта действия, что подчеркивается семантикой приставки *-ϕ-* (соответствующей русской приставке *-от-*), с одной стороны, и активность субъекта действия, который "удаляет" что-то, с другой. Когда конкретный объект действия заменяется абстрактным, возникает возможность метафорического переноса значения, когда слово используется в священном тексте.

Таким образом, все значения древнерусского *ostavitī* характеризуются семемой 'оставлять что-либо, удалять что-либо или удаляться от чего-либо', подчеркивая активность действия, направленного на объект, самого агенса. Это заложено в семантике греческого языка, который восходит к древнерусскому глаголу *abandonī*, означающему "отпустить грех". Здесь действие Бога, субъекта прощения, реализовано в том, что Он прощает всех нас, потому что мы - люди, и никто из нас не свободен от греха. В этом отношении глагол *пустити* является синонимом глагола *пустить*, который в современном русском языке сохраняет значение "простить (грех, вину и т. д.)". Со словом *letit* субъектом прощения является также Бог или

посредник (священник), который отпускает людям их грехи, независимо от того, раскаиваются они или нет.

Вместе с глаголом *letit* в значении "прощать", глагол прощать используется в старославянских переводах греческих священных книг, а затем и в древнерусских текстах.

Глагол помиловать образован от прилагательного *prost'a*, которое в древнерусском языке означает "прямой, свободный, открытый, простой" [15, с. 418]. Тема "свободный от чего-то, простой" активно развивалась в глаголе и других производных. Материалы из русских говоров свидетельствуют, что в разговорной речи с давних времен слово помиловать употреблялось в значении "сделать что-то простым (т. е. пустым - А. М.); снять бремя, исцелить; разрешить что-то": *prósitnéřpa* (арх) вынуть кишки; рыбу вынуть, простить, приручить, усыпить (про). Слово помилование также используется в женских именах (к. -в., помилованный, т. е. "освобожденный от бремени") [3, с. 513].

Почти во всех славянских языках есть слова с корнем *prosti* - с похожими значениями: *prosti* (болгарский) "прощать"; *prosti, próstim* "прощать" (сербско-говынский); *prostítiprostím*, "прощать" (словенский); *prostítiti* "освобождать" (чешский) [15, с. 418]. Примечательно, что в языках (болгарском, сербохорватском, словенском) семантический сдвиг "отпустить что-то" → "простить что-то" происходит полностью. Христианизация югославских и восточнославянских народов сыграла здесь важную роль, причем славянские церкви были непосредственными передатчиками христианских идей между византийским и славянским миром. В западнославянских языках слово прощение не было развито так, как описано выше: в чешском языке *prostítiti* означает "освобождать", а значение "прощение" выражается лексическими единицами *prominout* и *odpustit*; в польском языке только прилагательное *prostítiti* "просто; непосредственно", а значение "прощение" выражается глаголами *wybaczyć* и *przeprosić się*. Возможно, здесь сыграли роль другие социокультурные условия: католицизм, культура и латинизация языка были препятствием для выражения понятия "прощение" через слово "прощение". В более поздней истории русского языка глагол оставить в значении "простить" постепенно был заменен словом простить. В шестнадцатом и семнадцатом веках слово "покинуть" с таким значением уже не использовалось. Когнитивные отношения ввели лексические единицы, которые первоначально употреблялись в значении "обвинять" и "упрекать, обвинять" соответственно [11, с. 470]. Сдвиг в представлении происходит не за счет ухода от полисемии слова, а за счет семантической неопределенности глагола. Полисемия слова удаляется из дискурса, но семантическая неопределенность остается: та же лексическая позиция, тот же переходный глагол, тот же объект действия в П. В., но другое значение (ср. оставить грех, оставить город). Однако основной причиной использования глагола "простить" вместо "оставить" может быть то, что концепт

прощения более развит на восточнославянской почве, что в основном отражается в языковых средствах его выражения, особенно в семантической модификации слов с корнем.

Внутренняя форма глагола простить более полно выражает значение христианской морали в древнерусском языке. В новой ситуации слово прощение парадоксальным образом сочетает в своей семантике старое и новое. Активность старой семы "очищать что-либо от содержимого" подтверждается различными русскими разговорными материалами, которые соотносятся с актуальностью новой семы "духовное очищение". Акт прощения не представлен как внешнее отвержение Богом грехов человека, где направление удаления объекта (проступка, греха) от человека также выражено его церковнославянским производным *otanit*. Глагол "прощать" использует человека как носителя информации: "Человек, который прощает другого, имеет такую же силу, как и Бог" [13, с. 5]. Стоит отметить, что слово прощение, в отличие от *ofanavita*, претерпело определенные семантические изменения, которые отражают различия в религиозном и светском понимании прощения.

В христианской этике суть прощения заключается в том, что человек должен прощать всех, потому что Бог намерен, чтобы каждый любил свое внутреннее "я" так же и по тем же причинам, как мы любим себя [8, с. 338]. Светская этика прощает по разным причинам, и проступки преступников часто забываются благодаря щедрому, непрощающему характеру субъекта: Томас, Томас! - Будьте великодушны! Забыть, простить, остаться и созерцать наше счастье! [4, с. 154]. Понятия внутреннего очищения, духовной свободы и "морального очищения" выходят на первый план, поскольку грехи и проступки ассоциируются с такими чувствами, как "камень, отягощающий сердце и сокрушающий душу". - Это ощущение "каменной, отягощающих сердце и сокрушающих душу", связано с чувством тяжести и трудностями, связанными с необходимостью быть прощенным. В таких случаях типично сочетать прощение кого-то с прощением чего-то. Понятие снятия грехов путем "операции" (отказ от грехов) заменяется понятием освобождения души от вины за конкретный проступок (прощение кого-либо). лексическая связь между словами прощение и помилование в Изборнике 1076 года свидетельствует об этих семантических различиях: простил господин мой: я терпел до сих пор [6, с. 583]; решил исповедать Господу беззаконие мое и оставить злое сердце мое [6, с. 13]; ... Он сказал: исповедую Господу беззаконие мое, и Он простит бесчестное сердце мое. Специфика понятия прощения отражается и в этом случае, когда агент является тем, кто просит о прощении. Его трогает искреннее признание, которое может привести адресата к прощению. В качестве имплицитного значения раскаяние присутствует в семантике слова прощение: ср. Я согрешил и прошу прощения, что невозможно * Я не виноват и прошу прощения. В словах оставить и отпустить нет такого подтекста, потому что

субъект прощения - Бог или посредник в роли священника - прощает человека, независимо от того, раскаивается он или нет.

За несколько веков существования концепта в русской культуре его содержание изменилось, что иногда отражается, а иногда не отражается в словарном определении.

Список использованных источников

1. **Болгарский Ф.** Толкование на Святое Евангелие. – Litres, 2021.
2. **Гусева О. А.** ИСТОРИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА //Филология, лингвистика и лингводидактика: вопросы теории и практики. – 2020. – С. 12-14.
3. **Даль В. И.** Словарь живого великорусского языка. М., 1989.
4. **Достоевский Ф. М.** Полн. собр. соч. : В 30 т. Л., 1972. Т. 3.
5. **Ефимова Л. Н., Шехирева Н. А.** Библейско-философская рефлексия трактата КС Льюиса "Страдание" //Вестник Российского экономического университета им. ГВ Плеханова. – 2018. – №. 2 (98). М., 1992.
6. **Изборник 1076 г.** М., 1969.
7. **Копоть Л. В.** Репрезентация этногендерной картины мира в наименованиях профессий и должностей древнерусского языка //Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – №. 1 (144).
8. **Льюис К. С.** Любовь. Страдание. Надежда. М., 1992.
9. **Меденица В.** Всеобщее спасение. Три лика одной идеи: Федоров, Достоевский, Соловьев //Духовно-нравственное воспитание. – 2021. – №. 1. – С. 26-36.
10. **Поливанова А.** Старославянский язык. Грамматика. Словари. – Litres, 2019.
11. **Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.).** М., 1990. Т. 3.
12. **Срезневский И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1892. Репринтное издание 1989 г. Т. 1–3
13. **Томильцева Д. А.** Опыт прощения: социально-философский анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2010.
14. **Топоров В. М.** Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1.
15. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 3

**Стародубец Светлана Николаевна¹,
Белугина Ольга Владимировна¹, Мухина Мария Александровна²**

¹Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского", Россия

e-mail: starodubets.madam@yandex.ru, OBelugina@mail.ru

²МБОУ "Гимназия" г. Новозыбкова Брянской области, Россия

e-mail: berta17@yandex.ru

УДК 82

ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИКИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

В статье произведен анализ символики, характерной для духовной культуры жителей брянско-гомельского пограничья, выделены основные реалии, отраженные в символах, отмечена такая специфическая особенность символов пограничья, как синтезированность, обусловленная территориальной близостью восточнославянских государств.

Ключевые слова: символика, брянско-гомельское пограничье, фольклор, языковые коды, символ, духовная культура.

Исходя из полевых исследований в рамках грантовой деятельности, есть смысл говорить о едином пласте фольклорной культуры брянско-гомельского пограничья. Тесная бытовая взаимосвязь субъектов – носителей народных знаний, неосознанная сублимация культурно-языковых концептов свидетельствуют о нерасчлененности фольклорных дискурсов. Элементы межязыковой дифференциации теряются в потоках ситуативно-контекстуальных реалий времени. Авария на ЧАЭС, как один из побудительных элементов массовой миграции, привела к синтезированному пониманию пространственной разграниченности территорий Восточного Полесья. Жители Красногорского и Новозыбковского районов стали заложниками ситуации взаимозаменяемости культурных символов. Деревня Николаевка Красногорского района прекратила свое фактическое существование, а её жители разъехались по близлежащим селам, большинство – в Новозыбковский район. Деревни Синявка, Гривки, село Святск Новозыбковского района также прекратили своё существование. В селе Верещаки, например, можно встретить жителей, которые родом из с. Яново, с. Неглюбка, Ветковского района Республике Беларусь. В этой связи уместно говорить о совокупной контаминации в условиях психологического сближения языковых и культурологических элементов пограничья. Однако языковые коды усвоенные разными социальными общностями даже тесно взаимодействуя не исчезают полностью. Код, как средство коммуникации переносится вместе с языковой личностью и ассимилируется. В этой связи

наиболее сильные компоненты образа мира одной общности "выживают" сталкиваясь с иной речевой и культурной действительностью. Слабые же компоненты "отмирают" и исчезают. Так рождается синтез пограничной культуры и языка.

С точки зрения символики, брянско-гомельское пограничье отличается фольклорной корреляцией и субъективно-ситуативной вариативностью. Здесь предпочтительнее будет изучать символ, как предмет, а не как знак, изучающий слово. Следует вспомнить, что с процессами кодирования и декодирования коммуникации имеет дело такая наука, как психолингвистика. Соотнося личность со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной "образующей" образа мира человека, с другой [2, с. 19] психолингвистика так или иначе затрагивает и семиотику, и конкретно символ. С точки зрения данной науки было бы уместно говорить о символе, как о речевом акте, т. е. о слове, но фольклорная действительность заставляет задуматься о многоплановости символических элементов. В определение *предметности* символа в данном случае будет входить взаимосвязь словесного знака-звука с психологическими особенностями данного индивида и с предметом (или предметами), который отражает символ, находясь в определенной социокультурной ситуации. Многие символы брянско-гомельского пограничья вобрали в себя как древнейшие языческие представления людей о мире, о себе, так и новые – во-первых, христианские, во-вторых адаптированные под современность культурные концепты разной направленности. Под последним понимается изменение реалий объективного мира. Это и изменение политической ситуации, и экономической, и культурной. Вся эта совокупность отражает смысловую наполненность символа. Причем следует отметить, что в смысловой наполненности символов брянско-гомельского пограничья практически не участвует факт аварии на ЧАЭС. Это объясняется отсутствием объективной информации, невостребованностью в связи с отсутствием видимых последствий катастрофы. Словоформ "Чернобыль", "радиация" и др. участвующих в данном предметном дискурсе не обнаружено вовсе. Опасения, страх и др. психологические признаки индивидов, связанные с аварией на ЧАЭС также были крайне редко обнаружены в деревнях и селах, чего нельзя сказать о городских жителях.

Наполненность символов брянско-гомельского пограничья в основном отражает следующие реалии:

1. Древние языческие представления об устройстве мира.
2. Христианские догмы и учения:
 2. 1. православные;
 2. 2. старообрядческие.
3. Период правления советской власти.
4. Великая Отечественная война.

Зачастую наблюдается слитность некоторых этих реалий в условиях одного символа. Показательным будет являться следующий пример:

"Я русáлак часта видила. Расскажу, как была. Помер мой дед Илья́. Тры ўады́ бэуала к нему́ на ма ўілку. Вот пашла́ я на ма ўілку к нему́, а был прáзник. Шла балóтам, шоб нхто́ ни бáчил. Миня́ адна́ то́лька сасэдка видила, всё́ миня́ с уаня́ла атту́да. При́дя: Тань, пайдём! Тань, пайдём!"И прóся миня́, и пайдём с ей.

*Я пришлá, сéла на лáвачку на ево́, там жэ стóлик, пáмитник, и пла́чу. Сижу́, пла́чу, разува́риваю, разува́риваю. Наступи́ла ночь, тёмная ночь, ни видна ничиво́. Сижу́, ни сыйду́ нику́ды, сижу́, як в аунé, уляжу́, иду́ть две дэвачки, вот такié [*рукой показывает рост девочек] две дэвачки, жо́лтые ба́нтники на ўалавэ́ и рóзавые платóчки. Падыхóдять ка мнэ́ и ўаваря́ть: Баб, хва́тя пла́кать, пайдём з на́ми"И вяду́ть миня́. А тимно́, ни ба́чу, а ба́нтники ба́чу и платóчки. Дави́ли миня́ да калі́тки, да фо́ртки. И ви́жу всё́ чіста: и маўілки, и кусты́, и дирéвья. А іх нимá, дэвачек э́тих. А патом, каўда́ были́ пóхараны вскорáсти и ба́тюшка был, и я́ ему́ и ра с-ска́зываю, такóе и такóе дéла, а ён ўаво́ря: Зна́еши што, ни хаді́ бóлее, э́та а́нгелы́ были́".А тэх дэвачек ни ўдé ни ба́чу бóльшэ́, как их и не бы́ла, вот такі́е две дэвачки. Э́ти русáлки́ были́ а́нгелы́".*

(Записано от: Пыленок Т. Ф., 1929 г. р., с Верецаки Новозыбковского района, РФ).

В данной иллюстрации ярко видна двоякость образа – символа русалки и ангела. Необходимо отметить, что в качестве истоков "дошедших до наших дней остаточных фактов русальной обрядности являются древние мифологические представления о духах водной стихии и поля, которые в эксплицированном виде и в настоящее время сохраняются в большей степени на территории Беларуси, такими, как полудница и полевик..." [4, с. 91]. На приграничных с Беларусью территориях России русалка – это мифологический, языческий персонаж, носящий, как правило, отрицательную оценочность. Ангелы же, напротив, носят положительную оценочность и являются персонажами христианской церкви. Тот факт, что в роли русалок – ангелов выступают маленькие девочки свидетельствует о наличии объективного фона языковой концептуальности. Желтые банты на девочках – символ русалок, так как желтый цвет – неотъемлемый атрибут смерти и загробной жизни (цвет умирающих листьев и переспелых плодов) [6, с. 97]. Желтый, зеленый и белый – основные цвета одежды русалок пограничья. Розовые платочки, как смысловой антоним желтым бантам – символ полопринадлежности и добра. Слова священника в данном примере служат отправной точкой для оправдания того факта, что русалки помогли человеку, а не навредили. Существование двух этих противоречивых образов в условиях одного символа доказывает синкретизм христианских и языческих представлений, из которых первое одержало логический верх.

Яркой особенностью символов пограничья является их синтезированность в условиях территориальной близости трех государств: России, Белоруссии и Украины. Данная особенность может проявляться ярко, где взаимодействуют и языковые, и фольклорно-культурологические нормы (песня *"В поле далеко стоял дуб высоко"* (Записано от: Елисеенко Н. М., 1937 г.р., с *Верещаки, Новозыбковского района, РФ*), и опосредованно – через предметы быта или элементы обрядов (*наряжать елку на свадьбу, выкатывать гарбуз во время сватов* и др.) Кроме этого четко разделена женская и мужская символика. Эта черта ярко прослеживается в названиях птиц (*зезюля, голубь, сокол, лебедь* и др.), животных (по признаку рода); в предметах быта (*колесо, горшок, бочонок, хусты, копьё, колыска* и др.); в явлениях природы (*реченька, ветерок, море-океан*) и др.

Символика брянско-гомельского пограничья обладает уникальным набором фольклорных знаков, используемых людьми для передачи того, что они испытывают. Некоторые воздействуют на зрение (*обряды, ряженые* и др.), большая часть – на слух, а немногие – на другие чувства (*запахи, вкусы* и др.).

Список использованных источников

1. Беликов, В. И., Крысин, Л. П. Социоллингвистика: Учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – Москва. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 439 с. – Текст: непосредственный.

2. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – Москва: Смысл, 1999. – 286 с. – Текст: непосредственный.

3. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – Москва: Издательская группа "Прогресс", 1993. – 656 с. – Текст: непосредственный.

4. Стародубец, С. Н., Белугина, О. В. Особенности функционирования обряда "Проводы русалки" на территории брянско-гомельского пограничья / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина // Вестник славянских культур. – 2016. – № 4 (42). – С. 90-98. – Текст: непосредственный.

5. Тодоров, Ц. Теории символа / Ц. Тодоров. – Москва: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. – 408 с. – Текст: непосредственный.

6. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер. – Москва: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с. – Текст: непосредственный.

7. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт. -сост. В. Андреева и др. – Москва: Локид: Миф, 1999. – 556 с. – Текст: непосредственный.

Белугина Ольга Владимировна, Шевцова Татьяна Александровна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: OBelugina@mail.ru, tatjana.shevtzova2016@yandex.ru

УДК 81'2

НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ БЫТА В "СЛОВАРЕ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ ЗАПАДНОЙ БРЯНЩИНЫ" П. А. РАСТОРГУЕВА

В статье представлен анализ диалектной лексики, отражающей особенности языка жителей западных районов Брянской области и зафиксированной в словаре П. А. Расторгуева. Были рассмотрены языковые единицы, входящие в состав тематической группы "Предметы быта". Охарактеризованы следующие лексико-тематические группы: "Наименования предметов, предназначенных для хранения либо приготовления жидких продуктов", "Наименования орудий и приспособлений для выполнения определенных действий, связанных с повседневной хозяйственной жизнью людей", "Наименования одежды", "Наименование головных уборов", "Наименования обуви".

Ключевые слова: П. А. Расторгуев, словарь, диалекты, лексико-тематическая группа, Брянская область.

В связи с состоянием русского языка на современном этапе, в связи с проблемой чистоты языка и речи все больше внимания уделяется лексике диалектной, так как именно диалектная лексика является источником не только развития, но и сохранения лексического состава современного русского языка как составной части общенациональной культуры.

В настоящее время продолжается интенсивное изучение Брянской области как уникальной по своей расположенности территории (граничит с несколькими областями Украины и Республики Беларусь) в историческом, этнографическом, лингвистическом и других аспектах.

С. Н. Стародубец так определяет специфику исследуемого нами региона: "Российско-Белорусско-Украинское пограничье является неоднородным культурно-языковым регионом, специфика которого заключается в том, что на определённой территории продуктивно функционируют эквивалентные (исторически обусловленное ядро в виде общеславянских языковых фактов, языковые варианты на уровне нормативной общеупотребительной лексики, разговорных, просторечных и диалектных явлений) и интерферентные лингвокультурные явления (в наибольшей степени проявляющиеся в контаминации фонетических, лексических и грамматических черт вследствие взаимовлияния славянских языков)" [10, с. 5].

Юго-западные районы Брянской области – это регион, граничащий с территорией современной Беларуси и Украины, в связи с чем, этнографы, краеведы, языковеды неоднократно обращались к исследованию и изуче-

нию специфики данного региона, характеризующегося как особым территориальным положением, так и сложной исторической судьбой.

В лингвистическом отношении интерес к данному региону обусловился, в первую очередь, вставшей перед исследователями необходимостью определения места брянских говоров в системе языков и диалектов восточных славян, а также стремлением выявить особенности взаимоотношений данных говоров с говорами приграничных территорий соседних государств (особенно – белорусскими). По наблюдению Р. А. Григорьевой, "на всем российском пограничье жители пользуются двумя языками – литературным русским и местными говорами" [2, с. 65], что эксплицировано, в частности, наименованиями предметов бытового назначения. Под диалектом (от *греч.* *diálektos* – говор, наречие) Л. А. Новиков понимает "разновидность языка, функционирующего на определенной территории" [8, с. 264], который наделен характерной диалектной спецификой, являющейся итогом территориальных изменений, происходивших в разное время, в общенародном языке. Такие изменения нашли свое отражение в диалектной лексике.

Диалектная лексика или диалектизмы (областные слова, провинциализмы) – это "такие слова, которые не входят в общенародную лексическую систему, а принадлежат одному или нескольким диалектам русского общенационального языка" [7, с. 43-44]. Данная лексика не принадлежит литературному языку. Она является лексикой устной живой разговорной речи определенной части народа, объединённой территориально.

Территория Брянской области занимает достойное место на лингвистической карте России. Особое внимание исследователи уделяют диалектному пласту лексики. Этому способствовали труды многих ученых-лингвистов. К изучению брянских говоров в своих статьях в разное время обращались известные лингвисты и этнографы. Среди них выделяются следующие: Будде Е. Ф. "К какому из русских наречий принадлежит говор современных жителей Брянского уезда Орловской губернии?" (1905); Голанов И. Г. "О диссимилятивном аканье" (1914); Карский Е. Ф. "К вопросу народном говоре Брянского уезда Орловской губернии" (1905) и т. д.

Кроме того, несомненно важными с позиции последующего практического изучения говоров Брянщины являются исследования, носящие лексикографический характер. К ним относятся:

1. "Литвино-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни" М. Н. Косич.
2. "Брянский говор, заметки из области русской этнологии (с приложением словаря)" П. Н. Тихонова.
3. "Словарь народных говоров Западной Брянщины" П. А. Расторгуева.
4. "Словарь Брянских говоров" под редакцией В. И. Чагишевой (5 выпусков, включающих в себя лексику в алфавитном отрезке А-Ж).

5. "Брянский областной словарь" Н. И. Курганской.

В качестве материала для анализа в данной статье нами были взяты языковые единицы, представленные в словаре П. А. Расторгуева. Данный словарь содержит в своем составе лексические единицы, встречающиеся в говорах Западной Брянщины, просторечные и областные лексемы, а также наименования, которые не зафиксированы в русском литературном языке.

В результате анализа отобранного языкового материала (165 лексических единиц) нами был выделен ряд лексико-тематических групп (*далее* ЛТГ), объединенных семантикой наименования "предметы быта". Первая группа нами была определена как ЛТГ "Наименования предметов, предназначенных для хранения либо приготовления жидких продуктов". Она включает 37 лексических единиц, которые можно классифицировать в зависимости от того, из какого материала сделан бытовой предмет: наименования глиняной посуды, наименования деревянной посуды, наименования посуды из различных материалов. Среди них: *карэц, кёлюх, ко́наўка (што́пка), палу́мисак, пляшка, бакла́га, бук, вады́нка, дёжка, жбан, ска́лка, карабе́нь, кубел, лубо́к, мазни́ца, палони́к, памы́йница, паста́вец, прыскры́нак, ряжка, скры́ня, судни́к, би́тик (ги́рка, ги́рька, гиры́н, стрыжа́к), гарла́ч, глэчы́к, глэк, канде́йка, ку́хлик, ла́тка, ле́мбик, ма́катер (макате́р).*

Подгруппу лексем, называющих глиняную посуду, составляют 14 единиц: *би́тик (ги́рка, ги́рька, гиры́н, стрыжа́к), гарла́ч, глэчы́к, глэк, канде́йка, кухли́к, ла́тка, ле́мбик, ма́катер (макате́р)*. Рассмотрим некоторые из них.

Диалектная лексема *гарла́ч* ("*Кали ты мне принесеш мой гарлач? Доўга я йшчэ буду ждать*" [5, с. 77]), зафиксированная в "Словаре" П. А. Расторгуева в значении "кувшин", по мнению автора, распространена повсеместно. Данный диалектизм употребляется в основном "в северной части территории по соседству с говорами Смоленщины. Значение "глиняный кувшин" на территории Смоленской и Калужской областей имеют слова *глэк, глады́шка, казы́нчик, лит. кры́нка, ку́хлик, кушы́н, лембик*" [5, с. 77].

На основании семантики слова *гарла́ч*, которая представлена в украинском и белорусском литературных словарях, можно проследить ее мотивацию. Так, по данным белорусского литературного словаря в качестве производящей основы слова *гарла́ч* выступает лексема *горло* в одном из ее значений – "верхняя суженная часть сосуда" [11]. Мотивация значения основана на форме горла и сосуда для жидкости.

В белорусском литературном языке диалектизм *горла́ч* – это "глиняный сосудъ съ продолгатымъ горломъ; молочный кувшинъ. Повень горлачъ молока нацъдзила" [4, ч. 1, с. 119]. Иллюстративный материал словаря свидетельствует о назначении данного предмета домашнего обихода – сосуда для жидкости.

В украинском литературном языке слово *гарлiч* зафиксировано в том же значении с некоторыми специфическими особенностями в семантике: "глек, глiчик, гладущик, (с узким горлом, как у бутылки) бiнька" [6].

Синонимами к лексеме *гарлiч* являются диалектизмы *глiк* и *глiчик* (уменьш. к глiк). Слово *глiчик* встречалось повсеместно на территории Брянской области. Лексема зафиксирована в значении "кувшин" [9, т. 1, с. 288] в украинском литературном словаре, где она является полисемантом. В значении "глиняный графинчик" [1] слово употребляется в белорусском литературном языке.

Другая подгруппа, входящая в состав ЛТГ "Наименования предметов, предназначенных для хранения либо приготовления жидких продуктов", включает в себя диалектизмы, называющие предметы быта, сделанные из дерева (15 лексем): *баклiга, бук, вадiянка, дiжка, жбан, скiлка, кiубел, лубiк, мазиця, палiник, памiйница, прыскрынак, рiжка, скрыня, судник*.

Дерево – один из первых материалов, который человек освоил. Оно просто в обработке, универсально и смотрится красиво, поэтому неудивительно, что первая посуда была изготовлена именно из него. Её назначение самое различное. Ёмкости из дерева изготавливались для различных потребностей. Например, для жидких продуктов предназначались *баклага, вадiянка, дiжка, жбан, пастiвец*. Для хранения различных продуктов и не только предназначались *судник, прыскрынак, кiубел*. Для мытья в бане служили *памiйница* и *рiжка*.

Некоторые из данных диалектных номинаций являются мотивированными: *вадiянка, лубiк* – образованы от имен существительных при помощи различных суффиксов, а наименование *памiйница* является отглагольным образованием. Некоторые номинации данной лексико-тематической группы относятся к непроизводным: *баклiга, жбан* и *рiжка*: *жбан* – "кувшин с крышкой" [5, с. 99]; *баклiга* – "жбан для воды: *Ти у нас в баклiге есть вада ?* [5, с. 52]; *рiжка* (в первом значении) – "банная шайка" [5, с. 234] и др.

В отдельную подгруппу можно отнести восемь лексем, называющих посуду, сделанную из различных материалов: *карiц, кiлюх, кiнайка (штiпка), палiмисак* и др. Из приведенных нами лексем в словаре П. А. Расторгуева только у лексемы *карiц* в словарной статье есть указание на материал, из которого изготовлена данная посуда: "железная кружка, ковш <...>; ковшик для насыпки хлеба <...>; ковш для питья" [5, с. 133]. Слово распространено в тульских, орловских, саратовских, рязанских, новгородских и тамбовских говорах. Кроме того, лексема функционирует в украинском и белорусском языках и является многозначной: в белорусском языке (в первом значении) "корiць – ковш, изъ дерева выдолбленнiй, сь рукояткою. Зачерепни корцомъ воды <...>" [4, ч. 1, с. 246]; в украинском языке (во втором значении) "корiць – желiзний или деревянный ковшъ" [9, т. 2, с. 283].

Диалектизм *палу́мисак* "большая глубокая тарелка: *Давай сюды палу-мисак*" [5, с. 192] является архаизмом. Как отмечает автор словаря, "Слово вышло из употребления; его заменило выражение СУПОВАЯ ЧАША" [5, с. 192].

Описанная выше тематическая группа ("Наименования предметов, предназначенных для хранения либо приготовления жидких продуктов") является одной из наиболее продуктивных.

Также достаточно разнообразно представлена в "Словаре" группа лексем, определенная нами как ЛТГ "Наименования орудий и приспособлений для выполнения определенных действий, связанных с повседневной хозяйственной жизнью людей", которая включает 39 наименований. Среди них: *абцѣнки (абцугі, абцѣньки), видѣлка (видѣлка, видѣлка), даўбня (чаку́ха), капáлка, капáница, капáстка, карóмысел, качáлка (качу́лка), мантáшка, нагáначка, нажэ́нцы (но́жанки, но́жанцы, но́жны), начо́ўки (но́чвы), нэрэ́т, падсі́так, пра́ник, пря́сница, рэ́бель, рэ́звыны, секáч, секэ́ра, ша́рыатка, шатко́вка, юро́к, віла́шник (ві́лки, рага́ч, ухва́т), чапéла (чапéльник).*

Локальные лексические единицы, называющие различные орудия труда, представлены следующими субстантивами: *капáница, капáлка, секáч, секэ́ра, даўбня (чаку́ха), капáстка* и другие. В данном ряду слова *капáница* и *капáлка* мотивированы глаголом *копать*, а *секэ́ра* и *секáч* – глаголом *сечь*. Так, *капáница* – это "мотыга" [5, с. 131]; *секэ́ра* – "... секира, топор. Говору старшего поколения более свойственно *секэ́ра: Бяры ты сякеру, да ёзди ў даліну*" [5, с. 238], *секáч* – это "большой кухонный нож: *Не, нажом тут нічога не зделаеш – вазьми секач*" [5, с. 238]. *Капáлка* – это "вид маленькой лопаты; употреблялась для рытья картофеля: *Давай сюды капалку*" [5, с. 131]. В говорах Западной Брянщины отмечены и единицы, мотивированные глаголами, указывающими на предназначение, основную функцию предмета: *качалка (качу́лка)* – "скалка" [5, с. 135]. Отмечены также диалектные единицы, мотиваторами для которых послужили другие диалектизмы. Так, слово *чапéла* имеет фонетико-словообразовательные варианты *чапéльник* с тождественным значением – "сковородник" [5, с. 283]. В. И. Даль отмечает все единицы как производные от диалектного глагола *ча́пать* – "брать, хватать" [3, т. 4, с. 960].

Самой же крупной группой является ЛТГ "Наименования одежды". Всего нами было выделено 66 единиц. Среди них: *багау́нік, кармази́н, кисе́йна, кита́йка, увивач, матня́, нанкавіна, ну́чки, ліі́тва, падті́рыч, пасті́лка, плехо́тка, пра́стила, руши́к (утира́льник), рэ́днё, спавіва́льник (спаві́вич), азія́т, кажэ́ўх, карсе́т, папу́дила, сві́тка, серя́к, тужу́рка, чак-ме́нь (чукме́нь), ко́хта, адаро́бак, бры́ль, зо́нтик, капéлю́х, маге́рка (ма-де́рка, марэ́лка), намётка, са́ро́ка (шаламо́к), убу́рус, ху́ста, чэ́пик, везэ́ньки (верэ́ньки), за́пан (сло́нька), карата́йка, каўне́р (каўне́рь, шы́варат), анда-*

ра́к, ва́ташник, запáска, каба́т, по́стаўка, сцэ́льница, кашу́ля, чэ́хлик, панёва, сая́н, спадни́ца, адё́жа (адё́жа), во́прэтки, ачку́р, кало́ша, пастання́.

Данная тематическая группа состоит из нескольких подгрупп. Так, нами были отдельно выделена подгруппа, включающая дефиниции, служащие наименованиями верхней одежды: *азия́т, кажух́, карсе́т, пану́дила, свитка́, серя́к, тужу́рка, чакме́нь (чукме́нь), ко́хта.* Так, Литературное слово *армяк* "в старину у крестьян: кафтан из толстого сукна" [11] в брянских говорах обозначено лексемой *чакме́нь*, а литературное слово *бурка* "род плаща или накидки из валяного войлока и козьей шерсти на Кавказе" [12] – лексемой *чукме́нь*. Диалектное на Брянщине слово известно другим литературным славянским языкам: "**чекме́нь** м., род. п. **-еня́** "крестьянский кафтан, казацкий кафтан с талией", донск. (Шолохов), уральск. (Даль), укр. чекми́нь "верхняя одежда мешан", чекман "татарская верхняя одежда", польск. *czekman, czechman* – то же. || Заимств. из тур., тел., чагат., уйг., крым. -тат. "верхнее платье", тат. "суконный кафтан" <...>" [13, т. 4, с. 325-326]. Как видим, на территории Брянской области данный вид одежды был характерен преимущественно для крестьян. На Украине ее носили мешане.

Ко второй подгруппе нами были отнесены лексические единицы, выступающие в качестве наименований как женской, так и мужской одежды: *везе́ньки (верэ́ньки)*: "руковицы: *Во екие привёз ён мне везе́ньки*" [5, с. 62]. Эти наименования представляют собой синонимы, употребляются в форме множественного числа, так как называют парные предметы. Данные номинации являются локальными, они не зафиксированы нами в словарях белорусского и украинского языков.

Третью подгруппу составляют дефиниции, называющие одежду, которую носили только женщины. Из "Словаря" нами выделены номинации, объединённые гиперонимами юбка (*панёва, спадни́ца, запáска*), рубаша (*пóстаўка, сцэ́льница, кашу́ля, чэ́хлик*), платье (*андара́к, ва́ташник,*) и др. Всего 11 лексических единиц.

Рассмотрим номинации, связанные гиперонимом юбка.

Субстантив *спадни́ца* – суффиксальные производные от просторечного слова *испо́дний* – "нижний, находящийся под чем-то другим". Семантика диалектизма структурно мотивирована: *сподни́ца* – "юбка; нижняя юбка (в городах): *Вазьми маю спадницу, толькі не крычы*" [5, с. 248].

На территории Западной Брянщины женщины носили также и другой вид юбки – *панёву*. Слово является историзмом, так как оно "вышло из употребления вместе с исчезновением паневы как вида женской одежды; в 90-х годах их донашивали только старухи" [5, с. 194]. В словаре В. И. Даля отмечены фонетические варианты данной лексемы: *пoня́ва* и *пoнёва* – "местами (кал., орл., смол.) лоскут, не обходит кругом, кроет только зад и бока, а спереди остаётся рубаша" [3, т. 3, с. 479].

Еще одним историзмом, также обозначающего род юбки, является лексема *запáска* "женская одежда, заменяющая юбку: *Идей та мая запас-*

ка?" [5, с. 110]. По мнению автора словаря, слово считается вышедшим из употребления.

В четвертую лексико-тематическую группу нами были включены диалектные слова, служащих названиями женских и мужских головных уборов (ЛТГ "Наименование головных уборов"): *адарббак*, *брыль*, *зонттик*, *капельох*, *магёрка* (*мадёрка*, *маргёлка*), *намётка*, *саро́ка* (*шаламо́к*), *убру́с*, *ху́ста*. Среди данных дефиниций отдельно можно рассмотреть некоторые наименования различных видов женских головных уборов. Так, гипероним платок объединяет следующие синонимические единицы: *намётка*, *саро́ка* (*шаламо́к*), *убру́с*, *ху́ста*. На Брянщине в быту в дореволюционное время был широко распространен такой женский головной убор, как *саро́ка*. Синонимическим вариантом данной лексемы является слово *шалáмок*, служащее диалектным названием домашнего головного убора замужних женщин. Этот диалектизм известен далеко за пределами брянских говоров.

Среди мужских головных уборов были распространены наименования: *капельох* и *магёркас*, непосредственными синонимами данных лексем являлись *мадёрка* и *маргёлка* ("крестьянская войлочная шапка: *Да хто ж тепер носе магерки? Самодельная поярковая шляпа без полей*" [5, с. 55]). По мнению автора словаря, этот головной убор вышел из моды еще в конце 90-х годов XIX в. Из представленного синонимического ряда в украинском литературном языке известна лексема *магёрка*.

В качестве еще одной лексико-тематической группы нами была выделена ЛТГ "Наименования обуви" (17 лексических единиц): *абора*, *абрэзáнцы*, *асмётак* (*ато́пак*), *барэ́тки*, *бахі́лы*, *ва́ленцы* (*ва́люшки*), *забарснi*, *пасталы́*, *пахлапні́*, *чаба́ты* (*чо́баты*), *чарэ́вічки*, *чу́ни* (*шчарбакі́*), *шкарба́н*. В сельской местности в старину на Руси широко были распространены лапти. П. А. Расторгуев фиксирует диалектные наименования литературного слова лапоть. Среди них – *пасталы́*, *асмётак* и *ато́пак*, *пахлапні́*, *чу́ни* (*шчарбакі́*).

На Брянщине для обозначения валенок использовались синонимы *ва́ленцы* (*ва́люшки*): "ва́ленцы (ва́люшки) валенки: *Бачыш, екие ена купила сабе валенцы*" [5, с. 61].

Для наименования тесной обуви, нами зафиксирована лексема "*абицу́гі*: *Куды ены, таки тесныи? Я етых абицугоў насить не буду*. Специфическое наименование имеет и обрешанная обувь. Она могла называться *абрэзáнцы* "отрезанные от сапог головки и употребляемые вместо туфель: *Уступись во в етые абрэзанцы* (Нов. Ропск)" [5, с. 30], а также *бахі́лы* – "калоши (на валенки), сделанные из резины кустарным способом; сапоги с отрезанными голенищами" [5, с. 50].

Таким образом, специфика географического расположения Брянской области, граничащей с Украиной и Республикой Беларусь, определила особенности диалектного состава народного языка. Так, номинации, которые употребляются в трех славянских языках, составляют 30,9% (51 лекси-

ческая единица) от общего числа отобранных нами для анализа диалектизмов; слова, используемые в русском и белорусском языках, – 4,2% (7 единиц), в русском и украинском – 21,2% (35 диалектизмов). Основная масса диалектизмов западной Брянщины – это локальная неповторимая лексика – 43,6% (72 номинативные единицы).

Приведенная статистика позволяет сделать вывод о том, что на диалектные наименования западной территории Брянской области, относящиеся к тематической группе "Предметы быта", огромное влияние оказала лексика, характерная для украинского литературного языка. В связи с этим в пределах данной тематической группы нами зафиксировано преобладание слов украинского происхождения над белорусскими лексическими единицами.

Список использованных источников

1. Беларуская-расейскі слоўнік. – Режим доступа: свободный. – URL: <https://belaruska-rasejski-sloynik.slovaronline.com>. – Текст: электронный.

2. Григорьева, Р. А. Лингвистическая ситуация / Р. А. Григорьева // Этнокультурный ландшафт белорусско-российского пограничья в начале XXI в. (по материалам полевых исследований в сельской местности): монография / Р. А. Григорьева, И. В. Романенко, С. С. Крюкова и др. ; под редакцией ведущего научного сотрудника Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН Р. А. Григорьевой; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Центр белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. – Москва: ИЭА РАН, 2018. – 371 с. – ISBN 978-5-4211-0224-3. – Текст: непосредственный.

3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль – М. : "Терра" – "TERRA", 1995. – Т. 1: А – З. – 699 с., Т. 2: И – О. – 779 с., Т. 3: П. – 555 с., Т. 4: Р – Я. – 683 с. (ТСД). – Текст: непосредственный.

4. Носович, И. И. Словарь белорусского наречия: в 2 ч. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии, 1870. – Ч. 1. – Текст: непосредственный.

5. Расторгуев, П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Расторгуев. / Авт. вступ. статьи Н. Д. Расторгуева и Е. М. Романович. АН БССР. Ин-т языкознания им. Якуба Коласа. – Минск: Наука и техника, 1973. – 295 с. – Текст: непосредственный.

6. Російсько-українські словники / Підготували: Н. Марченко, В. Куйбайчук, А. Рисін, О. Телемко, О. Оксимова. – Київ: "К. І. С. " – Режим доступа: свободный. – URL: <http://r2u.org.ua>. – Текст: электронный.

7. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 "Рус. яз. и лит." В 3 ч. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / Н. М. Шанский, В. В. Иванов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 192 с. – Текст: непосредственный.

8. Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. – 4-е изд., стер. / Л. А. Новиков, Л. Г. Зубкова, В. В. Иванов и др.; Под общ. ред. Л. А. Новикова. – Санкт-Петербург: Изд-во "Лань", 2003. – 864 с. – Текст: непосредственный.

9. Словарь української мови / Упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко : в 4-х т. – К.: Вид-во Академії наук Української РСР, 1958. – Т. 2– Текст: непосредственный.

10. Стародубец, С. Н. Специфика определения статуса устной разновидности национального языка юго-западных районов Брянской области / С. Н. Стародубец // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24-26 мая 2018 г.) / Под редакцией С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Брянск: ООО "Аверс", 2018. – 658 с. – ISBN 978-5-9734-0296-9. – Текст: непосредственный.

11. Толковый словарь Ожегова. – Режим доступа: свободный. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6388>. – Текст: электронный

12. Толковый словарь Ушакова. – Режим доступа: свободный. – URL: <https://ushakovdictionary.ru>. – Текст: электронный.

13. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер / перевод с немецкого и дополн. чл. -корр. АН СССР О. Н. Трубачёва; под ред. и с предисловием проф. Б. А. Ларина. – Изд. 2-ое, стереотип. – В 4-х т. – Москва: Прогресс, 1986. – Т. I–IV. (Фасмер) – Текст: непосредственный.

Бойкова Светлана Николаевна, Сяо Юйси

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

Республика Беларусь

e-mail: lukjanchiksn@mail.ru, yuxi. xiao@yandex.ru

УДК 811. 161. 1'27'42:811. 581'27'42:641. 87

КОНЦЕПТ "ЧАЙ" В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье на основе данных толковых словарей и сборников пословиц и поговорок определяются основные значения концепта "чай" в русском и китайском языках. Отмечается символичность иероглифа, обозначающего чай, описываются особенности русской и китайской чайных традиций. Делается вывод, что концепт "чай" как в русской, так и в китайской культурах формирует специфическое лингвокультурное пространство.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, чайная традиция, иероглиф, концептосфера, ценность.

В настоящее время одним из приоритетных направлений лингвистических исследований остаётся изучение взаимосвязи языка и культуры, что составляет основу лингвокультурологической проблематики. По справедливому замечанию В. В. Воробьева, "исследования проблемы "язык и культура", с одной стороны, имеют давнюю традицию, обусловленную изначально известным интересом языкознания к их взаимодействию и взаимосвязям, а с другой, несмотря на наличие целого ряда работ общего и частного характера, продолжают оставаться недостаточно разработанными" [4, с. 3]. Таким образом, одной из доминантных тем лингвистических исследований становится описание фрагментов языковой картины мира, в которой сосредотачивается информация лингвокультурологического характера, определенным образом структурированная в языке.

Слова, называющие напитки, будучи широко распространенными в той или иной лингвокультуре, безусловно, являются единицами, в которых диалектически связаны собственно языковое и внеязыковое, культурное, содержание. Исследования в области взаимоотношений между человеком и окружающим его миром в последнее время стали приоритетными в изучении межкультурной коммуникации. Одной из главных задач становится понимание самобытности национальной культуры, её общности с мировой культурой. В современной лингвистике уже сложилась традиция в изучении концептов в языках, имеющих различную структуру. Обобщение точек зрения на концепт и его определения в лингвистике позволяет прийти к следующему заключению: концепт – это единица коллективного сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой [1, с. 5-6]. Мы также согласны с мнением И. Б. Русаковой, которая определяет концепт как "ре-

зультат индивидуального познания, а индивидуальное требует комплексных средств для своего выражения; концепт не имеет жесткой структуры, он объёмен, а поэтому целиком его выразить невозможно" [6].

На сегодняшний день предметом исследований русских и китайских лингвистов стала национально-культурная специфика языковых картин мира и национальных концептосфер, полное описание которых невозможно без обращения к содержанию концепта "*чай*", который характеризуется высокой культурной маркированностью и информативностью как в русской, так и в китайской лингвокультурах. Относясь к категории предметных концептов, "*чай*" может считаться явлением собирательного характера, аккумулируя знания из различных предметных и научных областей и репрезентируя таким образом значительный и яркий фрагмент национальной культуры. Исследования лингвистической репрезентации культуры питания позволяет выявить базовые стереотипы нации, связанные с ценностями в сенсорно-материальной области вкуса, ритуального употребления напитков и др.

Китай является родиной чая и центром наследования и распространения мировой чайной культуры. Можно сказать, что Китай дал миру название 'чай', знания о чае, технологию выращивания и обработки чая, чайные традиции. Чай и чайная культура всего мира прямо или косвенно связаны с китайским чаем. За тысячи лет Китай не только накопил множество знаний о выращивании и производстве чая, но также создал богатую и глубокую духовную культуру чая. Чайная культура Китая обширна и глубока, имеет долгую историю. На протяжении тысячелетий дух чая пронизывал китайское общество и оставил глубокий след в китайской поэзии, живописи, каллиграфии, религии и многих других областях. Содержание китайской чайной культуры в основном является воплощением чая в китайской духовной культуре. По сравнению с "чайными обычаями" и "чайной церемонией", сфера "чайной культуры" намного глубже и шире. Стихи и песни о чае стали появляться постепенно с появлением образованных людей, пьющих чай. Чай стал отделяться от рациона как общая форма, с определенной культурной коннотацией, и играл определенную духовную роль в обществе.

В древности в китайском языке лексема *чай* имела много графических изображений, но в результате эволюции за понятием 'чай' как напиток закрепился иероглиф 茶 'chá'. В китайской культуре особое значение отводится цифровой символике, так как, по мнению китайцев, именно числа способны отражать действительность. В иероглифе 茶 'chá' народ Китая видит символ долголетия, что объясняется количеством черт в данном идеографическом знаке.

Иероглиф 茶 'chá' состоит из трех ключей. В верхней части иероглифа располагается ключ ++ "трава", который состоит из трех черт. В центре

находится ключ 人 "человек", состоящий из двух черт, а внизу – ключ 木 "дерево", содержащий в себе четыре черты. Сумма всех черт равна девяти. Цифра 9 в китайской нумерологии является числом императора и символом вечности. Не зря у китайцев есть поговорка: 茶寿老人 "Чай продлевает жизнь пожилых людей".

Китайский народ связывает иероглиф 茶 'chá' с естественным образом жизни. К слову, "естественность" является ключевым понятием китайской культуры и философии. Ключи иероглифа 茶: трава, человек и дерево – символизируют "человека среди трав и деревьев", то есть среди дикой, нетронутой природы. Другими словами, иероглиф 茶 'chá' олицетворяет единство человека и природы. Ежедневно, вкушая аромат чая, люди обретают равновесие, счастье и начинают ценить жизнь.

В современном китайском языке лексема 茶 'chá' является многозначной: 1) культивируемое вечнозеленое растение, на высушенных и особо обработанных листьях которого настаивается горячий ароматный напиток 茶树; 2) высушенные и обработанные листья такого растения 茶叶; 3) некоторые пищевые продукты, полученные путем выпаривания или измельчения; 4) названия некоторых напитков; 5) в прошлом, местоимение для помолвки и приданого; 6) фамилия; 7) цвет [3].

В современном русском языке лексема чай представлена в следующих значениях: 1) культивируемое вечнозеленое растение, на высушенных и особо обработанных листьях которого горячий ароматный настаивается напиток. *Плантации чая.* 2) высушенные и обработанные листья такого растения. *Зелёный чай. Грузинский чай. Заварить чай.* 3) напиток, настоянный на таких листьях. *Пить чай. Крепкий чай. стакан чаю. Пригласить на чашку чая (в гости). Липовый чай (настой на сушеной малине).* 4) то же, что чаепитие. *Вечерний чай. За чаем. Позвать к чаю. На чай (давать, брать) – деньги за мелкие услуги (напр. официанту)* [5, с. 761].

Следует отметить, что и в "Русско-китайском и китайско-русском словаре" лексема чай также представлена в четырех значениях: "растение" (茶树), "высушенные листья этого растения" (茶叶), "напиток" (茶水), "чаепитие" (喝茶) [2, с. 465].

Подобное представление содержания лексемы чай, вербализирующей одноименный концепт, позволяет говорить о том, что в содержании концепта "чай" присутствуют четыре устойчивых понятийных компонента, которые могут быть вербализаторами "микрконцептов", составляющих концепт "чай": растение, листья растения, напиток и его употребление. Расширение значений дает использование лексемы чай в устойчивых крылатых выражениях.

В русских и китайских идиомах, разговорных выражениях, пословицах и поговорках также можно увидеть некоторые национальные особенности чайной культуры и концепта "чай". Сравнивая их, можно увидеть

некоторые сходства и различия в чайной культуре русского и китайского этносов. Жители Китая и России очень любят чаепитие. Китай – родина чая, и китайцы имеют давнюю историю чаепития. Еще более 2000 лет назад жители Поднебесной начали выращивать чай, заваривать и пить чай, и всегда считали чай одним из предметов первой необходимости.

В "Словаре пословиц и поговорок китайского языка" [7] представлены изречения, относящиеся к разным сферам жизнедеятельности человека:

– выращивание чая: *七掏金, 八掏银, 十月掏掏平平心* (Собранный в июле чай – золото (самый лучший), в августе – серебро, в октябре – хороший чай), *茶季施化肥, 冬季培生* (Удобряйте чайный куст во время роста, а зимой добавляйте глины);

– чаепитие, его традиция: *无茶不成仪* (пог.) (Без чая нет церемонии); *头茶香, 二茶苦, 三茶可口不可摘* (В первый раз налитый чай даёт прекрасный аромат, во второй раз налитый чай горек на вкус, в третий раз налитый чай вкусен и неповторим), *主人要敬客人四碗茶, 四季平安* (пог.) Хозяин должен предложить гостю 4 чашки чая как символ благополучия в четырёх сезонах года;

– использование чая в медицине: *药为各病之药, 茶为万药之药* (Лекарство лечит от определенной болезни, чай – это лекарство от 10 тысяч болезней), *儿童一杯茶, 可防龋齿病* (Чай помогает предупреждению кариеса у детей).

Для русских, судя по пословицам и поговоркам, является важным:

– проводить время за чаем: *Мы за чаем не скучаем – по семь чашек выпиваем!* (пог.) о людях, любящих пить чай и празднично проводить время [8, с. 603], *Баловаться чайком* (пог.) экспрессивный синоним выражения "пить чай". Также имеет значение "пить чай, когда предоставится возможность" [8, с. 603], *Чай пить – не дрова рубить* (пог.) обычно говорится в ответ на приглашение выпить чаю [8, с. 603];

– гостеприимство: *Приходите к чаю – пирогами угощаю* (пог.). Приглашение в гости [8, с. 604], *Чайку покушать да органчика послушать* (милости просим) [8, с. 606];

– чайная традиция, этикет: *Чай не водка – много не выпьешь* (пог.). В шуточной форме означает: "Чаепитие пора заканчивать" [8, с. 606]; *Чай несу – не подумайте, что выгоняю* (пог.) говорит хозяйка при подаче чая гостям, когда просит не соблюдать этикетный принцип: "Конец чаепития – конец визита" [8, с. 606];

– благотворное влияние чая на организм: *Выпей чайку – забудешь тоску* (пог.) о благоприятном влиянии чая на организм человека [8, с. 603], *Чай не пил – какая сила? Чай попил – совсем ослаб!* (пог.) так в шутку говорят о человеке, который чувствует себя очень расслабленным после чаепития [8, с. 603].

Приведенные примеры демонстрируют разницу в использовании чая у русских и китайцев. Можно предположить, что это связано с разницей в чайной культуре китайской и русской этнических групп. Хотя ханцы любят пить чай, но основная цель чаепития – утолить жажду, позаботиться о здоровье, развлечься беседой с друзьями или родственниками. Чаепитие у россиян тоже имеет вышеуказанные цели, но в основном оно используется как добавка к еде. Это еще раз свидетельствует о том, что национальные условия неотделимы от языка и культуры.

С расширением экономических и культурных обменов между Китаем и зарубежными странами чай и чайная культура распространились по странам всего мира, и чайная культура стала глобальной культурой, а производство и развитие российской чайной культуры уже является её частью.

В Китае люди потребляют чай в качестве напитка, но при этом соблюдается традиционное китайское конфуцианство, буддизм, даосизм и другие традиционные культуры в чайной культуре. Внедряя и впитывая китайскую чайную культуру, Россия также включила в чайную культуру свою собственную культуру, добавила в ритуал чаепития свои собственные обычаи, обогатив тем самым содержание чайной культуры.

Таким образом, концепт "*чай*" как в русской, так и китайской культурах формирует специфическое лингвокультурное пространство.

Исследование лексических репрезентантов концепта "*чай*" позволяет говорить, что в чайной культуре России и Китая можно выделить три основных уровня: выращивание чая, обработка чайного листа, ритуал чаепития.

Проанализировав лексическое воплощение концепта "*чай*" в русском языке, мы выделили следующие аспекты его содержания: исторический, бытовой, эстетический; в китайской языковой картине мира выделяются следующие содержательные аспекты: исторический, бытовой, эстетический, ритуальный, медицинский, производственный.

Список использованных источников

1. Ангелова, М. М. "Концепт" в современной лингвокультурологии / М. М. Ангелова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов. – Выпуск 3. – М., 2004. – С. 3-10. – ISBN 5-7042-1210-7 – Текст : непосредственный.

2. Баранова, З. И. Русско-китайский словарь / З. И. Баранова, А. В. Котов. – М. : Русский язык, 1990. – 556 с. – ISBN 5-200-00657-0 – Текст : непосредственный.

3. Большой словарь китайского языка. – Большой русско-китайский словарь : [сайт]. – URL: [https:// bkrs. info/](https://bkrs.info/) (дата обращения: 23.12.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

4. Воробьёв, В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьёв. – М. : Изд-во РУДН, 2008. – 336 с. – ISBN 978-5-209-02717-1. – Текст : непосредственный.

5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл. -корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с. – Текст : непосредственный

6. Русакова, И. Б. Концепты "счастье" – "несчастье" в лингвокультурном содержании русских пословиц : дисс. ... канд. филол. наук / Ирина Борисовна Русакова ; Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина. – М., 2013. – 189 с. – Текст : непосредственный.

7. Словарь пословиц и поговорок китайского языка : [сайт]. – URL: <http://www.tnct.cn/chahua/chashi/201102/66.html> (дата обращения: 10.01.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

8. Соколова, М. И. Народная мудрость. Пословицы и поговорки. / М. И. Соколова. – Новосибирск : Офсет, 2009. – 622 с. – ISBN 978-5-85957-066-9. – Текст : непосредственный.

Бунос Анастасия Владимировна

Белорусский государственный университет
пищевых и химических технологий, Республика Беларусь
e-mail: anastasia.bunos@gmail.com

УДК 81*272:316. 3:811. 161. 3

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУСА

Данная статья рассматривает основные социолингвистические характеристики современного белорусского населения, анализирует факторы, влияющие на языковую ситуацию в стране. На основании сравнительного анализа данных переписи населения 2009 и 2019 года установлена зависимость использования белорусского языка от места проживания и величины населённого пункта. Рассматриваются данные по выбору абитуриентами языка для обязательной сдачи в централизованном тестировании на протяжении последнего десятилетия. Выявлена тенденция снижения популярности белорусского языка среди молодёжи.

Ключевые слова: социолингвистические особенности, официальный билингвизм, языковая ситуация, положение белорусского языка в современном обществе, межъязыковая интерференция.

В разных государствах вопросы национального языка решаются в зависимости от лингвистической ситуации, характерной для той или иной страны. Исходя из содержания и целей политики национальных языков, каждое государство вырабатывает свою модель дальнейшего языкового развития. Лингвистическая ситуация современной Беларуси имеет свои уникальные черты: полиэтничный состав населения (на территории страны проживают представители 146 наций и народностей); официальный билингвизм с мощным доминированием русского языка как основного действующего инструментария; символическая функция родного языка в сфере культуры и искусства и др. Можно по-разному относиться к вопросам использования национального языка: с точки зрения сохранения исторического наследия или с позиций глобализации современного общества. Реалии Беларуси сегодня требуют языковой политики, отвечающей потребностям многонационального населения страны, учитывающей особенности языковой, демографической и политической ситуации и являющейся фактором стабилизации белорусского общества. Наполнение информационного пространства реальным двуязычием позволит белорусам освоить национальный язык и не потерять навыки русского языка. Построение языковой политики должно основываться на представлении о специфических чертах и деталях, характеризующих представителей белорусского общества с точки зрения геолингвистических и социокультурных аспектов использования языка.

Население Республики Беларусь по характеру языкового поведения отличается от других стран двуязычием особого типа с сильным преобладанием русского языка, не являющегося родным для большинства коренных жителей. Помимо существования двуязычия, при описании языковой ситуации Беларуси необходимо учитывать влияние двух основных диалектов: северо-восточного (Витебская область, большая часть Могилевской области, север Минской области) и юго-западного (Брестская область, Гомельская, юг Минской области, большая часть Гродненской области). Эти диалекты разделены полосой переходных, или среднебелорусских, говоров по условной линии Ошмяны – Минск – Бобруйск – Гомель. Кроме того, белорусский диалектный язык включает в себя отдельную группу западно-полесских, или брестско-пинских, говоров. Они существенно отличаются от всех остальных наречий основного белорусского диалектного массива.

Наличие диалектов не нарушает единства белорусского национального языка. В настоящее время новые диалекты не только не образуются, но и постепенно стираются различия между существующими, разрушаются диалектные границы. Тем не менее, и в настоящее время в речи жителя белорусского Полесья и уроженца Витебщины, жителя столицы и представителя западнобелорусского села имеются существенные различия. Поэтому основным компонентом описания и изучения языковой ситуации в Беларуси можно считать территориальный подход.

Всеобщая перепись населения является не только основным источником социологических данных о численности и структуре населения, но и позволяет выяснить современное языковое положение конкретного государства. Это особенно важно для многонациональных стран, поскольку на основе данных переписи населения разрабатывается информационная и образовательная политика, а также принимаются меры по поддержке отдельных языков, если это необходимо. В перепись населения 2009 года были включены следующие вопросы о языке: "Ваш родной язык", "На каком языке вы обычно говорите дома?", "Другие языки, которыми вы владеете". В похожей формулировке эти вопросы присутствовали и в переписных листах 2019 года.

Национальный состав населения имеет большое значение для определения родного языка современного белоруса. В 2009 году на вопрос "К какой национальности вы относитесь?" (по самоопределению и желанию респондента) было получено большое количество ответов, с помощью которых установлено, что в стране проживает 146 этносов. Характеристика населения Республики Беларусь по национальному признаку следующая: белорусы - 83,7%, русские - 8,3%, поляки - 3,1%, украинцы - 1,7%, и другие [2]. По итогам переписи населения 2019 выяснилось, что в нашей стране проживает 7990719 белорусов. Это 84,9% от всей численности граждан. Таким образом, подавляющее большинство населения присоединяется к коренной титульной нации. [2]

В определении родного языка белорусским народом данные переписи населения 2009 и 2019 года отличаются несущественно. Если в 2009 году 60,8% белорусов называли белорусский язык своим родным, то в 2019-м это сделали уже 61,2%. Разница небольшая, но стоит отметить тот факт, что для большинства белорусов вопрос языка по-прежнему является важным элементом национального самосознания, даже если в повседневном общении белорусский язык не используется. Не вызывает удивления и то обстоятельство, что больше всего такая тенденция прослеживается среди белорусов Брестской области (77%), меньше всего – Могилевской (46%), что объясняется близостью российской границы [2]. Процент тех, кто использует белорусский язык при общении дома, еще меньше. Согласно данным переписи 2019 только 28,5% белорусов используют родной язык в качестве средства общения. Для языка титульной нации это катастрофически мало, однако по сравнению с данными переписи 2009 года есть небольшой прогресс: доля белорусов, использующих в повседневном общении национальный язык, выросла на 2,4%. [2]

Выбор языка для повседневного использования у современных белорусов во многом зависит не только от места проживания, но и от принадлежности населенного пункта к городу или деревне. Исторически сложилось так, что большая часть коренного населения проживала в сельской местности. Крупные города были многонациональными, являлись центрами торговли и ремесел, а потому населялись не только белорусами, но и представителями других национальностей: русскими, евреями, поляками, украинцами, литовцами и другими. Городское население в большей степени зависело от политических обстоятельств: на него существенное влияние оказала сначала полонизация, а затем и русификация. На выбор языка повлияли органы власти, административные подразделения, учебные заведения, а позже и средства массовой информации. Сельское население до советского периода было малообразованным, передававшим из поколения в поколение черты устного наречия, являющегося основой современного белорусского языка. Возможно, поэтому и на сегодняшний день между городской и сельской местностью существует значительная разница в принятии белорусского языка в качестве родного, что выражается в его повседневном использовании.

Данные переписи населения 2009 года подтверждают тот факт, что сельские жители используют белорусский язык значительно чаще, чем городские. Почти 80% сельчан нашей страны считают белорусский своим родным языком, большинство (58,7%) говорят на нём ежедневно. Соответственно только 44,1% горожан признают язык титульной нации своим родным, и всего 11,3% используют его в повседневной жизни. [2] Но перепись населения 2019 выявила парадоксальный факт: из 2447 тыс. белорусов, которые используют белорусский язык при общении, 1557 тыс., или 63% – жители городов. Разница за 10 лет огромна: 44,1% горожан в 2009 году и

63% в 2019 году [2]. Безусловно, белорусский язык все больше проникает в города, особенно эта тенденция заметна в столице республики. Причины данного явления ещё предстоит изучить.

Оценка языковой ситуации в Беларуси проблематична и по той причине, что перепись не учитывает такой факт, как существование межъязыковой интерференции. Близость двух языков, подобие лексических, фонетических систем, грамматического строя, совместное изучение в учреждениях образования близкородственных языков способствуют проникновению лингвистических элементов из одного языка в другой, что приводит к использованию так называемой "трасянки". "Трасянка" – речь на основе лексики русского языка с наложением белорусской грамматики и фонетики. Насколько велико число жителей Беларуси, назвавших свою "трасянку" белорусским языком и указавших этот факт в переписи населения – это большой вопрос.

Взаимодействие различных этносов в стране способствовало формированию поликультурной и полиязыковой среды и, как следствие, формированию билингвальной личности. Большинство населения без особого труда понимает оба языка, выделяет необходимую информацию на слух и при чтении текстов. Однако, будучи пассивными носителями белорусского языка, многие затрудняются активно им пользоваться, поэтому "трасянка" широко распространена по всей Республике Беларусь.

Возраст белорусского населения является фактором, который может напрямую влиять на выбор языка. Существуют тенденции к сокращению использования белорусского языка или даже к полному отказу от него в молодежной возрастной группе.

Косвенными индикаторами отношения молодежи к использованию национального языка на практике является статистика участников централизованного тестирования. Так как в стране два официальных государственных языка, то каждый абитуриент имеет право выбрать, какой из языков он желает сдавать. В последние годы наметилась печальная тенденция: количество абитуриентов, выбравших для тестирования предмет "Белорусский язык", сокращается, а количество участников, зарегистрировавшихся на "Русский язык", соответственно растет. Если в 2011 году белорусский язык сдавали 53167 человек (более 35%), а в 2012 г. – 45199 человек (около 33%), то в последние годы число желающих проверить свои знания по белорусскому языку существенно уменьшилось. Неумолимая статистика такова: в 2019 году сдавать родной язык решили только 22000 абитуриентов (25, 9%), в 2020 – 18600 абитуриентов (26,1%), в 2021 – 17900 абитуриентов (26%). Несмотря на богатые политическими потрясениями годы, процент желающих существенно не изменился [3].

Причины невысокой популярности белорусского языка среди молодежи следует искать в том, что знание родного языка не является острой необходимостью в стране с официальным двуязычием. Владение националь-

ным языком на высоком уровне никак не повлияет на будущее юношей и девушек: не поможет получить высшее образование, не расширит выбор престижной и высокооплачиваемой работы (как, например, владение иностранным языком), не поспособствует устройству личной жизни. Понимание того, что можно быть белорусом, не используя родной язык, полностью соответствует языковой реальности в стране, и это осознание широко распространено среди молодежи.

Пресловутая белорусская толерантность может привести и уже приводит к снижению интереса, даже безразличию к языковым вопросам. В настоящее время понимание белорусского самосознания по лингвистическому признаку не является доминирующим в восприятии белорусов. Однако у этого явления есть и обратная сторона. В условиях длительного проживания на одной территории представителей разных национальностей, сосуществования нескольких языковых систем происходит взаимодействие и взаимопроникновение их культур, что способствует формированию общих ценностей, влияет на языковое осознание, а также приводит к добрососедским отношениям, межнациональному согласию в стране и идентификации населения как части единого целого – народа Республики Беларусь.

Список использованных источников

- 1. Мечковская, Н. Б.** Языки и культура Беларуси: Очерки. / Н. Б. Мечковская. – Минск: "Право и экономика", 2008. – 347 с.
- 2.** Перепись населения 2019 года. Итоговые данные переписи населения Республики Беларусь. Национальный состав населения, гражданство. Распределение населения по родному языку и языку, на котором разговаривают дома. [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Режим доступа: https://census.belstat.gov.by/saiku/?guest=true&lang=ru&default_view_state=edit#query/open//public/F503N_ru.saiku – Дата доступа: 20. 04. 2022
- 3.** ЦТ 2021 – статистика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kudapostupat.by/article/item/id/2240> – Дата доступа: 20. 04. 2022
- 4. Чернявская, Ю. В.** Белорусы из "тутэйшых" - в нацию / Ю. Чернявская. – Минск: ФУАинформ, 2010. – 512 с.

УДК 811. 161. 1'42'371:398. 92:392. 42

О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ КОМПОНЕНТОВ УСТОЙЧИВОГО СЛОВЕСНОГО КОМПЛЕКСА ХОЛИТЬ И ЛЕЛЕЯТЬ

В статье рассматриваются особенности функционирования устойчивого словесного комплекса холить и лелеять (на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка). Предполагается, что функционирование данной фразеологической единицы связано с особенностями семантики её ключевых компонентов, обладающих в современном русском языке затемнённой внутренней формой.

Ключевые слова: фразеологизм, сочетаемость, лексема, этимология, семантика, внутренняя форма.

Любое наименование в языке является результатом опыта, поскольку ему предшествует познавательная деятельность человека. Результаты этой познавательной деятельности, экстралингвистические мотивы переосмысления наиболее наглядно представлены в образной составляющей фразеологических единиц. В ряде случаев функционирование фразеологизма обусловлено особенностями семантики и внутренней формы его ключевых компонентов.

Объектом рассмотрения в данной статье являются устойчивый словесный комплекс *холить и лелеять*, который употребляется в значении 'заботливо ухаживать, нежить', 'ухаживать за кем-нибудь, заботиться о ком-нибудь'. Оба компонента являются переходными глаголами эмоционального отношения и управляют беспредложной формой существительного в винительном падеже, называющего объект данного отношения. Глаголы *холить* и *лелеять* также являются компонентами одного синонимического ряда: *лелеять, холить, покоить, ухаживать, обихаживать, ласкать, радовать, растить, тешить, взрачивать, веселить, голубить, вынашивать, нежить, услаждать, баловать, спаивать, исполнять все прихоти, носить на руках, ни в чем не отказывать*. [6]. О близости семантики рассматриваемых глаголов также свидетельствуют данные толковых словарей.

Глагол *холить* отражает значения, связанные с выражением положительного эмоционального отношения: 'ухаживать за кем-, чем-либо, держать в чистоте, тепле и т. п., лелеять' (*холить лошадь, холить кожу*) [4, с. 752]. Процесс, обозначенный глаголом *лелеять*, так же связывается

прежде всего с уходом за кем-, чем-либо, бережным и заботливым отношением к кому-, чему-либо. ‘нежить, заботливо ухаживать за кем-чем-нибудь’ (*лелеять ребёнка*); сравн. *музыка лелеет слух*, а также переносное значение. ‘горячо желать чего-либо, вынашивать мечту о чём-либо’ (*лелеять мечту, лелеять надежду*) [4, с. 275]. При этом сочетаемость глагола *лелеять* с абстрактными существительными достаточно широка: *лелеять мысль, лелеять обиду, лелеять в душе надежду, лелеять воспоминания, лелеять планы мести* [1]. Когда говорят о чём-то, что *лелеет* какие-либо человеческие ощущения или чувства, то имеют в виду, что это доставляет удовольствие, услаждает: *Звуки вальса лелеяли слух. Лелеял кожу лёгкий ветерок. Лелеять* какие-либо чувства или мысли означает, что человек хранит их в душе, постоянно мысленно обращается к ним: *лелеять воспоминания юности*.

Таким образом, семантика глаголов *холить* и *лелеять* связана прежде всего с выражением положительного эмоционального отношения или состояния. При этом следует отметить, что указанное эмоциональное отношение/состояние выражается во вполне конкретных действиях, поскольку забота предполагает не только стремление, готовность, но и собственно деятельность, направленную на оказание помощи, услуги, создание благоприятных условий для объекта заботы. Представления о конкретных действиях как проявлении положительного эмоционального отношения лежат в основе внутренней формы рассматриваемых глаголов.

Внутренняя форма глагола *холить* отражает представления о конкретном действии, связанном с наведением порядка. По мнению этимологов, данный глагол восходит к праславянскому **xoliti*, который, в свою очередь, является продолжением продолжением и. -е. **ksol-* от корня **ks-* ‘скрести’, сравн. др.-инд. *ksāláyati* ‘мыть, чистить’, лит. *skaláuti* ‘мыть, полоскать’ [12, вып. 8, с. 61].

К данному этимологическому гнезду восходят также русск. диал. *хóлень* ‘маменькин сыночек’, *хóля* ‘забота, уход’, укр. *холі́ти* ‘чистить’, *пахóлок* ‘подросток’, чешск. *pachole* ср. р. ‘мальчик’, *pacholek* ‘слуга’, а также удвоенное *chláchol* ‘лесть’, *chlácholit* ‘успокаивать, льстить, лелеять’ [11].

Связь значений ‘убирать, чистить’ и ‘заботиться’ отражается в семантической структуре ряда диалектных соответствий, сравн. : *холить* кого, что, твер. ‘убирать, вообще держать в чистоте, опрятности’ и ‘ходить, ухаживать за чем, нежить, баловать уходом’; *холить лошадей* ‘держат их сытно, опрятно, в тепле, с подстилкой и прочее, любя их’; *холить деток* ‘то же’ и ‘баловать’; *холить цветы* ‘поливать и удобрять почву, обирать нечистоту либо насекомых’. Значение ‘убирать, чистить’ закономерно связано с семой ‘чесать’, сравн. значение паремий: *Едет холя, привезёт гребень, Приехала холя, привезла гребень. Не гребень холит (чешет) а время*. [2]. По-видимому, элементарные представления о заботе ассоциативно свя-

заны с исходным значением физического действия, направленного на поддержание чистоты, наведение порядка.

В этимологии глагола *лелеать* также отражаются представления об элементарных действиях, направленных на создание благоприятных условий для объекта заботливого отношения. Праславянский глагол **lelējati* (варианты **lelēti*, **lel'ati*) имеет многочисленные соответствия в славянских языках, сравн.: болг. *лелея* 'качать, волновать'; 'нежно, заботливо охранять'; 'таить в душе'; 'нежно гладить, ласкать', болг. диал. *лелеем* 'слегка покачивать', макед. *лелее (се)* 'качать(ся), колыхать(ся)', сербохорв. *lelijati*, *lelejami* 'колыхаться, качаться, волноваться', ст.-чеш. *leleti* 'двигать волнообразно', ст.-польск., *lelejać (się)* 'качать(ся), шатать(ся), колыхать(ся)', польск. диал. *lelac śa* 'опахивать (кругом) сохой', словин. *lelac sq* 'увиваться, ухаживать (за кем-либо)' [12, вып. 14, с. 100-102], др.-русск. *лелѣяти* 'качать', 'хвалить', 'носить, качая', 'пестовать, заботливо, с любовью воспитывать' [9, с. 16-17], укр. *леліти* 'блестеть, сверкать', 'тихо протекать, струиться', *ляліяти* 'лелеать, ласкать, пестить' [7, с. 354], бел. диал. *лелець*, *лялець* 'переливаться, сверкать, блестеть', 'отражать, блестеть (о водной поверхности)', 'качаться, колыхаться (про хлеба, траву)' [8, с. 715], *лелець* 'блестеть, переливаться' [10, с. 20].

По мнению этимологов, первонач. **lelējati* – это слово детского языка, звукоподражание на основе редупликации **le-lē*.; "укачивающее" звуко-сочетания. Данный глагол является родственным лит. *leliuoti*, *leliuoju* 'качать, колыхать, укачивать, убаюкивать ребёнка', лтш. *leluoti*, *leluoju* 'укачивать ребенка, убаюкивать', *lėlāyati* 'качается, дрожит' и 'ласкает, лелеет', *lālati* 'играет', а также др.-инд. *lē-lāyati*, *lēlāyati*, *lēlāyati* 'качает(ся), дрожит', *lālati* 'играет', *lālāyati* 'ласкает, лелеет' [12, вып. 14, с. 100-102]. По-видимому, исходная семантика рассматриваемой лексемы связана с обозначением конкретного физического действия, которое в общем виде может быть сформулировано как 'укачивать ребенка под пение'.

К этому же этимологическому гнезду восходят следующие отглагольные образования: сербохорв. диал. *lèlēja* 'переносная заплечная люлька для младенца', 'колыбель, качели', болг. диал. *лелѣйка*, *лелалка* 'люлька', в.-луж. *lelo* 'трус', польск. диал. *lele* 'неженка, слабый, изнеженный человек' [12, вып. 14, с. 100-102], русск. диал. *леля*, *леляк* 'река', *леля* 'лентяй, бездельник' [5, с. 346].

Диалектные соответствия глагола *лелеать* выражают различные значения, большинство из которых объединены общей семьей колебательного движения, сравн.: брян., ворон., олон. 'волноваться, плескаться, вздыматься волнами, блестеть, переливаться (о воде)' (*Не лелей, вода, около города!*); ряз. 'широко разливаться, затопляя большое пространство (о воде)' (*Бывало, на колокольню залезем – кругом вода лелеет.*); смол. 'качать, колыхать на волнах' (*Ох ты, сине море, Ты лелей моих детей!*); 'колыхаться' (*Лелеет маливан човен на море*); орл. 'укачивать ребенка, нося его на ру-

ках' (*А я уж его лелеяла, лелеяла, а он все орет, прямо нет спасу*) [5, с. 346].

На основе прямого значения 'качать, колыхать' диалектные соответствия развивают вторичные значения: курск. *лелеять* 'манить, дразнить' (*Вода лелеет, да в рот не лезет*); ряз. 'блуждать, скитаться где попало' (*Ну, к кому лелеешь, прилелеешь. Так-то шатается, ходит, где день, где ночь*); новг. 'любить друг друга' (*Живут молодые и лелеют*); твер. 'экономить, беречь, копить' (*Для детей лелеет копейку*) [5, с. 346]. Сходные закономерности отражает семантика возвратного глагола *лелеяться*, сравн. значения: курск. 'плескаться, волноваться (о воде)'; 'жить в холе, неге, нежиться'; яросл. *лелеяться с кем-либо* 'возиться, нянчиться' [5, с. 347].

Образная составляющая рассматриваемых глаголов находит своё воплощение в устойчивом сочетании *холить и лелеять*. Рассмотрим особенности его употребления на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка [3]. Как показывают результаты исследования текстов, размещённых в Национальном корпусе русского языка, устойчивый словесный комплекс *холить и лелеять* характеризуется частотностью употребления. Поскольку значение данного фразеологического сочетания связано с отражением эмоционального отношения, представляется закономерным, что в большинстве случаев *холить и лелеять* употребляется по отношению к человеку. Объектами этого отношения могут выступать различные категории людей с точки зрения возраста, пола, социальной принадлежности.

Частотным является употребление рассматриваемого словесного комплекса по отношению к ребёнку, сравн. : *А умела она только одно – любить этого мальчика, подкидыша, холить и лелеять это яичко с тонкой скорлупой, которое ей подкинула мать-кукушка, хоть и родная дочь, прости господи* (Маша Трауб. "Замочная скважина"); *Как родного сына, хостила и лелеяла "Микитушку" Татьяна Андревна, за всем у него приглядывала, обо всем печаловалась...* (П. И. Мельников-Печерский. "На горах").

Как свидетельствуют наблюдения над языковым материалом, объектами отношения, обозначенного рассматриваемым словесным комплексом, могут выступать и взрослые лица как женского, так и мужского пола, сравн. : *Она обожала своих родителей и, посмеиваясь, на равных с ними, баловала, хостила и лелеяла бабушку* (Татьяна Устинова. "Персональный ангел"); *Он ответил, что он работать не обязан, что матери нет никакого до него, Ивана, дела и что его обязаны кормить, холить и лелеять, потому что его выписали из Таганрога в Москву!!!* (А. П. Чехов. "Письма А. П. Чехову"); *С детства ей внушали, что женщина – существо несколько второсортное, зависимое, слабое и несамостоятельное, и поэтому ее дело терпеть, смиряться и искать себе мужа, которого нужно холить и лелеять, всячески ему угождать, ведь на него любая позарится, а баба – такой товар, что и даром никому не нужен.* (Влада Валеева. "Скорая по-

мощь"). Следует отметить, что значительная часть примеров употребления рассматриваемого словесного комплекса связана с характеристикой семейных отношений.

Основанием для проявления бережного и заботливого отношения может выступать наличие в человеке способностей, таланта: *У меня метода, князь, только что увижу искру таланта в человеке, я начну холить и лелеять этого человека и раздувать в нем эту божью искру* (И. И. Панаев. "Белая горячка"). Кроме того, объектами отношения, обозначенного устойчивым глагольным сочетанием *холить и лелеять*, также могут выступать лица определённого рода деятельности, сравн. : *А чтобы актер мог проявить себя в полной мере, надо его холить и лелеять (на съемочной площадке – обязательно) – несмотря на и вопреки...* (Алла Сурикова. "Любовь со второго взгляда"); *Предпринимателей, особенно тех, кто занят в производственной сфере, надо холить и лелеять* (Антон Кауров. "Платон Лебедев остался под арестом. Бизнес и власть" // "Российская газета", 2003.04.03).

Ряд примеров свидетельствует о том, что объектом заботливого отношения, обозначенного сочетанием *холить и лелеять*, могут выступать животные: *Здесь можно холить и лелеять любимую козу, пасты, пить ее молоко...* (Изабелла Джен. "Многие девушки любят... "); *Великий физиолог Ганс Селье доказал, что если подопытную мышь всю недолгую ее жизнь регулярно холить и лелеять, а потом бросить в воду, то потонет она довольно быстро: ровно через четыре с половиной секунды* (Марина Палей. "Ланч").

Ряд примеров подтверждает регулярную сочетаемость исследуемого словесного комплекса с обозначениями неодушевленных объектов. К примеру, *холить и лелеять* можно автомобиль, сравн. : *Машина как девушка – за нею надо ухаживать, ее надо беречь, холить и лелеять, делать комплименты, и будет тебе с нею счастье, будет тебе благодарность* (Д. Иванов. "Почти Феррари: Фиат купе – настоящий итальянец" // "Хулиган", 2004. 08. 15). Объектом бережного отношения и заботливого ухода может выступать земля как природный ресурс, сравн. : *Земледелец может тогда лишь возделывать землю, холить и лелеять ее, когда ему нет помехи, когда ничто другое его не развлекает, никто ему не мешает* (С. В. Максимов. "Куль хлеба и его похождения"). В ряде случаев словесный комплекс *холить и лелеять* употребляется по отношению к государству, политической системе: *Сталин холил и лелеял свою Державу, эти же – свою чашную плоть* (Давид Карапетян. "Владимир Высоцкий. Воспоминания"); *Едва ли Бисмарк строил, холил и лелеял свою "систему" ради такого сомнительного исхода...* (Владимир Дегоев "Россия и Бисмарк" // "Звезда", 2001).

Итак, на основе рассмотренного материала Национального корпуса русского языка можно сделать вывод, что устойчивый словесный комплекс *холить и лелеять* характеризуется широкими сочетаемостными возможно-

стями. В качестве объекта заботливого отношения, им обозначенного, могут выступать: члены семьи, представители определённых социальных групп, животные, автомобили, природные ресурсы и политические понятия.

Список использованных источников

1. Бирюк, О. Л., Гусев, В. Ю., Калинина, Е. Ю. Словарь глагольной сочетаемости непредметных имён [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php? – Дата доступа : 12. 03. 2022.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/372918>. – Дата доступа: 04.04.2022.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 02. 03. 2022.

4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1985. – 797 с.

5. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. – Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1980. – Вып. 16. – 376 с.

6. Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/251447/ – Дата доступа : 12.03.2022.

7. Словарь украинского языка / Под ред. Б. Д. Гринченко. – Киев: Изд-во АН Укр. ССР, 1958. – Т. II. – 523 с.

8. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5 т. / Уклад. Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч і інш. ; Рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка. – Т. 2. – 1980. – 728 с.

9. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. –Т. II. – 1802 с.

10. Тураўскі слоўнік: У 5 т. / Склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін і інш. – Мінск: Навука і тэхніка. – Т. 3: Л – О. – 1984. – 311 с.

11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/index.htm>. – Дата доступа: 09.03.2022.

12. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1981. – Вып. 8. – 252 с. ; 1987. – Вып. 14. – 268 с.

Воінава Алена Мікалаеўна

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны,
Рэспубліка Беларусь
e-mail: helena_voinova@mail.ru

УДК 811. 161. 3'373. 2:33 (476. 2-37 Мазыр)

СТРУКТУРНА-СЕМАНТЫЧНАЯ МАТЫВАЦЫЯ СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧЫХ НАЙМЕННЯЎ МАЗЫРСКА-ПРЫПЯЦКАГА ПАЛЕССЯ

В статье рассматриваются народно-хозяйственные номинации, зафиксированные на территории Мозырско-Припятского Полесья. Проводится подробная лексико-тематическая классификация названий лексики, связанной с сельскохозяйственной жизнью человека.

Ключевые слова: диалектный язык, народные говоры, семантическая классификация.

У наш час, у эпоху глабалізацыі і інтэграцыі, усе больш актуальнай становіцца праблема захавання індывідуальнасці асобных народаў – у першую чаргу праблема захавання нацыянальных моў і культуры. У сувязі з гэтым павышаецца цікавасць даследчыкаў да вывучэння традыцыйнай культуры, абраднасці, у тым ліку і праз вывучэнне гаворак беларускай мовы. Вывучэнне духоўнай культуры кожнага народа, яго дзейнасці, побыту з'яўляецца надзвычай актуальным у наш час, калі паступова знікаюць традыцыйныя ўстоі жыцця беларуса, ды і саміх вёсак, у якіх захаваліся старажытныя спосабы вядзення гаспадаркі, становіцца ўсё менш. Веданне этымалогіі слова, яго структуры дапамагае глыбей пранікнуць у гісторыю названай рэаліі, зразумець яе быццам знутры" [1, с. 20].

Гомельскі рэгіён займае асаблівае геаграфічнае становішча, маючы агульную мяжу з Украінай і Расіяй. Гэта акалічнасць дазваляе высветліць моўна-культурныя кантакты паміж этнасамі. "У зонах міжэтнічных кантактаў магчыма ўзнікненне як змешаных, поліэтнічных элементаў, так і наадварот – узмацненне, канцэнтрацыя этнічнага ў процівагу чужому, іншаэтнічнаму. Інтэнсіўнасць і характар міжэтнічных кантактаў залежаць ад тэрытарыяльных узаемаадносін этнасаў, блізкасці іх у моўным і культурна-бытавым аспектах, ад гісторычных асаблівасцей развіцця, адносін паміж палітычнымі сістэмамі, якія аб'ядноўваюць народы". [2, с. 72]. Таму невыпадкова ў гаворках насельніцтва можна сустрэць самыя разнастайныя праяўленні ўзаемадзеяння і ўзаемаўплыву трох роднасных моў, а таксама архаічныя моўныя рысы.

Прадметна-тэматычная класіфікацыя сельскагаспадарчых найменняў можа быць прадстаўлена наступным чынам:

1. Найменні жыллёвых пабудоў. Сукупнасць усіх жылых і гаспадарчых пабудоў называецца *селішча*: *Усе разам у дварэ эта селішча*. Бібікі Маз. Цэнтрам сядзібных забудоў з'яўлялася жыллё, вакол якога размяшчаліся гаспадарчыя пабудовы, утвараючы кампазіцыйна-архітэктурны комплекс. Жыллёвая пабудова ў гаворках даследуемага рэгіёна мае наступныя назвы: нейтральныя: *хата*: *Тыя хаты даўно пустыя стаяць*. Слабада Маз. ; *дом* Балажэвічы Маз. ; *дамоўка*: *Домоўка не ворог, вона навек отчыніцца*. Хачэнь Жытк. ; *землянка*: *У землянках у войну жылі*. Балажэвічы Маз. ; экспрэсіўна афарбаваныя: *лабаз* 'старая, абы-якая пабудова': *Будзеш ісці дарогаю, там будзе лабаз стаяць*. М. Малешава Жытк. ; *лепенда* 'прымітыўная пабудова': *Злепў лепенду да не нахвалицца про ту хату*. М. Малешава Жытк. ; *хіжына* 'маленькая старая хата': *Вось пайду я ў сваю хіжыну*. Бібікі Маз.

2. Найменні частак жыллёвых пабудоў: *лава*, *покуць*: *Уздоўж сцен ставіліся лавы, якія сыходзіліся на покуці. Каля сцяны шырокія лавы прыбіты былі ля стала. І ччас у некаторых стаяць, каб больш людзей сесці магло*. Дразды Маз. *Лаву з сасны рабілі*. Козенкі Маз. *Покуць* называлася таксама *кут*, *чырвоны вугал*, *красны вугал* і з'яўлялася самым важным кампанентам жыллёвай прасторы, які захоўваецца і ў сучаснай хаце: *На покуці ў нас ікона вісіць*. Козенкі Маз. ; *Месці хату трэба ад чырвонага вугла, ад ікон*. Бібікі Маз. *Покуць* размяшчалася, як правіла, па дыяганалі ад печы. Як адзначае Т. Валодзіна, "у семантыцы традыцыйнай хаты ў значнай ступені закансервалася ўзаемная пракцыя макра- і мікракосмасу". Своеасаблівай воссю жытла выступае дыяганаль кут – печ, якая адным канцом (чырвоны кут) паказвае на святло, усход, божы бок, а другім (печ) – на захад, цемру [3, с. 17]; *сенцы*: *Сначала сенцы ідуць, а потым ужэ кухня, спальня*. Козенкі Маз. Як адзначаюць даследчыкі, на Палессі сенцы з'яўляліся не толькі падсобным, але і жылым памяшканнем [4].

Кампазіцыйным цэнтрам хаты была печ. Яна з'яўлялася поліфункцыянальнай. Ёю абагравалі хату, на ёй гатавалі ежу, выпякалі хлеб, сушылі мокрае адзенне, выграваліся і спалі.

Шмат найменняў у гаворках адзначаюцца рэгіёна мае лексема 'печ': *печ*, *печка*: *Пастаў чыгуны ў печ*. Бібікі Маз. ; *Трэба мазаць ужэ печку і грубку*. СямурадцыЖытк. Відавymi назвамі печы з'яўляюцца *груба*, *грубка* 'невялікая пакаёвая печ': *Груба хату ацяпляла харашо*. Міхнавічы Калінк. ; *галанка* 'пакаёвая печ, звычайна кафельная': *Голанка – печтакая з кафелем*. Гурыны Маз. ; *лепанка* 'печ, зробленая з моцнаў трамбананай гліны': *Лепанка – бітаяпеч*. БярэжцыЖытк.

Часткі печы называюцца *комін*, *труба*: *Комін у печы быў абязцельна, ён каб дым у хату не шоў*. Бібікі Маз. ; *З трубы ідзе дым*. МіхнавічыКалінк. *дымаход* 'канал для выхаду дыму з печы ў комін называецца': *Во той дымаход, з яго дым ідзе*. Міхнавічы Калінк.; *ляжак*, *лежак*

‘гарызантальная частка дымахода’: *Малымі на гару лазілі, спалі там на лежаку.* Міхнавічы Калінк.; *сольмя ‘арка ў коміне, празякую выходзіць дым’:* *Сольмя трэба пачысціць.* Рудня-Гарбавіцкая Калінк. *зашчок’я, зашчок’е* З’засоўка, якая размяшчаецца ў пярэдняй частцы коміна’: *Зачыні зашчок’ю – жарка.* Рудня-Гарбавіцкая Калінк.; *юшка ‘металічны кружок абопласціна, якімі закладваюць адтуліну ў коміне, каб не выходзіла паветра’ –:* *Юшка на верху коміна рабілася.* Гурыны Маз. ; *дзверцы ‘створка, якой закрываюць адтуліну ў печы, дзе ляжаць юшкі’:* *Это дзверцы ў печы, дзе ляжаць юшкі.* Загорыны Маз.

3. Структурныя элементы зруба хаты. *калодка:* *Бервяно, з якога рабілі зруб, называюць таксама калодкай.* Паселічы Хойн.; *брусы ‘абчэсанае бервяно’* Стралічаў Хойн.; *калкі ‘прылада для фіксацыя бярвення: У мяне мужыкі робілі хату ды і забылі забіць калок у палення, дак і сцена выперлась.* Даманавічы Калінк. Першы вянок зруба, які накладваецца на фундамент, імянуецца *падваліна.* Стралічаў Хойн., *падруб:* *Ужо гатоў падруб, на душы стала весялей.* М. Аўцюкі Калінк. Брусы, на якія кладуць падлогу, маюць назву *лагі:* *Лагі ў хаці пагнілі, то й мост асеў.* В. Бор Хойн.; *падмоснікі:* *Падпадмоснікамі раней стаялі штандары з дзерава, а цяпер з кірпіча.* Судкоў Хойн. Драўляныя слупкі, што падкладваюцца для ўмацавання лаг, называюцца *штандары:* *Штандары само лепейкаб з дубу.* Прудок Калінк.

4. Прылады для апрацоўкі зямлі: *саха:* *Сахой калісьці толькі і аралі зямлю.* М. Аўцюкі Калінк.; *барана:* *Бараной мы зямлю рыхлілі.* Даманавічы Калінк.; *маты’ка:* *Матыкай дзелалі ўсё: і зямлю рыхлілі, і камы разбівалі.* Загорыны Маз.

Распаўсюджаная на тэрыторыі Мазырскага раёна саха складалася з корпуса – асноўнай часткі сахі: Саха мела корпус. Бібікі Маз., зробленай звычайна са ствала дрэва, выкапанага з каранем, і рабочай часткі – расохі: Расоха зямлю адвальвае. Бярэжцы Жытк. Два карнявыя адросткі рагача ўтваралі ручкі, другі яго канец – доўгі дышаль (біла). Для зручнасці кіравання сахой у час ворыва дышаль злучаўся з палкай з левай ручкай. Востры выступ у сахі называўся зуб: Жалезны рог такі ў сахі – то зуб. Стралічаў Хойн.

Пазней з’явіўся металічны плуг: *Плугі бываюць і што ў каня запрагаюцца, і што к трактару прыцэпляецца* Бібікі Маз., асноўнымі рабочымі часткамі якога былі *лемех:* *Лемех зямлю падразае знізу і перадае яго на атвал.* Гурыны Маз.; *атвал:* *Атвал зямлю атвальвае.* Паселічы Хойн. Жалезная выгнутая пласціна ў плузе, да пярэдняга канца якой прымацоўваецца ворчык называлася *дышла:* *Да дышла ворчык мацаваўся.* Судкоў Хойн.

Для рыхлення глебы здаўна выкарыстоўвалася *барана.* Менавіта на прыкладзе бараны можна прасачыць этапы развіцця аграрнай тэхнікі і сістэм земляробства. На месца прымітыўнай вершаліны, зробленай са

ствала елкі, з'явілася барана-сукаватка, якая ўяўляла сабой некалькі расколатых яловых ствалоў, на якіх абсякалі сукі. Такую барану пераважна выкарыстоўвалі на лясных землях або на такіх, дзе было багата камення.

Аднак найбольш папулярнай была плеченая, або вязаная барана, у выглядзе рашотчатага каркаса са скрыжаваннем прудоў, замацаваных дубовымі зубамі. Скручаны дубец, якім прывязвалі зубы ў драўлянай баране, называлі *калачоўка*: *Калачоўкай зубы скраплялі, лазіна такая*. Бібікі Маз. Колькасць зубоў у ёй вар'іравала ад 16 да 25 [4, с. 50]. На змену плеченай бараны прыйшла брусковая, або рамная, аснову якой складала брусковая рашотка, у якую набівалі зубы. Частка бараны, у якую ўстаўляліся зубы, называлася *пя'ло*: *У баране е пяло, зубы там крэпяцца*. Вялікі Бор Хойн. ; планка, у якую ўбіваліся цвікі – *біты*: *Цяжолыя тыя біты*. Даманавічы Калінк.; вонкавы абвод асновы ў самаробнай баране – *аблук*: *Аблук у бороне драўляны*. Судкоў Хойн.

5. Прылады працы для вядзення сельскагаспадарчых работ: *серп*: *Раней сярпамі жалі, а ічас ужэ канбайнамі*. Судкоў Хойн. ; *каса*: *Касой секлі траву, а граблямі зграбалі*. Бібікі Маз. ; *граблі*: *Граблямі сена граблі, зямлю раўнялі, яны-та ў кожнае е* Паселічы Хойн. ; *цэн*: *Цэнам зерне малацілі*. (Новы Барсук Рэч.). Нягледзячы на агульнаеўрапейскія рысы, яны мелі мноства лакальна-варыятыўных асаблівасцей. Просты серп крыху адрозніваўся вуглом загібу, завостраным лязом з зубчастай насечкай ці без яе. Цапы вар'іравалі ў залежнасці ад памераў біла і спосабаў яго мацавання да ручкі і інш. [4, с. 66]; *ві'лы*, *ві'лкі* 'прылада ў выглядзе доўгага дзяржання з рагулінай або зубамі на канцы': *Віламі сена наварочваюць, калі сушаць*. Балажэвічы Маз. ; *Вілкамі навоз трусяць на полі*. Мазыр; *мач* 'доўгая палка з зубамі на канцы для пераносу сена, саломы': *Мачом сена насілі* М. Аўцюкі Калінк. ; *сахо'р'вілы* для гною': *Выкідаюць гной сахорам*. Мазыр.

Сельская гаспадарка заўсёды з'яўлялася асноўным заняткам славян, таму сельскагаспадарчая тэрміналогія ў генетычных адносінах амаль уся належыць да агульнаславянскага лексічнага фонду, запазычаныя лексемы складаюць зусім невялікую колькасць [5].

Увасобіўшы ў сабе старажытныя светаўяўленні і калектыўны вытворчы вопыт, земляробчыя звычаі адыгрывалі істотную ролю ў жыццядзейнасці народа. Будучы неа'ёмнай часткай традыцыйнай славянскай культуры, яны выконвалі важныя функцыі фарміравання нацыянальнай самасвядомасці, перадачы маладому пакаленню жыццёвага вопыту і добрых традыцый сваіх продкаў. Такім чынам, земляробчыя найменні, зафіксаваныя на тэрыторыі Мазырска-Прыпяцкага Палесся, прадстаўляюць сабой разнастайную ў лексіка-семантычных адносінах групу і з'яўляюцца часткай матэрыяльнай культуры ўсходніх славян.

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1. Сендровиц, Е. М.** О месте экстралингвистических факторов в изучении заимствований [Текст] // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. – 1989. № 4. – С. 16-22.
- 2. Базан, Л. Н.** Этнакультурныя сувязі беларусаў і літоўцаў у к. XIX-пач. XX стст. (па даных народнай кулінарыі) [Текст] // Весці АН БССР. Сер. грамадз. навук. – 1990. № 6. – С. 72-78.
- 3. Валодзіна, Т. В.** Семантыка рэчаў у духоўнай спадчыне беларусаў / Т. В. Валодзіна. – Мн. : Тэхналогія, 1999. – 167 с.
- 4. Цігоў, В. С.** Народная спадчына: Матэрыяльная культура ў лакальна-тыпалагічнай разнастайнасці [Текст] / В. С. Цігоў – Мн., 1994
- 5. Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. : пер. нем. и доп. О. Н. Трубачёва [Текст] / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина / М. Фасмер – М. : Прогресс, 1986-1987

Овчинникова Наталья Игоревна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: ovchinnikovanata2018@gmail.com

УДК 81' 25

НАИМЕНОВАНИЯ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, НАДВОРНЫХ ПОСТРОЕК И ИХ ЧАСТЕЙ В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ

В статье проводится анализ диалектных наименований жилых помещений, надворных построек и их частей, зафиксированных в словаре Н. И. Курганской. Было охарактеризовано шесть лексико-тематических групп: "Наименования домов и их частей", "Наименования помещений для содержания животных", "Наименования помещений для хранения продуктов", "Наименования изгородей", "Наименования крыши помещений" и "Наименования помещений для различных надобностей". Проведён сравнительный анализ слов в русском, белорусском и украинском словарях.

Ключевые слова: диалектизмы, помещения, лексические единицы, тематическая группа, Брянская область.

Лингвисты и историки многократно занимались изучением диалектов юго-западных районов Брянской области, которые граничат с Белоруссией и Украиной. Интерес был вызван особенностями культуры и смешением восточнославянских языков.

Исследованием говоров на территории приграничья, где происходит контаминация русского, белорусского и украинского языков, занимался профессор П. А. Расторгуев. Он назвал изучаемый говор "северско-белорусским". Но позднее Павел Андреевич определил говоры Западной Брянщины как южновеликорусские. В 1973 г. П. А. Расторгуев выпустил "Словарь народных говоров Западной Брянщины", содержащий 8 тыс. слов. Материал профессор собирал сам вместе со студентами пединститута г. Новозыбова.

В. И. Чагишева также продолжительное время занималась изучением брянских говоров. Она отнесла говоры региона в отдельную группу южновеликорусских говоров. Вера Ивановна занималась сбором материала на территории Брянской области для Диалектологического атласа и регионального словаря. Под редакцией В. И. Чагишевой был издан "Словарь Брянских говоров" (5 выпусков).

Также изучением говоров Брянщины занимались Е. О. Бойцова и О. Б. Пойда. Бойцова Евгения Олеговна изучала структуру значения диалектных слов на материале конкретных существительных в говорах Брянщины. Пойда Ольга Борисовна рассматривала диалекты, называющие явления природы, на территории Брянской области.

В качестве объекта исследования в статье нами была взята тематическая группа брянских говоров "Наименования жилых помещений, надворных построек и их частей".

Основой для анализа послужил диалектный материал, зафиксированный в Брянском областном словаре, опубликованном под редакцией Н. И. Курганской. В данном словаре предоставлены диалекты, собранные преподавателями и студентами Брянского государственного университета в различных районах Брянщины.

Проанализировав материал данной группы, а именно двадцать восемь лексических единиц, нами были выделены шесть подгрупп диалектной лексики. Первая подгруппа – "Наименования домов и их частей". Она включает шесть лексических единиц: *боковúшка*, *подвóрье*, *прилéпух*, *сéнцы*, *трéхстён* и *тристён*, *хáта*.

Подвóрье (сущ., ср. р.) – дом со всеми относящимися к нему пристройками и двором; усадьба: "*Падворья у деда майво была бальшоя*" [3, с. 269] // Двор, прилегающий к дому с пристройками: "*Па падворью хадили куры, гуси, вутки*" [3, с. 269]. Диалектизм распространён в Мглинском и Комаричском районе. В белорусском литературном словаре слово **подвóрье** обозначает двор около дома [1]. В украинском словаре подворье имеет значение "постоялый дом, гостиница" [6].

Номинации **боковúшка** (сущ., ж. р.) ("*Гастей спать у бакавушку паместим*" [3, с. 29]), **прилéпух** (сущ., м. р.) ("*Мал был у нас прилепух*" [3, с. 295]), **трéхстён** и **тристён** (сущ., м. р.) ("*Хата у мяне старая, дык трéхстен пристроили*" [3, с. 327]) используются для обозначения жилой пристройки к дому, лексема **боковúшка** обозначает также боковую комнату. Диалектизмы зафиксированы в различных районах области. В белорусском словаре диалектизм **боковúшка** обозначает пристройку [1], в украинском словаре также обозначает пристройку, комнату сбоку [6]. Слова **прилéпух** и **трéхстён** в данных словарях не представлены.

Лексема **хáта** (сущ., ж. р.) имеет два значения. Первое – жилой дом ("*У каго батька быу, тыя хату пастроили, а у нас ни было, мы у зямлянцы жыли*" [3, с. 337]). Во втором – обозначает одну из комнат ("*Дачка у мяне у пярэдняй хаты спить*" [3, с. 337]). Слово используется в разных районах. В толковом словаре Ожегова дано толкование данного слова: **хáта** – "на Украине, в Белоруссии, на юге России: крестьянский дом" [8]. В русско-белорусском и в украинско-русском словарях диалект **хáта** имеет значение "дом" [1], [6].

Во вторую подгруппу "Наименования помещений для содержания животных" входит пять лексем: *бáз*, *гайно́*, *гамарня́*, *карда́*, *пригбн*.

Диалектизм **бáз** (сущ., м. р.) обозначает отгороженную площадку для скота ("*Батька мой у калхозу на базу коней старожыть, кароу, баз бальшый, ската многа*" [3, с. 18]). Распространён в Новозыбковском районе. **Бáз** в украинском языке – навес для содержания домашних животных [7].

Субстантив **гамарня́** (сущ., ж. р.), зафиксированный в Новозыбковском районе, обозначает сарай ("*Гамарню на вислик закрываю*" [3, с. 66]). Лексема **гамарня́** в украинском и белорусском словарях не зафиксирована.

Карда́ (сущ., ж. р.) –загороженное место около сарая, где находится скот ("*Бяги на карду, кур накарми, вады нутрям дай*" [3, с. 184]). Дialect встречается в Клетнянском районе. В белорусском и украинском словарях диалект не зафиксирован.

Следующая подгруппа, входящая в состав исследуемой нами тематической группы – это "Наименование жилых помещений, надворных построек и их частей", включает названия помещений для хранения продуктов. К данной подгруппе относятся семь диалектизмов: *анба́р, го́лбец, за́сек, погребі́ца, погребня́, пригрэ́бка и пригрэ́бок, пригребня́*.

На территории Брянской области распространён диалектизм **анба́р** (сущ., м. р.). Он обозначает небольшое строение для хранения зерна, муки(амбар) ("*Ни дна мыша у анбари ни сдохла*" [3, с. 12]). В толковом словаре Даля **анба́р** означает "амбар" [2]. В украинском и белорусском словарях диалект не зафиксирован.

Го́лбец (сущ., м. р.) – погреб ("*Картоху спустили у голбиц на зиму*" [3, с. 73]). В толковом словаре Даля **го́лбец** имеет значение подполья, подвала в крестьянской избе [2]. В белорусском и украинском словарях слово не зафиксировано.

Диалектная лексическая единица **погребі́ца (погребня́)** (сущ., ж. р.) номинирует деревянную надстройку, находящуюся над ямой погребя ("*На пагребіцы ищи карзину, я з ей у погриб лазила*" [3, с. 249]). В толковом словаре русского языка **погребі́ца** – строение над погребом [8].

В отдельную группу мы отнесли диалектизмы, обозначающие наименования изгородей. Сюда вошло четыре слова: *бала́сник, барка́н, верея́, за́город и за́городь*.

Так, **барка́н** (сущ., м. р.) – это деревянный забор из плотно подогнанных досок, отделяющий двор от улицы ("*Наш баркан савсим пагну, гряды видать*" [3, с. 21]). Диалект распространён в Новозыбковском районе. В украинском словаре данный диалект имеет значение "деревянная ограда" [7].

В Стародубском и Климовском районах распространены номинации **за́город** (сущ., м. р.) и **за́городь** (сущ., ж. р.), обозначающие название ограды из жердей, кольев, прутьев и т. п. (изгородь) ("*Куры уси гряды паразрыли: загарать ниская*" [3, с. 117]). В белорусском и украинском словарях **за́город** – забор [1], [7].

В пятую подгруппу входят диалектизмы, обозначающие названия крыш помещений. Это лексема **голубе́ц** (сущ., м. р.) – двускатная крыша погребя ("*Галубец – крышка на погриби*" [3, с. 95]), используемая в Почепском районе и диалектная лексическая единица **за́стрех** (сущ., м. р.) – нижний, свисающий край крыши в крестьянских избах ("*Ластачки пад*

застрехам гнездо свили" [3, с. 130]), зафиксированная в Дятьковском районе. В толковом словаре русского языка **голубец** – бревенчатое или дощатое строение с двускатной крышей и крестом на ней [2]. В толковом словаре Ожегова представлено слово **застреха** в значении "нижнего, свисающего края крыши" [8]. В белорусском и украинском словарях оба слова не зафиксированы.

Последняя подгруппа "Наименования помещений для различных надобностей" включает четыре субстантива: *балаган*, *дровник* и *дровница*, *лётник*, *приклёток*.

Лётник (сущ., м. р.) – помещение, используемое обычно летом ("*Кады на вулицы тёпла, усе абедаим у летнику*" [3, с. 249]). Диалект распространён во многих районах Брянской области. В белорусском и украинском языках данный диалект не зафиксирован.

Диалектизм **приклёток** (сущ., м. р.), используемый для обозначения пристройки для хранения дворовой утвари ("*У нас бальшы́й приклета́к, тама стары́ диван стаіць, стол, усякій посуд*" [3, с. 270]), встречается в речи жителей Мглинского района. Лексема **приклёток** не зафиксирована в украинском и белорусском говорах.

Таким образом, проанализировав группу диалектизмов Брянской области "Наименования жилых помещений, надворных построек и их частей", можно сделать вывод, что некоторые диалектных слов указанного региона встречаются также в украинском и белорусском языках. Это обусловлено территориальным положением Брянщины. Лексемы, встречающиеся только на территории Брянской области, составляют 62,5% (10 лексических единиц) от общего числа анализируемых слов. Языковые единицы, употребляемые в русском языке в качестве диалектных, а в белорусском в качестве литературных, составляют 25% (4 единицы), в русском (диалекты) и украинском (литературные слова) – 37,5% (6 лексем), 25% (4 субстантива) встречаются в трёх языках – русском в качестве диалектов, белорусском и украинском в качестве литературных слов.

Полученные сведения говорят о том, что на диалекты Брянщины тематической группы "Наименования жилых помещений, надворных построек и их частей" оказал влияние украинский язык. В белорусском же языке номинации, схожие с русскими диалектизмами, встречаются реже. В целом можно сделать вывод, что на территории Брянской области наблюдается смешение языков из-за схожих исторических процессов, происходящих в лексике. Таким образом, "лингвокультурное пространство Брянской области, уходящее своими корнями в глубокое прошлое, сохраняет многочисленные реликтовые особенности общеславянской и восточнославянской культуры. Являясь одним из самых интересных в этнокультурном отношении регионов славянского мира, Брянщина наиболее полно сохранила в различных проявлениях архаические элементы традиционной народной,

духовной и материальной культуры. Все это находит отражение и в языке жителей пограничного региона" [2, с. 67].

Список использованных источников

1. Беларуская-расейскі слоўнік. – Режим доступа: свободный. – URL: <https://belaruska-rasejski-sloynik.slovaronline.com>. – Текст: электронный.
2. **Белугина, О. В.** Языковая специфика календарно-обрядовых фольклорных текстов, зафиксированных на территории юго-западных районов Брянской области // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2014. – № 166. – С. 62-68. – EDN SBHDUZ. – Текст: непосредственный.
3. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль – М. : "Терра" – "TERRA", 1995. – Т. 1: А – З. – 699 с., Т. 2: И – О. – 779 с., Т. 3: П. – 555 с., Т. 4: Р – Я. – 683 с. (ТСД). – Текст: непосредственный.
4. **Курганская Н. И.** Брянский областной словарь (Издание второе исправленное и дополненное). – Брянск, – 2011. – 361 с.
5. **Носович, И. И.** Словарь белорусского наречия: в 2 ч. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1870. – Ч. 1. – Текст: непосредственный.
6. **Расторгуев, П. А.** Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Расторгуев. / Авт. вступ. статьи Н. Д. Расторгуева и Е. М. Романович. АН БССР. Ин-т языкознания им. Якуба Коласа. – Минск: Наука и техника, 1973. – 295 с. – Текст: непосредственный.
7. Російсько-українські словники / Підготували: Н. Марченко, В. Кубайчук, А. Рисін, О. Телемко, О. Оксимова. – Київ: "К. І. С. " – Режим доступа: свободный. – URL: <http://r2u.org.ua>. – Текст: электронный.
8. Словарь української мови / Упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко : в 4-х т. – К. : Вид-во Академії наук Української РСР, 1958. – Т. 2 – Текст: непосредственный.
9. Толковый словарь Ожегова. – Режим доступа: свободный. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6388>. – Текст: электронный
10. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер / перевод с немецкого и дополн. чл. -корр. АН СССР О. Н. Трубачёва; под ред. и с предисловием проф. Б. А. Ларина. – Изд. 2-ое, стереотип. – В 4-х т. – Москва: Прогресс, 1986. – Т. I–IV. (Фасмер) – Текст: непосредственный.
11. **Чагишева, В. И.** О брянских говорах // Учёные записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Т. 130. – Л., 1953. – С. 175-212.

Поплавная Лилия Викторовна

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
Республика Беларусь
e-mail: liliya.paplounaya@mail.ru

УДК 811. 161. 3'42'373:398. 91 (476. 7-37)вацэвічы-21Косава)

НАРОДНЫЯ ПАРЭМІІ КОСАЎШЧЫНЫ

В статье представлен анализ паремий, зафиксированных в сборнике А. Зайки "Пословицы и поговорки Косовщины". Эти образные устойчивые сочетания, записанные автором в самом живописном уголке Беларуси, дают представление об укладе жизни, семейных отношениях, морали, нравственных ценностях белорусского народа.

Ключевые слова: паремия, образность, экспрессивность, сравнение, синтаксис, типы предложений.

У апошні час у сучаснай лінгвістыцы ўзрастае цікавасць да парэміялагічнага фонду мовы, што тлумачыцца арыентаванасцю яе на аналіз мовы як адной з праяў культуры.

Беларускія парэміі з'яўляюцца адлюстраваннем шматвяковай гісторыі нашага народа, яго жыцця і побыту, разнастайных жыццёвых назіранняў за жывёльным і раслінным светам, узаемаадносінамі паміж людзьмі, вынікам асэнсавання жыццёвых з'яў і падзей рэчаіснасці.

Парэміі, з'яўляючыся атрыбутам жывой народнай мовы, ахопліваюць усе бакі існуючай рэчаіснасці. Самая вялікая каштоўнасць гэтых устойлівых выразаў бачыцца ў тым, што ў іх адлюстраваны назіранні чалавека за прыроднымі з'явамі, прасочваецца сувязь з жыццём, перадаецца багаты вопыт народа. Яны ярка і шматгранна адлюстроўваюць псіхалогію народа, яго маральна-этычныя і эстэтычныя ідэалы. Як адзначае вядомы беларускі этнограф, фалькларыст І. І. Насовіч, беларусы ўсе факты чалавечага жыцця, усе ўчынкі, як добрыя, так і дрэнныя, і ўсякае нават меркаванне аб чым-небудзь падводзяць пад мерку прыказак сваіх.

Аб'ектам нашага даследавання ў дадзеным артыкуле з'яўляецца зборнік А. Зайкі "Прыказкі і прымаўкі з Косаўшчыны", у якім сабрана парэміялагічнае багацце мовы жыхароў аднаго з жывапісных куткоў Беларусі – Косаўшчыны, радзімы Тадэвуша Касцюшкі. Гэтыя ўстойлівыя выразы даюць нам шырокае ўяўленне аб шматлікіх баках сямейнага жыцця, нормах, звычаях, маралі, занятках беларусаў.

Парэміі, змешчаныя ў зборніку, вызначаюцца дасканаласцю мастацкай формы і незвычайнай вобразнасцю і экспрэсіўнасцю: *Пусці свінню за стол, то яна і ногі на стол*. Кажуць пра нахабнага, грубага і нявыхаванага чалавека [1, с. 89]; *3 пустога калодзежа не нап'еішыся*. Удурня нічому не навучышыся [1, с. 48]. Для большасці народных парэмій, зафіксаваных у

зборніку, характэрна іншасказальнасць, калі пэўная з’ява ці працэс перадаецца праз іншы вобраз: *Зерне да зярняці збіраецца мерка*. Пра беражлівасць, ашчаднасць [1, с. 47]; *Яблык ад яблыні далёка не падае*. Якія бацькі, такія і дзеці [1, с. 119]; *Начная зязюля дзённую перакуе*. Жонка лёстачкамі, ласкавым вуркатаннем пераменіць насуперак сваякравы думкі мужа, настоіць на сваім [1, с. 70]. Сустрэкаюцца ў зборніку значна радзей і прыказкі з прамым значэннем кампанентаў: *Кладзі гной густа, то не будзе поле пуста*. Добра ўгнаіш зямлю, то збярэш добры ўраджай [1, с. 55]; *Падман наверх выйдзе*. Рана ці позна праўда наверх выйдзе, мана раскрыецца [1, с. 82].

Адным зсамым распаўсюджаных сродкаў мастацкай выразнасці ў народных парэміях з’яўляюцца параўнанні, якія маюць разнастайныя формы выражэння. Найбольш пашыраны злучнікавыя параўнанні, якія граматычна афармляюцца пры дапамозе злучнікаў як, што. Злучнікі выконваюць не толькі ролю фармальнага паказчыка тропы, але і выражаюць пэўныя сэнсава-граматычныя адносіны паміж суб’ектам і аб’ектам параўнання: *На Беларусі і пчалы як гусі* [1, с. 66]; *Жыццё пражыла, як на свінні праехала* [1, с. 43]; *Мужык дурны, як варона, а хітры, як чорт* [1, с. 65]; *Любі дзіця, як душу, а трасі, як грушу* [1, с. 37]; *Мужык у халуце, што скула на дупе* [1, с. 65]; *Дзеці гадаваць, як гарачы камень качаць* [1, с. 37]; *У сваім дварочку, як у вяночку* [1, с. 105]; *Удаўцова сэра, як у Піліпаўку сонца* [1, с. 100]. Але зрэдку сустракаюцца парэміі і з бяззлучнікавымі параўнаннямі: *На першы дзень госяць – золата, на другі – серабро, на трэці медзь – дахаты едзь* [1, с. 69].

Вобразнасць парэміі можа стварацца дзякуючы выкарыстанню такога мастацкага сродку, як гіпербала: *Каб з ім згаварыцца, трэба бочку бобу з’есці* [1, с. 51]; *І сцены вушы маюць* [1, с. 50].

З фігур паэтычнага сінтаксісу ў складзе парэміі найбольш пашырана антытэза. Прыказкі з антытэзным супрацьпастаўленнем пабудаваны на ўжыванні антонімаў, як моўных, так і кантэкстуальных: *Каласы поўныя вісяць, пустыя стаяць* [1, с. 52]; *Кінеш спераду – знойдзеш ззаду* [1, с. 55]; *Дзяцей на свет пускаць лёгка, а гадаваць цяжка* [1, с. 37]; *З братам сварыся, в з суседам мірыся* [1, с. 46]. Антытэза з’яўляецца яркім выразным сродкам у мове прыказак і дапамагае кантрасна адлюстраваць жыццё чалавека.

Адным са сродкаў выразнасці ў прыказках з’яўляюцца паўторы, калі паўтараецца адно і тое слова або марфема: *Бяда на бядзе едзе, бядою паганяе* [1, с. 23]; *За дабро дабром плаціць трэба* [1, с. 44]; *Дурнога салаўя дурная песня* [1, с. 40].

Парэміі як разнавіднасць тэксту ўяўляюць сабой сэнсава аб’яднаную паслядоўнасць знакавых адзінак, асноўнымі прыкметамі якой з’яўляюцца звязнасць і цэласнасць. Яны характарызуюцца сцісласцю маўлення, выразнасцю, вобразнасцю і выключнымі мастацкімі якасцямі. Як

падкрэслівае К. Крапіва, "яны павінны даць найбольшую канцэнтрацыю думкі пры найменшай затраце слоўнага матэрыялу" [2, с. 67].

Кожная прыказка ўяўляе сабой закончаны, аб'яднаны пэўнай тэмай тэкст. Паводле сваёй сінтаксічнай структуры прыказкі могуць быць арганізаваны як сказы розных тыпаў. Парэміі, сабраныя ў зборніку А. Зайкі "Прыказкі і прымаўкі з Косаўшчыны", прадстаўлены наступнымі відамі простых сказаў:

1. Простымі двухсастаўнымі, як развітымі, так і неразвітымі: *Адна паршывая авечка ўвесь статак псуе* [1, с. 14]; *Курыца спявае на сваю галаву* [1, с. 58]; *Ласкавае цяля дзве маткі ссе* [1, с. 59]. Вельмі часта галоўныя члены ў такіх сказах выражаюцца двума назўнікамі: *Старасць не радасць* [1, с. 96]; *Бульба – хлебу дапамога* [1, с. 22]; *Служба – не дружба* [1, с. 95]; *Ранак – панак* [1, с. 90].

2. Простымі аднасастаўнымі, сярод якіх пераважаюць абагульнена-асабовыя сказы, у якіх дзеянне адносіцца да любой асобы: *За другога чалавека не бярыся* [1, с. 44]; *Пад хворага рук не падкладзеш* [1, с. 28]; *З гурту выбераш курту* [1, с. 46]; *Здароўя за грошы не купіш* [1, с. 47]; *Ласкаю і не жывога падымеш* [1, с. 59]. У такіх сказах дзеяслоў-выказнік выражаецца формай 2 асабы адзіночнага ліку.

У агульнай сістэме парэміійных канструкцый, зафіксаваных у зборніку "Прыказка і прымавак Косаўшчыны", значнае месца займаюць парэміі, структурна арганізаваныя як складаныя сказы розных тыпаў.

1. Складаназлучаныя сказы, прэдыкатыўныя часткі якіх звязваюцца супраціўным злучнікам **а**, пры дапамозе якога выражаюцца адносіны супрацьпастаўлення ці супастаўлення: *Злодзей пакіне вуглы, а агонь нічога* [1, с. 48]; *Багаты спявае, а бедны плача* [1, с. 18]; *Слёз не пераплачаш, а песень не пераспяваеш* [1, с. 95]; *У багатага і певень нясецца, а ў беднага і курыца не хоча* [1, с. 99]. Зрэдку паміж часткамі складаназлучаных сказаў ужываюцца злучнікі **але**, **ды**: *Смачны пірог удаўся, але пад скарынку кот схавайся* [1, с. 95]; *На Бога спадзявайся, але ж і сам старайся* [1, с. 66]; *Рада душа ў рай, але грахі не пускаюць* [1, с. 90]; *Мякка сцеле, ды мулка спаць* [1, с. 66]; *Хацеў забіць лося, ды не ўдалося* [1, с. 77].

2. Складаназалежныя сказы, якія складаюцца з дзвюх нераўнапраўных прэдыкатыўных частак, у якіх адна паясняе другую і сінтаксічна ёй падпарадкоўваецца. Прыказкі і прымаўкі Косаўшчыны прадстаўлены рознымі тыпамі складаназалежных сказаў. Найбольш ужывальнымі з'яўляюцца парэміі, у якіх даданая частка знаходзіцца перад галоўнай: *Дзе гарэлка, там бяда* [1, с. 34]; *Дзе нарадзіўся, там і прыгадзіўся* [1, с. 35].

Паміж галоўнай і даданай часткай у такіх сказах могуць выражацца розныя віды семантыка-сінтаксічных адносін. Мова беларускіх народных прыказак Косаўшчыны прадстаўлена наступнымі відамі даданых частак складаназалежнага сказа:

а) даданая частка ўмовы, якая служыць для выражэння ўмоўных адносін з галоўнай часткай і паказвае, пры якіх абставінах можа адбыцца дзеянне: *Каб не кішка, то ў золаце хадзіў бы* [1, с. 51]; *Каб людзі не паміралі, то зямля правалілася б* [1, с. 51]; *Калі б свінні рогі, то ўвесь свет перавярнуўся б* [1, с. 51]; *Калі богу ўгодны, то не будзеш галодны* [1, с. 52]; *Як прыйдзе смерць, сарочку знойдзеш* [1, с. 126]; *Як хлеб на возе, то няма бяды ў дарозе* [1, с. 128]. Прыказкі са структурай даданай часткі ўмовы найбольш пашыраны ў зборніку.

б) даданая дзейнікавая частка, якая служыць для выражэння суб'ектных адносін з галоўнай часткай: *Хто багаты, той разумны* [1, с. 109]; *Хто змаладу працуе, той на старасці пануе* [1, с. 110]; *Хто капейку не беражэ, той сам рубля не варты* [1, с. 110]; *Хто сабе годзіць, той сабе шкодзіць* [1, с. 110]. Для сказаў такой будовы характэрны сінтаксічны паралелізм і семітрычнасць у арганізацыі кампанентаў: *Хто малады ажаніўся, той не памыліўся* [1, с. 110].

в) даданая выказнікавая частка, якая служыць для выражэння працэсуальных адносін з галоўнай часткай: *Якая мая мама, такая я сама* [1, с. 119]; *Якая матка, такое і дзіцятка* [1, с. 119]; *Якая яда, такая хада* [1, с. 120].

г) даданая частка месца, якая служыць для выражэння прасторавых адносін з галоўнай часткай: *Дзе гной гарбамі, там жыта капамі* [1, с. 34]; *Дзе гарэлка, там бяда* [1, с. 34]; *Дзе іголка, там і нітка* [1, с. 35]; *Дзе коратка, там і рвецца* [1, с. 35].

г) даданая частка мэты, для выражэння мэтавых адносін з галоўнай часткай, раскрывае мэту або прызначэнне таго, пра што гаворыцца ў галоўнай частцы: *Каб з ім дагаварыцца, трэба бочку бобу з'есці* [1, с. 51].

д) даданая дапаўняльная частка, якая служыць для выражэння аб'ектных адносін: *Каго Бог любіць, таго і карае* [1, с. 52]; *Не ўсё трэба гаварыць, што знаеш* [1, с. 78]; *Хто рана ўстае, таму бог дае* [1, с. 112]; *Хто цягне, на тым едуць* [1, с. 113].

3. Бяззлучнікавыя складаныя сказы.

У беззлучнікавых сказах, што сустракаюцца ў мове беларускіх парэмій, зафіксаваных на Косаўшчыне, выражаюцца таксама разнастайныя віды адносін, сярод якіх пераважаюць прычынна-выніковыя і ўмоўна-выніковыя: *Чаму змаладу навучышся – на старасць як знойдзеш* [1, с. 115]; *З'еж акрайчык – будзе сын Мікалайчык* [1, с. 143]; *Пажывем далей – пачуем болей* [1, с. 82]; *Сонца грэе – душа млее* [1, с. 96]; *Не радуйся чужою бядаю – да цябе прыйдзе* [1, с. 76]. Не плюй у ваду – піць будзеш [1, с. 70]. Досыць частымі з'яўляюцца і прыказкі з супастаўляльнымі і супрацьпастаўляльнымі адносінамі: *Рабіць не грэх, грэх красці* [1, с. 90]; *Радасць – трэба весяліцца, гора – памагаць трэба* [1, с. 90]; *Рэдзька горкая – усе ядуць, замуж кепскі – усе ідуць* [1, с. 91].

4. Складаныя сказы камбінаванай будовы.

Сярод гэтага тыпу пераважаюць сказы са злучальнай і падпарадкавальнай сувяззю: *Як бацька памрэ, то дзеці напалову сіроты, а як маці памрэ, то круглыя сіроты* [1, с. 120]; *Як здароў, то сто сяброў, а як знямог, то адзін Бог* [1, с. 122]; *Пайдзі да людзей, то пачуеш, што ў цябе дома робіцца* [1, с. 82]. *Не той прыяцель, што мёдам мажа, а той, хто праўду кажа* [1, с. 77]. Парэміі такой будовы не пашыраны ў зборніку.

Такім чынам, праведзены аналіз зборніка А. Зайкі "Прыказкі і прымаўкі Косаўшчыны" паказвае, што парэміі, зафіксаваныя аўтарам, з'яўляюцца ў большасці вобразнымі адзінкамі з алегарычным зместам. Гэта трапныя народныя выслоўі, якія даюць нам уяўленне аб маральных якасцях, быце, сямейных адносінах беларускага народа.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. **Зайка, А.** Прыказкі і прымаўкі з Косаўшчыны / А. Зайка. – Мінск: Тэхналогія, 2015. – 286 с. . –Тэкст непасрэдны.
2. **Крапіва, К.** Беларускія прыказкі / К. Крапіва // Крапіва К. Збор твораў у пяці тамах. Т. 5. Мастоцкая літаратура, 1976. – 340. – Тэкст непасрэдны.

УДК 81`28

НЕОДНОСЛОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ "РУССКИЙ СОЛДАТ" В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматривается компонентный состав семантического поля составного наименования русский солдат. Представлена характеристика коммуникативного значения неоднословного образования русский солдат в русской языковой картине мира посредством анализа основного и газетного корпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Ключевые слова: этноним, составное наименование, коммуникативное значение, Национальный корпус русского языка.

Менталитет и культура народа отражаются в словарном составе языка, который в свою очередь репрезентирует языковую и концептуальную картину мира. Социально-политические изменения, экономические, культурные, научные, производственные, общественные приводят к изменению языковой ситуации и влекут за собой появление лексических новообразований разной словообразовательной структуры. Стремление к языковой экономии привело к возникновению сложных слов разнообразных типов, среди которых особую группу составляют составные наименования. Один из компонентов составного наименования сужает или, наоборот, расширяет значение другого компонента, уточняя объем выражаемого термина или понятия.

В данной статье рассматривается составное наименование *русский солдат*, особенности его коммуникативного значения и компонентного состава на основе материалов Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Эвфемистическое наименование *русских солдат* в контексте событий последнего времени привело к продуктивности неоднословного образования *вежливые люди*, исследованию которого посвящена работа Тимофеева С. Е. "Составное наименование *вежливые люди* в современном политическом и масс-медиа дискурсе" [3]. Тимофеев С. Е. рассматривает данное наименование как достаточно современное понятие, появившееся в русском языке в 2014 году. Под ним принято понимать "военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации в военной форме без знаков различия, блокировавших стратегические объекты в Крыму во время присоединения полуострова к России" [4]. Данное наименование *вежливые люди*

отмечается высокой степенью употребления в связи с событиями в Крыму в 2014 году и связаны с его воссоединением с Россией.

Для того чтобы рассмотреть особенности коммуникативного значения составного наименования *русский солдат*, были привлечены материалы основного и газетного корпусов информационно-справочной системы Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В основном корпусе наименование *русский солдат* зафиксировано в количестве 168 документов, газетный корпус насчитывает 61 документ.

Проанализируем план выражения представленного составного наименования в контекстах Национального корпуса русского языка и план содержания, основываясь на синтагматике микротекстов и парадигматике дискурса.

В Национальном корпусе русского языка составное наименование *русский солдат* встречается в трёх вариантах написания:

1. русский солдат.
2. РУССКИЙ СОЛДАТ.
3. "русский солдат"

Вариант 1: русский солдат.

Это самый распространенный вариант употребления данного наименования. В основном корпусе он наблюдается в 100% контекстов, в газетном – в 99,9%. Эта форма наиболее устоявшаяся и закрепившаяся в современном русском языке. Вариант нейтрального оформления составного наименования является более сдержанным и политически корректным, что позволяет реципиентам различных национальностей адекватно его воспринимать. Приведем примеры подобного употребления:

- Основной корпус.

1) *Около больницы стоит на посту русский солдат* [Игорь Найденов. Мы вышли с поднятыми руками // "Русский репортер", № 31 (61), 21-28 августа 2008, 2008].

2) *Полковник военно-судебного ведомства Ю. И. Лисовский, пытавшийся расследовать деятельность Игнатъева, писал: "Могу предположить, что в то время, когда русский солдат и офицер умирали в России на фронте, изнемогая от недостатка снарядов и другого боевого материала, в Париже были люди, занимавшие ответственные места в заготовительной комиссии и думавшие очень мало о том, что на русском фронте умирают русские люди и что их добросовестная работа может уменьшить количество этих смертей"* [Андрей Ганин. Любимые женщины братьев Игнатъевых // "Родина", 2007].

3) *Наш русский солдат, обозленный войной, вооруженный винтовкой, с ножом, с гранатами на поясе, шатаясь, чуть не падая, кричит...* [Григорий Еланцев, Б. И. Осипов. Дневник рядового // "Знание - сила", 2005].

4) *А как надо мной смеялись десять лет назад, когда я сказал, что русский солдат омоет сапоги в Индийском океане.* [Василий Головин.

Пусть олигархи вложат свои миллионы в обустройство армейского быта. Хоть так послужат России // "Аргументы и факты", 2003].

5) *А главным "рекламным агентом" Путина стал русский солдат с автоматом.* [Владислав Шурыгин. Армия эпохи "реставрации" (2003) // "Завтра", 2003. 01. 05].

6) *Однако, очнувшись от ночного холода, искалеченный, но не сломленный, русский солдат сумел вернуть свой пулемет и пробиться с ним в расположение своего подразделения* [Геннадий Трошев. Моя война (2000-2001)].

7) *Как ни прятался по бункерам Гитлер, а пришел русский солдат, и конец настал* [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)].

- Газетный корпус.

1) *Последний, правда, не генерал: в истории майор Сергей Бухвостов фигурирует как "первый русский солдат" и "стременной конюх", взятый к Петру I "для потех"* [Олег Рогозин. Тургенева накроют Покровом // Известия, 2012.01.24].

2) *Дело в том, что победу одержал не просто русский солдат, а победу одержал великий советский народ* [Радио 'Комсомольская правда'. Что думают о Сталине фронтовики, их дети и внуки // Комсомольская правда, 2011.05.12].

3) *Особенно тот момент, когда появляется русский солдат – славный малый в исполнении Евгения Леонова, который не знает, как пройти на Тифлис* [Анастасия ПЛЕШАКОВА. Вахтанг Кикабидзе: "Война утихнет, но в сердце боль останется" // Комсомольская правда, 2008.08.13].

4) *Смысл ее таков: русский солдат, раненый чеченским командиром Хамзатом Зандакским, вспоминает своих родных* [Наталья Коныгина. Поезд дружелюбных чеченцев в Москве // Известия, 2007.12.24].

5) *И вчера последний русский солдат покинул Грузию.* [Лариса ВИКТОРОВА. Фото Ивана ТИМОШИНА и РИА "Новости". Владимир ЖИРИНОВСКИЙ: Демократию, как и ребенка, надо вырастить и научить ходить // Комсомольская правда, 2007.11.30];

6) *Они сказали, что не дадут приза картине, где русский солдат показан с человеческим лицом", – говорит продюсер* [Мария Ганиянц. На съемках 'Александры' Сокурова Вишневская проявила небывалый героизм // РИА Новости, 2007.10.18].

Вариант 2: РУССКИЙ СОЛДАТ.

Употребление составного наименования в подобном виде встречается всего в двух контекстах газетного корпуса:

– *РУССКИЙ СОЛДАТ ПАРТИЗАНИЛ ВО ФРАНЦИИ* Лучшие годы молодости Николай Максимович провел в лагерях, немецких и советских [Елена ПАНКРАТЬЕВА. Уральский ветеран нашел свою французскую любовь через 70 лет // Комсомольская правда, 2013.03.24].

– *КАК ТАМ РУССКИЙ СОЛДАТ В ЧЕЧНЕ?* Олег Шведков, председатель Общероссийского профессионального союза военнослужащих, капитан 1 ранга: *Во время войны в боевых действиях участвовали войска перемещенного состава, в том числе из батальона морской пехоты и Псковского полка ВДВ* [Березнева Елена. РАМЗАН // Труд-7, 2007.04.05].

Это составляет 0, 2% от общего числа контекстов в газетном корпусе. В основном корпусе употреблений такого вида не наблюдается, что говорит о редкости такого варианта написания. Автор использует подобную форму для подчеркивания глобального смысла данного наименования. Употребляется для указания на пребывание русского солдата на чужбине.

Вариант 3: "русский солдат".

Употребление составного наименования в подобном виде встречается всего в одном контексте основного корпуса:

1) *Потому что более дорогого человека, гостя, чем "русский солдат", тогда не существовало* [Сергей Роганов. Понаехали без правил // Известия, 2012.11.27].

Это составляет 0, 1% от общего числа контекстов в основном корпусе. В газетном корпусе употреблений такого вида не наблюдается, что говорит о редкости такого варианта написания. Автор использует подобную форму для подчеркивания переносного смысла данного наименования. Употребляется для указания на пребывание *русского солдата* среди людей другой национальности. Акцент, по нашему мнению, сделан на собирательном значении национально-культурного образа *русского солдата* и его представлении в концептуальной картине мира народа-единомышленника.

Определим составляющие смыслового поля концепта *русский солдат* с применением фреймовой репрезентации знаний, относящихся к определенной предметной области.

Основной корпус НКРЯ.

Тематическая область "прославленный (кем-л. / чем-л.)"

1. *Или вспомним крылатое выражение "Русский солдат не знает преград"*. [Владимир Авилов. Сибирский кулак (2004) // "Боевое искусство планеты", 2004.06.10];

2. *И где на планете русский солдат подметал аэродром или собирал ракетную установку – на Антильских островах или в Ливийской пустыне, – ему самому знать было не положено* [Петр Ростин. Как солдат в Средней Азии служил // "Знание - сила", 2009];

3. *Национальный русский... солдат будет стоять со своим флагом...* [коллективный. Форум: Крымская великая отечественная война, материал с сайта "белогвардейцев (2013)];

4. *И не в слабости русского оружия дело. Русский солдат непобедим. А вот русский гуманитарий... Там, где у народа должна быть голова – только какой-то пень-обрубок с похожими на глаза гнилушками и черной дырой на все готового рта*. [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)];

5. *Умирал русский солдат за всех – это правда.* [Светлана Алексиевич. *Время second-hand* // "Дружба народов", 2013];

6. *Русский солдат не воюет против беззащитных стариков, женщин и детей.* [*Братство краповых беретов* (2004) // "Солдат удачи", 2004.04.07];

7. – *Ты очень хороший русский солдат! Я тоже воевал.* [Виктор Доценко. *Тридцатого уничтожить!* (2000)];

8. *Когда говорят, чаще талдычат: великий русский воин, развеликий русский солдат, я явственно вижу того бойца, что одним выстрелом убил наглого немецкого летчика, – фигура неведомого стрелка, истинного героя, вырастает в моих глазах до исполина.* [Виктор Астафьев. *Затеси* // "Новый Мир", 1999].

Тематическая область "война / военные действия"

1. *В пропаганде, которую вели гитлеровцы по разложению Советской Армии, один мотив был особенно прост: "Русский солдат, знаешь ли ты, кто управляет Россией?"* [Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. *Наука и свобода* (2004)].

2. *За редкими историческими исключениями русский солдат всегда был неважно оснащен, а в контексте развития теории и практики "сетевых" войн современный российский солдат выглядит совсем ужасно как ранне петровский стрелец на фоне шведских гвардейцев Карла XII* [Руслан Пухов. *Если завтра война* // "Однако", 2009].

3. *Рассказывая читателям, что солдаты полка Швейка "вместо ста пятидесяти грамм венгерской колбасы" получили две открытки, на одной из которых "был изображён русский солдат, бородатый мужик, которого обнимал скелет", Ярослав Гашек сатирически отобразил важную реалию Первой мировой войны – пропаганду посредством почтовой открытки* [Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. *Наука и свобода* (2004)].

4. *Белеет ли в поле пороша Иль гулкие ливни шумят, Стоит над Москвою Алеша, Вернувшийся русский солдат* [Константин Ваншенкин. *Писательский клуб* (1998)].

5. *Он такой же винтик войны, как и русский солдат, – с поправкой, конечно, на денщика и дворянство* [Владимир Березин. *О Твардовском* // "Новый Мир", 1996].

6. *Русский солдат не страшился смерти, но боялся умереть без участия, быть зарытым в землю без церковного погребения* [Юрий Бирюков. "... В одно моление души русские сольем" // "Родина", 1995].

Русский солдат справедлив, смел, честен, не обижает стариков и детей. Это отношение к *русскому солдату* сложилось исторически. Русские солдаты совершали священные подвиги во имя священной идеи.

Следовательно, в составном наименовании *русский солдат* атрибут *русский* обозначает духовную связь с историей, менталитетом, народом и страной. В анализируемом составном наименовании доминирует атрибут,

что способствует расширению семантического поля. Доминирующее воздействие атрибута *русский* на главный компонент солдат определяет коммуникативное значение всего составного наименования.

Газетный корпус НКРЯ.

Тематическая область "качественные характеристики русского солдата".

1. *Я был молодым и бедным – обычный русский солдат* [Елена ПАНКРАТЬЕВА. Уральский ветеран нашел свою французскую любовь через 70 лет // Комсомольская правда, 2013.03.24].

2. *Когда-то лидер ЛДПР Жириновский произнес фразу, которая стала всемирно известной: "Русский солдат еще будет мыть свои сапоги в Индийском океане!"* [Виктор БАРАНЕЦ, Коллаж Дмитрия ПОЛУХИНА. Российская армия осталась без сапог // Комсомольская правда, 2007.11.24].

3. *Героями лучших русских сказок и песен является доблестный русский солдат, который в огне не горит и в воде не тонет* [Сидоров Анатолий. НАРОДУ - НАРОДНУЮ АРМИЮ // Труд-7, 2003. 06. 24].

4. *В передаче, о которой идет речь, говорилось о том, что председатель Национального комитета Красного Креста Швеции граф Бернадотт обратил внимание Сталина на бедственное положение советских военнопленных, а Сталин, отвечая Бернадотту, заявил, что "русских военнопленных нет – русский солдат бьется до смерти; если же он выбирает плен, он автоматически исключается из русской общности"* [Корнилов Юрий. ПРИГОВОР СЫНУ // Труд-7, 2002.01.17];

5. *Подняла его руку и крикнула: "Смотрите! Вот русский солдат! Умирая, он верил в Победу* [Турченко Сергей. БРИЛЛИАНТЫ В 'ВАЛЕНКАХ' // Труд-7, 2001.11.15].

6. *Потом мне объяснили: большинство моджахедов из Панджшерского ущелья за время войны с советскими солдатами неплохо выучили русский. – Русский солдат – хороший солдат. Переводчик добавил: – У нас многие жалеют, что тогда воевали с русскими.* [Хлыстун Виктор. ВОЮЮТ ПОКА ГЕНЕРАЛЫ // Труд-7, 2001.10.23].

7. *Видимо, там и тогда родилась суворовская фраза: "Где птица не пролетит, русский солдат пройдет"* [Уханов Иван. ОН ПРОШЕЛ ТАМ, ГДЕ НЕ ПРОЛЕТАЛА ПТИЦА // Труд-7, 2001.04.05].

В отличие от контекстов основного корпуса, в контекстах газетного корпуса доминирующим является компонент "солдат": "русский солдат – хороший солдат". Второй компонент "русский" конкретизирует и усложняет значение главного компонента. Уточнение и усложнение осуществляется посредством актуализации таких сем, как "доблестный", "хороший", "надежный" и др. Расширение семантического поля составного наименования *русский солдат* происходит путем добавления новых характеристик, свойств или качеств.

Таким образом, первичное значение составного наименования *русский солдат* – рядовой военнослужащий российских войск, принадлежащий к некомандному и к нена начальствующему составу.

Атрибутивный компонент *русский* трансформирует гиперсему составного наименования, эксплицируемую этнонимом (основной корпус: *русский* → высокодуховный; газетный корпус: *русский* → доблестный, способный на экстраординарное мужество).

Коммуникативное значение составного наименования *русский солдат*: воин-патриот, обладающий редкой духовной силой и бесстрашием исполнения, способный на исключительное мужество в борьбе за русскую землю, Отечество.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 13.04.2022). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.
2. Тимофеев, С. Е. Идеологизированные составные наименования с атрибутом русский в современном русском языке / С. Е. Тимофеев, С. Н. Стародубец // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей IV Международного симпозиума: в 2 томах, Симферополь, 09–11 июня 2020 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2020. – С. 479-484.
3. Тимофеев, С. Е. Составное наименование *вежливые люди* в современном политическом и масс-медиа дискурсе / С. Е. Тимофеев. – Нижний Новгород. – 2018. – № 5. – С. 236 – 244.
4. Туркова, К. Д. Словарь перемен. Какими словами и мемами обогатился наш язык после Евромайдана // Вести. Репортёр: интернет-журн. – URL: <http://reporter.vesti-ukr.com/art/y2014/n41/11145-slovar-peremen.html> (дата обращения: 15.04.2022). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

Емельянова Ксения Владимировна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: emelxen. 90@gmail.ru

УДК 8125

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА БРЯНЩИНЫ, НОМИНИРУЮЩАЯ ВНУТРЕННЕЕ ОБУСТРОЙСТВО СЕЛЬСКОГО ЖИЛИЩА

В статье анализируется диалектная лексика Брянской области. Кратко изложена история изучения Брянских говоров. Объектом исследования выбраны диалектные единицы, называющие внутреннее обустройство сельского жилища. Выделяются и описываются характерные особенности номинаций, пришедших в русскую диалектную речь из украинского и белорусского языков. На основании анализа отмечено доминирующее влияние украинских лексем на брянские говоры.

Ключевые слова: диалектная лексика, лексико-тематическая группа, Брянская область, сельское жилище, брянские говоры.

Как известно, Брянская область – это территория, граничащая с Украиной и Белоруссией. Как отмечает О. В. Белугина: "Лингвокультурное пространство Брянской области сохраняет многие особенности восточнославянской культуры и является одним из самых интересных в этнокультурном отношении регионов славянского мира. . . " [2, 62]. Данным фактом обуславливаются особенности говоров, бытующих на Брянщине и существующих параллельно с литературным языком. Русские, украинские, белорусские лексемы – все они входят в состав диалектного языка Брянского края.

Такое расположение территории и особое историческое развитие Брянщины долгое время привлекало и привлекает в наши дни внимание многих исследователей-лингвистов. П. А. Расторгуев, Н. Н. Соколов, Е. Ф. Карский, В. И. Чагишева и другие авторитетные ученые высказывали разные мнения о принадлежности брянских говоров к какому-то определенному наречию русского языка. В наше время принято придерживаться мнения В. И. Чагишевой, которая отнесла говоры брянского региона к особой группе южновеликорусского наречия и назвала их непосредственно "брянскими" [9]. Также, В. И. Чагишева возглавляла диалектологические экспедиции, результатом которых стал собранный ценнейший материал для Диалектологического атласа Брянщины.

Еще в 1850 году жительница Брянской области М. Н. Косич занялась записями местной речи. Её труд "Литвино-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни" первый пример исследования особенностей речи и культуры носителей языка нашего края.

Один из самых известных советских языковедов, занимавшихся изучением брянских говоров, П. А. Расторгуев отбирает лексический материал для "Словаря народных говоров Западной Брянщины", начиная с 1903 года. Данный словарь выходит в печать в 1973 году и включает обширный лексический материал в количестве 8 тыс. слов.

Изучение диалектов и в наше время представляет интерес у многих учёных-лингвистов. Самые известные имена исследователей брянских говоров конца XX– начала XXI вв.: В. А. Козырев, Н. И. Курганская, В. О. Кузнецов, Е. О. Бойцова и др.

В "Новом словаре методических терминов и понятий" под диалектом понимается "разговорный вариант данного языка, которым пользуется ограниченное число людей" [5]. По В. И. Далю, говор – "это местное устное наречие" [4]. Уже упоминалось, что диалекты существуют в разговорной речи параллельно с литературным языком, но не являются его частью. Главная особенность диалектной речи – её устное функционирование в языке.

Особый интерес при изучении говоров всегда представляли диалектные лексические единицы внутреннего обустройства сельского жилища, которые и стали объектом нашего исследования. Под наименования обустройства жилища мы относим диалектные лексемы, выступающие названиями посуды, предметы мебели и хранения хозяйственных принадлежностей, элементы декора и т. п. Все лексические единицы, представленные в статье, взяты из "Брянского областного словаря".

На основе отобранного материала (33 слова) все языковые лексические единицы можно разделить на несколько лексико-тематических групп. Первая лексико-тематическая группа – "Наименования посуды для хранения и приготовления продуктов". К ней относятся: *бiклага*, *ведёрник*, *гiрка* (*гiрька*), *долбáнка*, *káшник*, *кóновка*, *кáнка*. Материалами для изготовления этих предметов посуды являются дерево, глина и металл. Непроизводными лексемами данной группы выступают *бiклага*, *гiрка*, *кóновка*, *кáнка*. Некоторые слова, которые в русском языке являются диалектными, с той же семантикой представлены в языках восточных славян: *кáнка* в украинском языке является литературной нормой, а *бiклага* в лексическом варианте *бáклага* – белорусская языковая норма. *Кáшник*, *ведерник* образованы от существительных при помощи словообразовательных аффиксов, а номинация *долбáнка* является отглагольным образованием.

Рассмотрим диалектную лексему *káшник*. Данное слово указано в "Брянском областном словаре" в значении глиняного горшка для приготовления каши ("*Кашник – эта маленькая махотачка з двума прилепками уместа ручек, у ёй кашу варють*" [3, с. 145]). Этот диалектизм был зафиксирован в Новозыбковском и Брасовском районах Брянской области. В украинском языке слово зафиксировано в том же значении, т. е. 'горшок для каши' [7].

Лексема *гiрка* или *гiрька* в брянских говорах встречается в двух значениях – "невысокий глиняный кувшин для различных хозяйственных нужд" (*Гирка – ета усё дно, што куушыи* [3, с. 69]) и "кувшин с отбитым горлом" (*Рыла отбила у гляку, шче маткин глек; як у гляку рыла атабйецца, завем гирка ти гирька* [3, с. 69]). Однако в украинском языке данная номинация встречается только во втором значении.

Довольно продуктивна следующая лексико-тематическая группа: "Наименования предметов, предназначенных для хранения пищи и вещей". К ней относятся следующие лексические наименования: *лiзбень, кубёл (куб-лo), челёсник, ведёринка, кoпочка, кoпик, судня*.

Диалектная лексема *кoпик*, т. е. "узкий деревянный сундук для хранения продуктов" (*Усё стави у копик, што купила* [3, с. 161]) происходит от глагола *копить* – сберегать, хранить. То есть, в семантике данного слова присутствует компонент "хранить".

Еще одним местом хранения пищевых продуктов являлся *лiзбень* – "кадушка с крышкой для хранения пищевых продуктов, чаще сала" (*Ты сала с кубила принес?* [3, с. 180]). В словаре В. И. Даля это же слово имеет несколько иное значение – "кадочка, служащая замест сундука" [4]. А сам сундук, как известно, являлся местом хранения вещей, одежды, приданого и т. п. Поэтому отличие слов в "Брянском областном словаре" и словаре В. И. Даля состоит в том, что в диалектном значении *лiзбень* предназначен для хранения пищевых продуктов, а по Далю – для вещей.

Следующая лексико-тематическая группа, выделенная нами – это "Наименования предметов декора жилища". В данную группу вошли 9 лексических единиц: *стённик, склянка, завёска, настольник, накид, накутник, набóжник, надвóконники, боговник*. В отдельную микро-подгруппу были вынесены номинации *набóжник, боговник, накутник*. Выделенные предметы объединяет принадлежность к религиозной тематике.

Номинация *накутник*, т. е. "занавеска перед иконами" (*Иди сыми накутник* [3, с. 214]) является мотивированной. *Накутник* восходит к диалектному слову *кут*, означающему правый угол комнаты, где находились иконы. Образование слова произошло прибавлением к производящей основе преффикса *над-* и суффикса *-ник*. Таким же с способом образованы диалектные лексемы *настольник, набóжник, надвóконники*.

Диалектные номинации *колáк, кáчка, зыбка, канáп (канáпа), гáйна* составили следующую лексико-тематическую группу предметов обустройства сельского жилища – "Наименования предметов мебели". Слово *зыбка* в словаре указано как "колыбель, люлька" (*Дитё у зыпки арёт, а матка рядом плача* [3, с. 123]). В белорусском литературном языке данная лексема представлена с такой же семантикой, а украинском со значением "коляска" [6]. Диалектизмы *зыбка* и *кáчка* являются синонимичными, так как *кáчка* – это также "детская колыбель, качалка, люлька" [3, с. 144]. Общ-

ность данных слов также состоит в отглагольном образовании: *зы́бка* ← *зыба́ть* (укр. колебать, качать, колыхать) и *ка́чка* ← качать.

Единица *канапа* – это "деревянная скамья со спинкой, а также деревянный с мягкой обивкой диван, изготовленный в кустарных мастерских или самим хозяином" (*Пасяди на канати пакуль я приду* [2, с. 135]) также представлена во всех трёх языках. В русском языке эта диалектная лексема встречается в определённых местах Брянского края, таких как Мглинский, Клинцовский, Новозыбковский, Гордеевский районы. В белорусской же речи данное слово является языковой нормой в значении "диван" [1], как и в украинском языке – здесь слово может встречаться в значении "диван без спинки" [7].

В последнюю лексико-тематическую группу "Наименования текстильных изделий" были отнесены субстантивы *ло́жник*, *наподу́шник*, *ути́рич*, *ути́рка*, *утира́льник*, *за́навесь*.

Вариантами современной лексемы *полотенце* в брянских говорах являются номинации *утира́льник*, *ути́рка*, *ути́рыч*. Все три лексемы являются отглагольными, образованными с помощью разных суффиксов, среди которых встречается и непродуктивный суффикс *-ыч*. *Утиральник* в "Толковом словаре Ожегова" представлен с пометой просторечное [8]. В украинском языке слово дано в значении "рушник" (для утирания) [7]. Так же украинская номинация *ути́рка* в литературной норме означает "тряпочку для вытирания" [6]. В брянских говорах вышеперечисленные слова встречаются в Стародубском, Севском, Суземском, Трубчевском, Суражском районах. А в Новозыбковском и Калужском районах *утира́льник* встречается в значении "носовой платок" (*Нос вытираи, во табе утиральник* [2, с. 334]).

Таким образом, географическое положение Брянщины, расположенной на границах с такими государствами как Украина и Республика Беларусь, является определяющим фактором в формировании особенностей говоров сельского населения. Произведенный анализ, позволяет сделать вывод, что большинство лексических диалектных единиц, которые входят в состав брянской речи, представляют собой слова, пришедшие из украинской речи. Часто слова из описанных выше лексико-тематических групп, оказывались литературной нормой Украины (и так же Беларуси), а в русском языке они являются диалектными наименованиями. В результате исследования выявлено преобладание слов украинского происхождения над белорусскими лексическими наименованиями.

Список использованных источников

1. Беларуская-расейскі слоўнік. – Режим доступа: свободный. – URL: <https://belaruska-rasejski-sloynik.slovaronline.com>. – Текст: электронный.

2. Белугина, О. В. Языковая специфика календарно-обрядовых фольклорных текстов, зафиксированных на территории юго-западных районов Брянской области // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2014. – № 166. – С. 62-68. – EDN SBHNDUZ. – Текст: непосредственный.

3. Брянский областной словарь. Изд. 2ое исправленное и дополненное. Брянск, 2011. 361 с. – Текст: непосредственный.

4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль – М. : "Терра" – "TERRA", 1995. – Т. 1: А – З. – 699 с., Т. 2: И – О. – 779 с., Т. 3: П. – 555 с., Т. 4: Р – Я. – 683 с. (ТСД). – Текст: непосредственный.

5. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Авторы Э. Г. Азимов, А. Н. Шукин. – Москва: Издательство ИКАР, 2009. Электронная версия, "ГРАМОТА. РУ", 2010. – Режим доступа: свободный. – URL: <http://gramota.ru/slovari/info/az/> – (Дата обращения: 14. 04. 2022). – Текст: электронный.

6. Російсько-українські словники / Підготували: Н. Марченко, В. Кубайчук, А. Рисін, О. Телемко, О. Оксимова. – Київ: "К. І. С. " – Режим доступа: свободный. – URL: <http://r2u.org.ua>. – Текст: электронный.

7. Словарь української мови / Упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко: в 4-х т. – К. : Вид-во Академії наук Української РСР, 1958. – Т. 2– Текст: непосредственный.

8. Толковый словарь Ожегова. – Режим доступа: свободный. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6388>. – Текст: электронный.

9. Чагишева, В. И. Брянская область в истории и лингвистике (К изучению брянских говоров) / В. И. Чагишева // Изучение брянских говоров за 60 лет // Брянские говоры. – Л., 1978. – Текст: непосредственный.

Коротченко Маргарита Ивановна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: margaswag@yandex.ru

УДК 81'25

НАИМЕНОВАНИЯ ПИЦЦЫ В ГОВОРАХ БРЯНЩИНЫ

В статье представлен анализ диалектной лексики, отражающей особенности языка жителей Брянской области и зафиксированной в Брянском областном словаре. Были рассмотрены языковые единицы, входящие в состав тематической группы "Пицца". Охарактеризованы следующие лексико-тематические группы: "Наименования блюд, приготовленных из картофеля", "Наименования кисломолочных продуктов", "Наименования жидких блюд", "Наименования мучных изделий".

Ключевые слова: Брянский областной словарь, диалекты, лексико-тематическая группа, Брянщина.

Регион, очерченный на западе Беларусью, а на юге Украиной обозначают, как Российско-Белорусско-Украинское пограничье. Это создает уникальную ментальность людей, проживающих на данной территории. Такое явление выступает фактором, определяющим развитие национальных культур в данной местности в настоящее время.

Профессор Стародубец С. Н., занимающаяся изучением особенностей носителей диалектной речи, указывает на культурный и лингвистический феномен юго-западного региона Брянщины: "Российско-Белорусско-Украинское пограничье является неоднородным культурно-языковым регионом, специфика которого заключается в том, что на определённой территории продуктивно функционируют эквивалентные (исторически обусловленное ядро в виде общеславянских языковых фактов, языковые варианты на уровне нормативной общеупотребительной лексики, разговорных, просторечных и диалектных явлений) и интерферентные лингвокультурные явления (в наибольшей степени проявляющиеся в контаминации фонетических, лексических и грамматических черт вследствие взаимовлияния славянских языков)" [10; с. 5].

Немало важным является и то, что на диалектную лексику Брянщины, но прежде всего их пограничных говоров, оказали большое влияние белорусский и украинский языки. Вследствие этого, государственные границы не соответствуют "границам языка". Как отмечает О. В. Белугина: "Являясь одним из самых интересных в этнокультурном отношении регионов славянского мира, Брянщина наиболее полно сохранила в различных проявлениях архаические элементы традиционной народной, духовной и материальной культуры. Все это находит отражение и в языке жителей пограничного региона" [3, с. 67].

На протяжении многих лет в лингвистике активно исследовались различные проблемы, связанные с изучением особенностей русских говоров. Примером служат работы следующих ученых: Д. К. Зеленина, А. А. Шахматова, Е. Ф. Карского, И. И. Срезневского, В. А. Меркуловой, В. И. Чагишевой. При этом говоры Брянщины не являются исключением.

Первое достаточно обширное описание брянских говоров было дано профессором П. А. Расторгуевым в его "Словаре народных говоров Западной Брянщины" [8]. Работа по исследованию говоров Брянщины была продолжена в изданном под редакцией В. И. Чагишевой и В. А. Козырева "Словаре брянских говоров" [11]. В дальнейшем к исследованию брянских говоров присоединились сотрудники Брянского государственного университета им. ак. И. Г. Петровского. После чего в 2007 году появилось издание "Брянского областного словаря" под редакцией Н. И. Курганской. Второе (дополненное) издание "Брянского областного словаря", насчитывавшего свыше шести тысяч словарных статей, вышло в свет в 2011 году [7]. В нем представлены диалектные материалы, собранные на территории области преподавателями и студентами Брянского государственного университета с 70-х годов 20 века по настоящее время. В данной статье для анализа нами были взяты языковые единицы из указанного выше словаря.

Всего было отобрано 40 лексических единиц. Нами было выделено несколько лексико-тематических групп (ЛТГ), которых объединяет семантика наименования "пицца".

Первую лексико-грамматическую группу мы определили, как "Наименования блюд, приготовленных из картофеля". Она включает в себя 11 диалектных слов. Это лексико-грамматическая группа представлена наиболее широко, в связи с тем, что на протяжении многих лет Брянщина славилась высокими урожаями картофеля. Рассмотрим некоторые лексические единицы данной лексико-тематической группы:

Дёрник, м. Картофельный блин; лепёшка из тёртого картофеля. *Дёрники укусныи, када свежыи. (Брас.) Картохи надяру во, дёрникау наделаю на вячерю. (Сев.)* [7; с. 87].

Густёша, ж. Картофельное пюре. *Хади падай, а то густёша астывайть. (Клим.) Бульба ужо целая ни ядицца, луччи яе патоучь, и густёша будя. (К-г)* [7; с. 83].

Бабка, ж. 1. Печное изделие из тёртого картофеля. *Бабка - ета када патруть картошку, яечка туда, сала, можна валлiть малачка и у печи, яна тамицца - ета банка палучаицца. (Новозыбков)* [7; с. 21].

В белорусском литературном же языке данное наименование имеет следующие значения: 1) бабушка; 2) повивальная бабка; 3) вид сдобного печенья; 4) наковальня для косы; 5) косточка для игры - бабка; 6) куча снопов; 7) попутник (раст. *Plantago*)" [2].

Сопоставив словарные статьи в "Русско-белорусском словаре" и в "Брянском областном словаре", мы видим, что значение лексической еди-

ницы *ба́бка* отличается. В белорусском литературном языке данное диалектное название не имеет отношения к значению, представленном в "Брянском областном словаре".

Вторая выделенная нами лексико-грамматическая группа – это "Наименования кисломолочных продуктов". Она представлена следующими наименованиями: *ёкалка, брёйка, варёнка, гартяники*.

В "Брянском областном словаре" лексическая единица *ёкалка* имеет следующее значение: *Скисшее молоко, простокваша. Садись паеш нямношка тварашку да ёкалки попей.* (Сев.) [7; с. 97].

Такое же значение имеет и диалектное слово *сыроква́ша*. В белорусском литературном языке встречается такое же наименование с идентичной семантикой. Здесь мы наблюдаем влияние белорусского языка на говоры юго-запада Брянщины.

Третью лексико-грамматическую группу мы определили, как "Наименование жидких блюд". В нее включено 6 лексических единиц: *бульбя́нка, ва́ря, гому́ла, кандёр, греча́нка, гурко́вник*.

Наименование *гурко́вник* в "Брянском областном словаре" имеет следующее значение: *Рассольник. Сядьни на абет у нас гурковник, хадитя есь.* (Злынк.). [7; с. 83]. Данное слово является производным от диалектизма *гуро́к*, в значении огурец. Как известно, рассольник – это суп, приготовленный с использованием соленых огурцов. Семантика наименования *гурко́вник* структурно мотивирована: *гуро́к* – огурец; *гурко́вник* – рассольник (суп, приготовленный с добавлением соленого огурца).

Четвертая лексико-грамматическая группа "Наименования мучных изделий" представлена следующими наименованиями: *вальцо́вка, каньш, каравáец и крава́ец, мармышéль*.

Субстантив *каравáец* в статье русско-украинского словаря представлен в значении *каравай* [9]. Слово в контексте представлено в следующем виде: [*Благослави, боженьку, короваэць мисити*]. Таким образом, мы видим, что диалектное слово *каравáец* заимствовано из украинского литературного языка.

Проанализировав четыре лексико-тематические группы, мы видим, что существуют субстантивы в диалектном языке, которые заимствованы как из украинского, так и белорусского языка.

Таким образом, совокупность наименований пищи в говорах юго-запада Брянщины представлена названиями жидких блюд, пищи, приготовленной из картофеля, выпечных изделий, молочных продуктов. Особое место занимают названия блюд из картофеля. Питание жителей исследуемого региона не отличалось значительным разнообразием, включало в себя доступную еду. Семантика исследуемой лексики отражает названия ингредиентов, способы приготовления, свойства блюд, этнические традиции.

Список использованных источников

1. **Аванесов, Р. И.** Достижения современного языкознания в области русской диалектологии // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XVII. Вып. 1. – М., 1958. – С. 15-26.
2. Беларуская-расейскі слоўнік. – URL: <https://belaruska-rasejski-sloynik.slovaronline.com> (дата обращения: 01.04.2022).
3. **Белугина, О. В.** Языковая специфика календарно-обрядовых фольклорных текстов, зафиксированных на территории юго-западных районов Брянской области // Известия Российского государственного пед. универс. им. А. И. Герцена. – 2014. – № 166. – С. 62-68.
4. **Виноградов, В. В.** Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – Москва, 1977. – С. 162-189.
5. **Виноградов, В. В.** Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. – Москва: Высш. шк., 1986. – 351с.
6. **Григорьева, Р. А.** Лингвистическая ситуация / Р. А. Григорьева // Этнокультурный ландшафт белорусско-российского пограничья в нач. XXI в. (по матер. полевых исследований в сельской местности): монография / Р. А. Григорьева, И. В. Романенко, С. С. Крюкова и др. ; под ред. Р. А. Григорьевой; ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Центр белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси. – Москва: ИЭА РАН, 2018. – 371 с.
7. **Курганская Н. И.** Брянский областной словарь. - Брянск: 2011.
8. **Расторгуев, П. А.** Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Расторгуев. / Авт. вступ. статьи Н. Д. Расторгуева и Е. М. Романович. АН БССР. Ин-т языкознания им. Якуба Коласа. – Минск: Наука и техника, 1973. – 295 с.
9. Русско-украинский словарь // Академик URL: https://russian_ukrainian.academic.ru/ (дата обращения: 01.04.2022).
10. **Стародубец, С. Н.** Специфика этнолингвистического описания языковой ситуации в пограничном регионе / С. Н. Стародубец // Русский язык как основа межкультурного диалога славянских народов на территориях приграничных с Россией государств (г. Новозыбков, Брянская область, 25- 26 октября 2017 г.). Под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Брянск: "Аверс", 2017. – С. 5-8.
11. **Филин Ф. П.** О структуре современного русского литературного языка / Ф. П. Филин // Вопросы языкознания. – 1973. – № 2. – С. 3-12.

УДК 81'25

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА БРЯНЩИНЫ, НОМИНИРУЮЩАЯ ПРЕДМЕТЫ И ЯВЛЕНИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА И ПТИЦЕВОДСТВА

В статье проводится анализ диалектной лексики Брянской области, который состоит из краткой справки об истории изучения брянских говоров, разделения отобранной лексики на лексико-тематические группы, выявления лексем, присущих другим языкам восточнославянской группы. В ходе исследования делается вывод о равноправном влиянии украинского и белорусского языков на развитие Брянских говоров.

Ключевые слова: диалектная лексика, лексико-тематическая группа, Брянская область, брянские говоры, животноводство, птицеводство.

"Брянская область – это уникальный регион, поскольку он находится на стыке трёх восточнославянских государств. Исторически территория юго-запада современной Брянщины принадлежала и Украине, и Белоруссии, что обусловило ту неповторимую речевую специфику, которую мы наблюдаем и в наши дни" [7, с. 4]. Интерес лингвистов к изучению брянских говоров был вызван попытками определить их место в системе языков и диалектов восточнославянской группы и проследить взаимоотношение говоров Брянщины с говорами смежных территорий.

Этнограф и лингвист Е. Ф. Карский считал, что брянские говоры являются белорусскими, и при установлении их родства принимал во внимание лишь их общие черты. Е. Ф. Будде, напротив, настаивал на том, что брянские говоры – типично южновеликорусские. Мнение о переходной природе брянских говоров от белорусских к южновеликорусским принадлежит И. Г. Голанову.

Особый интерес к изучению брянских говоров проявил П. А. Расторгуев, главным трудом которого является "Словарь народных говоров Западной Брянщины". Фундаментальные исследования учёного позволили современным лингвистам сделать соответствующие выводы о развитии обширной диалектной базы Брянщины на протяжении длительного времени и о попытках её классификации. "Тем не менее впоследствии П. А. Расторгуев практически обосновал описание говоров Западной Брянщины как южновеликорусских, развивавшихся и развивающихся на белорусской основе, с тенденцией вытеснения белорусских явлений южновеликорусскими. Важнейшим уточнением в этой связи являлось предостережение от

ошибочной характеристики данных говоров как смешанных или переходных (от белорусского языка к русскому)" [6, с. 7].

Объектом нашего исследования является диалектная лексика, номилирующая предметы и явления, имеющие отношение к животноводству и птицеводству. Весь материал для анализа отбирался из "Брянского областного словаря" [4]. Всего было выделено 34 лексемы, разделённые впоследствии на 4 лексико-тематические группы.

Первая такая группа "Наименования мест для содержания домашних животных", которую, в свою очередь, можно подразделить на следующие подгруппы:

1. Места, предназначенные для содержания домашних животных, открытого типа. К таковым относятся: *алáнь, баз, вóрок, зáгород (зáгородь), поскóтина*;

2. Места, предназначенные для содержания домашних животных, закрытого типа. К этой подгруппе примыкают: *зáкут (зáкуть), кáрда, кáтух*.

Если попытаться проследить взаимосвязь Брянских говоров с активной лексикой белорусского и украинского языка, то можно заметить следующие особенности:

1. Наблюдается полное совпадение по семантике в контексте говоров Брянщины и литературной нормы украинского языка. Такими словами являются *баз* и *зáгород* [5].

2. Наблюдается полное совпадение по внешней форме, но различие по семантике в контексте говоров Брянщины и литературной нормы украинского языка. Например, субстантив *вóрок* в "Брянском областном словаре" [4, с. 56] означает летний загон для скота, в то время как в "Великому тлумачному словнику (ВТС) сучасної української мови" он толкуется как небольшой мешочек с остроугольным дном для отцеживания и отдушивания сыра [5].

3. Полное или близкое совпадение семантики брянского диалектизма с литературной нормой белорусского языка. Например, субстантив *кáтух* обладает лексическим значением "маленький сарай для мелкого скота" в "Брянском областном словаре" [4, с. 141] и "курятник" в Беларуска-русейскім слоўніку [1].

Вторая лексико-тематическая группа "Номинация домашних животных и их детёнышей". В ней также логично деление на внутренние подгруппы, среди которых:

1. Номинация взрослых особей животного мира: *горбáч, зю́та, кáнка, кáчка*. Лексемы данной подгруппы производные. Исключение составляет субстантив *квохту́ха*, являющийся отглагольным образованием.

2. Номинация детёнышей домашних животных. Лексемы этой подгруппы уже являются производными от номинативов взрослых особей животного мира. Так, например, субстантив "зю́тка" (поросёнок [4, с. 123]) образован с помощью словообразовательного аффикса от "зю́та" (свинья).

Диалектизмы типа *каченя́, гусенёнок, козленёнок* образованы при помощи суффикса -ен. В белорусском языке не наблюдается подобного способа словообразования, зато в украинском языке удалось найти одно соответствие при рассмотрении лексемы *каченя́*, семантика которого полностью совпадает с соответствующим ему брянским диалектизмом [9].

Достаточно яркую группу представляет "Номинация подзывных слов для различных домашних животных", в рамках которой деление на подгруппы может проходить двумя путями. Первый из них – по объекту адресации (подзывные для птицы и прочей живности). В "Брянском областном словаре" [4] приводится большое количество колоритных примеров:

а) подзывные слова для птиц: *вўти-вўти* (для уток), *гўли-гўли* (для гусей), *дю-дю-дю* (для цыплят);

б) подзывные слова для других домашних животных: *бырь-бырь* (для овец), *дѣтка-дѣтка* (для поросят), *дўшка-дўшка* (для поросят), *кўтя-кўтя* (для овец).

Второй путь – морфологический, т. е. присутствует возможность разделения лексики данной группы на звукоподражательные (*вўтя-вўтя, гўли-гўли, дю-дю-дю*) и междометные (*бырь-бырь, дѣтка-дѣтка, дўшка-дўшка*) слова.

Лексика этой группы обладает уникальным способом словообразования и не имеет аналогов ни в украинском, ни в белорусском литературных языках.

Последняя лексико-тематическая группа "Номинация атрибутов, связанных с содержанием домашних животных". Классификация на подгруппы здесь осуществляется следующим образом:

1. Лексемы, характеризующие ёмкости (как правило, для кормления скота). Сюда следует отнести диалектизмы *балѣя/балія* (*Я наливаю балю вады и пускаю гусянят и вўтянят, кидую йим туды ряски. Клим. [4, с. 20]*), который имеет аналог в белорусском языке, где вышеупомянутая лексема обладает идентичным значением [2], и диалектное наименование *комя́га* (*Камяга нашых кароу ужэ пуста, усѣ паели. Выг. Нада у камягу авса насыпать, няхай каняки ядуть. Поч. [4, с. 160]*), не имеющее подобных связей. Более того, *комя́га* является исконно русской лексемой, описанной В. И. Плужниковым в "Словаре архитектурных терминов" [8] и имеющей соответственное лексическое значение, данное Н. И. Курганской [4, с. 160].

2. Лексемы, характеризующие пастушьи принадлежности. Среди них *кацўба* (ж. Пастушья палка. *Кацўба – то палка, штоп паганяць кароу, с крочком на канцэ. Тр. Бяри кацўбу, гани карову. Суз. // Длинная палка вообще. А палку длиною качуба завуть. Выг. [4, с. 143]*), *лизун* (м. Кусок соли, предназначенный для скота; лизунец. *Карова прыдя с поля, дык скарей туда, де лизун, лижа, лижа, а напѣнца, у хлеу идеть. К-г. [4, с. 185]*), *ляпалка* (ж. Деревянная колотушка, используемая пастухом для созыва стада. *Пастух идеть на дяреуни и ляпалкай ляпаить. Мгл. [4, с. 192]*),

прыколок (м. Кольшек, который вбивают для привязи домашних животных. *Целяя лета тьялёнак на прыкалки пасся. Клин.* [4, с. 270]).

3. Номинация упряжи. В эту подгруппу вошли два диалектизма замўздка (ж. Удила. *Конь рванулся и рассёк губу замусткай. С-д. Якая бальшая замустка, у рот каню не местица. С-д.* [4, с. 115]) и калач (м. Часть конской упряжки из согнутого тонкого ствола дерева, служащая для прикрепления оглобель с помощью гужей к хомуту; дуга. *Калач у нас дуга – адно и то ж. Сев.* [4, с. 132]). Последний был зафиксирован в Беларускарускам слоўніке со значением "петля (из верёвки или прутьев)" [2]. На основании этого можно сделать вывод о заимствованной природе лексемы *калач* по признаку визуальной схожести двух описываемых предметов. На базе активной лексики украинского языка никаких соответствий найдено не было.

О. В. Белугина пишет: "Лингвокультурное пространство Брянской области сохраняет многие особенности восточнославянской культуры и является одним из самых интересных в этнокультурном отношении регионов славянского мира. . ." [3, с. 62]. Подтверждение этим словам можно найти в ходе нашего исследования. Для анализа было отобрано 34 диалектных наименований предметов и явлений, которые имеют отношение к птицеводству и животноводству. Из них 28 (95, 8%) не имеют аналогов в других восточнославянских языках, в то время как 3 (2, 4%) слова происходят из белорусского языка и столько же из украинского. При анализе данной статистики нельзя однозначно сказать, влияние какого языка доминирует, когда речь идёт о развитии говоров на территории Брянщины. Это в очередной раз доказывает равноправное влияние языков смежных территорий на состояние брянского диалекта.

Список использованных источников

1. Беларуска-расейскі слоўнік. – Режим доступа: свободный. – URL: <https://belaruska-rasejski-sloynik.slovaronline.com>. – Текст: электронный.
2. Беларуска-рускі слоўнік. – Режим доступа: свободный. – URL: <https://belaruska-ruski-sloynik.slovaronline.com>. – Текст: электронный.
3. **Белугина, О. В.** Языковая специфика календарно-обрядовых фольклорных текстов, зафиксированных на территории юго-западных районов Брянской области // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2014. – № 166. – С. 62-68. – EDN SBHDUZ. – Текст: непосредственный.
4. Брянский областной словарь. Изд. 2-ое исправленное и дополненное. Брянск, 2011. 361 с. – Текст: непосредственный.

5. Великий тлумачний словник (ВТС) сучасної української мови. – Режим доступа: свободный. – URL: <https://1531.slovaronline.com>. – Текст: электронный.
6. Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция : Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24- 26 мая 2018 г.) / Под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Брянск: ООО "АВЕРС", 2018. – 658 с. – Текст: непосредственный.
7. **Пронченко, С. М., Мухина, М. А.** В мире живого народного слова Брянского края: Книга для филолога. – М. : Издательство "Спутник +", 2021. – 228 с. – Текст : непосредственный.
8. Словарь архитектурных терминов. – Режим доступа: свободный. – URL: <https://rus-architect.slovaronline.com>. – Текст: электронный.
9. Словник української мови у 20 томах. – Режим доступа: свободный. – URL: <https://1677.slovaronline.com>. – Текст: электронный.

**Селиванова Екатерина Валерьевна,
Селиванова Татьяна Валерьевна**

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
E-mail: SelivanovaKatya@hotmail.com, ponka_north@mail.ru

УДК 81'25

НАИМЕНОВАНИЕ ОДЕЖДЫ В ГОВОРАХ БРЯНЩИНЫ

В статье проводится анализ диалектных наименований предметов одежды, репрезентированных в говорах Брянщины в структурно-семантическом и парадигматическом аспектах. Исследуемый материал демонстрирует лингвистическую компетентность диалектоносителей, использующих в речи дериваты, образование которых соответствует языковым моделям, семантика мотивирована производящей базой и словообразовательными формантами.

Ключевые слова: диалектизмы, семантика, мотивация, производность, наименование предметов быта, юго-западные территории Брянщины.

Особенностью юго-западных районов Брянской области является их географическое положение. Районы расположены на украинской и белорусской границах. Как обычно бывает в пограничных областях, на данной территории различные культуры, языки, религиозные воззрения, суеверия, ритуалы различных культур смешиваются между собой и во взаимодействии порождают уникальную местную культуру. Эта культура имеет свойства изначальных культур, но в то же время является в своем роде уникальной [1].

Для населения Брянщины, особенно для сельских жителей, характерны многие качества украинских и белорусских крестьян. Они очень набожны, придерживаются постов и праздников Русской православной церкви, но при этом весьма суеверны. Соблюдение православных постов и праздников сочетается с использованием вполне языческих ритуалов (например, распространена традиция "пойти к бабке", если что-то не так со здоровьем – пожилые женщины "заговаривают" зубную боль, чирьи и грижу у младенцев") [5].

Местное население верит в приметы, в порчу, в сглаз. В сельской местности распространено пользование современной бытовой техникой (стиральными машинами, микроволновыми печами), но при этом во многих домах можно встретить старинные предметы быта, такие как вальки для стирки белья, чугунные горшки и деревянные кадки, принадлежавшие семье на протяжении нескольких поколений.

Аналогичным образом и в языковой сфере происходит смешение литературного русского языка и местных диалектов, сформированных под влиянием пограничных языков – украинского и белорусского [6]. Как от-

мечается в исследовании, посвященном анализу традиционной культуры Брянской области: "Являясь одним из самых интересных в этнокультурном отношении регионов славянского мира, Брянщина наиболее полно сохранила в различных проявлениях архаические элементы традиционной народной, духовной и материальной культуры. Все это находит отражение и в языке жителей пограничного региона" [4, с. 67]. Такое взаимопроникновение языковых средств проявляет себя и в наименовании предметов первой необходимости.

Среди наименований предметов первой необходимости выделяется лексика, обозначающая одежду. Гиперонимы, номинально обозначающие одежду – одёжа, одёвка, надёвка.

Одёжа: Накінь хать какую-нибудь адёжу, што раздётая на двор бягiш.

Одёвка: Якáя у нас адёука: во кухвáйка да вáльницы.

Надёвка: Надёука у девак и у баб разна была.

Гипонимы, обозначающие одежду, весьма разнообразны. В данной лексической группе может быть применена разнообразная классификация слов: гендерная (мужская – женская), сезонная (летняя – зимняя), состояние (старая – новая), предназначение (повседневная – праздничная), по типу одежды (собственно одежда – головные уборы – обувь – варежки или перчатки).

Рассмотрим более подробно субстантивы данной лексической группы.

Мужская одежда – это куртки, рубашки, брюки, а также отдельные части этих предметов одежды.

Калóша, ж. Нижняя часть брюк, штанина. Згадили мне штаны: адна калоша вужы, другая – шырай [3, с. 133].

Кальгóт, м. Пиджак. Типерь пижжак, а тагда кальгот [3, с. 133].

Причем одна лексическая единица может означать и мужской, и женский предмет одежды. Для мужчин и для женщин эти предметы одежды различны. Например:

Андарáк, м.

1. Верхняя мужская одежда типа "армянка". Брѣвны панасиу, дак андарак саусим растрапау.

2. Домотканая широкая юбка, с лифом, преимущественно их шерстяной однотонной ткани кустарной выработки. На Радуницу уси бабы надели новья андарак [3, с. 15].

Происхождение слова андарак – белорусское и западно-украинское. В свою очередь, в Беларусь и Западную Украину это слово пришло из польского языка: *inderak* – женская нижняя юбка. В польском языке это слово заимствовано из немецкого – *unterrock*.

Кошуля, ж. 1. Женская рубашка, обычно нарядная, с вышивкой. Кашуля – эта хорошыя рубашка, кашуля фся с миткаля. Нижняя женская рубашка. Кашулю шыли с рукавами и бес рукавоу, пад нис надивали. Верхняя

женская рубашка. Кашуля с латушками – верхняя женская рубашка с клиньями под мышкой.

2. Мужская сорочка. Зняю бы ты кашулю новую [3, с. 169].

Происхождение слова – белорусско- польское. В Беларуси используется слово кашуля в значении "рубашка". В польском языке есть слово *koszula*, также обозначающая рубашку. Таким образом, слово кашуля – заимствованное из белорусского и польского языков.

Есть и такие предметы одежды, которые в принципе одинаковы и для мужчин, и для женщин:

Казатин, казачин, м. Верхняя мужская и женская одежда из тканей фабричного производства, на подкладке, длиной до колен, сшитая в талию и со сборками, рукава длинные, воротник стоячий или без воротника. Казатин из сукна мужьки насили круглый такой, на заду в зборках [3, с. 129].

Дубка, ж. Дублёнка; тулуп. Дупки выдубили из авеччий шкуры, на другому тулуп называют [3, с. 96].

Слово дубка – субстантив, образованное от глагола "дубить" - выделывать овечьи шкуры по специальной технологии. Слово образовано суффиксальным способом.

Душáтка, ж. Род одежды без рукавов и воротника; безрукавка. Душатки носить и мужьки и бабы [3, с. 98].

Лексические единицы, означающие праздничную и непраздничную одежду, можно рассмотреть на примере субстантивов "вретище" и "обнаряда":

Вретище, ср. Одежда, сшитая из веретья. Вретища на гарод надивали [3, с. 57].

Обнаряда, ж. Праздничная одежда; наряд. Деуки как урядюцца у абнаряду, дак як макавицы [3, с. 232].

Различие в содержании данных лексических единиц обусловлено социальными условиями жизни народа. Как указывает Григорьева Р. А., брянские крестьяне на юго-западе региона были очень бедны. Поэтому на юго-западной Брянщине шили одежду из грубой ткани – "веретья". В других регионах такая ткань применялась только для пошива мешков, но не для одежды [6]. "Вретище" в других регионах России чаще означало одежду святых и юродивых, которую они использовали для "умерщвления плоти", т. е. для аскетических упражнений. Так социальное положение крестьян стало причиной распространения лексемы как обозначения повседневной одежды.

Противоположное по смыслу слову вретище – слово обнаряда. Его значение – "праздничная одежда или наряд" [3, с. 232]. Антонимия между словами "вретище" и "обнаряда" основана на качестве одежды. Вретище не обязательно старая одежда – сразу после изготовления оно могло быть и новым. Антитеза между лексемами обнаряда и вретище представлена на

уровне семы. Сема слова врѣтище – рабочая одежда, сема слова обнарѣда – праздничная одежда [2].

Субстантив обнарѣда имеет мотивацию "нарядиться, стать нарядным". Производится с помощью префикса и суффикса.

В говорах юго-запада Брянщины большое разнообразие предметов женской верхней одежды.

Батістовка, ж. 1. Женская блузка из батиста. Батистауку надявали на больших праздниках. К-г. Батистаука – дарагая кахта, у каго была, за-видавали [3, с. 21].

Слово образовано суффиксальным способом от слова "батист" - ткань, из которой шили блузки.

Платѣйко, ср. Платье. Тяперича ня носятъ такія платейки. Н-з [3, с. 246].

Слово платѣйко производится суффиксальным методом от слова платье.

Кабат, м.

1. Верхняя часть сарафана; лиф. Сарахван паішти гатоу, асталась тольки кабат пришить. Дубр. У маём сарахвани кабат прохудиуся, нада б замаянить. Клетн. //перен. Сарафан. Раньшы бабы усё время хадили у кабатах.

2. Женская жилетка, обычно суконная, которая надевалась сверху сарафана.

Кабат – тилагрейка биз рукавоу, биз вартника, насквозь разризаный и кузики на йом.

3. Длинные бретели, лямки у юбки и фартука. Кабат шьѣцца так: лямки шырокаи, аны пирикинута чирис плечи и пришиваюцца к панѣви [3, с. 126].

Слово кабат по своей этимологии восходит к западно -украинскому ка́бат, значение которого - "куртка, кафтан". Также такое слово есть в древнерусском языке – кабатъ означает "вид царской одежды, кафтан".

Деятка и одеятка, ж. Верхняя часть женского сарафана; лиф. Саян шыли з дияткой, на пугауках и бес.

Мотиватор субстантива одеятка - "одеться". Производится с помощью суффикса. Деятка – сокращенный вариант, образованный путем отбрасывания префикса.

Предметы мужской одежды также представлены разнообразными лексическими единицами. Например, слово исподники означает нижнее мужское белье.

Исподники, мн. Нижнее мужское белье. Надень исподники, на вулицы халодна [3, с. 125].

Слово исподники является производным . Источник - просторечное слово исподнее – "нижнее, то, что под чем-то другим" [СО: 220]. Слово

произведено с помощью суффикса "ник" и окончания "и", обозначающего множественное число. Мотивация семантики слова – структурная.

Также в юго-восточных брянских говорах есть набор лексем, обозначающих мужские и женские головные уборы.

Бору́шка, ж. Женский головной убор в виде кокошника, состоящий из широкой полосы яркого шелка или парчи на подкладке или картоне, украшенной бисером или блёстками и плотно облегавшей голову, и конусообразного возвышения над теменью; сзади прикреплялся широкий шелковый бант, концы которого спускались до середины спины. Когда женщины выходили к обедни, яны надявали барушки [3, с. 30].

Происхождение слова связано с конструкцией головного убора. В борушке было специальное возвышение над головой, которое впереди держалось на плотных валиках – "борах". Слово образовано суффиксальным способом.

Кáсник, м. Кокошник. Касник у ней вышитый нитками красными.

Слово заимствовано из белорусского языка. Касник в белорусском языке означает ленту, полосу ткани, которую вплетали в волосы.

Комáрицкая. Женский головной убор. Комарицкая – эта рашишитый кушак, галавной убор для женщин пастаршы [3, с. 159].

Происхождение слова скорее всего связано с географией и происходит от Комарицкой волости Брянского уезда, расположенной на юге современной Брянской области на побережье реки Неруссы.

Магэ́рка, ж. Высокая мужская шапка из шерсти, без козырька. Магерку дык и зимой и летам насили [3, с. 193].

Слово магэ́рка – заимствованное. В польском языке есть слово *magierka*, в венгерском языке – *maguag*. Слово означает шапку из войлока, которую надевали под шлем.

Чéпик м. Лёгкий головной убор, расшитый бусами, который носили замужние женщины; чепец. Бабы усе у чепиках хадили [3, с. 348].

Слово произведено от русского слова чепец суффиксальным методом.

Отдельную группу составляют слова, обозначающие рукавицы.

Вязёнка, ж. (чаще мн. вязёнки). Вязаная рукавица. Вязёнка – эта рукавица с одним или двумя пальцами, у вязёнках тёпла зимой [3, с. 64].

Слово – субстантив, мотиватор – глагол "вязать". Произведено суффиксальным методом.

Спóдка, ж. (чаще мн. сподкі). Рукавица; варежка. Надень спотку, руки ж мерзнуть [3, с. 307].

Рассмотрим далее слова, относящиеся к теме "обувь".

Гипероним, номинально обозначающий обувь – *обутка*.

Обутка, ж. Обувь. А абутка какая была? Лапти насили. Клм. Абутку наш батька сам правил. Дятьк. У школу я зимой ни хадила: абутки ни было. Н-з. Дитям нада купить новыя абутки. Сур. Из абутак-та раньшы што было – лапти, а то и воуси басика [3, с. 233].

Слово *обутка* – субстантив. Мотиватор производного слова – *обуть, обуться*. Произведено суффиксальным способом.

Гипонимы, обозначающие обувь, классифицируются по половой принадлежности того, кто носит эту обувь (мужские – женские), по типам обуви (зимняя – летняя).

1. *Абцугі, только мн. 1. Клещи. Гвазда выдрать нечим: апцуги у старлярки забуу. 2. перен. Тесная обувь. Я етых апцугоу насить ня буду, яны тесныя мне* [3, с. 13].

Слово заимствованное, происходит от немецкого *Abzug*. Изначальное значение – две карты, одну из которых кладут направо, другую – налево. Отсюда – "клещи", и далее в переносном значении – "тесная обувь".

Босовикі, мн. Лёгкие летние женские открытые туфли без задников; босоножки. Надень хоть басавики, а то ноги пакаляши, там жа склянки паколатаи. Поч. (Російсько-український академічний словник 1924-33 рр. (А. Кримський, С. Єфремов) Башмак – черевік; -чок – черевічок; истоптан., неуклюжий -ак – шкарбан, шкарбун; -кі, надеваемые на босую ногу – босовикі.) [3, с. 31]

Вступцы, только мн. Вид обуви типа тапок, лаптей, башмаков, туфель и пр., в которые можно быстро вдвинуть (вставить) ноги. Я як усьляхала, што хтось ка двару, скрей ноги у уступцы и бягом к варотам. К-г. Раньше тухиль не была, у уступцах ходили. Сур. На шлёпанцы гаворять вступцы, у их ляхко вступица. Ун. Сапаги абрызують данизу, абрезни делають, толька ноги вступуть штоп – во и уступцы. Злынк. [3, с. 58]

Выступцы, мн. Валуны с обрезанными голенищами. Надеть выступцы, а то на вулицы халодна. Клин. Старыя валянцы абрезау, во у выступцах и хажу зимой [3, с. 63].

Вытяжки, мн. Кожаные мужские сапоги с одним задним швом. Шыли вытяжки – эта пришиваица усё уместити, полнастю сапох. Клим. (Російсько-український академічний словник 1924–33рр. (А. Кримський, С. Єфремов) Вытяжка –

1) *витагання, сов. витягнення; випнутість (р. -тости).*

• *Стоять на вытяжку – стояти наввіпинку (М. Вовч.), випинаючись;*

2) *хим. – витяжка, екстракт;*

3) *вытяжки сапожные – переді;*

4) *витажний душинік, витяжка.)*

Голопятки, только мн. Босоножки. Скинь свае галапятки, у их ужо халодна, ноги мёрзнуть.

Кавирзень, м. 1. Вид обуви, сплетенной из лык, чаще липовых. Валянки али чиботики ни кажный мох зделать, купить, вот и пляли кавирзэни. Кавирзень – эта ни лапат, лапат – яво часта плитуть, а кавирзень асоба – рединька, навроди басаножык. Кавирзэни насили як чуники у тибя, пирип-леянные усе, и зимля прасыпаца, и вада ни дяжыца. 2. пренеб. Лапти, сделанные грубо, кое-как, наспех. Ну хоть кавирзэни мне сплити, кали дру-

гих ня умеиш. 3. О человеке недобром, способном на каверзы. Кавирзень нишчасны, и йон туда ж.

Капцы́, мн. Тапки. Набу́й капцы, босай ня бегай.

Карпéтки, мн. Шерстяные носки, вязанные вручную. Вам нада насить карпетки, их можна связать самим [3, с. 163].

Кáтанец, м. (чаще мн. кáтанцы). Валенки. Катаниц завалиуся за печку. Брас. Зимой у катанцах у нас ходють.

Обре́зэцы, мн. Укороченная обрeзанная обувь. Як галиница рвуцца, мы их абрiзаим, а у абрiзанцах ще можна па двару хадить [3, с. 232].

Таким образом, есть множество диалектизмов юго-западной Брянщины, обозначающих обувь. Их происхождение разнообразно – от субстантивов, таких как "катанцы", и до заимствованного из польского языка слова карпетки (по-польски szkarpetki).

Отдельную группу слов, относящихся к теме "одежда", составляют глаголы, обозначающие различные манипуляции с предметами одежды и обуви.

Вздеть, сов. 1. Надеть (об одежде). Ну што ты доуга так, ти плаття ня вздениш? Н-з. 2. Насадить, нанизать что-нибудь на что-нибудь. Ня бяры многа, надарвeся, сколько уездениш на вилы, стольки и няси. Н-з. (Російсько-український академічний словник 1924–33рр. (А. Кримський, С. Єфремов) Вздева́ть, вздеть –

1) (одежду) надыга́ти, надыга́ти, (обувь) узду́ти;

2) (нитку) всілювати, всіліти;

3) (вверх) зді́няти. [Зді́няти го́лову на спис (Макс. 24)].)

Вступі́ться и вступну́ться, сов. Наскоро обу́ться. Уступи́ца – ета наскороу всунуть ноги у якую-нибудь абувку. Уступись во у валянцы, нагам тяплей будя. Брас. У валянцы уступнися, а у бурки ня уступайся, яны мокрыя. (Словник українсько-російський 1927р. (А. Ніковський) Втру́чатися, втру́титися –

1) вмешива́ться, вмеша́ться;

2) вступа́ться, вступи́ться, вторга́ться, вторгну́ться;

3) впу́тыва́ться, впу́таться, сова́ться, суну́ться.)

Набува́ть(ся) несов. Обува́ть(ся). валянцы набува́ть, дык с печи дастану? Рани лапти набували и у поля. Нияк бурки ни набуваюцца, ноги атякли. Н-з. Набувайтися, дети маи, пайдим за травой.

Рассмотренный нами лексический материал свидетельствует о том, что слова, обозначающие одежду в говорах юго-западной Брянщины области, ёмкие, точные, семантически и структурно мотивированные. В лексемах эксплицитно представлено значимое для носителей языка. Также прослеживается взаимовлияние русского, украинского и белорусского языков. Производные субстантивы, а также лексемы, называющие элементы костюма, обладают четкой структурно-семантической репрезентацией.

Список использованных источников

1. Абакумова Е. С., Стародубец С. Н. Символическое значение ключевых слов в обрядовом тексте на территории брянско-гомельского пограничья // Региональные аспекты современных историко-правовых, филолого-культурологических, психолого-педагогических, естественнонаучных и экономических исследований. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского и 20-летию филиала университета в г. Новозыбкове: в 2-х частях. - Новозыбков, 2015. Ч. 1. С. 103-106.

2. Бангоян Е. С. Тематическая группа "Предметы быта" в диалектах юго-запада Брянщины: лексико-семантический, сопоставительный и этнолингвистический аспекты. 10. 02. 01 – русский язык. Дисс. ... канд. фил. наук. Брянск, 2020. 223 с.

3. Брянский областной словарь. Издание второе, исправленное и дополненное. Под ред. Н. И. Курганской. Брянск, 2011. 361 с.

4. Белугина, О. В. Языковая специфика календарно-обрядовых фольклорных текстов, зафиксированных на территории юго-западных районов Брянской области // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2014. – № 166. – С. 62-68. – EDN SBHDUZ. – Текст: непосредственный.

5. Головачева О. А., Стародубец С. Н. Символическое значение обрядов рождения и крестин: по материалам публицистики Н. С. Лескова и фольклорных исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 5. С. 19-28.

6. Григорьева Р. А. Лингвистическая ситуация// Этнокультурный ландшафт белорусско-российского пограничья в начале XX в. (по материалам полевых исследований в сельской местности) / кол. авт. : Р. А. Григорьева (отв. ред.), А. В. Верещагина-Гурко, С. С. Крюкова и др. . - М. : ИЭА РАН, 2018, 371 с.

Лебедева Ярослава Владимировна

*Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: yaraslavnaya37@yandex.ru*

УДК 81'272:811.161.1

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА "ГОНЧАРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ" В "БРЯНСКОМ ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ"

В работе анализируется состав и способы номинации лексико-тематической группы гончарный промысел. Описаны состав и мотивационные признаки номинаций ЛТГ.

Ключевые слова: лексико-тематическая группа, мотивационные признаки в основе номинации, Брянский областной словарь.

Если мы взглянем на карту природных ресурсов, то сможем увидеть, что Брянский район богат внушительным комплексом полезных ископаемых (минеральных ресурсов), среди которых выделяется разнообразие глин. Подобное положение закономерно повлияло на развитие гончарного искусства на территории региона. О высокой степени развитости и популярности гончарного промысла среди населения Брянщины свидетельствует обилие лексики, обозначающей различные изделия из глины. Однако не вся она может относиться к активному запасу лексики, так как употребление диалектизмов в речи более характерно для представителей старшего поколения, как выяснили С. Н. Стародубец и Т. А. Игнатенко [4].

Далее мы приведём подборку слов из Брянского областного словаря, относящихся к обозначенной выше тематической группе, а также постараемся объяснить мотивацию их появления.

1. **Варейка**, ж. Глиняная посуда средних размеров для приготовления пищи (чаще каши). *Варейкай называли среднюю махотачку. Жир. Кашу дитям мы гатуим у варейцы, маленькая такая махотачка. Нвз. [2, с. 42].*

2. **Горла́ч**, м. Высокий узкогорлый глиняный кувшин для молочных продуктов. *Малако раньшы у гарлачах хранили. Дубр. Тяперь гарлачей мала, малако усё у банки наливають. Жук. Целый гарлач смитаны сабрала. Сур. [2, с. 77].*

3. **Горше́вник** и **горше́вник**, м. Гончар. *Гаршевники – люди, ганчары, из глины пасуду делают. Поч. Пасуду з глины делали гаршевники. Ун. Зають гаршевник, ще ганчар, а ще лепикам завуть, каторые гаршки лепяць. Нвз. [2, с. 77].*

4. **Горше́ня**, м. То же, что горше́вник. *Дет мой гаршеня, гаршки лепя, махотки, глики. Нвз. Гаршени езьдють, гаршки прадають. Брас. [2, с. 77].*

5. **Дыробок**, м. Горшок без дна. *Дырабок – эта гарыцок биза дна, дырвяый. Нвз.* [2, с. 98].

6. **Кашник**, м. Глиняный горшок, в котором варят кашу. *Кашник – эта маленькая махотачка з двумя приленками уместа ручак, у ёй кашу варюць. Нвз. Приняси-ка кашник, вокала вядра стаить. Брас.* [2, с. 145].

7. **Квашонка**, ж.1. Деревянная или глиняная посуда для замешивания теста, квашения или соления; квашня. *У мне квашонка разбилась. Брас. У квашонцы в этом гаду гуркоу насалила. Клетн. У нас квашонка с капустай у два вядры. Бр. 2. Простокваша.* [2, с. 145].

8. **Кукшин**, м. Кувшин. *Кукиын, ежали горла атабейца, завуть кухлик. Жук. У бальшом кукиыне масла держуть. Суземка.* [2, с. 175].

9. **Лепник**, м. Гончар. *Завуть нас па-разнаму: хто ганчар, хто гаршечник, а хто лепикам. Нвз.* [1, с. 183].

10. **Листиночка**, ж. Полоска, на которые делают глину гончары. *Скоблять глину на листиначкам. Клин.* [2, с. 186].

11. **Малеванка**, ж. Глиняная кукла с раскрашенным лицом. *У миня в децтви была кукла такая, маливанка, сама з глины, у саяни, а ичоки намалёванныя красками, красныя, и шапачка на ей, помню, была. Нвз.* [2, с. 194].

12. **Набирёжник**, м. Глиняная посуда с неровными краями. *Большой набирижник убытак приносит. Нвз. Случалась, и набирижник палуцаюся, этат ни прадаш, сабе аставляям. Клин. Набирижник – эта кушын с пабитыми бирагами. Тр. Крайник во пабицся, биряжок у гирыцы, знать брак, набирижник. Жук. Битый край у кухлику – то набирежник, браковый. Бр.* [2, с. 206].

13. **Накрайник**, м. Горшок с отбитыми краями; брак в обжиге, когда образуется трещина на краю изделия. *З этой партии многа накрайнику вышла. Клин. Ат накрайнику адни убытки. Нвз.* [2, с. 214].

14. **Обедницы**, мн. Две-три небольшие глиняные посудины, соединённые между собой дужкой или боками, предназначенные для ношения обеда в поле. *Абедницы – эта две или три махотачки дли первага, утарога и третяга, питсот грамм каждая либа пабольшы, у зависимасти ат чилавека; носют абед у поля. Клин. Абедницы – такия махотачк инебальшенькия, ани спаруяцца умести душкай али бакамы; у их абеды у поля насилли раньшы.* [2, с. 229].

15. **Опарница**, ж. Глиняная посуда, круглая, с широким горлом и слегка зауживающимися к поддону стенками, для подготовки опары и теста; опарник. *У мяне апарницы разны ё: и бальшыи – эта узрослым печь буду, и маленькия – эта для унукау. Зьлнк.* [2, с. 236].

16. **Поддонник**, м. Глиняная подставка под дно какого-нибудь сосуда, чаще под цветочные горшки. *Паддонник – эта гарики што становим. Нвз. Пат цветы паддонник нада, а то вада тякеть. Горд.* [2, с. 250]

17. **Столбун**, м. Высокий глиняный кувшин для молока. *Малако будим тапить у столбуне. Суземка.* [2, с. 311].

Небезызвестно, что в основе номинаций лежит ассоциативный характер человеческого мышления. В своём мироощущении человек склонен выделять определённые особенности и характерные черты предметов, явлений или процессов, которые привлекают его внимание. Выделив особенности, человек кладёт их в основу номинации. При этом, если объект обладает множеством особенностей, для номинации выбирается наиболее характерная из них [5].

Имея целью описание особенностей мотивационных признаков, лежащих в основе номинации слов в тематической группе, мы обращаемся, в первую очередь, к содержаниям словарных статей Брянского областного словаря, которые содержат лексическое значение каждого слова. Согласно нашему исследованию, значение слова является достаточно продуктивным мотивационным признаком номинации. В вопросе "Для чего существует этот предмет?" – содержится причина появления названий как минимум десяти слов из вышеприведённого перечня.

Таковы слова *варёйка, горшэвник, горшэня, кáшник, квашóнка, лёпик, малевáнка, обéдницы, опáрник, поддонник.*

Согласно словарной статье, содержащейся в Брянском областном словаре, слово *варёйка* имеет лексическое значение *глиняная посуда средних размеров для приготовления пищи*. Рассуждая о происхождении лексической единицы, мы высказываем предположение, согласно которому приготовление пищи в контексте использования глиняной посуды ограничивается процессом варки. Таким образом, происхождение слова *варёйка* мы связываем с глаголом *варить*, который был преобразован в существительное женского рода с помощью усечения основы глагола *варить* и добавления суффиксального образования *-ейк-*, не отличающегося частотностью употребления в номинации закреплённых в словарях русского языка лексем.

Слова *горшэвник* и *горшэня* употребляются по отношению к людям, изготавливающим глиняные изделия. В частности, номинация данных слов указывает на то, что наиболее востребованными глиняными изделиями гончаров являлись именно горшки. Таким образом, оба слова были образованы путём усечения оканчивающей части *-ок-* и замены её на суффиксальные образования *-евник-* и *-еня-*, не являющиеся частотными в литературном русском языке[3].

Кáшник, глиняный горшок, в котором варят кашу, также был назван по названию предмета, для взаимодействия с которым был создан. Номинация произошла путём добавления суффиксального образования *-ник-*, использовавшего для номинации и в кодифицированном русском языке.

Рассматриваемая далее лексема *квашóнка* имеет закреплённые в словаре значения *деревянная или глиняная посуда для замешивания теста, квашения или соления; квашня* и второе значение – *протокваша*. Наличие

двух значений осложняет определение мотивационного признака, лежащего в основе номинации данной лексемы. Отталкиваясь в своих предположениях от первого значения слова (...*посуда для квашения...*), мы считаем допустимым традиционное в славянских языках и диалектах чередование *с* и *ш* с последующим прибавлением суффикса *-онк-*, обладающего в русском языке закреплённой функцией уменьшительно-ласкательного либо уменьшительно-уничижительного значения.

Приведённое в словаре слово *лѣник* обозначает гончара, то есть человека, который *лепит из глины*, и в данном случае мы отмечаем отличие в мотивационном признаке. Если слова *горшѣвник* и *горшѣня*, как было установлено нами ранее, произошли от названия наиболее востребованного из изделий, то лексема *лѣник*, вероятно, была произведена от глагола *лепить* путём усечения его основы и добавления суффиксального образования *-ик-*, указывающего на род занятий человека[3].

Рассматриваемая нами далее лексема *малевánка* имеет значение *глиняная кукла с раскрашенным лицом*. Мы делаем предположение о том, что *раскрашенное* лицо в диалектах называлось *размалёванным*, согласно близости Верхне-Деснинского диалекта украинскому и белорусскому языкам, в которых глагол *малювать* является общеупотребительным [1]. Полагаем, что номинация произошла путём прибавлением суффикса *-анк-*, образующего имена существительные женского рода со значением предмета или действия, которые характеризуются отношением к тому, что названо словами, от которых соответствующие имена существительные были образованы.

Выше нами были рассмотрены особенности образования лексемы *кáшник*. Следует отметить, что идентичным способом, а именно путём добавления суффиксального образования *-ник-*, продуктивного и в современном русском языке, было образовано слово *опáрница*, называющее предмет посуды, используемый для хранения опары, то есть смеси муки, воды и дрожжей, из которых впоследствии замешивается мука. После прибавления суффикса *-ник-* мы отмечаем чередование *к* и *ц* для придания слову нового грамматического признака женского рода. Идентичным мы считаем происхождение номинации *обѣдницы*, несущей значение *глиняных посудин, соединённых между собой дужкой или бокам и предназначенных для ношения обеда в поле*. Мотиватором в данном случае выступает слово *обед*.

Примечательным является мотивационный признак, ставший основой номинации диалектной лексемы *поддóнник*. Данная лексема образована не от глагола, означающего действие, и не от существительного, означающего предмет. Мотиватором здесь выступает предложно-падежное сочетание *под дно*, производящим является суффикс *-ник-*.

Таким образом, нами установлено, что как минимум восемь слов из нашей подборки были образованы при помощи тех или иных суффиксов,

прибавленных к основам слов, принадлежащих к номинативным частям речи.

Однако не менее интересны и разнообразны иные мотивационные признаки, лежащие в основе номинаций.

Например, лексема *кукшён* является не чем иным, как фонетически искажённой формой слова *кувшин*.

Лексема *горлач* была образована из-за внешней особенности предмета, а именно из-за его высокого узкого *горла*, которое в данном случае является наиболее характерной особенностью данной разновидности кувшина.

Лексема *листиночка*, по нашему мнению, была образована по причине внешнего сходства предмета, а именно полоски, на которые гончары делят глину, с узким и длинным листом некоего дерева. Суффикс *-очк-* в данной ситуации указывает на некоторую сентиментальную привязанность гончаров к своему ремеслу. Несомненно, это слово относится к речи не только пользователей труда гончаров, но и к речи самих умельцев.

По причине внешних особенностей был назван также *дырбóк*, то есть *горшок без дна* либо же, что не указано в статье, но подразумевается, *горшок с дырявым боком*. Диалектное слово возникло как сложное существительное с двумя корневыми основами и соединительным *о*.

Ассоциативная номинация проявляется также в появлении слова *столбун*, означающего *высокий глиняный кувшин для молока*. Доминирующим признаком предмета здесь выступает его высота и внешнее сходство с высоким столбом.

Исходя из вышеизложенного, мы выделяем несколько ведущих мотивационных признаков, лежащих в основе номинации рассмотренных в рамках нашего исследования лексем:

1. по предмету или действию, к которым названный объект имеет отношение (*варейка, горшечник, горшеня, кашник, квашонка, лепик, малеванка, обедница, поддонник*);

2. по наиболее яркой особенности (*горлач*);

3. по причине внешнего сходства с объектами окружающей реальности (*столбун, дырбок, листиночка*);

4. по символической причине (*набережник, накрайник*). Обе лексемы именуют глиняные горшки с дефектами, непригодные для использования. Как нам известно, в деревнях люди имели традицию вешать глиняные горшки на колья своих заборов. Действо это имело в своих истоках символическое и даже ритуальное значение. Дырявый горшок, побитый горшок на заборе выполнял функцию оберега и защищал обитателей двора от злых сил. По другой версии, повреждённый горшок защищал домашний скот от диких зверей, поскольку горшок напоминал голову, и горшок на жерди забора выступал пугалом. Не следует исключать и практическую пользу горшка, надетого на забор – такое навершие защищало жерди от дождя, снега и, как следствие, от гниения. Забор в данном случае могли называть

и *краем*, и *берегом*, поскольку и край, и берег выполняют функцию разделения пространства. Делая вывод из этих фактов, можно сказать, что *набережник* и *накрайник* имеют расширенное значение *повреждённые глиняные горшки и кувшины, которые надевали на забор*.

Подводя итог, мы также отмечаем, что установить особенности мотивационных признаков, лежащих в основе номинации остальных слов, перечисленных в начале параграфа, по нашему мнению, не представляется возможным.

Список использованных источников

1. **Бобкова О.С., Богомолова Н.И., Гісем О.В.** Українсько-російський та російсько-український словник для закладів загальної середньої освіти з навчанням російською мовою / О.С. Бобкова, Н.І. Богомолова, О.В. Гісем. // Букрек, 2018 – 320 с.
2. Брянский областной словарь / отв. ред. Н. И. Курганская. Брянск : Брянский гос. ун-т, 2011. 361 с.
3. **Виноградов В. В.** История слов : Ок.1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. / В. В. Виноградов; Рос. акад. наук. Отд-ние лит.и яз. Науч. совет "Рус. яз.". Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. - М., 1999. - 1138 с.; ISBN 5-88744-033-3.
4. **Игнатенко Т. А., Стародубец С. Н.** Культурологические знания в контексте изучения русского языка в славянском пограничье : статья / Т. А. Игнатенко, Светлана Николаевна Стародубец ; Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины – Гомель, 2019 – URL: <https://clck.ru/gf8tH> (Дата обращения: 24.04.2022). – Текст: электронный.
5. **Небера К. М.** Говоры Клинцовского района Брянской области: (Фонетико-морфол. очерк): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / К.М. Небера. – Москва, 1964. – 20 с. – Текст: непосредственный.

Кириченко Кристина Николаевна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского", Россия
e-mail: crislalila201@gmail.com

УДК 81'272:811 .161.1

НАИМЕНОВАНИЯ ПИЩИ В ГОВОРАХ ЮГО-ЗАПАДА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

На основе анализа региональных лексикографических источников представлено описание наименований пищи говоров юго-запада Брянской области, которые зафиксированы в "Словаре народных говоров Западной Брянщины" П. А. Расторгуева (Минск, 1973) и "Брянском областном словаре" (отв. ред. Н. И. Курганская, Брянск, 2011).

Ключевые слова: брянские говоры, диалектизм, наименование пищи, лексико-семантическая группа, "Словарь народных говоров Западной Брянщины" П. А. Расторгуева, "Брянский областной словарь".

Интерес отечественных лингвистов к изучению диалектологической лексики Брянщины, особенно её юго-западной части, обусловлен такими факторами как территориальная граница Брянской области с Беларусью и Украиной, протекавшие в данной местности исторические процессы. Взаимопроникновение одних языков в другие объясняется тем, что люди, говорящие на одном языке, вступали в общение с другими народами. В результате контактов и происходило заимствование слов.

Истоки изучения диалектологии на территории Брянской области начались с фиксации записи местной речи, выполненной М. Н. Косич в 1850 г. Этой теме также посвящены исследовательские работы П. А. Расторгуева, В. И. Чагишевой, А. О. Полевой, М. Н. Косич и др.

В качестве основы для нашего исследования были определены: "Словарь народных говоров Западной Брянщины" П. А. Расторгуева и "Брянский областной словарь" (отв. ред. Н. И. Курганская. Брянск, 2011. В них представлено большое разнообразие тематических групп, но наибольший интерес привлекает ТГ "Наименования пищи", поскольку благодаря вкусовым предпочтениям местного населения можно понять узнать традиции и обычаи народа, не встречающиеся на других территориях.

Проанализировав материал двух словарей путём сплошной выборки, были выделены следующие лексико-семантические группы:

1. Наименования изделий из муки.
2. Наименования первых блюд.
3. Наименования вторых блюд.
4. Наименования сладких кушаний.

5. Наименования напитков.
6. Прочие слова, относящиеся к ЛСГ "Пища".
7. Слова, обозначающие продукты питания.

ЛСГ "Наименования изделий из муки" состоит из 2 лексико-семантических микрогрупп:

1) ЛСМ "Наименования хлебобулочных изделий", состоящая из 24 диалектизмов. В неё вошли лексические единицы, обозначающие различные виды хлеба в зависимости от того, из какого сорта муки они изготовлены. Например, **бу́лка** – первоначально пшеничный хлеб независимо от его качества. Лексема *бу́лка* употреблялась в начале XX века вместо диалектизма "бо́хан" в значении круглый ржаной хлеб.

2) ЛСМ "Наименования каш", которая представлена 11 языковыми единицами. Главным отличительной характеристикой диалектической единицы является злаковая культура, из которой она приготовлена. Так, **куття́** – каша из пшеничной или ячменной крупы, которую ели сытой, т.е. с мёдом, разведённым тёплой водой. *Куття́ да́лжна е́стя с ме́дом, та́гда ана уку́сней*. Традиционно её ели два раза в год – в канун Рождества и Крещения [2, с. 146]. Синонимом данной лексемы являются *гу́щча*. На территории юго-запада Брянщины употребляются также *кутя́, кутья́*.

ЛГС "Наименования первых блюд" делится на 3 ЛСМ:

1) ЛСМ "Наименования первых блюд из овощей", состоящая из 9 диалектизмов. **Капу́ста** – щи. *Ма́я капу́ста та́милась у́ печки це́лый де́нь* [1, с. 137]. Мы можем наблюдать, что наименование супа определяется его основным компонентом для приготовления.

2) ЛСМ "Наименования первых блюд из мяса и рыбы", которая содержит 6 лексем. **Канде́р** – жидкое кушанье, приготовляемое из круп и сала с добавлением приправ. *А е́щё канде́р та́да ва́рили уку́сна* [1, с. 135].

3) ЛСМ "Наименования первых молочных блюд", исчисляемая языковой единицей *сырово́дник*. **Сырово́дник** – молочный суп из кислого молока с пшеном. *Няси гле́к з ма́лаком, ща́с буду ва́рить сыраво́дник* [1, с. 318]

ЛСГ "Наименования вторых блюд" представляет собой 2 ЛСМ:

1) ЛСМ "Наименования вторых блюд из картофеля, в которой фиксируются 34 лексемы. Диалектические единицы этой ЛСМ различаются способом приготовления. **Толче́нка** – толчёный сваренный картофель; измельчённый. На территории Брянской области отмечены следующие словоформы данной лексемы: *топта́нка, топту́ха*. Эти слова образовались суффиксальным способом от глагола "толочь". Наравне с данным рядом слов распространён их синоним *бито́вка*. Он также образован суффиксальным способом, но уже от глагола "бить".

2) ЛСМ "Наименования вторых мясных блюд", представленная 9 единицами языка. Они отличаются способом приготовления, выбором мяса или мясного продукта для использования в качестве главного ингредиента. **Шкварки** – куски жареного сала, остатки после вытапливания внутренне-

го, преимущественно бараньего или овечьего сала. Обычно с ним варили гречневую кашу. *Давай, тебе я ўгаичу кашай з шкварками* [2, с. 288].

ЛСГ "Наименования сладких кушаний" состоит из диалектизмов, которые в сознании людей употребляются в пищу во время чаепития. В этой ЛСГ отмечены 57 лексем. **Бўблик** – любая баранка независимо от теста и величины. *Во бублики горячие; не бярите ў яе, мае смашней*. В СНГЗБ в словарной статье о бублике отправленок диалектизм *убаранак*. В словарной статье последнего узнаём, что для 80-90-х гг. XIX века характерно наиболее продуктивное использование данной лексической единицы. В настоящее время практически не встречается [2, с. 57].

ЛСГ "Наименования напитков" состоит из 2 ЛСМ:

1) ЛСМ "Наименования безалкогольных напитков", характеризующаяся 10 лексическими единицами. **Кóлево** – поминальный напиток. *Неси скарэй колева* [2, с. 139].

2) ЛСМ "Наименования алкогольных напитков", представленная 5 единицами языка. **Горёлка (гарёлка)** – водка. *Питя, деўки, гарэлачку, а я буду пить воду* [2, с. 78].

ЛСГ "Прочие слова, относящиеся к ЛСГ "Пища"" фиксирует 200 лексем. В данную ЛСГ отнесены слова, соответствующие следующим критериям:

- языковые единицы, имеющие несколько лексических значений (*жы́жа*)
- глаголы (*ужалéть*)
- имена прилагательные (*едóвый*)
- языковые единицы, обозначающие конкретный продукт или его часть, используемые для приготовления блюда (*жауто́к*).

Галу́шки, мн. – 1. *Постные клецки*. 2. Лапша. Лапша с салом. *Лапша, нарезанная крупными короткими кусками*. *Лапша, нарезанная круглыми кусками*. 3. Печеные комочки из теста, употребляемые в пищу в сочельник. *Пякли эти самые... птичак, уалушки и патом, эта самое, мама покойная пнякла*. Фиксация этого слова на территории юго-запада Брянской области отмечена в работе Стародубец С. Н. и Черненко М. А. [1, с. 120, 3, с. 212].

ЛСГ "Слова, обозначающие продукты питания" состоит из 4 ЛСМ:

1) ЛСМ "Наименования овощей", состав которой насчитывает 36 лексических единиц. **Гуро́к** – огурец. *Дай ему гурок – нехай не плача* [2, с.85]. На территории Брянской области также отмечается следующие диалектизмы, имеющие значение "огурец": *гурéц, огуро́к, мо́ркава, мо́ркау, морквá, мо́ня, наéдка, на́чынка, ничьмница, па́далица, па́далка, падскрэ́бак, падшкрэ́бак, па́пка, пархо́ука, пастая́лка, пелю́стка, перэ́брына, разкулéшаны*.

2) ЛСМ "Наименования плодов фруктовых деревьев", в которую вошли 5 единиц языка. **Ду́ля** – крупный плод груши. *Што й паддулькаю, пад игрушкаю сядзить голуб сыгалубкаю* [2, с. 95].

3) ЛСМ "Наименования ягод", состоящая из 29 лексических единиц.

Жаві́ка, жавіка́ и **Жаві́ны** – ежевика. *Сёлета нема жавіки – нема ёё ўражаю* [2, с. 98].

4) ЛСМ "Наименования грибов", в которую были отнесены 24 лексемы.

Сураве́жка – сыроежка. *Вот наеўся суравежак, так наеўся* [2, с. 255].

Диалектная лексика говоров юго-запада Брянской области, собранная путём сплошной выборки из "Словаря народных говоров Западной Брянщины" П. А. Расторгуева и "Брянского областного словаря" под ред. Н. И. Курганской, представлена большим разнообразным пластом, относящимся к наименованию пищи. Благодаря проведению анализа словарей путём сплошной выборки нами были зафиксированы 497 единиц с учётом того, что некоторые из них в обоих словарях представлена разной графикой (*горэ́лка* и *гарэ́лка*), выделено 7 ЛСГ и 13 ЛСМ.

Проведя анализ диалектологических словарей, можем сделать ряд выводов:

1. Диалектизмы архаизируются, так как местные жители перестали их использовать в повседневной речи (*вёрчык*);

2. Некоторые номинации пищи продолжают существовать в языковой среде благодаря проведению обрядов (*гушчá, куття́, колевó*);

3. Достаточно устойчивы семантические диалектизмы (*ку́рочки, козлы, бу́лка*);

4. Несколько диалектологических единиц имеют одно лексическое значение: *бахóнка, бóхан, букáтка, бу́лка, бухáнка, бухóнка* – ржаной хлеб; *вухá, ю́шка, ую́шка, вью́шка* – уха; *толчáница, толчэ́нка, топту́ха* – толчёный картофель;

5. В ЛСГ и ЛСМ встречается явление синонимии: *дра́нец, тёрти́ки* – картофельные оладьи; *гушчá, куття́* – каша из пшеничной или ячменной крупы, которую ели сыто́й, т.е. с мёдом, разведённым тёплой водой.

6. Диалектизмы подвергаются разным видам вариации: фонетическая: *каравáец – кравáец; холодн́ик – холодн́як; солéнка – соля́нка*; грамматическая: *копы́т, таучо́ны*.

7. Описываемые наименования можно разделить по структурному признаку: однословные, (*ло́й, жураві́ны*) и двусловные (*пу́шны хлеб, ряжанáя сороквáша*).

Рассмотренная лексика представлена различными самостоятельными частями речи и словосочетаниями: 2 словосочетаниями, 12 именами прилагательными, 33 глаголами, 450 именами существительными.

Таким образом, описанные выше наименования пищи отражают специфику той стороны культуры, которая складывалась в условиях длительного межнационального обмена на границах российского, украинского и белорусского государств.

Список использованных источников

1. Брянский областной словарь / Минобрнауки России, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Брянский гос. ун-т им. И. Г. Петровского"; авт.-сост.: Гарбузова Е. П. и др. Изд. 2-е, испр. и доп. под ред. Н.И. Курганской – Брянск, 2011. – 361 с. – ISBN 978-5-904808-02-0 (БОС). – Текст: непосредственный

2. Расторгуев, П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров / П.А. Расторгуев. / Авт. вступ. статьи Н.Д. Расторгуева и Е.М. Романович. АН БССР. Ин-т языкознания им. Якуба Коласа. – Минск: Наука и техника, 1973. – 295 с. – Текст: электронный

3. Черненко, М. А., Стародубец, С. Н. Идиолект респондента Злынковского района Брянской области // "Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья: Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (в г. Новозыбков, Брянская область)", 18-21 мая 2021 г. – Брянск, РИСО "БГУ". – С. 210 – 214.

УДК 81-25

ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАНТА С ЧАСТИЧНОЙ ДИСФУНКЦИЕЙ РЕЧЕВОГО АППАРАТА

В статье рассмотрены диалектные особенности коммуниканта с частичной дисфункцией речевого аппарата. До заболевания коммуникант являлся носителем южнорусского наречия, данные черты закреплены в речи и сохраняются даже при языковых нарушениях.

Ключевые слова: диалектология, дисфункция речевого аппарата, коммуникант, фонетические особенности, афазия.

Диалектология – наука, которая широко развивалась в XIX - XX веке благодаря таким учёным, как А. А. Потебня, А. А. Шахматов, Ю. Н. Караулов, Н. А. Мещерский и др., и продолжает своё развитие в XXI веке (большой вклад в которое внесли Н. С. Сафонова, Н. Б. Корин, Д. В. Жигулина, О. А. Головачева и т.д.).

Примечательно, что языковая личность, имеющая диалектные особенности, сохраняет наиболее яркие из них даже при утрате некоторых речевых функций. Рассмотрим сохранившиеся диалектные особенности коммуниканта с частичной дисфункцией речевого аппарата.

Фонетическая сторона речи включает в себя звуки, слоги, а также темп, ритм, тон, ударение. Каждый звук имеет артикуляционные и акустические особенности. Плохая подвижность языка затрудняет произнесение некоторых звуков. Иногда происходит утечка воздушного потока в нос, из-за чего голос становится назальным, монотонным. Ослабление голосовых связок приводит к осиплости, хриплости, глухости голоса. Данные аспекты затрудняют понимание собеседника, но не являются разновидностью дисфункции речевого аппарата.

В связи с некоторыми заболеваниями (например, инсультом) происходит паралич определённой стороны лица, из-за чего возникает ограниченная подвижность речевой и мимической мускулатуры. Речь теряет свою чёткость, внятность и плавность, темп становится замедленным или ускоренным.

Фонетические нарушения речи затрагивают в первую очередь производительную сторону, а именно искажение звуков и изменение слоговой структуры слова при сохранении слуха и интеллекта.

Особая фонетическая примета южных говоров – г фрикативный – находит своё отражение и при частичной дисфункции речевого аппарата. Несмотря на стёртость данного лингвистического феномена в сознании языковой личности, он остаётся в речи больного независимо от состояния.

Важна и другая диалектная особенность: произношение *x* или *xв* вместо *ф*. Языковая личность, являющаяся в здоровом состоянии диалектоносителем, сохраняет данный признак и при частичной дисфункции речевого аппарата, например, при произнесении слов *кохта* (*кофта*), *хванарь* (*фонарь*) и т.д. Это связано с привычным произношением данных фонетических единиц с одной стороны и с удобством произнесения звуков [x] или [xв] вместо [ф] при произносительных ограничениях больного.

Дисфункция речевого аппарата имеет своё отражение и в лексической стороне языка. В связи с различными поражениями мозга люди перестают понимать смысл некоторых лексем, им сложно понять, о чём говорится, если они не видят сам предмет, название одного предмета может относиться совершенно к другому и т. д. Рассмотрим подробнее некоторые лексические особенности коммуниканта с дисфункцией речевого аппарата.

К примеру, лексема *сладкий* для больного коммуниканта обозначает вкусный. Скорее всего это связано с общим пониманием значения слова. В "Толковом словаре русского языка" С. И. Ожегова слово *сладкий* является полисемантом, одним из его ЛСВ - "*перен. приятный, доставляющий удовольствие*" [1]. По нашему мнению, это значение стало наиболее актуальным для коммуниканта, в связи с речевой афазией, повлекшей проблематичность в произношении других слов. Так лексема *сладкий* вобрала в себя всю совокупность приятных вкусовых ощущений языковой личности.

"*Популярный словарь русского языка*" А. П. Гуськова Б. В. Сотина [2] предлагает ещё и разговорное значение *вкусный*, что полностью совпадает с восприятием коммуниканта. К семантическому значению в качестве иллюстративного материала приведены фразеологические единицы: *Голодному любой кусок сладок*.

Хлеб слаще нажитый трудом! (И. Крылов).

Этот материал свидетельствует о давности возникновения данного разговорного значения. Указанная помета соответствует употребляемой рассматриваемой языковой личности, поскольку детство и юность коммуниканта прошли в сельской местности. Несмотря на то, что данная языковая личность имеет стёртое восприятие своей речи в здоровом состоянии, это означает, что диалектные особенности языка берут верх над сознанием, воспроизводятся произвольно.

В речи коммуниканта остаются в частом употреблении и лексемы, относящиеся к диалектизму, причём этот вариант является первостепеннее литературного. Например, языковая личность с лёгкостью произносит слова *тобочка* (вместо корзинка), *братенник* (вместо брат) и т.д. Несмотря на то, что данные слова в фонетическом аспекте могут оказаться сложнее, чем

их литературные синонимы, коммуниканту с дисфункцией речевого аппарата их привычнее произносить.

Морфологические особенности также могут проявляться в речи больного коммуниканта. К примеру, использование глаголов прошедшего времени в мужском роде вместо женского. Эта черта прослеживалась ещё в здоровом состоянии, и она сохранилась при частичной дисфункции речевого аппарата. Таким образом в восприятии языковой личности осталась данная лингвистическая особенность, которая ещё и упростила произношение лексем: женский и средний род в глаголах добавляет лишнюю букву, заставляет дифференцировать типы родов. Коммуникант с дисфункцией речевого аппарата стремится к упрощению речи, позволяя себе не классифицировать в некоторые грамматические категории. В диалектах данная черта в большей степени применима к существительным (например, матерьё, фамильё, телёнок и др.), но встречается и у глаголов. Языковая личность, как стёртый носитель диалекта, сохранила её в речи.

На основе приведённых примеров мы можем сказать, что даже при частичной дисфункции речевого аппарата языковая личность способна на уровне подсознания сохранить различные лингвистические черты. Это происходит в связи с долгим проживанием на территории южновеликорусского наречия, с наличием окружения, являющегося диалектоносителем. Важно, что в речи сохраняются диалектные черты разных уровней: фонетического, лексического, морфологического. Это позволяет отметить важную способность человека оставлять в памяти особые языковые черты, которые он привык использовать в речи, что позволяет его назвать носителем диалекта как в здоровом состоянии, так и при частичной дисфункции речевого аппарата.

Список использованных источников

1. Словари и энциклопедии на Академике. "Толковый словарь русского языка" С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/222606> (Дата обращения: 10.03.2022).
2. Словари и энциклопедии на Академике. Популярный словарь русского языка. URL: <https://popular.academic.ru/2941/сладкий> (Дата обращения: 10.03.2022).

Пронченко Сергей Михайлович¹, Никулкина Ольга Геннадьевна²

¹Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия

²Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова, Россия

e-mail: s.m.pronchenko@yandex.ru, sinbad1982@yandex.ru

УДК 811.161.1'28

ЛЕКСИКА ГОНЧАРНОГО ПРОМЫСЛА В "БРЯНСКОМ ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ"

В публикации на материале "Брянского областного словаря" рассматривается лексика гончарного дела, определены особенности её функционирования в народно-речевой культуре Брянского края.

Ключевые слова: лексика гончарного промысла, "Брянский областной словарь", брянские говоры, народно-речевая культура Брянщины.

Материалом для настоящей публикации послужил "Брянский областной словарь" (Брянск, 2011) (отв. ред. – Н. И. Курганская), из которого методом сплошной выборки была извлечена лексика гончарного ремесла вместе с иллюстративным материалом. Проведенный анализ позволяет отметить следующее.

В брянских говорах ма́стера по изготовлению глиняной посуды, гончара называют несколькими диалектизмами: **горше́вник / горщёвник, горше́ня**: *Гаршевники – люди, ганчары, из глины пасуду делают. Поч. Пасуду з глины делали гаршевники. Ун. Завуть гаршевник, ще ганчар, а ще лепикам завуть, каторые гаршки лепять. Н-з. Дет мой – гаршеня, гаршки лепя, махотки, гляки. Н-з. Гаршени ездють, гаршки прадають. Брас. [1, с. 77]; а также **лэпик**: *Завуть нас па-разнаму: хто ганчар, хто гаршечник, а хто лепикам. Н-з. [1, с. 183].**

Материал, из которого изготавливают посуду, называется **глéем** – в одном из значений: **1**. Мягкая рыхлая масса для изготовления гончарных изделий: *Глей – эта размазываицца, а глина имеет камышки, ён такой и красный, и сираватый. Клин. [1, с. 70] и качави́лом* – глиной, подготовленной к работе, чистой, мягкой, без примесей: *Качавила – патоптанная глина, мяжкая; яе патом на лауки качають. Н-з. Тут качавила гаршкоу на пиддисят; вымишаная глина, выработана, биз мусара. Н-з. [1, с. 143].*

Объем материала для изготовления керамики обозначают лексемами **кача́ло / качéло** – кусок глины на одно или несколько изделий: *Качала – эта та жа грудка, куча глины, замешанной на 30–50 штук. Н-з. Качела гатова, будим гаршки делать. Клин. [1, с. 143], а также **листіночка** – по-*

лоска, на которую делят глину гончары: *Скоблять глину на листиначкам.* Клин. [1, с. 186].

Очёллок – спец., отверстие, через которое огонь выходит в гончарной печи и обжигает изделия: *Чириз ачёлки агонь идеть к изделиям и сушыть их.* Клин. [1, с. 241].

Совокупность гончарных изделий называют диалектизмом **гирйон** – собир., любой вид глиняной посуды: *И кушын – гирюн, и махотка – гирюн, и усё умести гирюны.* Клин. [1, с. 69].

П. А. Расторгуев указывает, что лексемы *бiттик, гiрка, гiрька, гирйон, стрыжiк* обозначают кувшин с отбитым рыльцем [2, с. 53].

Керамические изделия в брянских говорах получают следующие наименования.

Варейка – глиняная посуда средних размеров для приготовления пищи (чаще каши): *Варейкай называли среднюю махотачку.* Жир. *Кашу дитям мы гатуим у варейцы, маленькая такая махотачка.* Н-з. [1, с. 42].

Лексема русского литературного языка *кувшин* обнаруживает несколько диалектных соответствий:

1) Гiрка / гiрька, гладышка – 1. Невысокий глиняный кувшин для различных хозяйственных нужд (чаще всего для молока и сметаны): *Гирка – эта усё дно, што кушын.* Злынк. *У гирьцы малако диржали.* Н-з. [1, с. 69]. *Были из глины гаршки, для малака кушыны, старьи люди называли гладышки, эта одно и то ш.* Н-з. *Налиу малака у гладышку – и у погряп.* Клим. [1, с. 70]. **2.** Кувшин с отбитым горлом: *Рыла атбила у гляку, ише маткин глек; як у гляку рыла атабйеца, завем гирка ти гирька.* Поч. **3.** Черепок от отбитого кувшина, осколок: *Кушын разбиуся на гирьки.* Поч. [1, с. 69].

2) Глек / глiк, горлiч – в одном из значений: **1.** Высокий узкогорлый глиняный кувшин для молочных продуктов: *Раньше усё гляки были, эта щас адны банки.* Суз. *Быу глiк, сичас кушын, большы к культуры патходить.* Клим. *У гляку малако стаить.* Н-з. *На сваём вяку нажариш и в гляку (посл.).* Жир. [1, с. 70]. *Малако раньшы у гарлачах хранили.* Дубр. *Тяперь гарлачей мала, малако усё у банки наливають.* Жук. *Целый гарлач смитаны сабрала.* Сур. [1, с. 77].

П. А. Расторгуев отмечает, что *горлач* – "слово неповсеместного употребления, встречалось главным образом в северной части территории [Брянщины. – Авт.] по соседству с говорами Смоленщины. Такое же значение с некоторыми вариантами имеют и следующие слова : *гладышка, глiк, казiнчык, лит. крiнка, кiхлик, кушын, лiмбик*" [2, с. 77].

3) Кiхлик – 1. Глиняный кувшин: *Во працьжу малако у кухлик и пагаварим.* Сур. **2.** Кувшин с отбитым горлом: *Унучок, падыми кухлик з змыли, ще пригадица для чаго-нибудь.* Сев. *Гарлач, у каторава адбита горлышка, – кухлик.* Рогн. *Кали краи битый, то кухлик.* Бр. [1, с. 178].

4) Столбун – высокий глиняный кувшин для молока: *Малако будим тапить у сталбуне.* Суз. [1, с. 311].

Кандейка – небольшая глиняная или деревянная чашка с ручкой, использовалась для питья: *А ганчары усё делают: и кушыны, и гялки, и кандейки.* Н-з. *Кандейка – эта так чашку звали, яе из глины делали, з ручкай.* Клин. *Садитися, деуки, чай с кандейки пить, я вам сичас кандейку пакажу.* Клин. [1, с. 135].

Кашник – глиняный горшок, в котором варят кашу: *Кашиник – эта маленькая махотачка з двумя прилепками уместа ручак, у ёй кашу варюць.* Н-з. *Приняси-ка кашник, вокала ядра стаить.* Брас. [1, с. 145].

Квашонка – в одном из значений: **1.** Деревянная или глиняная посуда для замешивания теста, квашения или соления; квашня: *У мене квашонка разбилась.* Брас. *У квашонцы в этом годи гуркоу насалила.* Клетн. *У нас квашонка с капустай у два вядры.* Бр. [1, с. 145].

Кухоль – глиняная кружка: *Налей-ка мне дяжню у кухоль, кислинька-га захателася.* Н-з. [1, с. 178].

Латка – глубокая глиняная миска продолговатой или округлой формы; плошка: *У латки и суп наливали, и кашу клали.* Ун. *Пасуды у нас многа: миски, тарелки, латки.* Горд. *Латка – миска абедать, литра у два, глублинкая.* Поч. [1, с. 182].

Макитра / макотра / макотер / макотёр / макотра – большой широкий глиняный горшок для различных хозяйственных нужд: *Сняси макитру са смятанай у погрин.* Н-з. *У этой макитри лей стаить.* Брас. *Макатра – як кайстриюлька, чуть-чуть сужаицца сверху, доньшка нямнога вужы.* Клим. *Я ягады кинула у макатру.* Бр. *Глиняная пасуда – гаршок бальшой, а макотра меньшы.* Тр. [1, с. 194]. *Макатер – эта гаршок з глины, я у ём паски пяку.* Н-з. *Такий ладный макатёр учорась унук разбиу, у ём у мяне гарань расла.* Клин. *К Паски нада макатёр новыи куплять, старый разбиуся, паски печь не в чим.* К-г. [1, с. 194].

Махотка – небольшой глиняный горшок для приготовления пищи: *У маю махотку литра уходя.* Н-з. *Сушым махотки на плятне.* Сур. *Труць картошку на драчки, пасолють, у махотку складуть, накрываицца и у печь становицца.* Поч. *Махотка для смитаны из глины делаицца, их абжыгають.* Ком. *Харошо выжарю махотку у печки, а тады смитана ни спортицца.* Поч. [1, с. 196].

Обедницы – две-три небольшие глиняные посуды, соединённые между собой дужкой или боками, предназначенные для ношения обеда в поле: *Абедницы – эта две или три махотачки для первага, утарога и третяга, питсот грам каждая либа пабольшы, у зависимости ат чилавека; носют абед у поля.* Клин. *Абедницы – такя махотачки небальшенькия, ани спаруяцца умести душкай али бакамы; у их абеды у поля насили раньшы.* Н-з. *Абед насили у поля у абедницах; спицяляна ганчары их делали.* Н-з. [1, с. 229].

Опа́рница – глиняная посуда, круглая, с широким горлом и слегка зауживающимися к поддону стенками, для подготовки опары и теста; опарник: *У мяне апарницы разныя ё: и бальшыы – эта узрослым печь буду, и маленькия – эта для унукаў.* Злынк. [1, с. 236].

Пло́шка – глиняный или деревянный сосуд с невысокими краями; миска: *Какой у дядзеуни посуд: глиняныя чашки, плошки, глянкі.* Н-з. *Плошка вочинь дажа удобная мисачка.* Клим. [1, с. 247].

Суды́нка – небольшая глиняная посуда (какая?): *Бис судинки у хазяй-стви ня абайтись, малако у судинки храним, штоп ни скислась.* Клинт. [1, с. 314].

Черё́пка – большая глиняная миска или чашка: *Уся сямья раньшы ела з адной чарёпки.* Сев. *Чирёпка з блинами стаяла на сталі.* Брас. *Як чарёпка станя няпригоднай, у яе цвяты сажуюць* К-г. // Черепок, кусок разбитой посуды: *Чарёпка ще прыгадицца кату даваць, чтоб ни на мост класть.* К-г. *Зваліуся макатёр, чарёпки адни валяюцца.* К-г. [1, с. 349].

Названия керамических изделий в брянских говорах отражают издержки в процессе их производства:

На́бире́жник – глиняная посуда с неровными краями: *Большый набирижник убытак приносит.* Н-з. *Случалась, и набирижник палуцауся, етат ни прадаш, сабе атставляим.* Клинт. *Набирижник – эта кушын с набиты-ми биригами.* Тр. *Крайник во набиуся, биряжок у гирьцы, знать, брак, набирижник.* Жук. *Битый край у кухлику – то набирежник, браковий.* Бр. [1, с. 206].

Накра́йник – горшок с отбитыми краями; брак в обжиге, когда образуется трещина на краю изделия: *З этой партии многа накрайнику вышла.* Клинт. *Ат накрайникау адни убытки.* Н-з. [1, с. 214].

Диалектизмом **дырбо́к** называют горшок без дна: *Дырабок – эта гарыцок биза дна, дырявый.* Н-з. [1, с. 98].

Керамические изделия связаны с детской бытовой сферой:

См. варёйка, а также:

Малева́нка – глиняная кукла с раскрашенным лицом: *У миня у дечтви была кукла такая, маливанка, сама з глины, у саяни, а шчоки намалёванныя красками, красныя, и шапачка на ей, помню, была.* Н-з. [1, с. 194].

Ушковáнка – глиняная махоточка с одним ушком, предназначенная для варки каши детям: *Была у нас ушкаванка.* Клинт. *Ушкаванки ганчары делали, с адним вушкам, для дзятей кашу варить.* Горд. [1, с. 335].

Лексика гончарного промысла связана со строительной сферой:

Цёгла – кирпич из свежей глины: *Спирва глину мисили, тады делали цеглу.* Клим. *На дваре ляжыць цела куча цеглы.* К-г. [1, с. 344]. Соответственно, **цегельня** – кирпичный завод: *Цыгельня – эта завод такой, там делают кирпичи.* Н-з. *Печка сусим развалилася, нада ехат на цыгельню за кирпичом.* Клим. *Мужык мой многа гадоу на цыгельни работау.* Поч.

Нидавна у нас пастроили цагельню, тьяперь свой кирпич будя. С-д. [1, с. 344].

Проанализированный материал позволяет прийти к выводу, что лексика гончарного промысла в брянских говорах связана с различными бытовыми сферами жизни человека (прежде всего со сферой пищи). Её употребление зависит от конкретных районов Брянской области. Для диалектизмов этой тематической группы характерны произносительная вариативность, синонимия, многозначность.

Список использованных источников

1. Брянский областной словарь / авторы-составители : Е. П. Гарбузова, Т. И. Клименко, М. Н. Кобытева, Н. И. Курганская, Л. Т. Лошманова ; отв. ред. Н. И. Курганская ; Министерство образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО "Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского". – Изд. второе, испр. и доп. – Брянск : [б. и.], 2011. – 361 с. : 30 см. – 400 экз. – ISBN 978-5-904808-02-0. – Текст : непосредственный.

2. Расторгуев, П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины : материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Расторгуев ; ред. канд. филол. наук Е. М. Романович ; [авт. вступ. статьи Н. Д. Расторгуева и Е. М. Романович] ; Академия наук Белорусской ССР, Институт языкознания им. Якуба Коласа. – Минск : Наука и техника, 1973. – 295 с. : 20 см. – Библиогр. в подстроч. примеч. – 1400 экз. – Текст : непосредственный.

УДК 39(=161.16):745.51

ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА ИЗ ДЕРЕВА: УТИЛИТАРНАЯ И ОБРЯДОВАЯ ФУНКЦИИ

В статье рассмотрены утилитарные и обрядовые функции таких предметов домашнего обихода из дерева, как ступа, солонка, дежка. Раскрывается их роль в семейных и календарных обрядах, а также внеязыковая информация, зашифрованная в устойчивых сочетаниях, связанных с предметами обихода.

Ключевые слова: домашний обиход, предметы из дерева, утилитарная и обрядовая функции.

Издавна дерево было основным производственным материалом для восточных славян. Наши предки строили из дерева дома, изготавливали почти все предметы домашнего употребления – от мебели до посуды. В этнографических музеях мы можем встретить различные по технике исполнения и функциям изделия бондарного ремесла (дежки, маслобойки, кублы, вёдра), токарного (подсвечники, солонки, маслёнки), резьбы по дереву (ложки, гребни, качалки), плетения (берестянки, севеньки, вализы, лубки), выдолбленные из цельного дерева ковши, ночвы, ступы. Кроме непосредственно утилитарной функции, эти предметы отражали эстетические представления белорусских крестьян, а также широко использовались в обрядах.

Например, ступа – традиционный предмет для обработки зерна на крупы или для измельчения специй, трав, сухих продуктов. Ступы были известны на Беларуси с XI – XII веков и использовались до середины XX века [1, с. 357]. Они делятся на ручные и ножные. Ручная ступа имела 2 части: непосредственно ступу как ёмкость и толстую выструганную палку с полукруглыми концами – пест (белор. таўкач).

Со ступой связано возникновение общего для восточных славян фразеологизма **ваду ў ступе таўчы – воду в ступе толочь со значением** ‘заниматься бессмысленным, безрезультатным делом’ и ‘вести пустые разговоры’. По происхождению это первая часть пословицы *Ваду ў ступе таўчы – вада і будзе* [2]. Наименование приспособления в виде качалки с утолщенным концом употребляется для характеристики несообразительного человека: *Ён жа табе кветкі носіць, гэты лысы таўкач, – чуўся сярдзітых лапечы голас. Навуменка* [3].

Также о несообразительном, ни на что не способном человеке говорят *ні млён ні таўкач* [4] (русск. *ни в дудочку ни в сопелочку*), где млён 'палка, которой крутят жернова' [4].

Солонка – ёмкость для хранения соли. Существовало несколько видов солонок: большие, для хранения запасов соли, стояли в клетке или коморке, а небольшие прямоугольные могли подвешивать к стене рядом со столом или полочкой. Небольшие деревянные солонки, выточенные на токарном станке, вырезанные или выдолбленные из дерева, украшенные резным орнаментом, ставили на стол рядом с хлебом, поскольку хлеб и соль рассматривались как единое, неразрывное, обязательное, как символ гостеприимства, жизни и достатка. Отсюда выражение *хлеб-соль*, где хлеб выражает пожелание богатства и благополучия, а соль защищает от враждебных сил и влияний.

Соль отличает окультуренную пищу от "дикой" и поэтому становится одним из универсальных оберегов. Чтобы защитить себя от воздействия злой силы, достаточно было произнести формулу "*соль тебе ў вочы*" или "*соль-пячына, да чорт з тваімі вачыма*" [5, с. 477].

Хлеб и соль – обязательный атрибут различных календарных и семейных обрядов, обычаев, поверий. Ее сыпали на последние колосья во время дожинок. Специально освященной в день святой Агаты (18 февраля по н. ст.) солью отводили от дома пожар. Прежде чем отправиться в сваты, парень должен был съесть крупинку соли и выплюнуть ее на порог, чтобы в будущей семье не умирали дети. Для защиты невесты от злых сил ей давали завернутые в тряпочку кусочек соли, хлеб и чеснок [5, с. 477].

Кроме практических, солонки имели и обрядовые функции. Например, в них хранили "четверговую (чёрную) соль", которую считали магической. Её запекали в Чистый четверг и использовали в кулинарии как специи, особенно к пасхальным блюдам. Такую соль готовили один раз в год с расчетом, чтобы ее хватило на целый год: *Соль буйнога памолу змешвалі з кваснай гушчай у вялікай патэльні. Квасную гушчу адцэджвалі з сусла любога соладавага квасу, чырвонага або беллага. Гушчу і соль бралі ў аднолькавых прапорцыях. Сумесь ставілі ў духоўку або печ да запякання ў маналіт, а пасля таўклі ў ступе. На Вялікдзень ёю прыпраўлялі яйкі і мяса* [6].

Еще один обычный для крестьянского дома предмет – дежка, или квашня – невысокая деревянная кадочка с крышкой. В ней замешивали и заквашивали тесто для выпечки хлеба. Меньшие по размеру дежечки (блинницы) использовали для приготовления блинного теста.

В народной традиции славянских народов дежка была тесно связана с культом хлеба и занимала самое почетное место, символизируя жизнь, семейное благополучие и согласие. Дежку хранили в красном углу под иконами, накрывая чистым узорчатым рушником-набожником. Если покупали новую дежку, то она должна была переночевать рядом со старой под од-

ним рушником. Старую квашню также никогда не выбрасывали, а использовали для хранения приготовленного хлеба [7, с. 41-42].

Бондари изготовляли дежки из дубовых клёпок, поскольку именно это дерево благотворно влияло на процесс заквашивания и придавало тесту специфический аромат. А если использовали сосну, то обязательно вставляли пару дубовых клёпок.

Обращали внимание на количество клёпок – оно должно быть четным, иначе это уже не дежка, а деж и, соответственно, хлеба он не родит. По мнению В.И. Коваля, здесь и надо искать корни фразеологизма *клёпкі ў галаве не хапае* – о недалёком, чудаковатом человеке [7, с. 42].

К дежке относились как к живому существу: стремились не застудить и не запарить, держали всегда в одном месте, не передавали в чужие руки, чтобы не обиделась. В Вербное воскресенье били освященной веточкой вербы с пожеланиями здоровья и плодовитости. Но если квашня "вела себя плохо" (тесто не подымалось), то с ней обходились строго: морально воздействовали, били веником, ставили на пороге вверх дном, натирали луком или чесноком, вбивали в нее нож и лили кипяток, неудачный хлеб отдавали свиньям.

Дежка широко используется в народной медицине. Например, больного ребенка клали в дежку с надеждой, что она передаст свою жизнеспособность и целебную силу. Если ребенок долго не начинал разговаривать и ходить, то его садили под дежку, когда пекли хлеб. Потом мыли над дежкой руки той водой, которой поливали приготовленный хлеб. При этом приговаривали: "Як мае хлябы кіслі (г.зн. узыходзілі), так і ты, маё дзіцятка, кісні (г.зн. расці); як мае хлябы ўзыходзілі, так і ты хадзі; як, маё дзіцятка, размаўляю, так і ты размаўляй" [7, с. 42]. Чтобы у ребенка быстрее проросли молочные зубки, его кормили "поскребками" - оладьями, приготовленными из остатков теста, которое соскребли со стенок дежки.

Поскольку дежка имеет непосредственное отношение к женщине, женскому труду, то она широко используется в любовной магии и свадебной обрядности. Например, на Коляды девушки гадали с помощью дежки: ставили ее посреди комнаты, а потом заходили спиной к дежке. Кто сядет на дежку, тот и замуж выйдет в этом году. Как только свадебный каравай ставили в печь, то подружки невесты выкатывали дежку на улицу, чтобы быстрее выйти замуж. Также дежку выносили из дома, если невеста сначала отказала сватам, а потом передумала. Это был своеобразный условный знак согласия.

Всем хорошо знакома поэма Янки Купалы "Курган", где мы встречаем такие строки: "Раз бяседа вялікая ў князя была: на пасад дачку княжну садзілі" [8]. Посад – дежка, накрытая кожухом [9]. Невеста могла сесть на посад при одном условии – если она сохранила невинность. Таким образом, дежка как символ плодовитости, жизнеспособности, здоровья и бла-

гополучия, связывалась в народном сознании с невинностью невесты как условием ее способности к созданию семьи, рождению здоровых детей.

Веко дежки использовалось как обрядовый поднос. С хлебом и солью на крышке дежки встречали молодых после венчания. На ней же несли свадебный каравай. Под веком дежки молодые входили в дом.

Во время новоселья в новый дом в числе первых ритуальных предметов (икона, огонь домашнего очага) вносили и дежку как символ благосостояния и достатка.

Таким образом, такие предметы домашнего обихода, как ступа, солонка и дежка выполняют не только утилитарные функции, но еще и широко используются в различных обрядах, обычаях, поверьях, приобретают символический характер, отражают глубокую философию жизни. И чтобы нашим детям и внукам были понятны сущность обрядов и обычаев, необходимо объяснить содержание тех или иных ритуальных ситуаций, смысл употребления предметов, выражений.

Список использованных источников

1. **Народная** культура Беларусі: Энцыкл. Давед. / Пад агул. Рэд. В. С. Цітова. – Мн.: БелЭн, 2002. – 432 с.

2. **Лепешаў, І. Я.** Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў: [сайт]. – URL: <https://www.rulit.me/books/etymalogichny-slounik-frazealogizmau-read-383960-35.html> (дата обращения: 28.04.2022).

3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. К.К. Крапівы : [сайт]. – URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/83053> (дата обращения: 28.04.2022).

4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. К.К. Крапівы : [сайт]. – URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/38922> (дата обращения: 28.04.2022)..

5. **Беларуская** міфалогія: Энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. – Мн.: Беларусь, 2004. – 592 с.

6. Чысты чацвер: што ў гэты дзень рабілі беларусы : [сайт]. – URL: <https://bel.sputnik.by/20210429/Chysty-chatsver-shto--gety-dzen-rabl-belarusy-040921943.html> (дата обращения: 28.04.2022).

7. **Коваль, У.І.** Чым адгукаецца слова: Фразеалогія ў павер'ях, абрадах і звычаях / У.І. Коваль. – Мн.: Нар. Асвета, 1994. – 48 с.

8. **Купала, Я.** Курган : [сайт]. – URL: <http://www.yankakupala.ru/category/paemy>(дата обращения: 28.04.2022).

9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. К.К. Крапівы : [сайт]. – URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/56343> (дата обращения: 28.04.2022).

Листова Татьяна Александровна

Институт этнологии и антропологии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Россия
e-mail: listova.ta@mail.ru

УДК 393 : 81-23

ПОНЯТИЯ ВЫКУП И ОТКУП В СОВРЕМЕННЫХ ПРОВОДАХ УМЕРШЕГО (РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ)

В статье рассматриваются обрядово-поведенческие акты, связанные с проводами умершего в иной мир. Тематически их можно разделить на те, которые защищают живых от умершего, и те, которые служат его благополучному перемещению. Материалы показывают актуальность мифологических представлений, связанных со смертью, в наши дни.

Ключевые слова: похороны, обрядово-поведенческие акты, умерший, откуп, выкуп.

В похоронных традициях восточных славян при всем многообразии ритуально оформленных актов, назначение которых – постепенный переход умершего из одного мира в другой, очевидно пересечение двух доминантных линий, позиционирующих отношение к феномену смерти и конкретно к покойному. Я имею ввиду страх и желание оградить себя от мистического негатива смерти и, одновременно, – любовь к умершему, забота о его загробной участи. Эти две психологические установки определяют содержание и символику всей похоронной практики, идеология которой следовала вполне прагматичным рассуждениям о законах бытия: смерть – это неизбежное зло, но она не должна вносить хаос в жизнь живых, избежать этого возможно только путем исполнения обрядово-поведенческих актов, которые внесут сбалансированность в соотношение мира живых и умерших.

В данной статье, я постараюсь показать своеобразие соответствующих вышеназванным целям локальных вариантов обрядового поведения организаторов похорон, в которых сакрально-мистические представления имеют материализованные формы актуализации, сопровождающиеся вербальными дополнениями. Во-первых, это обычай включать в сопровождающие умершего атрибуты деньги, что, естественно, ставит вопрос об их назначении и формах передачи умершему. Во-вторых, будут рассмотрены поведенческие акты самозащиты, которые в науке обычно связывают с понятием "доля" покойного. Данные тематические сюжеты будут рассмотрены как два самостоятельные текста похоронной практики, векторы направленности и желаемые результаты которых имеют как сходства, так и отличия. Приведенные ниже примеры и сопровождающие их комментарии убедительно свидетельствуют о том, что, во-первых, концепт загробного мира не

ушел из мировосприятия наших современников, во-вторых, показывают разнообразие видения загробного мира – его одновременной мистичности и реальности. То есть могут служить источником для характеристики общественного сознания в целом. Особый интерес представляет и регион исследования – белорусско-российское и белорусско-российско-украинское пограничье, что позволяет сравнивать реалии и особенности представлений трех приграничных этносов, а также показать специфику контактной зоны как территории смешанно-переходной культуры. Основным источником написания – собственные полевые материалы, собранные в последние два десятилетия.

Концепту *доли* в народной культуре не раз уделяли внимание этнографы и филологи (Седакова 2004), обращая внимание на многозначность термина. Меня будет интересовать данный термин, его содержание и символика только в контексте похоронной традиции, где он подразумевает выделение умершему из общего хозяйства некоторых благ с целью гарантировать спокойствие домочадцев и сохранение хозяйства в дальнейшем.

В фундаментальном исследовании символики и семантики похоронных традиций О. Седакова привела целый "реестр" материализованных вариантов выделения доли, которые через обрядовые акты компенсируют умершему то, что он оставил на земле. Ее список основан на изучении огромного этнографического материала и в целом к нему трудно что-то добавить. Моя задача, взяв за основу ее заключения, показать следующее: 1. Локальность обрядовой актуализации выделения доли. 2. Соотношение известной нам по источникам прошлого традиции и современных вариантов. К сожалению, источники прошлого не только мало информативны, но их авторы практически не обращали внимание на стоящие за каждым обрядовым актом мотивации. 3. Выделение инвариантных позиций и одновременной субъективности в выполнении и трактовке обрядового поведения. 4. Образ посмертного существования человека в современных представлениях.

Если в широком смысле термин доля может иметь такие значения как *судьба, участь, рок*, то в похоронной практике, как мы увидим в вербальных комментариях, термин *доля* своим эквивалентом имеет термины: *часть, хвост*, даже *приданое*, или же заменяется определяющим назначением действия глаголом – "*откупаться*". С моей точки зрения распространенный термин *часть*, как и *хвост*, более соответствуют содержанию обрядовых актов. Понятие доля более конкретно, подразумевает четкий раздел чего-то целого, в то время как термин *часть* отражает символический смысл происходящего, что вообще характерно для ритуалистики похорон. Главная идея не столько в том, чтобы обеспечить умершего какими-то определенными в количественном измерении благами, сколько исключить саму возможность "прихватить" умершим что-либо с собой из общего имущества.

Поскольку речь идет о пограничной зоне, то я постараюсь, насколько это возможно, приводить примеры с территориями по разную стороны границы.

На белорусско-российско-украинском пограничье главным атрибутом в обрядовом выделении доли является хлеб – печеный или зерно, которым осыпали гроб или же сыпали его вслед процессии. Приведу наиболее распространенный вариант из с. Орликовка Семеновского р-на Черниговской обл.: "Зерном гроб посыпают как выносят. Говорят: "Иди с Богом, це твоя *часть*". Чтоб больше не приходил" (2009). Аналогичным образом поступают и белорусы. "Как покойника выносят, посыпают зерном. Просто по земле. А то покойник може забрать скотину. *Это откупаются*" (агродорок Бороньки Костюковичского р-на Могилевской обл. (2016); "Выносят гроб и некоторые осыпают зерном. Говорят: хозяин...он с хаты [уходит], надо осыпать, кабы велося всё. Кабы не звёл он ничего. Это кто-то из домашних" (д. Золочева Мстиславского р-на Могилевской обл., 2004). Обычный мотив осыпания зерном – отдать долю, чтобы больше покойный не приходил и не требовал ничего, иногда получает дополнительную интерпретацию. Брошенное зерно может восприниматься не только как выделенная часть, но как проецирование материальных благ в загробный мир, поскольку именно зерно становится тем атрибутом, которое может соединить два пространства: "Вслед посыпают зерном. Кажуть, зерно прорастает в другой мир. Уже там будет и там, уже в другом мире прорастает" (д. Корма Ветковского р-на Гомельской обл., 2006).

Более сложной выглядит обрядовая символика хлеба в тех случаях, когда он коррелируется не только с идеей выделения доли, но и с самим умершим, а также с целым комплексом коммуникативных связей. Такие обрядово-поведенческие комплексы характерны для брянско-гомельско-черниговского пограничья. Один из распространенных вариантов – включение испеченного хлеба в атрибутивное сопровождение умершего. Учитывая тот факт, что хлеб реально являлся основой хозяйства славян, а в символическом плане он являл собой аккумулярованную жизнеспособность, корреляцию хлеба и умершего можно рассматривать и как выделение ему доли хозяйства, и как обеспечение достатка в загробном мире, причем последнее в целом не характерно для комплекса действий, объединенных идеей выделения доли. Своеобразие и усложненная символика обрядовых актов с хлебом в том, что хлеб сначала переправляется с умершим на кладбище, затем возвращается в дом и подлежит разделу. "Хлеб несут и домой потом – тоже *долю* его. И это считается его *приданое*, что отдал ему его *часть*. В с. Петровки икону первую, домашнюю, потом ее обратно. Как пришли с кладбища, у сарая сказать: "Ты свое взял, а мое не чипайси"" (с. Хотивля Городнянского р-на Черниговской обл. 2009); "Первая икона (в похоронной процессии. – Т.Л.), вторые две женщины с двумя тарелками. На одной хлеб, на другой гостинцы. Гостинцы раздают на кладбище, хлеб

домой и режут и на столы раскладывают. Его самый первый и кусают. (Почему надо хлеб туда и обратно?) Обычай!" (с. Елино Щорсовского р-на Черн., 2011); "Впереди крест, потом икону, потом хлеб. Потом его домой и едят. (Зачем хлеб?) А так с пред веку" (г. Семеновка Черн., 2010) (Можно добавить, что аналогичные традиции и до сих пор существуют у потомков украинцев в Глушковском р-не Курской обл. "Хлеб – ложат хлеб-соль и деньги под гроб умершего. Утром подходит хозяйка – жинка, умывает его, ложат ему под бочок и говорит: "На, хозяин, твою часть. Не приходи, не разорь!" (С. Алексеевка. 2018)).

В брянско-гомельско-черниговском пограничье распространен и более сложный обрядовый комплекс действий с хлебом: хлеб должен быть от семьи предыдущего покойника, как репрезентация связи нового обитателя кладбища с предыдущим умершим. Жительница с. Шептаки так пояснила положенный порядок действий: "Вот у меня мужик умер, так я беру хлеб свой, бутылку и иду к тем, где похороны. Там узелок беру, и самая первая несу их гостинцы. Я беру тот узелок с конфетами, потому что он чи мужика, чи маму сменит. Хлеб оставляю в доме, где похороны. Но вообще все идут и несут в этот дом хлеб" (Новгород-Северский р-н Черн., 2010)". С точки зрения О. Седаковой обрядовые особенности использования хлеба в похоронной ритуалистике объясняется его семантикой, а именно – постоянной связью с загробным миром, поэтому хлеб, контактировавший с умершим и вернувшийся в дом умершего можно рассматривать как символическое послание хлеба из загробного мира, то есть как актуализацию идеи "плодотворящей смерти" (Седакова 2004: 116). К сожалению никто из моих собеседников не мог, да и не считает важным углубляться в смысловые глубины ритуальных актов, апеллируя к традиции. Соображения, высказанные О. Седаковой, безусловно, имеют основания в логике происходящего. Однако, кроме символики и семантики, определяющих действия с хлебом, я бы отметила в них репрезентацию социальных связей, столь важных в прошлом и не теряющих своего значения в сельской местности и маленьких городах и сейчас. Совместное вкушение хлеба, присланного от умершего, можно рассматривать как утверждение единства членов одной общины, провожающей своих умерших, но не теряющей своей целостности как совокупности живых и уже ушедших.

Сакрализованное поведение родных умершего, ориентированное на защиту общего имущества от его посягательств, не всегда поддается смысловой расшифровке, тем более, что исполнители положенных актов не всегда дают какие-либо сопровождающие комментарии. Можно только предполагать, что описанные ниже действия жителей с. Шведчина Семёновского р-на Черниговской обл. имеют ввиду символически выраженное постепенное, но окончательное отправление умершего из родного дома. "Когда умершего выносят из дома, он покрыт тюлью. И отрезается такой долгенький кусочек от тюля, полосочка и вешается в сарае, каб, кажут,

покойник не забрал с собой чего из gospodarства, скотину не забрал – корову, порося, щоб собачка не сдохла. Это у нас так, у меня и батьки умерли, и брат. И отрезает ведь не посторонний человек" (2009). Более понятен становится смысл аналогичных действий в изложении жителей русско-украинского пограничья Курской обл.: "Существует обычай отрывать кусочек от белого материала (в селе его называют миткалем), которым укрывают покойного, и затыкают его в притолоку со словами "пока он не изотрется", чтобы опосля покойного хозяйство водилось, чтобы люди не болели, а то он можа уйти и усё с собой унести" (Мануковская 2004: 141. с. Першино Нижнедевицкого р-на).

Семантически сходными можно считать и обрядово-магические акты с меркой умершего. В народной культуре мерка, по мнению этнографов, являлась своего рода продолжением человека, даже его двойником, что объясняло разнообразный (и по исполнению, и по содержанию) комплекс обрядовых манипуляций с ней (Свирновская 1999: 71). В приведенных ниже примерах мерку, вопреки наиболее распространенному обычаю отправлять ее в могилу вместе с умершим, оставляют в доме, что должно было защитить хозяйство. Чем в данном случае руководствуются исполнители акта, сказать сложно: возможно, таким образом они показывают умершему уважение, отсутствие у них желания немедленно изгнать его из собственного дома, возможно, что одновременно при этом присутствует также фактор, упомянутых в действиях с куском покрывала: рано или поздно мерка истлеет и вместе с ней уйдет из дома смерть. "Как мать умерла, сказали: померить ее ниткой вдоль и завязать на чердаке на комине (трубе) вокруг нее. Она ж хозяйка была, так чтоб убытку не было. А то бывает: помер – и все пошло на убыль. Я так и сделала и у нас все нормально было" (с. Рюхов Унечского р-на Брянской обл., 2013); "Чтобы не забрал ничего – мерку, которой меряют умершего нужно дома замазать в шпорину – между бревнами. Это свекровь сказала" (с. Блистава Новгород-Северского р-на Черниговской обл., 2010).

В состав выделяемой доли, о чем писала О. Седакова (Седакова 2004: 265) входила одежда умершего, примеры чему встречаются на украинско-российском пограничье. Содержание действия я бы объяснила как проецированием земного бытия в иной мир, где сохраняется потребность в обычных вещах, так и неизменным желанием предотвратить убыток хозяйству. "У нас здесь хозяйство (то есть у каждого хозяйство свое – Т.Л.). Так кладут одежду старую, чтобы не забрал все, то есть в чем он ходил: рубашку, майку, штаны какие. Это замотать и положить под ноги, а то могить все хозяйство пойтить: могить корова, могить кабана, ну заболает" (с. Гремяч Новгород-Северского р-на Черниговской обл., 2010).

В формировании и сохранении связанной с феноменом смерти обрядово-поведенческой практики большую роль играют сны, содержание которых наши современники воспринимают как передачу сведений из за-

гробного мира. Такие сны нередко касаются личных вещей, которые умерший хотел бы вернуть себе. "Умер брат мужа, похоронили. На второй, чи третий день стали стирать утром и дверь открывается. А рушник был, который этот брат привез, и сын сказал, ему отдать, будет машину мыть. "На, бери". Дверь открывается, иде этот Иван и бере полотенце. "Сережа, это полотенце мое". А полотенце на заборе висело, еще не просохло. Я сыну говорю...А у нас мотоцикл был. Я говорю: "Подымайтесь, отвезите полотенце Иваново". Взяли, отвезли на кладбище и на крест ему повесили. И больше не снился. (с. Тимоновичи Семеновского р-на Черниговской обл., 2009).

Страх неизбежной убыли в хозяйстве в результате смерти кого-либо из домочадцев можно считать универсальным явлением. В негативных последствиях могут усматривать злой умысел покинувшего дом умершего, но чаще негатив связывают с нахождением всего домохозяйства в пространстве смерти. Такие представления весьма устойчивы, хотя могут опровергаться самой хозяйственной практикой наших собеседников. "Говорят, как кто умер, целый год ни лук, ничего не родится. Неправда, все родится". (агр. Бабиновичи Лиюзенского р-на Витебской обл., 2017). В любом случае в каждой местности и сейчас соблюдают принятые средства защиты.

Обрядовое выделение доли – распространенный, но не единственный вариант защиты. Во многих местах считают действенным средством полную самоизоляцию живых в момент выноса: "Чтобы не забрал ничего, как вынесут закрыть всё, замкнуть всё" (агр. Забелышин Хотимского р-на Могилевской обл. 2016); "И как выносят умершего, калитку сразу как гроб поставили на машину, закрывают, чтобы покойник ничего не забрал из хаты. Ворота, калитку - всё закрываю (с. Шведчина Щорсовского р-на Черниговской обл., 2009). Как отдельные субъективные мнения, корректирующие общее убеждение в том, что умерший всегда склонен забрать с собой что-то из имущества, можно рассматривать рассуждение Яхминой О.В. 1942 г.р. из д Варваровка Хотимского р-на Могилевской обл.: "Ничего не закрываем после выноса. Мы не боимся. Но если умерший был злой человек, то что-нибудь случится: поросенок или курица сдохнут. Говорят, что это мертвец пришел и забрал. А что тут сделаешь?! Наверное, надо к попу обратиться". Последнее замечание – это, видимо, результат современного возрождения православия и включения церковных практик в ритуал похорон, в том числе и в комплекс мер, очищающих пространство дома от пребывающего в нем негатива смерти. Добавлю, что и в традиционной культуре распространена была практика христианского очищения жилища после выноса покойника.

В северной части российско-белорусского пограничья менее распространены действия с хлебом как атрибутом выделения доли. Защита от посягательств умершего находит иные обрядово-поведенческие варианты,

основным назначением которых является самозащита и сохранение плодотворяющих основ хозяйства. Так, в с. Туричино Невельского р-на Псковской обл. поступают следующим образом: "Как покойника из дома выносят, так хозяйка шла корову доить. – чтобы покойник не забрал *хвост* с собой. А другой человек бегить в сад и палкой бьет по каждому дереву, чтобы дерево не усохло. Это пока несут до коня. А иначе в этот же год меняешь корову. Покойник иначе забирает с собой. Меня иногда хозяйки просят "Зиночка, беги коров доить". Молоко не выливают, всё нормально" (2018).

На псковско-витебском пограничье распространен вариант предохранения от неизбежных последствий присутствия смерти в доме, который можно рассматривать как символический разрыв, "отсечение" связей умершего с домохозяйством. "При похоронах нужно курицу нарезать или что-то из скотины – чтобы велась скотина. Вот умер – картошка не стала расти. Говорят – забрал с собой. Всегда и картошка, и огурцы были хорошие. А в этом году муж умер – и не было ничего. Не растут – и всё. (Долю ему выделить?) Нет, такого не слышали" (пгт Россоны Витебской обл., 2010). В комментариях по поводу смысла поведенческих актов ясно выражается идея именно родового разрыва с умершим, о чем писала и О. Седакова, рассматривая семантику проводов умершего (Седакова 2004: 265-277). Как считают жители агр. Вировля "корову лучше не покупать, если хозяйка умерла. Чтобы не забрал ничего, говорят, кровь надо пустить. Например, курицу резать. Вот он на куту лежит еще, со свиной же не будешь возиться, а курицу засекали, кровь пустили, обделявать-то ее некогда, и выбросил" Городокский р-н Витебской обл., 2015). Аналогичными сообщениями руководствуются и жители соседнего Себежского р-на Псковской обл.: "Что-то при похоронах нужно приготовить, не обязательно на поливку, но нужно из своего скота: или картошку с мясом, или еще что-то. (Почему?) Это не знаю. (Выделить ему что-то?) Это – да. Я узнавала, сказали, надо, а то либо поросенок умрет, либо еще что-то" (д. Долосцы, 2010).

Негатив смерти может затронуть не только хозяйство умершего, но и членов семьи, что делает еще более актуальным разрыв кровных связей с покойным. "На похороны должны нарезать курицу, чтобы не было в семье больше покойников. Чтобы было что-то *кровяное* из своего дома зарезано. Обычно курей. Именно поливка делается из курей или гусей, именно с птицы. Я делаю из рощины – зачинаю ржаную муку, закисает, без дрожжей. Туда морковочки, томатика, и на бульоне. Сама я из Клястиц. Я и дома готовлю просто для себя такую поливку" (с. Юховичи Россонского р-на, 2010). Заложённая в действиях идея разрыва кровных связей, что могло обезопасить живых, требует, по-моему, следующего уточнения: разрыв фиксируется на символическом уровне и не имеет ввиду забвения ушедших родных, дальнейшее поминание которых входит в комплекс обязательных религиозно-этических норм всех восточных славян.

В последнее прощание с умершим входил еще один знаковый акт, играющий немаловажную роль в мифологической картине его "перемещения" в загробный мир. Я имею ввиду включение денег в атрибуцию проводов, смысловая функция которых имеет в основном иное назначение, нежели выделение доли. Основное назначение денег, а это традиционно металлические монеты, обеспечение умершего средствами для последующей оплаты *выкупов*, (в том же значении может употребляться и термин *откуп*) которые должен отдать покойный на разных этапах своей последней дороги. Обычай этот уходит в прошлое и имел широкое распространение, на него нередко обращали внимание дореволюционные авторы: "Все бросают землю, а некоторые и деньги. В Ельнинском у. видел, что медные деньги кладут в гроб, чтобы на том свете было чем откупиться"; "В могилу бросаются деньги при спуске умершего" (Архив РГО 1862: 181).

Обозначение адресатов выкупов в настоящее время отличается существенным разнообразием в соответствии не только с локальными, но часто субъективными представлениями. Это может быть предыдущий умерший (вариант, особенно распространенный в белорусском пограничье), сама земля, могила (как место последнего нахождения), "хозяин" кладбища (предыдущий захороненный), обитатели "того света", куда прибудет покойный и т.д. Приведу несколько типичных примеров: "Деньги – *выкупливаешь* могилу. Чтобы пустили на тот свет. Вижу сон: мать моя приходя и говорит, а 9 дней еще не прошло. "Доча, дай мне грошей, меня не пускают, я же не могу могилу выкупить. Там они стоять и не пускают"" (с. Коржовка Клинецовского р-на Брянской обл. 2008); "Деньги бросают – выкупают. Раньше мелочь, а сейчас може бумажные. Батюшка не ругает. Выкупить – може, уже лежал человек. Так надо заплатить, чтобы он освободил место"(агр. Селец Мстиславского р-на Могилевской обл., 2007); "Деньги бросают, чтобы мог там выпить и закусить, надо угостить ведь других" (с. Юховичи Россонского р-на Витебской обл., 2010); Деньги – чтобы *дом* выкупать. (У кого?) Не знаю, у кого-то" (г. Юхнов, 2010).

Подчеркну, что деньги положено бросать родным. Данный этический норматив можно трактовать как репрезентацию кровных связей, землю же, которая всегда рассматривалась как благо, данное всем людям, кидают все присутствующие. "Бросают,откупают. У кого – у Бога, наверное. Бросают родственники. Землю – кто угодно". (д. Вьюково Суражского р-на Брянской обл. 2008); "Деньги надо бросать. Мама учила: когда брат умер, она сказала: постарайся деньги вперед бросить раньше других. Это мы выкупаем землю. Не надо, чтобы чужие люди выкупали, мы сами должны выкупить ему. Это уж как гроб опустят. А я и чужим людям бросаю. (У кого выкупают?) Мама говорила: Бог там или кто, но какая-то сила есть небесная" (с. Долосцы Себежского р-на Псковской обл., 2010).

Как отдельные реминисценции традиционного сюжета с преградами, ожидающими умершего, практически ушедшего из мифологии посмертной

жизни (переправа через огненную реку или подъем на гору), можно считать современные сюжеты с мотивом преодоления препятствий. "Копейки в могилу. Но сказали, что эти деньги вроде помогают кто какую-то дверь открыть или что-то купить. Деньги кидают, хочет медные" (с. Туричино Невельского р-на Псковской обл., 2018); "В могилу родственники копеечки. Знаю, что даже в гроб ложать, чтобы мог купить, через речку, что ли, за паром заплатить. Это слышала" (г. Семеновка Черниговской обл., 2009). В настоящее время возможно более, чем в прошлом, информации и наставления поучительного характера приходят к родственникам умершего через сон и воспринимаются как руководство к действию. По этому поводу приведу рассказ жительницы с. Рыкалево Невельского р-на Псковской обл.: "Когда муж погиб, они на работе все складчину устраивали, отмечали. А через полгода умирает еще механизатор. И мне сон: муж говорит: "Ты все хорошо сделала, я всем доволен, но почему ты мне денег не дала?" И тут этот умирает. И положила ему в карман. В гроб не кладут, а в могилу кидают. У меня муж копал могилы и иногда встречались монеты. Сейчас кидают копейки. И я слышала, что это еще хорошо хоронить свою нужду с близким человеком, будешь лучше жить (2003).

Реже встречается мотивация отправления с умершим денег как выделение доли: "Что делать, чтобы ничего не взял с собой, не тревожил? Деньги в гроб и кажут: "Вот тваё ложу тебе в гроб, шоб ты не ходил до меня, не тревожил". металлические деньги. И я мужу клала. А клали ли маме, свекрови, не помню" (с. Сеньковка Городнянского р-на Черниговской обл., 2009).

Размеры статьи не позволяют увеличить количество вариативных примеров и интересных комментариев к ним. Для нас важно то, что в мировоззренческой картине мира и сейчас присутствует достаточно детализированная мифология посмертного существования человека, что определяет, как и раньше, комплекс определенных обрядово-поведенческих актов, которые должны выполнить родные умершего. В целом по функциям их можно разделить на две тематические группы: 1 – направленные на то, чтобы защитить себя и свое хозяйство от умершего как репрезентанта смерти с негативными последствиями для живых. Смысловое содержание этих актов можно определить термином *откупиться*. 2 – предоставленные умершему средства в денежном варианте для благополучного пути в иной мир. В целом эти действия можно обозначить как *выкуп*, реже *откуп* в том же значении.

Источники

Архив РГО 1862 – Архив Русского Географического общества. Р. 46. Оп. 1. Д. 18. Л.4. Окрестности г. Суража).

Мануковская Т.В. Плачи – голошения и духовные стихи в свете похоронного обряда (с. Першино Нижнедевицкого р-на Воронежской обл. // Этнография Центрального Черноземья России. Вып. 4. Воронеж, 2004.

Нил Синявский. Апрель месяц у белорусских крестьян Смол. губ. Смол. губ. вед. 1862. № 24. С. 181.

Список использованных источников

1. Свирновская А. В. Измерение тела: идентификационные практики // Мифология и повседневность. Вып. 2. Пушкинский дом. СПб, 1999.

2. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: "Индрик", 2004.

**Шишони́на Натали Владимировна¹,
Баталова Татьяна², Кузнецова Диана²**

¹Пятигорский государственный университет, Россия

²МОУ Раменская СОШ №35 "Вектор успеха", Россия

e-mail: 0977778@mail.ru

УДК 81 '112.2

МОДА КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА

В статье рассматривается номинативный компонент концепта "МОДА" в культурном и историческом развитии с разными эпохами и странами. Понятие моды многогранно и распространяется на различные сферы жизни социума. мода характеризуется масштабом и динамикой в языковом и культурном потенциале.

Ключевые слова: концепт, мода, семантика, феномен, коннотация, культура, история.

Мода является динамичным и капризным феноменом, длительная история развития которого тесно взаимодействует с историей и культурой человека. мода связана с трудом и отдыхом, с повседневным и праздничным бытом, с путешествием и спортом, с возрастом, профессией и социальным статусом, с природой и культурой, с гендерным феноменом мужчины и женщины, в конечном счете с человеком и его представлением о культурном коде одежды, который присутствует как идея антропоцентризма во всех сферах экономической, политической, культурной и общественно-социальной жизни. мода становится пространством изучения и влияния на ценности и взгляды людей разных эпох, возрастов и общественных слоев, что проявляется по мнению ученых, в социальном характере моды, ее семиотической предназначенности, ее особой символике. По мнению Р. Барта, мода предстает как неординарный и богатый семиотический объект - мистифицированная система отношений между одеждой и жизнью, между образом, знаком и делом [2, с. 11]. В настоящее время мода выступает как система, которую изучают философия, социология, экономика, лингвистика, культурология, психология и другие науки.

Глобальные процессы в экономике, политике и культуре изменили сущность моды, превратили ее в тотальное явление, она становится индустрией, транслятором эстетических форм существования человека, феноменом социального выражения [5, с. 13]. Тотальность моды проявляется сегодня в рекламе автомобилей, часов, домашней техники, кухонной посуды, мобильных телефонов и т.д. и т.п.; "... в иллюстрированных журналах рекламные полосы читаются с тем же чувством получения информации, что и полосы новостей" [2, с. 451].

Многие социологи рассматривают женскую моду начала XX в. как аллегорию городского модернизма и процессов эмансипации, что уже к середине XX в. отразилось в превращении безликой женщины в духовно, материально и сексуально независимую особу. Вчерашней скромнице противопоставляется образа развлекательной индустрии. В 1950-е гг. родилась молодежная мода, законодателям и кумирами которой стали битники, байкеры, тедди-бойз, а с 1980-х гг. например, на моду сильное влияние оказывает панк-культура, зародившаяся в Великобритании. В это время становится популярной одежда из черной кожи, а также элементы военной формы, татуировки, агрессивный макияж и соответствующие прически [6, с. 43-45].

Сегодня в моде появилась тенденция сочетания свитшота с джинсами "boyfriend style" или с юбкой солнце-клёш плюс яркие кроссовки или, наоборот, босоножки на каблук. Поэтому мода выступает в качестве лингвокультурного концепта, представляющего современную среду в ментальном мире человека. Концепты, как известно, существуют в языке как "средство взаимопонимания и общения" для всех пользующихся данным языком. В моде можно увидеть отражения культурных стилей разных времен и эпох, которые переживало человечество.

В свою очередь, концепт "мода" становится центром, который объединен какой-либо общей темой или относится к одной коммуникативной сфере, включающей вербальные и невербальные коды. Сегодняшняя мода включает в себя не только язык, но и другие семиотические системы, как: декорирование витрин домов мод и магазинов по продаже одежды, многочисленные дефиле, которые включают в себя не только показ модной одежды, но и дизайн, музыку, освещение, моделей-манекенов, что часто приравнивает их к театральному действу, а также исторические и музейные выставки костюма и т.д. Система представления моды становится более разнообразной: тексты в многочисленных журналах мод и глянцевого журналах, модные обозрения, книги по истории моды и костюма, реклама моды и др.

Язык моды выступает как понятийный суперкод с особой терминологией. Рассмотрим, например, описание одежды свиты московского посольства Ивана Грозного к императору Священной Римской империи Максимилиану II, возглавляемого З.И. Сугорским и А.Г. Арцыбашевым в XVI в., основываясь на гравюре, хранящейся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Этот текст демонстрирует особый язык данной подсистемы языка: свита послов одета в наряды разных цветов и расцветок: охристые, зеленые, бордовые, коричневые, голубые, белые, розовые, в полоску. На большинстве участников посольства надеты по два верхних платья, на некоторых даже по три, что дает возможность показать многослойность костюмов. В конце процессии помещены слуги, на которых лишь одно короткое платье. На гравюре четко видны разные формы ворот-

ников и застежек, ожерелья из драгоценных камней, боковые разрезы, накладные петлицы кафтанов, некоторые красивые отделочные швы [4, с. 10-12]. Мы отмечаем взаимодействие визуального образа в виде картины и ее языкового описания, в котором проявляется указующая функция языка, выделяя важные высказывания детали: цвет, фасон, социальный статус, богатство костюмов посольской группы. Это описание свидетельствует об особом языке моды, интуитивно понятном реципиенту.

Аспект суперкода моды реализуется не только в терминологии, но и в перечне родо-видовых категорий [2, с. 137 и далее], например: аксессуар, блузка и ее многочисленные разновидности (туника, кофта, фелонь, кацавейка, сорочка, корсаж, матроска и др.), шаль, туфли, воротник, перчатки, жилет, юбка-вязанка, шлепанцы, чепец и др. Интернациональность терминов здесь отражает взаимозависимые процессы в развитии модных тенденций: Bermudas, Safarijacke, Neglige, Sweatshirts, Slacks, High-Heels Petting, Baschlik, пуловер, реглан, тренч-коат, бабуши, канотье, твинсет и др. В таких словах, как: тога, туника, смокинг, мини-юбка, сарафан, косоворотка, редингот, горжетка, бурка, хитон, жабо, явно ощущаются исторические и национальные особенности моды в разные временные и культурные эпохи, при этом каждая эпоха вырабатывает определенный терминологический код, номинирующий модные вещи в данное время. Многие из наименований при этом означают реалии, уходящие в глубь веков: Baret, Blüchermantel, Breton, Burnus, Chesterfield, Chiffon, Dandy, Dirndlkleid, Crêp de Chine, Cowboyhut и т.д.; другие номинируют новые реалии: Alpaka, Anorak, Bikini, Blue Jeans, Body, Chanel-kostüm, College-style, Street-style, Jungstil и т.д. По отношению таким лексемам, как кокошник, туника, картуз, кафтан, армяк и др. Здесь мы можем говорить об участии имеет место интрасемiotический перевод, в котором участии не только слово, но и культуре, в которой рождаются эти термины. Так, чтобы понять лексему "кокошник", ставшую, как и многие другие слова из приведенного ряда, историзмом, нужно обладать знаниями о системе исторических и общественных отношений на Руси.

Лингвокультурный феномен "мода" находится в состоянии культурного диалога с разнообразными национальными пространствами. В качестве увлекательного примера диалога культур можно рассматривать историю брюк в дамской моде. Брюки появились в западноевропейской одежде еще в XV в., популярность, однако, они приобрели столетие спустя. Есть свидетельства, что уже в Древней Европе женщины - воительницы из кельтских племен носили брюки. В период первой мировой войны комбинезоны и брюки-бриджи активно заменяли юбки. Бриджи, смокинги, комбинезоны сопровождали мужские области деятельности женщин. Брюки стали носить женщины на ранчо, женщины, работавшие в угольных шахтах, в XX в. – женщины-летчицы и женщины, заменившие на производстве мужчин в военные годы. Великая Коко Шанель сделала брюки неотъемлемой

частью женской одежды, когда ввела в моду классический мужской костюм, который впервые надела М. Дитрих в Париже в 1931 г. [1, с. 313-314]. Брюки были скроены по типу мужских брюк с весьма широкими штанинами. В этом виде женской одежды регулярно меняются прилегающие и широкие, брюки-клеш и прямые. Нередко это связано с переменой в гендерном мышлении и дифференциацией полов, поскольку брюки стали означать предметы не только мужской, но и женской одежды. Например: лексема Bloomers или Pumphose означает шаровары, по моде турецких женщин, эти брюки были предложены американкой Амелией Бломерс в 50-е гг. XIX столетия для езды на велосипеде как провозвестник брюк;

лексема Slacks заимствована из французского языка, где в XVIII - XIX вв. для офицеров всех родов войск существовала часть военной униформы - лосины, обтягивающие штаны из лосиной кожи, а в XX в. появились узкие женские брюки, которые в память об этой униформе носят также название лосины, слаксы (slacks);

лексема Jodpurose означает брюки в стиле галифе, предназначенных для верховой езды, с кожаной вставкой с внутренней стороны; фасон заимствован из Индии, происходит от названия города Jodpur и "всплывает" в дамской моде все чаще в 20-е гг. XX столетия;

Overall - комбинезон в женской моде, по типу комбинезонов английских летчиков, вошедших в женскую моду после первой мировой войны.

К аналогичным примерам культурного диалога можно отнести и историю русского павло-посадского платка. Этот платок является потомком кашмирской шали, пришедшей в Россию с Востока, от нее заимствована диагональная симметрия. Сегодня он квадратный, может быть разного размера, кашемировый или шелковый. Главная его особенность - это авторские рисунки набивного характера и особой технологии, которые имеют свои названия: осенний, княжеский, посадский, купидоны, турецкий, испанский и др. К ориентальным узорам относятся: огурцы, медальоны, картуши, "перышки", "стрелки", цветочки, фоновые "снеги", цветочные гирлянды, так называемая французская роза. Поскольку эти рисунки изготавливаются в разных цветовых гаммах, количество готовых образцов бесчисленно. Фон таких платков может быть черный, красный, бордо, зеленый, коричневый, синий. Павло-посадские платки как русская генерация восточных шалей отличаются тонкостью работы, нежной натуральной фактурой, композиционной завершенностью

Не менее чем терминология, для субкода "мода" значимы, имена известных кутюрье, например: Джанни Версаче, Эльза Скьяпарелли, Пьер Карден, Кристиан Лакруа и др., которые в сознании потребителей моды закрепились как термины.

Также важен с точки зрения диалога культур и тот след, который оставила русская мода в истории интернациональной моды. Стиль "à-ля-рус", связанный с традицией русского национального костюма, становится все

более распространенным в XIX в. под влиянием гастролей Большого и Мариинского императорских театров, Дягилевских сезонов на Западе (оперы "князь Игорь". "Жизнь за царя", "Русалка", "Снегурочка", "Борис Годунов", балеты "Конек-горбунок", "Петрушка" и др., костюмы Бакста), гастролей исполнительниц русских народных песен Плевацкой, Паниной, Вяльцевой, показа коллекций княгини М.К. Тенишевой на Всемирной выставке в Париже. Все эти события стали популяризаторами русского национального костюма: кокошника, кафтанов, папах, богатых вышивок, изысканных украшений из драгоценных камней, росписи по шелку. Этому способствовало и открытие в эмиграции домов мод княгини Ольги Урусовой, ателье "Шапка" княгини Марии Пуятиной, дома мод графини Марии Орловой-Давыдовой, дома мод "Анели" Н.Н. Лазаревой, русского дома "Имеди" под руководством графини А.И. Воронцовой-Дашковой, дома моды "Мария Новицкая", дома моды "Ирфе" княгини И. Юсуповой и князя Ф. Юсупова, кавказских домов моды и др. Благодаря этим ателье и домам, Европа обратила свои взоры на экзотическую русскую моду, которая внесла в этот мир много новизны, самобытности, ручного труда и тонкого вкуса [3, с. 85-130]. Формирование характерных признаков русского стиля можно проследить с древних времен и до наших дней на примере народного костюма, одежды знати, декоративно-прикладного искусства. Фактура и отделка материалов, аксессуары, каждый элемент костюма может указывать на национальную самобытность, а также на стилизацию иных первоисточников.

Церемония открытия Олимпийских игр 2014 г. продемонстрировала многие образы-символы России. Например: шапку-ушанку, жар-птицу, русские народные костюмы, шубы, тулупы, фуфайку, творения Василия Кандинского и Марка Шагала с их особенной цветовой семантикой, символикой русской культуры и быта и др.

Концепт "Мода" пребывает в состоянии постоянного обновления. Так, расширение имиджа женщины от скромницы до смелой и честолюбивой авто-леди усилило в описании моды позиции языковой риторики, которая становится новой принадлежностью этого суперкода. Риторическое описание моды в рекламе активно реализуется в актуальной для моды категории цвета. Цвет как единица культуры может быть дифференцирован по возрастным, гендерным и социальным пристрастиям, он имеет традиционную символику и связан с жизненным ритмом, стилем жизни, сменой дня и ночи, религиозными ритуалами, красотой и пропорциями [9, с. 91-92, 100]. Цветовой код обслуживает власть и церковь, искусство и психологию, изотику и геральдику, а символика света строится на взаимодействии цвета и света, интенсивности и яркости, чистых и смешанных тонах основных и неосновных цветов.

Мода всегда манипулировала цветом и "заигрывала" с ним. Уже в XVIII в. мода пыталась давать цветообозначениям самые невероятные ме-

тафорические названия: *сточная канава, уличная грязь, лондонский туман, бедро нимфы, лоно монахини, отравленная обезьяна, веселая вдова, восставший мертвец, больной испанец, цвет больного оспой и др.* Как видно из этих высказываний, метафора использует для цветообозначений социальные и общественные ассоциации. Понять, однако, какой конкретно цвет имеется в виду в случае "vergifteter Affe" (отравленная обезьяна), "lustige Witwe" (веселая вдова) и некоторые другие, достаточно трудно.

Рекламные технологии цветообозначений, как отмечает Р. Барт, нередко обращаются в поисках аналогий к природе, географии, истории, культуре [2, с. 273-274]. В обозначении цвета можно наблюдать частое использование метонимического иносказания. Например:

Природа: Kirsche, Paprika, Granat, Oleander, Kupfer, Beryll, сирень, изумруд, таусинный (цвета павлиньего пера, синевато-фиолетовый) и др.

География. Dschungel, Marine, Ozean, Gletscher, Bordeaux, сафари, берлинская лазурь (минеральный пигмент темно-синего цвета) и др. *История.* Schwarz-Uni, Petrol, Russischgrün, Royalblau, наваринский (темный оттенок серого сукна, который появился в русской истории после победы русских над турками в Наваринской бухте), кавалерский (голубой, как на погонах кавалерии в русской армии), триколор и др.

Культура: Heliotrop, Porzellan, Anthrazit, шпейзовый (сплав меди с оловом и цинком), байрон (темно-коричневый с рыжеватым оттенком), цвета бедра испуганной нимфы (розоватый, связанный с возникновением нового сорта роз) и др.

При оперировании известными представлениями о цветах, растениях, социальных явлениях можно выделить необходимые качества как в индивидуальности, так и в коллективном сознании. Цветонаименования могут находиться в отношениях друг с другом. При этом разные языки обладают разными средствами для выражения этих отношений, например, в русском: багровый, багряный, алый, пунцовый, пурпурный, пурпуровый, рдяный, огненный, пламенный, рубиновый, коралловый, кровавый, кумачовый, карминный, кармазиновый, червонный [7, с. 203]. А в словаре В.К. Харченко приводятся объекты для возможного метонимического переноса этого цвета: Цвета крови, заходящего солнца, ягод земляники, созревающих вишен, цветов: красных роз, красных гвоздик, канн, сальвий, майоров. Цвет флага СССР, пионерского галстука. Карминный цвет. О солнце. [8, с. 211]. В немецком: ... blaBrot, blutrot, bordeaux, brand-, dunkelrot, entzündet, erikarot, feuerrot, feurig, fleischfarben, fuchsrot, gelbrot, gold-, hellrot, erdbeerfarben, karmin, kirschrot, knall-, krebsrot, kupfer-, mattrot, purpurn, puterrot, ritzerot, rosa, rosenrot, rosig, rostrot, rot, rötlich, rubinfarben, scharlachrot, tiefrot, tomatenfarben, vermilion, weinrot, ziegelrot, zinnoberrot, Abendgold, Abendröte, Abendrot, Alpenglühén, Blut, Granat, Inkarnat, Karfunkel, Karmoisin, Kirsche, Morgenrot, Puter, Rubin, Schamrote, Ziegel, gesotteter Krebs, Lachsrot, Menning, peianischrot, Rosa, Rot, Rote, Rötung, Entzündung, Son-

penbrand, Zinnober, *Farbe der Liebe* и др. Из этих примеров очевидно, что оба языка используют в цветообозначениях как словообразовательные средства, так и метонимический перенос. В немецком языке более представлено словосложение, а в русском - более суффиксация; метонимию используют оба языка, в словаре В. К. Харченко намечены пути метонимического переноса.

Мода, как уже отмечалось, связана в нашем мире с разветвленной рекламой, которая широко использует риторическую систему языка. Рекламные послания моды воздействуют на разные сферы восприятия реципиента, такие как: зрение, осязание, слух переходя на ось "комбинации" и становясь актом речи. Язык моды в прагматических целях использует экспрессивные, эмоциональные, оценочные, а также социальные, временные, функциональные значения слов. Приведем примеры, связанные с языком моды: *асимметричные вырезы и глубокие декольте, кожа и сетка.*

СВЕТИТЬ ВСЕГДА, СВЕТИТЬ ВЕЗДЕ! Куколка, диснеевская принцесса или королева диско, неважно, какой образ вы хотите создать, главное, чтобы в наряде было побольше стразов, парчи и металлизированной кожи.

Мода создает свой язык, свой суперкод, регулирующий ее словарь и его значение в этой системе. Термины моды находятся в состоянии культурного диалога друг с другом, обнаруживая свою кратковременность и калейдоскопичность; они показывают цикличность и изменчивость модных тенденций, сменяя друг друга.

Мода является мировым феноменом, способствует диалогу моды с человеком и его действительностью. Своеобразие феномена "мода" вызывает не только отход от привычных стандартов, но и взаимодействие разных стилей, неисчерпаемость в творении ее стилистической системы. Феномен моды все чаще становится в наше время выразителем взглядов и ценностей разных поколений, отражает связь с общекультурными парадигмами развития, с традициями и инновациями, становясь средством выражения социальной статусности и личной презентации.

Список использованных источников

1. Ануприева М.А., Сафонова М.В. Исторический опыт появления женских брюк как базового элемента гардероба // *МОДА И ДИЗАЙН: исторический опыт - новые технологии*; Материалы международной конф. / под ред. Н.М. Калашниковой. - СПб.: ФГБОУВПО "СПГУТД", 2014. – Текст : непосредственный.

2. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. - М.: Изд-во им. Сабашиных, 2003. – Текст : непосредственный.

3. Васильев А. Красота в изгнании. Русские дома моды: Париж, Лондон, Нью-Йорк. В 2 т.. - М.: Слово/Слово, 2008. - Т. 2. – Текст : непосредственный.

4. Жабрева А.Э. Изображение русского посольства, представившегося под началом Захара Ивановича Сугорского императору Максимилиану II на Регенсбургском Сейме 1576 г. // МОДА И ДИЗАЙН: исторический опыт - новые технологии: материалы междунар. конф. / под ред. Н.М. Калашниковой. - СПб. ФГБОУВПО "СПГУТД", 2014. – Текст : непосредственный.

5. Конева А.В. Мода как феномен социального воображения: - Автореф. дис. ... доктора соц. наук. - СПб., 2013. – Текст : непосредственный.

6. Мода и модельеры / ред группа: М. Шинкарук, Т. Евсеева, О. Лесняк. - М.: Мир энциклопедий Аванта+Астрель, 2011. – Текст : непосредственный.

7. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л.А. Чешко., М.: Наука, 2019. – Текст : непосредственный.

8. Харченко В.К. Словарь цвета: Реальное. Потенциальное. Авторское: Свыше 4000 слов в 8000 контекстах. - М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2009. – Текст : непосредственный.

9. Эко У. Эволюция средневековой эстетики / пер. с итальянского Ю.А. Ильина в обработке и редакции Е.Ю. Козиной и И.А. Дороченковой; пер. с латинского А.С. Струковой. - СПб.: Азбука-классика, 2004. – Текст : непосредственный.

Милютина Юлия Васильевна

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, Россия
e-mail: julchik-sed@bk.ru

УДК 408.7 (Бр.)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СТРУКТУРЕ СЛОЖНЫХ ОСНОВ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ, НАЗЫВАЮЩИХ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ, В БРЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В статье представлен лексико-семантический анализ наименований лиц на материале словарей брянских говоров. Показано словообразование сложных основ диалектных слов в структуре имен существительных в сопоставлении с аналогичными процессами в других говорах и в литературном языке.

Ключевые слова: диалектное словообразование, способ сложения, брянские говоры, словообразовательные модели, наименования лиц.

О необходимости описания словообразовательной системы говоров, обобщения разрозненных данных и формировании целостной теории диалектного словообразования неоднократно писали многие исследователи. Говоря о диалектном словообразовании как составляющей общерусской словообразовательной системы, мы считаем необходимым и важным обратить внимание на субстантивы, называющие людей в литературном языке и в говорах и образованные различными способами. В.В. Виноградов указывал на важность установления различий в приемах и тенденциях словообразования по диалектам и раскрыть пути и периоды проникновения в литературный язык словообразовательных диалектизмов [3, с. 86].

Словообразовательная система говоров, являясь подсистемой общей системы словообразования русского языка и имея общие с литературным языком закономерности развития, отличается значительной подвижностью. "Интенсивная динамичность, – пишет Н.Н. Руденко, – связана с постоянно возрастающим воздействием на говоры литературного языка, одного из решающих факторов в развитии народных говоров на современном этапе" [8, с. 14]. Действительно, в говорах процесс деривации иногда идет активнее, чем в литературном языке.

Активная роль словообразования в создании лексических единиц способствует тому, что язык в той или иной степени отражает соответствующие участки действительности [2, с. 11]. Диалектному языку свойственны те же способы словообразования, что и литературному языку: суффиксальный, префиксальный, постфиксальный, префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, способ словообразования, заключающийся в субстантивации прилагательных и

причастий. С помощью указанных способов образуются слова, имеющие одну мотивирующую (производящую) основу. При наличии более чем одной мотивирующей основы, то есть при образовании сложных слов, русским говорам присущи также способы словообразования, свойственные литературному языку: сложение, сложение в сочетании с суффиксацией и различные смешанные способы образования сложных слов.

Суффиксально-сложные существительные, как правило, состоят из двух основ, при этом предшествующий компонент по смыслу подчинен опорному. Основы, предшествующие опорному компоненту, находятся между собой в сочинительных отношениях [9, I, с. 246]. Данный способ находит свою реализацию в различных русских говорах (например, псковских говорах) [5, с. 290-293], в том числе и в брянских.

Рассмотрим сложение с опорным компонентом, содержащим глагольную основу. Сложные существительные с суффиксом *-тель* обычно называют в местных говорах лицо, производящее действие, названное глагольной основой и конкретизированное в первой основе сложения [9, I, с. 246]. В общенародном русском языке функционирует лексема *благодéтель* в значении "человек, который оказывает кому-нибудь покровительство из милости" [6, с. 49]. В брянских же говорах, кроме того, так иронически называют бездельника [10, I, с. 57]. Слово *благ-о-де-тель* образовано посредством сложения двух основ + суффикс *-тель* [12, I, с. 101]. Словообразовательная калька греческого слова *euergetes*: *благо* – "добро", *детель* – "творец, создатель". Слово *делать* изменилось в *деть* – буквально означает "делающий добро" [14, с. 47].

Сложный номинатив *лиходéй* называет в брянских говорах человека, умышленно делающего зло [7, с. 151]. В данном случае лексема образована путем сложения двух основ: *-лих-* (от существительного *ли́хо* – "зло", "беда, горе" и *-де-* (от глагольной основы *деять*) [12, I, с. 547] с присоединением к ним суффикса *-й*: *лих-о-де-й*.

Номинатив *пупорéзница* в значении "женщина, принимающая роды, акушерка" [1, с. 292] образован сложением основ *-пуп-* (основа существительного *пуп*) и *-рез-* (основа глагола *резать*) с соединительной гласной *е* и суффиксом *-ниц*.

Рассмотрим сложение с опорным компонентом, содержащим основу существительного. Лексема *дурнохлебник* зафиксирована в брянских диалектах в значении "бездельник, тунеядец" [10, V, с. 46]. Существительные с суффиксом *-ник* называют обычно предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся тем, что названо в опорной основе и конкретизировано в первой основе [9, I, с. 249]. В брянском слове *дурнохлебник* в качестве первой основы используется основа прилагательного *дурн-ой*. Таким образом, лексема *дурнохлебник* образована путём сложения двух основ и суффикса *-ник* при опорном компоненте *хлеб*.

Сложное существительное *дружожёнец* в брянских говорах называет "того, кто женился во второй раз" [10, V, с. 40]. Данное слово имеет двойственную мотивацию: с одной стороны, слово образовано от словосочетания *другая жена*, с другой – дословно от словосочетания *женящийся в другой раз*. Мы исходим из семантики данного номинатива. По нашему мнению, лексема *дружоженец* образована путём сложения основ: в качестве первой используется основа прилагательного *другой*, в качестве второй – основа существительного *жена*, к которым присоединяется суффикс *-ец*, называющий лицо, относящееся к тому, что названо в опорной основе и конкретизировано в первой основе сложения. Авторы "Российской грамматики" относят этот тип к непродуктивным, поскольку основная масса слов с суффиксальным морфом *-ец* и двумя корнями относится к типу суффиксальных существительных [9, I, с. 250].

Лексема *кажегóдок* – (чаще во мн. числе – *кажегóдки* – "дети, погодки") – "ребенок, рождающийся каждый год" [1, с. 128]. Лексема образована сложением основ: в качестве первой выступает основа определительного местоимения *каждый*, в качестве второй – основа существительного *год* + суффикс *-ок*, называющий предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся тем, что названо в опорном слове и уточнено в первой основе [9, I, с. 250]. Схожими по модели образования со словом *кажегодок* являются брянские лексемы *кажелётток* и *кажелётчик* [1, с. 129]. Они образованы путём сложение основ с соединительной гласной *е* + суффиксы *-ок*, *-чик*. Такие образования называют лицо, характеризующееся отношением к тому, что названо в опорном компоненте и конкретизировано в первой основе): *каж-е-лет-ок*, *каж-е-лет-чик*.

Сложение с опорным компонентом, содержащим основу прилагательного. Данного подтипа сложения основ "Русская грамматика" не выделяет. Однако в брянских говорах лексемы с таким суффиксально-сложным способом известны, хотя и не многочисленны. Лексема *голодрáнец* в значении "человек, лишенный достатка, бедняк" [10, IV, с. 35] образована сложением основ прилагательных *гол (ый)* + *дран (ый)* с помощью соединительной гласной *о* и суффикса *-ец*: *гол-о-дран-ец*. Номинатив *голодря́бец* схож по структуре, семантике и наличию компонентов с предыдущим словом [1, с. 74].

Замечено, что на жизнь сложных слов оказывает большое влияние его семантика. Так, лексема *белобрыска* называет "женщину со светлыми бровями и темными волосами" [10, I, с. 43]. В русском литературном языке функционирует прилагательное *белобрысый* – "человек с очень светлыми волосами, бровями и ресницами" [6, с. 43]. Н.М. Шанский квалифицирует лексему *белобрысый* как сложно-суффиксальную по своему образованию. М. Фасмер уточняет путь образования слова: *бела* – "белая" и *бры* (от праславянского **bry*, **brъve* – бровь) [13, I, с. 148]. Таким образом, исходное значение слова – буквально "белобровый" [7, с. 41]. В литературном языке

нет генетически существительного с таким значением. Лексема *белобрысый* может выступать как субстантивированное прилагательное, однако, как отметил в свое время В.В. Виноградов, слово *белобрысый* в своей второй части уже не осознается связанным со словом *бровь* в его древней форме [4, с. 164]. В говорах же создано, как видим, специальное существительное, отмеченное, к тому же, не только в брянских, но и в псковских, тверских и орловских говорах [11, с. 216]. Слово образовано сложением основ *-бел-* и *-брыс-* с соединительной гласной *о* и суффиксом *-к*: *бел-о-брыс-к* (*а*).

В брянских говорах отмечена малочисленная группа сложных существительных с нулевым суффиксом. Так, лексема *верхолáz* имеет значение "мальчик или юноша, лазающий по крышам, высоким деревьям" [7, с. 63]. Этот омоним общенародного слова образован сложением основ *-верх-* и *-лаз-* с нулевым суффиксом скреплением соединительной гласной *о*.

Таким образом, наименования лиц в брянских говорах осуществляется по разнообразным словообразовательным моделям. В данных диалектах отражаются как общенародные модели словообразования, так и модели, характерные только для местных говоров. Образования наименований лиц свидетельствуют об определенной степени продуктивности той или иной модели. Продуктивная словообразовательная модель предполагает большее количество образований. Распространенным сложным способом образования наименований лиц в брянских говорах является сложно-суффиксальный (*благодетель, лиходей, дурнохлебник, другоженец, кажжегодок, кажжелеток, голодранец* и др.).

Список использованных источников

1. Брянский областной словарь / Науч. ред. А. Л. Голованевский. – Брянск, 2007. – 381 с.
2. Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. – М.: Индрик, 1998. – 240 с.
3. Виноградов, В.В. Изучение русского литературного языка. – М.: Наука, 1955.
4. Виноградов, В.В. Вопросы современного русского словообразования // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды. – М.: Наука, 1975. С. 155-165.
5. Грицкевич, Ю.Н. О наименовании лиц сложными существительными (на материале псковских говоров) // "Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998". – СПб.: изд. ИЛИ РАН, 2001. С. 290-293.
6. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковик, 2001. – 944 с.

7. Расторгуев, П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). – Минск: Наука и техника, 1973. – 296 с.

8. Руденко, Н.Н. Суффиксальное словообразование имен существительных в русских камчатских говорах (к проблеме влияния литературного языка на диалектное словообразование): Автореф... дис. канд. филол. наук Н.Н. Руденко. - М., 1984.

9. Русская грамматика: [В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. - М.: Наука, 1980.

10. Словарь брянских говоров / составители: Т.Г. Аркадьева, Т.А. Бабешкина, А.С. Герд и др.- Вып. 1-5 – Л., 1976 – 1988.

11. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова – М.-Л.: Наука, 1965 - 2002. Вып. 1-35.

12. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х тт. – М., 1985. – 856 с.

13. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1964 - 1973. – Т. 1-4.

14. Шанский, Н.М., Иванов, В.В., Шанская, Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. – 527 с.

УДК 81`28

СОСТАВНОЕ НАИМЕНОВАНИЕ "РУССКАЯ ЗИМА": ТРАДИЦИОННОЕ И АКТУАЛЬНОЕ

В работе анализируется компонентный состав не однословного образования русская зима. Цель – описать семантическое поле данной единицы языка путём проведения анализа коммуникативного значения сочетания русская зима в основном корпусе НКРЯ.

Ключевые слова: составное наименование, коммуникативное значение, Национальный корпус русского языка.

Лексический запас современного русского языка активно расширяется посредством процесса образования новых наименований. Нередко новые наименования образуются из отдельных слов-компонентов. Так, современная лексика русского языка содержит множество составных наименований (СН) с лексемой "русский". Истоки подобных составных наименований могут быть обнаружены уже в Киевской Руси, где был составлен первый русский правовой кодекс, названный "Русской правдой". Также актуальной лексическая единица "русский" оставалась в XIX веке. Её активно использовали в наименовании разных публицистических изданий ("Русское слово", "Русский вестник", "Русская беседа").

В рамках нашего исследования будет рассмотрено составное наименование *русская зима*.

В русском языке функцией называния обладают не только отдельные слова, но и не однословные образования, в том числе составные наименования, которые представляют собой довольно широкий пласт лексики. Составные наименования обладают неразрывной фразовой структурой, формальным совпадением свойств со словами и способностью послужить причиной возникновения новых слов в языке [4].

Образ *русской зимы* широко использовался русскоязычными писателями и до сих пор служит объектом изучения многих научных работ российских учёных. В них исследователи рассматривают прямое значение холодного времени года и переносное авторское переосмысление традиционных значений [1; 5].

В целях обнаружения и изучения компонентного состава коммуникативного значения составного наименования *русская зима* мы обратились к основному корпусу информационно-справочной системы Национального

корпуса русского языка [2]. В основном корпусе было зафиксировано 56 документов и 59 вхождений *русская зима*.

В процессе проведения анализа нами были определены инварианты и варианты СН *русская зима* в современном дискурсе. Нами фиксируются следующие смысловые и формальные составляющие составного наименования *русская зима*:

Инвариант: "Русская зима" / русская зима.

Вариант 1: "Русская зима".

Потом меня ждали в Москве – начинался традиционный фестиваль "Русская зима" (основной корпус, пример №1).

В основном корпусе НКРЯ (пример №1) *"Русская зима"* – это устойчивое сочетание, принятое в качестве наименования фестиваля для наилучшей и более точной передачи значения темы фестиваля.

Отмечаем, насколько часто употребляется вышеуказанный вариант. В основном корпусе НКРЯ форма написания *"Русская зима"* фиксируется примерно в 2% случаев.

Вариант 2: русская зима.

Наиболее частотный вариант написания, занимающий около 98% примеров, представленных в основном корпусе НКРЯ. Эта форма является самой устойчивой и закреплённой в русском языке.

Далее в рамках исследования нами будут рассмотрены компоненты семантического поля составного наименования *русская зима*. Для этого мы обратимся к методу семантического анализа, использованному при описании фразеологизма "Русский дух" и составного наименования "русский характер" в современном русском языке Стародубец С. Н. и Тимофеевым С. Е. [4].

В целях облегчения процесса анализа нами были исключены примеры с аналогичным либо повторяющимся значением.

Основной корпус НКРЯ:

1. *"Русская зима не в силах заморозить иноземных гадов"* (пр. № 2).
2. *"По прогнозам Росгидромета, нас ждет "нормальная русская зима"* (пр. № 4).
3. *"Там в реальности его ожидали ставшие до омерзения привычными жуткие вещи: война, тотальная несвобода духа и тела, нечеловеческая русская зима, запах портянок и смерти, страх, страх, страх"* (пр. № 5).
4. *"Похоже, традиционный вопрос, задаваемый африканцам, "А не страшна вам русская зима?"* (пр. № 6.)
5. *"В этом году наконец наша русская зима напомнила о себе трескучими морозами, хрустящим и искрящимся на ярком солнце снегом"* (пр. № 9).
6. *"Суровая русская зима только начинается, сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а Ваши солдаты не обеспечены зимним*

обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях" (пр. № 10).

7. *"Декорации: война в Чечне и в Ираке, техногенные катастрофы, цена на нефть, внешний долг России, реформы ЖКХ, армии, передел собственности на недра, русская зима"* (пр. № 11).

8. *"Фотографы, замороженно всматривающиеся в сумеречные, заснеженные, заиндевевшие (русская зима – любимая натура) бесконечные дали, величественные лесные чащи и гибельные для путника дороги"* (пр. № 12).

9. *"Ситуацию усугубляет русская зима – время года, когда подштанники для мужчин являются такой же необходимой частью гардероба, как колготки для настоящей леди в любую жару"* (пр. № 13).

10. *"Тепло одетый – русская зима, чай, – Гремлин прямо на дворе знакомит Онегина с Татьяной"* (пр. № 15).

11. *"Потепление или похолодание? РУССКАЯ зима традиционно должна быть суровой. Но такие морозы, какие переживала Сибирь в декабре – январе, скорее уж следует отнести к стихийному бедствию, нежели к норме"* (пр. № 18).

12. *"Я так думаю, дорогие товарищи и товарки: если бы не русская зима, сидели бы под лягушатниками до самого Великого Октября!"* (пр. № 20).

13. *"Прошло несколько месяцев, и над Петербургом, над Россией, над ее просторами, веселясь и буйствуя, разыгралась русская зима, морозная и снежная, с ее шумными ярмарками и праздниками, свадьбами и крестинами, с волчьим воем и звоном колоколов..."* (пр. № 21).

14. *"Спустя много лет, разбирая архивы гитлеровской кинохроники, просмотрел многие ее кадры – вот немцы роют траншеи, <...> не страшна, мол, нам русская зима, шлите теплые носки, теплое белье,ждемся весны, а тогда уж..."* (пр. № 23).

15. *"Трудно снимать синераму, ибо действие происходит в заснеженной Москве (суровая русская зима), а снег в этом году отсутствует, черные тротуары"* (пр. № 24).

16. *"Отступили под Москвой? В этом виновата русская зима. Разбиты под Сталинградом?"* (пр. № 25.)

17. *"Их вытисывали из Америки и Европы, но и они превращались в "сортовой хлам". Их губила русская зима. Или русское лето"* (пр. № 27).

18. *"Всеми миру тогда было ясно, что не русская зима, а героическая Советская Армия, весь советский народ, поднявшись на защиту своей Родины, выиграла одну из крупнейших битв Великой Отечественной войны."* (пр. № 28).

19. *"Ударили лютые морозы, и пошла гулять по лесам настоящая русская зима!"* (пр. № 29.)

20. "<...> Когда индийские ребята увидят этот фильм, они сами почувствуют, как хороша снежная румяная русская зима" (пр. № 30).

21. "Держался ровный, мягкий морозец, каким почти всегда начинается русская зима" (пр. № 31).

22. "И на чистую обитель сеет, сеет, сеет летучие свои алмазы безудержно щедрая русская зима..." (пр. № 32)

23. "Была дана настоящая русская зима, великолепно ложились колеи на рыхлом снегу, тройка неслась, "бразды пушистые взрывая"" (пр. № 39).

24. "Был один из тех сказочных вечеров, когда русская зима с покоряющей, вельможной щедростью развертывает все свои холодные красоты" (пр. № 40).

25. "Луна светит в комнату, за окном мороз трескучий, снежная русская зима, а перед ними встают мирные, теплые эпизоды их детской жизни" (пр. № 41).

26. "И русская зима въ одиночество съ глыбами сугробовъ, съ вьюгами, съ яркимъ, страшно-яркимъ солнцемъ, отъ котораго морозъ еще пуще пробираетъ спину..." (пр. № 47)

27. "Тяжелое это было время, грустное, бесприютное и холодное, как русская зима... проклятое время!" (пр. № 51.)

28. "Что касается до действия холода на разрушение неприятельской армии, то Наполеон должен был знать, что русская зима начинается в середине французской осени и против нее следовало запастись шубами, а добыча их не могла затруднить его в таком краю, где и нищие не ходят без шуб" (пр. № 54).

29. "18-го октября Двина уже замерзла, поля покрылись снегом и русская зима вступила в число вспомогательных сил нашей армии" (пр. № 55).

30. "Это еще не все: нас встретила преждевременная суровая русская зима" (пр. № 56).

Далее проведём анализ значения представленных контекстов.

В пункте 3 предложенного нами перечня ("*<...>его ожидали<...> жуткие вещи: <...> нечеловеческая русская зима*") мы видим описание русской зимы как чего-то жуткого и нечеловеческого, внушающего страх.

Пункт 4 ("*Похоже, традиционный вопрос, задаваемый африканцам, "А не страшна вам русская зима?"*") "показывает", что автор считает русскую зиму известным по всему миру выражением, имеющим чёткое значение. Автор контекста выражает мысль о возможности русской зимы испугать африканцев, привыкших к более мягкому климату.

Контекст, приведённый в пункте 6, "называет" русскую зиму суровой и опасной для солдат, которым необходимо особое обмундирование для продолжения несения службы.

Утверждение о необходимости особых, зимних элементов гардероба, подтверждает контекст в пункте 9, в котором "подштанники" сравниваются по необходимости с женскими колготками, без которых ни одна леди не

выйдет на улицу. Используя подобное сравнение, автор контекста показывает, насколько холодным становится климат при наступлении *русской зимы*.

Описание холода продолжает пункт 10: "*Тепло одетый – русская зима <...>*". Автор объясняет *русской зимой* необходимость в тёплой одежде.

Пункт 28 представленного перечня сочетает в себе описание холодов *русской зимы* и упоминание о такой особенности жизни русского населения, как невозможность выйти зимой на улицу без шуб: "*и нищие не ходят без шуб*". Автор показывает, что нищие предпочитают оставаться нищими, нежели продать ценный мех и поправить своё положение. Опираясь на это описание, мы можем сделать вывод о том, что в условиях *русской зимы* тёплая одежда является не предметом роскоши, но предметом первой необходимости. Также данный пункт демонстрирует идеологическое значение СН *русская зима*: автор отмечает важность "*действия холода на разрушение неприятельской армии*", которую не учёл Наполеон, привыкший к более тёплому французскому климату. Автор указывает, что "*русская зима начинается в середине французской осени*", тем самым французу она покажется более страшной и разрушительной, в то время как русский человек готов к ней.

Пункты 12, 14, 16 и 29 подтверждают, что *русская зима* является не просто временем года, а мощным подспорьем для русской армии и защитницей России от врагов: немцев, французов (неодобрительно названных лягушатниками в пункте 12).

Сравнивая пункты 2 ("*По прогнозам Росгидромета, нас ждет "нормальная русская зима"*") и 14 ("*немцы роют траншеи, <...> не страшна, мол, нам русская зима, шлите теплые носки, теплое белье, дождемся весны, а тогда уж...*"), мы видим и косвенное описание различий ментальности русского человека и немца. Немец, житель Европы, бравировает, что не боится, но всё же предпочитает дожждаться весны. Русский же человек сопровождает наименование *русская зима* обыденным словом "*нормальная*", что прямо указывает на стойкость и твёрдость русского человека в сравнении с немцем.

Для русского человека *русская зима* представляется не просто привычным явлением – она "*безудержно щедрая*" (пункт 22).

В пунктах 5, 8 и 13 демонстрируется богатство *русской зимы*, её красота, описан весёлый и буйный "характер", – таким образом, человек одушевляет время года, наполняет новыми, симпатичными ему смыслами.

В пункте 20 раскрывается не столько отношение русского человека к *русской зиме*, сколько отношение к людям других национальностей: он хочет, чтобы "*индийские ребята*" увидели фильм и посмотрели на *русскую зиму* его глазами, разделили его собственное понимание и отношение. С помощью этого контекста показаны дружелюбие и щедрость русских людей.

Пункты 21-25 продолжают фиксировать восторг и некоторую влюблённость русских людей в *русскую зиму*.

На основе произведённого нами анализа мы формулируем коммуникативное значение составного наименования *русская зима* как "холодное время года, начинающееся в России задолго до наступления декабря; климатическое явление, отличающееся суровыми погодными условиями, невыносимыми для людей, живущих в более мягких климатических зонах и известное по всему миру благодаря своим особенностям, имеющее в себе симпатичные и близкие русскому человеку щедрость, богатство, красоту, мягкость, вдохновляющее не одно поколение русскоязычных поэтов и писателей".

Идеологический компонент составного наименования *русская зима* реализуется с помощью косвенных определений, которые показывают, насколько *русская зима* знаменита среди врагов России своей суровостью и лютыми морозами (является вспомогательной силой русской армии), а русским человеком любима и наделена душой. Таким образом, в идеологическом плане составное наименование *русская зима* демонстрирует, насколько прекрасной является Россия и насколько тверды характеры населяющих её людей.

Список использованных источников

1. **Кочнова К. А.** Образ зимы в индивидуально-речевой системе А. П. Чехова / К. А. Кочнова // Вестник Мининского ун-та, 2014, № 4.
2. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/index.html>
3. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка [Текст] : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. – Москва : Мир и Образование : ОНИКС, 2012.
4. **Стародубец С. Н., Тимофеев С. Е.** "Русский дух" и "русский характер" в современном русском языке / С. Н. Стародубец, С. Е. Тимофеев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2019, №6. – С. 239-246.
5. **Тимофеев С. Е., Стародубец С. Н.** Идеологизированные составные наименования с атрибутом русский в современном русском языке / С. Е. Тимофеев, С. Н. Стародубец // Русский язык в поликультурном мире. Сб. научн. ст. IV Международного симпозиума: в 2 т., 2020, – С. 479-484.
6. **Утяшева Л. А., Зарипова З. А.** Поэтика зимних пейзажей А. С. Пушкина в школьном изучении / Л. А. Утяшева, З. А. Зарипова // Педагогический журнал Башкортостана, 2017, № 6 (73). – С. 121-127.

**ПРЕДМЕТНЫЙ МИР И ПОВСЕДНЕВНЫЙ УКЛАД
ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ В
XX–XXI ВВ.**

Мищенко Виктор Васильевич

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: vicpost@inbox.ru

УДК 908

**ВЛИЯНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК НА
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РЕМЕСЛ
В ВОСТОЧНОМ ПОЛЕСЬЕ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.**

В статье рассматривается вопрос о влиянии конфессиональных установок на распространение ремесел в восточном Полесье в среде старообрядчества.

Ключевые слова: Восточное Полесье, старообрядцы, традиционные ремесла, конфессиональные установки.

Модернизация, которая сейчас происходит в разных сферах жизнедеятельности общества, затрагивает и традиционные народные промыслы и ремесла. Традиционные народные промыслы и ремесла являются перспективным направлением для социокультурного, социально-экономического развития российских регионов, их инвестиционной и туристической привлекательности. История развития народных промыслов знает много примеров утери исторически сложившейся традиционной составляющей промыслов, сформировавшейся на основе местных локальных проявлений крестьянского творчества, национальных художественных ценностях. Таким регионом, где были развиты традиционные ремесла и промыслы на рубеже XIX – XX вв. является Восточное Полесье, где проживали представители старообрядчества – искусные мастера.

В северной части Черниговской губернии распространены рыхлые песчаные и серопесчаные земли. Они занимали весь Суражский уезд, западную окраину Мглинского и восточную его полосу за Судостью, всю площадь Новозыбковского уезда, юго-западную часть Стародубского. Земли северных уездов Черниговской губернии были малопригодны для занятия земледелием. Зато они изобиловали природными ископаемыми (болотная железная руда, кварцевый песок, глина). Удобное географическое положение, скудность почв способствовали развитию у населения ремесел, промыслов, торговли.

Посады Добрянка, Злынка, Святская находились под конфессионально-культурным влиянием Ветковских слобод, а посады Чуровичи, Еленки, Климово и г. Новозыбков – под конфессионально-культурным влиянием посадов Воронок и Лужки. Посад Клинцы и слобода Ардонь находились под конфессионально-культурным влиянием и тех и других, но подчинялись Московскому Рогожскому кладбищу.

Для старообрядцев труд и великолепные ремесленные изделия являлись показателем превосходства, над прихожанами русской православной церкви. Макс Вебер рассматривал престиж как показатель социальной репутации, "ресурс особого рода", наделяющий социальной значимостью определённые статусные группы. Для конфессиональных групп повышение социального статуса стала возможность проявить себя в областях, не пользовавшихся общественным престижем, к которым относились и традиционные ремесла.

Хозяйственный уклад старообрядцев уже в 50-е гг. XIX в. отличался преобладанием над земледелием промыслов, основанных на применении местных природных ископаемых (железной руды, стекольного песка, глины). "В посадах и слободах, которые находятся в северных уездах губернии, то есть в скуднейших по количеству земли и ее произведениям, они не имеют почти пахотной земли, земли и сенокосы занимают у соседних помещиков. ... Все из них мастеровые, как-то плотники, кузнецы, кирпичники и хорошие грабари. Они не боятся ремесел, требующих физической силы, напротив, предпочитают их прочим, и потому все телосложения статного, росту вообще более среднего" [1, с. 65].

В Восточном Полесье были развиты отхожие промыслы: строительные работы (каменщики, плотники, штукатуры, печники, кровельщики, стекольщики), скупка пряжи и щетины, коробейники. "Ежегодно большими артелями, с ранней весны они отправляются на заработки. Зимой занимаются извозом... Зимой по домам делают телеги и сани, которые можно видеть на всех базарах городов Черниговской и Могилевской губернии, они возят их даже в Варшаву и получают хорошие барыши" [1, с. 65]. Возможности неземледельческого отхода были обусловлены отсутствием в старообрядческих поселениях крепостных форм зависимости, а фиксируемый Военно-статистическим обозрением артельный характер промысловых объединений старообрядцев связан, по нашему мнению, с общинными установкам, доверием в профессиональной деятельности только "своим". Все кустарные промыслы были давнего происхождения – конца XVIII - начала XIX вв. и передавались по наследству от отца к сыну.

Предприимчивость старообрядцев, заметная уже к середине XIX века, возникла благодаря сочетанию географических факторов (неплодородностью почв, наличием сырьевых ресурсов, разветвленных речных путей по рекам Ипать, Беседь, Сож, Днепр, близостью границ), и экономических – сохранявшимся спросом местного населения на дешевые кустарные изделия из-за неприхотливости домашней обстановки и простых орудий труда.

После отмены крепостного права неземледельческий отход из Восточного Полесья, в частности, северных уездов Черниговщины существенно возрос. На север шли только в Москву, в основной своей массе на юг, в Киевскую, Гродненскую, Ковельскую, Таврическую губернии, Польшу. В

1897 г. из 173125 жителей Новозыбковского уезда уходило 22113 человек, что составляло примерно 13% от всего населения уезда (см.: [3, с. 62]).

Во второй половине XIX в. местные промыслы, присущие старообрядцам, сохранялись и приобретали поселенческую специализацию. Так в северных уездах Черниговской губернии среди старообрядцев было развито изготовление горшков из глины (Семеновка), кирпича (Новозыбков, Климов), делали телеги и сани (Новозыбков, Злынка, Климов, Воронок, Чуровичи), тачали сапоги (Климов, Семеновка, Шеломы). Своей масштабностью поражало и пчеловодство. Местными староверами был разработан специальный метод ухода за пчёлами, который православное население называло "раскольническим методом". В 1861 г. в посадах насчитывалось 18 тысяч пчелиных семейств, в том числе в Чуровичах – восемь тысяч, Воронке – полторы тысячи, Святске – 900 семейств, Млынке – 800 семейств, Митьковке – 750 семейств, Лужках – 750 семейств, Шеломах – 600 семейств и Злынке – 250 семейств (см. [5]).

Также большое развитие получило промышленное садоводство в Новозыбковском, Стародубском, Мглинском, Суражском уездах. "В районе названных уездов сосредоточено много рассадников плодовых деревьев, принадлежащих преимущественно старообрядцам; последние ведут главным образом развозную торговлю посадочным материалом, появляясь со своими саженцами даже за пределами губернии – в Полтавской губернии, в Орловской и в западных – до Виленской и Ковенской включительно" [4, с. 159].

Одним из центров старообрядчества Восточного Полесья являлся Новозыбков, где, как мы видим по данным 1872 г., были развиты ремесленные производства. (См. Таблицу).

Исходя из анализа таблицы мы видим разнообразие ремесленных занятий. Самые многочисленные среди них были: каменщики, сапожники, кузнецы. Как известно эти занятия были наиболее распространены среди старообрядческого населения.

Местное малороссийское население, отмечая трудовые и предпринимательские успехи старообрядцев, "... относились к старообрядцам с большим уважением как к деловым людям, хотя и не всегда их долюбливало" [4, с. 206].

Таким образом, стоит отметить, что старообрядцы были вынуждены приспособливаться к неблагоприятным географическим условиям и развивать не только земледелие, но и ремесленные промыслы, торговлю, промышленность. На протяжении всей истории своего существования старообрядцы выработали свою самобытность, сформировали свои отличия от русской православной церкви. Их моральные убеждения находились в неразрывной связи с представлениями об окружающем мире, человеческой природе. Ремесла и промыслы, укоренившиеся в крае благодаря старооб-

рядцам, сохранили в облике городов и селений Восточного Полесья неповторимый колорит, сформировали своеобразную локальную культуру.

Таблица. – Занятия ремесленников за 1872 г. по г. Новозыбкову [2]

<i>Занятия ремесленников</i>	<i>Количество предприятий</i>	<i>Количество рабочих</i>	<i>Количество учеников</i>
Хлебопеки	7	6	
Булочники	12	25	
Мясники	17	18	
Рыболовы	1	5	
Портные	15	30	10
Сапожники/башмачники	27	80	40
Красильщики	3	9	
Шапочники	2	4	3
Печники	7	8	
Столяры/плотники	8	10	7
Медники	2	2	1
Шорники	8	20	7
Каменщики	12	50	
Кузнецы	15	36	10
Слесари	1	1	
Часовщики	2	2	
Переплетчики	1	2	1
Мастера золотых и серебряных дел	1	1	1
ВСЕГО	141	309	80

Список использованных источников

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи департамент Генерального штаба. Т. XII. Ч. II. Черниговская губерния. СПб., 1851.
2. ГАЧО. Ф. 154. Оп. 2. Д. 6. Л. 45.
3. **Еременко П.** Новозыбковский уезд. Пособие по краеведению для школ, изб-читален, кружков, самообразования и других. Новозыбков, 1925.
4. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. VII. Малороссия. СПб., 1903.
5. **Таранец С.** Русские старообрядцы на территории Украины: заселение, история и современное состояние // Зори. – 2006. – №7.

Казак Олег Геннадьевич¹, Серeda Артем Сергеевич²

¹*Белорусский государственный экономический университет,
Республика Беларусь
e-mail: olegkazak90@tut.by*

²*ГУО "Средняя школа № 3 г. Жабинки"
e-mail: marcellinus@tut.by*

УДК 323. 1 (476)

ЯЗЫКОВОЙ ВОПРОС НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1990-Х ГГ.)

В статье анализируются материалы региональной прессы Брестской области БССР / Республики Беларусь, посвященные языковому вопросу. В большинстве публикаций отмечались языковые особенности жителей западнополесского региона. Официальный курс позднего советского времени и первых лет существования суверенной Республики Беларусь (белорусизация) встречал значительное сопротивление в крае, что нашло отражение даже на страницах официальной прессы.

Ключевые слова: Полесье, язык, диалект, белорусизация, пресса.

В период перестройки в БССР, как и в других советских республиках, оживляются дискуссии о необходимости возрождения национальной культуры и национального языка. 26 января 1990 г. был принят Закон "О языках в БССР", придавший белорусскому языку статус единственного государственного, а русский язык квалифицировался в законе как "язык межнационального общения народов СССР". Осенью этого же года Совет Министров БССР принял Государственную программу развития белорусского языка и других национальных языков. Данные меры вызвали негативную реакцию у значительной части русскоязычного населения советской республики. Кроме того, особую позицию по языковому вопросу имели жители Западного Полесья (Брестская обл.), использовавшие в быту язык, значительно отличавшийся от белорусского и русского литературных языков. По инициативе филолога Н. Шеляговича получает развитие этнокультурное движение, активисты которого считали западных полешуков (ятвягов) отдельным народом, имеющим право на свободное национально-культурное развитие. Языковой вопрос волновал и более широкие слои населения региона. Подтверждение этому – многочисленные публикации в местной прессе. Источниковую базу статьи составили материалы газет, учредителями которых являлись областные, районные, городские комитеты Коммунистической партии Беларуси (далее – КПБ), местные Советы и исполнительные комитеты соответствующих уровней.

Степень освещения языкового вопроса в официальных изданиях Брестской области зависела от ряда факторов (значимость проблемы в конкретном регионе, наличие значительного числа активистов западнополесского движения, редакционная политика издания). Например, учредителем издания "Пинский вестник" являлся Пинский городской Совет, имевший репутацию относительно демократичного представительного органа. На страницах газеты западнополесский вопрос широко дискутировался, причем полемика разворачивалась преимущественно в политической плоскости. Кроме того, наибольшей остротой отличались дискуссии, развернувшиеся на страницах газет "Заветы Ленина" (г. Дрогичин), "Коммунистический труд" / "Кобринский вестник" (г. Кобрин).

Дискуссия в дрогичинской газете "Заветы Ленина" началась в июне 1990 г. с типичной для изданий того времени программной статьи местного жителя А. Карпенко "Когда язык не в почете". Автор сетовал на недостаточное внимание к белорусскому языку, узость сферы его использования [11, с. 3]. Как реакция на данную публикацию в газете появляется заметка жительницы д. Заставье Н. Гречко "Разве дело в языке?". Автор считала, что языковой вопрос является второстепенным по сравнению с социально-экономической ситуацией в стране. Кроме того, в статье подчеркивалась особая языковая среда западнополесского региона, а также утверждалось, что только русский язык мог выполнять роль средства эффективной коммуникации: "Общепринятым является русский язык, к нему мы привыкли, на нем легче говорить. Дети вырастают, едут в город, попадают в городскую среду, где принято говорить на русском языке. ... Нам, сельским жителям, даже приятно, когда председатель исполкома сельского Совета разговаривает на местном говоре. ... Из всех моих детей трое уже взрослые: один сын – офицер, другой – служит в армии, третий – студент. И все они, когда приезжают домой, говорят на нашем местном говоре. Я горжусь тем, что они не забывают родной язык, на котором говорили их мать, отец, бабушки и дедушки, вся деревня" [6, с. 2]. Через несколько дней в рубрике "Ответ оппоненту" появилась новая статья А. Карпенко. Он признавал самобытность полесского диалекта, но утверждал, что для консолидации нации каждый ее член должен владеть литературным языком: "Значит, каждый представитель народа, если он хочет считать себя образованным, цивилизованным человеком, должен свободно владеть литературным языком этого народа. На наших глазах очерчиваются контуры белорусской государственности, и в это ответственное время долг каждого белоруса – содействовать процессам белорусского возрождения". В статье также отмечалось, что полесский диалект вследствие многолетней русификации также утрачивал свой колорит [10, с. 3]. В. Прокопчик в своей заметке выступил против позиции А. Карпенко, которая (по мнению В. Прокопчика) заключалась в навязывании жителям Дрогичинщины языка, не являвшегося для них родным: "Я согласен с А. Карпенко, что родной язык нужно

беречь. Но какой? Я не против белорусского, русского, украинского и любого другого языка народов СССР. Но я против насильственного навязывания языка тем людям, для которых он никогда не был родным. ... Я согласен с А. Карпенко, что общенациональный язык должен быть. Так вот, у нас он уже есть: это русский язык. Он куда ближе полешукам, чем белорусский. И не нужно силой навязывать белорусский язык тем, кто этого не хочет" [20, с. 2].

Первая волна дискуссий в кобринской газете "Коммунистический труд" развернулась в 1990 г., когда обсуждался вопрос языка, на котором должно было выходить издание. Началась дискуссия с опубликованного письма депутата городского Совета народных депутатов И. Хаританюка. Он считал, что газета должна была издаваться на русском языке, который, по мнению автора, в регионе "никогда не навязывался даже во времена сталинщины". Кроме того, И. Хаританюк выражал недоумение относительно того, что его письма в редакцию, написанные на русском языке, публиковались в переводе на белорусский язык [32, с. 3]. Спустя две недели выходит статья местного жителя В. Крачко, опубликованная по требованию автора на русском языке. В. Крачко ссылался на нормы Закона "О языках в БССР", согласно которым государство брало на себя обязательства по заботе и обеспечению свободного развития не только белорусского, но и других национальных языков. По мнению автора, полесский регион являлся местом компактного проживания украиноязычного населения (т. е. считал полесский говор диалектом украинского языка). Крайне резкой критике была подвергнута редакционная политика издания: "Барановичский, Пинский и даже Березовский районы имеют свои газеты на русском языке. Чем же хуже жители Кобринщины, Дрогичинщины и Малоритчины, что мы по-прежнему должны довольствоваться низкопробным чтивом своей районной газеты с заранее перевернутыми, перекрученными, неоднократно перелопаченными постными словами и мыслями не самих авторов статей, а каких-то дармоедов-переводчиков, переводящих преимущественно с русского и украинского на плохо прижившийся и малопонятный нам белорусский язык. Отсюда следует, что наша районная газета с 1 января 1991 г. обязательно должна выходить на русском языке с соблюдением полной языковой свободы. Поступил материал на русском, печатать его надо на русском, написал автор на белорусском или украинском – должен идти в газете на белорусском или украинском. И только в первоисточнике, со словами и мыслями автора" [17, с. 1]. В номере от 27 сентября 1990 г. был представлен редакционный обзор писем. Признавалось, что половина читателей, выступала за то, чтобы газета продолжала выходить на белорусском языке, вторая половина выступала за русский язык издания [33, с. 1]. 4 октября 1990 г. была опубликована вторая часть обзора писем в редакцию. Значительная часть читателей считала, что население Кобринщины разговаривало на отдельном диалекте, но не рассматривала его в

качестве основного языка "высокой культуры". Противники белорусского языка считали, что язык газеты и язык преподавания в школах должен был быть русским (отдельные жители района отдавали предпочтение украинскому языку). Особое мнение имел читатель В. Рой. Выдержка из его письма на местном диалекте была опубликована в переводе на белорусский язык (автор редакционного обзора объяснил невозможность публикации письма на языке оригинала техническими возможностями типографии): "Остается только бороться, верить и надеяться, что хоть когда-то удастся почитать местную газету на моем родном языке. Даст Бог, может, и доживу" [34, с. 1].

Вторая волна дискуссий в кобринской прессе (газета к тому времени сменила название на "Кобринский вестник") фиксируется в 1993 г. В ответ на серию однотипных статей с призывами к возрождению белорусского языка появляется публикация С. Давыдюка, А. Мартынова и А. Сушука "Какой язык "матчын"?". Авторы признавали, что белорусский язык в суверенной Беларуси должен оставаться государственным языком, но считали недопустимым пренебрежительное отношение к полесскому языку, который, по их мнению, являлся родным языком жителей края. Авторы выражали симпатию лингвистическим опытам литераторов (Н. Шелягович, В. Бриль, И. Денисюк, В. Пташиц и др.), которые писали свои произведения на западнополесском диалекте. В ремарке "От редакции" утверждалось, что знание белорусского языка являлось обязанностью всех граждан республики. Подчеркивалось, что никто не препятствовал жителям Западного Полесья сохранять родной говор, вопрос существования западнополесского народа предлагалось оставить на откуп языковедам и историкам [8, с. 3]. Как ответ на данную публикацию в номере от 15 мая 1993 г. был размещен материал "Не полешуки, а белорусы", впервые опубликованный в издании Белорусского народного фронта (партия, последовательно отстаивавшая идею белорусизации; далее – БНФ) "Наше слово". Автор Ю. Хадыко обратил внимание, что статья сторонников существования западнополесского народа была написана на русском языке. По мнению Ю. Хадыко, С. Давыдюк, А. Мартынов и А. Сушук являлись завуалированными сторонниками продолжения русификации Беларуси: "Эти представители русификаторской коммунистической номенклатуры хватаются за соломинку, боясь потерять почву под ногами, если наше национальное возрождение победит. Поэтому и разжигают национальную враждебность, отказывая белорусам в естественном праве получать образование на своем языке. Поэтому и выдумывают искусственные проблемы, наподобие "западнополесского" языка, пытаясь создать напряженность в обществе". Автор статьи сам был участником научных экспедиций в регионе. Он считал, что местное население однозначно идентифицировало себя с белорусским этносом. При этом Ю. Хадыко подчеркивал свое позитивное отношение к представителям новой генерации "западнополесской интеллигенции" и

считал, что их творчество в будущем могло бы обогатить общеполесское культурное наследие: "Никому в голову не может прийти отрицать очевидное – своеобразие полесских говоров. Можно только приветствовать усилия тех поэтов и писателей, которые стремятся создать литературу, базирующуюся не только на местных проблемах, но и на местных диалектах. Можно себе представить и такое, что эта литература будет изучаться как раздел белорусской литературы в школах, если достигнет соответствующего уровня. Тогда, разумеется, когда все, а не только первые классы, перейдут на белорусский язык обучения" [31, с. 3].

Обширная дискуссия на страницах "Пинского вестника" началась с публикации письма рабочего В. Чирко. В письме содержался риторический вопрос депутатам городского и районного Советов: "Я хочу вас спросить, товарищи депутаты, почему вы способствуете развитию белорусского языка и культуры и в то же время отвергаете свои полесские язык и культуру?". В качестве ответчика выступил председатель пинской региональной гуртыны общественно-культурного объединения "Полісьсе"(крупнейшая институция западнополесского движения) К. Удовидчик. Он считал ошибочными обвинения активистов западнополесского движения в сепаратизме, а членов БНФ – в радикальном белорусском национализме. Сообщалось, что между региональными структурами "Полісься" и БНФ было заключено соглашение, согласно которому "Полісьсе" признавало необходимость изучения полешуками (ятвягами) государственного белорусского языка, а пинская рада БНФ уважала право жителей края "на свободный национальный выбор и всемерное использование западнополесского (ятвяжского) языка как первого родного" [22, с. 3]. В выпуске газеты от 8 декабря 1992 г. было опубликовано обращение пинской гуртыны "Полісьсе", в котором "гости из Минска" назывались "белорусской диаспорой", стремившейся "наильно белорусизировать западнополесское население" региона. Сообщалось, что в городском Совете имелось немало сторонников западнополесского движения [19, с. 3]. В продолжение дискуссии появляется статья члена совета Товарищества белорусского языка (далее – ТБЯ) В. Савича. Автор признавал важность изучения уникальной полесской культуры, но считал, что общество "Полісьсе" вместо этого занималось ненужной политизацией проблемы. Государственный статус белорусского языка рассматривался В. Савичем как абсолютно естественное явление: "Так вот, в любом государстве, чтобы был порядок, должны соблюдаться законы. А для ведения документации и официального общения принимаются единые формы и единый язык, как правило, одноименный с названием государства. Именно так, а не как кому вздумается" [24, с. 1–2]. С позицией В. Савича был солидарен известный белорусский писатель и ученый Н. Гилевич. Лозунги национального самоопределения полешуков он считал прикрытием истинных политических мотивов активистов западнополесского движения. Изучение местной культуры, по мнению автора,

не должно было замещаться политизацией проблемы: "Конечно, необходимо сохранять культурно-этнические и языковые особенности жителей Полесья, местные традиции, обычаи, фольклор, народные промыслы и т. д., но все же – без замаха на национально-территориальное единство и целостность Беларуси" [4, с. 2]. Вскоре после этого появилась серия публикаций активистов западнополесского движения. М. Басевич в своей статье отмечал: "Вы пытаетесь возродить белорусский язык на Полесье? Спросите любого прохожего, и вы узнаете, что никогда не было на Полесье белорусского языка, он чужд, непонятен нашим людям, и призывать их признать его своим по меньшей мере некорректно. Жизнь показала, едва стало возможным, люди разных национальностей взялись за возрождение своей, десятилетиями бывшей в загоне, национальной культуры. Только мы, застенчиво и робко, и то после того, как нас подтолкнули ученые, выяснив, что мы самостоятельный этнос, начали заявлять о себе" [2, с. 2]. В ответ на обращение Н. Гилевича К. Удовидчик подчеркнул, что организация "Полісьсе" никогда не выступала за расчленение Беларуси. Позицию Н. Гилевича от считал непоследовательной. Признавая необходимость изучения и сохранения полесской культуры, Н. Гилевич критиковал активистов движения, которые декларировали эти же цели: "Так неужели Н. Гилевич и его соратники будут нас, западных полешуков, изучать, как кроликов в этнической клетке или аборигенов в резервации. Потому что сами мы – не люди и никакого права самим свою судьбу определять, даже в едином государстве – Республике Беларусь, не имеем. Справедливо ли это? Нет и нет" [30, с. 2].

В других региональных изданиях дискуссии по языковому вопросу не имели системного характера, однако данная проблема периодически освещалась на страницах газет. Согласно наиболее распространенной ("официальной") точки зрения, существование особых говоров Полесья признавалось, но они трактовались как диалекты белорусского языка. Так, прокурор Жабинковского района и активист ТБЯ Ф. Кулей отмечал: "Согласен с тем, что местный диалект во многом не соответствует белорусскому литературному языку. Но тот факт, что коренное население нашей местности говорит на диалекте именно белорусского языка, а не украинского или польского, подтвердили исследования ученых-лингвистов. Более того, сами жители относят себя к белорусам. ... Наличие диалекта белорусского языка не может быть основанием для отказа от изучения белорусского литературного языка" [15, с. 3]. Более того, отдельные представители интеллигенции рассматривали местный диалект как инструмент приобщения к белорусскому языку. Так, активист столинской организации ТБЯ В. Вабищевич заявил: "На Столинщине не понимают, вынужден еще раз отметить, что мы – Белорусы, Белорусы, Белорусы, и язык наш – Белорусский. И не обязательно литературный, пусть звучит диалект. Но диалект Белорусский. Я за такую постановку вопроса" [21, с. 1–2]. Еще один житель Столинщи-

ны А. Валасюк, в целом позитивно относившийся к процессам белорусизации, указывал на необходимость отказа от насильственных методов ее проведения, а также призывал учитывать языковые особенности местных жителей: "В деревнях района говорят на своем родном полешуцком диалекте. Дальше за Пинск, возле Кобрин и Бреста, говорят почти на чистом украинском языке. Считаю, что всем белорусам навязывать литературный белорусский язык и академическую национальную культуру нельзя без учета местных исторических и этнографических особенностей ее развития" [3, с. 3]. В жабинковской газете "Сельская правда" еще в 1987 г. (одно из наиболее ранних упоминаний полесской проблематики) отмечалась особенность местных диалектов, которые трактовались как "один из животворящих источников развития белорусского языка, отличительная черта языковой культуры простого белоруса-полешука". Автор статьи считал, что в ходе преподавания белорусского языка следовало "сопоставлять литературный язык с диалектом, что, как правило, вызывает большой интерес у учеников" [26, с. 2–3]. Особой позиции придерживался филолог, сотрудник Академии наук БССР И. Сацута. В 1990 г. в нескольких региональных газетах была опубликована его статья "Кто такие ятвяги?". Основная идея статьи заключалась в аргументированной констатации ошибочности тезиса Н. Шеляговича о ятвяжской (балтской) этнической природе жителей Полесья. Автор выражал свою симпатию местным диалектам, признавал возможным в отдаленном будущем кодификацию полесского языка, но признание ему статуса государственного языка считал неосуществимой задачей [27, с. 2].

Местные чиновники со страниц прессы выражали свою однозначную поддержку возрождения белорусского языка. При этом фактор языковых особенностей края, как правило, игнорировался. Одно из немногих исключений – интервью секретаря Ганцевичского сельского Совета Н. Буйкевич. По ее мнению, диалекты представляли собой пережиток прошлого, который мог временно сохраняться как средство коммуникации пожилых людей. Молодому поколению, по мнению чиновника, следовало осваивать белорусский язык: "У каждого народа есть свой язык. Да что у народа – в каждой местности. Возьмем для сравнения язык, на котором говорят в деревнях Мальковичи, Задубье, Липск. Он насыщен местными диалектами, особенно среди людей старшего возраста. У каждого из них своя неповторимая красота. Согласитесь, что никто не переучится говорить по-другому в 50–60 лет, да и зачем. ... А вот молодому поколению необходимо знать свой национальный белорусский язык, потому что он – носитель нашей культуры" [9, с. 1]. В августе 1991 г. второй секретарь Ивановского районного комитета КПБ М. Гарупа позитивно оценивала местные диалектные фольклорные традиции, рассматривая их как элемент белорусской культуры. При этом она резко критиковала активистов западнополесского и ук-

раинского движений региона за политизацию культурного вопроса [16, с. 1].

Авторы ряда статей (в том числе симпатизирующие белорусскому возрождению) признавали, что белорусский язык не был родным для жителей западнополесского региона. В одном из номеров "Новостей Каменетчины" была приведена заметка о четырехлетней девочке, которая рассказывала о разучивании в детском саду стихотворения на "немецком языке". Как выяснилось, стихотворение было написано не на немецком, а на малознакомом для девочки белорусском языке [18, с. 2]. Интерес представляет интервью поэта Н. Прокоповича газете "Вечерний Брест". Интервьюируемый признавал самобытность языка жителей региона, однако считал, что этот язык не стал основой для формирования особой этнической идентичности: "Русский язык был для меня таким же книжным, как и литературный белорусский. И людей, которые на этих языках разговаривали, я в детстве считал горожанами только потому, что в деревне разговаривали по-другому. Как, на каком языке – задумался значительно позже. Мои земляки не ощущали себя полешуками – это слово из их уст звучало почему-то даже оскорбительно. Конечно же, и не поляками, и не украинцами. Кем? Где-то, видимо, оборвалась в памяти народной эта цепь и для многих так и не восстановилась до сегодняшнего дня". Поэт считал, что в таких условиях единственным путем национального развития являлось белорусское культурное возрождение [12, с. 1, 5].

Наиболее распространенным аргументом ревнителers белорусского языка был тезис о том, что во многих европейских регионах существуют диалекты, однако для консолидации нации всем ее членам необходимо знать и использовать литературный язык. В программной статье ивановской газеты "Красная звезда" признавались диалектные особенности региона, но утверждалось, что делать из них предмет гордости было неправильным. Выработка литературного языка рассматривалась как естественный и необратимый процесс: "Должен же быть какой-то языковой эквивалент, который, хотя и в разной степени, но соответствовал бы говорам всех уголков и закоулков единого этнического пространства – Беларуси. Такой эквивалент найден даже у тех народов, говоры которых рознятся едва ли не коренным образом. Немец из Баварии, например, совсем не понял бы немца из Поморья, если бы не было, конечно, единого литературного немецкого языка" [29, с. 2]. Аналогичной позиции придерживался уже упомянутый активист ТБЯ В. Савич: "Что касается литературного языка вообще, это то, что объединяет людей в нацию. Диалектов языка в каждой стране, например, во Франции или в Германии, не говоря уже о Китае или России, множество. И они отличаются между собой в большей степени, чем полесский пограничный диалект от полоцкого. Вот так" [25, с. 2].

Ряд материалов может быть охарактеризован как проявление скрытых симпатий полесскому этнокультурному своеобразию. Авторы статей фор-

мально анализировали процессы белорусского возрождения, "возврата народа к своим корням", однако подчеркивали при этом особый колорит региона. Вот как описывались гастроли одного из фольклорных ансамблей Дрогичинщины в Польше: "Тепло встречали наших певцов польские любители народной песни. Языкового барьера не существовало. Если русский и белорусский языки поляки понимают с трудом, то наш, местный говор они почти как свой знают" [37, с. 2]. Малоритское издание "Голос времени" в качестве главной отличительной черты местного фольклорного коллектива также называло использование в его творчестве исключительно местного диалекта: "Особенность и главная изюминка в великоритском обряде, пожалуй, то, как сказала художественный руководитель Г. Н. Поливода, что он проходит только на своем местном языке – на чисто местном диалекте" [28, с. 2]. Позитивной оценки был удостоен телевизионный фестиваль западнополесской песни "Етвызь" – одно из последних начинаний лидера движения Н. Шеляговича. В одной из заметок отмечалось, что спонсором фестиваля выступил в том числе Кобринский городской исполнительный комитет [7, с. 2]. В заметке "Пинского вестника" о фестивале западнополесский диалект позиционировался как самостоятельный язык: "И не важно, на каком языке будут звучать песни: на западнополесском, белорусском..., важно, чтобы они объединяли людей талантливых и равнодушных к песенному эстрадному жанру" [13, с. 2]. С достаточной регулярностью в газетах публиковался фольклорный материал на местном диалекте (газеты "Дрогичинский вестник", "Заря над Бугом", "Лунинецкие новости", "Полесская правда" и др.). Полноценные публикации на полесском диалекте были единичны (стихотворение Н. Яковец в газете "Лунинецкие новости" [36, с. 4], заметка о происхождении топонимов в столинской газете "Новости Полесья" [35, с. 2]).

В региональной прессе обсуждались различные проекты национально-культурных преобразований в полесском регионе и в Беларуси в целом. Как отмечалось выше, популярной была идея о том, что в Брестской области роль эффективного инструмента коммуникации мог выполнять не белорусский (для местного населения он не являлся родным), а русский язык. Лидер западнополесского движения Н. Шелягович в своем предвыборном интервью (Н. Шелягович неудачно пытался баллотироваться на пост президента Республики Беларусь в 1994 г.) отстаивал идею федерализации Беларуси: "Я категорически против построения Беларуси как национального государства белорусов, в котором представители других народов республики являются национальными меньшинствами и стоят якобы ниже на ступень по сравнению с "настоящими белорусами". Считаю, и неоднократно об этом заявлял в средствах массовой информации, что наша Беларусь должна стать своеобразной славянской Швейцарией, в которой будут равноправны все основные национальные общины – и белорусская, и русская, и западнополесская, и польская и т. д." [1, с. 2]. Житель д. Соколово Жа-

бинковского района С. Грицук предлагал предоставить Жабинковскому, Брестскому, Каменецкому, Малоритскому, Кобринскому районам языковую автономию. Показательна редакционная ремарка к статье: "Мысли, изложенные в письме С. Грицука, не редкость среди жителей нашего района" [5, с. 3]. Часть населения считала местные говоры диалектами украинского языка и выступала за официальное признание жителей края украинцами. О представителях интеллигенции таких взглядов (историки-любители Н. Козловский и В. Крачко) шла речь в критической статье областной газеты "Заря" [14, с. 3].

Далеко не все дискуссии о статусе полесских диалектов становились достоянием общественности. В феврале 1990 г. деятельность организации "Полісьсе" обсуждалась на заседании Ученого совета Института языкознания Национальной академии наук БССР. Уроженец Брестчины И. Лучиц-Федорец признавал наличие отдельного микроязыка в регионе и призывал не преувеличивать опасность "полесского сепаратизма": "Там в полесском регионе пользуются или диалектом, или русским [языком]. Для полешуков русский, украинский и другие языки являются иностранными. Они пользуются только своим говором. А это не белорусский язык. Лексика преимущественно похожа на белорусскую, а фонетика – нет. Полесский микроязык имеет право на существование, а проект Шеляговича о литературном полесском языке не подходит. Мне удивительно слышать, что все боятся, что полешуки сразу отделятся". Особую позицию выразил Г. Цыхун. По мнению ученого, поддержка полесских культурных инициатив со стороны властей могла положить конец инсинуациям относительно присоединения Западного Полесья к Украине. Однако Г. Цыхун также считал лингвистические эксперименты Н. Шеляговича неудачными: "Полесский микроязык может быть создан. Этому даже можно содействовать. На Украине его никто не признает, единственное место, где он может существовать – в Беларуси. Только он должен создаваться естественным путем, как и другие языки (предлагаются проекты, обсуждаются). Шелягович создает свой язык на очень архаических чертах, поэтому не видно перспектив развития этого языка, потому что все другие языки обычно образуются на современных говорах. Общество должно оставаться в рамках научно-культурного и могло бы путем пропаганды создать условия для создания полесского языка". И. Крачко считал, что потенциал общества "Полісьсе" можно было бы использовать в целях обогащения белорусской (в широком понимании) культуры, но крайне скептически относился к его лидеру: "Общество должно отыграть свою роль в возрождении белорусской культуры, можно объявить полесский регион национально-культурным заповедником. Но все это было бы возможно, если бы во главе общества стоял более подготовленный, квалифицированный человек, чем Шелягович" [23, л. 14–16].

Таким образом, процессы белорусизации, развернувшиеся в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг., поддерживались далеко не всеми жителями БССР (Беларуси). Специфическими формами реакции на данные процессы стали дискуссии относительно языковой природы западнополесского региона, которые нашли отражение на страницах местной прессы. В средствах массовой информации было опубликовано большое количество материалов, авторы которых считали, что белорусский язык не являлся родным языком коренных жителей Полесья. Участниками дискуссий были артикулированы следующие основные позиции: "русский язык – единственное эффективное средство коммуникации в регионе"; "на основе местных говоров может быть кодифицирован литературный полесский язык, который должен получить официальный статус" (движение Н. Шеляговича); "полесские диалекты белорусского языка – пережиток прошлого, для консолидации нации и культурного развития жители края должны усвоить литературную версию белорусского языка"; "полесские диалекты обогащают белорусский язык и белорусскую культуру в целом"; "полесские говоры – диалекты украинского языка, население Брестчины на официальном уровне должно быть признано украинским". Каждая из данных позиций в той или иной степени была отражена на страницах региональных газет. В 1995 г. в Республике Беларусь состоялся референдум, по результатам которого русский язык получил статус государственного языка наравне с белорусским. Вскоре западнополесское движение под руководством Н. Шеляговича практически сошло на нет. Языковой вопрос утратил свою былую остроту и перестал быть заметной темой местной прессы Брестской области.

Список использованных источников

1. "Аб здаровым працэсе гаварыць не прыходзіцца" // Кобрынскі веснік. – 1994. – 7 мая. – С. 2.
2. **Басевич, М.** Помнить свои истоки / М. Басевич // Пінскі веснік. – 1992. – 22 лютага. – С. 2.
3. **Валасюк, А.** Адраджэнне / А. Валасюк // Ленінскі шлях. – 1990. – 11 студзеня. – С. 3.
4. **Гілевіч, Н.** Спыніць замах на адзінства і цэласнасць Беларусі / Н. Гілевіч // Пінскі веснік. – 1992. – 22 лютага. – С. 2.
5. **Грыцук, С.** Жабінцы – моўную аўтаномію? / С. Грыцук // Сельская праўда. – 1993. – 10 красавіка. – С. 3.
6. **Грэчка, Н.** Хіба справа ў мове? / Н. Грэчка // Запаветы Леніна. – 1990. – 2 жніўня. – С. 2.
7. **Давідзюк, С.** Пачатак быў у Кобрыне / С. Давідзюк // Кобрынскі веснік. – 1994. – 24 снежня. – С. 2.
8. **Давыдюк, С.** Какой язык "матчын"? / С. Давыдюк, А. Мартынов, А. Сушук // Кобрынскі веснік. – 1993. – 3 сакавіка. – С. 3.

9. Жыве мова – жыве народ // Савецкае Палессе. – 1993. – 5 лістапада. – С. 1–2.
10. Карпенка, А. Беражыце мову сваю / А. Карпенка // Заповеты Леніна. – 1990. – 18 жніўня. – С. 3.
11. Карпенка, А. Калі мова не ў пашане / А. Карпенка // Заповеты Леніна. – 1990. – 26 чэрвеня. – С. 3.
12. Каско, А. Паэт піша, чытач... будзе дачу / А. Каско // Вечерний Брест. – 1992. – Май. – С. 1, 5.
13. Климович, Н. "Етвызь-94" в Пинске / Н. Климович // Пінскі веснік. – 1994. – 10 снежня. – С. 2.
14. Купрэў, М. Ох, ужо гэтая гісторыя!. . / М. Купрэў // Зара. – 1990. – 12 снежня. – С. 3.
15. Лёс мовы – лёс народа // Сельская праўда. – 1990. – 4 студзеня. – С. 2.
16. Нам засталася спадчына // Чырвоная звызда. – 1991. – 16 жніўня. – С. 1.
17. Не надо насиловать ни рабкоров, ни читателей // Камуністычная праца. – 1990 – 15 верасня. – С. 1.
18. Новік, Г. Вучаць беларускаці / Г. Новік // Навіны Камянеччыны. – 1993. – 6 кастрычніка. – С. 2.
19. Обращение пинской региональной гуртыны ОКО "Полісьсе" к народным депутатам города Пинска и Пинского района, гражданам города и района, ко всем нациям и сословиям Полесского края // Пінскі веснік. – 1992. – 8 лютага. – С. 3.
20. Пракопчык, В. Навошта навязываць сілай? / В. Пракопчык // Заповеты Леніна. – 1990. – 28 жніўня. – С. 2.
21. Працэс станаўлення зацягваецца // Навіны Палесся. – 1991. – 22 сакавіка. – С. 1–2.
22. Предаете язык предков? // Пінскі веснік. – 1991. – 13 ліпеня. – С. 3.
23. Протокол заседания Ученого совета Института языкознания АН БССР, 5 февраля 1990 г. // Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси. – Ф. 8. Оп. 1. Д. 406. Л. 14–18.
24. Савич, В. Непрост путь истинного возрождения // Пінскі веснік. – 1992. – 12 лютага. – С. 1–2.
25. Савіч, В. Некалькі слоў "зняважаным" / В. Савіч // Пінскі веснік. – 1993. – 13 лютага. – С. 2.
26. Сахарчук, В. Адкуль бярэцца слоўны бруд / В. Сахарчук // Сельская праўда. – 1987. – 19 мая. – С. 2–3.
27. Сацуга, І. Хто такія яцвягі? / І. Сацуга // Заповеты Леніна. – 1990. – 25 верасня. – С. 2.
28. Свіцюк, Н. Са свайго куфэрка / Н. Свіцюк // Голас часу. – 1991. – 3 снежня. – С. 2.

- 29. Трафімчук, М.** Такая народная родная мова / М. Трафімчук // Чырвоная звязда. – 1991. – 10 студзеня. – С. 2.
- 30. Удавідчык, К.** ... А ці ёсць у прыродзе "Беларуская дзяржава"? / К. Удавідчык // Пінскі веснік. – 1992. – 29 лютага. – С. 2.
- 31. Хадыка, Ю.** Не палешукі, а беларусы // Кобрынскі веснік. – 1993. – 15 мая. – С. 3.
- 32. Харытанюк, І.** Вярнуцца да вытокаў / І. Харытанюк // Камуністычная праца. – 1990 – 1 верасня. – С. 3.
- 33. Хільчук, М.** Аглядад пісьмаў чытачоў / М. Хільчук // Камуністычная праца. – 1990 – 27 верасня. – С. 1.
- 34. Хільчук, М.** Аглядад пісьмаў чытачоў / М. Хільчук // Камуністычная праца. – 1990 – 4 кастрычніка. – С. 1.
- 35.** Чаму вёска называецца "Аўсямірава"? // Навіны Палесся. – 1993. – 25 верасня. – С. 2.
- 36. Якавец, Н.** Як у Любчы цэркоў открывалы / Н. Якавец // Лунінецкія навіны. – 1995. – 17 чэрвеня. – С. 4.
- 37. Якоўчык, М.** Захавальнікі народнай песні / М. Якоўчык // Драгічынскі веснік. – 1991. – 9 жніўня. – С. 2.

Мищенко Татьяна Александровна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: mtapost@yandex.ru

УДК 93/94

**МОТИВЫ "СОВЕТСКОГО" В ПРИЕМАХ БЫТОВОГО
ДОМОСТРОИТЕЛЬНОГО ДИЗАЙНА
(НА ПРИМЕРЕ ЖИЛИЩ ЮГО-ЗАПАДА БРЯНЩИНЫ)**

Автор обращается к опыту полевого исследования 2013 г., анализ материалов которого показывает влияние элементов советской культуры на жизненный опыт и творчество мастеров-домостроителей юго-запада Брянщины. Общей особенностью мастеров является универсализм: они не только домостроители, но придумали и изготовили множество предметов из дерева, описываемых нами в категориях "бытового дизайна". Наряду с традиционными элементами декора – растительными и геометрическими, мастера второй половины XX в. использовали изображения людей, животных, символов, которые могли быть восприняты от других образцов советской массовой культуры, собственных мировоззренческих и эстетических представлений о красивом.

Ключевые слова: "советское", бытовой дизайн, мастера-домостроители, жилище, юго-запад Брянщины.

Советский период истории нашего общества и государства является достаточно своеобразным историческим этапом. Однако исследователи повседневности часто не уделяют ему должного внимания, стремясь проследить традицию в любом из аспектов повседневного образа жизни общества, уходя в своем анализе в начало XX в. и даже в XIX в. Появляется некая иллюзия обретения традиций, практик, различных элементов повседневности если исключить из процесса воспроизводства и передачи все "советское", как чужеродное и искажающее. Нам ближе иная исследовательская позиция: без изучения советского опыта невозможно представить себе процессы преемственности и трансформации традиций в любой сфере нашего общества, включая сферу повседневности. Советская культура использовала все преимущества массового общества: образование, каналы информации, возможности перемещения различных групп населения (как географические и демографические, так и социально-статусные, связанные с различным доступом к материальным благам) и не могла не повлиять на повседневные общественные практики, семью, жилище, предметы быта, интерьер.

С. В. Кольчугина и М. Ю. Богатов указывают на данную проблему: "Проблема повседневности советского времени – тема, изученная пока недостаточно, несмотря на количественное и качественное многообразие

работ по указанному вопросу. Фундаментальные исследования о жизни города (в частности, провинциального) в основном представлены трудами, посвященными образу жизни конкретных социальных групп, повседневности в периоды крупных социальных переломов" [3, с. 108]. Авторы статьи прослеживают преемственность элементов крестьянского убранства дома, внедренных в городской интерьер в Пензе в 1950–1970-х гг. и находят множество примеров крестьянских ремесленных изделий и приемов домостроительства, которые использовали горожане, обустроявая свой быт: вышивки, кружевные, вязаные вещи, часы-"ходики", семейные фотографии в общей рамке на стене. Принцип расположения мебели в комнате и приемы выгораживания пространства также можно отнести к крестьянским, но преобразованным городом и новыми жилищными условиями для семей.

А. Л. Усанова исследует художественно-бытовые традиции в советском интерьере и приходит к выводу о редуцировании и модификации исторических стилей и наличии как профессионально выполненных архитекторами и художниками образцов для общественных интерьеров, так и народного самодельного декора и предметов интерьера: "...При этом, формально-пластические свойства предметного комплекса для общественных интерьеров, разрабатываемые архитекторами и художниками, пребывают в широких границах от арт-деко и классицизма 1920–1930-х гг. до ампирных и барочных черт в проектах 1950-х гг. В то время как эстетические принципы народных масс нашли свое выражение в формах, элементах декора самодельной и кустарной мебели, ориентированной на самые праздничные формы модерна и русского барокко" (См.: [4]).

Существуют определенные сложности с определением предмета изучения, в рамки которого включались бы различные образцы материальной культуры советской повседневности, связанные с жилищем, его интерьеров, внешними формами (карнизы, наличники, двери и окна), изготовленными самодельными мастерами как города, так и деревни. Как нам кажется, очень удачным является термин, введенный О. Балдиной – советский бытовой дизайн. Его специфика заключается в ориентации на самые яркие образцы как традиционного народного, так и высокого "элитарного" искусства, их интерпретация и адаптация "для себя" (См.: [1]).

Стоит отметить и переоценку ценности предметов повседневности, созданных народными умельцами в советское время. Сейчас они зачастую становятся объектами коллекционирования, частью музейных собраний, предметами по-новому переосмысленного интерьера или внешнего облика жилища. С. В. Кольчугина обращает внимание исследователей повседневности на изменение фокуса восприятия художественных промыслов, которые больше не воспринимаются как китч, "низкое искусство", выбор которого для жилища диктовался лишь дефицитом, сейчас "...Народные художественные промыслы являются важным элементом современного декоративно-прикладного искусства, которая, в свою очередь, может рассматри-

ваться как значимая составляющая повседневной жизни россиянина XXI века" [5, с. 256].

Итак, самодеятельные художественные практики советского периода, связанные с изготовлением мебели, предметов быта, приёмами домового и внутреннего декора помещений представляют собой уникальный предмет для различных междисциплинарных историко-культурных исследований.

Рассмотреть элементы советского в домостроительном бытовом дизайне местных мастеров – цель данного исследования, географически ограниченного юго-западом Брянщины. Полевые материалы, использованные для историко-культурного анализа были собраны в 2013 г. в ходе маршрутной экспедиции.

Следует отметить, что в городской застройке юго-запада Брянщины сохранился типичный городской дом, принадлежавший на рубеже XIX – XX вв. местному промышленнику, торговцу, чиновнику или ремесленнику. Лучшая сохранность и многочисленность типичных городских жилищ объясняется их добротной постройкой, сочетанием в ней дерева и камня, постоянным использованием в жилом фонде в советский и постсоветский период. Однако в течение последних двух десятилетий как городской, так и сельский традиционный жилой дом активно подвергается разрушению и перестройке. Исчезающей традицией стала и передача профессии плотника, каменщика, домостроителя, что было характерно для изучаемого региона в XIX – начале XX вв., когда в гг. Злынке и Новозыбкове сложились династии кузнецов, плотников, каменщиков, выполнявших заказы купцов и промышленников. Характерно, что многие мастера работали артелями и были универсалами: работали и в кирпиче, и в металле и в камне.

В. Н. Городков приводит описание посада Злынка в середине XIX в. М. Домонтовичем: "В посаде было 600 домов, 17 лавок и 11 лавочек. Развито каменное и плотничье, кузнечное и сапожное ремесла. До 600 человек мастеровых отправлялись летом в Киевскую, Гродненскую, Ковенскую, Таврическую губернии и царство Польское" [2, с. 90]. В советское время профессия превратилось в умение, передаваемое в семье или ученику, артели распались, но память о династиях осталась: Гарбузов Я. М., Корягин К. С., Силин П. И., Силин Ф. Р., Овчинников И. В., Осинов И., Сальников И. Г., Кашеваров П. Е., Новиков Ф. К. Мастера-каменщики: Титов Ф. И., Матреничев М. П., Бобылев Ф. М. с сыновьями, Погудины И. Н. и Я. Ф., Колесников Ф., Сычев А. с сыном; кузнецы: Рубцов А. с тремя сыновьями, Любимов П., два брата Умновы, Смирнов Д., братья Артемьевы, Титов П. Ф. и другие" [2, с. 99]. Во время нашей экспедиции в г. Злынку 2013 г. мы обнаружили только одного мастера, продолжавшего традиции домостроительства, резьбы – Козлов Леонид Александрович (1930 г. р.).

Облик типичной злынковской застройки, хорошо сохранившейся в пределах улиц Республиканской, Трудовой, имени Карла Маркса, площади Свободы служил образцом домостроительства и декора для окружающих

сел в послевоенные десятилетия. Это невысокие избы с тремя окнами, массивными деревянными заборами с высокими воротами. Окна, ворота и навес над скамейкой (подташек) украшены декоративной резьбой.

В. Н. Городков заметной особенностью злынковской резьбы считает сочетание накладной и прорезной резьбы, размещенных в двух главных местах фасада: на венчающем карнизе дома и наличниках окон. В особо богато отделанных домах к ним прибавлялся фриз – поле стены над окнами и панель – нижняя часть стены от подоконника до кирпичного цоколя [2, с. 90]. Декор жилых домов г. Новозыбкова выглядит более скромным по сравнению с деревянными украшениями злынковских купеческих особняков и жилищ ремесленников.

Возможно, что мастера второй половины XX в., уже не принадлежавшие к старообрядческим династиям мастеров-домостроителей, все же перенимали их приемы мастерства, бывая в городе и пытаясь скопировать варианты домовый резьбы, украшения наличников, оформления ворот, навесного козырька, входной двери. "Эти наличники мы прошлый год делали, а хату поставили в 1956г. Наличники мастер делал из Клинцов. Если Вам надо – у нас его телефон есть". (Москаленко Р. Т., 1929 г. р., пгт. Красная Гора).

Мастера, которые приобщились к плотницкому ремеслу во второй половине-конце прошлого века, ориентировались на свои наблюдения, жизненный опыт, фантазию. "Вы не поверите даже. Никто никогда ничего не показывал, ничему не учил. Мне помогает рисование, все из головы" (Семерной В. П., 1958 г. р., Гордеевский район, с. Творишино). Многие из них стали своего рода универсалами: строительство дома, его резные украшения, изготовление дверей, мебели и даже саней, - вошло в арсенал многих наших респондентов юго-запада Брянщины.

Таким образом, их личные впечатления могли привести в творения ремесленника не только традиционные геометрические и растительные декоративные элементы, но и советские, символически ценные – например, звезда, кремлевская башня. Многие мастера служили в армии, уезжали учиться в другие города. Их могло впечатлить московское метро, Красная площадь или Киевский вокзал, увиденные ими города и природа России.

Многие исследователи отмечают смешение стилей и предметов мебели в советском интерьере, предметы советской мебельной промышленности, разработанные архитекторами, опирались на классические образцы XIXв., а местные столяры и плотники брали их за образцы своих изделий. Народному советскому искусству присуща бесхитростная радость и наивная красота: сюжеты исполнения гипсовой кошки-копилки или ковра с нанесенным краской через трафарет рисунка с лебедями могли использоваться в домовый резьбе, украшении предметов мебели.

"У нас есть литература по резьбе, но там такие вещи предлагают, что многое я сам придумал. Вот цветочки я сам придумал, внизу две ласточки"

(Сметанко В. И., 1930 г. р. Гордеевский р-н., с. Творишино). "Откуда ласточки? Это орнамент русской резьбы. Сквозная резьба" (Сметанко В. И., 1930 г. р. Гордеевский р-н., с. Творишино); "Сам рисовал. Что надумаю, то рисую" (Андрюхин М. Е., 1929 г. р., п. Непобедимый, Колюдовское сельское поселение Красногорского района) – в ответ на вопрос: "Как на наличниках появились лебеди, голуби и Спасская башня Кремля?"

Посетив г. Сураж, мы обнаружили несколько прекрасных жилых домов – образцов деревянного зодчества и побеседовали с их создателями. Дмитрий Иванович Гусев (1925 г. р.) отвечая на вопрос "Как Вы учились мастерству?", сказал: "Жизнь учила. Где увижу интересный рисунок, запомню или зарисую. А потом их трансформировал". Дмитрий Иванович – прекрасный резчик по дереву. Свой дом он украшал своими руками. Многие инструменты и станки он сделал сам. Вспоминал, что свой первый наличник делал пятнадцать дней, а потом изготовил разнообразные трафареты и дом Дмитрия Ивановича изукрасился воздушной пропиленной резьбой с растительными мотивами. Мастер населил фронтоны дома сказочными птицами, наличники изукрасил диковинными растениями. Резчик умело использовал игру света и тени: "Сам рисунок интересен тенью. Когда солнце светит, вот здесь птицы рельефно выступают". Дмитрий Иванович сумел в резьбе наличника соединить символику растительного орнамента и глубокий жизненный опыт: "Вот смотрите, на этом наличнике виднее... Вот голова деда – он смотрит вниз, под ним темное – головка ребенка, вот здесь ручки, ребенок одеялом укрыт... Все старое идет вниз, старик смотрит на ребенка. А ребенок смотрит снизу вверх, как все молодое"

Внедрение "советского" в бытовой домостроительный дизайн происходило и с помощью предложений советской торговли. Так, с 1950-х гг. доступной для приобретения стала масляная краска. Деревянные предметы – табуреты, двери, наличники начали окрашивать в синие, коричневые, зеленые цвета. Следуя традиции поддержания долгой жизни вещей, в интерьере дома оказывались предметы, изготовленные мастером в разные десятилетия его труда и с помощью различных инструментов. В наших интервью самые пожилые мастера о своей молодости говорили, как о времени, когда они изготавливали самодельные инструменты: "Как начав жить, строиться – все поделав сам – фуган, киянку, уровень, респус, циркуль" (Андрюхин М. Е., 1929 г. р., п. Непобедимый, Колюдовское сельское поселение Красногорского района); в последующие десятилетия мастера смогли приобрести станки и электрооборудование: "Потом появился станок шлифовальный. Мой станок использовали для реставрации предметов для музея под открытым небом. Он большой производительности, сразу 6 дощечек сбиваю и обрабатываю" (Сметанко В. И., 1930 г. р. Гордеевский р-н., с. Творишино); "Начинал-то я с рубанка, а сейчас все инструменты электрические. Вот электрорубанок после свадьбы "с каравая" купил. Этой вещью я построил дом и много-много людям работал" (Витеб-

ский А. В., 1974 г. р., Гордеевский р-н, с. Творишино).

В результате собранных полевых материалов, мы рассмотрели элементы "советского" в бытовой домостроительном дизайне (декор построек, мебель, предметы интерьера изготовленные местными мастерами-домостроителями) мы пришли к выводу об опосредованном влиянии на мастерство ремесленников юго-запада Брянщины традиций профессионалов-плотников, кузнецов и каменщиков предыдущего столетия благодаря сохранившимся жилищам в городах края. Однако наибольшее значение имел личный опыт мастеров, увиденные ими лично или в книге, газете, кинофильме объекты, которые они запомнили и творчески преобразовали своим мастерством. Предметы интерьера типичного дома в провинции - кружева, ковры, половики, часы и статуэтки также могли включаться мастерами в круг их творческих поисков. Советская торговля, предлагавшая во второй половине XX в. все более сложные инструменты, краски, пособия для изготовления изделий своими руками наряду с традицией сохранять долгую жизнь вещам оказались факторами, определившими связь между личными эстетическими представлениями мастера-ремесленника и социокультурными установками советского общества.

Список использованных источников

1. Балдина О. Формирование предметно-пространственной среды, бытовой дизайн как область повседневного творчества // Народная культура в современных условиях: М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии; Отв. ред. Н. Г. Михайлова. - М., 2000.

2. Городков В. Н. Архитектура малых городов Брянского края. Брянск, 2008.

3. Кольчугина С. В., Богатова М. Ю. Сохранение и адаптация традиций крестьянской культуры в советском городском жилище // Традиционная культура на территории Российско-Белорусского пограничья: историко-этнографический и лингвокультурологический аспекты: Материалы XIX Международной научно-практической конференции (Новозыбков, Брянская область, 14-15 ноября 2012 г.) / Под ред. С. Н. Стародубец, В. В. Мищенко, В. Н. Пустовойтова [и др.]. – Брянск: РИО БГУ, 2012.

4. Усанова А. Л. Художественно-бытовые традиции в советском городском интерьере 1930-1950-х гг. // Дисс. ... докт. искусствовед. : 17.00.04. – Барнаул. 2014.

5. Савчиков А. А., Филатова С. В. Лозоплетение в традиционной и современной культуре России // Педагогический институт им. В. Г. Белинского: традиции и инновации: Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 80-летию Педагогического института им. В. Г. Белинского Пензенского государственного университета. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2019.

Любимова Марианна Викторовна

Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского, Россия
e-mail: lbmv73@gmail.com

УДК 304. 2

ГОРОДСКАЯ АРХИТЕКТУРА ПРОШЛОГО: ПРИЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И ИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННУЮ КУЛЬТУРУ

В статье отражены приемы смыслового наполнения исторического квартала на примере подготовки к празднованию 800-летия г. Нижнего Новгорода путем межсекторного взаимодействия.

Ключевые слова: экономика наследия, ландшафтный фестиваль, ревитализация, взаимодействие "общество – бизнес – власть".

В Нижнем Новгороде в ходе фестиваля "Том Соьер фест" в 2019 году было образовано АНО "Заповедные кварталы". Название было подобрано, чтобы наполнить культурной жизнью квартал церкви Трех Святителей, но не ограничиваться одним историческим кварталом в перспективе. Ещё в 1984 г. московским институтом "Спецпроектреставрация" при разработке проекта зон охраны памятников исторической части города район улиц Славянской, Короленко, Студеной был отнесен к заповедным. В 1997 году данный район получил статус историко-культурной заповедной территории [1; 6; 13]. Кварталы, которые содержат объекты деревянного зодчества, ценной исторической среды в последние годы тоже получили нормативно-правовую базу сохранения, а Межведомственная комиссия при областном Министерстве градостроительной деятельности и развития агломераций, собранная из признанных специалистов, точно рассматривает судьбу исторических домов [2; 3; 5; 8; 16].

Распространившийся по России фестиваль "Том Соьер фест" начиная с 2015 года помогает физически сохранить огромное количество исторических зданий и изменить отношение к историко-культурному наследию жителей городов [12; 14]. В Сибири программы сохранения исторического наследия начали работать еще раньше. Так, г. Томск с 2005 года реализует программу сохранения деревянного зодчества, есть "список 701" зданий, которые непременно нужно сохранить, г. Иркутск – с 2011 года, с подготовки к 350-летию юбилею города, причем реализация программы опровергла распространенный тезис, что реставрировать дорого и невыгодно, а новые функции в дереве не могут работать [6; 15; 19].

Нижегородская команда "Том Соьер феста" взяла за основу опыт ревитализации наследия, накопленный подмосковной Коломной. "На первом этапе мы искали реально действующие экономические модели работы с

наследием и остановились на туристско-рекреационной модели. К работе над анализом историко-культурного ресурса района церкви Трех Святителей был приглашен ведущий российский эксперт в области экономики наследия, историк и ландшафтный архитектор, президент Делового клуба "Наследие и экономика" Дмитрий Ойнас, – говорит Нина Ершова, руководитель АНО "Заповедные кварталы". – На средства гранта ФГБУК "Роскультпроект" при участии Управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области (УГО ОКН) и министерства имущественных и земельных отношений Нижегородской области была проведена стратегическая сессия "Наследие и экономика: туристско-рекреационная модель". Ее цель – разработка экономической модели по реализации проектов, основанных на культурных и исторических ресурсах (были выбраны реальные дома, предложенные инвесторам). Эта стратсессия позволила смоделировать реальные процессы, которые предполагают межсекторное взаимодействие между муниципалитетом, учреждениями культуры, городским сообществом, малым и средним бизнесом. Стало понятно, что сформировался городской актив из представителей общественности, бизнеса и власти, способный к сложному командному взаимодействию. Основным итогом стратсессии стало решение совместно с министерства и УГО ОКН подготовить предложения по ревитализации квартала церкви Трех Святителей для Губернатора Нижегородской области Глеба Никитина [7; 16; 17].

В 2021 году "Том Сойер Фест – Нижний Новгород" активно включился в работу по подготовке города к его 800-летию. За весну-лето волонтеры улучшили вид двух объектов квартала церкви Трех Святителей. Так, был завершён ремонт главного дома усадьбы Лемке на улице Короленко, 11/21, начавшийся осенью 2020 года. Активисты покрасили фасады, выходящие во двор, частично заменили декор на доме, оштукатурили цоколь, восстановили крыльцо и сделали отливы. Второй объект – это благоустройство сада усадьбы Лемке, который находится на территории домов 11/21, 11-а и 11-б по улице Короленко. Для того, чтобы подчеркнуть целостность усадьбы, включающей главный дом и три флигеля, волонтеры реализовали проект по обустройству придомовой территории для культурных событий. Дело в том, что рядом с главным домом усадьбы Лемке расположены дом, в котором на рубеже XIX-XX веков жили Максим Горький, Владимир Короленко и где бывали писатели Чехов и Гарин-Михайловский, певец Федор Шаляпин и другие деятели культуры. Уже тогда усадьба была местом притяжения творческой элиты. Сейчас в центре усадебного сада установлена деревянная концертная площадка, и теперь здесь проходят поэтические и музыкальные вечера, мастер-классы и встречи друзей фестиваля.

23-24 июля 2021 года в этом историческом саду состоялся усадебный фестиваль. Его целью стало сохранение и актуализация наследия русской культурной жизни XIX века, развитие интереса к ней, формирование со-

временных традиций культурного времяпрепровождения. Программа праздника была ориентирована на обычаи, которые определяли образ усадебной жизни в давние времена, но при этом адаптирована к реалиям наших дней: вечер романсов, чаепитие у самовара, беседа о традициях городского досуга конца XIX – начала XX века, мастер-классы по изготовлению лимонада, сервировке, декорированию, флористике, по ботанической живописи, усадебные игры, лекция "Когда слова бессильны. Дуэли русских поэтов", прогулка-вдохновение "Дневник образов", чтение стихов, чаепитие у самовара и живая музыка. Детская программа включала "Шатер чудес" в заповедном квартале, прогулку по кварталу в поисках драгоценностей, чтение книги про музей и чаепитие с куклами. Фестиваль был проведен при поддержке АНО "Заповедные кварталы" и АНО "Центр 800".

Во дворе домов усадьбы Лемке ранее уже был разбит уютный садик, который стараниями одной из жительниц дома стал настоящей оранжереей, и активисты фестиваля завершили оформление этой территории. Площадка дополнена пешеходными дорожками, беседкой, газоном. Хозпостройки из кирпича не снесены, а задекорированы деревянными рейками и продолжают использоваться по назначению. Большую поддержку волонтерам оказали проектный офис "Нижний 800" и компания "Архиленд" Ольги Николаевны Ворониной.

В общей сложности в 2019-2021 годах участие в фестивале приняли не менее 500 волонтеров и представители ряда бизнес-структур, в том числе биохимического холдинга "Оргхим", Сбербанка, Почты России, МТС и других, с которым у активистов сложились партнерские отношения. Силами волонтеров за три года приведены в порядок семь домов и одна придомовая территория.

Событий, связанных с фестивалем, в юбилейный год было немало. Впервые, в марте начала работу Автономная некоммерческая организация "Агентство по сохранению и развитию объектов исторической среды Нижегородской области" (АНО "АСИРИС") – она занимается, в частности, дальнейшей судьбой зданий, восстановленных волонтерами. В рамках этого партнерства команда координаторов фестиваля работает над сохранением исторического наследия [3].

"За три последних года в центре Нижнего Новгорода были включены в реестр несколько ценных исторических объектов, в основном, деревянное зодчество – это дома, расселенные по программе ликвидации ветхого и аварийного фонда, но имеющие историко-культурную ценность. Первоначально градозащитники их консервировали и совместно с властями и экспертами ставили на госохрану как ОКН, а потом встал вопрос об их будущем. Волонтеры не решат задачу системной работы по поиску финансирования работ по их реставрации и приспособления под современное использование. Необходима работа с инвесторами, прединвестиционная подготовка, сопровождение разработки проектов реставрации и производства

работ на самих объектах. Вот тогда и возникла мысль о специализированном АНО" – подчеркивает советник директора АНО "АСИРИС", эксперт Министерства культуры России Анна Давыдова [9].

Во-вторых, новый толчок движению дал Первый Всероссийский съезд координаторов фестиваля, состоявшийся в Нижнем Новгороде 21-24 мая. Его организаторами стали АНО "АСИРИС" и "Том Соьер фест – Нижний Новгород" при поддержке Правительства Нижегородской области и администрации Нижнего Новгорода. Съезд собрал около 100 участников из 36 населенных пунктов страны – как из областных центров, так и из небольших поселков, где тоже есть исторические здания, достойные того, чтобы их сохранить. В повестке были не только теоретические дискуссии, но и обмен практическим опытом в сфере восстановления исторических зданий. Организаторам удалось продлить съезд за счет кампуса, и волонтеры еще пять дней участвовали в ремонте главного дома усадьбы Лемке – в подарок Нижнему в канун его 800-летия. По мнению участников съезда, "Том Соьер Фест" – это удачная практика мгновенного градозащитного эффекта, так как картинка "было – стало" оказывает сильное воздействие на общество [9].

В-третьих, в регионе появилось законодательное новшество, позволяющие привлечь инвесторов к реставрации объектов культурного наследия с применением бонусных механизмов. За два дня до начала съезда координаторов в Нижегородской области было подписано первое в России соглашение, в соответствии с которым инвестору, принявшему обязательство по сохранению объекта культурного наследия, был предоставлен бонусный земельный участок.

В-четвертых, началось преобразование ландшафта квартала церкви Трех Святителей, чтобы сделать его новой точкой притяжения для нижегородцев и туристов. В юбилейное для Нижнего лето в этом районе вновь, как и в давние времена, появились... сады. Пять благоустроенных придомовых садов в квартале церкви Трех Святителей были созданы в рамках первого ландшафтного фестиваля "Исторический парк", непосредственными руководителями его явились Марина Родионычева и Екатерина Карзанова (АНО "Устойчивое развитие территорий"). Проекты садов были реализованы на грантовые средства АНО "Центр 800". Соинвесторами некоторых садов стали компании-проектировщики, вклад в создание пространств внесли участники "Том Соьер Фест", волонтеры-800, местные жители, дизайнеры, областные и городские власти, а также представители фитнес-индустрии, еще во время пандемии 2020 года трудились здесь на субботниках. Несколько команд ландшафтных архитекторов ознакомились с историей квартала заранее и перед подачей заявки на грант обсудили смыслы исторического квартала [11].

После изучения теории ухода за историческими садами волонтеры освоили навыки кронирования и лечения деревьев – эти занятия в саду

усадыбы Лемке провел с ними нижегородский лесопатолог Валерий Борисович Темнухин [18]. Поскольку в Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете с 1998 года идет подготовка по специальности "Садово-парковое и ландшафтное строительство" и создана профильная кафедра, участие в развитии этого квартала приняли ее сотрудники и выпускники (табл. 1). Под началом опытных ландшафтников растения помогали сажать волонтеры-800. Задачу регулярного полива новых садов удалось решить с помощью жителей квартала, волонтеров "Том Сойер Фест – Нижний Новгород", волонтеров-800 и администрации Нижегородского района, предоставившей поливочную машину. Обилие зеленых насаждений, среди которых есть исторические деревья, заслуживающие статуса памятников природы, позволило раскрыть рекреационный потенциал этого уголка города.

Таблица. – Комплекс садов, созданный в ходе фестиваля "Исторический парк"

<i>Название</i>	<i>Авторы проекта</i>	<i>Смысловое наполнение</i>
Усадебный сад возле дома мещанина Бибикина на улице Короленко, 16	SHKIREV Gardens при участии проектного бюро DA, ландшафтного дизайнера Марии Стрижовой	Усадебный сад возле памятника градостроительства и архитектуры, обновленного волонтерами в 2020 году, представляет собой своеобразную зону отдыха. Сад наполнен деталями, выполненными под старину: птичниками, люстрой, вешалками для одежды. Дорожка в саду имитирует булыжную мостовую, от проезжей части ее отделяют деревянные столбики, связанные канатами, – это отсылка к прежнему названию улицы – Канатной. Одна из лавочек скопирована с картины Михаила Нестерова "Наташа на садовой скамейке". В беседке расположен антикварный сундук. Здесь множество отсылок к произведениям М. Горького – так, на меловой доске написаны строки из поэмы "Песнь о Буревестнике", и каждый может оставить на доске свое послание горожанам. Здесь высажены растения, которыми раньше украшали свои дворы нижегородцы: гортензия, ромашки, парковые розы, красная смородина.

<i>Название</i>	<i>Авторы проекта</i>	<i>Смысловое наполнение</i>
Тайный сад около дома М. Н. Сиротина по улице Славянская, 3	Приволжская медиашкола при участии ландшафтных дизайнеров Алины Тимичевой и Натальи Малышевой. Светодизайн – "Студия Ю", световые решения – бюро светодизайна "Люмос"	Тайным сад назван потому, что раньше здесь росло большое дерево, которое прятало своей кроной приусадебное пространство от посторонних глаз. В этом саду командой "Заповедных кварталов" проводятся мастер-классы, музыкальные вечера. Малину и вишневые деревья в начале ул. Славянской сажали еще жители расселенных домов, а в юбилейный год осуществилась идея варить из ягод варенье и тут же за большим столом угощать друзей чаем из самовара. Благоустройству сада предшествовала расчистка территории от хозпостроек, предназначенных для хранения дров и припасов. По границам сада можно определить размеры прежних приусадебных участков. Сохранившиеся брандмауэрные стены выполняют не только разделительную, но и противопожарную функцию.
Сад "Дети Кулибина" возле дома губернского секретаря Ивана Эглита и дома крестьянки Прасковьи Щелухиной по ул. Короленко, 15 и 17.	Директор "ЛПС "Мастерплан" Сергей Соколов при участии Анастасии Сониной и Анастасии Беляковой, команды Motoff Welds metal art studio.	Сад, посвященный знаменитому нижегородскому механику-самоучке Ивану Кулибину, создан на территории, где раньше были руины и парковка. В центре пространства стоит кресло, которое облюбовал для отдыха местный кот. Возле кресла установлены три велосипеда. Предполагается, что при вращении педалей на стене соседнего дома светится изображение Кулибина. Отличные фотографии получаются на фоне малых архитектурных форм кубической формы. Полежать можно в "ванной Архимеда", стоящей на месте, затапливаемом во время дождей.

<i>Название</i>	<i>Авторы проекта</i>	<i>Смысловое наполнение</i>
Линейный сад на пересечении улицы Новая и улицы Короленко	SHKIREV Gardens	Линейный сад – это цветочные клумбы, высаженные на обочине проезжей части. Здесь представлены растения, которые легко приживутся и на даче, и на балконе городской квартиры. На участке висят китайские фонарики, которые по вечерам создают уютную атмосферу.
Сад кинематографа возле главного дома и флигеля усадьбы мещанки Флены Яхонтовой по улице Новой, № 22 и 22-а.	Команда под руководством Екатерины Ляминой при участии бюро светодизайна "Люмос".	Сад представляет собой летний кинотеатр со стульями и пуфиками на газонах. С трех сторон его огораживают дома, с четвертой – брандмаурная стена. Первый этаж одного из зданий украшают резные наличники с кадрами из фильмов, снятых на нижегородских просторах. В сумерки в саду зажигается множество лампочек. Фильмы здесь показывают по пятницам и субботам, также территорию используют для проведения мастер-классов, например, по нижегородской кухне и живописи. Событийная программа Сада кинематографа в августе-2021 включала в себя более 30 мероприятий. Киносезон завершился с наступлением холодов.

"В 2021 году особенностью фестиваля "Том Сойер Фест – Нижний Новгород" стало не только восстановление отдельных зданий. В юбилейное лето волонтеры завершили восстановление всего квартала церкви Трех Святителей, превратив в достопримечательность всю историческую среду района. Координаторы фестиваля сформировали концепцию развития этого квартала, в соответствии с которой здесь должен быть исторический парк с вовлеченными в экономику города объектами культурного наследия, благоустроенными усадьбами и сервисной инфраструктурой. Приятно, что в мегаполисе сохраняется исторический квартал с 26 объектами культурного наследия, в том числе памятниками деревянного зодчества", – отмечает сокоординатор фестиваля "Том Сойер Фест – Нижний Новгород" Евгения Джабазян. – Интерес к кварталу заметно повысила уникальная событийная программа фестиваля "Возрождение Заповедных кварталов". В садах стали устраивать свадебные фотосессии, появились идеи нетворкингов под открытым небом. Важно, что мы облагораживаем среду в целом, а не отдельные дома. Природные уютные уголки в городе, прикосновение к истории – это то, чего так не хватает жителям многоэтажек. Тематические сады в квартале церкви Трех Святителей стали площадками для проведе-

ния всевозможных мероприятий – музыкальных вечеров, кинопоказов, мастер-классов и лекций”.

Еще одним событием, состоявшимся в квартале церкви Трех Святителей, стал фестиваль "Шалипин на балконе" в память об этом певце, друге Максима Горького, приходившем к нему и распевавшемся на балконе дома при большом стечении народа. На еженедельных концертах было всегдалюдно, о нем рассказано по Первому каналу ТВ. Значит, работа фестиваля "Том Сойер Фест" вписалась в повестку города и страны, отвечает желанию жителей глубже понимать историю и культуру и отражать это понимание в конкретных делах.

Зимой 2021-2022 гг. квартал тоже встречал посетителей. Более того, сделана попытка монетизации: детально продуманные костюмированные туристические программы – продаются, тогда как другая часть культурной программы фестиваля остается бесплатной [10]. От руководства области вновь пришла помощь – с новогодней иллюминацией. Растет сотрудничество с университетами: студенты в ходе практик могут предложить различные проекты.

Движение "Том Сойер фест" формирует важный социальный эффект. В 2019 году организована выставка фотографий и находок "Встреча историй" - из обнаруженного в квартале в ходе ремонта и подаренного жителями [20]. Экскурсоводы проторили интереснейшие маршруты, помогая лучше раскрыть нижегородскую идентичность [4]. Люди лучше стали понимать значимость зеленого каркаса города, освоив навыки ухода за деревьями [18]. Постепенно широко осмысляются научные наработки принципов сохранения и регенерации деревянной застройки в структуре современных российских городов [6], [13]. Стратессии продолжают помогать выявлять новые смыслы и формы, привлекать ещё больше активных и неравнодушных людей. Через выбранную стратегию "широкими мазками" небольшой команде удалось качественно преобразить квартал. А масштаб был взят немалый. "Глаза боятся, а руки делают". В сезон 2022 года постараемся лучше раскрыть деятельность выдающегося писателя Владимира Галактионовича Короленко, с помощью музея школы Короленко разместив экспозицию в одном из домов на улице, носящей его имя.

Список использованных источников

1. Постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 18 ноября 1997 г. N 281 "Об объявлении района улиц Славянской, Короленко, Студеной в г. Нижнем Новгороде историко-культурной заповедной территорией и утверждении границ территории памятника архитектуры - церкви Трех Святителей" URL: <https://base.garant.ru/8503351/#friends>
2. Положение о предоставлении в аренду неиспользуемых ОКН, находящихся в неудовлетворительном состоянии и относящихся к государственной собственности Нижегородской области. Утв. Постановлением Пра-

ительства Нижегородской области от 13.06.19 № 358. URL: Лист согласования (gosim-no.ru)

3. Агентство по сохранению и развитию объектов исторической среды Нижегородской области создано в регионе // Правительство Нижегородской области. 12.03.21. URL: <https://government-nnov.ru/?id=273643>

4. Азарова В. А. "Уходящая натура" или почему Квартал церкви Трех Святителей не "уходит" с карты Нижнего Новгорода (экскурсия-путеводитель Виктории Азаровой) // ИНИГО. URL: http://inigo.ni-soc.ru/dokum/Excursion_Azarova.pdf

5. Глеб Никитин: "Собственникам будет оказана комплексная поддержка при ремонте объектов культурного наследия" // Министерство имущественных и земельных отношений Нижегородской области. 25.05.21. URL: https://gosim-no.ru/list_item/novosti/gleb-nikitin-sobstvennikom-budet-okazana-kompleksnaia-podderzhka-pri-remonte-obektov-kulturnogo-nasledia

6. Грачева Е. Е. К проблеме сохранения и развития историко-архитектурного пространства района улиц Славянской, Короленко, Новой в Нижнем Новгороде / Е. Е. Грачева, А. С. Шумилкин // Градостроительство и архитектура. 2019. Т. 9, № 2. С. 136-141. URL: <https://journals.eco-vector.com/2542-0151/article/view/51429>

7. Дмитрий Ойнас о методике "Ромашка смыслов" // I Всероссийский съезд "Том Соьер фест" 24.05.21. URL: https://vk.com/video/@syezd_tsf_2021?z=video-204608930_456239021%2Fclub204608930%2Fpl_-204608930_-2

8. Льготный размер арендной платы за земельные участки под объектами культурного наследия установлен в Нижегородской области // Министерство имущественных и земельных отношений Нижегородской области. 17.06.19. URL: https://gosim-no.ru/list_item/novosti/lgotnyy-razmer-arendnoy-platy-za-zemelnye-uchastki-pod-obektami-kulturnogo-nasledia-ustanovlen-v-nizhegorodskoy-oblasti

9. Любимый город. Нижнему Новгороду 800 лет / авторы идеи и сост. Н. И. Антипова, Е. С. Борматова. - Нижний Новгород: ООО ИРА "СтройЭксперт". - 2021, 288 с.

10. Малышева А. Экскурсии для детей проводят в квартале Трех Святителей в Нижнем Новгороде // ГИПЕРНН.ru 14.01.22. URL: <https://www.gipernn.ru/zhurnal/remont/novosti/ekskursii-dlya-detey-provodyat-v-kvartale-treh-svyatiteley-v-nizhnem-novgorode>

11. Маркичева О. Все – в сад: тайный, инженерный, кинематографический // День города. 28.07.21 <http://dengoroda-nn.ru/vse-v-sad-tajnyj-inzhenernyj-kinematograficheskij>

12. Носырева М. "Том Соьер Фест" в Нижнем Новгороде: как преображаются старинные дома // ГИПЕРНН.ru 10.10.19. URL:

<https://www.gipernn.ru/zhurnal/remont/stati/tom-soyer-fest-v-nizhnem-novgorode-kak-preobrazhayutsya-starinnye-doma>

13. НИР "Выявление историко-культурной ценности и определение предмета охраны объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) – ансамблей и достопримечательных мест, расположенных в границах исторической территории "Старый Нижний Новгород". Режимы использования территорий. Градостроительные регламенты". / Гл. архитектор проекта И. С. Агафонова // Научно-исследовательское предприятие "Этнос" URL <http://opentextnn.ru/old/space/nn/oldnizhniy/vol10/index.html?id=1891>

14. Основные ценности "Том Соьер феста" // Том Соьер фест – Россия. 30.03.18. URL: <http://tsfest.ru/tsf-basic-values/>

15. Светланова Д. Деревянный Нижний: у точки невозврата // День города. URL: <http://dengoroda-nn.ru/derevyannyj-nizhnij-u-tochki-nevozvrata>

16. Сергей Баринов: "Мы разрабатываем целый ряд постановлений, мотивирующих инвесторов восстанавливать ОКН" // Министерство имущественных и земельных отношений Нижегородской области. 9.12.19. URL: https://gosim-no.ru/list_item/novosti/sergey-barinov-my-razrabatyvaem-tselyy-riad-postanovleniy-motiviruiushchikh-investorov-vosstanavlivat-okn

17. Стратегическую сессию организовала команда "Том Соьер Феста" // ННТВ 07.12.2019. URL: <https://nntv.tv/?id=190637>

18. Темнухин В. Б. Как лечить раны у деревьев. Методическое пособие. - Н. Новгород: НОСЭОО "Зеленый мир", 2019. 28 с. URL: Как продлить жизнь дерева в городе? Вышло новое методическое пособие. (dronr.ru)

19. Томск нашел способ защитить исторический центр от застройщиков // Регионы России 8.07.19. URL: <https://www.gosrf.ru/news/41164/>

20. Участие ИНИГО в организации и проведении выставки "Встреча историй" в квартале церкви Трех Святителей // ИНИГО. URL: http://inigo.nisoc.ru/vstrecha_istorij.html

Голик Наталья Александровна

Унечский краеведческий музей,
г. Унеча, Брянская обл., Россия
e-mail: un.muz@mail.ru

УДК 908 : 398'3 : 394'2

**КРЕСТЬЯНСКИЙ ТРУД И ОТДЫХ: СРАВНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ
КОНЦА 19 И СЕРЕДИНЫ 20 ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ-ФОЛЬКЛОРИСТКИ
М. Н. КОСИЧ И ВОСПОМИНАНИЯМ ЖИТЕЛЕЙ УНЕЧСКОГО РАЙОНА)**

В статье представлены традиции труда и отдыха крестьянского населения юго-западной Брянщины, которое писательница и этнограф XIX века М. Н. Косич считала особым народом – литвинами-белорусами. На основе бесед с местными старожилами в статье также дан анализ традиций, сохранившихся в деревнях края к середине XX века.

Ключевые слова: литвины-белорусы, Мария Николаевна Косич, крестьянский труд, православный обряд, диалект, юго-западная Брянщина.

В своей статье я остановлюсь на традициях труда и отдыха юго-западной Брянщины, той её части, которую населял, по мнению писательницы и этнографа М. Н. Косич, особый народ – литвины-белорусы. Цитата: "...Все северные уезды Черниговской губернии, а именно: Суражский, Мглинский, Стародубский, Новозыбковский и часть Городнянского, по типу населения составляют, как бы переход от Малороссии к России и населены народом, который по характеру, по наружному виду и одежде отличается как от малоросса, так и от великоросса". [1, с. 6]

Источниками для статьи стали материалы этнографических исследований Косич М. Н., опубликованные ею в 1902г., а также воспоминания современных жителей вышеперечисленных районов.

Итак, о жителях этого края. Цитата Косич М. Н. "Литвин, как называют его соседи, не предприимчив, беспечен, но при нужде трудится много для своего пропитания..." [1, с. 6]

Несколько другое говорит о характере своих земляков сер. 20 века уроженец д. Осинка Суражского района, писатель и журналист Н. Н. Старченко. В своих произведениях он приводит примеры потрясающего трудолюбия земляков, в т. ч. детей. Например, уже с 5 лет они ходили с родителями за лесными ягодами: земляникой, черникой, малиной, брусникой. Причем на чернику была установлена деревенская норма – сколько лет, столько стаканов ягоды и нужно собрать.

С 9 лет мальчики отправлялись "на ранки" - рано-рано, перед восходом солнца бегали на далекий луг за колхозными конями, потом водили их

целый день по бороздам, распахивая "бульбу". В 10 лет в письменном наряде бригадира участие ребят на колхозном сенокосе определялось так: "быть при котле и бочке". И мальчишки целый день чистили картошку, собирали дрова и поддерживали огонь под котлом, а также весь день подносили воду работающим на лугу. [2, с. 309]

А без 13-14 летних мальчишек "не обходилось летом ни одно дело, ни одна работа". "Ну вот, пошел в страду...", говаривали матери, собирая сыновьям на день узелок с едой. Сначала работали на сенокосе – верхом на лошадах "волочили копны". [2, с. 317]

Цитата Старченко Н. Н. : "Кончался сенокос, начиналась уборка хлеба – и продолжалась наша страда. Мы снова волочили копны – теперь уже соломенные, и не в стога, а в скирды, отвозили от комбайнов зерно, сушили и веяли его на току, собирали по убраным полям оставшуюся полову, отвозили её в старое гумно. Уже пробовали выйти и косить отаву, а больше на гречиху, которая очень легко косится, самое учиться на ней!" [2, с. 322].

Ну а у взрослых во все времена календарный трудовой год начинался весной.

После Пасхи женщины продолжали сновать и ткать красны, белить полотна, мужчины огораживали плетнями и пряслами огороды, но с посевами не торопились, несмотря на то, что тепло и снега давно нет.

По свидетельству Косич "овес начинали сеять в конце апреля, а картошку - еще позднее, и всякий уверял, "што у наших мястах покуль зямля харашо ни нагрעיцца, дотуль семя ня пуская растка и картошка тольки за-клякня у халоднай зямле, а узойдзя и ранняя и позняя у в-адно уремья". Гряды решались садить лишь в мае. Но иногда утренники вымораживали "грядавину" и 10 мая, так что приходилось вновь отсеивать огурцы, фасоль и пр". " [1, с. 47] (даты приводятся по ст. ст. – Н. Г.),

Из весенних праздников на русско-белорусском пограничье чтили в том числе и "Юрия". Косич пишет: "Каждый хозяин вставал до света и пас скот на росе, потому что роса на Юрья считалась целебной для всякой скотины. Так как Георгий-победоносец изображается на иконе всадником, его считали покровителем лошадей. По окончании обедни жители сёл со священником во главе двигались служить молебен над табуном. Бывало также в этот день водосвятие и молебен в поле над всходами ржи, "штоб и жыццячко урадзило, и скацинка здарова была" [1, с. 47].

В 20 в. жители района по-прежнему считали День памяти святого великомученика Георгия Победоносца скотским праздником. Например, уроженка с. Старая Гута Вера Афанасьевна Татуйко рассказала, что в середине 50х гг. по старой традиции обрезали хвосты коровам и коням, а обрезки закладывали под стреху в сарае, чтоб скот из двора не выводился.

После окончания весенних полевых работ, где-то в июне колхозники устраивали общий праздник "Берёзку". Все жители села собирались в саду, лесу или роще, возводили и украшали сцену, устраивали концерт, торжест-

венное награждение передовиков. Важной частью праздника был привозной буфет – диковинка того времени. А после торжественной части варили уху, жарили яичницу, пили горелку, пели и танцевали под гармошку.

Бывает, что этот светский праздник совпадает с православной Троицей. А бывает, что и нет. Тогда получается подряд два повода собраться вместе всем селом и погулять. Но на Духов день и Троицу в некоторых селах, в частности в Старой Гуте, была традиция всем вместе чистить колодцы. А потом уже гуляния с жареной рыбой, ухой и яичницей.

Восьмая неделя после Пасхи, вслед за Духовыми святками, называется "грязная". Это русальная неделя. Народное воображение жителей юго-западной Брянщины рисовало русалок нагими женщинами, которые живут в лесах, на деревьях, проводя время в забавах, качаясь и завивая венки на ветках.

По представлениям крестьян конца XIX века, на грязной неделе нельзя было ничего вить, крутить, гнуть, городить, кросны сновать. Старики объясняли, что "ў старину прайциць ня можна было па лясу за русалкамы . Качаюцца, бывала, да вянки ўюць . . . ну на грязной и всередной йета ужо йих празник, во яны и ня любюць, штоб работали, и падшучаваюць часта" [1, с. 55].

По свидетельству собеседников Марии Николаевны вот, что случается в хозяйстве, если кто вздумает работать в это время.

"Да во-й са мной у том гадў прыключылась акация , – начинал рассказ один. – Сагнуў я вязок к саням , да яще тады и падумаму : пусцяк йета усё , болш ничего , як бабския прихамаци . Што ж бы вы думали! Тож авечка акацила ягнёнка, пара пядредних ног – ни даць ни узяць вязок: ножки сагнуты, ни магець хадзиць ни калеуца (ни крошки). Жалка мне стала ягнёнка ; нёчага дзелаць , зняў с саней тэй вязок , што зделаў, и папасек на шматки . Глянуў у вечары на ягнёнка, аж йон ужо и пабрыкуя, и ножки спрямились".

Затем следовали бесконечные рассказы о том, что случилось у соседей, как у Платона цыплята крутились, потому что он лыки вертел. Как "покойный бацька на всеряднай заверты гнуў ", отчего "сестра Аўдоцця радзилась с сагну́тай ногой "; как Адарка Жураўцова сновала кросны , и потому бык ходил, опустив голову, от одного угла к другому.

Все с удовольствием слушали подобные рассказы и безусловно верили им. "А я во што вам, браццы, скажу, – добавил один. – Грязная такова: кали хто йетаго ни примечая , работая сабе па цихиньку , ничота яму з таго ни бывая; а ни дай Бог падумайш аб грязной за работай, ци хто скажя "кинь, ня раби на йетай нядзели", ну тады ужо яно ня пройдзя дарам" [1, с. 55].

Поверья и приметы, связанные с грязной неделей, живы в Брянской области и по сей день. Вот что говорит об этом жительница с. Красновичи Титенок Татьяна Михайловна, 1950 г. р. : "Всю неделю нельзя работать. Особенно в четверг. Особенно шить, а то русалку прышишь к сабе. Будя тряцать, пицать".

А её подруга Кургуз Раиса Яковлевна, 1944 г. р., рассказала такую историю: "Як-то мой дед пошел в лес. Чуя, детский плач. Падышов, дитёнок голый ляжить. Ён хатев яго забрать. Но тут с дерева слятая голая с большими грудями женщина и говоря: "Ня тваё, ня трогай". И прогнала яго".

И снова обратимся к Косич: "Летом, когда земледельческое богатство сдано под открытое небо, в охрану Божию, крестьянин с надеждой и боязнью взирает на небо", боясь сильного дождя или града. И действительно, как же не бояться, если за один час может без всякой жалости уничтожить всю летнюю работу и все годовое продовольствие. Оттого в летние месяцы, особенно в июле, в самую рабочую пору народ старается чтить каждый праздник, боясь прогневать какого-нибудь святого. В июле у них насчитывается 11 праздничных дней, плюс ещё воскресенье и ещё тезоименитство Государыни, что составит 16 праздников". [1, с. 61] Столько дней надо прогулять в самую горячую страдную пору! А ведь не зря же так было в то время заведено: людям нужен был отдых от тяжелой работы.

А вот наши земляки 20 века – колхозники - столько выходных себе позволить не могли. По воспоминаниям жительницы с. Лыщици Унечского района Надежды Степановны Пешеходько, 1934 г. р., в селе было три престольных праздника: Прасковья (Параскева Пятница) 10 ноября, Никола (зимний) 19 декабря, Пречистая (Рождество Пресвятой Богородицы) 21 сентября. И на разных концах села – Миловщине, Середине, Семеньковщине - отмечали разные праздники. Поэтому, когда одни гуляли праздник – остальные работали.

Но старинные приметы тоже старались соблюдать. Из рассказа упомянутой Надежды Степановны Пешеходько: "Неделю после Пасхи нельзя ничего городить, а один мужик загородил. И не было долго дождя. Так изгородь его разгородили, взяли борону и по речке потягали и назавтра дождь пошёл". Вот так и делали всегда: нет дождя – "тягали борону".

А в Красновичах, по словам Титенок Т. М., дождь зазывали вдовы. Они шли на болото с граблями и там, после молитвы, грабали по той воде, что осталась в болоте, чтоб дождь пошёл.

Были и всякие шуточные приметы и обряды. Им следовали со смехом, но с верой в результат. Например, посеянную редьку притаптывали голой задницей (с. Красновичи), на последнюю борозду сажали 7 картофелин, чтоб урожая на каждый день недели хватало (д. Шулаковка). Чтобы капуста была хорошей, тугой и долго хранилась, надо было помолиться, а потом, постучать по голове и заднице, приговаривая: "Расти, капуста, твердая, як галава, и большая, як ж. . ". А чтобы огурцов было много, надо сеять и приговаривать: "Сколько в Гуте мужиков, столько в гароде гурков" (с. Старая Гута). Чтоб бульба уродилась крупной, после окончания посадки во всех деревнях по огороду качали самую толстую бабу, а в Старой Гуте ещё и бросали большую корзину с приговоркой: "Завязывайся бульба, як карзина, як карзина". Кстати, некоторые из этих обрядов дошли до сегодняшне-

го дня. В т. ч. и поверье, что морковь нужно садить в женские дни: среду, пятницу, субботу.

С уборкой сенокосов в юго-западных районах Брянщины в старину не торопились. Косить сено и жать жито начинали между 10-м и 15-м июля (*по ст. ст. - Н. Г.*). Ждали, чтобы трава постарела, оттого что такое сено, как говорили, спорней, чем с молодой травы, и "скацына здравей на живаце". [1, с. 61]

Перед жнивом в брянском Полесье редко у кого был свой хлеб. Купленный хлеб был "крепко не спорен", зато его ели, как просфорку, рассчитывали, чтобы хватило до новины, и ждали с нетерпением, "пакуль жита паспея"...

Иная, проголодавшись, не прочь была бы нажать и зеленатового, но ей этого не позволяли, потому что, по народному поверью, стоит хоть раз "рязануць сярпом, нажаць хоць жменьку ни у ўрэмья – жита станя сохнуць и высыпацца". [1, с. 62]

Вот что рассказала о традициях своего села в этот день жительница с. Горяны Унечского района Надежда Петровна Тарола, 1943 г. р. : "Жатва начиналась в деревне всегда торжественно. Как сев. Собирались женщины. И от всей деревни для зажатия выбиралась жаница – женщина энергичная, аккуратная, быстрая, ловкая. Она брала с собой кусок хлеба в холстине, щепотку соли и икону Спасителя.

Придя на поле, она должна была помолиться на 4 стороны Господу Богу, клала свой узелок с хлебом на поле и приступала к зажатию первого снопа. В этот день она должна была нажать только три снопа. И после этого быстренько уходила с поля. Считалось, что если эти 3 снопа положить крест накрест, то никакая колдунья ими уже не воспользуется, нечистая сила не навредит урожаю и весь хлеб попадет в закрома.

Жница должна быть очень аккуратной, чтобы не уколоть и не обрезать руки, иначе и остальные жницы будут при жатве ранить себе руки.

Как бы ни было трудно жнице, она не должна была дотрагиваться до своей усталой спины. Если ей попадались цветы, то первые из них она должна была заткнуть себе за пояс. Могла только приговорить: "Нивканивка, отдай мою силку" или повалиться поперёк межи, чтобы спина её не болела.

В конце жатвы, когда оставался кусочек недожатого поля – "борода" - 9 колосков, жница их завязывала по 3 в кучку красной ниткой. А потом все три пучка связывала в один. И между этих пучков выкладывала хлеб, соль, чтобы поле не было пустым. И жница, перекрестившись, всегда говорила: "Роди, хлебушек, и на просящих, и на молящих, и на малых, и на старых".

После окончания жатвы все вместе обедали и пели".

Информанты из всех сел Унечского района сошлись на том, что люди на своих участках сеяли пшеницу вплоть до к. 50х гг. 20 в. После оконча-

ния жатвы обмолачивали зерно цепями все вместе, но каждая на своей подстилке.

И снова обращаемся к Косич: "Однако и после обжинок бабской спине нет отдыха: треба жаць ячмень, авес, проса, гречку качаць и затем приступать к прочим осенним работам". [1, с. 70]

Осенние работы в деревне всегда одна спешней другой. Весь август пашут и сеют хлеб к будущему году. И когда уже брошена последняя горсть семян в землю и всё заборонено, по воспоминаниям Косич, выполняется такой обряд: "Кладет хозяин на своем поле две горсти соломы крестом, накладывает камушки, чтобы ветер не сдул, снимает шапку и усердно молится : "Зарадзи Божа, и на крадящего и на просящего и на усякаго добраго человека". [1, с. 70]

"До глубокой осени крестьяне заняты уборкой конопли. В их хозяйстве это единственный продукт, который идет в продажу. Брать коноплю, т. е. дёргать её из земли, есть поистине мозолевый труд. Корнями своими она крепко и прочно держится в почве, а потому от напряжения при выдергивании на ладонях появляются зелёные полосы, которые при дальнейшей работе углубляются и превращаются в трещины.

Бранье конопли исполняют большей частью руками женщин. И чего только нет на этих руках – и мозоли, и лишай, и рубцы!" [1, с. 76]

В 60-70е гг. 20 века коноплю тоже ещё садили, причем и на колхозных полях, и в индивидуальных хозяйствах. И способы её уборки практически не отличались от описанных Марией Николаевной. По воспоминанию Титенок Татьяны Михайловны, коноплю так же выдергивали вручную, посконь отдельно, метелки отдельно. Это было трудно, нудно. Колхозникам выделялись "нормы" - участки, которые они должны были убрать.

Из зернышек конопли потом давили масло. А из мужских особей - стеблей светло-зелёного цвета - после длительной и нелёгкой обработки ткали очень прочный материал - посконь (замашку).

И снова слово Косич: "В конце октября и до середины ноября бабы заняты прядевом: мочат в сажалках посконни, стелят по долинам лён, потом сушат всё это в банях и мнут, чтоб зимой было, что пряхть. Это их последняя работа на стуже. "Мужчины яще порууюцца кали пеньки, а бабы ужо паставили гребни и прядуць у цеплай хаці". Кто ленив был пряхть, того называли Ялдоха-Святоха и подшучивали над ней". [1, с. 78]

Это прозвище до 20 века не сохранилось. По воспоминаниям местных женщин, ленивых баб в деревнях называли "пустодомка".

Приблизительно до к. 70х гг. в нашем краю люди ещё занимались прядением и ткачеством. По необходимости, говорили нам женщины. Семьи были большие, бедные. Одевать девок было не во что, вот и ткали сами. Титенок Т. М. вспоминает: "Вот лён подергали, повяжать в снапы и мы с батькой вязём "на прорву" (болото). Там яны вымякали. У каждого была своя панявка. Доскамы накладывали сверху снапы, чтоб мякла. И мяльца

дома была. После святок ставили кросны. В пост ткали. До Паски. Потом кросны убрали на чердак".

А вот жительница д. Песчанка Геращенко Ева Ефимовна, 1936 г. р., вспоминает, что её мать ставила кросны и летом, если не успевала доткать нужное в пост.

Совсем мало времени было у людей к. 19 в. на отдых и игры, но всё же они умудрялись его выкроить, особенно дети и молодежь.

С ранней весны на подсохшие зеленеющие бугры высыпают подростки и "играюць у вошта небудзь", как например, у "хрена". Это делается так: все садятся на землю друг другу "в пастьяння" или "на улонья", образуя т. о. длинный ряд; один из играющих ходит вдоль и кладет каждому на голову руку, припевает". Хор отвечает. Потом ведущий тянет за руки первого сидящего, потом второго и т. д. [1, с. 39]

Кстати, старинная игра "у гусей", тоже описанная Марией Николаев-ной, дошла до нас несколько измененная. [1, с. 40] Изменилась кричалка:

"Гуси-лебядзи дамоу!

Зачым?

Воук за гарой.

За якой?

За камяной". [1, с. 40]

Кроме того, в прежние времена мать-гусыня не защищала своих гусят, а просто плакала по ним. А в игре нашего детства гуси сами стараются убежать от волка.

Дети середины 20 века тоже умели не только работать, но и отдыхать. И самые разные забавы себе придумывали : и ковзель - скользкое, обледеневшее место катания, и катания с горки на лубянке-ледянке. Писатель Старченко приводит простой рецепт её изготовления: "Накладываешь в неё до половины соломы, потом закладываешь свежим, теплым коровяком, ровняешь доской. Дня три-четыре поливаешь – слоями – водой, и вот она готова – быстрая как ветер ледянка! Цепляешь к ней веревочку и идешь, счастливый, на гору..." [2, с. 378]

Очень много было разных коллективных детских игр. Прежде всего, это городки. Все дни весенних каникул, вспоминает Николай Николаевич, были городошными. Играли так много, что даже ночью снились все эти городошные фигуры: "вор", "рак", закрытое письмо". [2, с. 288]

Кстати, по воспоминаниям Титенок Татьяны Михайловны, проигрывать в эту игру очень не хотелось, потому что проигравшего хватили за руки, за ноги и катали по этим городошным чурочкам, бывало больновато.

Ещё одну интересную игру описывает Старченко – "сова". В землю втыкалась метровая палка, на неё вешалась кепка. Нужно было с разгону перепрыгнуть через палку и не сбить кепку. Тот, кто сбивал её, становился "совой". Тогда палку забрасывали как можно дальше, и пока за ней бежала

"сова", её со всех сторон лупили кепками, фуражками, картузами. После возвращения палки на место игра продолжалась. [2, с. 289]

А были ещё лапта, в Старой Гуте она называлась "махана", а в Песчанке "парфа", традиционные, сохранившиеся до сего дня жмурки, "кочки" или "ножички", когда прятали под зеленый травяной дерн ножичек, и его надо было найти, "стакана" - игра типа современной "третий лишний", "кот" и "классики", тоже дошедшие до настоящего времени.

Были какие-то игры, пришедшие от предков, но адаптированные под современные игрокам условия. Например, по рассказам уроженки д. Шулаковка Сапуновой Любови Николаевны в игре "чурдук" – смеси лапты и городков, использовались консервные банки. А чучело для игры в "шей" - одной из самых любимых игр у молодежи Старой Гуты - делалось с использование чулок.

По правилам этой игры играющие садятся в круг, вытягивая ноги. В центре застилают большую дерюгу и под ней быстро передают "шей" - изготовленное из тряпок длинное чучело, приговаривая: "Шей, шей, пошевай, другому передавай". Ведущий, находящийся в центре, должен угадать его место нахождения и поймать, если не словит, его этим "шеем" бьют.

Кстати, по воспоминаниям информантов, очень много детских игр было именно с мячами, которые часто делались из подручных средств – из старых колёс, тряпок, чулок.

У молодежи забавы были другими.

Молодежь к. 19 в., ранней весной с появлением первых сухих местин собиралась на буграх: пели, танцевали, водили хороводы. В некоторых из них были обрядовые элементы. Например, "после припева "Лука мая, лука" некоторые здоровые девки берут на руки стоящих в кругу подростков и поднимают их выше головы: "штоб довиг лён родзив", свидетельствует Косич. [1, с. 38]

В середине 20 в. традиция летом собираться на улице, на околице села, в садах сохранилась. Молодые люди тоже много пели, танцевали, общались. "Женщины постарше собирались кружочками на своём краю и пели свае песни. А старухи на лавочках самы сабе песни пели", - вспоминает Герашенко Е. Е.

Особенно большими были сборища в дни православных праздников. Жительницы Писаревки Анастасия Романовна Старовойтова, 1932г. р. и Галина Романовна Старовойтова 1942г. р. вспоминают, что "на Благовещение на вербах вешали рели и на них колыхались, спевали песни, водили хороводы, на Пасху собирались тоже на другой день и пели песни, а на Радоницу после кладбища собирались и пели у клуба, гуляния были".

Зимой собираться на улице было холодно, поэтому на рубеже 19 и 20 века зимние сборища юго-запада Брянщины проходили в помещениях и назывались "вечерницы", "фатеры" или, чаще, "игрища". Они время от времени устраивались в складчину, в хате какой-нибудь одинокой вдовы.

Вечером готовилась закуска: самые первые и лакомые блюда у них - это "яйешня, кулеш гарохавый с салам на скавародцы и каубаса". [1, с. 99]

"Благоразумные родители и сами давали для этого провизию, но большая часть молодежи принуждена была красть у батьки и матки нужные для игрищ продукты, что, впрочем, не считается вовсе за воровство, и каждый смотрел на это как на забаву молодежи". [1, с. 100]

На вечерниках танцевали, пели, общались, влюблялись.

Эти молодежные вечеринки в деревнях сохранились до сер. 20в. . Более того, даже названия практически остались те же. "Кватера" - так они назывались, например, в Старой Гуте.

По рассказам Веры Афанасьевны Татуйко, 1937 г. р., для "кватеры" выбирали бабу, у которой сил не было дров самой себе навозить, вот она и пускала к себе молодежь "за дровы и карасин": "Мы собираемся, бярём большие санки и в лес за дровамы. Потом прыдем: хлопцы с гармошкой, балалайкой, мы с яким делом. И пели, и танцевали, и прями, и шили, и вышивали. Лампа карасиновая одна на всю хату была. Так мы, хто работае, по очереди круг яе садились. Хто на чугунке, кто на ведре, хто на кухвайке. Иногда и ночевали так, на полу впокат".

В д. Покослово Стародубского района ходили по хатам по очереди к тем, кто сам участвовал в вечерках. Дрова и керосин не носили хозяевам, те сами это предоставляли. А Герашенко Ева Ефимовна рассказывала, что в Песчанке были определенные хаты, куда пускали молодежь. Вот они по очереди по ним и ходили. В Красновичах, по воспоминаниям Титенок Т. М. на вечеринках ещё и в разные молодежные игры играли, в "бутылочку", например. И даже, когда появился клуб, в него ходили только по выходным, а в будни – по-прежнему по хатам.

Иногда на этих посиделках случались конфузы или шутки. Косыгина Анна Михайловна, уроженка д. Покослово Стародубского района рассказывала, как подшутили однажды парни, закрыв хату, в которой собралась молодежь, на засов. И до утра никто не мог из неё выйти. Пришлось всем остаться спать прямо здесь, на полу. Но места всем не хватило, поэтому спали по очереди. Ей до сих пор страшно вспомнить, какой нагоняй она получила дома, за то, что не пришла ночевать.

Подводя итог вышесказанному, хочу отметить, что, несмотря на то, что крестьянский труд во все времена был очень тяжелым, но всё же он не был непосильным. Жизнь в деревне к. 19 в. полностью зависела от труда. Потому надрывной работы, доводящей человека до болезни и смерти, старались не допускать. Болеть было непозволительной роскошью для крестьянина.

К тому же тяжесть крестьянского труда облегчалась постоянной сменной занятий, переходом от тяжелой работы на более легкую, переменной домашних и полевых дел. Да и православные традиции вносили в эту сис-

тему свою лепту: в субботу, половину воскресенья и праздники старались вообще не работать.

Крестьянский труд в сер. 20 в тоже был естественной частью жизни селян. Все опрашиваемые нами женщины говорили о том, что вся работа, которую полагалось выполнять им, девушкам, воспринималась ими как должное и не казалась им тяжкой обязанностью. "Без труда немыслима наша жизнь, в ленивое место всегда приходит грех", говорили они. А односельчане Н. Н. Старченко ту же мысль выражали пословицей: "Кто долго не берет тяжелое в руки, тот быстро берет дурное в голову".

А сохранившиеся и перешедшие из 19 в 20 век традиции совместного труда и отдыха вообще очень сплачивали людей, способствовали большей результативности их работы.

Информанты

1. Башмакова Светлана Ивановна, 1963 г. р., с. Старая Гута Унечского района
2. Герашенко Ева Ефимовна, 1936 г. р., д. Песчанка Унечского района
3. Карбоницкая Валентина Михайловна, 1963 г. р., д. Песчанка Унечского района
4. Косыгина Анна Михайловна, 1934 г. р., д. Покослово Стародубского района
5. Кургуз Раиса Яковлевна, 1944 г. р., с. Красновичи Унечского района
6. Пешеходько Надежда Степановна, 1934 г. р., с. Лыщичи
7. Сапунова Любовь Николаевна, 1957 г. р., д. Шулаковка Унечского района
8. Старовойтова Анастасия Романовна, 1932г. р., д. Писаревка Унечского района
9. Старовойтова Галина Романовна, 1942г. р., д. Писаревка Унечского района
10. Татуйко Вера Афанасьевна, 1937 г. р., с. Старая Гута Унечского района
11. Титенок Татьяна Михайловна, 1950 г. р., с. Красновичи Унечского района
12. Тарола Надежда Петровна, 1943 г. р. с. Горяны Унечского района

Список использованных источников

1. **Косич, М. Н.** Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни. – СПб., 1902. – 127 с. – Текст: непосредственный.
2. **Старченко, Н. Н.** Сутоки. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. – Москва, 2007. – 415 с. – Текст: непосредственный.

Гусев Павел Юрьевич

*Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: gusev-pavel-89@mail.ru*

УДК 908

ЖИЗНЬ И БЫТ НА ТЕРРИТОРИИ БРЯНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируется ситуация в Брянском приграничье в послевоенные годы, влияние на эти процессы отличительных черт и различных особенностей, населения этой территории, а также взаимодействие различных групп.

Ключевые слова: восстановление, взаимодействие, межэтнические связи.

Территория нынешней Брянской области была освобождена в августе-сентябре 1943 года. Без преувеличения можно сказать, что большая часть области лежала в руинах. Захватчики уничтожили около 70% только городского жилого фонда, более 100 тысяч сельских и деревенских домов, почти все предприятия. Помимо этого, многие местные жители погибли или были угнаны на работу в Германию, а после освобождения большая часть мужского населения области была призвана в ряды РККА.

Сама Брянская область была образована указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1944 года.

Что касается национального состава, то большую часть населения (около 95%) составляли русские, были также украинцы (примерно 1,5%), белорусы (около 1%) и представители других народов, такие как армяне, цыгане, евреи и другие малочисленные представители [1, с. 54].

Религиозный состав населения тоже был весьма разнообразным. Ибо, помимо представителей русской православной церкви, присутствовали также старообрядцы, баптисты, свидетели Иеговы, иудаисты, авендисты седьмого дня, католики. Всё это не могло не наложить отпечаток на культурные особенности населения, особенно в деревнях. Несмотря на то, что советская власть была исключительно атеистичной, религия имела значительное влияние, в особенности на население. В первую очередь это связано с обрядовой практикой, традициями различных праздников и мероприятий.

Языковое влияние двух соседних республик – Украины и Беларуси – тоже было весьма существенным [2, с. 15]. К примеру, такие слова, как бурак, цыбуля, бульба и другие, различные названия праздников. То же касается и произношения. Характерной особенностью местного произношения является замена звука "в" на звук "у": "лаука", "деука" и другие [3, с. 110]. Характерные для местного населения языковые особенности

описывал известный лингвист Павел Андреевич Расторгуев, который изучал язык и культуру местного населения и является примером человека, который описал всё богатство языка [4, с. 15].

В культуре приграничья тесно сплелись влияния трёх славянских народов. Традиционные обряды венчания, гадания, приворотов и многие другие. В послевоенные годы культура и быт во многом сохранялись ещё и благодаря тому, что большая часть населения жила в деревянных домах, было живо старшее поколение, которое передавало свои знания по наследству.

Несмотря на всю сложность восстановления разрушенного края, у представителей разных народов и вероисповеданий сохранялись весьма добрососедские отношения. Можно без преувеличения сказать, что все люди были одной семьёй. Трудностей в их взаимодействии практически не было, все межэтнические связи были мирными. Даже представители уже немногочисленного старообрядчества были органично включены в культурные связи. Их шаповальский лемез был и есть поистине уникальный язык [5, с 24].

То есть, несмотря на то, что все были единым советским народом, люди всё равно не забывали и сохраняли свои культурно-языковые особенности. Различные культурные особенности создали на этой территории весьма органичный симбиоз.

Список использованных источников

- 1. Абакумова, Е. С.** Тематическая группа „предметы быта" в брянских говорах: русско-белорусско-украинская общность // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2014. № 4. С. 53–59.
- 2. Бабушкин, А. Н.** Брянская область: Географический и историко-экономический очерк. Брянск: Брянский рабочий, 1958.
- 3. Пенюкова, И. В.** Взаимосвязь языков и культур русского и украинского народов (на материале медицинской лексики говоров Западной Брянщины). Русский и иностранные языки и методика их преподавания // Вестник Российского университета дружбы народов. 2011. № 1. С. 108-113.
- 4. Расторгуев, П. А.** Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Ред. Е. М. Романович. Минск: Наука и техника, 1973.
- 5. Шаповальский со словарём: Поездка в Брянскую область и шаповальский язык / Константин Сорокин, Марина Круглякова, Наталья Вишнякова: [сайт]. – URL: <https://autoreview.ru/articles/vyezd/shapoval-skiy-slovarem> (дата обращения: 22.04.2022).**

УДК 316. 4

ВЛИЯНИЕ РЕАЛИТИ-ШОУ НА БЫТОВУЮ КУЛЬТУРУ И ПОВСЕДНЕВНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ

Главным источником информации по-прежнему является телевидение. В данной статье представлены результаты исследования влияния реалити-шоу на ценностные установки и повседневный образ жизни молодежи

Ключевые слова: реалити-шоу, бытовая культура, язык, ценностные установки, самостигматизация, молодежь.

Сегодня молодежь большую часть информации получает из СМИ и оперативно транслируемые потоки массовой информации породили культурную среду и бытовую культуру принципиально нового типа, которые оказывают влияние на формирование ценностных установок человека, его мироощущение, сознание и язык. Реалити-шоу является феноменом культуриндустрии. Реалити-шоу оказывает влияние на людей, но это может быть и положительное воздействие, и отрицательное. Реалити-шоу выполняют манипулятивную функцию и способны влиять на степень самостигматизации, бытовую культуру и повседневный уклад жизни молодежи [2]

Пронина Е. П. предлагает понятие "драйв-мышление" - осознанное следование принципу удовольствия как единственному ориентиру поведения вследствие отрицания социальных запретов и предписаний, табу и идеалов, долга и ответственности. Это понятие характеризует, по её мнению, поведение современной молодежи [3, с. 171].

Сегодня сложился новый тип текста и новый тип сообщения, основной функцией которого, стало развлечение, удовольствие, наслаждение. Важна не передача информации, а достижение форс-мажорных состояний и острых ощущений: стресса, потрясения, фрустрации, ужаса, экстаза. К примеру, лучшее время на телевидении отдается конкурсам с большими выигрышами ("Поле чудес", "Своя игра", "Пойми меня"), шоу с элементами риска для участников ("Форт Байрд", "Империя страсти", "Последний герой"). И однажды вы просыпаетесь и понимаете, что уже не можете жить без этого [3, с. 184]. Драйв-мышление "вплетается" в бытовую культуру и повседневный уклад жизни. Просмотр реалити-шоу способен утвердить в сознании подрастающего поколения, в какой-то мере даже навязать те нормы и ценности, которые актуальны для современного общества. Теле-

зрители-подростки, достаточно часто, даже не задумываясь, принимают экранные образы за эталон поведения.

Актуальность данной темы обусловлена неуклонным увеличением значимости СМИ в жизни каждого молодого человека, ТВ-проекты становятся эталоном потребностей и ценностей молодёжи, проводником в мире новых социальных ролей, поэтому содержание и влияние реалити-шоу требуют постоянного изучения и анализа.

С целью получения необходимой информации и мнений людей по проблеме исследования, нами проведено анонимное анкетирование.

Респондентами анкетирования явились: 1) представители молодежи России (115 респондентов); 2) представители молодежи Республики Беларусь (111 человек) [1, с. 105].

Цель исследования заключается в изучении реалити-шоу как источника воздействия на ценностные ориентации российской и белорусской молодёжи.

Проведенный анализ сюжетных линий и идей многих реалити-шоу российского и белорусского телевидения позволил нам заключить, что большинство этих реалити-проектов скопированы с западно-европейских аналогов, причем чаще всего скопированы без какой-либо попытки адаптировать сюжет под реалии жизни на нашем пост-советском пространстве, без учета нашего менталитета (иногда просто сменили название проекта, а суть осталась от оригинала)

С целью получения необходимой информации и мнений людей по проблеме исследования, нами проведено анонимное анкетирование.

При помощи социальной сети "В контакте", анкеты были разосланы респондентам, которые подходили по основным параметрам – место жительства и необходимый возраст.

В результате проведенного исследования было выявлено, что практически половина опрошенных россиян (43,47%) считают реалити-шоу нужными для телевидения (большинство из них - девушки), и только 20% опрошенных считают их вредными и абсолютно ненужными.

Каждый из опрошенных отметил, что, хотя бы раз он смотрел реалити-шоу, а некоторые смотрят с периодичностью.

В Республике Беларусь также большинство (53,16%) считают, что реалити-шоу нужны отечественному телевидению, и лишь 24,32% считают их абсолютно ненужными и вредными.

В России 24,35% опрошенных абсолютно уверены, что реалити-шоу влияют на их жизнь, на их ценности и взгляды, в Беларуси такое же мнение сложилось у 27,93% опрошенных. В то же время 46,09% россиян однозначно отрицают какое-либо влияние шоу на себя, в Беларуси 68 таких – 50,45%. 50,43% опрошенных россиян не рекомендуют молодежи вообще смотреть какие-либо реалити-шоу, среди белорусских опрошенных также считают 47,75%; остальные опрошенные обеих стран рекомендуют смотреть

реть шоу только по конкретным "позитивным" темам (здоровье, образовательные, юмористические и т. п.).

Таким образом, Интернет и телевидение оказывают значительное влияние на формирование ценностных ориентаций личности. Представители обеих стран солидарны в том, что реалити-шоу не несут особой культурной ценности для духовного развития молодежи, они скорее вредны, чем полезны; тем не менее, значительная часть опрошенных считает допустимым просмотр подобных проектов по избранным темам, но - проектов качественных, позитивных, имеющих образовательную направленность.

Список использованных источников

1. Ефремова С. Д. Проекты реалити-шоу телевидения России и Республики Беларусь, их влияние на нравственные ориентиры современной молодежи / С. Д. Ефремова, Е. С. Хиневич, Т. П. Липай // Сборник научных статей "Шаг в будущее". – Мурманск, 2019. –С. 104-107. – Текст : непосредственный

2. Липай, Т. П. Влияние стигматизации и стресса на психическое здоровье и качество жизни / Т. П. Липай // Социология медицины. - 2020. - Т. 19. - №2. - С. 109-111. doi: 10. 17816/2020-19-2-109-111. – Текст : непосредственный

3. Пронина, Е. Е. Психология журналистского творчества / Е. Е. Пронина. – 2-е издание. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 320 с. – ISBN 5-211-06135-7 – Текст : непосредственный

Матусевич Екатерина Николаевна

Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина, Республика Беларусь
e-mail: katarina.kovalchuk@gmail.com

УДКБ 811. 161. 3

БЕЛОРУССКИЕ ПОЛЕШУКИ В МИРЕ

Социальные изменения на постсоветском пространстве конца XX - начала XXI вв., новые пути развития экономики повлекли за собой появление большого количества предприятий и товаров, каждое из которых потребовало своего названия. Это спровоцировало "ономастический бум", или "номинационный взрыв", вызвавший интерес языковедов. В последние годы появилось много лингвистических исследований, посвященных словесным товарным знакам, под которыми понимается любое словесное обозначение марки товара или вида предлагаемых услуг, охраняемое законом. Немалое место занимают и брэнды персоналии истории и современности, внёсших вклад в мировую и отечественную науку, культуру и т. д.

Ключевые слова: улица, памятный знак, профессор, уроженец, посмертно.

Перечень короткой биографий одного только уголка Полесья (Наровляны) позволит увидеть всю глубину духа края и людей этого региона. То ли нахождение в древности на "пути из варяг в греки", то ли просторы полей, боров и заповедников послужило к появлению на свете таких людей, чьи таланты перечисляются несколькими определениями.

Корзун Андрей Григорьевич (родился в деревне Дуброва). 5 ноября 1943 года противник обрушил на советскую батарею град огня. Дежуривший возле орудия Корзун был тяжело ранен, однако заметил, что осколком были подожжены пороховые заряды, невдалеке от которых находились и снаряды. Доползти до огня наводчик смог, но снять с себя шинель, чтобы потушить пламя, сил уже не было. Тогда он лёг на огонь сам. Взрыва удалось избежать, но сам Корзун погиб. 21 февраля 1944 года ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Похоронен А. Г. Корзун на Южном воинском кладбище в Петербурге. Память об А. Г. Корзуне: улица и памятный знак (памятное орудие) в городе Наровле, одна из улиц Кировского района Санкт-Петербурга. Памятная доска в Лесном парке Санкт-Петербурга.

Спивак Моисей Лейвикович (родился в г. Наровля) Участник Великой Отечественной войны, адъютант командира 409-го стрелкового полка (137-я стрелковая дивизия, 48-я армия, Центральный фронт), Герой Советского Союза, лейтенант. Герой Советского Союза. Участник советско-финской войны 1939–1940 годов. В 1940 году окончил полковую школу. На фронтах Великой Отечественной войны с 1941 года. Участвовал в обороне Москвы на Волоколамском шоссе, в боях под Гомелем, Курской битве. Был

адъютантом командира 409-го стрелкового полка 137-й стрелковой дивизии 48-й армии Центрального фронта.

В период боёв на Курской дуге совершил героический подвиг. 23 июля 1943 года в районе села Степановское (Свердловского района Орловской области) в критический момент боя повёл стрелковый батальон в атаку. Перейдя реку Неручь под пулемётным огнём, с группой бойцов ворвался в траншею противника, где лично из автомата уничтожил 10 немецких солдат, захватил ручной пулемёт и взял в плен 6 солдат противника. В отражении трёх контратак уничтожил более 20 солдат и офицеров. В этом бою был смертельно ранен, подорвавшись на mine, и погиб. Похоронен в братской могиле на станции Змиёвка Орловской области. Память о М. Л. Спиваке: в его честь названы улицы в городе Наровле Республики Беларусь, в городе Орёл и посёлке Змиевка Орловской области России. Его имя высечено в мраморе в Мемориальном зале Победы среди 2169 Героев Советского Союза – уроженцев Белоруссии в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны (Минск) и в Зале Славы Центрального музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе (Москва).

Шаверей Иван Михайлович (родился в деревне Белая Сорока) Работник пожарной команды в ночь с 25 на 26 апреля 1986 года. Принимал участие в тушении пожара на Чернобыльской АЭС.

Шутов Юрий Владимирович (деревня Углы) Участковый инспектор Светлогорского РОВД. Погиб при исполнении служебных обязанностей. В 2007 году в День милиции награжден юбилейной медалью "90 лет МВД Республики Беларусь".

Кулаженко Геннадий Владимирович В декабре 1980 года был направлен в Афганистан в г. Герат. Погиб 28 июня 1981 года. Место нахождения останков осталось неизвестным.

Кулаженко Алексей Николаевич (родился Белобережская Рудня) Участник Великой Отечественной войны. В 1949-1956 гг. секретарь Логишинского РК КПБ. В 1956-1966 гг. председатель колхоза им. Кирова Логишинского района, с 1966 г. первый секретарь Пинского РК КПБ Брестской обл., с 1975 г. в аппарате Брестского обкома КПБ. Звание Героя присвоено за получение высоких урожаев сельскохозяйственных культур. Депутат Верховного Совета БССР 6-го созыва.

Василенко Галина Константиновна (д. Будки). Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание "Герой социалистического труда" с вручением золотой звезды и Ордена Ленина (1966). Представляла Наровлянщину в работе III съезда колхозников. Прошла трудовой путь от работницы в полеводческой бригады до заведующей животноводческой фермы колхоза имени XXII съезда КПСС.

Рабешко Александр Григорьевич (деревня Белый Берег) За высокие успехи, достигнутые в выполнении планов и социалистических обязательств

по продаже государству в 1980 году миллиарда пудов зерна и перевыполнение планов пятилетки по производству и закупкам хлеба и других сельскохозяйственных продуктов.

Аранский Влас Степанович (деревня Дворище) Кандидат педагогических наук. Автор более 200 научных трудов, в т. ч. 11 книг и монографий по проблемам народного образования. Владел 8 иностранными языками. Вел научную переписку с многими учеными Европы и США. Выступал с лекциями в США, Японии, Англии.

Богомольникова Наталья Алексеевна (родилась в деревне Смолегов) Языковед, доктор филологических наук, доцент. Основные направления деятельности - марфемика, словообразование, морфология и ономастика. Доцент кафедры белорусского языка учреждения образования "Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины". Автор более 54 научных трудов.

Белайчук Ничипор Николаевич (д. Вербовичи) За достигнутые успехи был награжден Почетной грамотой Министерства народного образования БССР

Беглюк Елена Константиновна (д. Конотоп) В 1958 г. награждена знаком "Отличник народного образования БССР", отмечена Грамотой Верховного совета БССР и Почетной грамотой Верховного совета БССР. В 1970 г. присвоено звание "Заслуженный учитель БССР"

Клименко Екатерина Гавриловна (д. Окопы) Кандидат педагогических наук, доцент. Автор 11-ти научных трудов, в прошлом заведующая кафедрой математики и методики преподавания математики Мозырского государственного педагогического университета им. И. Шамякина.

Лисовский Леонид Альбинович (д. Грушевка) Кандидат педагогических наук, доцент. Автор более 40 научных работ по методике преподавания географии, по краеведению, экологии, истории. Действительный член Географического товарищества СНГ. Награжден медалями Я. Н. Павловского и М. М. Пржевальского.

Журавская Любовь Васильевна (Вербовичи) Кандидат филологических наук (1980), доцент (1990). Автор 16 научных трудов. Преподает на кафедре белорусского языка и литературы Мозырского Государственного педагогического университета им. И. Шамякина.

Николаенко Владимир Лаврентьевич (Наровля) Заместитель директора по учебной работе Института информационных технологий БГУИР, кандидат технических наук, доцент. Сфера научной деятельности – упругие элементы и валы отбора мощности транспортных машин, информационные технологии, методики преподавания дисциплин. Опубликовал 189 научных и учебно-методических работ, в том числе 67 изобретений. Имеет 6 учебных пособий с грифом Министерства образования РБ.

Злобин Лидия Ивановна(Наровля) Белорусский языковед. Кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языкознания, В про-

шлом, преподаватель современного белорусского языка Витебского Государственного университета им. П. М. Машерова. Автор научных трудов и учебных пособий по белорусскому языку. Автор научной работы "Сінтаксіс сучаснай беларускай мовы" (2007).

Дуда Иван Владимирович (д. Демидов) Акушер-гинеколог. Доктор медицинских наук (1983), профессор (1985). Участник международных научных съездов и конгрессов. Заместитель председателя Республиканского общества акушеров-гинекологов и неонатологов; председатель Минского городского общества акушеров-гинекологов и неонатологов; депутат Минского районного Совета, 1961-1963; эксперт учреждений ООН (ВОЗ, фонд народонаселение мира) по регуляции народонаселения (Монголия, Индия, Швейцария), 1978-1979. Автор 150 научных трудов, в т. ч. 2 монографии, 3 учебных пособия по акушерству и гинекологии для врачей и студентов, автор 5 изобретений и 20 рационализаторских предложений.

Гродзицкий Казимир Францевич (Наровля) Акушер, врачебная деятельность которого тесно связана с Наровлянской районной больницей, где он проработал 40 лет. "Народный врач", "земский доктор". Заслуженный врач БССР, акушер К. Ф. Гродзицкий, отдал 40 лет медицине и здравоохранению Наровлянского района и Полесского края.

Крючок (Игнатович) Тамара Ивановна (Наровля) Кандидат медицинских наук, доцент, офтальмолог. Хирург, в совершенстве владевший техникой и передовыми технологиями, ученый, исследователь. Одной из первых в СССР и БССР начала работать по иридодиагностике. В марте 1990 г. участвовала в работе 1 Всесоюзной конференции иридологов, собравшей более 1000 делегатов, была членом Всесоюзной ассоциации иридологов. За труд в годы Великой Отечественной войны награждена медалями "Партизану Отечественной войны" (1944 г.) и "За победу над Германией" (1945 г.)

Гарцман Фрида Захаровна (Зусевна) Врач. С 1952 г. - заведующая инфекционным отделением в г. Наровле. Имеет награды: "Отличник здравоохранения" (1955), "Ударник коммунистического труда" (1964), "За трудовое отличие" (1966), "Ветеран труда" (1976). Отличник здравоохранения. Награждена Почетной грамотой Верховного Совета СССР.

Зборовский Эдуард Иосифович (д. Лиховня) Доктор медицинских наук (1984), профессор. Автор 200 научных трудов, 3-х монографий, нескольких изобретений. Выступал с докладами в США и др. странах Европы. Один из авторов – разработчиков Закона "О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь" (1991).

Кириленко Виктор Петрович (д. Братское) Кандидат медицинских наук, доцент. Ассистент кафедры акушерства и гинекологии Белорусской медицинской академии последипломного образования. Сфера научной деятельности – профилактика гнойно-септических осложнений. Автор 26 научных статей, из них 10 в рецензируемых журналах; 13 тезисов докладов, из которых 5 в сборниках СНГ. Имеет 2 патента на изобретения.

Аранская Ольга Степановна (д. Дворище) Кандидат химических наук, доцент. Автор свыше 75-ти научных трудов, в т. ч. 5 авторских монографий, имеет 3 авторские свидетельства. Является членом учебно-методического объединения по химии СНГ.

Котик Фаина Исаевна (г. Наровля) Физик, математик, поэт и изобретатель.

Даниленко Валерий Васильевич (д. Белобережская Рудня) Белорусский ученый. Кандидат технических наук, старший научный сотрудник института технической кибернетики (в настоящее время - объединенного института проблем информатики НАН Беларуси).

Бастун Владимир Николаевич (Наровля) Ученый-механик, доктор технических наук. Автор более 160 научных работ, в том числе 3 монографий. Является членом Национального комитета Украины по теоретической и прикладной механике, членом специализированного ученого совета по защите докторских диссертаций при Институте проблем прочности НАН Украины, членом терминологической комиссии НАН Украины. Награжден медалями "В честь 1500-летия Киева", "Ветеран труда".

Игнатенко Василий Васильевич (Вяжище) Кандидат физико-математических наук, доцент. Член Белорусского математического общества, член Национальной ассоциации по автоматическому управлению и менеджменту, награжден высшей наградой Министерства образования нагрудным знаком "Отличник образования", награжден Почетными Грамотами БГТУ, Министерства образования и др.

Ядченко Алексей Александрович (Смолегов) Кандидат физико-математических наук (1987). Работает на кафедре высшей математики. Окончил математический факультет Гомельского государственного университета в 1982 (кафедра алгебры и аналитической геометрии). Кандидатская диссертация (1987). Имеет более 30 публикаций.

Ковалевич Иван Викентьевич (д. Вербовичи) В 1959 году окончил БГУ имени В. И. Ленина. Работал в институте математики и вычислительной техники АН БССР. Работал конструкторском бюро по созданию ЭВМ "Минск-1", "Минск-2", "Минск-23", "Минск-32". Лауреат премии Ленинского комсомола. Награжден Государственной премией СССР (1978). Награжден Орденом "Знак Почета" (1988). Избран член-корреспондентом Белорусской инженерной технологической академии (1991).

Ропот Петр Иосифович (д. Углы) Кандидат физико-математических наук в Мозырском Государственном педагогическом университете им. И. Шамякина. Автор более 10 научных трудов. Автор патента "Способ определения фотоупругих постоянных гиротропных кубических кристаллов".

Журавский Василий Степанович (д. Будки) Кандидат физико-математических наук в Мозырском Государственном педагогическом университете им. И. Шамякина. Автор более 10 научных трудов. Автор патен-

та "Способ определения фотоупругих постоянных гиротропных кубических кристаллов".

Ющенко Дмитрий Петрович (Конотоп) Доцент кафедры, заместитель декана заочного факультета. кандидат физико-математических наук (1984), доцент (1987). Работал в Гомельском отделении ИМ АН БССР (1976–1978). В Гомельском университете с 1979 г. Заместитель декана заочного факультета с 1984 г.

Дуброва Владимир Иванович (Головчицы) Кандидат технических наук. Закончил Белорусскую Ордена Трудового Красного знамени сельскохозяйственную академию. Автор работы "Изменение водного режима и водно-физических свойств низинных торфяников под влиянием мелиорации" (1979).

Шпиганович Александр Николаевич (Головчицы). Доктор технических наук, профессор. Заслуженный работник высшей школы РФ. Заведующий кафедрой электрооборудования Липецкого государственного технического университета. Главный редактор журнала "Вести вузов Черноземья". Председатель докторского диссертационного совета. За трудовые заслуги награждён орденом Дружбы, медалью "Ветеран труда".

Шпиганович Михаил Николаевич Закончил Костромское высшее военное командное училище химзащиты. Подполковник. Преподаватель военной Академии связи им. С. М. Буденного в г. Санкт-Петербург. Награды: "Медаль за боевые заслуги".

Шульга Михаил Николаевич (Вербовичи) Кандидат технических наук. В 1956г. окончил БСХА, старший научный сотрудник научно-исследовательского института механизации и электрификации сельского хозяйства. Автор патентов: "Устройство для обработки стеблей трав", "Способ контроля равномерности распределения химического консерванта в кормах", и "Способ внесения консерванта в корм".

Дембовский Василий Рейнольдович (д. Будки) Заместитель заведующего кафедрой, кандидат экономических наук, доцент Московского Государственного машиностроительного университета (Россия).

Дубенок Николай Николаевич (Вербовичи) Академик Российской академии сельскохозяйственных наук (2007), профессор (1996). Доктор сельскохозяйственных наук (1995). Заведующий кафедрой мелиорации и геодезии, декан факультета Почвоведения, агрохимии и экологии агрохимии и экологии (с 2004 г.) Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева (Россия). . Награжден медалями "За воинскую доблесть" (1970), "В память 850-летия Москвы" (1997), четырьмя золотыми и одной серебряной медалями ВДНХ и ВВЦ. Автор более 100 научных трудов, 10 книг и брошюр, 7 патентов на изобретения.

Переход Анатолий Владимирович (Наровля) Кандидат сельскохозяйственных наук. Работал старшим научным сотрудником лабораторий радиационного лесоводства и лесовосстановления.

Коломинский Яков Львович (Наровля) Доктор психологических наук, профессор Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, Заслуженный деятель науки Республики Беларусь. Автор свыше 400 научных, учебных и научно-популярных работ, в том числе 30 иностранных изданий на 16 языках. Под его руководством возникла соответствующая научная школа, защищена свыше 40 кандидатских и 8 докторских диссертаций, разработана программа социально-педагогической реабилитации детей, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС. Является действительным членом Белорусской академии образования, Международной академии наук высшей школы (Москва), Международной акмеологической академии (Санкт-Петербург), Балтийской педагогической академии (Санкт-Петербург), на Всесоюзном съезде общества психологов СССР (1989) был избран его вице-президентом. Председатель Белорусского общества психологов. Кандидатура занесена на Аллею славы в г. Наровле.

Коломинский Наум Львович (Наровля) Доктор психологических наук (2001), профессор (2003). Окончил Московский педагогический институт (1960). Старший научный работник НИИ педагогики в Минске (1968-1972), Киевской лаборатории планирования и прогнозирования НИИ педагогики АНП УССР (1972-1974) и в Центральном институте усовершенствования учителей (1974-1992). Декан факультета докурсовой подготовки, повышения квалификации организаторов народного просвещения (1992-1997) и заведующий кафедрой психологии управления (1997-1998) Государственной академии руководящих кадров просвещения. Заведующий кафедрой в Межрегиональной академии управления персоналом 1998-2007.

Туровец Григорий Александрович (Наровля) Специалист в области архитектуры и строительства. Заведующий научно-исследовательским отделом технологии строительства из монолитного бетона НИРУП по строительству "Институт БелНИИС" (РУП "Институт БелНИИС"). В рамках научного сопровождения при его непосредственном участии разработаны и успешно реализованы новые опалубочные технологии строительства Национальной библиотеки Беларуси, подземного общественно-торгового центра "Столица", многопрофильного культурно-спортивного комплекса "Минск-Арена", культовых сооружений: храм-памятник "В честь Всех Святых в память безвинно убиенных во Отечестве нашем" (Минск), православный храм в Заднепровском районе (Могилев), Кафедральный собор Христа Спасителя в Калининграде. Автор 21 работы, является разработчиком (в составе авторского коллектива) 5 нормативных документов в области технологии строительства из монолитного бетона и производства современных антиадгезионных смазок для опалубок.

Залан Феликс Евсеевич (Наровля) Заслуженный строитель (Россия). Являлся советником Председателя Правительства Архангельской области по строительству и экономике.

Смольский Николай Владиславович (Наровля) Академик, профессор, более 40 лет работал директором ботанического сада НАН Беларуси, Заслуженный деятель науки БССР, лауреат Государственной премии БССР. Академик АН Таджикской ССР (1951). В Минске, где он жил установлена мемориальная доска.

Кохненко Серафим Васильевич (Вербовичи) Доктор биологических наук, профессор. Работал заведующим отделом ихтиологии. Являлся членом Научного Совета по проблеме "Гидробиология, ихтиология и использование биологических ресурсов" при ихтиологической комиссии Министерства рыбного хозяйства СССР, членом Ученых Советов Института зоологии АН БССР и БелНИИРХ. Отмечен рядом медалей, почетных грамот и благодарностей

Павловский Николай Болеславович (Будки) Кандидат биологических наук. Работает в ГНУ "Центральный ботанический сад НАН Беларуси". Основные направления деятельности - интродукция и испытание новых сортов лесных ягод (голубики, клубники, клюквы). Автор более 60 научных работ.

Макулбекова (Котик) Галина Борисовна (Наровля) Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института Ботаники Академии Республики Казахстан (г. Алматы). Автор научных трудов и статей по экологии пустынных регионов СССР, экологическому картографированию. Международный эксперт UNDP (ПРООН).

Кульчицкий Сергей Михайлович (Окопы) Белорусский юрист, специалист в области криминалистики. Кандидат юридических наук (1981). Окончил юридический факультет Белорусского государственного университета (1963). С 1963 – младший научный сотрудник Белорусского НИИ судебных экспертиз, с 1968 – старший, ведущий научный сотрудник лаборатории судебно-почерковедческих исследований НИИ проблем криминологии, криминалистики, судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Беларусь. Автор более 10 научных статей по криминалистике.

Рафальский Владимир Адольфович (Будки) Кандидат политических наук (1993). Без отрыва от производства был руководителем кафедры философии и политологии ГМА им. адм. С. О. Макарова, доцент этой кафедры, доцент кафедры морского права. С 2000 г. пять лет был заместителем заведующего кафедрой международного и морского права Института морского права. Награжден нагрудными знаками: "Почетный работник морского флота" (Россия 1997), "Почетный работник транспорта России" (2014).

Цалко Александр Валерьянович (д. Смолеговская Рудня) Президент ассоциации социальной поддержки уволенных с военной службы "Отечест-

во", генерал-майор авиации (в отставке) один из основателей СВОП. Председатель Совета МОО ИВС "Забота" (Россия).

Резников Владимир Алексеевич (д. Киров) Член Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по национальной безопасности Березовский избирательный округ № 8. Награжден медалями, Почетной грамотой Национального собрания Республики Беларусь.

Бабак Александр Евгеньевич (д. Киров) В 1980 году закончил военно-медицинский факультет при Куйбышевском медицинском институте им. Д. И. Ульянова, в 1991 году – факультет руководящего медицинского состава военно-медицинской академии им. С. М. Кирова. С 2002 г. замещал государственную гражданскую должность начальника 2-го отдела управления здравоохранения области, в июле 2007 года назначен на должность начальника мобилизационного отдела департамента здравоохранения и социальной защиты населения Администрации губернатора Белгородской области (Россия).

Денисенко Виктор Александрович (д. Красновка) Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Беларусь в Кыргызской Республике (2010-2017гг 1999 – 2001 гг. – первый секретарь отдела международных правовых вопросов двустороннего сотрудничества договорно-правового управления МИД Республики Беларусь 2001 – 2006 гг. – первый секретарь, советник Посольства Республики Беларусь в Украине. 2006 – 2010 гг. – советник, заместитель начальника управления регионов России МИД Республики Беларусь.

Гендельман Ефим Аронович (Наровля). Скульптор Ленинградского фарфорового завода, член Союза художников СССР. В 1955 году выполнил портрет-барельеф М. В. Ломоносова для станции метро "Технологический институт". Автор малых скульптурных форм "На этюде", "Фигуристка" и др. Участник выставок с 1940 года, в том числе, Международной выставки керамики в Остенде, 1959 г. ; Художественной выставки народно-прикладного и декоративного искусства РСФСР, г. Москва, 1957 г. ; Всесоюзной художественной выставки, г. Москва, 1957 г. ; Всесоюзной художественной выставки народно-прикладного и декоративного искусства РСФСР, 1958 г (награжден дипломом II степени на фарфоровые скульптуры "На этюде" и "На пляже").

Данильченко Иван Иванович (д. Головчицы) Художник, скульптор. Член Союза художников Республики Беларусь. Участник первого в мире высокоширотного плавания на атомном ледоколе "Арктика", достигший географической точки Северного полюса 17 августа 1977 г. За что награжден медалью "За трудовую доблесть" и памятным знаком "Заслуженный полярник".

Бибицкий Алес (Александр Иванович) (Вербовичи) Поэт, общественный деятель. Член Союза писателей Республики Беларусь. Автор сборника

стихов для детей "Міхаськава гара" и "Дзень паэзіі"). В Пинске - руководитель литературного объединения "Орбита" при газете "Палеская праўда". В 1979 г. был издан сборник стихов "Зоры над Пінай". В 1994 г. один из авторов книги "Дзе начуе апетыт". Инициатор проведения праздника поэзии "Янішчыцкі лістапад".

Симанович Давид Григорьевич (Гиршевич). Поэт, прозаик, драматург, переводчик, общественный деятель. Член Союза писателей Республики Беларусь. Автор 30 сборников поэзии и прозы. Автор пьес "Яков Свердлов", "Осенний букет" и др.

Щедрина (Кохненко) Валентина Никоноровна (д. Вербовичи). Переводчица. Окончила филологический факультет Белорусского университета (1951) и аспирантуру Института языкознания БССР. Работала редактором в Учпедгизе БССР, учителем в школе, редактором Госмедиздата, сотрудником "Медицинской газеты" (1952–1968), консультантом по белорусской литературе правления СП СССР (1968–1987). Дебютировала как переводчик прозы В. Быкова 1961. Переводила произведения (В. Короткевича, М. Гиль, Х. Лелько, Р. Семашкевича) Член Союза Писателей СССР (1983). Заслуженный работник культуры БССР (1977).

Тугай Владимир Васильевич (Наровля). Белорусский историк. В настоящее время заведующий кафедрой истории древних цивилизаций и средневековья исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка.

Жиганонт Юрий Владимирович (д. Демидов). Актер, телеведущий. В 1994г. окончил Белорусский государственный театрально-художественный институт, после чего работал в театре "Вольная сцена". Ныне является актёром столичного Театра юного зрителя. Белорусскому телезрителю известен как автор телепередачи "Путешествия дилетанта" об истории разных городов и деревень Беларуси. В 2012 г. снялся в художественном фильме "Выше неба". 23 мая 2012г. Указом министра культуры Республики Беларусь П. Латушко награждён нагрудным знаком Министерства культуры Республики Беларусь "За вклад в развитие культуры Беларуси".

Продолжение следует...

Список использованных источников

- 1. Кожанова, В. Ю.** Критерии образования имен брендов в русском и английском языках/ В. Ю. Кожанова. – СПб: 2003. С 23-27.
- 2. Кожанова, В. Ю.** Бренд-менеджмент как спецкурс при подготовке специалистов по связям с общественностью /В. Ю. Кожанова. – Челябинск: 2004. С. 11-13.

Петухова Марина Геннадьевна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия

e-mail: mg.petukhova@mail.ru

САНИТАРНО-БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИИ ЛИЧНОЙ ГИГИЕНЫ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются устно исторические, этнографические источники, содержащие в себе элементы и компоненты крестьянской санитарно-бытовой и гигиенической культуры. Среди них - личная гигиена мужчин и женщин, моющие средства и способы обеспечения бытовой санитарии, средства повседневной уборки, стирки белья, уход за детьми на юго-западе Брянской области во второй половине XX – начале XXI века.

Ключевые слова: санитарно-бытовая культура, гигиена, уход за детьми.

Современный этап развития исторического знания характеризуется общей переориентацией исследовательского мышления, переосмыслением исторических явлений и процессов, методов их изучения. До недавнего времени история крестьянства чаще всего рассматривалась через призму хозяйственно-политических отношений, оставляя в стороне социально-психологические аспекты.

По различным социально-экономическим причинам, современная российская деревня переживает процесс депопуляции. Нет смысла отрицать, что возрастает количество сельских населенных пунктов с небольшим числом жителей, а также постоянно увеличивается число заброшенных деревень. Наша Брянская область не исключение. На 2017 год, в ней зарегистрировано более 680 населённых пунктов, где проживает от одного до десяти человек. Это примерно треть от общего количества.

С каждым годом становится всё меньше свидетелей и носителей культуры. Все чаще можно отметить историческую недостоверность сельской жизни в современной литературе и кинематографе. Поэтому сейчас необходимо собирать и накапливать материал, пока еще живы непосредственные очевидцы.

При рассмотрении санитарно-бытовой культуры и традиции личной гигиены сельских жителей внимание исследователей привлекают следующие проблемы: санитарное состояние жилища, источники водоснабжения, природно-экологические знания и навыки населения, роль государства на развитие деревни. По мнению, отечественного этнографа, доктора исторических наук Т. К Щегловой: "...меньше внимания уделялось повседневной, личной гигиене, особенно среди женщин, первичным санитарно-гигиени-

ческим навыкам и умениям, путям и средствам поддержания чистоты (стирка, глажка, уборка)..." [11, с. 154].

Проведенное исследование основано преимущественно на этнографических материалах и наблюдениях современников, из которых можно выделить несколько возрастных групп. Первая группа представлена респондентами старше 70 лет (1927 -1950е годы рождения) - четыре человека. Во - вторую группу были объединены жители сел и деревень старше 40 лет (1960-1980 годы) - пять респондентов. Помимо их основных воспоминаний, косвенно затрагивались воспоминания и семейные истории, оформившиеся в историческую память в рамках семьи.

К важнейшим условиям здоровья населения относится санитария и гигиена. Традиционным средством поддержания чистоты в сельской местности была баня. Респонденты Унечского, Мглинского, Новозыбковского, Климовского районов отмечают их недостаток.

Уроженка села Пеньки вспоминает, что в послевоенные годы численность населения была около ста человек, на них приходилось всего три бани. Ближайший водоем находился в трех километрах от населенного пункта. Колодцев также было недостаточно, чтобы удовлетворить санитарные и бытовые нужды населения. Чтобы помыться, по очереди топили эти бани раз в месяц, всей деревней набирали воду из речки или криницы. Чугуны в деревне были редкостью до 40-х годов в этой деревне, поэтому в остальное время *"Гирячки, махоточки разогревали и делили, сколько в доме человек"* [3].

Уроженка Мглинского района вспоминает, что в Бобрце, и соседних селах Вормино и Поповка количество колодцев было больше, приводя статистику: "один колодец на пять домов", при этом, соотношение бань и количество семей было также недостаточным "одна баня на семь домов". При этом они отапливались по-черному: *"в углу бани клали круглые камни, которые нагревались"* [6]. Покидая баню часто можно было увидеть сажу на ладошках и коленках. Осложнял процесс мытья в бане отсутствие освещения и традиционное маленькое окошко. Поэту баню старались топить как можно раньше, чтобы успели помыться хозяева, соседи, родственники из села.

Несмотря на то, что в бане мылось несколько семей, она являлась способом дезинфекции. Воду кипятили в "ключ", чтобы всем хватило, и можно было разбавить холодной, при этом веник накаливали на камнях. Стоит упомянуть, что присутствовала культура посещения бани. Во-первых, это ее поочередность. Сначала шли мужчины *"чтобы съест дух"*, затем мыли стариков, детей, а в конце шли и женщины. Во-вторых, баня являлась местом для мытья, стирку там не осуществляли, за исключением полоскания, когда нет уже грязной воды. Приспособления для очистки кожи- мочалки, изготавливали из трав, соломы или лыка.

В банной культуре сельской местности юго-запада Брянщины присутствовало и мифическое существо, следящее за порядком в бане-"банник". Основным местом обитания называли "за печкой", "за палатами" в темном угле бане. Среди поверий были названы "банник, не любит, когда поздно моются, дает злой дух", "баню нельзя порочить, прелюбодействовать в ней" [3, 6]

Что касается, санитарной обработки, то моющих средств, в сельской местности не было, даже мыло было редкостью, использовали золу для мытья, а для стирки еще и мел. Золу запаривали следующим образом: *"В бочку клали буч с золой и заливали кипятком... он постоит, а потом и несли прать, долго полоскали...запах убрать"* [3]. Процесс стирки респондент описала в истории, на момент событий которых ей было 13 лет. Работала она няней в доме лесника, помогала по хозяйству. Хозяйка часто отправляла зимой белье полоскать, на что муж её делал замечание, так как жалко было подростка.

Респондентка вспоминает: "Раньше зимы были не такие, мороз аж руки ломал. Отправил дядька белье бучить, да и жену вместе со мной, а до этого наказ дал, шоб я белье не полоскала, а только жёнке подавала. Погрузили мы буч на каромысел и пошли к пеньке прать, а мороз руки ломает. Як вернулись хозяйка, ёна руки и туды и суды, а я ей воды из печки дала, а она еще лучше плакать стала...а лесник смяётся...С тех пор она и перестала меня на речку гонять зимой прать" [3].

Процесс стирки вспоминает другой респондент: *"Белье клали в жлукту - толстостенную бочку выше пояса, которую заливали кипятком, засыпали золой накрывали сверху. Белье укладывалось рядами на несколько суток, а потом выполаскивали "* [7]. Во время стирки использовали также *пранник* - "... палку, которой белье отбивали, чтобы льняная ткань была мягкой и чтобы выгнать золу из ткани" [3]. На реках и болотах мылись травой "мыльнянкой", которая при взаимодействии с водой начинала пениться.

Нередко с баней связывают и уход за детьми, порой и нетрадиционный. Детей, с недостатком веса умывали с заговором, приговаривая: *"Как с гуся вода, так с (имя ребенка) худоба"*. При этом омовение повторяли три раза [4, 5].

При рассмотрении ухода за детьми во второй половине XX начала XXI века стоит отметить, что демография сельской местности была отличительной от городской. Несмотря на многолетнюю общую тенденцию к снижению рождаемости, проявившую себя и в городе, и в селе в 1970-х годах, сельское население все еще сохраняло более высокий уровень рождаемости. В дальнейшем, уже к 1999 году, показатель итоговой (суммарной) рождаемости для сельского населения превышал таковой для городского населения почти на 40%. [10, с 46].

Жители сел Брянщины отмечают эту тенденцию тем, что семьи были преимущественно многодетными. Если первая группа респондентов, представленная женщинами, старше 70-ти лет отметила, что в семьях было больше пяти детей, то вторая группа уже опустила демографическую планку до трех, при этом обе категории выделяли высокую детскую смертность детей до года, в Климовском районе, этот период вошел как "*Детинец*" [2, 7]. Респондент вспоминает: "*... самый сложный период у ребенка детинец, к нему тогда все болезни липнут, да и он слабый, но если он переживет год, то тогда опасений меньше*" [7]. Таинственность и закрытость в этот период проявлялся в том, что детей до крещения, избегали показывались родным и друзьям. Подобная культура встречается и до сих пор.

Основными причинами детской смертности были названы: бронхит, воспаление легких, кишечные инфекции, невнимательность со стороны взрослых и несчастные случаи. Уроженка Мглинского района, деревни Бобрец вспоминает: "*... из четырех совместных детей родителей выжила я одна. Мать поздно рожала, один ребенок мертвый сразу родился после меня, а вот другие даже не знаю от чего. Вот у покойного мужа, сестра умерла от дизентерии подлеткой*" [6]. Другую трагическую цифру назвала уроженка Климовского района, Каменского Хутора по воспоминаниям матери: "*...из двенадцати детей, дожило шестеро...В основном умерли от бронхита или воспаления легких, но опять же, может были и другие болезни, но тогда не было такой диагностики*".

Медицинские функции, по сохранению здоровья детей выполняла в деревне, прежде всего женщина. Основными средствами лечения младенцев считалось грудное молоко "*...им и нос сопливый промывали, глаза, и бабки так наказывали*" [2, 7]. В ходе исследования обнаружилось и нетрадиционные способы лечения детей. В семьях существовали молитвы и заговоры, к которым прибегали матери при лечении ребенка как от традиционных болезней (грипп, простуда), так и от нетрадиционных (сглаза, испуга). Женщина протирала ребенка своей ночной сорочкой и приговаривала: "*... Я мать, я сумела родить, сумею тебя и выводить, а после протереть святой водой...*" [7].

Таким образом, санитарно-бытовая культура и традиции личной гигиены сельских жителей юго-западных районов Брянской области во второй половине XX – начале XXI века адаптирована к домашнему хозяйству. Она отражает хозяйственно-культурный уровень развития. В целом, она была органично связана с географическим положением (наличие водоемов, подземных рек), пограничьем, традициями трудовой и производственной жизнью семьи, которая выработала рациональное витальное поведение.

Список использованных источников

1. **Воронов А. А.** Традиционная медицинская культура и этническая экология // Этническая экология. Теория и практика. М., 1991. - 126 с. – Текст: непосредственный
2. Записано со слов Стефанович Л. М 1961 г. Брянская область, ж. р деревня Каменский хутор
3. Записано со слов Селедцовой Е. М 1932 г. Брянская область, ж. р деревня Пеньки.
4. Записано со слов Марухленко Е. П 1947 г. Брянская область ж. р поселок Аленовка
5. Записано со слов Петухова Г. В 1963г. Брянская область, м. рг. Унеча
6. Записано со слов Чуприк А. Я 1927 г. Брянская область, ж. р деревня Бобрец
7. Записано со слов Бондарева М. П Брянская область, м. р деревня Каменский Хутор
8. Записано со слов Петуховой А. В 1963г, Брянская область, хутор Козлихин
9. Записано со слов Кашаева В. И 1972 г. Брянская область, поселок Забрама.
10. **Ильина Д. А.** Статистический анализ уровня рождаемости в Российской Федерации // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2020. №2. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskiy-analiz-urovnya-rozhdaemosti-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 12.06.2021). - Текст: электронный
11. **Щеглова Т. К.** Санитарно-бытовая культура и традиции личное гигиены сельского населения Алтайского края в 1920- 1930е годы // Этнография Алтая и сопредельных территорий материалы международной научно-практической конференции. ответственные редакторы: М. А. Демин, Т. К. Щеглова. - Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет , 2003. - 154-163с. – Текст: электронный

Дединкин Александр Леонидович

Витебский филиал Международного университета "МИТСО",
Республика Беларусь
e-mail: alexanderdedinkin@yandex.by

УДК 316.7, 930.85

ЭТНИЧЕСКАЯ И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НА БЕЛОРУССКО- РОССИЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. КАК ФУНДАМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье представлен анализ этнической и языковой ситуации на территориях Витебской и Могилёвской губерний в XIX – начале XX века. Автором сделан вывод о том, что население региона было поликонфессиональным и полиэтническим. Идентификация той или иной этнической группы осуществлялась посредством использования соответствующего родного языка. Указаны исторические предпосылки формирования языковой личности на белорусско-российском пограничье.

Ключевые слова: языковая личность, этноконфессиональная ситуация, языковая ситуация, родной язык, белорусско-российское пограничье.

Совокупность источников XIX – начала XX вв. [7; 8; 9; 10] позволяет реконструировать этническую (а точнее – этноконфессиональную) и языковую ситуацию на территориях Витебской и Могилёвской губерний. Это в свою очередь содействует определению исторических предпосылок формирования языковой личности на белорусско-российском пограничье.

Титульным населением белорусско-российского пограничья являлись белорусы. Удельный вес людей, указавших, что их родным языком является "белорусский", колебался на момент переписи населения 1897 года от 53% в Витебской до 82,4% – в Могилёвской губернии. Отметим, что подавляющее большинство белорусов (более 80%) – это сельские жители. Большую часть белорусов – порядка 84% – составляли православные, остальные – католики и протестанты.

На белорусско-российском пограничье зафиксирован эндоэтноним "белорусы", который был распространен в Витебском, Лепельском и Полоцком уездах Витебской губернии, а также во всех уездах Могилевской губернии. Любопытно, что в Лепельском уезде белорусами назывались и православные, и католики, тогда как в других регионах – только православные. Самоназвание "белорусы" сочеталось с многочисленными урбанистическими этниконами ("витебцы", "мстиславцы", "могилевцы", "гомельцы" и т. д.).

Характер самоопределения белорусов-мещан определялся их конфессиональной принадлежностью, однако большое значение имела общая эт-

нокультурная атмосфера в каждом конкретном городе или местечке. Известный этнограф А. Киркор в этой части отмечал: "В Витебске и Могилеве ... русский язык господствует" [1, с. 361]. Действительно, специфической чертой пограничного региона в целом было исторически обусловленное тяготение к русской культуре, социальный престиж которой был выше, чем польской.

Установить точную численность поляков на территории Витебской и Могилёвской губерний достаточно сложно. По разным источникам их удельный вес колебался в конце XIX века от 1% в Могилёвской до 3,4% – в Витебской губернии. Очевидно, что большинство из них составляли потомки коренного населения, которые по конфессиональному признаку относили себя к католикам, однако наряду с польским языком использовали в общении и белорусский язык.

Согласно статистическим данным к полякам, в первую очередь, относились дворяне ("шляхта"). Вместе с тем численность поляков значительно превышала численность дворян в приграничном регионе. Если исключить из этого населения поляков-мещан, то можно предположить, что около 25% поляков составляли крестьяне. Поляки были почти исключительно католиками, и только около 2% польского населения исповедовала протестантизм.

Удельный вес русского населения приграничья колебался в 1897 году от 3,4% в Могилёвской до 13,3% – в Витебской губернии. Большую часть русского населения составляла этноконфессиональная группа старообрядцев. Старообрядческое население формировалось из потомков переселенцев из России XVII – XVIII вв. Они проживали преимущественно в Гомельском (свыше 11% всех жителей), Витебском (6,6%), Полоцком (5,8%), Сенненском (2,9%), Диснянском (2,3%) уездах. Около 28% всех староверов проживало в городах. В XIX веке царская администрация относилась к старообрядцам с повышенной подозрительностью, принимала меры по ограничению их контактов с местным населением.

Удельный вес русского православного населения в уездах Витебской и Могилёвской губерний в конце XIX века не превышал 1%. В основном это были чиновники, помещики и рабочие. К примеру, на Высочанской мануфактуре в Оршанском уезде было занято порядка 500 русских рабочих.

И старообрядцы, и православное русское населения в качестве языка общения использовали русский язык.

Значительная доля населения Витебской и Могилёвской губерний к 1897 году была представлена евреями: 11,7% в Витебской губернии и 12,1% – в Могилёвской губернии.

Еврейское население стало ключевым источником пополнения городского населения, так как белорусские губернии входили в так называемую "черту еврейской оседлости". С конца XVIII века началось насильственное переселение царским правительством еврейского населения из сельской

местности в города и местечки, которое очень часто проводилось с помощью воинских команд [2].

В города и местечки Витебской губернии должны были переселиться до 40 тысяч человек еврейского населения, в Могилёвской – более 60 тысяч [3]. Вместе с тем, несмотря на предпринятые царским правительством меры, процесс переселения евреев затянулся. В 1837 г. виленский генерал-губернатор писал витебскому губернатору о том, что "вопреки законных правил в Витебской губернии по сёлам и деревням проживают евреи, и некоторые помещики допускают сие зло, увлекаясь тем, что евреи за аренду разных хозяйственных статей предлагают им большую против других плату" [5]. Вместе с тем, к этому времени в Витебской губернии в сельской местности проживало всего 242 еврея [4], в Могилёвской губернии – около 620 человек [6]. Таким образом, к концу 1830-х годов еврейское население Беларуси в основном было переселено из сельской местности в города и местечки.

Евреи исповедовали иудаизм, и для них характерным было соответствие этого показателя показателю родного языка – идиш.

К национальному меньшинству, которое проживало на территории белорусско-русского пограничья, относились латыши. Они проживали в основном на территории Витебской губернии, где их удельный вес составлял 17,7% (для сравнения в Могилевской губернии – 0,4%). Основным языком общения латышей был родной (латышский) язык.

На Витебщине с древних времён – особенно в приграничье – проживали латыши вперемешку с белорусами, поляками и русскими. Во второй половине XIX в. количество латышей на Витебщине увеличилось – они переезжали из Лифляндской и Курляндской губерний в целях приобретения земли.

Латыши как собственники земли в Витебской губернии разделялись на три группы: 1) коллективные собственники, которые приобрели землю в компании; 2) собственники, которые приобрели землю самостоятельно; 3) арендаторы.

подавляющее большинство латышей белорусско-русского приграничья исповедало лютеранство (более 70%), католичество (около 20%) и православие (чуть более 5%). Особого внимания заслуживает довольно значительная численность латышей-православных. Их появление было результатом спонтанного движения, охватившего в 1840 – 1850-х гг. ряд уездов Лифляндии. Поводом стали распространенные среди крестьян представления, что выраженная таким образом лояльность поможет им получить землю при посредстве русских властей. Действительно, латышам-православным земля на территории Витебской губернии продавалась по более низким ценам.

Таким образом, население белорусско-русского пограничья в XIX – начале XX века было поликонфессиональным (православные, католики,

лютеране, старообрядцы, иудеи) и полиэтническим (белорусы, русские, поляки, евреи, латыши). Идентификация той или иной этнической группы осуществлялась посредством использования соответствующего родного языка.

Список использованных источников

1. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. – Т. 3. – Спб., 1882.
2. НИАБ. Ф. 164. – Оп. 2. – Д. 5. – Л. 1-12.
3. НИАБ. Ф. 1430. – Оп.1. – Д. 422. – Л.10, 98.
4. НИАБ. Ф. 1430. – Оп.1. – Д. 7023. – Л. 2-96.
5. НИАБ. Ф. 1430. – Оп.1. – Д. 7170. – Л. 1.
6. НИАБ. Ф. 2001. – Оп. 1. – Д. 161. – Л.104-109.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. 5. Витебская губерния. Тетради 1-3. – Спб., 1899 – 1903; Т. 23. Могилёвская губерния. – Спб., 1904.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Вып. 7. Наличное население по уездам, с указанием преобладающих родных языков. – Спб., 1905.
9. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий России (1646 – 1858 гг.). – Вып. 8. – М., 1972.
10. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. – Т. 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. – Спб., 1905.

**НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННЫЕ СИМВОЛЫ
РУССКИХ ТРАДИЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
СЛАВЯНСКИХ АВТОРОВ**

УДК 811. 161. 1. 06

ЭТНОГРАФИЗМ КАК ЯДЕРНАЯ ЕДИНИЦА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается этнографизм джемболос как ядерная единица одного из опубликованных текстов записных книжек публициста, телеведущего, журналиста, общественного деятеля Ю. Д. Черниченко (1929-2010), образно названного "патриархом крымской оттепели". Показано, что этнографизм занимает сильную позицию, играет сюжетообразующую роль, отражает эмоциональный настрой автора, формирует стилистическую тональность текста, реализуется как его ключевое слово.

Ключевые слова: публицистика, записные книжки, Ю. Д. Черниченко, этнографизм, джемболос.

То, что слово *джемболос*, употреблённое Ю. Д. Черниченко в записных книжках [20, с. 163], следует считать этнографизмом, не вызывает сомнения. Данную группу слов общенародного языка, относящихся к диалектным единицам, или этнографическим диалектизмам, поскольку они служат названиями предметов и явлений, которые характеризуют быт, культурные и иные традиции жителей определённых территорий, в науке отличают от экзотизмов, несмотря на то что те и другие слова обеспечивают создание в тексте эффекта присутствия в изображаемой жизни какого-либо населения (например: [17, с. 31]; ср. : [3, с. 117], передают её неповторимый аромат. Семантика этнографизмов требует толкования национально-культурного компонента в них, как и в безэквивалентной лексике других групп (ср.: [9, с. 157], в отличие от соотносимых по значению (вплоть до синонимии с литературными номинациями) собственно лексических диалектизмов [19, с. 83]. Перевод таких слов, фразеологизмов, как известно, требует особых приёмов объяснения и передачи значения [18].

В текстах произведений писателя, публициста, журналиста этнографизмы, как и диалектизмы, могут предстать средствами, характеризующими языковую личность автора, указывающими на его родство с изображаемой средой, знания национально-культурных ресурсов, близость духу традиций, верность им [11; 5]. Эти единицы могут быть показателями "этнографической рецепции", т. е. переосмысления "этнографических наблюдений сознанием лирика", субъективного, чувственного восприятия действительности [2, с. 46].

Действительно, слово *джемболос* публицист и патриот Ю. Д. Черниченко использует как единицу, несущую мощный заряд эмо-

циональных коннотаций, которые свидетельствуют о положительно оценочном статусе её в идиолексиконе автора, поскольку за событием, номинируемым этнографизмом, для него стоят приятнейшие воспоминания детства, радость бытия на любимой крымской земле, чувство свободы, азарта, настроенность на поиск-охоту за дарами земли, прекрасным, предвкушение удачи. Эти рецепции служат основой для индивидуальной концептуализации лексемы, значение которой не фиксируют обследованные академические и диалектные словари [1; 10; 13; 14; 15], словарь крымскотатарского языка, в котором *виноград – йезем, остаток – калдык, собирать – туплау* [12], Национальный корпус русского языка [6]. Многотомные словари, конечно, отражают другие этнографизмы. Так, например, в "Большом академическом словаре русского языка" представлено слово *джейлау* с фонетическим вариантом *джайлау* – несклоняемое существительное, которое называет 'летнее пастбище у казахов и киргизов' [1, т. 3, с. 764], а в "Словаре русских народных говоров" есть этнографизм *джирган*, обозначающий 'пир после забоя какого-либо домашнего животного (национальный обычай хакассов)' [13, вып. 8, с. 44] и т. п. Но *джемболос, джемболосить* или другие однокоренные или созвучные не встречаются.

На крымской земле, в жизни крымчан *джемболос* как добрая традиция собирать виноград (расширительно – другие фрукты) пользуется популярностью, при этом развит круг параллельных её номинаций – созвучных (*джимбалос, чимбалос*) и не совсем близких формально (*шабловка*). В крымских СМИ, на Интернет-сайтах ярко и со вкусом описывают эту традицию, причём используют слова с фонетическими девиациями в сравнении с зафиксированным в тексте Ю. Д. Черниченко: "Есть в Крыму интересное словечко *чембалос*, которое означает – собирать остатки урожая, когда основной сбор уже окончен. Слово общее для любого урожая, но все же используют его в основном для виноградников. Когда наши соседи говорят – мы пошли *чембалосить*, мы знаем – пошли собирать небольшие кисточки винограда, оставшиеся в поле после уборки. Произносят слово по-разному: *дж/чи(е/а)мба(о)лос* и глагол от него: *джи(е/а)мба(о)лосить/чембалосить/чимбаловать*. Пспрашивали друзей в соцсетях, сообщили варианты, употребляемые в разных частях Крыма:

Севастополь – *чимбалосить*.

Лучистое – *шаблОвка*.

Феодосия – *чимбалосить* и *джимбалосить, поехали на джимбалос, джембалить*" [4].

Влюблённые в свой полуостров жители считают *джемболос* "только своим" словечком, чем подтверждается статус этнографизма, предлагают его толкование, отмечая периферийность лексемы, или этимологию:

"Кто такие "чимбалосники" или "джимбалосники"? Если честно, даже для нас – молодых местных аборигенов – это слово было в новинку. "Джимбалосить" или "Чимбалосить" – значит ходить на виноградники по-

сле основного сбора урожая. Основной сбор солнечной ягоды закончен и на плантацию пускают всех желающих. Джамбалат с крымскотатарского значит свободный доступ, с греческого – согласие. А вообще это слово взялось от итальянского слова *sembalos, chamboule*" [7]. Ср. : "Некоторые источники связывают термин "чембалосить" с крымскотатарским словом "чамби", означающим крохотную гроздочку винограда, с 2-3 ягодами на ней. Слово довольно редкое, прижилось в Ускупском диалекте (диалект, распространённый среди крымских татар, живущих в селе Приветное, бывш. Ускуп, которых даже выделяют в автономную субэтническую группу).

Возможно, слово "чамби" было заимствовано из румейского языка, известного также как тавро-румейский или крымско-греческий – язык греков, проживавших на полуострове со времён древнегреческой колонизации (в ускупском диалекте присутствует немалое количество слов из румейско-го языка)" [8].

Концептуализацию, существование символического значения [16] у *джемболос* фиксирует и текст Ю. Д. Черниченко, представившего посредством эмоционального описания традиции толкование слова. Для раскрытия ценностного смысла номинации для языковой личности автора используются все лексические партнёры этнографизма *джемболос*, прежде всего ближайшее контекстуальное окружение:

"Джемболос. Ничего ярче, как знак *свободы* и *поиска* [здесь курсив автора. – В. Л.], охоты за оставленным виноградом, не придумано.

Помню визг восторга и девятый вал жизнерадостности – ура, "джемболос!" – какой захлёстывал меня в Алуште, на винзаводе бывшего Токмакова-Молоткова" [20, с. 163].

Среди контекстуальных партнёров этнографизма *джемболос* – слова, поставленного в сильную позицию, а потому, конечно, представляющего тему, служащего сюжетообразующим элементом текста (автор, как мы указали, объясняет смысл этнографизма и раскрывает роль в его судьбе крымской традиции – беспрепятственно собирать виноград после завершения официальной уборки урожая, т. е. быть на *джемболосе*, *джемболосить*), – в порядке их расположения, по очевидной для автора значимости, находим употреблённые в своих предикатных, характеризующих значениях следующие лексемы: *свобода*, *поиск*, *охота* и др. Рассмотрим их реализованные лексико-семантические варианты (ЛСВ) и контекстуальные приращения смысла, возбуждаемые коннотации: предвкушение события, связанного с надеждой на удачу, с мечтой, будто бы сказочным ожиданием, передают ЛСВ слов *свобода* ('Отсутствие стеснений, ограничений, возможность поступать по своей воле, своему усмотрению'); синонимичные *поиск* ('Разыскивание, отыскивание кого-, чего-л') и метафорически, расширительно трактуемое *охота* ('Поиски и преследование зверя или птицы с целью добычи или истребления'), в семеме которого замещается в каче-

стве "добычи" компонент 'дичь' на конкретную, ситуативно мотивированную сему 'виноград', вычитается негативная сема 'истребление'. Осмысление автором ценности джемболоса отражают единицы, характеризующие эмоциональный настрой, приподнятое душевное состояние от предвкушения большой радости, тайны, сказки, удачи – *восторг* и *жизнерадость* (отвл. сущ. к *жизнерадостный* – 'Радующийся жизни, любящий её, отличающийся бодрым, светлым восприятием окружающей действительности') [14]. См. : "Охота – как всякая иная: с приметами, тайными заклинаниями, верой в сказочное везение (направо в траве забыт, не убран целый куст!!!). И пара ягодок может быть удачей – если она найдена уже в октябре, на голых лозах, холодная от утренников и полная сахара и летнего вкуса пара ягод" [20, с. 163]. См. предикат *удача* – 'Совокупность благоприятных, способствующих успеху обстоятельств, счастливый случай, желательный исход дела; счастье, везение' [14].

Ценностная сема актуализирована благодаря этому предикату, указывающему на значение даже малой радости в жизни человека, когда она питает, растит любовь к родной земле и её традициям как прекрасному дару. Итак, реализующийся в записных книжках Ю. Д. Черниченко этнографизм *джемболос* является ключевым словом, которое формирует стилистическую тональность текста, позволяет транслировать такие черты языковой личности автора, как эмоциональность, лиричность, любовь к родной крымской земле, владение специфическими ресурсами русского языка как идейно-эстетически значимым средством.

Список использованных источников

1. Большой академический словарь русского языка. – URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries.html> (дата обращения: 15.04.2022).
2. **Забияко, А. А., Цмыкал, О. Е.** Художественная этнография в лирическом тексте (поэтический этнографизм Лариссы Андерсен) // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16 № 1. – С. 45-55.
3. **Зозуля, Д. С.** Диалектизмы и этнографизмы в составе безэквивалентной лексики русского языка/ Д. С. Зозуля // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства. Материалы Международной научно-практической конференции. / Отв. ред. Т. Ф. Новикова. г. Белгород, 18-20 мая 2017 г.) / отв. ред. Т. Ф. Новикова. Белгород : ООО "Эпицентр", 2017. С. 117-120.
4. **Лавринян, В.** Откуда взялось слово джимбалос // ПоКрыму / В. Лавринян. – URL: <https://po-krymu.ru/chembalos-dzhimbalos.html> (дата обращения: 10.04.2022).
5. **Леденёва, В. В.** Рецензия на коллективную монографию "Этнолингвистика и лингвокультурология художественных текстов Михаила Шолохова" (Москва: МПГУ, 2015) // Вопросы психолингвистики / В. В. Леденёва – 2016. - № 3(29). – С. 334-338.

6. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.04.2022).
7. Наш Севастополь. 9 ноября 2021 г. – URL: https://vk.com/wall-153603397_13370 (дата обращения: 10.04.2022).
8. Пошли чембалосить? // Объявления Крыма в социальных сетях. – URL: [OK-Crimea.ru>krym/stati/2021/11563...chembalosit/](http://OK-Crimea.ru/krym/stati/2021/11563...chembalosit/) (дата обращения: 10 04 2022).
9. **Новикова, Т. Ф.** Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования: монография / Т. Ф. Новикова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2007. – 296 с.
10. Новые слова и значения: Словарь-справочник. – URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries.html.ru> (дата обращения: 20. 04. 2022).
11. **Петров, А. В.** Этнографизмы в северном тексте // Фортунатовские чтения в Карелии. Сборник докладов международной научной конференции. В 2-х ч. / Под науч. ред. Н. В. Патроевой, О. В. Никитина. Ч.2 / А. В. Петров. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. – С. 16-18.
12. Русско-крымскотатарский словарь. – URL: <https://gufo.me/dict/rucrh> (дата обращения: 20.04.2022).
13. Словарь русских народных говоров. – URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries.html.ru> (дата обращения: 20.04.2022).
14. Словарь русского языка АН СССР: В 4-х тт. – М. : АН СССР, 1981-1984. – URL: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 20.04.2022).
15. Словарь современного русского литературного языка. – URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries.html.ru> (дата обращения: 20.04.2022).
16. **Стародубец, С. Н., Белугина, О. В.** Символическое значение обрядового текста "Коляда" на территории юго-западных районов Брянской области // Поливановские чтения. № 11 / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина. – Смоленск: СмолГУ, 2016. – С. 239-244.
17. **Хасанова, К.** Понятие экзотизм, этнографизм и варваризмы // Danish Scientific Journal / К. Хасанова. – 2020. - № 36-3. – С. 30-31.
18. **Хашимов, Р. И.** Русские историзмы, этнографизмы: проблема художественного перевода // Filologos / Р. И. Хашимов. – 2013. - № 18 (3). – С. 81-87.
19. **Цынк, С. В.** Диалектизмы в публицистике А. И. Солженицына // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. – С. 82–92. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-82-92 F.
20. **Черниченко, Ю. Д.** Мускат белый Красного Камня: Крымские очерки. Воспоминания. Заметки / Сост., послесл. Д. Лосева / Ю. Д. Черниченко. – Феодосия : Изд. дом "Коктебель", 2007. – 176 с.

УДК 811. 161-22:82-1(477. 61)

"ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ" БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ В ЛИРИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ ЛУГАНЩИНЫ

В статье приводятся и анализируются текстовые фрагменты из лирических произведений современных поэтов Луганщины – территории, входящей в Донбасс, – в которых отражено взаимодействие двух родственных восточнославянских культур – русской и украинской, преимущественно находящихся воплощение во включении в тексты на русском языке элементов украинского языка. Функционируя в лирических произведениях на русском языке, элементы близкородственного языка традиционно выполняли ряд значимых функций: культурно-национального маркера, средства повышения экспрессивности лирической структуры и т. п. Однако в последние несколько лет эти функции были существенно трансформированы под влиянием развёрнутого в Донбассе военного конфликта.

Ключевые слова. Восточнославянские языки, близкородственные лингвокультуры, национальный колорит, иноязычный элемент, лирическая структура, национально-культурный маркер, экспрессивная функция.

Луганщина – часть Донбасса, имеющая самую протяжённую границу с Российской Федерацией, – принадлежит к пограничным регионам, где удивительным образом переплетены две ветви восточнославянской культуры, находящие наиболее полное и своеобразное выражение в соответствующих лингвокультурах: *великоросской* и *малоросской*, если пользоваться для их обозначения терминологией XIX века; или же *русской* и *украинской*, если квалифицировать их более современными терминами. Помимо этого, в регионе явственно взаимодействуют разновидности двух диалектных языков: русского (*южнорусское* и *слобожанское* наречия) и украинского (*юго-восточное* наречие), всё ещё оказывающие весьма существенное влияние на речевую коммуникацию наших современников, прежде всего – в сфере живой разговорной речи. Для человека, который не только ценит и бережёт родную культуру, но и открыт при этом для восприятия иных национально-культурных пластов, в особенности соседствующих с его родной лингвокультурой, в подобных ситуациях обнаруживается ряд довольно существенных преимуществ. Это обусловливается тем, что, как правило, именно на фоне другой культуры (культур) нередко более глубоко осознаётся и культура, и в первую очередь – лингвокультура, в которой человек формировался с рождения: в ней открываются скрытые ранее грани, до этого практически не замечаемые; возникают новые ассоциации, с помощью которых многие явления родной культуры предстают в сознании в

более "панорамном" а часто – и в более масштабном осмыслении, и т. п. Нам уже приходилось касаться означенной темы в одной из наших публикаций [4], однако в ней рассматривался процесс осознания "имплицитных" особенностей родной для автора анализируемого в статье произведения (очерк "Урок языка" из цикла "Уроки Армении" известного писателя и публициста А. Г. Битова) *русской* лингвокультуры на фоне довольно отдалённого от неё лингвокультурного пространства – культуры *армян* и *армянского* языка как основного её репрезентанта. При контактировании же близкородственных лингвокультур процесс их взаимодействия приобретает ряд особенностей, наиболее отчётливо проявляющихся, с нашей точки зрения, в словесно-художественных произведениях, рассмотрению ряда которых и посвящена данная статья.

В творчестве поэтов, которыми богат Луганский край, в течение трёх последних веков (со времён становления русского, позже – украинского языков как литературных) элементы близкородственных языков, включаемые в произведения в основном русских, но также и украинских авторов, в большинстве случаев наделялись как минимум двумя весьма важными функциями: *лингвокультурного маркера* родственной культуры, что обусловливало и очевидную *экспрессивность* используемого слова или выражения как элемента словесно-художественной структуры. Так, например, в поэтическом творчестве одного из известных и безусловно талантливых луганских поэтов, Б. Н. Локотоша, в стихотворении "Я жду тебя в Карпатах" встречаем:

*По всей по Верховине
С вершины на вершину
"Лунает" имя звонкое твоё,
Я пел его как песню,
И стало сердцу тесно
Стучать в моей груди с тобой вдвоём!
Пусть здесь на половине*

*Сольются воедино
Две наши стёжки на крутом **плато**.
Пройдём по поднебесью
Мы вместе с нашей песней,
И с нами вместе горы запоют!*
(выделено мною. – И. З.) [5, с. 62]

Стихотворение, фрагмент из которого приведён, безусловно заслуживает полного и детального анализа; мы же в данном случае обратим внимание на включённые в текст на русском языке элементы языка украинского, которые в данном случае видятся не только уместными, но и необходимыми: настолько органично, на наш взгляд, они введены в лирическую структуру: личная форма глагол *лунати* (*По всей по Верховине / С вершины на вершину / "Лунает" имя звонкое твоё*) и форма предложного падежа (один из сосуществующих вариантов) имени существительного *плай* (*Пусть здесь на половине / Сольются воедино / Две наши стёжки на крутом плато*).

Украинский глагол *лунати*, в соответствии с трактовкой одного из наиболее полных толковых словарей современного украинского языка, функционирует в современной речи в двух значениях: "1) Те саме, що зву-

чати. ... || Бути сповненим звучання. || Звучати як відзвук. ... 2) *перен.* Поширюватися далеко, бути відомим скрізь" (рус. 1) То же самое, что звучать. ... || Быть наполненным звучанием; ... 2) *переносное.* Ширится далеко, быть известным везде) [2]. Слово *плай*, которое в соответствии с трактовкой этого же словаря, относится к диалектной лексике, имеет следующие значения: "1) Плескати гребені гір, відгалужень головних хребтів з пасовищами й скотопрогінними стежками в Карпатах. 2) Стежка в горах" (рус. 1) Плоские гребни гор, ответвлений главных хребтов с пастбищами и скотопрогонными дорожками в Карпатах; 2) Дорожка в горах) [2].

При введении в лирическую структуру эти элементы, формально "инородные" для русскоязычного текстового пространства, закономерно превращаются в значимые как в образном, так и в концептуальном отношении компоненты лирической структуры, при этом актуализируя и присутствующий изначально у них образно-культурный потенциал (этот потенциал обусловлен априори: в первом случае – *вторичностью* реализуемого в контексте значения лексемы, причём *переносного*; во втором случае – принадлежностью слова к *диалектной* лексике). Так, к примеру, ассоциативный план украинского глагола *лунати* в сравнении с его русским аналогом *звучать* по ряду причин оказывается в лирической структуре более богатым и разноплановым, что, в свою очередь, предоставляет поэту и большие возможности для воплощения в произведении эстетического смысла; при этом значимым оказывается и дополнительное контекстуальное "подчёркивание" этого элемента автором – заключением его в кавычки.

Повышенной экспрессивностью и, как следствие, выраженной эстетической значимостью обладает в русскоязычной лирической структуре и украинское слово *плай*, принадлежащее, как уже отмечалось, к диалектной лексике. В данном случае имеет значение и то, что у данного слова уже сформирован поэтический определённый "ореол". В частности, в результате его функционирования в таком прецедентном тексте, слова украинской песни "Черемшина", очень популярной во второй половине XX века и известной в этот период практически всем советским людям. В этой песне есть такие строки: *А вівчар жене отару плаєм, / Тьохнув пісню соловей за гаєм* (рус. *А овчар гонит отару плаем, завёл песню соловей за рощей*). В стихотворении Б. Н. Локотоша этот лексический элемент, как нам представляется, помимо образно-поэтического приобретает и символический смысл: с его помощью автор передаёт впечатление от безбрежности просторов карпатских гор, подчёркивает их исключительно "благоприятное" влияние на человека, попавшего в карпатский край. При этом необходимо подчеркнуть, что образно-эстетическое осмысление элементов близкородственного языка, доступно, с нашей точки зрения, лишь тому художнику слова, который не только прекрасно знает каждую из привлекаемых в процессе творчества лингвокультур, но и обладает развитым *чувством языка* (в данном случае – контактирующих близкородственных *языков*), безус-

ловным *языковым вкусом*. Лишь при таких условиях "чужеродный" элемент, тем более – лексическая единица, ограниченная в употреблении (как, к примеру, украинское *плай*, принадлежащее к диалектизмам), будучи введённым в лирическую структуру, из речевого недочёта, возникшего в результате контаминирования близкородственных языков (именно так квалифицируется данное явление с позиций соответствия литературной норме), превращается в выразительный художественный приём, вербально воплощающий своеобразие авторского мировидения.

Известные события, происходящие на Донбассе в течение последних восьми лет, конечно же, не могли не отразиться и на отношениях между взаимодействующими в этом регионе близкородственными лингвокультурами. При этом немаловажно отметить, что происходящее с 2014 года на Донбассе вызвало очевидный всплеск творческого осмысления его многими художниками слова – число литературно-художественных произведений об этой войне XXI века, созданных в различных жанрах и разнообразных по художественной манере не только донбасскими авторами, но и представителями других регионов, уже на сегодня представляет весьма обширный корпус.

В результате военного конфликта представителей двух братских народов сложилась ситуация, в которой их языки и культуры оказались своеобразными "заложниками" этого противостояния, что, безусловно, вызывает глубокое сожаление. При этом элементы близкородственного украинского языка не исчезли из произведений русскоязычных поэтов, однако вполне ожидаемо довольно существенно трансформировали своиственные им функции. Эти функции ещё предстоит более детально и глубоко осмыслить всем специалистам, чья деятельность связана с изучением словесно-художественного творчества, прежде всего – с его интерпретацией, однако о некоторых из таковых можно уже говорить достаточно определённо. Так, например, в стихотворении "Мы – Донбасс, нам сетовать негоже! . . .", созданном в 2015 году известной и, по нашему мнению, безусловно талантливой луганской поэтессой, Викторией Мирошниченко, есть такие строки:

*Будем жить... Не ради звонких мифов –
жалою сфабрикованный заказ!
Мы соединились с русским миром,
Слово "мама" молвив в первый раз.*

*Ради тех, кто в плохонькой землянке
Ждал свой первый и последний бой,
Кто вставал с "лимонками" на танки,
Чтоб хоть пядь земли закрыть собой.*

...
*Кто скончался от битья и пыток,
Без вести пропал в недобрый час...
Видимо, "свидомости" избыток
Украина бросила в Донбасс!*

(выделено мною. – И. З.) [3, с. 105].

В приведённом фрагменте обращает на себя внимание слово "свидомости", которое при явной его "чужеродности" тексту, в котором функ-

ционирует, к тому же дополнительно подчёркнуто автором – взято в кавычки. В современном украинском языке слово *свідомість* является многозначным; его значения, заслуживающие внимания при анализе данного контекста, следующие: "2 Сприйняття, розуміння навколишнього, властиві людині; розум. ... 3. Ясне розуміння, усвідомлення чого-небудь" (рус. 2 Восприятие, понимание окружающего, свойственные человеку; ум; 3. Ясное понимание, осознание чего-нибудь) [2, с. 1297–1298]. Как можно видеть, выраженный идеологический компонент в толковании значений, помещённом в одном из авторитетных толковых словарей украинского языка, отсутствует. Однако следует принять во внимание, что, начиная с первого современного майдана в Украине (2004 год), данная номинация под влиянием экстралингвистических факторов стала довольно активно формировать коннотативный элемент весьма специфического свойства: наличие "свидомости" допускалось официальными властями лишь у тех граждан Украины, которые разделяли позицию властных структур; приверженность же к какому-либо иному мнению не только всячески пресекалась, но и преследовалась. Именно на этом – накопленном номинацией *свідомість* коннотативном плане – ставится акцент в стихотворении В. Мирошниченко, что придаёт использованному украинизму как минимум ироническое, а скорее – сатирическое осмысление: жители Донбасса в противовес навязываемой властью точке зрения сформировали собственное видение происходящих событий, кардинально противоположное требуемому от граждан Украины, причём значительно превосходящее официальную позицию по убеждённости в правоте и стойкости (*Видимо, "свидомости" избыток / Украина бросила в Донбасс*).

Поэтесса вводит эту номинацию в лирический текст, передавая её русскими графическими средствами (один из характерных способов введения украинизмов в текст), однако украинизмы нередко функционируют в рассматриваемых нами произведениях и в своём изначальном виде, будучи включёнными в стихотворение в том же виде, какой имеют в языке-источнике. Это наблюдается, например, в стихотворении Екатерины Ромашук "Тьма над страной":

*Мы верили в такой желанный мир
И даже в государство Украина,
Которое так превозносят СМИ,
Всё заклеим **печаткою** "едина".*

*Но мира нет, и государства нет,
И даже нет того, кто всё разрушил.
Тень оттого не превратилась в свет,
Что тьма фашизма поглотила души*
(выделено мною. – И. З.) [6, с. 235–236]

Номинация "едина" (рус. единая) употреблена поэтессой в явно негативно-сатирическом осмыслении – в данном случае поэтически развенчивается утверждение о *единстве* Украины как государства, которое в течение многих лет всеми способами и средствами, прежде всего в СМИ, усердно навязывалось официальной властью гражданам страны. Несоот-

ветствие прямому значению этого определения так же, как и в предыдущем случае, подчёркивается заключением в кавычки и, помимо этого, существенно усиливается контекстуально: употреблением в сочетании с украинизмом же – *печаткою* (рус. печатью): *заклеймив печаткою "єдина"*. В результате в лирическом контексте формируется оригинальная метафора, распространённая к тому же экспрессивной глагольной формой *заклеймить* ("**Заклеймить** ... 2. (чем). Сурово осудить; предать позору" [1, с. 326]).

Приведённые и множество подобных примеров, наблюдающихся в лирическом творчестве современных луганских и – шире – донбасских авторов, свидетельствуют, таким образом, что функции элементов близкородственного русскому украинского языка, вводимых русскоязычными авторами в поэтические произведения, в последние несколько лет существенно трансформировались: как правило, такие элементы являются в современной лирике маркерами явлений, оцениваемых лирическими субъектами явно негативно или же осмысливаемых ими в явно сатирическом (или как минимум – ироническом) ключе. Сложившаяся ситуация, подоплёкой которой является военный конфликт между братскими народами, конечно же, не способствует гармонизации взаимодействия сосуществующих на земле Донбасса близкородственных лингвокультур – русской и украинской; остаётся лишь надеяться, что плодотворное их контактирование состоится в будущем.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с. – Текст : непосредственный.
2. Великий тлумачний словник української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К. ; Ірпінь : ВТФ "Перун", 2005. – 1728 с. – Текст : непосредственный.
3. Выбор Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР. – Луганск : Большой Донбасс, 2017. – 672 с. – Текст : непосредственный.
4. **Зайцева, И. П.** Об осознании своеобразия родного языка в условиях "чужой" лингвокультуры (на материале произведения "Урок языка" А. Г. Битова) / И. П. Зайцева // Учёные записки УО "ВГУ им. П. М. Машерова" : сб. научн. трудов. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. – Т. 30. – С. 95–100. – Текст : непосредственный.
5. **Локотш, Б. Н.** Ловец жемчуга : Избранное. – Луганск, 2002. – 163 с. – Текст : непосредственный.
6. Строки мужества и боли... Сборник произведений писателей юго-восточного Донбасса. – М. : ИПО "У Никитских ворот", 2015. – 313 с. – Текст : непосредственный.

Кураш Сергей Борисович

Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина, Республика Беларусь
e-mail: text2005@mail.ru

УДК 811. 161. 3'27

ОТ "СЛОВА САМАВІТАГА" ДО "МОЦНАГА СЛОЎЦА" (ОБРАЗЫ СЛОВА В БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ)

Исследование выполнено в рамках НИР "Ключавыя ідэнтыфікатары беларускай лінгвакультуры і іншакультурныя моўныя феномены ва ўмовах выклікаў глабалізацыі і інфармацыйна-лічбавай эпохі", входящей в задание "Беларуская мова: этналінгвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспекты даследавання" падпраграмы "Беларуская мова і літаратура" Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў "Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы" на 2021–2025 гг.

В статье анализируется ряд характерных для белорусских поэтов и прозаиков образов слова, языковые средства их создания. Показана семантическая многомерность слова как поэтически рефлексированного феномена, выделены типичные для белорусской литературы мотивы, сопровождающие размышления над словом в художественном дискурсе. Охарактеризована сочетаемость анализируемой лексемы с рядом адъективных лексем, выступающих в функции типичных эпитетов. Обращено внимание на национально специфические репрезентации слова в языке художественных текстов белорусских авторов.

Ключевые слова: слово, образ, концепт, феномен, художественный текст, белорусская литература.

В концептосфере любого народа есть такие концепты, которые связаны с первоосновой бытия, сознания, творчества. Они входят в ядро аксиологически ценных понятий и могут быть причислены к этно- и лингвокультурным идентификаторам социума.

В числе таких концептов – СЛОВО. В христианской модели мира оно – первооснова бытия, начало всего сущего.

В языке оно – его фундаментальный элемент, фрагмент картины мира, аккумулятор культурно-исторического знания. До сих пор во взглядах на природу слова нет (да и сможет ли быть в дальнейшем?) единства мнений представителей разных наук – философов, лингвистов, литературоведов, психологов и др. По мнению Ю. С. Степанова, лексема *слово* имеет индоевропейское происхождение (корень – *kleu –, *kleuэ – // *klu –) и родственно таким лексемам, как *слышать, слушать, класс, слыть* др. [2, с. 247].

В художественной литературе слово –и её архитектурный материал, и один из ключевых рефлексивных феноменов.

В данной статье предпринимается попытка фиксации тех граней слова как художественно осмысливаемого феномена, которые свойственны белорусским авторам XX – начала XXI столетий. При этом мы отдаём себе отчёт в том, что подобное исследование (а особенно – ограниченное рамками небольшой публикации) заведомо обречено на фрагментарность. Однако хорошо известно и то, что "отдельности" в той или иной мере способны высвечивать целое.

Концептуальная лексема *слово* – центральная в ядерной зоне более широкого лексико-семантического (а равно – и концептуального) поля *язык*. Концептуальная триада "язык – слово – народ" так или иначе проявляется практически у всех белорусских художников слова [1]. Характерно, что именно эти понятия чаще всего выступают в качестве контекст-партнёров.

У белорусских поэтов фокус художественной репрезентации чаще всего попадает на *родное, живое* слово, что подчёркивается характерными устойчивыми эпитетами, среди которых особое место занимает определение *матчына*: *Магутнае слова ты, роднае слова! / Са мной ты наяве і ў сне; / Душу мне затрэсла пагудкаю новай, / Ты песень наўчыла мяне. / Бясмертнае слова ты, роднае слова!* (Я. Колас); *Успыхнула роднае слова падлёткам / З цёпрых далоняў матчынай песні* (Р. Барадулін); *Матчынай мовы словам святым / Жывеш ты ў сыноўнім сэрцы* (Р. Барадулін); *Трапяткое, жывое, як сонца у росах, / Несмяротнае, роднае матчына слова!* (Н. Гілевіч); *Ты будзеш звінец, мая родная мова, / Як слова, якое не выкінуць з песні!* (П. Макаль).

Те же образные смыслы нередко выражаются метафорически: *З мінулага часу, / з буслінага краю, / дзе рэха лясное / і поле ляннае, / з'явілася слова, / забытае мною, / змарнелым дзіцяткам – / у сэрцы люляю* (І. Лагвіновіч); *Я шчырае слова табе выношаў, Як першынца маці юная. Слова над сэрца тоўхала ножкаю, Разам са мною трызніла дзюнамі* (Р. Барадулін).

Столь же распространённой является образная концептуализация слова как данного свыше, исконного, вечного: *Было спрадвеку, слова, ты Крыніцай цудадейнай сілы, Што вызваляла з нематы, Айчыны ніву каласіла. Ты натаяла смяглы рот І выкрасала ў дарграмовы, Каб сам сабою стаў народ, Пачуў шыгу кірэўнай мовы!* (Р. Барадулін); *Няхай жыве ў вяках / Нягаснучае слова* (П. Броўка); *Даў нам Бог неўміручую мову (...)* *Нас не будзе, а мова заўсёды / Будзе жыць, будзе жыць, будзе жыць!* (С. Грахоўскі); *Ты сонцам душу абагрэла, / Адвечнае слова* (В. Зуёнак).

Отсюда – мотив святости, вербализация которого также относится к числу ключевых фокусов концептуальной репрезентации слова белорусскими авторами: *Што скажучь пра мяне? / А ціўснамін сурова / Увагай*

пра міне? / За ім Святое слова! (Р. Барадулін); *Я ўпершыню за месяцы вайны/ Сказаў услых святое слова "шчасце"* (П. Панчанка); *Прычашчаюся словам сардэчным. . .* (Г. Дашкевіч).

Слово может становиться символом в контекстах с упоминанием ключевых прецедентных имён белорусской культуры (Ф. Скорины, Я. Коласа, Я. Купалы, М. Богдановича и др.): *З суседзямі падзелішся скарынкаю. / Адно не ўмееш з торбаю прасіць. / Як ластаўка, з падстрэіша рук Скарынавых / Тваё крыляла слова на Русі* (Р. Барадулін); *Паклон табе, горды Сакольнік/ Беларускага крэўнага слова, / Беларускага вечнага слова, / Што ты заручыў яго з небам. / Дзякуй, Максім Багдановіч!* (Р. Барадулін). Сходным образом слово символизируется в контекстах с упоминанием тех мест, которые те или иные авторы считают источником своего поэтического дара. Заметим, что таким местом является и Мозырско-Припятское Полесье: *Ты, Мазыр, – мой Парнас каля Прыпяцімілай, / Тут калісьці я першае слова знайшоў. . .* (У. Верамейчык); *З маіх вуснаў свяцейшае слова Айчыны / Льеца, быццам у Прыпяць малы ручаёк* (Г. Дашкевіч).

Целый ряд поэтических образов строится на базе концептуальных метафорических ассоциаций "язык" – "природа", что для образной палитры белорусской литературы (в первую очередь – поэзии) является одной из стилевых доминант: *Радкіляжаць / Квяцістых слоў з мае атавы* (Р. Крушына); *Тваё слова – паветра для душы жывой* (В. Жуковіч); *Ледзьвозьмеца на дзень – цягну / Са свежым словам цяжкі невад* (Р. Барадулін); *З крывавай даўніны сумленне данясе / Жывым, натхнёным, незабытым словам, / Гарачым, то празрыстым, як лядок* (С. Грахоўскі); *Падарункамі снежнай пары / Дзень рассыпаўся ў словах-крышталах* (А. Куляшоў); *Мы слова прыгубілі, як крыніцу, / Што камень маўчання прабілася званам, / Пілі, як паветрапаслянавальніцы, / Прапахлае сонейкам і азнам. . .* (П. Макаль); *Растуць нашы словы, як дрэвы/ Вазьмі хоць бы слова* (М. Танк); *І пачынаць мне ўсё трэба нанова: / Плакаць, смяяцца, любіць, / З гліны, з праменняў, з роднага слова / Свет свой па-свойіму ляпіць* (А. Пысін).

Среди подобных образов наиболее показательны те, которые восходят к ключевому для белорусской поэтической картины мира архетипу зерна, сеяния, пахоты, хлеба: *Я не для вас, паны, о не, / Падняць скібіну слова рвуся / На запусцелым дзірване / Сваёй старонкі Беларусі* (Я. Купала); *Сёння зноў на вялікай штодзённай сяўбе / Слова-зерне, што ў сэрцы запала* (П. Макаль); *Спачатку ўсё ж быў хлеб, а потым – слова. / Спакон быў чалавечай мовай хлеб* (М. Арочка); *Спеліў шчыmlівае слова, / Каб праўдаю высвеціць сказ, / Каб слова і нам дыхнула жытнёва, / Растлумачыла нас* (А. Письмянкоў); *Слова ўпадзе, як зерне* (М. Мятліцкі); *Хто зачэрпне жменьы поўнай / Слова-золата з сяўні* (М. Мятліцкі).

Ряд образов слова, встречающихся у белорусских авторов, основывается на синестетических ассоциациях (зрительных, звуковых, температурных, обонятельных и пр.): *Якія знаёмыя назвы і словы, / Якая цудоўная родная мова! / І ўсё мілагучна для слыху майго: / І звонкае "дзе", і густое "чаго"* (П. Панчанка); *У прадаўшчыц вітальна-развітальна / Грудное слова *paldies* звiніць* (А. Пысін); *Перагледзяць, памацаюць слова / І панюхаюць, можа, раз пняць*(М. Танк).

Притягивает художников слова – и в особенности поэтов – "неосвоенность", "свежесть", также неотъемлемые для белорусской поэтической картины мира свойства слова: *Смакую ранішняе слова* (А. Письмянкоў); *На сцяжыніцы зямной, / як маленства, нанова, / падружысяса мной / шчэ ні кім не ўжытае слова* (М. Сяднёў).

Слово концептуализируется, с одной стороны, как нуждающееся в защите, а с другой – как оберег, как оружие, но только если это слово правды: *...і будзе мне сэрца грэць / Кожным ашчаджаным словам, / Мая спрадвечная / Беларуска мова!* (Р. Барадулін); *Прынімаю сёння шняеновае да сэрца блізка, / Я яго люблю, як любіў учора, / Няхай яно словам-маланкай бліскае/ І працінае наскрозь сэрца ворага!* (А. Куляшоў); *Паспявай да лгодзей, мае слова, / Хуткаю дапамогай!* (П. Макаль); *Не давай заскарузець слову. / Слова праўды – ружанец і меч. / Словам можна здымаць галовы, / але сэрцы ты ім не калеч* (М. Кавыль).

Более того, к слову можно даже обратиться как к партнёру, собеседнику: *Слова, / Стань поплич са мной* (П. Броўка); *О ты, маё неспазнанае слова, / навошта я мучыўся табою?* (М. Сяднёў); *Ты ляці, мае слова, празпалі і лясы, Прывітайся/ З краінай маёй дарагою* (П. Панчанка).

Характерна также концептуализация особого рода мыслительнотворческой деятельности – так называемых поисков слова, мучений слова, а в ещё более широком контексте – апелляция к феномену поэтического слова как высшей ипостаси слова народного, "матчынага": *За сiнім застоллем / Краіна паэзія / Шліфуе бурштын слова мовы матчынай* (Р. Барадулін); *Мне б хуткасць думкі, бляск уяўлення, / Каб мог я словам дагнаць праменне / І нечаканым спыніць экранам / Гады былыя на вокамгненне* (А. Куляшоў); *Другія за ноч выціскаюць паўтысячы / Гладкіх радкоў, радкоў-недарэк, / Мне б слова адзінае крэсівам высечы, / Каб сэрца паліла не ноч, а век. / Каб не ўпадала ў скарагаворку, / Сядзела, як стораж, каля варот, / Курыла б са мною адну махорку, / Дзяліла б са мною і хлеб, і пот*(А. Куляшоў); *Кантрабандай з таверны – Пырсне слова з пярэ. / Выспеў верш безразмерны / У душы песняра* (П. Макаль); *Шукаю шчыра слова / У засуш, сухавей – / Ляціць, шуміць палова / Нахабна да дзвярэй* (У. Верамейчык); *Мне слова памагае быць з табой / І пазнаваць глыбей сябе самога* (М. Арочка); *Безліч разоў я заглядваю ў сваю душу, / каб адшукаць у ёй сапраўднае слова* (М. Сяднёў).

Одино из наиболее национально специфичных определений слова в дискурсе белорусской художественной литературы – эпитет *самавітае*, в сочетании с которым оно становится феноменом в подлинном смысле [3, с. 26].

В 5-томном толковом словаре белорусского языка только одно из 6 зафиксированных значений данного прилагательного может быть отнесено к слову - 'Поўныхараства, прыгажосці, самабытнасці' [4, с. 35]. Гораздо более подробное разъяснение "самавитасці слова" дают белорусские лингвисты В. И. Сенкевич и Ю. А. Копцова: "Жывое самавітае слова не адзінка, а першасны элемент. Яно "ні, ні" і "ей, ей". Не таямнічае, але сакрэтнае і патаемнае. Бывае і "каб": *Каб ты не даждаў. Каб ты скіс* (жарт.). *Каб у цябе (свіні) хвост у сала ўрос*. Гэта не магія, а волхства, не зброя, а шанцавы і музычны інструмент. Яно пазбаўленаяўнічага "гэй", але не цураецца рэфлексіўнага "ой". Яно не зваротнае, але паваротна-апелатыўнае – рэфлексіўнае. Яно не голас сумлення і глас закона, а вечны покліч і позыў. (...) Самавітае не здзіўляе, але ім немагчыма не захапляцца. Каб спасцігнуць яго веліч, неабходна адказацца ад ацэнчнага мыслення. Нічога незвычайнага і звычайнага ў ім няма. Самасць знаходзіцца над культурай з яе звычаямі. Яно не належнае і не залежнае. Праўдзівае і сапраўднае слова не словаформа, а словатвор. Яно пазнаецца ў няведанні" [3, с. 25-26]. Ср. : *Апошнім часам не спадзяванья навацыў мастацкай літаратуры пачалі надавацца слову "хораша". Мы прывыклі да яго, да гэтага добрага, самавітага, ручнога слова, верым яму, бо яно нясе вельмі дакладныя адчуванні* (Я. Скрыган); *Цяпер жа, як гэта ні парадаксальна, "звышзадача" заключалася ў тым, каба дмовіцца адна бытыхі ўласцівых сапраўднай літаратуры яка сцяў : ад падтэксту, ад здольнасці да шырокіх абагульненняў, паказуна-грамадску значных, па-нацыянальнаму самабытных характараў, самавітай і сакавітай беларускай мовы"* (Я. Лецка); *Ці з'яўляецца наватарствам тое, што (...) прапануюць нам сучасныя "дадаісты", у якіх слова з'яўляецца "самавітым", а сучасная форма – "састарэласцю"...* (У. Караткевіч). Приведённые примеры, на наш взгляд, достаточно ярко иллюстрируют феноменальность "самавітага", его амбивалентность и неуловимость для чёткой категоризации.

Наконец, в центре авторского внимания могут оказываться и сами конкретные слова – культурно значимые маркеры, ср. : *Пад полазам белым, з'інелай падковай / Галінкай азяблау крохне – хрусць, / Як яблык, крывянае і хрупаткос / Слова марознае: "Беларусь"* (Р. Барадулін); *Штолініні раз Хочацца вымавіць /Балючае/ І жаданае слова: мама?..* (Р. Барадулін); *А можа, нехташчыра усміхнецца / І незнаёмы скажа: "Добры дзень", / І слова, быдцам сонечны прамень, / Сагрэе і да сэрца дакранецца* (С. Грахоўскі); *Запаліцца слова "кахаю", – / Зашумелі гаі, / Паўтараючы слова маё, / Каб маланкамі неба, / Каб віхурай пустыня глухая / Перакопвалі гордае сэрда тваё* (П. Панчанка); *Ні адна не мае мова*

/ Слова лепшага, чым "друг". / Забаліць у друга сэрца – / Зашчыміць і у мяне. / Скажучь: "зраднік", – раззлююся/ Скажучь: "ворагам забіты", – / Не паверу: ён жывы! / За яго палезу ў бойку – / Вінаваты ён ці правы, / Мне ўсё роўна: ён мой друг! (П. Панчанка); / І ад слова таго – Перамога! – / Залаціўся, здаецца, і пыл (У. Верамейчык); / Каханне не ведае слова "канец", / З імнельга навек развітацца (У. Верамейчык).

Наряду с лексемой *слово* (слова) достаточно частотным в языке белорусской художественной литературы является производное от неё образование *слоўца* (рус. – *словцо*). Интересно, что в разных контекстах словообразующий суффикс *-ц-* проявляет разные значения – от чисто диминутивного до собственно оценочного (пренебрежительного, ироничного, фамильярного и др.), а также их сочетания: *Не шаптала мне слоўца ў сардэчных каханне* (Я. Купала); *Прыемны зім слоўцы, ўздыханні* (Я. Купала); *Братнім слаўцом адзваўся* (Я. Купала); *Прыказка была ў жыта для прыгожага слаўца* (Ц. Гартны); *Але до мазаў сёды прывыклі яны, апрача музыкі іскокаў, яшчэ складаць пры гэтым песні і сыпаць вострымі слоўцамі* (З. Бядуля); *Хлопец з усмешкай закурыву, глыбока зацягнуўся некалькі разоў і пачаў нешта расказваць, звяртаючыся болей далабатага, якіў стаўляў у гутарку кароткія, але, відаць, трапныя слоўцы, боўся кампанія гучна, на розныя галасы, рагатала* (У. Дамашэвіч); *Вы, маладыя, надта любіце пагаварыву, нават пафарсіць слоўцамі "аўтаматызацыя", "механізацыя", "індустрыяльная аснова", "хімізацыя" і рознымі там яшчэ* (В. Блакіт).

Однако чаще всего в качестве устойчивых определений к лексеме *слоўца* выступают такие, как *адборнае, моцнае, някучае* и т. д. Подобные словосочетания имеют в основном эвфемистический характер и служат средством описательной номинации тех языковых средств, которые мы привыкли называть нецензурными, табуированными и пр. : *Слова за слова – із іх пасіNELых вуснаў –разам саслінай пачынаюць сыпацца такія адборныя і ядраныя слоўцы, як пацеркі, як зорачкі, як жалезны боб, як горкі перац* (З. Бядуля); *парабкі бурчалі падносі запускалі моцныя слоўцы і на пана і на аканомы. . .* (М. Чарот); *Гальюн, не вытрымаўшы, аблажыў сялян моцным слаўцом* (І. Гурскі); *Да моцных слоўцаў назаво дзе прывыклі* (У. Карпаў); *Часта ўстаўляе някучыя слоўцы іх дачка Сіма* (А. Чарнышэвіч).

В качестве своеобразного заключения к предложенным замечкам ещё раз обратимся к публикации В. И. Сенкевича и Ю. А. Копцовой: "З таго, штоі снуе больш за двухсот навуковых азначэнняў слова вынікае, што вучоныя не ведаюць, што такое слова. Аднак наўрадці знойдзецца чалавек з ім незнаёмы. Веданне распінае Слова. Агонія Слова – парафразы Хрыста – прадаўжаецца" [3, с. 26]. Сказанное, по-видимому, было и будет справедливо ко всем языкам, ко всем видам дискурса и ко всем временам.

Список использованных источников

1. **Кураш, С. Б.** "Жылай здаецца яна залатой...": Метафарычныя вобразы роднай мовы ў беларускай паэзіі / С. Б. Кураш // Палац: Літаратурны альманах. – 2018. – Вып. 6. – Мінск: Кнігазбор, 2019. – С. 169-176.
2. **Степанов, Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. -3-е изд., испр. и доп. – М. : Языки русской культуры, 2004. – 992 с.
3. **Сянкевіч, В. І.** Феномен самасці і Другі (да пытання аб самавітым слове) / В. І. Сянкевіч, Ю. А. Капцова // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. / МГПУ ; редкол. : С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2019. – С. 23-26.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. Т. 5, кн. 1 : С – У / [рэд. М. Г. Суднік]. – Мінск: Бел. Сав. Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1983. – 663 с.

Курмакаева Нина Петровна

Донецкий национальный университет,
Донецкая Народная Республика
e-mail: kurmakayeva@mail.ru

УДК 811. 161. 1*27

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ИДИОЛЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЭТА ДОНБАССА

В статье исследуется феномен русской языковой личности поэта Донбасса через специфику его идиолекта, в котором заметное место занимают региональные слова и лингвокультурные концепты, определяющие ценностный, познавательный и поведенческий уровни РЯЛ в разные периоды жизни Донбасса. Выявляются фрагменты уникальной региональной поэтической картины мира в историко-культурологическом преломлении. Продолжает отстаиваться тезис о непосредственной и глубинной связи между культурно-исторической спецификой региона и ментальностью его жителей.

Ключевые слова: идиолект, лингвокультурный концепт, ментальность, региональная языковая картина мира, региональная языковая личность поэта.

Одним из ключевых феноменов лингворегиеоноведения наряду с понятием *региолект* является понятие **идиолект**. Известное в лингвистике уже несколько десятилетий, оно определяется как "совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка" [2, с. 171], и "является на сегодняшний день одним из базовых понятий в области исследования индивидуальных особенностей языка" [1, с. 100]. Данный термин призван обозначать "индивидуальное варьирование языка в отличие от территориального и социального варьирования, при котором те или иные речевые особенности присущи целым группам или коллективам говорящих" [1, с. 100]. Идиолект напрямую связан с понятием *языковая личность*, и поэтому правильнее употреблять его полное наименование **идиолект языковой личности** (ИЯЛ). Через ИЯЛ выявляются не только социально-этнические признаки продуцента, но и ментальность, национально-культурная сущность индивида, а у представителя того или иного региона – региональная специфика его мировидения. Региональная ЯЛ, как точно отмечено Т. А. Сироткиной, "не только идентифицирует себя как представителя определенного социокультурного пространства, но и сама формирует это пространство" [9, с. 9], добавим – через идиолект. В аспекте изучения идиолекта региональной ЯЛ представляется важным и актуальным обращение к идиолекту элитарной ЯЛ, в частности художника слова.

Роль в общей культуре народа индивидуально-авторских речевых манифестаций на основе общенационального фонда языка трудно переоце-

нить, тем более феномена поэтического языка. Еще в 90-х г. XX в. О. Г. Ревзиной было заявлено: "Целостное описание поэтического идиолекта позволяет выявить принципы художественного мышления его творца и реконструировать его художественный универсум (картину мира)" [7, с. 23].

Следует признать, что изучение идиолекта регионального поэта позволит, с одной стороны, значительно расширить национально-языковую картину мира, увидеть ее во всем богатстве трёх, как минимум, составляющих: общенационального, регионального и частного (идиолектного), а с другой – эксплицировать ценностный, познавательный и поведенческий уровни поэтической РЯЛ в разные периоды её творчества и истории региона.

По верному замечанию Т. В. Кризской, "оптимальным объектом для исследования идиолекта языковой личности художника слова является его лексикон... Именно в лексике отражается языковой опыт носителя языка и ярче всего раскрываются особенности его мировосприятия" [4, с. 6]. По своеобразной словесной канве, по индивидуально выбранным номинациям мы стремимся определить поэтические замыслы и интенции автора.

Например, безусловными ценностями в Донбассе признаны историко-географические артефакты и объекты донецкого края, несущие мощную культурную компоненту в формировании РЯЛ, о чем не просто напоминает донбасский поэт, а заставляет постигнуть их содержательную глубину, принять как объекты гордости и славы: *В краю отцов, в пространствах Дикополья /Я хлеб и слово отыщу, как долю. // Саур-могила, Бахмут и Азовье /Откликнутся во мне былинным зовом* (Виктор Руденко, Его величество Донбасс). Сущностные основы русской ментальности всегда искали в истории народа, его духовных корнях. Для жителей Донбасса перечисленный топос предельно символичен. Это связь далекой и героической истории с не менее героическим настоящим. Существует богатое фольклорно-литературное наследие об этих (и не только) географических объектах. В предельно сжатой форме объем каждого названного региотопонима можно интерпретировать следующим образом.

Дикопольем поэт по-народному нарёк территорию нынешнего Донбасса как части *Дикого поля*, занимавшего до XVII в. пространства никак неразграниченных и малозаселенных причерноморских и приазовских степей, расположенных между Днестром на западе и Доном и Хопром на востоке, которые в 1648 г. французский инженер и картограф Г. Левассёр де Боплан впервые наименовал термином *Дикое поле*, что надолго закрепилось как синоним огромных безлюдных степных просторов в географии и как символ вольницы, свободы и борьбы за выживание в культурологии и художественных текстах.

Саур-могила – самый известный у местных жителей степной курган на юго-востоке Донецкого края, одна из его высочайших точек, в период

военных противостояний становившаяся важной стратегической высотой, за которую не один раз в истории края шли кровопролитные бои. В 1967 г. на этом кургане был сооружён мемориальный комплекс "Саур-Могила" в память о героических событиях в Донбассе в 1941–1943 гг. Однако история на том не остановилась: летом 2014 г. у Саур-Могилы вновь разыгрались кровопролитные бои, монумент был разбит, но высоту не сдали. Таким образом, в сознании жителей Донбасса сформировался стойкий "миф" о Саур-Могиле как ярком символе патриотизма, несгибаемого мужества и высокой гражданственности, что отражено во многих поэтических текстах, например в песне на слова Ф. Серебрянского, участника сражения за эту высоту летом 1943 г.: *Послушай ветры над Саур-Могилой, / коснись рукой пахучих диких трав, / здесь мужество с боями проходило, / легендой для всех навеки став.* Первая строка сделалась крылатой, повторяемой, например, в названии стихотворения современного поэта Донбасса Игоря Лысого "Послушай ветры над Саур-Могилой", у которого свое, наполненное романтикой, отношение к святыне: *"Пусть летят над Саур-Могилою / Степь пахнущие ветра / И сияет улыбкой милою / Под ногами Миус-река"* [5, с. 180].

Бахмут – для поэта не просто старое название города Артёмовска (до 1924 г.), расположенного в северо-восточной части Донбасса, на территории бывшего Дикого поля, а историко-культурный факт освоения степи через тяжелейший труд соледобытчиков и солеваров.

Азовье – в этом слове-концепте сконцентрировались не столько название моря и его побережья, сколько связанные с ним события, героические и трагические: осада и оборона донскими казаками взятой у турок крепости Азов, получившая название *Азовское сидение* (1641 г.) и закончившаяся разрушением крепости и сдачей ценой огромных потерь Азова туркам (лето 1642 г.); это известные *Азовские походы* (1695 – 1696 гг.) русской армии и флота во главе с Петром I во время русско-турецкой войны 1686 – 1700 гг.

Как видим, важнейшим показателем региональной ЯЛ поэта является не только лексикон с его вербально-семантическим потенциалом, отражающим высокую степень владения языком и несущим номинативно-познавательную нагрузку. В еще большей степени это тезаурус с его лингвокогнитивной глубиной, заключенной в понятиях, идеях, смысловых узлах, концептах как составной части региональной языковой картины мира. И, безусловно, это авторский прагматикон – мотивационная сила высказывания с явными и скрытыми интенциями, установками, интересами, оценками. Важно отметить, что поэт затрагивает то, что прочно сформировано и ощущается донбасским субэтносом как неотъемлемая часть его сущности, его сознания, его мировидения.

В уникальном поэтическом идиолекте певцов мирного трудового Донбасса ярко и неповторимо, посредством специфической тропеичности,

замешанной на региональном осмыслении событий и фактов, вербализуется поэтическая картина шахтерского мира, например: *Ночь над городом черна, как лава. // В антрацитовом небе – звезды / над шахтерской нашей державой* (В. Калининченко, Ночная смена), где региональное в полной гармонии с общенациональным выливаются в индивидуальное. Нередко поэтическое слово творца наполнено высоким пафосом и патетикой: *Его [Донбасса] глубинный пламенный агат / Гремит особым – угольным прибором* (А. Кравченко, В донбассовцах такое что-то есть...). Так в неповторимом смысловом тканье поэтического идиолекта региональных художников слова рождался и взращивался, рос и ширился "донбасский миф", разрастался неповторимый образ создателя, покорителя земных недр, мужественного связника между веками – каменным и атомным: *Мы рубим в недрах уголь пламенный. / Нас каждый день уносит клеть / Из века атомного в каменный* (В. Демидов, Шахтер). Это было время больших трудовых побед и подвигов, которое в наши дни вспоминается как гимн Донбассу и его героям-шахтерам, которых П. Беспощадный называл высокими словами: "солнцерыбы", "светоносы", "Прометеи".

А нынче время военное, оно диктует другую риторику и иной пафос. Вот как один из фрагментов современной военной ситуации в Донбассе интерпретирует донецкий поэт Анна Ревякина, автор поэмы "Шахтерская дочь":

*Эти воины – дети кротами изрытой земли,
Вместо нимба Господь отдал им коногонку.
Вместо сердца Господь даровал антрацит,
Вместо вдоха степного – горючесть метана.* [8, с. 19]

Донбасский колорит, пронизывая здесь каждую строчку и придавая сюжету земную основу, переплетается с библейскими мотивами, которые усиливают ирреальность и скорбность происходящего на этой земле. Регионализмы *кроты*, *коногонка* транслируют узнаваемую для жителя Донбасса картину мира, где *крот* – это не "млекопитающее отряда насекомых, живущее под землей" [МАС: 2, с. 135], а реалья из профессионального шахтерского жаргона – сам шахтер, который, подобно кроту, проделывает ходы в толщах земли. Высокое *воины* в авторском идиолекте соотносится с перифрастическим *дети шахтерской земли*.

Жителям угольного региона могут быть понятны не только смыслы региональных слов, введенных в канву повествования, но и, казалось бы, неожиданные ассоциативные пары *нимб* – *коногонка*, *сердце* – *антрацит*, *вдох* – *горючесть метана*, включенные в создание региональной картины мира современного Донбасса. Здесь знают, что слово *коногонка* в шахтерском профессиональном языке обозначает шахтёрский фонарик, встроенный в каску, который освещает в шахте путь и место работы шахтера. В тексте А. Ревякиной этот предмет в ассоциации с нимбом получает метафорическое (библейское) значение как символ света, святости, божествен-

ности, так же, впрочем, как и *антрацит* и *горючесть метана* в ассоциации с сердцем и воздухом (*вдохом степным*). Параллель *сердце – антрацит* имеет глубинный подтекст. В рассказе В. Гроссмана "Жизнь" (1943 г.) автор употребил такое сравнение в упреке жены мужу-шахтеру: "У тебя, говорит, вместо сердца кусок угля", чем подчеркнул его жесткость, бессердечие. Антрацит же имеет в художественных текстах иную коннотацию, обусловленную таким признаками, как высокое качество, блеск, большая теплоотдача. Сердце в ассоциации с антрацитом – это мощное горение, отдача всего себя без остатка делу или борьбе. Строчкой *Вместо вдоха степного – горючесть метана* перечеркивается поэтическая романтика мирного времени сюрреалистической картиной войны, пропущенной сквозь призму авторского восприятия реальной угрозы выброса метана во время работы шахтера в лаве.

Так удивительно гармонично и глубоко в идиолекте поэта посредством смысловых наслоений и ассоциаций сплелись региональные единицы разных стратов национального языка для создания одновременно героического и трагического "образа потомственного шахтера-воина, который есть плоть от плоти родной земли" [6, с. 44]. И если учитывать, что региолект – "это не отдельный идиом, имеющий своих носителей, а определенная регионально маркированная организация всего языкового пространства региона" [3, с. 17], то идиолект региональной ЯЛ, и в особенности художника слова, будет отличаться сложностью и уникальностью организации его системы: многовекторностью словаря, порой необычным сочленением в нем разноидиомных компонентов, что и подтверждают поэтические находки авторов. Обычное местное слово в произведении поэта может быть вовлечено в общую эстетическую организацию речи. Там оно наполняется новыми смыслами, коннотативными и эмоционально-экспрессивными значениями, как, например, у Анны Ревякиной один из часто используемых образов – простой предмет шахтерского снаряжения *коногонка* становится символом света и надежды: *У Марии дрожат колени, /над Марией молчит луна / коногонкою в небе буром – немигающий глаз отца* [8, с. 7].

Таким образом, при создании поэтических текстов у творцов возникает и на лингвальном уровне реализуется чувство региональной уникальности, сопричастности субэтносу и культуре региона. Поэт вербализует не только специфические знания об окружающем мире, но и ценностные установки, задающие эталоны поведения. Формируемый поэтами донбасский миф рождает и укрепляет гордость за героическое прошлое и настоящее края, способствует глубинной связи между культурно-исторической спецификой Донбасса и ментальностью его жителей.

Список использованных источников

1. Богданова, Е. В. О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике / Е. В. Богданова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2011. – Т. 1. – № 4–1. – С. 100–108. – Текст : непосредственный.

2. Виноградов, В. А. Идиолект / В. А. Виноградов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 171. – Текст : непосредственный.

3. Донецкий региолект: монография / [В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В. И. Мозговой и др.] ; под ред. В. И. Теркулов ; ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет" ; Фонд "Русский мир". - Донецк : [ООО "НПП Фолиант"], 2018. – 264 с. – Текст : непосредственный.

4. Кризская, Т. В. Язык художественной прозы К. Д. Воробьева : диссер. . . . канд. филол. наук : 10. 02. 01 / Кризская Татьяна Владимировна. - Курск, 2009. – 192 с. – Текст: электронный.

5. Лысый И. О. Ловец ветра. Сборник стихотворений. / И. О. Лысый. – Донецк: Большой Донбасс, 2019. – 288 с. Текст :непосредственный.

6. Попова-Бондаренко, И. А. Фольклорное начало в современной поэзии Донбасса (к вопросу о культурной самоидентификации региона) / Попова-Бондаренко И. А., Попова А. В. // Современное есениноведение. – Рязань. – 2018. – №4. – С. 40–47. – Текст : непосредственный.

7. Ревзина, О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта : дисс. в форме научн. докл. ... д-ра филол. наук. – М. МГУ, 1998. – 90 с. – Текст: электронный.

8. Ревякина, А. Н. Шахтерская дочь. Поэма / Ревякина А. Н. . – Харьков: Водный спектр Жи-Эм-Пи, 2016. – 56 с. – Текст : непосредственный.

9. Сироткина, Т. А. Филологическая регионалистика как актуальное направление гуманитарных исследований / Т. А. Сироткина // Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления : сб. статей II Международной научной конференции (Сургут, 25-26 ноября 2021 г.) – Сургут: РИО СурГПУ, 2021. – С. 9–15. – Текст: электронный.

УДК 81'22

КОНЦЕПТ "ВОРОТА" В КУРСКОМ ТЕКСТЕ – ФОЛЬКЛОРНОМ И АВТОРСКОМ

В статье представлен анализ концепта "ВОРОТА" и своеобразия его лексической репрезентации в курских народных лирических песнях и сказках и в военной прозе курских писателей. Делается вывод о знаковости, символичности образа, вхождению в традиционные смысловые оппозиции.

Ключевые слова: концепт, языковая репрезентация концепта, концептограмма.

"ВОРОТА" – значимый концепт в системе художественного, в том числе фольклорного, текста [5]. В славянской мифологии ворота, как правило, связывают с границей, пределом, переходом из одного состояния в другое [6].

Наша задача – рассмотреть лексическую репрезентацию данного концепта в курском фольклоре и произведениях курских писателей, с тем чтобы проанализировать сохранность исконных славянских представлений и возможность влияния устно-поэтической традиции на литературную. Единицы с корнем *-ворот-/-врат-*, имеющие соответствующую семантику, извлекались из текстов путем сплошной выборки. Основной в исследовании стала разработанная курскими учеными под рук. А. Т. Хроленко лингвокультурологическая методика сжатия конкорданса, учитывающая все наиболее существенные синтагматические и ассоциативные связи лексемы позволяющая составить своего рода "концептограмму" [11].

Материалом для сопоставления послужили записи курских народных лирических песен из свода А. И. Соболевского [1], сказок из сборника Ф. Белкина [9] и собрания А. Н. Афанасьева [7], а также повести тех авторов, жизнь и творчество которых связаны с Курским краем: "Тимур и его команда" А. П. Гайдара [3], "Это мы, Господи!.." К. Д. Воробьева [2], "Усвятские шлемоносцы" Е. И. Носова [8]. Произведения военной тематики отражают времена потрясений и потерь, когда разрушился прежний уклад жизни; все указанные писатели – фронтовики, непосредственные участники военных событий. Изучение творческого идиолекта каждого из них ведется в границах научного проекта кафедры русского языка КГУ "Курское слово"

В фольклорной языковой картине мира "ВОРОТА" – своего рода показатель границы локуса, символический разделитель "своего" и "чужого" пространства. В записях курских сказок концепт вербализуется только

словом *ворота*, его употребления немногочисленны. "Свой" локус – это родной дом, в котором обитают герои, "чужое" – то, что находится за воротами, где герою чаще всего предстоят тяжёлые испытания.

Например, в известном сюжете сказки "Морозко" ворота фигурируют в повторяющейся ситуации возвращения героини из леса. Мачеха выгнала падчерицу из дома ("за ворота"), её отвезли в лес ("чужой", пугающий локус), где она замерзала. Однако за кротость и добрый нрав Мороз наградил девушку богатыми дарами, и она вернулась домой: *Скрипнули ворота, растворились двери, несут сундук высокий, тяжёлый, идет падчерица – панья паньей сияет! Мачеха глянула – и руки врозь!* [7, т. 1, № 96]. Аналогично наблюдаем в сказке "Старуха-говоруха": изгнанная злой мачехой девушка в трудных обстоятельствах проявляет лучшие качества, за что получает дорогие подарки от хозяина леса – Лешего [7, т. 1, № 97]. Думается, что это важный момент в осознании фольклорной картины мира русских сказок: за границу (ворота) "своего" пространства герой изгоняется "чужими" персонажами – неродными людьми (мачеха, как правило, действует со своей дочерью или дочерьми и в их интересах), но, выдержав все испытания в "чужом" мире, возвращается обратно с почестями, а "чужие" посрамлены.

Кроме того, главная героиня, обычно обижаемая и обездоленная, много работает в своём доме, ухаживает за ним и его обитателями, а "чужие" этого никогда не делают и не ценят усилий героини. Как правило, дочери мачехи или хозяйки, ни к чему не приученные, бездельничают и ждут незаслуженных благ, не уделяя внимания домашним делам, не вникая в обиход. В курских сказках они проводят время "у ворот", обращаясь к "чужому" пространству: *А были у ее хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя – Двуглазка, а меньшая – Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала* [7, т. 1, № 100].

Итак, в сказках *ворота* номинируют локус, главным образом границу "своего" и "чужого". Реже разделяется "чужое" пространство, его разные зоны – несвободная и свободная. Так, в сказке "Иван-царевич и Марья-царевна" из сборника Белкина повествуется о том, как змей похитил царских детей и держал их в своём жилище (несвободная "чужая" зона). Иван-царевич осуществил попытку побега из дома змея: пространство за воротами можно рассматривать как тоже "чужое", но уже свободное. *Вот охота яво побегла уперет, он подходить к воротам. Вдруг змей разлетелся и хотел яво схватить. Охота бросилась, чуть-чуть яво не схватила* [9, № 2].

В курских народных песнях, в отличие от сказок, концепт "ВОРОТА" связан, скорее, с реализацией не столько семиотической, сколько символической функции. Он представлен лексемами *ворота* (32 словоупотребле-

ния), *воротечки* (3), *воротня* (1), *воротца* (1). Кроме основного вербализатора концепта, остальные номинации являются диалектными [10, т. 5, 118–124], они низкочастотны в песенных текстах или единичны. Все лексемы многозначны; *воротца* практически полностью совпадает по семантике со словом *ворота* [10, т. 5, 124], а *воротечки* в "Словаре русских народных говоров" квалифицируется как ласкательное к *воротца* [10, т. 5, 119]. Слово *воротня* в третьем значении – это также 'ворота' [10, т. 5, 122], причем в качестве иллюстрации приводится пример курской лирической песни из сборника А. И. Соболевского.

Мы составили концептограмму для основной номинации в курской народной лирике. **Ворота** (32) **А:** *батюшкины* 1, *новые* 4, *новые кленовые решетчатые* 1, *тесовые* 1, *широкие* 3 **С:** *ворота-ворота* 1, *в. у батюшки* 2 **Прон:** *его* 1, *наши* 1, *свои* 1, *в. у меня* 1 **В_о:** <быть> (*сине море*) *у в.* 1, *велеть растворить* 1, *выйти за в.* 5, *выходить за в.* 1, *запирать* 1, *ночевать за в.* 1, (*не*) *отворить* 2, *отворять* 8, *пойти-выйти за в.* 1, *разливаться (разлив) у в.* 1, *разыграть (карагод) супроти в.* 1, *расстилаться (травамурава) у в.* 1, *спать за в.* 1, *стоять (бабий карагод, батюшка, душа красная девица, моя, озеро воды, хорошая пригожая) у в.* 7, *стоять (рябина) у воротах* 1 /.../: *ворота ... болота* 2, *ворота ... сокол* 1, *двор ... ворота* 1

В народной лирике характеризующие определения употребляются не столько с целью подробного описания реалии, сколько для идеализации объекта; это проявляется в их семантической избыточности. *Выходила молодца За новья ворота, За новья кленовья, За решетчатья...* [1, т. 2, № 76]. Притяжательное прилагательное *батюшкины* показывает связь с отчим домом, устоями родной семьи. Ассоциативный вертикальный ряд закрепляет связь *батюшкиного* и *своего*: *Разыграю карагод Супроти своих ворот, Супроти батюшкиных* [1, т. 4, № 108].

Глагольные объектные связи дают возможность выделить несколько аспектов развития символического значения образа. Исследователи славянской мифологии отмечают, что "открывание – закрывание ворот символизирует акт контакта с внешним миром" [6]. Распространённая песенная ситуация – запирание ворот перед нелюбимым мужем. Изгнанный муж просит открыть ворота: *Отворяй, жена, ворота, Отворяй, жена, широки...* [1, т. 2, № 486]. По другую сторону закрытых ворот может находиться и другой нежеланный персонаж, к которому не испытывают добрых чувств. Например, в одной из курских песен героине, пригнавшей домашний скот, свекор не открывает ворота, требуя называть его батюшкой, однако невестка не согласна с этим и даже обещает в ответ разрушить забор [1, т. 2, № 605]. Ворота здесь – предел в личных отношениях, нежелание принимать какого-то человека. Открытые ворота ассоциируются с нарушением границ родного дома, утратой чувства защищённости и надёжности, проникновения в жизнь героев негативных событий. Об этом очень про-

никновенно говорится в одной из курских песен: *А кручинушка по двору ходит, А печаль ворота открывает...* [1, т. 3, № 524].

Открывание ворот в фольклорной лирике часто символизирует готовность или неготовность вступить в любовные отношения. Обычно предложение исходит от молодца, а девица соглашается или отвергает его: *Отворяй ворота, встречай сокола...* [1, т. 5, № 110]. Такую же открытость к любовным отношениям демонстрирует ситуация "Некто находится в воротах" – на этапе формирования новых социальных связей, перехода из родной семьи в другую. *Вот Марьюшка у воротичках стоит, Ивановна во широких столбовых* [1, т. 4, № 510]. В фольклорной лирике у ворот как порога выхода в "большой мир" чаще всего помещаются персонажи, стремящиеся завязать отношения, – девица, реже – вдовушка. Стояние у ворот или выход за ворота – готовность к любви. *Встань-проснися, удовушка молода, Пойди-выди за новья ворота!* [1, т. 6, № 284]. О связи локуса с любовной тематикой в народной лирике свидетельствует повторяющийся образ воды – символ любовного чувства. *У батюшки у ворот Разлив разливається...* [1, т. 4, № 107].

Исследование лексической репрезентации концепта "ВОРОТА" в одной из локальных традиций – курских песнях и сказках показало, с одной стороны, устойчивость восприятия концепта в устно-поэтическом творчестве в целом ("граница, предел"), с другой – явную семиотическую функцию в эпических текстах (разделение "своего" и "чужого" или зонирование "чужого" пространства) и преимущественно символическую, связанную с определёнными образами и ситуациями, – в лирических (открывать и запирать ворота, стоять в воротах и у ворот, выходить за ворота, вода за воротами и т. п.).

Рассмотрим роль концепта "ВОРОТА" в связанных с военной тематикой повестях курских писателей. В произведении А. П. Гайдара "Тимур и его команда", написанном в 1940 г., в период напряженной международной обстановки Второй мировой войны и советско-финской войны, рассказывается о подростках, которые во главе с командиром их отряда Тимуром помогают семьям бойцов Красной Армии. Упоминание ворот характеризует тайную, скрытую от других глаз деятельность отряда Тимура. Поэтому, как правило, управляющие существительным *ворота* глаголы имеют семантику быстрого движения или одномоментного действия: *прискочить, помчаться, выбежать*. *Размахивая обожженными руками, Сима помчался к воротам, откуда уже выбежала закончившая свою работу четверка* [3]. В абсолютном большинстве случаев ворота выступают как носитель иконического знака красной звезды или как его часть (звезда на воротах). Тимуровцы отмечают этим знаком усадьбы тех жителей посёлка, которые призваны в Красную Армию и семьям которых нужна помощь. Таким образом, в языке повести А. Гайдара отмечено постоянное сопряжение репрезентирующего концепт существительного *ворота* со словами *звезда*

или знак. – Вот хватил! – И Тимур укоризненно качнул головой. – Да там на **воротах** еще третьего дня наш знак поставлен [3]. Звезда на воротах – знак, подверженный трансформации, динамическим изменениям: если ушедший из дома красноармеец погибает, звезду обводят траурной темной каймой. Из красной звезда становится черно-красной. *Поздняя ночь. И черно-красной звезды на воротах не видно. Но она тут* [3].

В автобиографической повести К. Д. Воробьева "Это мы, Господи!.. ." (1943) речь идет о страшных событиях войны, свидетелем и участником которых стал сам писатель. Он изобразил себя в роли главного героя – молодого лейтенанта Сергея Кострова, практически в самом начале войны оказавшегося в немецком плену и пережившего ужасы лагерей: Ржевского, Каунасского, тюрьмы Паневежиса и других.

Концепт "ВОРОТА", играющий в образном строе повести очень важную роль, представлен несколькими лексемами. Помимо заглавного имени *ворота*, повторяющимися единицами являются *привратник* и *предворотный* в устойчивом сочетании *предворотняя будка*. Кроме того, зафиксирована синонимическая пара *двери-ворота*. В использовании всех этих наименований ярко реализована сема 'закрытости', 'ограничения', 'несвободы', что обусловлено тематикой и мрачно-безысходным колоритом описываемых в произведении картин.

Слово *привратник* 'сторож у ворот, у входа куда-л.' в некоторых современных словарях квалифицируется как устаревшее. Тем внушительнее выглядят безликие полумифические фигуры охранников у входа. *Пройдя несколько железных **ворот**, которые не торопясь и величаво открывались **привратниками**, Сергей вошел во двор тюрьмы. Огромное угрюмое здание было окутано густым мраком. Лишь над низенькой входной дверью в тюрьму мерцала синяя электрическая лампочка* [2].

Функцию охраны заключенных и наблюдения за ними выполняет и "предворотная будка". Необходимо отметить, что слово *предворотный* в нормативных словарях русского языка отсутствует. Словарь русских народных говоров содержит существительное *предворотник* 'привратник', которое характеризуется как фольклорное [10, т. 31, 76]. Думается, что это прилагательное – украинизм, если судить по мягкому конечному согласному основы. В анализируемой повести образ охранного сооружения гармонично вписывается в унылую картину холодной ночи в лагере для военнопленных. *Когда я снова увидел Васюкова, месяца над **предворотней будкой** уже не было, и колонна пленных почти не различалась* [2].

О значимости концепта "ВОРОТА" в картине мира писателя свидетельствует не только высокая частотность заглавной лексемы, но и богатство ее синтагматических связей в тексте повести. Слово *ворота* устойчиво сочетается с существительными *лагерь (ворота лагеря)* и *проем (проем ворот)*, с прилагательным *железный (железные ворота)*. Субъектные и объектные глаголы акцентируют внимание на экспрессивной семантике

закрытости и безысходности: *ворота закрылись, запереть ворота, загнать в ворота, заковылять от ворот (в глубь лагеря), постучать (кулаком) в ворота, удариться в ворота. Еще не успели закрыться **ворота** лагеря за изможденным майором Величко, как эсэсовцы с нечеловеческим гиканьем врзались в гущу пленных и начали убивать их* [2]. Действие в повести, как правило, происходит в темное время суток – в сумерках или ночью. Вероятно, поэтому, даже если ворота распахнуты, герой видит в их проеме нечто тревожное – зловещий огонь или сапоги фашистов-мучителей. Очень выразительны метафоры, характеризующие этот образ: *темный зев ворот и черные ворота ночи*.

Совсем иначе представлен концепт "ВОРОТА" в повести Е. И. Носова "Усвятские шлемоносцы". Здесь описывается переломный этап между мирным существованием, привычным крестьянским обиходом жителей селения Усвяты и началом войны, разрушившей незыблемый уклад и людские судьбы. В языке произведения явно ощущается фольклорная стихия [4], в этой стилистике решается и образ ворот. Символический образ ворот служит как бы водоразделом между идиллией деревенской жизни, подчиняющейся извечным законам природы и соответствующему трудовому циклу, и войной как неестественным, богопротивным явлением.

В произведении Е. Носова ворота связаны со "своим", родным и освоенным пространством. Это может быть вход в жилище, среду обитания не только человека, но и домашних животных. Неоднократно образ ворот встречается при описании колхозной конюшни – места работы главного героя Касьяна. ... *перед ночным отвязывали и выпускали лошадей и те, нетерпеливо теснясь, выбежали за конюшенные **ворота*** [8]. Характерно, что в проеме, или "квадрате", распахнутых ворот герой Носова видит совсем другие картины, в отличие от сжигающего огня или фашистских сапог в повести К. Воробьева. Перед Касьяном появляется "неслышная тень" пришедшей к нему любимой жены или его помощник по уходу за лошадьми. И проем ворот здесь – "солнечный", в приоткрытые ворота проникает "теплый утренний свет".

Интересно отметить, что ворота в произведении Е. И. Носова могут обозначать не только пространственную границу, но и возрастной промежуток. Так образно описывается разница во времени рождения Касьяна и его старшего брата. ... *остались Касьян да Никифор, как две веревки, между которыми зияли никем не подпертые эти восьмилетние разверстые **ворота*** [8].

Основная функция концепта в повести – обозначить предел мирной жизни, ее излом в связи с приходом войны. Данный функционал проявлен в трех типах ситуаций: (1) всадник с повесткой на фронт у ворот; (2) выплеснувшееся на улицы деревни за ворота каждой усадьбы горе, ставшее всеобщим; (3) прощание со своим домом, селением усвятцев, уходящих мимо родных ворот на войну.

В повести Е. И. Носова концепт "ВОРОТА", кроме основной лексемы-репрезентанта, представлен прилагательным *воротный*. Было видно, как у Кузьмы медленно, будто не прихваченная засовом **воротняя** половинка, отвисала нижняя губа [8]. Данная единица не отмечена ни в "Словаре русских народных говоров", ни в "Словаре курских говоров". По аналогии с наименованием *предворотный* в художественном идиолекте К. Д. Воробьева, предположим здесь выразившееся в огласовке влияние украинского языка на южнорусский курский диалект.

Итак, очевидно, что при описании переломного времени в истории страны и жизни людей ворота в произведениях курских писателей наделены своеобразной символической функцией: от роли иконического знака защиты или его носителя (ворота со звездой) в произведении А. П. Гайдара до символа закрытости, несвободы, ограничения, беспросветности, ассоциирующегося с вратами ада, у К. Д. Воробьева. В повести Е. И. Носова символика поднимается на новый уровень, ворота осмысливаются в традиционном фольклорном ключе как своеобразный предел, граница судьбоносных изменений между мирной гармоничной жизнью и тяготами войны. Можно отметить некую общность в реализации концепта, состоящую в значительной смысловой нагруженности, "знаковости" в художественном тексте. Различия в функциях концепта и семантике выражающих его лексем определяются конкретным содержанием произведения, авторскими целеустановками и спецификой читательской аудитории.

Список использованных источников

1. Великорусские народные песни : в 7 т. / изд. проф. А. И. Соболевским. – СПб. : Гос. типография, 1895–1902. – Т. 2–6 (в примерах указывается том и номер текста). – Текст : непосредственный.

2. **Воробьев, К. Д.** Это мы, Господи!. / К. Д. Воробьев [сайт]. URL: https://mir-knig.com/read_57992-105# (дата обращения: 02.04.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

3. **Гайдар, А. П.** Тимур и его команда / А. П. Гайдар [сайт]. URL: https://mir-knig.com/read_6951-2# (дата обращения: 10.04.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

4. **Климас, И. С.** "Своя земля... и в горсти дорога, и в щепоти родина" (Фольклоризмы в повести Е. И. Носова "Усвятские шлемоносцы") / И. С. Климас // Русский язык в школе. – 2007. – № 2. – С. 52–58. – Текст : непосредственный.

5. **Климас, И. С., Праведников, С. П.** *ВОРОТА* в курском фольклоре / И. С. Климас, С. П. Праведников // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 4 (43). – С. 89–100 [сайт] URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47497100> (дата обращения: 02.04.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

6. Мифы, сказки и язычество славян [сайт]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/2-9-3-slavyanskaya-mifologiya/index.htm> (дата обращения – 15.03.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

7. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3-х т. / изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. – М. : Наука, 1984–1985. – Т. 2–6 (в примерах указывается том и номер текста). – Текст : непосредственный.

8. Носов, Е. В. Усвятские шлемоносцы / Е. В. Носов [сайт]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=65326&p=47> (дата обращения: 08.04.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

9. Сказки, записанные в Тимском уезде. Собраны Ф. Белкиным // Труды Курского губернского статистического комитета. – Курск: Типография Губернского Правления, 1863. – Вып. 1. – С. 518–542 (в примерах указывается номер текста). – Текст : непосредственный.

10. Словарь русских народных говоров. – М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2016. – Вып. 1–49. – Текст : непосредственный.

11. Хроленко А. Т. Основы современной филологии / А. Т. Хроленко. – М. : Флинта, 2013. – 344 с. – Текст : непосредственный.

УДК 811. 161. 3'42'367. 335. 2:398. 91

СРОДКІ СІНТАКСІЧНАЙ СУВЯЗІ Ў БЕЛАРУСКІХ ПАРЭМІЯХ СА СТРУКТУРАЙ СКЛАДАНАЗАЛЕЖНЫХ СКАЗАЎ

Аўтар выяўляе парэмічныя канструкцыі са структурай складаназалежнага сказа, разглядае семантыка-сінтаксічныя адносіны паміж састаўнымі кампанентамі гэтых сінтаксічных адзінак і вызначае ролю сродкаў сінтаксічнай сувязі паміж прэдыкатывымі часткамі.

Ключевые слова: семантыка, структура, сінтаксіс, парэмія, складаназалежны сказ, галоўная частка, даданая частка, сродак сувязі.

Самы шырокі пласт народнай культуры – гэта вусная народная творчасць. Яшчэ задоўга да таго, калі мастацкае слова было зафіксавана ў помніках пісьменнасці, народ выяўляў свае настроі і думы ў песнях, казках, паданнях, якія былі першымі праявамі яго мастацкай творчасці. Асаблівацю фальклору з’яўляецца яго старажытнае паходжанне, бо падобныя творы ствараліся ў той час, калі яшчэ не было пісьменнасці. Часта ў стварэнні аднаго твора ўдзельнічала шмат людзей, і кожны пры пераказванні дадаваў нешта сваё, пра што сведчыць яшчэ адна асаблівасць – варыятыўнасць, бо нават адзін апавядальнік не мог шмат разоў паўтараць творы без змен. Яны на працягу многіх гадоў і стагоддзяў свайго бытавання перадаваліся, станавіліся сапраўднымі шэдэўрамі мастацтва. Не з’яўляюцца выключэннем і беларускія прыказкі і прымаўкі, у якіх адлюстраваліся ўсе важнейшыя асаблівасці народнага жыцця з самых далёкіх часоў: сацыяльная няроўнасць і несправядлівасць, любоў да Радзімы, сяброўства і вернасць, сям’я і каханне, здароўе, сіла, хвароба і інш. Зараз цяжка вызначыць, з якога перыяду чалавечай гісторыі пачынаецца гэтая разнавіднасць народнай мудрасці. Відавочна, старажытныя прыказкі і прымаўкі, звязаныя з усведамленнем чалавекам свайго месца ў навакольным асяроддзі, перадаваліся з пакалення ў пакаленне. Беларускія парэміі былі і застаюцца энцыклапедыяй народнага жыцця.

Беларускія прыказкі і прымаўкі маюць структуру сказа. У даным артыкуле намі будуць прааналізаваны сродкі сінтаксічнай сувязі ў беларускіх парэмічных канструкцыях, якія суадносяцца са складаназалежнымі сказамі (разгледжана больш за 1000 прыказак і прымавак).

У лінгвістычнай навуковай літаратуры складаназалежны сказ разумецца як складаны сказ, у якім пры дапамозе падпарадкавальных злучнікаў або злучальных слоў аб'ядноўваюцца сінтаксічна нераўнапраўныя прэдыкатыўныя часткі. Складаназалежны сказ складаецца, як правіла, з дзвюх нераўнапраўных частак, дзе адна частка паясняе другую і сінтаксічна ёй падпарадкоўваецца. Фармальным паказчыкам гэтай залежнасці выступаюць падпарадкавальныя злучнікі і злучальныя словы, якія знаходзяцца ў даданай частцы. Паміж галоўнай і даданай часткамі могуць выражацца розныя віды семантыка-сінтаксічных адносін. Яны абумоўлены зместам галоўнай часткі і перш за ўсё тым, які член галоўнай часткі паясняецца і якімі моўнымі сродкамі ажыццяўляецца гэта паясненне. У залежнасці ад гэтага паміж галоўнай і даданай часткамі існуюць наступныя віды семантыка-сінтаксічных адносін: суб'ектныя, працэсуальныя (прэдыкатыўныя), аб'ектныя, атрыбутыўныя (азначальныя) і розныя віды акалічнасных адносін. У складаназалежных парэмічных канструкцыях прадстаўлены наступныя тыпы даданых частак: даданая дзейнікавая частка, якая служыць для выражэння суб'ектных адносін (*Не той піва п'е, хто варыць* [1, с. 68]); даданая выказнікая частка, якая служыць для выражэння працэсуальных адносін (*З якім спазнаешся, такім станешся* [1, с. 90]); даданая азначальная частка, што характарызуе прадмет ці прымету прадмета, пра які паведамляецца ў галоўнай частцы (*Тым панам рукі наадсыхалі, што ад сябе гарнулі* [1, с. 71]); даданая дапаўняльная частка, якая канкрэтызуе дапаўненне галоўнай часткі, выражанае ўказальным займеннікам (*той, тая, тое, тыя*) ці азначальным займеннікам (*кожны, усякі, усе, усё*), выконвае ролю дапаўнення ў адносінах да выказніка галоўнай часткі (*Народ таго заве героем, хто б'е фашыстаў смертным боем* [1, с. 56]); даданая частка спосабу дзеяння, што паказвае, якім чынам або якім спосабам ажыццяўляецца тое, пра што паведамляецца ў галоўнай частцы (*Як ты мне, так я табе* [1, с. 96]); даданая частка месца, якая служыць для выражэння прасторавых адносін з галоўнай часткай (*Дзе адзін пануе, там сто гаруе* [1, с. 62]); даданая частка часу, якая служыць для выражэння часавых адносін з галоўнай часткай (*Гады багатыя рады, калі ў бедных пайшлі звады* [1, с. 71]); даданая частка прычыны, якая служыць для выражэння прычынных адносін з галоўнай часткай (*Багаты абы-што хапае, бо свайго ліку не мае* [1, с. 59]); даданая частка мэты, якая служыць для выражэння мэтавых адносін з галоўнай часткай (*Рука руку мые, каб абедзве чыстыя былі* [1, с. 315]); даданая частка ўмовы, якая служыць для выражэння ўмоўных адносін з галоўнай часткай (*І свіння гаспадыня, калі мукі скрыня* [1, с. 64]); даданая частка ўступкі, якая служыць для выражэння ўступальных адносін з галоўнай часткай (*Хоць грошай ні гроша, затое слава хароша* [1, с. 72]); даданая параўнальная частка, якая служыць для выражэння параўнальных адносін з галоўнай часткай (*Гандляваць лягчэй у краме, чым касіць у пана* [1, с. 61]).

У беларускіх парэмічных канструкцыях са структурай складаназалежнага сказа даданая дзейнікавая частка звязваецца з галоўнай пры дапамозе злучальных слоў *што*, *што* і злучніка *як*. Сярод сродкаў сувязі ў такіх сказах найбольш распаўсюджана злучальнае слова *што*, выражанае адносным займеннікам: *Той мае, што ў руках трымае* [1, с. 71]; *Што хоча гора нажыць, няхай ідзе да двара служыць* [1, с. 73]; *Што мае, той не дбае* [1, с. 120]; *Не кожны (той) спіць, што храпе* [1, с. 223]; *Пазычае, што свайго не мае* [1, с. 229]; *Што з языком, той з пірагом* [1, с. 317]; *Увесну плача, што ўвосень скача* [1, с. 118]. У канструкцыях падобнай будовы злучальнае слова *што* выконвае функцыю дзейніка. Сустрэкаюцца прыказкі, дзе сродкам сувязі выступае форма адноснага займенніка *што* ў Р. склоне. У такім выпадку злучальнае слова (*у*) *каго* з'яўляецца ўскосным дапаўненнем: *У каго баляць косці, той не думае ў гасці* [1, с. 173]. Трэба адзначыць, што сувязь паміж прэдыкатыўнымі часткамі такіх сказаў вельмі часта ажыццяўляецца не толькі пры дапамозе аднаго злучальнага слова ў залежнай частцы, але і пры ўдзеле ўказальнага слова *той*, змешчанага ў галоўнай частцы (так званая карэлятыўная пара). Другім сродкам сувязі ў складаназалежных сказах з даданай дзейнікавай з'яўляецца злучальнае слова *што* (часта пры ўдзеле ўказальнага займенніка *то* (*той*) або азначальнага займенніка *ўсё* ў галоўнай частцы), якое выступае ў ролі дзейніка: *Усё шkodзіць, што занадта, нават пірагі* [1, с. 241]; *Усё зімою згодзіцца, што ўлетку ўродзіцца* [1, с. 118]; *Што аднаму цяжка, тое гуртам лёгка* [1, с. 86]; *Што праўда, то не грэх* [1, с. 163]. Зрэдку сустракаюцца выпадкі, калі сродкам сувязі паміж прэдыкатыўнымі часткамі такіх канструкцый выступаюць падпарадкавальныя злучнікі: *Добра, як сусед блізка і пералаз нізка* [1, с. 89]. Даданая дзейнікавая частка з'яўляецца прадуктыўным тыпам ў структуры беларускіх парэмій.

Даданая выказнікавая частка канкрэтызуе значэнне выказніка галоўнай часткі, выражанага займеннікамі *такі*, *гэтакі*, *той* у форме Н. склону, зрэдку Тв. склону. Даданая выказнікавая частка аб'ядноўваецца з галоўнай пры дапамозе, як правіла, злучальных слоў *што*, *што*, які: *Які госьць, такое і частаванне* [1, с. 96]; *Якая птушка, такое і гняздечка* [1, с. 148]; *Які куст, такі і адростак* [1, с. 148]; *Які Хомка, такая яго і жонка* [1, с. 148]; Адзінкавымі прыкладамі з'яўляюцца складаназалежныя сказы з даданай выказнікавай, дзе сродкамі сувязі служыць падпарадкавальны злучнік *што*: *Абед на абед – не тое, што кій на кій* [1, с. 165].

Даданая азначальная частка ў парэмічных канструкцыях характарызуе прадмет ці прымету прадмета, пра які паведамляецца ў галоўнай частцы. Сам прадмет абазначаны назоўнікам, а яго прымета – указальным займеннікам (*той*, *такі*, *гэтакі*). Для сувязі даданай азначальнай часткі з галоўнай часцей за ўсё ўжываецца злучальнае слова *што*, якое выконвае ролю дзейніка ў даданай частцы: *Благая тая птушка, што свайго гнязда*

не пільнуецца [1, с. 81]; *Адсохне хай тая рука, што на бацьку падымаецца* [1, с. 127]; *Злавліі плотку, што не лезе ў лодку* [1, с. 206]. У даданных азначальных частках з дадатковым акалічнасным адценнем месца ў якасці сродку сувязі ўжываюцца злучальныя словы *дзе, куды (кудою)*, якія выражаны прыслоўямі і выконваюць ролю акалічнасці: *Дарагая тая хатка, дзе нарадзіла мяне матка* [1, с. 81]; *Бяда ў тым доме, дзе куры пяюць, а пеўням волі не даюць* [1, с. 128]; *Мілая тая дарожка, кудую я да мамы хадзіла* [1, с. 136]. Падпарадкавальны злучнік *каб* з'яўляецца сродкам сувязі ў складаназалежных сказах з даданай азначальнай у адзінкавых выпадках: *Няма такога дрэва, каб на яго птушка не сядала* [1, с. 229].

Даданая дапаўняльная частка звязваецца з галоўнай найчасцей пры дапамозе злучальных слоў *што, што, чым*: *Што нам сулілі, тое самі з'елі* [1, с. 57]; *У каго грошай кашэль, на таго не апрануць шынель* [1, с. 80]; *Што маю, тым прымаю* [1, с. 95]; *Хай багачы дзівяцца, чым беднага дзеці жывяцца* [1, с. 125] (у даданай частцы злучальныя словы выступаюць у ролі дапаўненняў); *Вазьмі, Даніла, што нам няміла* [1, с. 279]; *Што напісана прам, не выйме і сякера* [1, с. 163]; *Хто толькі сам сябе любіць, таго ніхто не любіць* [1, с. 317] (у даданай частцы злучальныя словы з'яўляюцца дзейнікамі). Даданая дапаўняльная, як правіла, адносіцца да ўказальнага займенніка *той*, змешчанага ў галоўнай частцы. Нярэдка сродкам сувязі ў складаназалежных сказах з даданай дапаўняльнай служачь падпарадкавальныя злучнікі *што, ці*: *І сабака ведае, што ў траўцы лекі ёсць* [1, с. 168]; *Пытаецца люты, ці добра абуты* [1, с. 114]. Даданая дапаўняльная частка з'яўляецца прадуктыўным тыпам у структуры беларускіх парэміяў.

У беларускіх прыказках і прымаўках, што суадносяцца са складаназалежным сказам, даданая частка спосабу дзеяння раскрывае змест акалічнасці спосабу дзеяння, якая выражана прыслоўем *так* у галоўнай частцы. Асноўным сродкам сувязі выступае злучальнае слова *як*, якое ў даданай частцы з'яўляецца акалічнасцю: *Як будзем рабіць, так і будзе радзіць* [1, с. 121]; *Як маем, так ужываем* [1, с. 176].

Даданая прасторавая частка ў складаназалежных парэмічных канструкцыях паясняе ці ўдакладняе змест акалічнасці месца, якая выражана прыслоўямі тыпу *тут, там, туды, адтуль* і г. д. Для сувязі прэдыкатыўных частак ужываюцца злучальныя словы *дзе, куды, адкуль* (у даданай частцы яны выступаюць акалічнасцю): *Дзе людзі бяднеюць, там пань багацеюць* [1, с. 62]; *Там добра, дзе нас няма* [1, с. 83]; *Куды людзі, туды і я* [1, с. 86]; *Адкуль прыйшоў, туды і пайшоў* [1, с. 190]; *Адкуль дым, адтуль і польмя* [1, с. 190]. Даданая частка месца з'яўляецца прадуктыўным тыпам ў структуры беларускіх парэміяў.

Даданая частка часу кампенсуе акалічнасць часу пры выказніку ў галоўнай частцы або раскрывае змест такой акалічнасці ў галоўнай частцы,

якая выражана суадноснымі словамі (прыслоўямі) *тады, заўсёды, датуль*. Для сувязі прэдыкатыўных частак ужываюцца падпарадкавальныя злучнікі *калі, як, пакуль*: *Тады перастаюць гараваць, як не будзе каму панаваць* [1, с. 71]; *Пакуль з багатага пух, то з беднага дух* [1, с. 69]; *Гуляй, дзяцінка, пакуль добрая гадзінка* [1, с. 78]; *Калі вясной запые ўдод, сей боб* [1, с. 104]; *Тады сена касі, як косіцца* [1, с. 117]; *Датуль нявестка была міла, пакуль бруд з хаты насіла* [1, с. 130]; *Тады дзеўка стала пышна, як замуж выйшла* [1, с. 143]; *Як матка памерла, дык бацька аслеп* [1, с. 148]; *Як сіраце жаніцца, ноч кароткая* [1, с. 149]. Даданая частка часу з'яўляецца прадуктыўным тыпам ў структуры беларускіх парэмій.

Для сувязі даданай часткі прычыны з галоўнай у структуры парэмічных канструкцый, як правіла, ужываецца злучнік *бо*: *Добра багатаму красці, бо ёсць да чаго прыкласці* [1, с. 63]; *Не косіць Федзька, бо ў торбе рэдзька* [1, с. 170]; *Не вастры зубоў, бо есці не будзеш* [1, с. 284].

Даданая частка мэты звязваецца з галоўнай таксама пры дапамозе падпарадкавальных злучнікаў. Асноўным сродкам выступае мэтавы злучнік *каб*: *Каб бачыць ворага спіну, бі яго ў лоб* [1, с. 79]; *Прыглядай гасцей, каб хадзілі часцей* [1, с. 93]; *Трэба ўлетку назбіраць, каб узімку было што жаваць* [1, с. 117]; *Хлеб спякла, каб яна з двара ўцякла* [1, с. 276].

Даданая частка ўмовы паказвае, пры якіх абставінах адбываецца або можа адбывацца дзеянне, названае ў галоўнай частцы, і звязваецца з галоўнай пры дапамозе злучніка *калі*: *Калі худ, то ў кут* [1, с. 65]; *Калі з'елі кароўку, то з'ежце і вяроўку* [1, с. 75]; *Калі ў школе з матчынай гаворкі пасмяецца, то на старасці ад маткі адрачэцца* [1, с. 82]; *Калі не хочаш цягнуць, не лезь у хамут* [1, с. 91]; *Чаму ж не выпіць, калі чарка поўная* [1, с. 95]; *Не забудзеш крычаць, калі стануць драць* [1, с. 222]. У рэдкіх выпадках сродкам сінтаксічнай сувязі ў такіх парэмічных канструкцыях выступаюць злучнікі *як, каб*: *Як добрая свякроў, то добрая і нявестка* [1, с. 148]; *Забіла б і баба лося, каб ёй удалося* [1, с. 297].

У парэмічных канструкцыях са структурай складаназалежнага сказа даданая ўступальная частка звязваецца з галоўнай пры дапамозе злучніка *хоць*, а таксама злучальных слоў *колькі, як* (выражаных адносным займеннікам і прыслоўем адпаведна) у спалучэнні з часціцай *ні*: *Хоць я не багаты, а з гасцей рады* [1, с. 95]; *Вясна красна, хоць галадна* [1, с. 99]; *Хоць рукі чорныя, але работа белая* [1, с. 119]; *Вада вадою, колькі яе ні вары* [1, с. 194]; *Як бы сава ні старалася лятаць, а за сокала не будзе* [1, с. 249]; *Колькі ні хавай, а усё роўна босага пахаваюць* [1, с. 282].

У складаназалежных сказах з даданай параўнальнай часткай сродкам сінтаксічнай сувязі выступаюць злучнікі *як, што, чым*: *Лепей з ваўком у лесе стрэцца, як на панскай печы грэцца* [1, с. 66]; *На пазычаным хлебе касіць – што на лечаным кані ў дарогу ехаць* [1, с. 67]; *Лепей у сваіх людзях з голаду паміраць, чым у чужых людзях золата збіраць* [1, с. 82]; *На*

чужыне чужы да чужога, як у лесе сляпы да сляпога [1, с. 142]; *Ад добрага цяжэй адвыкаць, як да добрага прывыкаць* [1, с. 190]; *З дурным сварыцца, як з вадою біцца* [1, с. 268]; *Смех дураку, што рот на баку* [1, с. 274]; *Віляе, як сабака хвастом* [1, с. 309]. Самым распаўсюджаным сярод параўнальных злучнікаў з'яўляецца злучнік *як*. Даданая параўнальная частка з'яўляецца прадуктыўным тыпам ў структуры беларускіх парэмій.

Такім чынам, складаназалежныя сказы з рознымі відамі даданых частак шырока прадстаўлены сярод беларускіх прыказак і прымавак. Асабліва частотнымі (прадуктыўнымі) з'яўляюцца наступныя даданыя часткі: дзейнікаявая, дапаўняльная, даданыя месца, часу, параўнання. Менш распаўсюджана ўжыванне даданых выказніковых, азначальных, мэтавых, умоўных, уступальных. Адзінкавымі прыкладамі прадстаўлены парэмійныя канструкцыі з даданымі часткамі прычыны і спосабу дзеяння. Астатнія тыпы даданых частак (меры і ступені, выніковая, далучальная) не выяўлены намі ў структуры беларускіх парэмій. Частотнасць ужывання пэўных тыпаў складаназалежных сказаў сведчыць і пра актыўнасць выкарыстання пэўных сродкаў сувязі ў складаназалежных сказах з вышэйадзначанымі тыпамі даданых.

Неабходна адзначыць, што сярод беларускіх прыказак і прымавак сустракаюцца такія складаназалежныя канструкцыі, дзе даданая частка, акрамя свайго асноўнага значэння, мае дадатковае семантычнае адценне: *Не можна і брату верыць, калі зямлю мерыць* [1, с. 68] (даданая часу з адценнем умовы); *Ніхто не знае, як купец купляе* [1, с. 68] (даданая дапаўняльная з адценнем спосабу дзеяння); *Бедная тая дамова, дзе вала коле карова* [1, с. 128] (даданая азначальная з адценнем месца); *Мілая тая дарожка, кудою я да мамы хадзіла* [1, с. 136] (даданая азначальная з адценнем месца); *Быў час, калі дзеўкі любілі і нас* [1, с. 295] (даданая азначальная з адценнем часу). Наяўнасць дадатковых семантычных адценняў тлумачыцца ўжываннем адпаведных сродкаў сувязі і семантыкай сказа ў цэлым.

З вышэйадзначанага відаць, што структура беларускай парэміі шырока прадстаўлена складаназалежнымі сінтаксічнымі канструкцыямі, разнастайнымі па сваёй будове і семантыцы. Сродкі сувязі, пры дапамозе якіх ажыццяўляецца аб'яднанне прэдыкатывых частак, вельмі часта ўплываюць не толькі на структуру, але і на семантыку сінтаксічных канструкцый, якімі прадстаўлены прыказкі і прымаўкі, што даюць багаты матэрыял для даследавання не толькі лексічнай сістэмы, але сінтаксічных асаблівасцей мовы беларусаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі. – Мн. : Бел. навука, 2004. – 494 с.

Турилова Мария Валерьевна

Независимый исследователь, г. Калуга, Россия

e-mail: mariaturilova@mail.ru

УДК 070; 271; 811. 161. 1; 821. 161. 1; 908; 94

**ЮГО-ЗАПАД КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ, БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ,
БЕЛОРУССИЯ В СБОРНИКЕ "КАЛУГА В ШЕСТИ ВЕКАХ"**

В статье представлен обзор статей, посвященных теме российско-белорусского пограничья и опубликованных в сборниках калужской городской краеведческой конференции "Калуга в шести веках".

Ключевые слова: Белоруссия, Брянск, история, Калуга, краеведение, Россия, Русская Православная Церковь, русский язык.

В статье дан обзор работ, посвященных теме российско-белорусского пограничья и изданных в сборниках калужской городской краеведческой конференции "Калуга в шести веках". Статьи представлены в порядке их публикации в сборниках.

На протяжении истории Руси, затем Российского государства границы княжеств, губерний, областей менялись. Еще в XIV в. нынешние калужские земли входили в состав Брянского княжества, позднее вместе со Смоленском в состав княжества Литовского, через несколько веков относились к Московской губернии, некоторое время Калужская область была и вовсе упразднена. Исследования калужских краеведов и историков могут заполнить лакуны в истории соседних областей и пограничной Белоруссии.

Брянскому Свенскому Успенскому монастырю, основанному кн. Романом Михайловичем ок. 1288 г. в месте впадения р. Свинь в р. Десна (сейчас в г. Брянск), посвящена статья С. А. Никулиной. Белев, Болхов, Воротыньск, Козельск, Мещовск, Мосальск и другие были связаны с Брянском хозяйственной деятельностью, ежегодными Свенскими ярмарками. В синодиках Свенского монастыря сохранились имена незначных калужан-вкладчиков XVII-XVIII вв. В Синодике 1626 г. это 8 жителей Козельска, 1 – Жиздры, 2 – Калуги. В Синодике 1664 г. их двое: калужанин и козельчанин. В записках во вкладной книге Свенского монастыря 1699 г. упоминается еще один калужанин. В Синодике 1769 г. среди вкладчиков указан род калужского купца. Исследователь дает библиографию работ об истории монастыря, среди которых – "Брянский Свенский Успенский монастырь, Орловской епархии" (сочинение настоятеля монастыря архимандрита Иерофея. Орел, 1895) и статья И. Е. Евсеева "Описание рукописей, хранящихся в Орловских древлехранилищах. IV Рукописи Свенского монастыря", опубликованная в

сборнике Орловского церковного историко-археологического общества (т. II, Орел, 1906, с. 195-205) [9].

Л. В. Калашникова характеризует генерала-поручика М. Н. Кречетникова (1729-1793), первого калужского губернатора (1776-1790), почетного наместника Калужской губернии (1790-1793). Позже он в чине генерал-аншефа и военного инспектора служил генерал-губернатором Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств, командовал войсками в Малороссии, во время войны в Польше – русскими войсками Северной армии в Литве, о чем сообщает в сочинении "Дневниковые записки. О движении русских войск в Великом княжестве Литовском и Польше в 1792 г., находившихся под началом Генерала-аншефа Михаила Никитича Кречетникова" (ЧОИДР. 1863. Кн. 4. Отд. 2. С. 21-107). С 1793 г. генерал-губернатор Минского, Изяславского и Брацлавского наместничества после присоединения их к России. Умер в Меджибоже (Польша), посмертно получил графский титул. Похоронен в соборе Слуцкого Свято-Троицкого монастыря [5].

Ряд статей посвящен фортификационным сооружениям. В. В. Гараничев прослеживает динамику архитектуры крепостей и полевых укреплений "западного порубежья Московского государства": Смоленска, Брянска, Калуги – в XVI-XVIII вв. [3].

История взаимоотношений России с Литовским княжеством рассматривается во многих статьях, практически в каждом сборнике. Например, В. И. Игнатченко пишет о великом литовском князе Ольгерде (Альгидасе) Гедиминовиче в истории Калуги. Его грамота 1371 г., жалоба константинопольскому патриарху Филофею на московских князей под предводительством св. блгв. вел. кн. Дмитрия Донского, содержит первое письменное упоминание о Калуге. Этот и другие упомянутые города были порубежными и являлись предметом спора между московскими и литовскими правителями. Великий князь Литовский и Русский Гедимин, отец кн. Ольгерда, покорил Киев, Перемышль, белорусские, волынские земли, поделил их между своими родственниками. Государственным языком был русский, религией – православие. Кн. Ольгерд защищал литовские и русские земли от Тевтонского ордена и Золотой Орды при поддержке днепровских казаков. В стремлении объединить русские земли и Литву он обращался к митрополиту Алексию Московскому за духовной поддержкой, вероятно желая привлечь того к управлению также Литвой, западной Русью и Киевом, однако в результате в 1376 г. добился поставления Киевским митрополитом серба Киприана, который затем жил в Киеве и управлял Литвой. Сыновья и внуки кн. Ольгерда защищали русские земли от татар в 1380 г. на Куликовом поле и в 1382 г. в Москве [4].

А. А. Щеголев, описывая систему благотворительных учреждений в Калужской губернии во второй половине XIX в. и призывая использовать дореволюционный опыт России, сообщает о селениях в Жиздринском

уезде, жители которых профессионально занимались нищенством – "якуталышчеством", отправляясь за милостыней под видом богомольцев в монастыри, погорельцев, голодающих, сборщиков средств на строительство храмов и монастырей – в соседние губернии и "собирая обильные пожертвования", обеспечивающие их на долгое время [15, с. 81].

На конференции в 2008 г. несколько исследователей представили историю Русской Православной Церкви. С. А. Никулина исследовала эпитафии конца XIX – начала XX вв. на памятниках кладбища г. Жиздры [10]. Е. В. Метальникова пишет о благотворительной помощи св. прав. протоиер. Иоанна Кронштадтского сельским храмам Калужской Епархии [7].

Н. Н. Марченкова, М. А. Добычина проанализировали документы Сухиничского окружного комитета ВКП(б), хранящиеся в Госархиве документов новейшей истории Калужской области, изучая историю коллективизации в Сухиничском округе Западной области [6].

В. Я. Филимонов описывает включение поселений бывшей калужской губернии в составе районов в московскую и западную области [14].

А. С. Анисков характеризует одну из тыловых баз Западного фронта в Первую мировую войну – Калужский гарнизон в 1917 г., составлявший 692 офицера и 30322 нижних чина, при численности всех 6 запасных бригад Западного фронта около 68 тыс. солдат. Он упоминает 303-й пехотный полк численностью 4-5 тыс. солдат, располагавшийся в г. Жиздра [2].

Этнографические и этнокультурные сведения содержатся в статьях о семьях, оставивших свой след в истории Калужской земли. В сборнике 11-й конференции (2016 г.) две статьи посвящены старинному польскому дворянскому роду Циборовских римско-католического вероисповедания, представители которого из Слонимской и Гродненской губерний Российской империи перебрались в Вятку и Калугу [1; 13].

О. В. Сёмочкина, В. И. Углов, А. А. Запорожец описывают участие ученого А. Л. Чижевского и его отца Л. В. Чижевского в брусилковском (луцком) прорыве (1916 г.), переломном моменте первой мировой войны [12].

Калужскую и Брянскую земли связывают и имена литераторов. С. А. Никулина сообщает о посещении в августе 1846 г. Жиздры братьями Тютчевыми – поэтом, дипломатом Фёдором Ивановичем и его старшим братом Николаем Ивановичем. После смерти отца для вступления в наследство братья выехали из Москвы в свое родовое имение с. Овстуг Брянского уезда Орловской губернии. По пути, составившем 5 дней, останавливались на ночлег в Жиздре и прибыли в Овстуг 28 августа. Через несколько дней Ф. И. Тютчев выехал в Брянск, откуда в Калугу, но из-за плохой погоды свернул на Тулу и оттуда доехал в Москву. Исследователь дает очерк г. Жиздры в середине XIX в., сообщает о службе в 1834-1835 гг. в Тарутинском полку, расквартированном в Жиздре, разжалованного в солдаты, с

лишением дворянства и без выслуги, поэта А. И. Полежаева (1804-1838) [8].

В. П. Новиков, первый директор Национального парка "Угра", рассказывает историю организации национального парка в 1996 г., сотрудничества с различными организациями и частными лицами. Угорский, Жиздринский и Воротынский участки парка расположились на территории, протянувшейся через всю Калужскую область от Смоленской до Тульской областей. Этот опыт может быть использован другими регионами [11].

Список использованных источников

1. Абакулов, В. И. Дворяне Циборовские и калужский край // Калуга в шести веках. Мат-лы 11-й городской краеведческой конференции. – Калуга : Политоп, 2017. – 448 с. – С. 199-213. – ISBN 978-5-93821-183-4 (Политоп). – Текст : непосредственный.

2. Анисков, А. С. Калужский гарнизон в 1917 г. // Калуга в шести веках. Мат-лы 10-й городской краеведческой конференции. – Калуга : ИП Стрельцов И. А. : Эйдос, 2015. – 480 с. – С. 42-45. – ISBN 978-5-905697-81-4 (Эйдос). – Текст : непосредственный.

3. Гараничев, В. В. Влияние изменений военной стратегии и тактики на особенности оборонительного зодчества городов западной России XVI – начала XVIII вв. По историко-археологическим данным // Калуга в шести веках. Мат-лы 3-й городской краеведческой конференции. – Калуга : Полиграф-информ, 2000. – 436 с. – С. 39-41. – ISBN 5-93999-014-2 (Полиграф-информ). – Текст : непосредственный.

4. Игнатченко, В. В. Великий князь Ольгерд в истории Калуги // Калуга в шести веках. Мат-лы 3-й городской краеведческой конференции. – Калуга : Полиграф-информ, 2000. – 436 с. – С. 41-52. – ISBN 5-93999-014-2 (Полиграф-информ). – Текст : непосредственный.

5. Калашникова, Л. В. Михаил Никитич Кречетников – первый калужский губернатор // Калуга в шести веках. Мат-лы 2-й городской краеведческой конференции. – Калуга, 1999. – 152 с. – С. 11-16. – Текст : непосредственный.

6. Марченкова, Н. Н., Добычина, М. А. Документы Сухиничского окружного комитета ВКП(б) как источник по истории коллективизации в Сухиничском округе Западной области (по материалам Госархива документов новейшей истории Калужской области) // Калуга в шести веках. Мат-лы 7-й городской краеведческой конференции. – Калуга : Полиграф-информ, 2009. – 408 с. – С. 74-82. – ISBN 978-5-93999-339-5 (Полиграф-информ). – Текст : непосредственный.

7. Метальникова, Е. В. "И храмам сельским от души он помогал..." (О благотворительной деятельности отца Иоанна Кронштадтского сельским храмам Калужской Епархии) // Калуга в шести веках. Мат-лы 7-й городской краеведческой конференции. – Калуга : Полиграф-информ, 2009. –

408 с. – С. 372–380. – ISBN 978-5-93999-339-5 (Полиграф-информ). – Текст : непосредственный.

8. Никулина, С. А. Забытая страница истории, или Посещение Жиздры братьями Тютчевыми в августе 1846 г. // Калуга в шести веках. Мат-лы 11-й городской краеведческой конференции. – Калуга : Политоп, 2017. – 448 с. – С. 368–378. – ISBN 978-5-93821-183-4 (Политоп). – Текст : непосредственный.

9. Никулина, С. А. Калужане – вкладчики Брянского Свенского Успенского монастыря XVII–XVIII веков // Калуга в шести веках. Мат-лы 1-й городской краеведческой конференции, посвященной 625-летию г. Калуги. – Калуга : Гриф, 1997. – 244 с. – С. 232–234. – ISBN 5-86877-048-X (Гриф). – Текст : непосредственный.

10. Никулина, С. А. "Милость Твоя, Господи, лучше, чем жизнь". Эпитафии конца XIX – начала XX вв. памятников кладбища г. Жиздры // Калуга в шести веках. Мат-лы 7-й городской краеведческой конференции. – Калуга : Полиграф-информ, 2009. – 408 с. – С. 363–372. – ISBN 978-5-93999-339-5 (Полиграф-информ). – Текст : непосредственный.

11. Новиков, В. П. Из истории организации Национального парка "Угра" – первая дирекция (1993–1997) // Калуга в шести веках. Мат-лы 13-й городской краеведческой конференции. – Калуга : Моя Калуга, 2021. – 436 с. – С. 281–294. – ISBN 978-5-6047050-4-9 (Моя Калуга). – Текст : непосредственный.

12. Сёмочкина, О. В., Углов, В. И., Запорожец, А. А. К 100-летию Брусиловского (Луцкого) прорыва: участие в кампании Леонида Васильевича и Александра Леонидовича Чижевского // Калуга в шести веках. Мат-лы 11-й городской краеведческой конференции. – Калуга : Политоп, 2017. – 448 с. – С. 227–249. – ISBN 978-5-93821-183-4 (Политоп). – Текст : непосредственный.

13. Тюсова, М. Н. Дворянский род Циборовских // Калуга в шести веках. Мат-лы 11-й городской краеведческой конференции. – Калуга : Политоп, 2017. – 448 с. – С. 213–223. – ISBN 978-5-93821-183-4 (Политоп). – Текст : непосредственный.

14. Филимонов, В. Я. Как упразднили Калужскую губернию // Калуга в шести веках. Мат-лы 9-й городской краеведческой конференции. – Калуга : Камин-плюс, 2013. – 460 с. – С. 42–45. – ISBN 978-5-90648-301-0 (Камин-плюс). – Текст : непосредственный.

15. Щеголев, А. А. Развитие системы общественного призрения в Калужской губернии во второй половине XIX века // Калуга в шести веках. Мат-лы 4-й городской краеведческой конференции. – Калуга : Полиграф-информ, 2003. – 284 с. – С. 74–82. – ISBN 5-93999-083-5 (Полиграф-информ). – Текст : непосредственный.

Атаманова Наталья Викторовна, Щербакова Анна Сергеевна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: atamanova2001@list.ru, shcherbakova_anna_2000@mail.ru

УДК 801. 3

ПЕРЦЕПТИВНЫЙ ОБРАЗ "ГРОЗА" В ПОЭТИЧЕСКОМ ИДИОЛЕКТЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА

В статье предпринята попытка проанализировать образ грозы в традиционном представлении данного природного явления, в народно-поэтическом мировоззрении славян и в поэтических контекстах Ф. И. Тютчева. Поэтический образ грозы рассматривается как перцептивный образ, возникновение и развитие которого неразрывно связано с движением звуковых, цветовых и обонятельных образов. Гроза в поэзии Ф. И. Тютчева – событие радостное, жизнеутверждающее, наполняющее природу весельем, символ её обновления.

Ключевые слова: поэтический текст, поэтический диалект, Тютчев, перцептивные образы, символ, гроза.

Лексема *гроза*, употребляющаяся в поэтическом диалекте Ф. И. Тютчева 24 раза, является узуальным полисемантом и репрезентирует три ситуации лексикографического выражения в языке: естественная – лексема употребляется при обозначении явления природы с дождем, громом, молниями; военная – лексема актуализирует значение "бурные события, потрясения", связанное с войной; эмоциональная – лексема обозначает что-либо опасное, наводящее страх, ужас, угрожающее чему-либо [8].

В лирике Ф. И. Тютчева наибольшую частотность приобретает поэтическая репрезентация грозы как атмосферного явления. В народно-поэтических воззрениях славян на природу неизменными атрибутами грозы становятся дождь, гром и молнии, ассоциирующиеся с блеском металлов или пламенными мечами, стрелами и копьями, "служащими богугромовнику для борьбы с великанами туч и зимних туманов" или помогающими "разгневанному Богу преследовать молниеносными стрелами дьявола" [3]. Понятно, что при таком понимании атмосферного явления гроза воспринимается как нечто страшное, грохочущее, пугающее. В поэтическом мировидении Ф. И. Тютчева гром представлен играющим и резвящимся, и в целом образ грозы персонафицирован – это одновременно образ молодости, весеннего обновления, праздника в природе, жизнеутверждающего начала. Более того, гроза у Ф. И. Тютчева дается во всей реальности, наделяется особыми звуками, красками, запахами, порой посредством "движущихся (переходных) форм" [6, с. 8], вписывается в границы специфически тютчевского поэтического пространства "верх – низ", выступая при этом центром всего поэтического контекста. Всё это позволяет

рассматривать тютчевский образ грозы как перцептивный образ, а также отнести его к ключевым лексемам, играющим важную роль в формировании индивидуально авторской поэтической картины мира.

Итак, гроза у Ф. И. Тютчева всегда динамична, конечными фазами её проявления являются начало (предгрозовое состояние), середина (непосредственно гроза) и окончание (состояние природы после грозы) [2, с. 146]. Начало грозы у поэта ассоциируется с ожиданием изменений в природе, наступлением чего-то нового и связано с мотивом предчувствий. Вся природа как будто погружается в молчание (*"В душном воздуха молчанье, Как предчувствие грозы..."*<104> [9]), охвачена страхом (*"Неохотно и несмело Солнце смотрит на поля, Чу, за тучей прогремело, Принахмурилась земля"*<149>). Обострение всех чувственных сторон природного пространства усиливается с появлением первых грозовых признаков. Так, в стихотворении *"В душном воздуха молчанье..."* гроза начинается с постепенного усиления обонятельных образов: легкий запах благоухающих роз, постепенно становящийся жарче, сменяется душным, знойным запахом. Звук природы – голос стрекозы становится резче и в результате полностью заглушается первыми раскатами грома. Гроза, показанная в комплексе чувственных проявлений, подавляет всё живое, ощущая свою власть над ним.

В "предгрозовом" стихотворении *"Неохотно и несмело..."* комплекс перцептивных образов представлен скупой, поскольку внимание сосредоточено не на состоянии природы перед грозой, а на первые признаки её проявления: за тучей *прогремело*, ветра *порывы*, *пробилась* из-за тучи синей молнии струя, *вихрем* пыль летит, *раскаты* громовые *всё сердитей* и *смелей*. Развитию событий соответствует многомерная лексическая градация: прогремело – гром – раскаты громовые; порывы (ветра) – вихрем; дождь порой – чаще капли дождевые. Кульминационным для всего происходящего становится образ смятенной земли, потонувшей в сиянье. Гроза поглощает собой всё окружающее, а в природе господствует звуковая напряженность: *"Вот и весна – и с каждою весной, Как в стае диких птиц перед грозой, Тревожней шум, разноголосней крики"*<168>.

Еще более резкое начало грозы прослеживается в переводном стихотворении *"Одиночество"*: как только гроза вступает в свои права, *"и вихрь, и лист крутит пустынный"*<10>.

Цвет меняется менее интенсивно. В описании предгрозового состояния природы преобладают белый (цвет тучи), синий (цвет молнии), зеленый (цвет растений, нивы) тона: *"Зеленеющие нивы Зелене под грозой"*<149>. Как видим, начало грозы описывается Ф. И. Тютчевым в комплексе чувственных проявлений, где доминирующее место отводится звуку.

Описанию самой грозы поэт не уделяет повышенного внимания, однако, как свидетельствуют поэтические контексты, гроза всегда ассоциируется с всеобщим весельем в природе, символизирующим полноту и избыток

жизни. Борьба стихий – ветра, бури, туч, молний, грома – порождает в природе не страх, а оживление. Разрушительное начало грозы как природного явления и радостное, жизнеутверждающее начало, которое видит в ней поэт, совмещаются.

В стихотворении "Весенняя гроза", наиболее интересном в этом плане, уже в первой строке заявлено всеобщее радостное эмоциональное состояние, вызываемое первой весенней грозой: гром *резвится и играет*, поток *проворный бежит*, не молкнет птичий гам, всё вторит *весело* громам. В природе продолжается жизнь, несмотря на господство в ней разрушительного начала грозы (*гремят раскаты, грохочет гром*). Всё происходящее находится в постоянном движении и поддерживается обильным звуковым фоном. Звуки неба, преобладающие в стихотворении, как правило, громкие, шумные, резкие (*грохот, гремят, раскаты, громокипящий*), ещё более усиливаются на фоне всеобщего природного веселья. Гром, его раскаты представлены в динамике. Усиливаясь в первой строфе и заполняя собой всё пространство, они слабеют во второй: *громыхнуло*, а затем появились *дождевые перлы*. Звуковой эффект потушен зрительной яркостью. На первое место выходит не гром, а дождь, который в третьей строфе вновь сменяется громом, буквально пронизывающим всю строфу гремящим звуком (*с горы – вторит – громом*). Преобладающая активность грома поддерживается в стихотворении фонетически. Звук "р" неизменно является в словах, относящихся к самому явлению – грому, а также в словах, указывающих на его небесный исток: *с горы – нагорный*. Грохот и раскаты грома порождают движение в природе (*пыль летит, поток бежит*), которое сопровождается звуками: *гам лесной, шум нагорный*, как "знаками полноты жизни, задающими направление движения, связывающими небо и землю" [1, с. 48]. Гром, его глухие раскаты и звонкие звуки природного пространства в единстве способствуют созданию яркого образа весенней грозы.

Стихотворение "Как весел грохот летних бурь" показывает более сложное взаимоотношение радостного и разрушительного. В изображении грозы Ф. И. Тютчев сосредоточивает свое внимание "на моментах наибольшего напряжения ее творческих сил, высшего расцвета" [7, с. 177]. Начало грозы резкое, внезапное, она словно потрясает природу своей стремительностью. Гроза проявляется с такой большой силой и остротой (*взметая прах летучий, нахлынувшая тучей*), что способна *смутить* небесную лазурь, т. е. сделать её темной [ПСТ, 2009, с. 614]. Неукротимая сила грозы вызывает всеобщее веселье в природе, вызываемое весельем самого природного явления. Лексема *весел*, оказываясь в одном ряду с наречием *опрометчиво-безумно*, где первая часть означает "стремительно, во весь дух", а вторая "носит усилительный характер, подчеркивая высшую степень проявления" [5, с. 91], указывает на неподвластность разумному началу, стихийность. Веселье грозы, оказывающееся разрушительным, вызывает в природе "внезапную тревогу": *лесные гнутся исполины, дубра-*

ва задрожит. Поэт снова выражает мысль о том, что жизнь природы, пусть и освещенная тревогой, продолжается во время грозы. На звуковом фоне это отражается слабее, чем в предыдущем стихотворении, но необычнее, интереснее с точки зрения языка: *задрожит шумно; вершины ропщут, совещаьсь меж собой; немолчный птичий свист.*

Начало грозы порождает изменения в природе. "Гроза, нахлынувшая тучей... на дубраву набезит", и "вся дубрава задрожит широколиственно и шумно". Благодаря синтагматическому окружению лексема *задрожать* приобретает лексико-семантический вариант "прийти в лёгкое движение" [4, с. 197], а также приобретает факультативное переносное значение "бояться, трепетать". Лексема *роптать* совмещает узуальные значения "издавать невнятный, глухой шум" и "высказывать недовольство кем-, чем-нибудь, обиду, сетование" благодаря включению в контекст сравнительного оборота и наречия *тревожно* [4, с. 549]. В семантике лексемы *сочащаться* обнаруживается синтез узуального значения "общаться" [4, с. 619] и индивидуально авторского "сталкиваться, тесно сближаться".

Птичий свист, гам – характерный признак грозы, символизирующий нескончаемое веселье, радость, жизнь природы.

В ещё одном "грозовом" стихотворении "Не остывшая от зною..." синтез радостного и разрушительного начал отсутствует. Гроза показана в единстве её проявлений – молний, блеска, огня. Поэт акцентирует пристальное внимание не столько на развитии грозы, сколько представляет её как факт действительности. В описании доминирует "световая" лексика при полном отсутствии звуковой: *ночь блистала, над тусклой землею, зеницы загоралися.* Гроза заполняет собой всё небесное пространство: *"И над тусклою землею Небо, полное грозою, Всё в зарницах трепетало"*<193>.

Описывая грозу, Ф. И. Тютчев мало внимания уделяет запахам, свету, цвету (обонятельные образы не выявлены ни одним из "грозовых" стихотворений, а цветовые зафиксированы лишь дважды). В "Весенней грозе" представлены "чистые", прозрачные цвета (цвет неба), а также золотой (цвет солнечных лучей). В стихотворении "Как весел грохот летних бурь" присутствует тот же голубой цвет (небесная лазурь), но с мутным оттенком. Жёлтый цвет листа – первый признак осени. Небогатая цветовая гамма "грозовых" стихотворений восполняется обилием звуковых динамических образов. Таким образом, гроза показана Ф. И. Тютчевым как событие, радостное, жизнеутверждающее, наполняющее природу весельем.

При описании послегрозового состояния Ф. И. Тютчев подчеркивает укрощение стихийных сил и, как следствие этого, очищение природы. В текстах преобладают глаголы, обозначающие завершение действия: *гроза прошла, гроза приутихла, ветер затих.* Борьба стихий сменится всеобщим спокойствием, блаженством. Усиление перцептивных образов сохраняется и здесь, однако если в "грозовых" стихотворениях такое усиление представляет собой реакцию природы на бурные, стремительные изменения,

произошедшие в ней, то после окончания грозы он становится привычным для природы явлением. Так, звуки, издаваемые птицами во время грозы, резкие, сильные, неумолкающие (гам, свист, шум), "послегрозовые" звуки, напротив, звонкие, мелодичные ("*А уж давно звучнее и полней Пернатых песнь по роще раздалася. . .*" <55>).

В "послегрозовых" стихотворениях звуковая лексика сменяется колоративной. В цветовой палитре преобладают чистые, свежие краски: зелень, освеженная грозой; зелёные вершины; цвета радуги; светлая полоса долины; лазурь небесная. Гроза, по Ф. И. Тютчеву, действует на природу освежающе, живительно, хотя иногда её исход бывает трагичен: "*... еще курясь, лежал Высокий дуб, перунами сраженный – И сизый дым с ветвей его бежал По зелени, грозою освеженной...*" <55>.

Таким образом, перцептивный образ грозы в поэтическом идиолекте Ф. И. Тютчева поддерживается спектром модусов чувственного восприятия, доминирующую позицию среди которых занимает звук. Звук динамичен (для него характерно постепенное усиление, сменяющееся напряжением, полным господством и заканчивающееся ослаблением), разнообразен по источнику (звуки неба, природного пространства). В грозе поэт видел "торжество светлых стихий жизни... гроза для него пленительнее мёртвого затишья или прозрачной идиллической ясности и покоя" [9, с. 12].

Список использованных источников

1. **Абузова, Н. Ю.** Мифологический пейзаж в стихотворениях Ф. И. Тютчева / Н. Ю. Абузова // Культура и текст. Материалы Международной научной конференции. Выпуск "Литературоведение", часть II. – М., 1996. – С. 47-50. – Текст: непосредственный.
2. **Атаманова, Н. В.** Семантика звукообозначений в поэзии Ф. И. Тютчева / Н. В. Атаманова. – Брянск: ООО "Ладомир", 2012. – 220 с.
3. **Афанасьев, А. Н.** Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Том 1. VI. Гроза, ветры и радуга / А. Н. Афанасьев. – URL:<http://ru-sled.ru/groza-i-bogigromoviki/> (дата обращения: 15. 04. 2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
4. **Голованевский, А. Л.** Поэтический словарь Ф. И. Тютчева / А. Л. Голованевский. – Брянск: РИО БГУ, 2009. – 962 с.
5. **Григорьева, А. Д.** Слово в поэзии Тютчева / А. Д. Григорьева. – М., 1980. – 248 с.
6. **Николаев, А. А.** "Понятным сердцу языком..." / А. А. Николаев // Русская речь. 1988. № 6. – С. 3-8. – Текст: непосредственный.

7. Саводник, В. О. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева / В. О. Саводник. – М. : Т-во "Печатня С. П. Яковлева", 1911. – 211 с.

8. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981-1984. – URL: <http://slovari> (дата обращения: 15. 04. 2022). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

9. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений / Ф. И. Тютчев. – Л. : Советский писатель, 1987. – Текст: непосредственный. Здесь и далее цитаты из стихотворений Ф. И. Тютчева приводятся по данному сборнику. Номер стихотворения указывается в косых скобках.

10. Райнов, Т. Духовный путь Тютчева / Т. Райнов. – Петроград, 1923. – 130 с.

**Богатырева Милана Адсаламовна,
Трошина Наталья Викторовна**

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: mbsalamad@mail.ru, natalya_troshina@mail.ru

УДК 82'396, 81'42

ТЮРКИЗМЫ В СКАЗКЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА "АШИК-КЕРИБ"

В статье представлено описание тюркизмов, репрезентирующих быт горцев в сказке М. Ю. Лермонтова "Ашик-Кериб". Охарактеризованы лексико-семантические группы тюркизмов, обоснована значимость изучения экзотической лексики в художественных текстах.

Ключевые слова: лексика, лексико-семантическая группа, М. Ю. Лермонтов, тюркизм, "Ашик-Кериб".

Заемствование слов наблюдается на протяжении всей истории существования русского языка. Наши предки имели военные, торговые и другие контакты с тюркоязычными племенами. Эта связь повлияла не только на развитие истории Руси, но и на язык. Тюркские заимствования, или тюркизмы, имеют широкое распространение в русском языке.

"Самобытность и неповторимость Востока на протяжении многих веков привлекает писателей и поэтов, а использование экзотической лексики позволяет максимально передать местный колорит" [5, с. 324]. Тюркизмы широко используются авторами художественных произведений при обращении к восточной теме. Одним из таких авторов является Михаил Юрьевич Лермонтов. Для него Кавказ был второй родиной. С детства Лермонтов наблюдал за жизнью горцев, их традициями, обычаями, фольклором, учил татарский язык. Тюркская лексика составляет значительный пласт слов в произведениях этого автора. В плане исследования экзотической лексики большой интерес вызывает сказка "Ашик-Кериб", в которой обращение к тюркским словам обусловлено спецификой быта и культуры описываемого народа.

Сказка "Ашик-Кериб" была услышана поэтом и записана в 1837 году. Об этой сказке узнали случайно уже после гибели поэта: в Петербурге в его записях была найдена неизвестная рукопись, названная "Ашик-Кериб", которая не предназначалась для публикации. Опубликована она была лишь в 1846 году. Сказка представляет собой изложение одного из вариантов восточного сюжета, сам поэт дал своему фольклорно обработанному произведению подзаголовок "турская сказка". *Ашиком* на Востоке называли музыканта, сочиняющего песни и аккомпанирующего себе на саазе. Такой исполнитель славился искусством рассказывать истории о любви, сочетая

прозаическое повествование и пение. Именно мастерством пения и игры на саазе владел главный герой, которому "пророк не дал ничего, кроме высокого сердца и дара песен" [1, с. 447].

Целью настоящего исследования является описание лексико-семантических групп (ЛСГ) тюркизмов, использованных М. Ю. Лермонтовым для передачи в сказке "Ашик-Кериб" восточного колорита.

В анализируемом тексте представлены лексемы разных ЛСГ:

1. ЛСГ "Жилище": *Караван-сарай* – гостиница или постоянный двор со складом для караванных товаров в Азии [6, с. 696]. *"Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай - и видит золотое блюдо в лавке тифлиского купца" или керван: "...отправлялся один купец с керваном из Тифлиса с сорока верблюдами и 80-ю невольниками"* [1, с. 449].

2. ЛСГ "Музыкальные инструменты": *Сааз* – струнный щипковый музыкальный инструмент [7, с. 267]. *Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб; пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых; на одной свадьбе он увидел Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга* [1, с. 447].

3. ЛСГ "Предметы быта": *Чапра* – в словаре Е. Шиповой значение этого слова не зафиксировано, поэтому будем опираться на определение, данное Лермонтовым: *чапра (занавес). Чапрак* (тюркск. *саргак*) – нарядное покрывало, суконное или ковровое, надеваемое на лошадь под седло [7, с. 652]. *"Журдуш - бек пировал с родными и друзьями, а Магуль - Мегери, сидя за богатою чапрой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал"* [1, с. 452].

4. ЛСГ "Напитки": *Мисирское* – Мисыр – в турецком, татарском языках название Египта (от арабского – Мисръ) [4]. *"В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда"* [1, с. 453].

Указанные ЛСГ тюркизмов использованы для передачи национального колорита, описания быта горцев.

Значительный пласт тюркской лексики в исследуемой сказке представляет собой религиозная лексика, отражающая обычаи, культуру горских народов.

Намаз – молитва у мусульман, совершаемая пять раз в день [6, с. 480]. *"Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе"* [1, с. 453].

Мауля – создатель. В словарях слово *маулям* не зафиксировано, будем опираться на примечание, данное М. Ю. Лермонтовым. *"Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору: Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери"* [1, с. 453].

Селям алейкум – "мир вам", приветствие на востоке [3]. "Селям алейкум: вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню" [1, с. 452].

Минарет – (араб.) возвышающаяся над мечетью башня, с к-рой муэдзины призывают мусульман на молитву [6, с. 218]. "Теперь открой"; – смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзрума" [1, с. 450].

Аллах – Бог у магометан [6, с. 27]. "Аллах всемогущий, – воскликнул он, – если ты уж мне не помогаешь, то мне нечего на земле делать" [1, с. 450].

Объемную группу тюркизмов в лексике "Ашик-Кериба" составляют слова, называющие людей. При этом акцент делается на разные признаки, квалифицирующие объект речи: пол, возраст, род деятельности, социальный статус, родственные связи. Данная группа слов частотна в речи персонажей, является одним из ярких средств речевой характеристики персонажей.

Ага – старейшина, начальник, господин [7, с. 23]. "Хорошо, – отвечал он, – положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан" [1, с. 448].

Ана – мать [2]. Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой; стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: "Ана, ана (мать), отвори: я божий гость, я холоден и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня" [1, с. 451].

Ашик – балалаечник (здесь определение дает сам автор) [1, с. 447]. Вот раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул; в это время шла мимо Магуль-Мегерис своими подругами; и одна из них, увидав спящего ашика [балалаечник], отстала и подошла к нему: "Что ты спишь под виноградником, – запела она, – вставай, безумный, твоя газель идет мимо" [1, с. 447].

Бек – титул мелких феодальных владетелей или крупных чиновников; теперь - прибавка к имени в знач. "господин", ставится после имени [7, с. 74]. "Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она сделается женою Куршуд-бека, который давно уж за нее сватается" [1, с. 448].

Паша – почетный титул высших турецких сановников, преимущественно же военных" [7, с. 238]. "Иди с нами к великому паше, – закричали они, – или ты отвечаешь нам головою" [1, с. 449].

Газель – "красавица" (перен.) [7, с. 113]. "Вот раз он лежал в саду под виноградником, и, наконец, заснул; в это время шла мимо Магуль-Мегерис своими подругами; и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечник), отстала и подошла к нему: "Что ты спишь под виноградником, – запела она, – вставай, безумный, твоя газель идет мимо" [1, с. 447].

Оглан – в азербайджанском языке: мальчик, подросток, отрок, юноша. В турецком языке *oglan* – мальчик, в татарском – улым (сынок) [2]. "*И слышит громкий голос: "Оглан, что ты хочешь делать?"*" [1, с. 450].

Чауш – судейский служитель в Турции, слуга, страж [7, с. 378]. "*Его чауши измучились, бегая по городу*" [1, с. 449].

Особое место в сказке отводится тюркизмам – именам собственным.

В произведении Лермонтов использует такие тюркские имена, как *Ашик* (певец), *Ашик-Кериб*, *Аяк-Ага* (имя *Аяк* - *Ага* означает: *аяк* - тюрк. "нога", *ага* - тюрк. "господин, хозяин"); *Кериб*(нищий)", *Куришуд-бек*, *Магзиль-Мегери*, *Рашид*(храбрый), *Хадеришаз* (Св. Георгий), *Шинди гёрурсез* (скоро узнаете).

Используется в произведении и тюркская топонимика: приведены названия городов *Тифлиз*, *Арзиньян*, *Арзерум*, *Карс*, *Халаф*, горы *Арзинган*. Включенные в повествование топонимы выполняют миромоделирующую функцию, создают особый локально ориентированный фон, на котором разворачивается действие в сказке.

Стоит отметить, что многие использованные М. Ю. Лермонтовым тюркские слова прочно вошли в активный запас русского языка. Например, слово *деньги* имеет тюркское происхождение ("*...отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги*" [1, с. 448]). У турков слово *танга* означало "серебряная монета". Носители русского языка активно используют это слово, не подозревая, что оно является не исконно русским, а заимствованным. Слово *товарищ* тоже произошло от тюркского термина товар или имущество ("*не рад был Ашик своему товарищу*" [1, с. 448]). Товарищами называли себя бродячие торговцы, которые торговали одним или похожим товаром. Тюркским является и слово *кинжал*: "*Держала в одной руке чашу с ядом, в другой острый кинжал*" [1, с. 452]. Оно пришло в русский язык из татарского языка (*ханджар*). Все приведенные лексемы – свидетельство того, что тюркские по происхождению слова активно входят в лексическую систему русского языка.

Проведенный анализ показал, что М. Ю. Лермонтов активно использует в сказке "*Ашик-Кериб*" заимствованную тюркскую лексику, умело включая её в ткань повествования. С её помощью автор передает культуру турецкого народа, особенности его языка и бытования. Он искусно изображает благородный нрав горцев, их смелый характер. Тюркские слова также играют роль изобразительно-выразительных средств языка, являясь одним из средств передачи национального колорита, служат средством речевой характеристики персонажей. Система авторских комментариев, которыми сопровождается всё повествование сказки, способствует усилению информативной составляющей произведения.

Список использованных источников

1. **Лермонтов, М. Ю.** Сочинения в двух томах. В Т. 2. Т. 2 / М. Ю. Лермонтов. – Москва: Правда, 1990. – 704 с.
2. Русско-азербайджанский словарь. – URL: <https://gufo.me/dict/tuaz?>(дата обращения: 17. 03. 2022). – Текст : электронный.
3. Русско-арабский словарь. – URL: <http://arabus.ru/?>(дата обращения: 07. 04. 2022). – Текст : электронный.
4. Русско-турецкий словарь. – URL:<https://gufo.me/dict/rutr?>(дата обращения: 17. 03. 2022). – Текст : электронный.
5. **Трошина, Н. В., Тыранова, С. В.** Экзотизмы в рассказе Ф. Ф. Тютчева "На линии вечных снегов" / Н. В. Трошина, С. В. Тыранова // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья: Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 18 – 21 мая 2021 г.) / Ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов, С. М. Пронченко. – Брянск : РИСО "БГУ", 2021. – С. 323-327.
6. **Ушаков, Д. Н.** Толковый словарь в четырех томах. Том 1 / Д. Н. Ушаков. – URL: https://povto.ru/russkie/slovare/tolkovie/ushakova/tom-1/ushakov-tom-1_0001.htm(дата обращения: 07. 04. 2022). – Текст : электронный.
7. **Шипова, Е. Н.** Словарь тюркизмов в русском языке / ответ. ред. :А. Н. Кононов / Е. Н. Шипова. – Алма-Ата: Наука, 1976. – 444 с. – URL:https://altaica.ru/LIBRARY/turks/Шипова_Словарь%20тюркизмов%20в%20русском%20языке%201976.pdf (дата обращения: 07. 04. 2022). – Текст : электронный.

УДК 808. 26 – 541. 2

АНТРОПОНИМИКОН ПРОЗЫ НИКОЛАЯ СЕНКЕВИЧА

В статье рассмотрена национально-культурная специфика антропонимического пространства прозы современного брестского писателя Николая Сенкевича. Описаны формы личных имён собственных – выразители коннотаций эмоциональности, оценочности и национально-культурной специфики. Рассмотрена коннотация социальности отчеств. Изучены образные особенности фамилий и прозвищ, этимологическая семантика которых сохраняет информацию о свойствах белорусскому этносу этических норм. Проведена классификация фамилий и прозвищ-позтонимов по семантическим признакам словообразовательных основ.

Ключевые слова: оним, позтоним, антропоним, антропонимическая коннотация, личное имя собственное, прозвище, фамилия.

Сборник брестского писателя Николая Сенкевича "Хутор Поянтрий" – это воспоминание о малой родине, которой нет на карте, рассказ о дорогих сердцу родных людях, размышление на вечные темы отцов и детей, учителей и учеников. Профессор Зоя Мельникова отмечает: "Произведения Николая Сенкевича – это встреча с интересными героями, глубокими и мудрыми людскими характерами. Автор рассказывает нам о нашей жизни, всматривается, вслушивается в неё" [3, с. 3]. "На страницах прозы брестского автора – людские судьбы, привычки, уклад жизни, народная мораль и этика с закономерностями и парадоксами проявлений белорусского национального характера" [3, с. 6]. Создавая запоминающиеся портреты современников – старых и молодых, отзывчивых и чёрствых, умных и тугодумов, тех, кого ценят люди, и тех, кем пренебрегают, – Николай Сенкевич умело использует смысловую нагрузку и прагматический заряд антропонимов.

Цель представленной работы – систематизация структуры позтонимикона произведений Н. Сенкевича с учетом традиций белорусского именослова XX века. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения литературного антропонимикона в контексте новой лингвистической парадигмы, в центре которой – отражение в языковых знаках национальной культуры. Анализ именослова сборников прозы Н. Сенкевича "Безвозвратный путь" и "Хутор Поянтрий" осуществляется с учетом отношений позтонимикона к реальному антропонимическому пространству Брестчины XX века.

Антропонимикон проанализированных произведений Н. Сенкевича составили заимствованные личные имена собственные, которые вошли в отечественный именник с принятием христианства. Так, из греческого языка заимствованы имена *Лариса, Ираида, Анатолий, Алексей, Анастасия, Никита, Галина, Николай, Вероника, Елена, Андрей, Лявон, Антон, Василий, Петр, Апанас, Кузьма, Тимох, Дмитрий, Зося* и др., из латинского – имена *Валентин, Регина, Наталья, Марина, Виталий, Виктория, Валерий* и др., из древнееврейского языка – *Анна, Осип, Михаил, Иван, Мария, Михаил* и др. Отмечаются имена славянского происхождения *Борис, Владимир* и др.

Национальная специфика именованности Беларуси проявляется в использовании имен как этикетных знаков. В соответствии с этикетными нормами советского времени показателем уважения к человеку и выразителем высокого социального статуса личности является использование полной формы имени в сочетании с отчеством. Такая форма именования, репрезентирующая коннотацию социальности, используется для называния учителей (в прозе Николая Сенкевича, который долго работал учителем, часто описывается жизнь школы), чиновников, уважаемых людей: *"Политологию в институте читает Светлана Викентьевна Гурина, бывший первый секретарь райкома партии"* [2, с. 13]; *"Елена брала из рук дяди Тараса кулек, благодарила, как учила Лариса Сергеевна, первая учительница"* [3, с. 70]; *"Бабушка Ганна жила воспоминаниями. Более полувека, с самой войны, отработала она в роддоме. Все старшие жители районного городка знали Анну Николаевну в лицо. Семидесятилетнюю женщину с большой неохотой проводили на пенсию: более чуткой как к молодым сотрудникам, так и к счастливо-озабоченным посетителям не было за всю историю этого заведения"* [3, с. 17]. В повести "В операционном блоке холодно" только такую форму именования используют больные, с уважением и теплотой называя доктора *Левона Михайловича*, который не только лечит их, но и дает моральную, духовную поддержку: *"Остается одно – нос кверху и вперед, как шутит Левон Михайлович, наш доктор"* [2, с. 91]. Показное уважение, подчеркнуто официальное, из-за боязни испортить карьеру, отношение преподавателя к студентке передает форма обращения к ней по имени и отчеству: *"Не трогайте партию, она здесь ни при чем", – с интонацией борца за чистоту партийных рядов сказала однажды слушательница подготовительного отделения преподавателю математики, интеллигенту и добряку, когда тот как-то тактично заметил нашему комсомольскому вождаку, что общественная работа не должна мешать усвоению элементарных сведений математики. Доцент смутился, замолчал, обвел глазами аудиторию, словно ища спасения, и до сих пор Лину Григорьевну (единственный случай в истории факультета) называл*

по отчеству без малейшей иронии и долго объяснял каждую ее удовлетворительную, чаще всего оценку" [3, с. 47–48].

В качестве неофициального именованного пожилого уважаемого человека нередко употреблялось отчество: "*Петрович, а если это серьезно?*" – снова озабоченно взглянула на меня Верочкина мать [2, с. 120].

Николай Сенкевич, представляя тончайшие оттенки человеческих взаимоотношений, умело использует прагматический потенциал собственных личных имен. Эмоциональные, оценочные и экспрессивные оттенки смысла антропонимов не привязаны жестко к определенной форме имени. Восприятие смысла личного имени зависит от конкретной ситуации человеческих отношений, описанных в произведении. Например, уменьшительно-ласкательные формы имен детей и подростков выражают любовь, привязанность, теплоту: "*Если бы в наш район приехали добрые рыцари и самому благородному, скромному и отважному из них требовалось найти спутницу жизни, только одному ему я рассказал бы о Верочке. Все в ней радовало: искренность, ум, детская непосредственность и совсем взрослая самоотверженность. Росла девочка без отца. Мать же часто и подолгу болела. Об этом я узнал, проверяя тетради по языку. От них едва слышно пахло валерьянкой*" [3, с. 119]. Любовь родни к женщине передается тем, как ее называют в семье: "*Дядина жена, Мария Устиновна, красива и сейчас, а четверть века назад чернявенькая, статная, сероглазая, вообще выглядела артисткой. Марийка, как ласково называли невестку в нашем доме, часто плакала*" [2, с. 16]. Оттенок презрения имеет форма имени *Лорочка*, которой называют пятидесятилетнюю женщину, героиню повести "Груша", жизнь которой наполнена поисками мужа и ссорами с матерью.

Историю семьи, отношений супругов рассказывает писатель в повести "В операционном блоке холодно". Холодность жены, которая постепенно превращается в чужого человека, и стремление мужа сохранить семью передается в формах обращения: "*Из "милого", "Сёмочки" Семён постепенно превратился в Ковалю. Татьяна все чаще называла его по фамилии, тем самым словно подчеркивая: я – это одно, а ты – совсем чужой человек, с которым (такая судьба) приходится страдать. Семен махнул рукой: Коваль так Коваль. Может, когда и гордиться будешь, что и в твоём паспорте эта фамилия записана. Жена же по-прежнему была для него "Татьянкой", и в этом слове слышалась и примирительная нотка, и какое-то сожаление, и надежда на лучшее. Не было ненависти, но не было и нежности*" [3, с. 11].

В. Шур отмечает: "Отсутствие имени собственного в контексте для идентификации литературного персонажа произведение, – это средство и свидетельство негативного отношения автора к поступкам таких действующих лиц" [4, с. 24]. Добавим: это важный штрих к характеристике

взаимоотношений героев. Героиня рассказа "Груша" – одинокая старуха, без родных, друзей, единственное богатство которой – комната в коммунальной квартире, за которую перессорились соседи. Показателем общественного статуса женщины является отсутствие у нее имени: *"Учиться в свое время желания не имела, в стахановки не рвалась, а после сорока, вытурив неизвестно какого по счету примача-квартиранта, серьезно начала прикладываться к горькой. Чем дальше – тем больше. И к шестидесяти успела полностью вынести из дома то немногое, что нажила в молодости. А слово "бабка" заменило ей и имя, и фамилию, и теперь обозначало лишь своеобразный социальный статус"* [3, с. 8].

Средством создания запоминающихся портретов персонажей произведений Н. Сенкевича являются **фамилии**. В антропонимическом пространстве прозы брестского писателя можно выделить, во-первых, фамилии, образованные от календарных имен, во-вторых, фамилии, возникшие от мирских имен апеллятивного происхождения. К фамилиям первой группы относятся: **Гришко, Зинович, Азарчук, Петровский, Петрикова** и др. Фамилии второй группы образовались от апеллятивов как лексико-семантическим способом (**Журавель**), так и с помощью различных суффиксов (**Москалёв, Войтович, Газировкин**). В основе этих фамилий лежат бывшие прозвища апеллятивного происхождения: 1) прозвания-характеристики, определяющие положение человека в обществе, национальность: **Ляхов, Москалёв, Войтович (войт** 'председатель мешанского или магдебургского суда', 'начальник гмины', 'надзиратель за крепостными' [1, с. 89], **Богатич, Горелик(горелик** 'прозвище погорельца' [1, с. 97]; 2) прозвания, образованные от названий предметов материальной культуры: **Газировкин, Чугунков**; 5) прозвища, образованные от названий живых существ: **Журавель, Рыбина** и др.

Писатель как наблюдательный человек замечает соотносённость между смысловой нагрузкой фамилии **Дарин** и характером персонажа: *"Большие серого цвета глаза всегда излучали доброжелательность. И сама фамилия – Дарин – чрезвычайно подходила к его манере говорить, к привычке не обижаться, не затаивать в себе злость"* [2, с. 160]. Правда, жизненные испытания превратили доброжелательного, незлобивого парня в угрюмого человека, который не может ужиться с женой, обижается на дочь и зятя и постоянно жалуется на жизнь: *"Сочувствовать не хотелось, а наоборот вырывалась какая-то необъяснимая злость и на Михасеву – в цепочках и перстнях – дочку, и на самого Михася. Уже не Дарина, а, скорее, Жалина или Бедака, у которого так и не узнал за полтора часа ничего нового об этой жизни"* [3, с. 175].

Яркую культурно-историческую специфику имеет такой разряд антропонимической лексики, как прозвища. С глубокой древности до нашего времени в среде сельчан широко применялись так называемые семейно-родовые прозвища. Словообразовательной базой для таких

прозваний служили имена, фамилии, прозвища родственных лиц (отца, матери, мужа). **Матрони́мы** – прозвания, образованные от имени или прозвища матери: "Мать **Райкина** – известная в округе своим далеко не образцовым поведением **Райка**. В доме грязь, чужие мужчины. Мальши́а сначала окрестили **Геником Райкиным**, а потом просто **Райкиным**. Из-за Лялика **Райкин** сошелся с местной шайкой. И пошло-поекатилось. Детская комната милиции, школа-интернат, условная судимость" [3, с. 56].

Употреблены в прозе Н. Сенкевича индивидуальные оценочно-характеристические прозвища. В эту группу входят антропонимы, которые очерчивают внешний вид, физические качества персонажей. Лаконичной зарисовкой внешности Владимира Шандрука является его прозвище **Эфиоп**: "Прорабу было лет двадцать пять. Высокосро́слый, с темными кудрявыми волосами. Характером грубоватый и самоуверенный. За глаза его на участке звали **Эфиопом** и побаивались" [3, с. 41].

Прозвища могут лаконично очерчивать моральные качества героев. Агрессивного, жестокого, мстительного мужчину, героя рассказа "свадебный костюм", описывает прозвище **Душман**, в основе которого – название вооруженной террористической организации в Средней Азии: "Твой **Душман**, так Петра за глаза на селе зовут, ночью из гаража мотоцикл вывел" [2, с. 126].

В контексте прозы брестского автора употребляются и прозвища-делокутивы – отфразовые образования, основой которых являются наиболее повторяющиеся в речи персонажей слова. Часто употребляемая фраза учительницы стала основой шуточного прозвания: "За глаза учительницу называли **Калилаской**, так как очень уж часто слышали от нее эти слова" [2, с. 95]. Белорусскому выражению **калі ласка** соответствует русское **пожалуйста**. Прозвище характеризует не только речь но и характер героини – сострадательной, чуткой женщины.

Показателем иронично-насмешливого отношения к героине рассказа "Кто чей. . ." является то, что соседи чаще всего называют ее по кличке собачки, которой фактически подчинена жизнь женщины: "Тетя **Нина** по несколько раз гуляет с **Тошиком** во дворе, переносит его через лужи, укоряет, когда тот не слушается. А еще она злится на детей, если только кто-то из них намерится зацепить собаку. Тетя **Нина** говорит, что **Тошик** старый и ему нужен покой. Наша соседка не просто тетя **Нина**, а тетя **Нина Тошикова**" [3, с. 181].

Нашли отражение в прозе Н. Сенкевича прозвища, образованные от **nomina personalia** – от имен собственных, отчеств и фамилий. Такие антропонимы широко употребляются в студенческой среде, напр. : "Кроме меня, приговора ждал **Николай Гришко**, по прозвищу **Грица**" [3, с. 117].

Эмоционально-оценочная образность прозвищ и фамилий героев прозы М. Сенкевича обусловлена наличием принятых в белорусском социуме этических и эстетических норм.

Список использованных источников

- 1. Бірыла, М. В.** Беларуская антрапанімія : Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
- 2. Сенкевич, Н. И.** Безвозвратный путь / Н. И. Сенкевич. – Брэст: Альтэрнатыва, 2012. – 220 с.
- 3. Сенкевич, Н. И.** Хутор Поянтрий : повесть, расказы / Н. И. Сенкевич. – Брэст : Выдавец С. Б. Лаўроў, 2002. – 202 с.
- 4. Шур, В.** Онiмы ў творах Якуба Коласа : Паказчыкі і актуалізатары дадатковых адценняў значэння / В. Шур // Роднае слова. – 2006. – №. 6. – С. 23–26.

УДК 811. 161. 1'42:398

ДИХОТОМИЯ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ С КОМПОНЕНТАМИ ВЧЕРА / СЕГОДНЯ / ЗАВТРА

В статье рассмотрены русские поговорки, в которых выражается противопоставление темпоральных характеристик вчера / сегодня / завтра. Проанализированы варианты дихотомии и значение паремиологических единиц, основанных на противопоставлении.

Ключевые слова: паремия, паремиологическая единица, время, темпоральная характеристика, противопоставление, дихотомия.

Противопоставление – категория, к которой мы активно обращаемся при восприятии мира, – характеризуется исследователями паремиологических единиц как универсальный лингвокогнитивный принцип их организации. По мнению Г. Л. Пермякова, "подлинной темой какой-либо поговорки или поговорки является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некоторая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной поговорке образов" [5, с. 107]. Т. Г. Бочина рассматривает "контраст в поговорках как речемыслительную универсалию в категориях всеобщего (мышление), общего (язык) и особенного (речь)", утверждает, что "универсальность принципа контраста в поговорочных изречениях прямо связана с особенностью логико-семиотического устройства поговорки, которая является знаком стереотипной ситуации или отношений между явлениями" [1]. З. А. Юсупова, характеризуя особенность языковых аспектов реализации противопоставления в поговорках, говорит о "взаимодействии трех взаимосвязанных сторон противопоставления: как свойства когнитивного механизма языкового мышления человека; как способа вербализации номинируемого паремиологическим высказыванием смысла; как принципа языковой организации семантической структуры высказывания" [6, с. 11].

Действительно, на противопоставлении построены многочисленные поговорки. В "Универсальном тематическом указателе" поговорок, составленном Г. Л. Пермяковым и предназначенном, по мысли исследователя, "для любого, сколь угодно полного, национального или межнационального собрания поговорок", материал расположен "по тематическим группам, основанным на инвариантных паремиологических противопоставлениях" [5, с.

169]. Указатель содержит несколько сот паремиологических пар, которые "покрывают – сами по себе или в пересечениях друг с другом – весь или почти весь мировой пословичный фонд..." [Там же].

Противопоставление используется как способ организации целого ряда русских паремий с темпоративами *вчера / сегодня / завтра*. Отметим сразу, что паремиологические единицы содержат обобщенные временные представления и названные единицы используются в паремиях в переносном значении, которое следующим образом фиксируется в толковых словарях: *вчера* 'в недавнем прошлом'/*сегодня* 'в настоящее время; сейчас'; *завтра* 'в будущем' [2].

Дихотомия "сегодня – завтра"

Среди паремий с антитегичными компонентами *вчера / сегодня / завтра* в большей степени представлены паремиологические единицы, выражающие противопоставление "сегодня – завтра", в которых предпочтение отдается темпоральной характеристике "сегодня" (как тому, что реально, обозримо, известно). Будущее, как правило, пугает своей неизвестностью, вызывает потенциально негативный прогноз. Например: *Одно сегодня (нынче) лучше двух завтра; Сегодня густо, а завтра пусто; Сегодня вчести, (а) завтра свиной пасти; Сегодня пан, а завтра пал (пропал)* (Здесь и далее паремии приводятся по: [3]):

Только судьба, брат, это дело такое: сегодня густо, а завтра – пусто. Неминуемо стукнуть должна, если долго везёт. И чем дольше везёт, тем больнее стучает (А. С. Лукьянов. Наши мертвые // "Уральская новь", 2004);

– *Ну а кто говорит, что это гуманная профессия? Сегодня пан, завтра пропал... Поэтому в принципе каждый актёр должен об этом помнить, думать, ценить то, что есть сегодня* (А. Соколов: "Камера "высасывает" // Аргументы и факты, 2006. 08)(Здесь и далее контексты приводятся по: [4]).

Положительная оценка состояния дел с темпоральной характеристикой "сегодня", противопоставленная негативному прогнозу на будущее, звучит в целом ряде паремий, имеющих структуру сложных предложений и характеризующихся параллелизмом частей: *Сегодня ведро, завтра ненастье; Сегодня в цветах, а завтра в слезах; Сегодня на деньги, а завтра в долг; Сегодня с ходой, а завтра с наготой; Сегодня едим, а завтра поглядим; Сегодня можно, завтра нельзя*. Сравн. также многочисленные диалектные пословицы, выражающие паремиологическую идею "Сегодня лучше, чем завтра" (в том числе с первым темпоральным компонентом *нынче (ныне)*): Олон. *Седни курень да варень, а завтра Божий день* (*Сегодня много, а завтра ничего); Сев. -Кавк. *Ноня атаман, взатра яман* (**яман* – худо, плохо, нехорошо); Урал. (Яицк.) *Нонче с барышом, а завтра с голяшом*; Урал. (Яицк.) *Нынче гуляшка, завтра – голяшка* (**гуляшка* – гуляка;

голяшка– голяк, бедняк); Дон. *Нынче на коне верхом, а завтра в грязё Пахом; Печор. (Усть-Цильм.) Сегодня ходим –завтра лежим.*

Кроме того, с использованием разных образов в паремиях с компонентами *сегодня /завтра* выражается мысль о бренности человеческого бытия. Например: *Сегодня полковник, завтра покойник; Сегодня в порфире, завтра в могиле; Сегодня венчался, а завтра скончался; Сегодня с друзьями, а завтра – с червями; Сегодня жить, а завтра гнить; Седнижив, а завтра – жил:*

– *Вы ж гвардии Измайловского полка полковник. – Який бис! – воскликнул и гетман, горько усмехаясь. – Який бис! – воскликнул и гетман, горько усмехаясь. Сей день – полковник, а завтра – покойник... Ха! Каша заваривается крутая...* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1–2 (1934–1939));

Знаю я хорошо его девиз: день мой – век мой, сегодня жить, а завтра гнить!" В самом деле, отец мой повторял это, когда его упрекали в излишней щедрости и хлебосольстве (Ф. В. Булгарин. Воспоминания (1846–1849)).

Предпочтение темпоральной характеристики "завтра" выражается в единичных паремиях, прогнозирующих позитивные изменения в материальной сфере. Например: *Сегодня при гроше, завтра– в барыше; Деньги – гость: сегодня нет, а завтра– горсть; Деньги –навоз: сегодня нет, а завтра –воз; Сегодня (Сего дня) в серебре, а завтра (за утро) в золоте:*

–*Твои? Сам вечер говорил, что ты не при деньгах, –молвил Чапурин. – Торговое дело! Седни при гроше, завтра в барыше, –улыбаясь, ответил Сергей Андречич. –Да я, право, не знаю... – колебался Чапурин. – Ты что это вздумал?..* (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871–1874));

*Мороз, звезды, снег. Пил чай с сушеными на электропечке ломтями хлеба. На утро– две булочки по 9 копеек. Вспоминается присказка: **деньги, как навоз – сегодня нет, а завтра воз.** Скорее бы воз* (Д. Каралис. Автопортрет (1999)).

Дихотомия "сегодня –завтра" представлена также в пословице *Сегодня сапоги шьёт, завтра пироги печёт*, характеризующей переменчивость человеческого бытия.

Дихотомия "вчера – сегодня"

Данный вариант противопоставления представлен в русском паремийнике отдельными паремиологическими единицами. В паремиях *Вчера грядки (гряды) копал, сегодня в воеводы попал; Вчера Макар гряды копал, а нынче (ноне) Макар в воеводы попал* характеризуются жизненные перипетии и положительную оценку получает темпоральная характеристика "сегодня".

В паремии *Вчера был в чести, а ныне – свиней пасти* выражается предпочтение положения дела, сопровождаемого темпоральной характеристикой "вчера".

Таким образом, время, как одна из самых сложных категорий человеческого сознания, получает неоднозначную интерпретацию в паремиях. В русском паремийнике время регулярно оценивается посредством противопоставления и в результате характеризуется как эмоционально насыщенное, хорошее или плохое, доброе или злое, благоприятное для одной деятельности и опасное для другой.

Список использованных источников

1. Бочина, Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10. 02. 01 – русский язык / Т. Г. Бочина ; Казанский государственный университет. – Казань, 2003. – 50 с. – Текст : непосредственный.

2. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Москва : Русский язык, 2000 [сайт]. – URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 14. 04. 2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с. – Текст : непосредственный.

4. Национальный корпус русского языка [сайт]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16. 04. 2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

5. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремииологии / Г. Л. Пермяков. – Москва : Наука, 1988. – 235 с. – Текст : непосредственный.

6. Юсупова, З. А. Языковые аспекты реализации противопоставления в паремии: на материале французских, английских и русских пословиц и поговорок : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10. 02. 20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / З. А. Юсупова ; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2005. – 20 с. – Текст : непосредственный.

Дмитриева Юлия Леонидовна

Горловский институт иностранных языков,
Донецкая Народная Республика
e-mail: Jul88Dmtrieva@yandex.ru

УДК 811. 161. 1

ОБРАЗ ДУБА В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА И Н. КЛЮЕВА

Исследование соотношения языка и культуры остаётся актуальным в современной лингвистике. Аксиоматичен тезис о наличии культурно значимой информации в структуре вербального знака. Образ, являясь базовой единицей лингвокультуры, актуализирует данную информацию, а также факты об объекте окружающей реальности в сознании представителя этноса, выполняет функцию эталона и/или символа. Образ дуба является одним из значимых для носителей русской лингвокультуры. Целью настоящей работы является описание средств объективации образа дуба в произведениях С. Есенина и Н. Клюева. Данные об объекте реальности зафиксированы в словарной дефиниции лексемы, номинирующей образ дуба. Когнитивный признак "возраст растения" актуализирован и в текстах С. Есенина и Н. Клюева. Образ дуба наделён положительными культурными коннотациями: это священное дерево для славян, вариант мирового дерева, организующего земное и сакральное пространства. В число эталонных качеств рассматриваемого образа относим мощь, крепость, мудрость и долголетие. Указанные качества вербализированы и в языке поэзии носителей русской лингвокультуры С. Есенина и Н. Клюева.

Ключевые слова: образ, лингвокультура, дуб, когнитивные признаки, эталон, символ.

В современной лингвистике аксиоматичен тезис о том, что вербальные знаки актуализируют культурно значимую информацию в сознании носителя определённой лингвокультуры. Нами неоднократно отмечалось отсутствие кодификации термина *лингвокультура*, который трактуется исследователями как поле взаимодействия языка и культуры. Мы, вслед за В. В. Красных, под указанной единицей метаязыка понимаем лингвальную среду, в которой человек социализируется, формируется как представитель определённого этноса, самореализуется и осуществляет свою жизнедеятельность [8, с. 38]. В число базовых единиц лингвокультуры включаем образ, который, во-первых, актуализирует факты об объекте онтологического мира в сознании человека; во-вторых, выполняет функцию эталона и/или символа, в-третьих, вносит в структуру слова основную культуруносную информацию.

Целью настоящего исследования является описание средств объективации образа дуба в текстах носителей русской лингвокультуры – С. Есенина и Н. Клюева.

Образ рассматривается нами как продукт познавательной деятельности человека. Он, согласно Н. Ф. Алефиренко, воплощает ряд свойств и категорий, которые квалифицируются как межкультурные универсалии, а именно: доминирование зрительной модальности восприятия человеком объектов окружающего мира, воспроизводимость, пластичность, а также альтернативность и множественность образных проекций. Отметим, что образ исследователем рассматривается и как непосредственное отображение в сознании индивидуума познаваемого предмета, и как результат креативного взаимодействия перцептивного познания и рационального мышления (см. [2, с. 14–17]).

Формируясь при непосредственном взаимодействии с реалиями онтологического мира, образ включает значимые для человека когнитивные признаки объекта, которые позволяют как отнести его к определённому классу однородных предметов, так и дифференцировать из ряда подобных. Данные признаки зафиксированы, как правило, в толковании вербального знака, номинирующего образ. Так, лексема *дуб* употребляется носителями русской лингвокультуры для обозначения "крупного лиственного дерева с крепкой древесиной и плодами-желудями" [15, с. 156]. В данном толковании сема 'лиственное дерево' выражает когнитивный признак "отнесение к классу лиственных деревьев". Когнитивные признаки "размер объекта", "свойства древесины", "особенности плодов" позволяют отличить дуб от, например, осины. Отметим, что в приведённом словарном толковании зафиксированы когнитивные признаки, воспринимаемые человеком визуально.

Кроме того, в русской лингвокультуре образ дуба выполняет функции как эталона, так и символа. Согласно данным этнолингвистического словаря "Славянские древности", на Руси дуб – священное дерево бога грома и молнии Перуна. Оно было включено в обрядовый цикл славян и соотносилось с рядом культовых функций. Нами неоднократно описывались особенности экспликации дуба как варианта мирового дерева. Наши предки верили, что в его кроне обитал царь птиц орёл или птица Кук. Сам дуб располагался в центре мира (на острове или на горе в мифическом саду Ирии). В силу этого дуб соединяет в народном представлении несколько миров: "своего", привычного человеку, культурно ассимилированного им, и "чужого", потустороннего мира. Н. И. Толстой приводит несколько легенд, подтверждающих данное представление. В них говорится о дереве как проводнике из "своего" мира в "чужой" и обратно (см. [16, с. 141–146]). Данное представление зафиксировано и в толковании лексемы *дуб*, которая входит в состав устойчивого сочетания (которое сопровождается в словаре пометой *разг. -сниж.*) *дать дуба*, т. е. "умереть" [4, с. 286]. Славяне верили, что душа человека после смерти переходит в мир инобытия, который моделировался в народном представлении то как город, то как сад. О местонахождении данного пространства также нет

единого представления: оно могло располагаться и в горизонтальной плоскости (просто в недостижимом для человека месте), и в вертикальной плоскости (на одном из небес).

Кроме того, с дубом связан комплекс народных примет и поверий. Так, у славян данное дерево соотносится с хозяином дома. В одном из главных обрядов рождественских гуляний у южных славян дуб использовался в качестве бадняка, т. е. полена или всего дерева, которое срубали в Сочельник и сжигали. Это делалось, чтобы следующий год был плодородным. Пепел от сгоревшего дерева использовали в магических и обрядовых действиях, например, им посыпали поля и корни плодовых деревьев, чтобы увеличить плодородность, принимали в качестве лекарства.

Особое почитание дуба объяснялось в ряде легенд и апокрифов. Положительные культурные коннотации рассматриваемого образа связаны с тем, что под сенью этого дерева, согласно одной из болгарских легенд, Бог спасся от преследовавшей его Чумы. В благодарность он наделил дуб особой устойчивостью: листья этого дерева опадают лишь поздней осенью. В русско-предании говорится, что Иуда изначально хотел повеситься на ветвях дуба, однако дерево по повелению Бога преклонилось и было спасено от позора.

В русской лингвокультуре, как и во многих других, дуб является символом мощи, крепости, мудрости и долголетия [7, с. 122]. Это зафиксировано и в языке поэзии С. Есенина и Н. Клюева. Так, в строках С. Есенина *Но ведь дуб молодой, не разжёлдётся, / Так же гнётся, как в поле трава...* [9, с. 216] эксплицированы когнитивные признаки "возраст дерева" и "особенности плодов". Кроме того, приведённая конструкция указывает на эталонность восприятия дуба как мощного, крепкого растения, противопоставленного по данным свойствам траве. Это актуализировано использованием союзов *но, как*, частицы *ведь*, местоименного наречия *так* в сочетании с частицей *же*. Особенности семантики указанных вербальных знаков проанализированы В. В. Виноградовым в "Русском языке (Грамматическом учении о слове)". Автор подчёркивает, что основным значением союза *но* выступает "резкое, энергичное, логически взвешенное противопоставление или возражение" [6, с. 584], которое усиливается употреблением частицы *ведь*, приобретающей "яркий экспрессивный колорит: Но ведь это всем давно известно!" [Там же, с. 547]. Вербальные знаки *так же, как* указывают на сравнение объектов онтологического мира. Отметим, что А. Вежбицкая рассматривает сравнение как один из лингвокреативных механизмов мышления человека. Она предлагает ряд формул, эксплицирующих структуру сравнения, градации и метафоры. Основываясь на её исследованиях, анализируемый текст может быть интерпретирован следующим образом: "Можем сказать, что в противовес давно известному

всем факту молодой дуб до первого урожая плодов-желудей по гибкости тождественен траве".

Когнитивный признак "возраст дерева" в тексте *Но ведь дуб молодой, не разжёлудясь, / Так же гнётся, как в поле трава...* [9, с. 216] эксплицирован лексемами *молодой* и *разжёлудясь*. Адъектив *молодой* в языковом опыте этноса имеет несколько значений. Ср.: "Молодой – 1. Недавно начавший расти, существовать. 2. Свойственный, присущий молодости" [15, с. 308]. Отметим, что в приведённых толкованиях эксплицировано как "членение временной оси" [12, с. 303], ведь молодость определяется носителями лингвокультуры как "возраст от отрочества до зрелых лет" [15, с. 308], так и представления о соотносённости дуба с человеком. Данные представления закреплены и в лексическом значении вербального знака *дуб*. Ср.: "Дуб – 2. Разг. Онечутком, тупом человеке" [4, с. 286]. Окказиональное деепричастие *разжёлудясь* также эксплицирует когнитивный признак "возраст дерева". Данная языковая единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка, её значение выводим при анализе морфем. Так, корневая морфема называет "плод дуба" [15, с. 165]. Циркумфиксраз...ся употребляется для обозначения "явления в ряду однородных действий, проявлений чего-либо самим объектом" [11]. Итак, словоформу *разжёлудясь* определяем как "неоднократно повторяющееся действие по образованию плодов дуба". Представления о наличии и отсутствии желудей у дуба и его возрасте значимы для геральдики, где дуб с плодами – символ зрелой силы и могущества, а без них – юной доблести [7, с. 124].

Когнитивный признак "возраст дерева" актуализирован и в тексте *Видят немцы – задрожали дубы столетние* [10, с. 73]. Композит *столетние* определяется как "просуществовавший сто лет" [15, с. 668]. В его значении зафиксированы указание на истекший период временной оси дуба и представления о долголетию этого дерева, его крепости и мощи.

В другом примере *Да осилит дуб душегуб-топор* [13] данные представления выражены как лексемой *дуб*, так и глаголом *осилить*, т. е. "одержать верх в борьбе, схватке, битве; побороть, одолеть; справиться с чем-либо, требующим физических, умственных и т. п. усилий" [4, с. 729]. Таким образом, у Н. Клюева крепость древесины дуба противопоставляется крепости топора. Кроме того, автором актуализируются положительные культурные коннотации образа дуба, запрет на уничтожение почитаемого славянами дерева. Его уничтожение, согласно поверьям, приносит несчастья. Так, южные славяне считали, что унесённая домой ветвь старого дуба может привести к смерти кого-либо из членов семьи или уничтожению дома. В фольклорных текстах западных и восточных славян закреплено представление о том, что уничтожение дуба приводит к эпидемиям (см. [16, с. 142]).

В другом стихотворении Н. Клюева когнитивный признак "возраст дерева" вербализирован адъективом *вечный*. Ср. : *Али дубы, матёрые, вечные*, / *Буреломом как зверем обглоданы?* [13]. В значении слова *вечный* отображены представления о бесконечном развёртывании временной оси дуба как варианта мирового дерева, организующего сакральное для славян пространство как "своего", так и "того" света. Адъектив *матёрый* рассматриваем как актуализатор эталонных качеств дуба, а именно: долголетия, крепости и мощи.

Аналогично выражены указанные качества образа дуба и в примере *Ах ты, дитятко, свет Миколошко*, / *Как дубравный дуб – ты матёр стоишь* [13]. Сравнение человека с дубом репрезентирует закреплённые в русской лингвокультурепредставления о дубе как о мужском дереве, а также возможность его соотнесения с человеком. Кроме того, согласно Н. И. Толстому, дуб у славян выступает в качестве мужского символа [16, с. 144]. Он тесно связан с жизнью индивидуума: как и человек, он появляется на свет, растёт, развивается, приобретает те качества, которые желанны для мужчин.

Итак, в языке поэзии С. Есенина и Н. Клюева отображена система представлений о символических функциях дуба, который соотносился с человеком (мужчиной, хозяином), наделялся положительными культурными коннотациями как священное дерево, играющее особую роль как в языческих представлениях, так и в христианстве. В качестве варианта мирового дерева образ дуба рассматривается как соотносимый со "своим" и "чужим" миром, организующий земное и сакральное пространство славян. В текстах носителей русской лингвокультуры актуализирована система запретов на уничтожение данного дерева, а также объективированны эталонные качества рассматриваемого образа. В их числе долголетие (когнитивный признак "возраст дерева"), мощь, крепость (когнитивный признак "крепость древесины"). Однако данное описание не является исчерпывающим, что составляет перспективу дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. **Александрова, З. Е.** Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов / З. Е. Александрова. – 11-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 2001. – 568 с. – (Библиотека словарей рус. яз.). – ISBN 5–200–02871–X. – Текст : непосредственный.

2. **Алефиренко, Н. Ф.** Языковые образы как единицы этнокультурного сознания / Н. Ф. Алефиренко // Гуманитарные исследования. Языкзнание. – 2021. – № 4(80). – С. 10–18. – Текст : непосредственный.

3. **Бидерманн, Г.** Энциклопедия символов / Г. Бидерманн; Пер. с нем.; Общ. ред и предисл. И. С. Свенцицкой. – М. : Республика, 1996. – 335 с. : ил. – ISBN 5–250–02592–7. – Текст : непосредственный.

4. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : "Норинт", 2000. – 1536 с. – ISBN 5-7711-0015-3. – Текст : непосредственный.

5. Вежбицкая, А. Сравнение – градация – метафора / А. Вежбицкая // Теория метафоры: Сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 133–152. – Текст : непосредственный.

6. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов ; Под. ред. Г. А. Золотовой. –4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с. – ISBN 5-200-03017-X. – Текст : непосредственный.

7. Вовк, О. В. Энциклопедия знаков и символов / О. В. Вовк. – М. : Вече, 2006. – 528 с. – ISBN 5–9533–1487–6. – Текст : непосредственный.

8. Дмитриева, Ю. Л. Образ дерева в русской лингвокультуре : моногр. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО "ГИИЯ", 2021. – 176 с. – Текст : непосредственный.

9. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений: в 7-ми т. Т. 1. Стихотворения / С. А. Есенин ; Подг. текста и коммент. А. А. Козловского. – М. : "Наука" – "Голос", 1995. – 672 с. – Текст : непосредственный.

10. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений: в 7-ми т. Т. 4. Стихотворения, не вошедшие в "Собрания стихотворений" / С. А. Есенин ; Сост., подг. текста и коммент. С. П. Кошечкина, Н. Г. Юсова. – М. : "Наука" – "Голос", 1996. – 464 с. – Текст : непосредственный.

11. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова [сайт]. – URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 14. 04. 2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

12. Красных, В. В. "Свой" среди "чужих": миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК "Гнозис", 2003. – 375 с. – ISBN 5-94244-004-2.

13. Клюев, Н. А. Сочинения. В 2-х т. / Н. А. Клюев; Подобщ. ред. Г. П. Струве, Б. А. Филиппова [сайт]. – URL: <http://www.booksite.ru/klyuev/2.html> (дата обращения: 14.04.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

14. Кузмин, М. А. Сети. Стихотворения / М. А. Кузмин [сайт]. – URL:http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/ (дата обращения: 14. 04. 2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

15. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с. – Текст : непосредственный.

16. Славянские древности: Этнолингвистический словарь [в 5-ти т.]. Т. 2: Д–К (Кошки); Под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : "Международные отношения", 1999. – 697 с. : ил. – ISBN 5-7133-0982-7.

УДК 811. 161. 3'42'271:398. 92:159. 931

ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ З КАМΠΑНАНТАМ ГЛЯДЗЕЦЬ

У артыкуле ўвага скіравана да фразеалагізмаў з агульным дзеясловам глядзець. Устаноўлена частотнасць, розныя формы выкарыстання гэтага кампанента і тыпы структуры фразеалагізмаў (параўнальныя звароты і дзеяслоўныя словазлучэнні) для вобразнай, эмацыянальнай фіксацыі, адлюстравання характарыстыкі і ацэнкі новых, як правіла, абстрактных паняццяў.

Ключавыя словы: фразеалагізм, кампанент, дзеяслоў, глядзець, структура, семантыка, культура.

У апошні час праблемы ўзаемаадносін мовы і культуры ўвайшлі ў лік самых актуальных у лінгвістычных даследаваннях мовы і яе адзінак. Узмацненне цікавасці да гэтай праблемы пачалося тады, калі высветлілася, што менавіта культура адыгрывае найважнейшую ролю ў станаўленні чалавека як асобы і мова з'яўляецца асноўным паказчыкам культуры чалавека. Таму вырашальным фактарам развіцця грамадства з'яўляецца ўзаемасувязь, узаемадзеянне і ўзаемаўплыў мовы і культуры, а вывучэннем праяўленняў культуры народа, што знайшлі сваё адлюстраванне ў мове, займаецца лінгвакультуралогія – "навука аб мове праз культуру і культуру праз мову" [1, с. 113].

Галоўнай мэтай лінгвакультуралогіі з'яўляецца разгляд мовы ў якасці культурнага феномена, а ў цэнтр яе ўвагі трапляе менавіта фразеалогія, адзінкі якой захоўваюць культурныя сэнсы, культурна-нацыянальныя канатацыі, народныя ўяўленні нашых продкаў адносна самых разнастайных з'яў навакольнай рэчаіснасці. Фразеалагізмы з'яўляюцца не толькі адзінкамі мовы, але і адзінкамі культуры, яны характарызуюцца абагулена-цэласным значэннем, ці "культурна-моўным значэннем" (М. Л. Каўшова), захоўваюць і транслююць веды пра культуру народа ў часе і прасторы.

Сярод розных часцінамоўных паводле сваёй прыналежнасці фразеалагізмаў беларускай мовы выдзяляюцца дзеяслоўныя не толькі як "самы шматлікі семантыка-граматычны тып фразеалагізмаў (каля 2200)" [2, с. 118], але і па прычыне іх поліфункцыянальнасці і культуралагічнай значнасці, а яшчэ і таму, што найменне, характарыстыка і ацэнка найбольш датычыць важнейшага паказчыка чалавека – яго дзеяння. Жыццё чалавека проста немагчыма ўявіць без выкарыстання дзеясловаў і не ў меншай ступені дзеяслоўных фразеалагізмаў, якія не толькі абазначаюць дзеянне

або стан прадмета як працэс, але выражаюць ацэнку дзеянню і чалавеку як выканаўцу яго, перадаюць правілы і ўстаноўкі, выпрацаваныя ў выніку жыццёвага вопыту народа.

У межах артыкула сярод дзеяслоўных фразеалагізмаў беларускай літаратурнай мовы аб'ектам вывучэння абраны толькі фразеалагізмы з апорным кампанентам *глядзець*. Дзеяслоў *глядзець* мнагазначны: у "Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы", зафіксавана 10 значэнняў, з якіх асноўнае – 'накіроўваць позірк, каб убачыць каго-, што-н.' [3, с. 152]. А позірк, як вядома, – гэта ўласцівасць органа зроку – вачэй, якія адыгрываюць асноўную ролю ва ўспрыманні інфармацыі чалавекам з навакольнага асяроддзя. Вочы – адзін з самых актыўных органаў успрымання, асэнсавання і нават разумення. Нездарма таму дзеяслоў *глядзець* абраны як адзін з частотных пры ўтварэнні розных як па значэнні, так і па структуры фразеалагізмаў (усяго выяўлена 35 адзінак, сабраных метадам суцэльнай выбаркі з найбольш поўнага "Слоўніка фразеалагізмаў" беларускай літаратурнай мовы І. Я. Лепшава [4; 5].

Вызначаныя дзеяслоўныя фразеалагізмы паводле структуры выяўляюць два тыпы: параўнальны зварот і дзеяслоўнае словазлучэнне. Да ліку першых адносіцца як у *ваду глядзеў* – 'угадаў, нібы загадзя ведаў, нібы прадчуваў што-н.' [4, с. 306], які мае вельмі старажытныя карані. У фразеалагізме знайшоў адлюстраванне старажытны спосаб гадання, варажбы, калі чараўнік, глядзячы ў пасудзіну з вадой (неабходнага атрыбуту традыцыйных святочных варажбаў), прадказваў будучы лёс чалавека. Вада ў славян была той субстанцыяй, з якой зарадзілася жыццё і паўстаў Сусвет, таму ёй прыпісвалі асаблівыя, магічныя ўласцівасці. Магія вады распаўсюджвалася на рэлігію, фальклор, працоўную дзейнасць і адпачынак. Яе культ захавася ў народных славянскіх звычаях, прыкметах, прыказках і прымаўках і, як відаць, ва ўстойлівых адзінках мовы.

Праз выкарыстаны дзеяслоў *глядзець* перадаецца роля зрокавага ўспрымання чалавека, дзе *глядзець* = ведаць. Фразеалагізм суадносіцца адразу з некалькімі кодамі культуры: антропным (праз кампанент *глядзець*), прасторавым (праз спалучэнне у *вадзе*) і прыродным (праз кампанент *ваду*), у выніку чаго фразеалагізм перадае стэрэатыпнае ўяўленне пра прадбачанне, магчымасць загадзя што-небудзь прадказаць.

Празрысты па сваёй матывацыі кампаратыўны фразеалагізм *як вокам глянуць* – 'на вялікай праторы ў наваколлі' [4, с. 576] праз адбраны народны вобраз-эталон зрокавага ўспрымання чалавекам прасторы, які дае вобразнае азначэнне і характарыстыку прасторы.

Калі кампаратыўныя фразеалагізмы з кампанентам *глядзець* прадстаўлены адзінкавымі варыянтамі, то астатнія – фразеалагізм-словазлучэнні, якія, як вядома, валодаюць семантычнай цэласнасцю і граматычнай арганізаванасцю і якія выяўляюць розныя мадэлі дзеяслоўнага словазлучэння-прататыпа, ці зыходнага свабоднага

словазлучэння, што ў выніку метафарызацыі пераасэнсоўваецца для абазначэння розных дзеянняў.

Так, у межах фразеалагізмаў-словазлучэнняў з апорным кампанентам *глядзець* у форме інфінітыва вылучаем дзве адзінкі, якія "перадаюць уяўленні беларусаў пра фізічны стан як заканамерны перад надыходам смерці ці спакойнае ўспрыманне і разумення гэтага" [5, с. 77]. Гэта фразеалагізм *глядзець на той свет* – 'дажываць свой век, быць бліжнім смерці. Пра старога ці хворага' [4, с. 308] з яго культурнай інфармацыяй аб існаванні таго свету як замагільнага жыцця паводле ўяўленняў нашых продкаў у мінулым. Словазлучэнне *той свет* уступае ў антанімічныя адносіны са словазлучэннем *гэты свет* як свет жывых людзей. *Глядзець на той свет* – значыць набліжацца да мяжы, якая раздзяляе той і гэты свет, і адчуваць надыход смерці.

Другім з тым жа значэннем з'яўляецца фразеалагізм *глядзець у магілу*, у якім імпліцытна адлюстравана і вобразна перададзена народнае ўяўленне адносна блізкага надыходу смерці. Толькі тут сімвалам блізкага канца жыцця чалавека выступае лексема *магіла*, якая сімвалізуе апошні прытулак памерлых людзей.

Вузкасць поглядаў і меркаванняў, мяшчанская абмежаванасць адлюстроўваюцца ў фразеалагізме *глядзець са свайй званіцы* – 'меркаваць аб кім-, чым-н. аднабакова, са сваіх пазіцый' [4, с. 309]. Паводле свайго паходжання адзінка звязана з выкарыстаннем званіц як самай высокай пабудовы, што служыла ў даўніну наглядальным і вартавым пунктам. Са званіцы можна было заўважыць пажар ці набліжэнне ворагаў, а ўдарамі ў зvon – папярэдзіць аб небяспецы. У выніку пераасэнсавання выраз набыў новае значэнне на аснове асацыятыўнай сувязі паводле дзеяння і гучання для абазначэння і ацэнкі толькі аднаго меркавання (толькі таго, што відаць са званіцы) пэўнага чалавека (*свайй званіцы*). Таму фразеалагізм *глядзець са свайй званіцы* даводзіць негатыўную ацэнку і дае адмоўную характарыстыку чалавеку з вузкім кругаглядам.

Цікавымі з'яўляюцца фразеалагізмы, у якіх дзеяслоў *глядзець* кіруе кампанентам-саматызмам і спалучаецца з ім беспрыназоўнікавай сувяззю (*глядзець вачамі* – 'заходзячыся пад чым-небудзь уплывам ва ўсім падпарадкоўвацца чыёй-н. ацэнцы, думкам, поглядам' [4, с. 306]) ці з рознымі прыназоўнікамі: *глядзець праз пальцы* – 'свядома не заўважаць што-н., знарок не звяртаць увагу на што-н. (часцей адмоўнае)' [4, с. 308], *глядзець у вочы* – 'не адчуваць дакораў сумлення перад кім-н., не саромецца чаго-н.' [4, с. 309], *глядзець у зубы* – 'праяўляць залішняю мяккасць, далікатнасць у абыходжанні з кім-н.; цацкацца, цырымоніцца з кім-н.' [4, с. 309], *глядзець у рот* – 1) 'уважліва і лісліва, угодліва слухаць каго-н.', 2) 'зайздросцячы, уважліва сачыць за тым, хто есць, п'е' [4, с. 310]. Дзякуючы ўключэнню ў структуру саматычных кампанентаў *вочы, пальцы, зубы, рот*, што з'яўляюцца асновай утварэння другасных адзінак,

дадзеныя фразеалагізмы набываюць выразнае, даходлівае і дакладнае па форме і вобразах не толькі ў кожным свайго значэння, новага сэнсу, але і негатыўнай канатацыі. Гэта тыя саматызмы-кампаненты, якія, акрамя ўласнага наймення часткі цела чалавека, набылі акультураны сэнс і сталі актыўнымі сродкамі пазнання чалавекам у далёкім мінулым самога сябе.

Для паўнаты і ўсеабдымнасці фразеалагічных адзінак з дзеясловам *глядзець* ва ўсіх яго формах варта, на нашу думку, далучыць фразеалагізмы з дзеясловам *глядзець* у форме загаднага ладу і з рознай формай ліку: адзіночнага ліку – *глядзі ты!*, які выкарыстоўваецца для выказвання здзіўлення ад нечаканасці чаго-н. [4, с. 311], множнага ліку – *глядзіце ў мяне!*, які служыць для выказвання перасцярогі ці пагрозы [4, с. 311]. Названыя фразеалагізмы паводле сваёй часцінамоўнай прыналежнасці суадносяцца з выклічнікам, галоўная функцыя якога, як вядома, не найменне, а выражэнне разнастайных пачуццяў, валявых пабуджэнняў і заклікаў чалавека (радасць, боль, спачуванне, асуджэнне і інш.) або пабуджэння да пэўнага дзеяння (зварот, забарона, вокліч і інш.).

Рэпрэзентацыя пачуцця здзіўлення ў выклічнікавым фразеалагізме *глядзі мне!* зразумелая: калі чалавек у выніку нейкага знешняга ўдзеяння прыходзіць у стан здзіўлення, то тады спыняюцца ўсе працэсы мыслення, рэакцыя здзіўлення не атрымлівае дастатковага асэнсавання.

Як відаць, аналіз сабраных фразеалагізмаў з агульным дзеяслоўным кампанентам *глядзець* у розных яго формах дазваляе зрабіць выснову аб тым, што гэта адзінкі, якія вобразна, эмацыянальна і дакладна не толькі называюць, але характарызуюць і ацэньваюць найбольш дзеянні чалавека, рэпрэзентуюць закадзіраваны культурны сэнс і захоўваюць пэўныя народныя ўяўленні нашых продкаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. **Ляшчынская, В. А.** Ідыяматыка беларускай мовы ў лінгвакультуралагічным асвятленні : вучэб. дапаможнік / В. А. Ляшчынская. – Мінск: РІВШ, 2019. – 250 с.
2. **Лепешаў, І. Я.** Фразеалогія сучаснай беларускай мовы: вучэб. дапам. для філал. фак. ВНУ / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Вышэйшая школа, 1998. – 271 с.
3. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: Больш за 65 000 слоў / Пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко; афармленне А. М. Хількевіча. – 2-е выд. – Мінск: БелЭн, 1999. – 784 с.
4. **Лепешаў, І. Я.** Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 1: А – Л, 2008. – 672 с. ; т. 2: М – Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.
5. **Ляшчынская, В. А.** Базавыя канцэпты фразеалагічнай карціны свету беларусаў / В. А. Ляшчынская. – Мінск: РІВШ, 2015. – 224 с.

УДК 811. 161. 1'42'271'371

МИФОНИМ ВЕДЬМА КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье рассматриваются особенности употребления мифономинации ведьма в художественных текстах. Учитывается соотносительность традиционных (этнокультурных) характеристик ведьмы как демонического персонажа с использованием данного мифонима в качестве характеристики внутренних качеств и функций женских персонажей.

Ключевые слова: мифоним ведьма, средство характеристики, художественный текст, семантика, стилистическая окраска.

Среди номинаций, активно используемых в художественных текстах для негативной характеристики персонажей, особое место занимают мифонимы, под которыми традиционно понимают имена античных мифологических существ: *Зевс, Гера, Афродита, Геркулес, Кронос, Андромеда* и др. [4, с. 954; 5, с. 124]. Вместе с тем, "широкое" понимание термина *мифоним* предполагает рассмотрение в этом классе слов не только онимов – имен собственных, но и апеллятивов – имен нарицательных: *дракон, вампир, тролль, ведьма, кентавр* и под. [3, с. 10–11]. Поскольку мифонимы связаны с широким кругом ассоциаций, они нередко используются в художественных текстах в переносном значении для характеристики персонажей. Предметом нашего рассмотрения является мифоним *ведьма* как средство такой характеристики. Цель данной статьи заключается в определении особенностей использования мифонима *ведьма* как стилистически окрашенной номинации в процессе коммуникации персонажей художественных произведений.

В сфере традиционной духовной культуры славян *ведьма* определяется как связанная с нечистой силой внешне непривлекательная, старая не приветливая и злобная женщина (реже – красивая, обворожительная девушка или женщина), постоянно совершающая вредоносные поступки (сглаз, порчу, насылание болезней, разлучничество, внесение раздора в семьи и др.) [2, с. 297–299]. Сравн. современное толкование рассматриваемой номинации: *ведьма* 'женщина, продавшая душу нечистой силе в обмен на обладание особыми знаниями и способностями; злая колдунья'; 'безобразная, злая женщина' [1, с. 115]. Исторически, однако, слово *ведьма* не обладало негативной коннотацией, на что указывает его внутренняя форма – представление о всеведении, магическом знании: "рус. *ведьма*, укр.

відьма, бел. *ведзьма*, чеш. *vědma*, польск. *wiedźma* связано с праслав. **vědě* ‘я знаю’, др. -рус. *въдь* ‘ведовство, знание’ [6, с. 285].

В художественной литературе мифолексема *ведьма* представляет широкий спектр значений, способствующий осуществлению разносторонней характеристики героев. Так, рассматриваемый мифоним может использоваться как средство характеристики по отношению к женщине, которая открыто угрожает нанести вред имуществу других людей. В этом случае значении номинация *ведьма*, реализующая переносное значение ‘злая, сварливая женщина’, в полной мере соответствует традиционным представлениям о вредоносной природе этого персонажа: *"Ты опять пришла лаяться, кочера?" – спрашивали ее. – "Опять. Помните мое слово: ежели не будет у меня места – спалю я вас!" – начинала свою просьбу старуха. – "Ах ты ведьма! Разве можно говорить такие слова? За такие слова, знаешь ли, тебя можно куда спровадить?"*. Далее отмечается: *"Между тем Лана говорила "всурьез", и когда ей надоело ходить по очереди ночевать, она взяла да спалила несколько дворов, что весьма удивило жителей"* (Н. Е. Каронин-Петропавловский. "Рассказы о пустяках").

В пьесе Н. В. Гоголя "Женитьба" потенциальный жених экзекутор Яичница называет сваху Феклу ведьмой (наряду с характеристиками *бестия, старая греховодница, сваха проклятая, подошва старая*) на том основании, что она его обманула, рассказывая о будущей невесте: *Ах ты, бестия эдакая, ведьма! Ведь если бы вы знали, какими словами она расписала! Живописец, вот совершенный живописец! <...> Ах ты, подошва ты старая! Попадись только ты мне. . .* В данном случае, как можно видеть, в номинации *ведьма* актуализируются такие черты мифологического персонажа, как фальшивость, притворство, одурманивание.

В одном из эпизодов романа М. А. Шолохова "Поднятая целина" колхозному завхозу Якову Лукичу Островнову приснился странный сон, который был трактован им как дурное предзнаменование (*"Такие паскудные сны к добру не снятся. Быть беде!" – решил он*). В подтверждение этого с самого утра Яковом Лукичом стали происходить различные бытовые неприятности, по случаю чего жена задала ему резонный вопрос: *"Что это с тобой, отец, ныне подеялось? С левой ноги встал или плохие сны снились?"* В ответной реплике Островнов употребляет слово *ведьма*, которое в данной ситуации является не только обычным ругательством, но и содержит имплицитную сему ‘скрытое знание’, поскольку жена как бы "узнала" подлинную причину неприятностей мужа: *"А ты почему знаешь, старая ведьма?!" – вне себя крикнул Яков Лукич и опрометью выскочил из-за стола*.

Не является простым ругательством данная номинация и в речи еще одного персонажа названного произведения – деда Щукаря, которого от острой боли в животе, вызванной перееданием, "лечит" деревенская знахарка (она "умела ставить банки, накидывать чугуны, костоправить, отво-

рять и заговаривать кровь"). Старик, испытывая мучения, однозначно воспринимает действия "бабки" как вредоносные поступки, свойственные ведьмам: *"С-сыми махотку! Сыми, ведьма! Ой, живот мне порвет! Ой, родненькие, ослобоните!" – "Терпи! Терпи! Зараз полегчает"*, – шепотом уговаривала бабка Мамычиха, тщетно пытаясь оторвать край махотки, всосавшийся в кожу.

В редких случаях характеризующая номинация *ведьма* может реализовать в художественном тексте свой изначальный "позитивный" семантический потенциал, указывающий на обладание ведьмой ведовством, сакральным знанием. Приведенный ниже контекст интересен в том отношении, что рассматриваемая номинация употребляется по отношению к женщине как оскорбительная характеристика, но сама женщина фактически "развенчивает" негативный ореол ведьмы, наделяя это слово особым, высоким, "аристократическим" смыслом: *Левка гремел: "А какое твое право так говорить? Кто ты такая? Ты самая обыкновенная ведьма!" И Алина Федоровна кивала с важностью: "Да, ведьма. И горжусь, что ведьма". Ее сестра соглашалась: "Да, ведьма, весь наш род такой, ведьминский". Быть ведьмой считалось чуть ли не заслугой. Во всяком случае, тут был некий аристократизм, на что обе женщины намекали*(Ю. Трифонов "Дом на набережной").

Мифономинация *ведьма* в условиях художественного текста, в ситуации интимного общения вообще может кардинально менять свою коннотацию, выступая в качестве комплимента для любимой женщины. В таком случае мифоним *ведьма* реализует имплицитную сему 'та, которая чарует, соблазняет, обольщает': *"Спасибо, Володенька, спасибо, родненький, век тебя не забуду... Спасибо". Она целовала и шептала, прижимаясь к нему теснее и теснее, и он, опять весь задохнувшись, не мог уйти и только вытолкнул сквозь стиснутые зубы: "Ведьма ты, ведьма... Ведьма" "Пусть, Володенька... пусть, не было бы тебе худо, а мне..." "Ушел он от нее перед самым рассветом*(П. Л. Проскурин. "Исход").

Приведенный материал свидетельствует о различных текстовых реализациях традиционных представлений о ведьме как мифологическом персонаже, обладающем ведовскими способностями, вредоносностью и магическим воздействием на человека.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : "Норинт", 2000. – 1536 с.
2. **Виноградова, Л. Н., Толстая, С. М.** Ведьма // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. – М. : Междунар. отн., 1995. – С. 297–301.
3. **Лаптева В. Ю.** Англоязычные мифонимы в аспекте перевода на языки различного строя. С. -Пб: С. -ПбГУ, 2018. – 117 с.

4. Мурясов Р. З. Мифонимы в системе языка // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. №3. С. 952-956.

5. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 200 с.

6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 (А–Д) : пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с доп. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – 576 с.

УДК 800 : 82

ЛЕКСИКА, НОМИНИРУЮЩАЯ АРТЕФАКТЫ, В ПЕСНЯХ СТАРООБРЯДЦЕВ ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ

В статье представлен анализ лексики песен старообрядцев Восточного Полесья на предмет отражения в них традиционной материальной культуры славянского пограничья в этнолингвистическом и этнографическом аспектах. В частности, рассматриваются названия артефактов, которые не зафиксированы в песнях старообрядцев Забайкалья и Алтая, с которыми данная группа русскоязычного населения некогда представляла единую "ветковскую" традицию.

Ключевые слова: русские народные песни, лексика, старообрядцы, Восточное Полесье, артефакты, словники.

Представляется интересным сравнить словники лирических песен трех исторически родственных групп старообрядцев, проживающих ныне в Забайкалье ("семейские"), на Алтае ("поляки") и в Восточном Полесье. С конца XVII по середину XVIII веков эти группы представляли собой единую ("ветковскую") традицию, но потом были насильственно разделены.

Новые условия жизни, безусловно, могли отразиться в той или иной мере на лексике фольклорных текстов. Конечно, жизненный уклад старообрядцев современного славянского пограничья по условиям хозяйствования и быта был близок к укладу жизни в местах их выхода из России в конце XVII века. Но существенно изменилось их окружение, говорившее на понятном, но все же другом восточнославянском диалекте. Современные старообрядцы славянского пограничья исторически связаны с первыми старообрядцами-населенниками, но все же более 250 лет, прошедшие с момента последней ветковской выгонки, привели к определенным трансформациям в их культуре и быте [1; 4 и др.].

Словник и частотный словарь песенного фольклора старообрядцев Полесья был составлен нами на основе текстов, хранящихся в базе РО БНЦ СО РАН и был впервые опубликован в нашей монографии "Лексика русской лирической песни как поле межкультурных контактов: на материале текстов песен старообрядцев Восточного Полесья, Забайкалья ("семейских") и Алтая ("поляков")" [4, с. 178–193]. В том же издании опубликованы и два других словника, с которыми мы сравнивали словник песен старообрядцев Восточного Полесья: словник Алтайских песен [4, с. 124–145] и песен "семейских" Забайкалья: [4, с. 273–315]. Словники и частотные

словари, получившиеся в результате аппликации трех выше названных словариков, представлены там же в приложении [4, с. 328–331].

Существительные, которые совпали во всех трех корпусах текстов, мы условно разделили на 4 кластера: *социофакты* – наименования лиц и элементов культуры межличностных отношений; *натурфакты* – все, созданное природой; *артефакты* – все, созданное человеком; *ментифакты* – общечеловеческие ценности, связанные с религией, этикой, искусством, философией и т. п.

Рассмотрим подробнее качественный состав совпавшей у всех словариков лексики, номинирующей артефакты.

Итак, внутри кластера "Артефакты" мы условно выделили следующие семантические группы:

- "Одежда, обувь, аксессуары, косметика"

Помимо таких наименований одежды, как *платье, рубашка, штаны, юбка*, сюда вошли существительные, называющие ее элементы, *карман и пояс*.

Обувь представлена двумя лексемами: *башимак* и *сапог*.

Традиционные головные уборы *платок* и *шляпа* дополнены поэтическими *венец* и *венок*.

Из украшений в эту группу попал только *перстень*, из наименований косметики – *румяна*.

- "Утварь, предметы быта, интерьер"

Утварь представлена следующими названиями емкостей: *бутылка, ведро* и *стакан* и такого предмета домашнего обихода, как *нож*.

Интерьер крестьянской избы составляют предметы мебели: *кровать, лавка, скамья, стол* – и дополняющие их атрибуты: *перина, постель, ковер* и *картина*.

- "Пища, питье"

Питье в песнях трех регионов сводится к алкогольным напиткам *вино, водка, пиво* и *мед*, который часто в песне упоминается в составе композита *мед-пиво*.

Пища включает только два, но зато самых традиционных для русского человека атрибута гостеприимства – *хлеб* и *соль*.

- "Локус"

В эту тематическую группу входят наименования сооружений, причем как жилых (*дом, дворец, изба, терем, хата, хижина, шатер*), так и нежилых (*завод*), а также их составляющих частей: *горница, дверь* (и соотносятся с ними *замок* и *ключ*), *комната, крыльцо, окно, светлица, сени, стена*.

Прилегающие к жилищу территории – *двор* (с *воротами*) и *огород*.

Отдельные дома составляют *улицу* или *переулок*, затем *село, деревню* или *город*. Все это объединяется в понятия *сторона, место, край, страна, родина* и даже *мир*, который в фольклоре распадается на *восток* и *запад*.

- "Предметы культа, обрядов"

Среди культовых атрибутов все три корпуса текстов выделяют *крест, икону, колокол, свечу и налой* (аналой).

Кольцо, гроб и могила представляют такие важные христианские обряды, как венчание и отпевание.

- "Средства передвижения"

Здесь мы встречаем и традиционные *сани* и *лодку*, и более современные *карету, корабль* и даже *машину* и *поезд* (правда, в текстах "поляков" Алтай поезд употребляется и как элемент обрядового действия).

- "Другие артефакты".

Среди них в песнях выделяются *деньги* (в том числе *рубль*) и другие драгоценности: *золото, серебро, кредитный билет* (отметим, что дважды в текстах упоминается "*белый билет*"). Встречается также в песнях трех старообрядцев регионов обобщенное наименование *казна*.

Кроме того, в эту тематическую группу вошли существительные *доска* (чаще всего *гробовая*), *звонок, труба, седло, след, письмо* и инструмент для письма – *перо*.

Рассмотрим теперь, какие же наименования артефактов зафиксированы в песнях старообрядцев Восточного Полесья и не упоминаются в двух других сопоставляемых корпусах текстов.

- "Одежда, обувь, аксессуары, косметика"

В данной тематической группе можно выделить диалектизмы *кохточка* и *хвартук*, а также элементы одежды *ворот* и *кисьма* (тесьма). Встретилась в полесских песнях и *заплата*. К данной группе считаем уместным отнести наименование тканей *ситец* и *тафта*.

Обувь представлена одним существительным *ботинок*.

Названия головных уборов не попали в рассматриваемый нами массив лексикона, но среди "локализмов" в словнике песен старообрядцев Полесья было зафиксировано существительное *козырек*.

К аксессуарам мы отнесли *суму* и *сумку*. Наименования косметики не представлены в нашем словнике, но есть в нем субстантив *прическа*.

- "Утварь, предметы быта, интерьер"

В данную тематическую группу вошли лексемы *рушник* (полотенце) и *дьярюза* (грубая ткань, полотно, которые обычно используются в домашнем хозяйстве).

Можно выделить здесь также наименования орудий труда: *самопрялка* и *сошка* (соха).

- "Пища, питье"

Номинанты питья в песнях старообрядцев Полесья, так же, как и в песнях двух других сопоставляемых регионов, ограничивается названием крепкого алкогольного напитка – *горилка* (вспомним, что в трех словниках общими оказались лексемы *вино, водка, пиво* и *мед*).

Пища представлена в исследуемом словнике существительными *баранка, колбаса, сухарики*.

- "Локус"

В данную тематическую группу вошло обобщенное наименование *жилье*, существительное *сарай*, а также название частей жилых и хозяйственных построек *зал, спальня, клеть, куточек*.

Встречаем среди "локализмов" диалектизмы *колодезь* и *криница / крыница* (колодец, родник).

Нехарактерное для русской народной песни существительное *аул* также упоминается в одном из текстов песен старообрядцев Полесья в следующем контексте: "*Пройдем по селам и аулам И красно знамя пронесем*". Песня записана от Радченко Григория Артамоновича, 1892 г. рождения, в с. Попсуевка, Ветковского р-на, Гомельской обл. В этой же песне употребляются лексемы *тачанка, рельс, палемет* (пулемет), *сталинцы, картечи, паровоз*, которые вообще не характерны для традиционной русской лирической песни.

Кроме того, в данной тематической группе отмечены такие наименования локуса, как *горка, грядка, жито, кол, смеринице* (кладбище), *точок* и три однокоренные существительные *мостовина, подмостик, помост*.

- "Предметы культа, обрядов" представлены двумя номинантами: *воск* и *распятые*.

- "Средства передвижения" ограничиваются лексемами *тачанка* и *рельсы* (условно отнесем это существительное в данную тематическую группу, хотя его можно было бы причислить и к наименованиям локуса).

- "Другие артефакты".

Только в полесских песнях упоминается музыкальный инструмент *самбал* (цымбалы). Здесь зафиксировано и абстрактное существительное *творенье*.

К "другим артефактам" также отнесем лексемы *хрустал* и *цена*.

Обобщая наши наблюдения за "уникальной" лексикой, отмеченной только в песнях старообрядцев Полесья, в сравнении с общей лексикой для всех трех рассматриваемых регионов бытования "ветковской" традиции, можно отметить, что она имеет свою специфику. В частности, среди "локализмов" существенный процент занимают диалектизмы, представляющие южную группу русских говоров (*кохточка, хвартук, кисьма, рушник, дярюга, горилка, клеть, куточек, колодезь, криница / крыница* и др.).

Представляется интересным проанализировать и другие кластеры уникальной лексики песен старообрядцев Полесья: *социофакты, натурфакты* и *ментифакты*. Это позволит полнее выявить ее своеобразие в сопоставлении с другими словниками песен "ветковской" традиции.

Список использованных источников

1. **Кляус, В. Л.** Сопоставительный анализ лексики старообрядцев Восточного Полесья, Алтая и Забайкалья / В. Л. Кляус, С. В. Супряга // Традиционная культура. Современный взгляд: проблемы и перспективы: Юдинские чтения-2008 : материалы всерос. науч.-практич. конф. (Курск, 15 фев. 2008 г.). – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. С. 42–48. – Текст : непосредственный.
2. **Супряга, С. В.** Своеобразие лексического состава текстов песенной традиции старообрядцев Полесья / С. В. Супряга // Традиционная культура на территории Российско-Белорусского пограничья: историко-этнографический и лингвокультурологический аспекты: Материалы XIV международной научно-практической конференции / Под ред. : С. Н. Стародубец, В. В. Мищенко, В. Н. Пустовойтова, Ю. А. Шевцовой, О. В. Белугиной. – Брянск, 2012. С. 323–332. – Текст : непосредственный.
3. **Супряга, С. В.** Сопоставительный анализ лексики лирических песен старообрядцев Забайкалья, Алтая и Восточного Полесья с точки зрения частеречного соотношения / С. В. Супряга [Электронный ресурс] // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2013. – № 4 (28). – С. 134–141. – URL: <http://www.scientific-notes.ru> (дата обращения: 08. 04. 2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
4. **Супряга, С. В.** Лексика русской лирической песни как поле межкультурных контактов: на материале текстов песен старообрядцев Восточного Полесья, Забайкалья ("семейских") и Алтая ("поляков") / С. В. Супряга. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2019. – 419 с. – ISBN 978-5-88313-937-5 (КГУ). – Текст : непосредственный.

УДК 811. 161. 1, 81'22

КОНЦЕПТ "САРАФАННОЕ РАДИО" В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

В статье представлен анализ вербализации концепта "сарафанное радио" в русской художественной литературе и публицистике (на материале "Национального корпуса русского языка"). Рассмотрена семантика, коннотации фразеологизма сарафанное радио.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, вербализация (репрезентация) концепта, фразеологизм, семантика, коннотации.

В нашей статье мы проанализируем русский национальный концепт-фразеологизм "сарафанное радио". Как указывает Тихомирова Е. В., "под национальным предметным символом понимается элемент символического языка культуры, который служит "эмблемой" определенного народа или страны и при этом принадлежит какой-либо сфере материальной культуры (кулинарии, одежде, утвари, строительству и др.). Такие символы создаются с внутренних позиций (народ сам творит собственную символику) или с внешних. [...] В качестве русских национальных предметных символов обычно выступают такие реалии (и соответствующие им слова), как блюда и напитки (водка, квас), элементы народного костюма (сарафан, косоворотка, лапти, шапка-ушанка), народные музыкальные инструменты (балалайка, гармонь), посуда (самовар), изделия промыслов (матрешка) и др." [5, с. 334-335].

Сарафанное радио, по данным "Фразеологического словаря русского литературного языка", – это "Прост. Шутл. Сплетни, слухи, передаваемые из уст в уста" [6]. "Большой словарь русских поговорок" определяет сарафанное радио следующим образом: "Прост. 1. Сплетни, слухи (как правило – распускаемые женщинами)" [1]. Как видим, словари определяют сферу употребления фразеологизма как просторечную и отмечают его коннотацию как шутливую.

Известно, что фразеология национального языка имеет глубокие корни в прошлом народа, но она и пополняется новыми единицами. По мнению Сарсембаевой А. В., "концептуальная "аура" любого языка пополняется новыми ФЕ, несущими на себе печать прогресса общества, науки и техники, интеллектуального и духовного роста носителей той или иной культуры. [...] "Сарафанное радио" сплетни, слухи, передаваемые из уст в уста – вошло в корпус русской фразеологии, только когда люди повсеместно

осознали информационную роль радио" [4, с. 28]. Следует указать, что фраза "сарафанное радио" в настоящее время пережила семантическое приращение и довольно активно употребляется в сфере бизнес-маркетинга: "Сарафанное радио ("из уст в уста", "бумеранг") – некоммерческая форма маркетинговой коммуникации, где в попытке достичь целевого покупателя / клиента / потребителя, компании, автору и инициатору коммуникации помогают добровольные посредники-распространители из числа целевой аудитории" [3].

В материалах "Национального корпуса русского языка" [2] отмечен 31 контекст с фраземой *сарафанное радио*, выбранных в основном из современных текстов художественной литературы и публицистики (писателей Аркадия Инина, Германа Садулаева, Юлии Андреевой, Маши Трауб, Лазаря Бронтмана, журналистов Дениса Викторова, Елены Николаевой, Вячеслава Муругова и других. По нашим наблюдениям, концепт "сарафанное радио" находит разнообразное языковое выражение в современной речи.

1. Концепт вербализуется как слух, фразеологизм выступает в своем словарном значении 'слухи, сплетни': *Да, слух (или сарафанное радио) – лучший маркетинговый инструмент всех времен и народов. [Владимир Ляпоров. Хождение в народ // "Бизнес-журнал", 2004. 03. 16] Маркетинг слухов, или "сарафанное радио", как мощный инструмент бренд-билдинга. [IV Всероссийская конференция // "Логистика", 2004. 09. 20].* Как видно, исследуемый концепт лишен негативной оценки, наоборот, имеет положительную окраску. Фраза употребляется в сфере бизнеса.

2. Сарафанное радио – источник информации, обычно самое лучшее (в современной деловой картине мира): *Ну, а дальше заработало лучшее средство информации – "сарафанное радио": мол, есть такой телефон доверия у одного мужика, жизнь которого, мало сказать, не сахар, а просто хуже горькой редьки, и потому, как послушаешь этого бедолагу, так твоя хоть и тоже не сладкая жизнь покажется медом. [Аркадий Инин. Телефон доверия (1997)]; Практика показывает, что самый надежный источник информации – "сарафанное радио". [Юлия Кривелева. Музыка заказывает пациент: медицина и право // "Семейный доктор", 2002. 09. 15].* Показательно, что в другой концептосфере сарафанное радио – недостоверный источник информации, имеет отрицательную коннотацию: – *Брехливые новости – "сарафанное радио", "солдатский вестник" (это еще и в смысле узун-кулака, т. е. длинного языка), "агентство ОГТ" (одна гражданка говорила). [Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1932-1942)].*

3. Концепт "сарафанное радио" представлен как обычное радио, которое можно включить, которое работает, у которого есть градация мощности: *Россия – страна рекомендаций. А значит, нужно включить "сарафанное радио". Тем более когда речь идет о чем-то новом, но с грузом стереотипов из прошлого. [Елена Николаева. Тесла был бы удивлен. Электрическая зарядка тела // "Эксперт", 2014]; Заказ она выполнила, деньги по-*

лучила. "Сарафанное радио" заработало. Лариса не была завалена предложениями, но и без работы не сидела. [Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011)]; "Сарафанное радио" заработало на полную мощность и, похоже, сделало то, чего невозможно было бы добиться размещением миллионов рекламных баннеров: управляющие сотен компаний самых разных рангов проходили добровольное тестирование и делились впечатлениями с коллегами. [Денис Викторов. О чем у вас тут поют // "Бизнес-журнал", 2004. 01. 22].

4. Сарафанное радио – неодоушевленный предмет, который можно использовать как инструмент: "Было понятно, что сарафанное радио – наш основной инструмент. [Елена Николаева. "Я знаю, что у вас на ужин" // "Эксперт", 2015]; который является посредником: Разумеется, я тут же всё рассказала Ирке, и она через сарафанное радио передала друзьям. [Ю. И. Андреева. Многоточие сборки (2009)].

5. Сарафанное радио – это реклама, самая лучшая, народная, особая: Известно, что самая лучшая реклама – это сарафанное радио. [Вячеслав Муругов, Вадим Нестеров. "Все телеканалы ищут бабочку" // "Огонек", 2013]; Применительно к салонам красоты всегда лучше всего работает "народная" реклама – "сарафанное радио". [Ольга Колева. Этот несносный, капризный, прекрасный клиент! // "Бизнес-журнал", 2004. 03. 03]; И рекламы ведь нет. Вернее, она особая, "сарафанное радио" работает. Надо сказать, что Александру составляют конкуренцию не так давно появившиеся в районе восемь мастерских – в Ляхах, Воготине, Домнине, Меленках, Тургенева, Темкине, Крутцах... [Элла Матонина. Портрет Александра в Левендянском интерьере // "Дружба народов", 1999. 06. 15].

6. Сарафанное радио представлено как действие, находится в ряду абстрактных понятий энтузиазм, труд: Функционирование этих клубов отчасти опиралось на привычный энтузиазм, добровольный труд и "сарафанное радио". [Кристина Кармалита, Анна Зайцева. Быть "как дома" в местах для широкого круга "своих" // 60 параллель/ 60 Parallel, 2011].

7. Концепт "сарафанное радио" может репрезентироваться как живое существо, которое производит действие, обладает речью: Сарафанное радио распространило сведения о том, кто этот красавец, где он живет, как его зовут. [Герман Садулаев. Когда проснулись танки (2010)]; Сарафанное радио говорит, что ищут каких-то кошмарных террористов. [Елизавета Козырева. Дамская охота (2001)].

Фразеологизм *сарафанное радио* может подаваться без кавычек, но может быть оформлен кавычками. Поскольку в кавычки принято заключать непривычные, малоупотребительные выражения, можно заключить, что этот фразеологизм не всеми авторами воспринимается как общеизвестный, общепотребительный.

Таким образом, концепт "сарафанное радио", который представляет собой русский национальный символ, в концептосфере современной худо-

жественной литературы и публицистики находит разнообразную вербализацию. Можно сделать вывод, что он чаще всего репрезентируется как средство передачи информации, обычно в деловой среде, как средство маркетинга, рекламы. Также "сарафанное радио" предстает как слух; как неодушевленный предмет; как живое существо.

Фразеологизм *сарафанное радио*, характеризуемый словарями как просторечный и шуточный, в значительной мере утратил эти характеристики. Только в одном контексте отмечена негативная коннотация этого фразеологизма и сема 'недоверенность'. Фразеологизм *сарафанное радио* употребляется в бытовом общении и имеет иронический оттенок. Что касается деловой сферы общения, сарафанное радио играет положительную роль, является средством продвижения различных услуг; фразеологизм имеет положительную коннотацию без иронического оттенка.

Список использованных источников

1. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: Олма Медиа Групп. 2007 : [сайт]. – URL : <https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com/search?s> (дата обращения: 13.04.2021).

2. Национальный корпус русского языка : [сайт]. – URL : <https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&mode=main&nodia=1&p=0&req=%> (дата обращения: 13. 04. 2021).

3. Сарафанное радио : [сайт]. – URL : <https://www.marketch.ru/marketing> (дата обращения: 16. 04. 2021).

4. Сарсембаева А. Б. Фразеологические составляющие в картинах мира неродственных языков // Язык и культура. Лексикология и фразеология, с. 24-29 : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskie-sostavlyayuschie-v-kartinah-miranerodstvennyh-yazykov> (дата обращения: 16. 04. 2021).

5. Тихомирова Е. В. "Лапотно-квасной патриотизм" и "Русь посконная": к вопросу о русских национальных предметных символах Антропологический форум, № 18, online, с. 334-342 : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lapотно-квасной-patriotizm-i-rus-poskonnaya-k-voprosu-o-russkih-natsionalnyh-predmetnyh-simvolah> (дата обращения: 16. 04. 2021).

6. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М. : Астрель, АСТ. 2008 : [сайт]. – URL: <https://rus-phraseologydict.slovaronline.com/search?s=%D1> (дата обращения: 15. 04. 2021).

Дерегузова Любовь Михайловна, Печенкина Ольга Юрьевна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: Lubimochka98@yandex.ru, olya_bryansk@mail.ru

УДК 82'396, 81'42

СВОЕОБРАЗИЕ РАЗВИТИЯ ХРИСТИАНСКИХ МОТИВОВ В ЛИРИКЕ В. Д. ДИНАБУРГСКОГО

В статье проведено исследование христианских мотивов в творчестве В. Д. Динабургского. Анализ сборника "Озарение: христианские мотивы для верующих и неверующих" открывает с новых сторон всю многогранность и глубину таланта В. Д. Динабургского, своеобразие его авторской позиции и убеждений, а также дает возможность более внимательно рассмотреть значимые темы и мотивы в его лирике, напрямую связанные с историко-культурным наследием православной Брянщины.

Ключевые слова: В. Д. Динабургский, христианские мотивы, религиозные вопросы, лирика.

Сегодня одна из самых знаменитых творческих личностей Брянской области – Валентин Динабургский. Это поэт, который перенёс все тяготы военного лихолетья, солдат, который более 700 дней был на передовой, защищая мирную жизнь своих соотечественников, общественный деятель, создатель парка им. А. К. Толстого - "живой дерева души", член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, почетный гражданин города Брянска.

Творческое наследие В. Д. Динабургского многогранно, среди всего этого многообразия особенно выделяются христианские мотивы в его лирике.

В течение всего длительного творческого пути у В. Д. Динабургского появлялись стихи на темы христианства. В одном из интервью автор признался: "Тогда я начал пересматривать свой архив, потратил на это четыре часа. И получилось около восьмидесяти стихотворений" [2].

В. Д. Динабургский своим творчеством призывает задуматься: "Как проходит наша жизнь, не тратим ли мы время попусту?" Поэт говорит о том, что "мы живём примитивно и видим мир с одной стороны" [2]. Мы можем видеть только то, что поддается нашему разуму. А мир, подвластный только подсознанию, может пройти мимо нас.

Так появился сборник "Озарение: христианские мотивы для верующих и неверующих". Эта книга – не что иное, как авторский эксперимент, поэтическая попытка переосмыслить устройство мира. Основная цель сборника – помочь преодолеть нигилизм и атеизм, которые долгие годы укорен-

нялись в головах народонаселения под влиянием Советской власти. Это путь постижения сокровенной божественной сути окружающего нас мира.

В этой книге автор высказывает убеждение, что существует вселенский разум: "Я считаю, что существует некий вселенский разум, который управляет всем и вся, начиная от молекулы и заканчивая передвижением материков. Может быть, это и есть Бог. Потому что так рационально, так разумно расставить по местам никакая эволюция не в состоянии. Всё это само по себе не могло произойти" [2].

*Вселенский Разум или Бог –
В том разногласья явно нету –
Хранят зелёную планету
На перепутши космических дорог.
Земля – крупица во Вселенной,
Не более горошины.*

*Но и она средь галактических планет
Не позабыта, не заброшена.
Над ней всечасно, жизни не тревожа,
Везде, и всюду, и всегда –
И Глас, и Глаз незримый Божий,
Как путеводная звезда [1, с. 54].*

Автор считает, что нелепо отрицать существование разумного, всемогущего Творца. Не признавать вмешательства Бога в устройство материального, видимого мира – значит, считать гармонию и порядок во Вселенной порождением случайности. Но разве возможно такое, чтобы сам по себе образовался такой сложнейший миропорядок, который до сих пор полностью не разгадан? Замечая, что во всём мире происходят разнообразные явления, и что они развиваются по присущим им закономерностям и свойствам, человек может прийти к выводу о том, что мирозданию свойственно саморазвитие. Но это далеко не так. Это возможно только при том условии, если Господь, премудро сотворивший небо и землю, утвердил действие сил природы по определенным законам.

*Наша жизнь – дорога к Храму,
Но тернист и крут подъем.
Духом крепким и упрямым
Лишь под силу, день за днем,*

*Пробиваясь сквозь заторы
Лжеидей бредовых догм,
Ощутить, вздев к небу взоры,
Что над всем и вся – есть Бог! [1, с. 67]*

В стихотворениях автора провозглашены идеи, которые позволяют развеять пелену и дают возможность осознать цель бытия, понять, что божественное начало присутствует внутри каждого живого и неживого проявления, во всяком сущем. Поэт говорит о том, что всем в этой жизни предстоит пройти тернистый путь, полный не только счастливых моментов, но и поражений, невзгод. Но не стоит отчаиваться, роптать на Бога, нужно просто со смирением и благодарностью принять то, что выпало на долю.

По мнению поэта, жизнь человека – несение креста, подвига, который, конечно же, невозможен без испытаний. И устоять в самые сложные минуты, во время бури корабля души поможет именно Господь – опора, на которой можно основать прочный фундамент своей жизни, кормчий корабля, вне которого нет спасения.

*Не возносись, отринув от порога,
Не возвеличивай себя.*

*Куда б ни шёл ты –
Путь твой только к Богу.
Иди к Нему, Его благодаря! [1, с. 18]*

"Мы очень многого не знаем. И еще. Я никогда ничего не просил у Бога. Наоборот, говорю: Бог, тебе, что хочешь, дам, а мне от тебя ничего не надо" [2].

Наша земная жизнь – это время, предназначенное для приготовления к вечности. Все мирские блага и удобства, которыми человек смог окружить себя, не будут иметь для него никакой ценности в жизни будущего века. Излишние житейские попечения приводят человека к нерадению о бесценном даре. Именно душа является ценнейшим сокровищем, нуждающимся в постоянном внимании и заботе. Каждый однажды оставит все, к чему так прилепился; тело его начнет распадаться, но душа продолжит жить, не прекратит своего существования ни на миг.

*Ты во всей Вселенной
Есть единый Бог!
Верю в Твою мудрость*

*И в Твоё могущество.
На закате лет
Душа –
Всё моё имущество... [1, с. 24]*

Особенно интересны поэтические труды, отражающие библейские эпизоды и образы. В стихотворении "По стопам Христа" перед читателем раскрывается картина земной жизни Господа и Его ученика, апостола Петра. Пётр являлся одним из самых любимых учеников Иисуса Христа. Увидев Спасителя, шествующего по воде "яко по сушу", он просит: "Повели мне прийти к Тебе по воде". Однако сомнение в истине приводит его к пути гибели, вера его колеблется, он начинает тонуть. Поэт приходит к выводу, что каждому человеку свойственно ошибаться, сбиваться с предназначенного ему пути. Автор призывает нас идти дорогой Любви, вслед за Христом, укрепляя себя молитвой и крепким упованием на помощь Бога:

*По разливу вод,
Словно посуху,
Я с молитвою
Да вот с посохом,
Плоть прикрыв едва
Лишь хламидою,
В яснуполудночь
Бодро выйду я.
И пойду, пойду,
Без лады – весла,
Да без паруса,*

*По стезе Любви,
По стопам Христа –
И покаюсь
За грехи свои,
Что содеяны
Не по умыслу,
Бишь, злодейному,
Ибо жизнь сама –
Вся греховная,
Бо утрачена
Суть духовная... [1, с. 9]*

В поэзии В. Д. Динабургского звучит голос гражданина, неравнодушного к истории. Многие культовые заведения Брянщины не смогли избе-

жать трагической участи. Среди них и Свенский Успенский монастырь, являющийся одним из самых древних архитектурных памятников. В "Плаче о Свенском соборе" поэт скорбит о наших пределах, оставшихся без старины, без молитвы, без благовеста.

*Помнит ветер, как синие зори
Отражались в золотых куполах,
Как над лесом, над лугом, над пашиной
От вечерни – за дальний кордон –
Растекался могучий, протяжный,
Колокольный раскованный звон! [1, с. 43]*

В настоящее время обитель отреставрирована и передана Брянской епархии. Своим величием и духом старины он как бы напоминает всем о том, что нужно жить достойно и не забывать о прошлом.

Особое восприятие у В. Д. Динабургского окружающего мира, жизни, смерти, любви и веры. Поэт рассматривает в своих произведениях важные философские, нравственные, этические и религиозные вопросы. Его творчество ярко и точно отражает основные догматы христианской веры.

Его стихотворения насыщены православно-христианской символикой и церковной атрибутикой: мы встречаем образы храмов, упоминания о православных праздниках и святых, создающие особый колорит, контекст духовности, также многочисленны реминисценции из Священного Писания.

Список использованных источников

- 1. Динабургский В. Д.** Озарение : христианские мотивы для верующих и неверующих. – Брянск: Группа компаний "Десяточка", 2009. - 71 с. – Текст: непосредственный.
- 2. Савелькина А.** Валентин Динабургский о войне, любви, сказках и вселенском разуме. – Текст: электронный // Брянская тема – URL: <http://tema32.ru/articles/2009/25-26/299/>

Распопова Татьяна Анатольевна, Рожковская Юлия Игоревна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: volkova1111@yandex.ru, rozhkovskaya1997@bk.ru

УДК 811. 11, 808

СЕМАНТИКА ОСКОРБЛЕНИЯ В ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО

В статье описывается семантика речевого акта "оскорбление"; инвективные языковые средства в речи героев А. Н. Островского. Анализируются способы выражения и стилистические функции оскорбления в пьесах А. Н. Островского.

Ключевые слова: оскорбление, инвективная лексика, пьесы А. Н. Островского.

Одной из наиболее "популярных" форм речевой агрессии является оскорбление. Данный речевой акт функционирует не только в сфере обыденной коммуникации, но и в художественном дискурсе, где он используется прежде всего как средство речевой характеристики персонажа.

В этом аспекте интересно рассмотреть речевой акт "оскорбление" в пьесах А. Н. Островского - великого мастера в изображении "тёмного царства" - мира купечества 19 века.

Прежде чем описать функционирование речевого акта "оскорбление" в пьесах А. Н. Островского, определим данный феномен с юридических и лингвистических позиций. Под оскорблением в праве понимается "унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме" [5]. При этом признак неприличной формы "как признак объективной стороны состава названного преступления является признаком, который ограничивает речевые действия от остальных правонарушений, связанных с причинением морального вреда" [1; с. 85-95].

С лингвистической точки зрения оскорбление признаётся как "тип речевой агрессии" [2; с. 242]; "речевой акт прямого действия, направленный на подавление интеллектуальной составляющей сознания личности с целью отрицания её социальной значимости" [13; с. 257]; одна из речевых тактик в стратегии дискредитации [4; с. 160].

Описывая речевой акт оскорбление в теории речевых актов (Д. Остин, Дж. Серль), отметим, что его пропозициональным содержанием выступают инвективные языковые знаки; иллокутивная сила высказывания заключается в стремлении говорящего или пишущего унижить, опорочить адресата, принизить его социальный статус; перлокутивный эффект высказывания включает ряд эмоционально-аффективных (обида), физических или иных реакций адресата. То есть речевой акт оскорбление включает не только инвективную лексику, но и прагматические параметры коммуникации: 1) внешнеситуационный компонент; 2) участники ситуации и соотношение

их социальных ролей; 3) интенция автора (иллокутивная сила), перлокутивный компонент [13; с. 258]. Наличие условий и контекста определяют успешность оскорбления.

При рассмотрении оскорбления как одной из тактик в коммуникативной стратегии дискредитации следует учитывать "правила" успешности оскорбления: 1) информация о предстоящем коммуникативном событии; 2) позиции в предстоящей коммуникативной ситуации; 3) установки говорящего и слушающего на тип общения; 4) реализация таких коммуникативных ходов, как прямое оскорбление, косвенное оскорбление, развенчание притязаний, навешивание ярлыков [4; с. 164-166].

Важнейшим признаком оскорбления выступает инвективная лексика, под которой понимаются "слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию (намерение) говорящего/ пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи в более резкой и циничной форме" [8; с. 29]. Детальные классификации такой лексики с предметно-тематической и стилистической точки зрения представлены в лингвистических исследованиях [3; 8, с. 27-28].

Важнейшим критерием оскорбления является способ выражения пропозиционального содержания – неприличная форма. При этом "для установления "неприличности" языковой единицы "актуальные стилистические пометы "обсценное", "нецензурное", "бранное", которыми она сопровождается в словарях. Данные пометы указывает на оскорбительную функцию языковой единицы в отличие от просто номинативной" [10, с. 186].

Среди художественных приёмов А. Н. Островского в изображении жизни и нравов 19 века, по наблюдениям исследователей, используются говорящие фамилии, специфические авторские ремарки, конфликт героя со средой, новый герой – простой человек, своеобразное название пьес [9]. Большое значение для раскрытия образов героев в купеческой среде имеет в его произведениях и речевая характеристика персонажа, в которую и включён речевой акт "оскорбление".

В пьесе Островского "Гроза" показано самодурство, невежество, дикость купечества; отсутствие у них общей и речевой культуры. Брань, ругань, оскорбление являются нормой речевого поведения яркого представителя купечества в этой пьесе Савела Прокофьевича Дикого.

Проанализируем следующий речевой фрагмент: *Дикой. Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал! Дармод! Пропади ты пропадом ! Борис. Праздник; что дома-то делать! Дикой. Найдешь дело, как захочешь. Раз тебе сказал, два тебе сказал: "Не смей мне навстречу попадаться"; тебе все нейметя! Мало тебе места-то? Куда ни поди, тут ты и есть! Тьфу ты, **проклятый!** Что ты, как столб стоишь -то! Тебе говорят аль нет? Борис. Я и слушаю, что ж мне делать еще! Дикой (посмотрев на Бориса). Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу, с **езуитом**. (Уходя.) Вот*

навязался! (Плюет и уходит.) Обращаясь к Борису, Дикой использует целый ряд инвективных слов: *дармомед, проклятый, иезуит*. [7].

Слово *дармомед* с пометой "разговорное" употребляется в значении "тот, кто живёт за чужой счёт, бездельник" [6]. Его можно отнести к категории слов, содержащих в своём значении негативную, весьма экспрессивную оценку чьей-либо личности (6 разряд инвективной лексики, по классификации Ю. А. Бельчикова).

Слово *проклятый* фиксируется в словаре С. И. Ожегова в двух значениях: 1. Ненавистный, проклинаемый. 2. Недошедший и вызывающий досаду, злобу, имеет помету "разговорное" [6]. Данное слово относится к стилистически сниженной лексике русского языка и имеет негативно-оценочные коннотации.

Слово *иезуит* в высказывании Дикого употребляется в переносном значении "о хитром, двуличном, коварном человеке" [6] и также реализует инвективную семантику оскорбления.

В высказывании Дикого "*Ты должен был прежде узнать, в расположении ли я тебя слушать, дурака, или нет... Так прямо с рылом-то и лезет разговаривать*" [7], обращённом к Кулигину, используется инвективное слово *дурак* в значении "глупый, ограниченный, несообразительный, тупой человек" [6]; "о неумном, совершающем очевидные глупости, нелепые поступки человеке" [12, с. 158-159]. При этом в словаре В. В. Химика оно имеет помету "бранное", а значит представляет собой умаление умственно-интеллектуальных качеств личности. Оскорбительно по отношению к Кулигину и грубо-просторечное, бранное слово *рыло* - "то же, что лицо" [6], "о лице человека" [12, с. 543], имеющее стилистические пометы "грубое, презрительное" и "бранное".

В контексте "*Для других ты честный человек, а я думаю, что ты разбойник, вот и все. Хотелось тебе это слышать от меня? Так вот слушай! Говорю, что ты разбойник - и конец! Что ж, ты судиться со мной будешь? Так ты знай, что ты червяк. Захочу - помилую, захочу - раздавлю*" [7] Дикой обращается к Кулигину, называя его разбойником и червяком. Иллокутивная сила высказывания – в утверждении собственного превосходства за счёт принижения социального статуса собеседника. Кулигин оценивается Диким как ничтожное, жалкое существо, не имеющее чувства собственного достоинства. В качестве инвективной языковой единицы используется слово *разбойник*, реализующее в высказывании переносное значение "отъявленный негодяй" [6].

По отношению к Кулигину также используется зоосемантическая метафора *червяк* – "о жалком, ничтожном человеке" [6], придающая собеседнику статус низшего, никчёмного существа.

В пьесе "Семейная картина" (1847) оскорбительные высказывания представлены в речи Дарьи и Степаниды Трофимовны. Например, "*не с нашим рылом да в калачный ряд*". Данный фразеологизм представляет со-

бой семантическую трансформацию узуального фразеологизма *со свиным рылом в калашный ряд*. Выражение представляет собой грубое замечание тому, кто лезет не в свои дела [11].

В пьесе "Свои люди – сочтёмся" (1850) встречаются инвективные фразеологизмы *за шута за горохового, старая карга, белены объелся*.

Фразеологизм *за шута за горохового* употребляется в контексте реплики Аграфены Кондратьевны "Жалко, что не отдали тебя за **шута** за **горохового**. Ведь ишь ты, блажь-то какая в тебе; ведь это назло матери под нос-то шепчешь, осуждающей упрямый характер дочери в возникшем споре о выборе жениха. Употребление этого фразеологизма оскорбительно по отношению к дочери, поскольку мать умаляет достоинство Липочки в обществе. Фразеологизм употребляется в значении указания на пустого, глуповатого и недалёкого человека, не заслуживающего серьёзного к нему отношения [11], имеет просторечную стилистическую окраску и презрительно-пренебрежительные коннотации.

Словосочетание *старая карга* в реплике Большова "Да что ты, **старая карга**, с ума, что ли сошла?" включает слово *карга*, зафиксированное в "Толковом словаре" С. И. Ожегова в значении "злая и безобразная старуха" [6] со стилистическими пометами "разговорное", "пренебрежительное".

Фразеологическое выражение *белены объелся* в риторическом обращении жены к мужу в высказывании "Да что ты, **белены**, что ль, **объелся**?. Подхалюзин. Ничего не объелись! А если вам угодно говорить по душе, по совести-с, так это вот какого рода дело-с: у меня есть один знаковый купец из русских, и они очень люблены в Алимпияду Самсонову-с. Что, говорит, ни дать, только бы жениться; ничего, говорит, не пожалею" [7] также оскорбительно для Подхалюзина, так как негативно характеризует его поведение.

Все приведённые фразеологизмы представляют собой намеренное инициативное оскорбление, выраженное в прямой форме.

Оскорбительна семантика фразеологизма *черная душа* в речи Бальзамина в пьесе "Свои собаки грызутся, чужая не приставай" (1861): "А про Устрашилова я бы много мог сказать, да по-товарищески не годится. Я только одно скажу, что человек **самой черной души**" [7]. Разговорный фразеологизм *чёрная душа* имеет презрительно-уничижительные коннотации и повествует "о человеке коварном, способном на низкие, предосудительные дела, поступки" [11].

Дважды в пьесе "Не всё коту масленица" (1871) употребляется фразеологизм *грош цена*, имеющий пометы "просторечное, пренебрежительное" и значение "никуда не годится, ничего не стоит" [11]. Впервые этот фразеологизм встречается в реплике Дарьи Федосеевны Кругловой, вдовы купца: "Отыми у него деньги, вся цена ему грош" [7]. Далее он появляется в речи богатого купца Ермилы Зотыча Ахова: "Какие такие у тебя права, когда ты мальчишка, и вся цена тебе грош?" [7]. Речь Кругловой с доче-

рю Агнией об Ахове в момент его отсутствия (первый случай употребления фразеологизма) не представляет собой прямого оскорбления. Однако фразеологизм является оценочным выражением с "осуждающей" семантикой в контексте всей её реплики: *"Кто ж его знает! Вот что значит богатый-то человек! Распостылый он мне, распостылый, а все-таки гость. Никакого мне от него барыша нет, и я не ожидаю; а как ты ему скажешь, миллионнику: поди вон! Вон какое дело! И какая подлость в людях, что завели такой обычай – деньгам кланяться! Вот поди ж ты. Отыми у него деньги, вся **цена ему гроши**; а везде ему почет, и не что из корысти, а как будто он в самом деле путный..."* [7]. В контексте реплики Ахова, обращённой к Ипполиту, фразеологизм *гроши цена* имеет оскорбительную семантику: *"Какой для тебя закон писан, **дурак**? Кому нужно для вас, для **дряни**, законы писать? Какие такие у тебя права, коли ты мальчишка, и вся **цена тебе гроши**?"* [7]. В данном высказывании также использованы "классические" инвективные знаки – слова *дурак* и *дрянь*.

В этой же пьесе в реплике Кругловой в адрес Ипполита, поцеловавшего её дочь, используется просторечный фразеологизм *пусти козла в огород*: *"Такие вы люди, чтоб вам верить, как же! **Пусти козла в огород!**"* [7]. Круглова не считает Ипполита выгодной партией для своей дочери, поэтому осуждает любые его действия. На что Ипполит ей отвечает: *"Я теперича без слов, все одно, как убитый. На все ваша воля"* [7].

Фразеологизм *пустить козла в огород* имеет в русском языке значение "позволить кому-либо действовать там, где он может быть особенно вреден" [11]. В составе фразеологизма употребляется бранное слово *козёл* в значении "упрямый, неприятный в обществе человек" со стилистической пометой "разговорно-сниженное" [6]. Иллокуция оскорбления здесь закодирована в намёке, который разгадывается путём соотнесения адресата высказывания с его номинацией.

В современном русском языке слово *козёл* является грубым оскорблением мужчины [12, с. 262-263].

Таким образом, оскорбление как вербально-агрессивный акт активно используется в речи персонажей пьес А. Н. Островского и является их ярким характеризующим средством. Пропозициональное содержание оскорбления представлено инвективными лексемами (*дурак*, *разбойник*, *дрянь*, *червяк*, *козёл* и др.) и фразеологизмами оскорбительной семантики в их прямом и переносном значении. Вербально-агрессивный акт оскорбления, выраженный имплицитно и эксплицитно, является художественным приёмом выразительности, направленным на раскрытие образов героев и авторской идеи.

Список использованных источников

1. **Бринев К. И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К. И. Бринев; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252с.
2. **Галицкова О. И.** Оскорбление в аспекте речевой агрессии // Сборник материалов конференции "Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия". - Ростов-на-Дону, ООО "Донское книжное издательство", 2016. – С. 241-244.
3. **Жельвис В. И.** Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. – М., 2001.
4. **Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 288с.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30. 12. 2001 № 195-ФЗ (ред. от 26. 03. 2022).
6. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им В. В. Виноградова. – URL: <http://ozhegov.slovaronline.com> (дата обращения: 19.03.2022).
7. **Островский А. Н.** Полное собрание сочинений // Пьесы Александра Островского по хронологии. – URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/ (дата обращения: 19.03.2022).
8. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А. К. Симонова, М. В. Горбаневского. - М. : Медя, 2004. - 328 с.
9. "Пьесы жизни" А. Н. Островского. Свообразии драматургии: HIGHSCHOL. – URL: <http://scholl-ethiopia.ru> (дата обращения: 05.04.2022).
10. **Распопова Т. А.** К вопросу об определении неприличной формы в судебной лингвистической экспертизе об оскорблении // Язык государственной службы. Лингвистические вопросы теории и практики: Сборник материалов Международного круглого стола /Под ред. Е. Н. Бондаренко – М. : Академия ГПС МЧС России, 2020. С. 178-188.
11. **Фёдоров А. И.** Фразеологический словарь русского литературного языка. – URL: <http://rus-phraseology-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 19.03.2022).
12. **Химик В. В.** Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб. : Норинт, 2004. – 768 с.
13. **Шахматова Т. С.** Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевых ситуациях институционального общения // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 2013. – С. 257-258.

УДК 808. 2 – 3 + 808. 26

МИФОЛОКАТИВЫ В ТЕКСТАХ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ЗАГОВОРОВ

В статье представлено описание основных групп наименований рек в текстах русских и белорусских заговоров. Локативы в заговорных текстах распределены нами по локусам, которые преодолевает субъект заговора, двигаясь к сакральному центру, где будет исполнена его воля. Это периферийный, средний и центральный локусы, которые заполнены именами собственными, называющими те или иные географические объекты.

Ключевые слова: заговоры, мифолокативы, сакральная функция, гидронимы, локус.

В заговорах очень сильно индивидуальное начало: "обращаясь к помощи заговоров, заказчик исходит из своего Я, но, пройдя через все заговорные фильтры, из своего профанического локуса до священного латырькамня на острове Буяне, он обнаруживает свою неотличимость от любого другого, оказавшегося на этом месте и через должествующее совершиться жертвоприношение приобщается к общему, универсальному, коллективному: частное вливается в общее, соединяясь с ним" [10, с. 24].

Проходя "заговорные фильтры", заказчик минует множество объектов, носящих ИС. Эти объекты – мифолокативы и мифодендронимы, которые являются одной из составных частей заговорного пространства.

К мифолокативам нами отнесены не только названия географических объектов, но и наименования камней, хотя в языке они не относятся к мифолокативам. В заговорных текстах они лежат на пути заговаривающего к центру мира, входят в заговорное пространство.

В эту же группу мы включаем и реальные географические названия, хотя, по определению А. В. Суперанской, мифонимы называют только вымышленные объекты, людей, животных, растения и т. д., "в действительности никогда не существовавших" [11, с. 180]. Однако реальные наименования в заговорах редко обозначают конкретный географический объект и приобретают в сакральных текстах иной, символический смысл.

Кроме того, частая утрата первоначальной семантики приводит к тому, что апеллатив сакрализуется, доводится до имени собственного и воспринимается как чистый знак – географический объект (сравн. ИС Океан, Буян и др.). При этом их первоначальная семантика учитывается лишь частично, что ведет к искажению в употреблении этого ряда слов.

По словам Ю. М. Лотмана, "понятие географического пространства принадлежит к одной из форм пространственного конструирования мира в сознании человека" [7, с. 112]. Древнему человеку был присущ синкретизм мышления, "пространство и время воспринимались им эмоционально, могли быть "добрыми и злыми", "благоприятными и враждебными" [5, с. 73]. В заговорах существует особое мифологическое пространство, построенное по определенной модели. Эта модель заполнена географическими объектами, которые должен "пройти" заговаривающий. Эти географические объекты – мифолокаты – наделяются именами собственными, что придает заговорному пространству законченный характер, хотя оно отражает композицию мирового дерева, реконструирует славянский миф о нем (см. об этом [9]).

Большинство заговорных текстов построено на том, что герой совершает перемещение в пространстве: "Это [...] переход, который пробует сделать через неведомую и часто враждебную местность, путь, открытый богами стремительному течению вод, переправа через природную преграду, короче говоря, дорога, куда не ходят просто, для преодоления опасного, полного непредвиденных случайностей, пространства" [6, с. 74]. Герой покидает свой дом и движется к сакральному центру, где будет исполнена его просьба. Двигаясь к пространственному и временному центру, герой преодолевает несколько локусов: периферийный, средний, центральный (центр мира). Вышесказанное хорошо подтверждается словами А. К. Байбурина о том, что заговорное пространство "может быть описано как ряд вложенных друг в друга изоморфных и изофункциональных локусов, моделирующих, в конечном счете, центральный для всех локусов объект, который выполняет в ритуально-мифологической традиции роль мирового центра (мировое дерево, мировая гора, храм, город и т. п.)" [2, с. 128].

Объекты, которые проходит говорящий в текстах заговоров, в основном наделены именами собственными, отграничивающими заговорное пространство, придающими ему небольшие размеры.

Периферийный локус в заговорном пространстве представлен наименованиями морей, стран, городов, рек.

Реки в заговорных текстах имеют следующие наименования: рус. Иордан, Смородина, Вага, Волга, Ока, Шорда, Цон, Китай, Двина, Настасея, Варварея, Парасковея; бел. Іардан (Ярдан, Ярдань, Іарданная, Ірдан, Ірдань, Ердань, Арданьская, Дунай, Смородзіна (Смуродзіна), Непр, Бесядзь, Сож, Чарналутка, Чарноедка, Сыбота, Міляўка, Дзяміда, Саламаніда, Маланка.

Представленные наименования можно объединить в несколько групп:

1) Реальные гидронимы (потамонимы). Гидронимы данной группы единичны: бел. Бесядзь – река в Гомельской и Смоленской областях, Сож – река в Гомельской области, Чарналутка – скорее всего, искаженное название Чарнаутка – река в бассейне Днепра, рус. Шорда – река в Архан-

гельской области, Цон – реальный левый приток Оки, Вага – левый приток Северной Двины, Волга, Ока.

Перечисленные наименования употребляются в заговорных текстах от различных болезней людей и животных, а также в охотничьих заговорах, что вполне закономерно: к ним обращаются за помощью, они близки и понятны, не вызывают опасения.

Обращение к рекам в заговорах не является случайным: "Наряду с другими природными стихиями, славяне-язычники обожествляли воду. Следы этого обожествления являются различные обрядовые игры типа русалий и традиционное почтительное отношение к воде. Обожествление воды лежит в основе языческого восприятия воды как целительной, магической силы, способной очистить и защитить от злых чар, от уроков и сглаза, от болезней и опасностей настоящих и будущих" [3, с. 73]. Но если у язычников все связанное с реками вызывало некоторый страх, то с приходом христианства появились апокрифы о райской реке, которая частично отождествлялась с Иорданом (см. [1, с. 38, 39]). Языческие представления сделали возможным обращение к рекам по именам. Показателен в этом плане следующий текст: бел. "...Вымывай жа ты (ўроцы) на Чарналутку-раку, а Чарналутка-рака ў Бесядзь-Аксюту, а Бесядзь-Аксюта ў Сож-Максім, а Сож-Максім у Непр, а Непр у мора, а мора ў акіян-мора...". Рекам дается второе трансонимизированное имя, при помощи которого подчеркивается их особое почитание.

Форма Непр представляет собой фонетический вариант слова Днепр (в приведенном примере – это подтверждается и географически). Сравн. также текст, в котором хорошо отражается направление "верх – низ": бел. "...шла ты з моря у Чарноедку, с Чарноедки у Чарнолутку, а с Чарнолутки у Беседзь, а з Беседзи у Сож, а с Сожа у Непро, з Непра на моря, з моря у Сулуморья, а с Сулуморья у Ирдань ряку".

2) Гидронимы, потерявшие связь с реальными географическими объектами и приобретшие значение "река вообще". В данную группу, в первую очередь, относится название Дунай. В заговорах оним имеет сакральный характер и обозначает любую реку, реку вообще, исходя из значения апеллятива рус. "ручей", польск. *dunaj* "стоячая глубокая вода", старопольск. *dunaj* "далекая, незнакомая река", укр. *дунай* "разлив, большой поток" [8, с. 111]. В белорусской заговорной традиции наименование Дунай отражает представления о чем-то идеальном, прекрасном: бел. "Добры дзень, Дунаю, я к табе прыбываю не за вадою, а за малаком, маслам, сырам і тварагом тваім...". Кроме того, Дунай, как и любая река, – это граница, за которой начинается опасность: бел. "...сайдзі, каўтун, на высокія ляса, за крутыя горы, за глыбокія Дунаі, за шырокія межы...". Форма множественного числа Дунаі подтверждает обращение к "реке вообще". Подробно традиционно-фольклорная символика слова дунай рассмотрена Д. А. Мачинским (см. [8, с. 110–171]).

3) Вымышленные мифолокативы.

Река Смородина упоминается в заговорах от укушения змеи. Традиционно-фольклорный смысл данного ИС – "место разрешения конфликтов между силами добра и зла" [4, с. 212]. В заговорах эта река также связана с опасностью: рус. "На реке Смородине – калиновый мост: на том мосту стоит дуб-Мильян, а в том дубе змеинный гроб...", бел. "...На сінім моры ды на востраўі бягіць рака Смародзіна; чэраз тую раку ляжыць дуб гнілы, дуплясты, а ў том дубі сядзіць цар Сакатын...". Подробно это ИС рассмотрено Т. Н. Кондратьевой, которая видит в нем "поэтическое представление, заключающее общее понятие олицетворения слова "смород" в его многозначности: резкий по запаху, знойный, смрадный, смердящий предел, за которым жизнь и смерть" [4, с. 213].

4) ИС, связанные с библейскими мотивами. В данную группу вошло наименование Иордан и его варианты: рус. Иордан, бел. Ірдань, Ярдан, Ярдань, Іардан, Іардань, Ердань, Арданьская вада, Іарданная крыніца. "По христианским представлениям – это райская река. В переводе с еврейского обозначает "та, что течет вниз". Река протекает в глубокой расселине и впадает в Мертвое море" [4, с. 92]. В заговорах может подчеркиваться святость и сила этой реки: бел. "...Слаўная рака Ірдань Саламаніда, ты ішла па святым гарам, па жоўтым піскам...". Тематика заговоров при этом очень разнообразна: от различных болезней, от нечистой силы, на путь-дороженьку, на сохранение любви.

5) Трансонимизированные имена: рус. Настася, Варвара, Парасковья, бел. Дзяміда, Саламаніда, Маланка.

Мифолокативы в текстах заговоров выполняют языковую и магическую функции. Их языковая функция заключается в том, что "топоним является бесценным, иногда уникальным свидетельством языка прошлых эпох, раскрывая тайну языка не только народа, живущего ныне на этой территории, но и народов, прежде ее населявших". Магическая функция заключается в особой сакральности мифолокативов в текстах заговоров.

Список использованных источников

1. Агеева, Р. А. "Царь-водица" в заговорах восточных славян / Р. А. Агеева // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: Тезисы и материалы к симпозиуму: В 2 ч. – М. : Институт славяновед. и балканистики АН СССР, 1988. – Ч. 1. – С. 38–39. – Текст непосредственный.

2. Байбурин, А. К. Восточнославянские гадания, связанные с выбором места и нового жилища / А. К. Байбурин // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л. : Наука, 1977. – С. 123–130. – Текст непосредственный.

3. Варбот, Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии (укр. кучубей, русск. настырный, измываться) / Ж. Ж. Варбот // Этимология. 1968. – М. : Наука, 1971. – С. 68–78.

4. Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1967. – 245 с.

5. Лавонен, Н. А. О древних магических оберегах (по данным карельского фольклора) / Н. А. Лавонен // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами: Сб. научн. трудов. – Л. : Наука, 1977. – С. 73–81. – Текст непосредственный.

6. Лисюк, Н. А. Ой на морі, на мар яні... / Н. А. Лисюк // Язык и культура. Третья международная конференция: Доклады. – Киев, 1994. – Ч. 1. – С. 67–79. – Текст непосредственный.

7. Лотман, Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман, Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования. – СПб., : "Искусство – СПб", 1997. – 848 с. – Текст непосредственный.

8. Мачинский, Д. А. "Дунай" русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии / Д. А. Мачинский // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. – Л. : Наука, 1981. – С. 110–171. – Текст непосредственный.

9. Топоров, В. Н. Об индоевропейской заговорной традиции (Избр. главы) / В. Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М. : Наука, 1993. – С. 80–103. – Текст непосредственный.

10. Топоров, В. Н. О статусе и природе заговора: Теоретический аспект / В. Н. Топоров // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму: В 2 ч. – Ч. 1. – М. : Институт славяновед. и балканист. АН СССР, 1988. – С. 22. – Текст непосредственный.

11. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного. – М. : Наука, 1973. – 366 с. – Текст непосредственный.

УДК 821. 161. 1'37

БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРИНЦИПЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье исследуется бытовой дискурс в художественных текстах Н. В. Гоголя, И. Ильфа и Е. Петрова, М. Булгакова. Доказывается, что включение в контекст бытовых деталей – еды, напитков, обстановки, мебели, одежды и под. – играет важную художественную, смыслообразующую, социальную роль в передаче образов героев, отражает духовную, материальную и бытовую национальную культуру.

Ключевые слова: дискурс, художественный текст, бытовая деталь, еда, напитки, национальные традиции.

В настоящее время термин *дискурс* имеет весьма расплывчатые границы. "Многоаспектность дискурса обусловила, в частности, множественность его определений и сравнительно быструю эволюцию в концепциях даже внутри одного и того же научного направления" [2, с. 7]. Вследствие этого каждое определение дискурса, данное разными учеными, несет разные смысловые акценты. Разные варианты типологии дискурса представлены в работах Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Сепанова, Г. Г. Почепцова, В. И. Карасика и др. Так, В. И. Карасик предлагает выделять два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае - как представитель определенного социального института. Он выделяет политический, дипломатический, административный, юридический и др. виды дискурсов [6].

По мнению Н. Д. Арутюновой, дискурс – это "речь, погруженная в жизнь", т. е. связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами [1, с. 137]. Мы рассматриваем художественный дискурс, а в нем – бытовую культуру именно с этой точки зрения.

Дискурс художественного произведения значительным образом отличается от других видов дискурса – он подразумевает особый характер взаимоотношений и взаимодействия между писателем и читателем, вовлечение культурных, эстетических и личных знаний о мире и отражение особого отношения к окружающей действительности. Главной особенностью художественного дискурса является то, что он отражает духовную, мате-

риальную и бытовую национальную культуру, преобладающую на определенном этапе развития конкретного общества.

Бытовой дискурс -- это языковое отражение реальной жизни, реальной действительности. Дискурсивный подход к исследованию художественных текстов позволяет через конкретные жизненные детали передать дух времени, особенности его восприятия людьми, идеологию, отношения между государственной властью и разными слоями граждан, социальные отношения между людьми. Особенности истории и культуры питания, специфика бытовых условий жизни, мебели, одежды и под. раскрывают внутреннюю социальную жизнь народа, а через нее вскрываются и описываются серьезные социальные проблемы (богатство, бедность, способность преодоления трудностей, традиции и под.).

Ярким примером отражения образа жизни через яркие и разнообразные бытовые детали, является повесть Н. В. Гоголя "Старосветские помещики" [4]. Уже начало повести открывает читателю особый мир, в котором десятилетиями живут два старичка: "Я отсюда вижу низенький домик с галерею... За ним душистая черемуха, целые ряды низеньких фруктовых деревьев, потопленных багрянцем вишен и яхонтовым морем слив, покрытых свинцовым матом; развесистый клен, в тени которого разостлан для отдыха ковер; перед домом просторный двор с низенькою свежеею травкою... длинношейный гусь, пьющий воду с молодыми и нежными, как пух, гусятами; частокол, обвешанный связками сушеных груш и яблок и проветривающимися коврами...". А ведь это все -- бытовые зарисовки: домик, черемуха, развесистый клен, двор, гусь, гусята, частокол, связки груш и яблок, проветривающиеся ковры и под. Но этими зарисовками гений Н. В. Гоголя погружает нас (особенно современных читателей) в какой-то необыкновенный космос иной, отличной от нашей, жизни -- тихой, уединенной, спокойной. В этом космосе свои удивительные запахи яблок, слив, вишни, черемухи, свежей травы, и кажется, что ты сам чувствуешь это разноцветье запахов; свои звуки -- фыркание лошадей, крики гусей, "лай, который поднимали флегматические барбосы, бровки и жучки".

В повести чуть ли не половина текста представляет собой описание того, что едят, пьют, заготавливают, запасают два старичка, два уединенных владельца отдаленных деревень: "Хозяйство Пульхерии Ивановны состояло в беспрестанном отпирании и запираии кладовой, в солении, сушении, варении бесчисленного множества фруктов и растений. Ее дом был совершенно похож на химическую лабораторию. Под яблонею вечно был разложен огонь, и никогда почти не снимался с железного треножника котел или медный таз с вареньем, желе, пастилою, деланными на меду, на сахаре и не помню еще на чем".

Н. В. Гоголь описывает обычный, давно устоявшийся быт двух старосветских помещиков, а за ним встает характер и образ жизни, привычек главных героев: Пульхерия Ивановна -- рачительная хозяйка, любящая,

чтобы дом был полной чашей, чтобы ничего из урожая не пропадало, отпирание и запираание кладовой – как смысл и стержень ее жизни, как уверенность и опора в сегодняшнем дне. А сколько любви и заботы она проявляет к своему мужу, каждый день и час предлагая ему, угадывая и зная все его вкусы и желания, разнообразные коржики с салом, пирожки с маком, рыжики соленые, грибки, разные сушеные рыбки и прочее.

И вот через описание комнат домика, в котором жили наши старички, маленьких, низеньких и очень теплых, через описание комнаты Пульхерии Ивановны, которая была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучочками, узелками и мешками с семенами, цветочными, огородными, арбузными, клубками с разноцветною шерстью, лоскутками старинных платьев, через поющие во всем доме двери, через разговоры про еду и описание Пульхерией Ивановной рецептов Н. В. Гоголь как-то таинственно-естественным образом подводит читателя к глубинной философской мысли-вопросу: "Боже! – думал я, глядя на него, – пять лет всеистребляющего времени – старик уже бесчувственный, старик, которого жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущение души, которого вся жизнь, казалось, состояла только из сидения на высоком стуле, из ядения сушеных рыбок и груш, из добродушных рассказов, – и такая долгая, такая жаркая печаль! Что же сильнее над нами: страсть или привычка? ... в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки".

В другом художественном произведении XX века – романе В. Ильфа и Т. Петрова "12 стульев" [5] – описание еды, органично вписанное в сюжет, играет серьезную роль в передаче социальных отношений и нравственных ценностей, существовавших в советском обществе в описываемое время. "Голубой воришка" Александр Яковлевич украл все, что только было можно в приюте для стариков, которым он заведовал, но ему всегда было стыдно. Что ели старушки? *"Обед был готов. Запах подгоревшей каши заметно усилился и перебил все остальные кислые запахи, обитавшие в доме... Старухи, неся впереди себя в обеих руках жестяные мисочки с кашей, осторожно выходили из кухни и садились обедать за общий стол, стараясь не глядеть на развешенные в столовой лозунги..."*, а лозунги были такие: "Мясо – вредно", "Тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь обществу" и под. *"Застенчивый Александр Яковлевич тут же, без промедления, пригласил пожарного инспектора отобедать чем бог послал. В этот день бог послал Александру Яковлевичу на обед бутылку зубровки, домашние грибки, форшмак из селедки, украинский борщ с мясом 1-го сорта, курицу с рисом и компот из сушеных яблок"*. Что мы видим через описание обеда у старушек и заведующего? Процветание бесконтрольности, воровства, неорганизованности, запуганности, с одной стороны, и наглости -- с другой. Это еще раз доказывает, что включение в контекст описания бытовых деталей является кратким, емким и при этом серьезным

языковым средством передачи характера взаимоотношения людей, социальных проблем, духа времени.

Описание бытовых деталей может выражать глубинные человеческие эмоции: радость, зависть, тщеславие и под. Вспомним разговор двух литераторов около ресторана "Грибоедов" в романе М. Булгакова "Мастер и Маргарита" [3]: *"– Ты где сегодня ужинаешь, Амвросий? – Что за вопрос, конечно, здесь, дорогой Фока! Арчибальд Арчибальдович шепнул мне сегодня, что будут порционные судачки а натюрель...– Умеешь ты жить, Амвросий! – Дома можно поужинать. – Слуга покорный, – трубил Амвросий, – представляю себе твою жену, пытающуюся соорудить в кастрюльке в общей кухне дома порционные судачки а натюрель! Ги-ги-ги! . . "* И вот как автор комментирует этот диалог: *"Что отварные порционные судачки! Дешевка это, милый Амвросий! А стерлядь, стерлядь в серебрястой кастрюльке, стерлядь кусками, переложенными раковыми шейками и свежей икрой? А яйца-кокотт с шампильоновым пюре в чашечках? А филейчики из дроздов вам не нравились? С трюфелями? Перепела по-генуэзски? ...тарелочка супа-прентаньер? ...Что ваши сижки, судачки! А дупеля, гаршинепы, бекасы, вальдшинепы по сезону, перепела, кулики? Шипящий в горле нарзан?! ...".*

В этом комментарии автора заключен очень тонкий глубинный подтекст. Во-первых, изменение у многих творческих людей (в данном случае – писателей) социального и материального статуса. В данный момент Амвросий, румяногубый гигант, золотистоволосый, пышнощекий поэт, может быть, и не "генерал от литературы", тем не менее находится достаточно высоко на лестнице писательской иерархии: он может обедать в самом "Грибоедове" -- лучшем ресторане Москвы, есть судачки а-натюрель, презрительно говорить о жене Фоки, которая может попытаться соорудить в кастрюльке в общей кухне дома порционные судачки. Сама лексика – кастрюлька, общая кухня – передает реалии быта Москвы того времени. Фока, тощий, запущенный, с карбункулом на шее, находится на низшей ступени этой лестницы. Но комментарий автора говорит о том, что Амвросий даже не представляет, какие дивиденды от литературы может иметь писатель, но эти дивиденды он выражает в виде названий изысканной и дорогой еды, о которых Амвросий, а тем более Фока и представления не имеют. А почему не имеют? Потому что выросли они в эпоху революции и гражданской войны, голода и лишений, после которых судачки представляются высшей формой пищевой роскоши, т. е. М. Булгаков завуалированно показывает уровень жизни советского народа вообще, не имеющего представления о многих материальных не то что удовольствиях, а просто нормальных условиях жизни.

Таким образом, анализ художественных текстов на уровне бытового дискурса показывает, что включение в контекст бытовых деталей – еды, напитков, обстановки, мебели, одежды и под. – играет важную художест-

венную, смыслообразующую, социальную роль в передаче образов героев, "насыщает" текст особенностями описываемой эпохи, отражает духовную, материальную и бытовую национальную культуру.

Список использованных источников

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Отв. ред. В. Н. Ярцева – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.

2. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике // В. Г. Борботько. – М. : Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2012.

3. Булгаков, М. Избранные произведения // Булгаков М. В 2 т. Т. 1. – Мн. : Маст. літ., 1990.

4. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений в девяти томах // Н. В. Гоголь. Т. 2. -- М. : "Русская книга", 1994.

5. Ильф, И., Петров, Е. 12 стульев // И. Ильф, Е. Петров. – М. : Азбука, 2014.

6. Карасик, В. И. О типах дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. - Волгоград, 2000а. - С. 5-20.

УДК 81

ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА КУРСКИХ ЧАСТУШЕК

Значительное место в текстах курских частушек занимает диалектная лексика, рассмотрению которой посвящена эта статья. Материалом для исследования послужил недавно изданный свод курских частушек, куда были отобраны тексты, записанные во всех районах Курской области (включая русско-украинское пограничье) в период фольклорных практик студентов и преподавателей Курского государственного университета. Анализу подвержен один кластер, на его примере демонстрируются особенности функционирования диалектизмов. Отстаивается мнение, что слова бытового диалекта, актуализируясь в тексте фольклорного произведения, способны выступить в качестве территориальных опознавательных знаков.

Ключевые слова: язык русского фольклора, частушка, диалектная лексика.

Как показывает опыт, поэтапное использование кластерного анализа при исследовании языковой специфики фольклорных текстов дает свои положительные результаты (подробнее о кластерном анализе см. [1]). Нами было проанализировано несколько кластеров диалектной лексики, извлеченной из курских частушек (см., напр. [4, с. 62–73]). Исследовательской базой послужил нам многотомный свод, подготовленный и изданный курскими лингвофольклористами [7]. Не менее полезной для данной работы оказалась и лексикографическая продукция, созданная за последнее время на кафедре русского языка Курского государственного университета. Это, прежде всего, очередной выпуск "Словаря курских говоров" [5], а также материалы к этому выпуску [3]. Оказала свое полезное влияние и работа над диалектным материалом в рамках создания звучащей хрестоматии курского региона, начало которой было положено совместным русско-немецким проектом [2].

Сосредоточим свое внимание на диалектной лексике, объединенной инициально "Д". Несколько сузим этот кластер, ограничившись только глаголами. В курских частушках обнаружено 11 диалектных глаголов: *дивоваться, дирануть, догодить, догордиться, дожидать, допинаться, дострадать, дострадаться, дотрепаться, дробануть, дробить*.

Дивоваться – глагол, который включен составителями в словарь русских народных говоров, имеет значение 'дивиться, удивляться' [6, с. 50–51], в материалах к словарю курских говоров зафиксировано значение 'внимательно рассматривать', что в некоторых случаях в большей степени соответствует действительности. Ср. :

У сопернице моей
Юбка задом наперёд.
Перверни, подружка, юбку,
А то **дивуется** народ!

(Записано в Дмитриевском районе в июне 1985 года) [7, т. 1, с. 131].

Не **дивуйтесь** на меня,
Глазки поломаете.
Я не с вашего села,
Вы меня не знаете.

(Записано в Золотухинском районе в июле 1998 года) [7, т. 1, с. 1998].

Глагол достаточно частотен, его употребление зафиксировано в Обоянском, Льговском, Поныровском и других районах.

Дирануть – слово, не отмеченное составителями СРНГ, но зафиксированное на территории Курской области в значении ‘удрать, убежать’. Частушка, в которой употреблено данное слово, принадлежит текстам, где прослеживается отрицательное отношение к организации колхозного труда, к колхозной работе в целом.

А колхозную работу
Мои руки не берут.
А я думаю, подумаю
С колхоза **дирануть**.

Не пойду я у колхоз.
Милые подружки.
Там наварят кулешу –
Плавают лягушки.

(Записано в Горшеченском районе в июле 1989 года) [7, т. 1, с. 99].

Таких текстов меньше, по сравнению с теми, где колхозная жизнь характеризуется как положительное явление. Такая ситуация объяснима: большинство подобных записей было сделано в советское время, и далеко не все, помня о событиях довоенной и послевоенной поры, открыто говорили о своем отношении к происходящему. Приведем фрагмент беседы, записанной в 1986 году в Рыльском районе: "Ну, я вам всё петь не буду, ну то, что знаю. Это вас не касается. Я ж не знаю, куда вы все это (показывает рукой на записывающего) денете, кому передадите". Из дальнейшего разговора выяснилось, что родной дядя информанта был репрессирован за неосторожно произнесенную на колхозном собрании фразу: "Забрали у тридцать девятом годе, перед войной перед самой, приехали ночью и забрали. А куда и что – неизвестно. Так и пропал. Двое детей осталось" [3, с. 199].

Догодítь<догожать – ‘угождать, делать кому-л. приятное’ [6, т. 8, с. 88].

Не хотела я идти,
Не хотела выходить,
Гармонист такой красивый,
Ему надо **догодить**.

(Записано в Солнцевском районе в июле 1990 года) [7, т. 4, с. 104].

По данным СРНГ, среди мест, где распространено это слово, указана и Курская область.

Догорд́иться – ‘дойти до крайней степени гордости’. Этого слова нет в словаре русских народных говоров, но оно зафиксировано в тексте частушки, записанной в Рыльском районе.

Было семь, теперь четыре,
Дождалась до одного.
Доносилась, **догордилась** –
Теперь нету никого.

(Записано в Рыльском районе в июле 2001 года) [7, т. 4, с. 60].

Дожди́ать – ‘ждать, дожидаться’ [6, т. 8, с. 92–93], словарь указывает на распространение этого глагола на территории Курской области. Слово частотно по своему употреблению, активно функционирует в многочисленных текстах, записанных во многих районах (Касторенском, Мантуровском, Обоянском, Солнцевском, Щигровском).

А мой милый в армии,
В армии – не дома.
А я буду **дождать**
Солдата молодого.

(Записано в Фатежском районе в 1994 году) [7, т. 5, с. 50].

В тексте частушки из Хомутовского района встречается глагол *допн́аться* – ‘дотягиваться, доставать до чего-либо’, места распространения которого – Курск, Орел, Калуга [6, т. 8, с. 127].

Полюбила сокола,
Красивого, высокого.
Становилась на кровать,
Допиналась целовать.

(Записано в Хомутовском районе в июле 2004 года) [7, т. 5, с. 128].

Дострада́ть – ‘то же, что дострадаться’ и *дострада́ться* – ‘дойти до крайней степени волнения; довести себя постоянными переживаниями, страданием’ – глаголы, не вошедшие в словник СРНГ, но отмеченные в курских фольклорных записях Беловского, Касторенского, Курского, Курчатовского районов.

До чего я **дострадала**,
До чего я дожила.
Пала к милке на колени:
Деточка, не брось меня!

(Курчатовский район, записано в 1993 году) [7, т. 5, с. 160].

Ох ты, милый, дорогой,
Приходи на вечерок.
До чего я **дострадалась**,
Что колышет ветерок.

(Беловский район, записано в июле 2000 года) [7, т. 1, с. 56].

Словообразовательная модель с префиксом *до-* в значении ‘доведение действия до его завершения’ достаточно продуктивна. Она активно используется и в говорах. Примером тому может служить употребление глагола *дотрепаться* – ‘в результате хвастовста прийти к какому-либо нежелательному заключению, дойти до неприятных последствий; дохвастаться’. Этот глагол также обойден вниманием составителей СРНГ, но фиксируется в курском фольклоре.

Ох, подруга, в поле вьюга,
В поле треплется полынь.
А мой миленький **дотреплется** –
Останется один.

(Записано в Льговском районе в июле 1989 года) [7, т. 5, с. 36].

Дробануть – ‘отбить каблуками в танце, пляске дробь’ [6, т. 8, с. 186], *дробить* и *дробить* – ‘отбивать ногами в танце, пляске дробь; ритмично передвигаться мелкими шажками, приптопывая || Танцевать, плясать’ [6, т. 8, с. 187] – одни из самых частотных единиц кластера. Практически во всех районах обнаружены тексты, где присутствуют эти лексемы.

Ой, дай **дробануть**,
Мене нечего обушь.
Лапти были и сгорели,
А в колхозе не дадут.

(Дмитриевский район, запись 1998 года) [7, т. 1, с. 148].

Пойдём **дробить**,
Пока молодость кипит.
Стары будем, всё забудем
И дробить больше не будем.

(Железногорский район, запись 1994 года) [7, т. 1, с. 165].

Таким образом, диалектная лексика, свободно функционирующая в пределах бытового говора, способна выступать в роли своеобразного опознавательного знака той или иной территории. При паспортизации большинства лексем в словаре русских народных говоров указаны места фиксации, расположенные в разных регионах, но есть случаи – и как видим, не единичные, – когда диалектное слово, по данным лексикографических источников, принадлежит только одному региону. Считаем, что для более объективных выводов необходимо привлечение более обширного исследовательского материала, что и является одной из наших задач в ближайшей перспективе.

Список использованных источников

1. **Бобунова, М. А.** Комплекс методик лингвокультурологического анализа / М. А. Бобунова, И. С. Климас, С. П. Праведников, А. Т. Хроленко // *Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук : Конкурс грантов 2000 года.* – Екатеринбург : Уральский государственный университет, 2003. – С. 130–132.
2. **Волкова, Н. А.** Курские говоры. Ч. 2. Звучащая хрестоматия / Н. А. Волкова, С. П. Праведников. – Бохум: Ruhr-Universität, 2002. – 156 с. Текст : непосредственный.
3. **Дьяченко, Ю. А.** Курские говоры: Материалы к словарю / Ю. А. Дьяченко, С. П. Праведников. – Курск: Курский государственный университет, 2018. – 208 с. Текст : непосредственный.
4. **Праведников, С. П.** Диалектная лексика в курских частушках / С. П. Праведников. *Курское слово.* – 2022. – № 25. – С. 62–73. Текст : непосредственный.
5. **Словарь курских говоров.** Вып. 7 / Сост. Ю. А. Дьяченко, С. П. Праведников. – Курск: Курский государственный университет, 2021. – 168 с. Текст : непосредственный.
6. **Словарь русских народных говоров.** – Л. : Наука : Ленинградское отделение. Вып. 8. – 1972. – 372 с. Текст : непосредственный.
7. **Частушки Курского края** / составление, научная редакция С. П. Праведникова, худож. оформление М. Н. Шабановой. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2021. Т. 1–6. Текст : непосредственный.

Головачева Ольга Алексеевна¹, Саловская Яна Викторовна²

¹Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: golovacheva-olga@mail.ru

²МБОУ СОШ №53 им. Д.Н. Медведева г. Брянска, Россия
e-mail: sal.yana@rambler.ru

УДК 811. 11, 808

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКИХ И ЕВРОПЕЙЦЕВ В АСПЕКТЕ ПАРАДИГМЫ `СВОЙ`/`ЧУЖОЙ` (ПО МАТЕРИАЛАМ РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКИ Н. С. ЛЕСКОВА)

Статья посвящена исследованию бинарной оппозиции 'свой'/'чужой' в русле антропоцентрической парадигмы в ранней публицистике Н.С. Лескова. Материалом для исследования послужили статьи виртуоза русского слова Н.С. Лескова. Изучение смыслового наполнения оппозиции 'свой'/'чужой' на материале проанализированных текстов представляет собой один из эффективных способов постижения менталитета русского народа в сопоставлении с мировоззрением ряда других этносов.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, оппозиция "свой - чужой", русские – европейцы, ранняя публицистика.

В любую историческую эпоху каждое этносообщество стремилось определить свое место среди других, выявить отличия своего от не-своего, иного, не свойственного в каких-то аспектах тому, что стало родным и привычным. В ряде словарей *чужой* трактуется как антоним к слову *свой* – "не собственный, принадлежащий другим, не свой" [4].

Тожественная семантика коррелята (*чужой*) прослеживается и у одного из членов синонимической парадигмы – прилагательного *посторонний* – "не свой, не принадлежащий к данному обществу, учреждению, семье и т. п." [3].

Компоненты отстраненности, отчужденности адъектива *чужой* демонстрирует ряд членов синонимической парадигмы – это прежде всего композиты с первым компонентом *чуж(ой)*: *чужеземный*, *чужестранный*, а также с семантикой *ин(ой)* – "отличающийся от этого, совершенно не такой; другой" [5]: *иноземный*, *иностранный* и т.д. при абсолютном тождестве второй части композитов *чужеземный*, *чужестранный*// *иноземный*, *иностранный*.

Полагаем, что адъектив *чужой* включает в семантическое наполнение компоненты значения лексемы *иной* - 'отличающийся от', 'совершенно не такой'.

Русский философ И.А. Ильин отмечал, что при сравнении своего и чужого наиболее ярко проявляется своеобычность народа; например, когда русские попадают за границу, каждый имеет "полную возможность убедиться на опыте в том, что другие народы имеют иной, отличный от нас бытовой и духовный уклад; мы испытываем это на каждом шагу и с трудом привыкаем к этому ... всегда испытываем их инородность и начинаем томиться и тосковать по "родине". Это объясняется самобытностью нашего бытового и духовного уклада" [1, 128].

Путешествуя по Европе (1863 -1865 гг.), Н.С. Лесков фиксирует свои наблюдения с фотографической точностью, что было затем представлено читателю в цикле очерков "Русское общество в Париже". Публицист демонстрирует противоположность и несовместимость европейских и русских морально-нравственных доминант. Автор объективно показывает жизнь самого бесправного класса русских (прислуги), при этом отмечая отличия в жизни бытоустройстве русского слуги и слуги-француза.

Вот что видит русский слуга: <...> что особая комната для каждого слуги здесь не только не считается роскошью, но что здесь даже немислимо иметь слугу без предоставления ему удобного человеческого помещения. Он видит, что не только всякий лакей, горничная или нянька, а каждый поденный работник, грабарь и мусорщик, идучи на работу, не только напьется кофе, но и непременно выпьет стакан абсента, за обедом опять выпьет полбутылки, а то так и целую бутылку вина, а вечером опять абсента [2].

С первых же контактов с представителями других культур русский человек быстро убеждается в том, что они иначе реагируют на те или иные явления окружающего мира, у них возможны собственные системы ценностей и нормы поведения, которые существенно отличаются от принятых в родной культуре.

Русский человек, например, отмечает заботу французов о слугах преклонного возраста – это вызывает раздумья по поводу того, как это установлено на родине. Смысловые компоненты ('берегут', 'ценят' и др.) квалифицируют категорию 'Чужой'. Здесь установка автора на показ лучших образцов для заимствования очевидна:

У нас ведь не то, что за границей, где добрую слугу берегут и ценят, и пенсии всякие для старых слуг, и все выдуманно; а у нас что? [2].

Риторический вопрос (а у нас что?) предполагает очевидный ответ: а у нас ничего подобного нет. Отсутствие нищих на дорогах, оборванцев и калек свидетельствуют о том, что уровень жизни за границей выше, чем в России. Таким образом, русский публицист отмечает, что в бытовом отношении за границей удобно жить. Больше, чем бытовые условия, простолюдинов беспокоит отношение господ к прислуге. Н.С. Лесков эту оппозицию представит антонимическими коррелятами *труд – капитал; работник – капиталист; слуга, прислуга – господин, принципал*. Противопоставлен-

ность рассматривается только в кругу русских; к слуге-французу господя проявляют почтительное отношение:

...слуга-турист слышит, что <...> здесь с каждым слугою, с каждым увриером говорят на вы, соблюдая притом всю вежливость и деликатность <...> и спрашивает себя: "А у нас-то где же все это? А ведь это совсем не вредило бы, чай, и нашему брату?" И он взглядывает исподлобья на своих принципалов и спрашивает: "А вы-то что же, голубчики, о себе думаете? Вы как с нами обращаетесь?" [2].

В то же время даже не молодая русская служанка русского "князенка" Матрена Ананьевна быстро поняла, что при всех плюсах бытового характера в Европе много минусов морально-нравственного. Например, то, что не характерного для русских девушек-служанок, разграничивающих положение содержанки и искреннюю любовь, является нормой для молодых француженок, не придерживающихся строгих нравственных правил. Молодая француженка, начиная сожительствовать с молодым русским мужчиной, непременно узнает все о доходах:

"Сколько ты получаешь денег? В какие сроки? Сколько у тебя есть? Сколько платишь за комнату, прачке, за лекцию, за вино?"

Отсутствие подобной прагматичности у русских выступает как яркое характерологическое средство репрезентации типичных качеств русской девушки: доверчивости, откровенности, детской наивности. Эти смысловые компоненты представлены в контексте категории 'Свой', в отличие от 'Чужой', где в качестве доминирующей реализуется единица *сколько*.

Таким образом, Н.С. Лесков в цикле очерков "Русское общество в Париже" демонстрирует противоположность и несовместимость европейских и русских морально-нравственных доминант.

Список использованных источников

1. Ильин, И. А. Собрание сочинений: в 10 т. / И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 1993 – Т.1. – 480 с.

2. Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений: В 30 т. / Н.С. Лесков; Редкол.: Н. И. Либан (гл. ред.) и др.; вступ. ст. И. В. Столяровой – М.: Изд. центр "Терра", 1996 – прод. – Т.1. – 910 с., Т.2. – 990 с., Т.3. – 799 с., Т.5. – 830 с., Т.7. – 800с.

3. Викисловарь. URL: https://www.google.com/search?q=посторонний+значение+слова&rlz=1C1CHZN_ruRU990RU990&oq=посторонний+-+значение&aqs=chrome.1.69i57j0i22i30l3.16048j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8

4. Викисловарь. URL: https://www.google.com/search?q=чужой+это&rlz=1C1CHZN_ruRU990RU990&oq=чужой+-+это&aqs=chrome.1.69i57j0i22i30l9.9989j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8

5. Что-означает РФ. Сборник словарей: Ефремовой, Ожеговой, Шведовой. URL: <https://что-означает.рф/иной>

Фомин Степан Сергеевич

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: stepfom2001@mail.ru

УДК 81

**ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
КАК ИДИОСТИЛЕВОЙ МАРКЕР
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА Н.С. ТРУБЕЦКОГО**

В статье изучено функционирование терминов в дискурсе Н.С. Трубецкого. В ходе исследования мы установили основные типы терминологии, её функционирование внутри дискурса, образование авторских терминов. Мы определили, что именно данная лексическая группа является одной из идиостилевых особенностей, отражающих специфику дискурса Н.С. Трубецкого.

Ключевые слова: дискурс Н.С. Трубецкого, терминология, идиостиль, публицистика.

Исследование публицистического дискурса сохраняет свою актуальность в современной лингвистике. Прежде всего это связано с тем, что "публицистический стиль выдвинулся в центр стилевой системы русского языка" [4, стр. 4]. Особый интерес представляет изучение идиостиля авторов, повлиявших на социальную и политическую жизнь общества.

Князь Н.С. Трубецкой был не только всемирно известным лингвистом, но и создателем оригинального философско-политического течения – евразийства. В его публицистическом наследии, помимо индивидуального мировидения, были отражены мысли, характерные духу того времени, что усиливает исследовательский интерес. Вот как об этом пишет сам Н.С. Трубецкой в своей дебютной статье "Европа и человечество": "...за последнее время я, среди своих собеседников, все чаще и чаще встречаю не только понимание, но и согласие с моими основными положениями. Оказывается, что многие уже пришли к тем же выводам, что и я, совершенно самостоятельно. Очевидно, в мышлении многих образованных людей произошёл некоторый сдвиг. Великая война, а особенно последовавший за нею "мир", который и до сих пор приходится писать в кавычках, поколебали веру в "цивилизованное человечество" и раскрыли глаза многим" [7, стр. 45].

Несмотря на то, что "учение евразийцев было чрезвычайно актуально в 20-30-е годы (20 века – С.Ф.)" [2], публицистические работы его основателя не были предметом филологического анализа. Цель нашего исследования – изучение терминологической лексики как идиостилевого маркера дискурса Н.С. Трубецкого.

Ввиду широкого спектра научных интересов Н.С. Трубецкого в его тезаурусе значительное место занимает терминология. Тематическая направленность его публицистических работ, по большей части посвящённых критике западноевропейской цивилизационной теории и политических идеологий с позиции евразийства, предопределяет особую продуктивность двух групп терминов: **этнографических** и **политических**.

Прежде всего к первой группе относятся такие традиционные термины как *этнографически-антропологическая (единица, особь), народ, народность, нация, национальность, цивилизация, человечество, романо-германская (цивилизация, мир, культура, народ), этническая группа и др.*

Дискурсу Н.С. Трубецкого характерно не просто оперирование терминологией, но и приращения её прагматического потенциала, создание собственных терминов.

Образование большей части авторской этнографической терминологии происходит при помощи префиксации, действующей по принципу внутриадъективного словообразования (в котором она "один из самых продуктивных способов с/о" [1, стр. 105]). Соответственно и значение таких терминов напрямую следует из объединения семантики производящего и словообразовательного аффикса: *неромано-германский (мир, народ), сверхэтнографическое (человечество), сверхнациональная (идея)*. Однако, встречаются термины, не имеющие конкретного способа словообразования и внутри дискурса обладающие некоторой степенью фразеологичности, так как они обозначают особую этнографическую группу, ранее не обособляемую в научном подходе: *евразийское человечество, особый мир, конкретное человечество*.

Особенной прагматической продуктивностью в дискурсе обладает оппозиция *романо-германский/неромано-германский*, которая является стилистически-нейтральной заменой оппозиции *цивилизованный/нецивилизованный*, оценочность которой, по мнению Н.С. Трубецкого, следует прежде всего из эгоцентризма и нелогичности, ведь "*под "цивилизацией" разумеют ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы... При оценке европейского космополитизма надо всегда помнить, что слова "человечество", "общечеловеческая цивилизация" и прочее являются выражениями крайне неточными и что за ними скрываются очень определенные этнографические понятия*" [7, стр. 50]. Так как "беспристрастность содержания понятия делает называющий его термин стилистически нейтральным"[3], Н.С. Трубецкому характерно устранение излишней языковой оценки.

Стоит сказать, что противопоставление в целом имеет большую роль в построении дискурса Н.С. Трубецкого, что расширяет словообразовательную продуктивность префикса НЕ- (в значении: *противоположность чему-л.* [5, стр. 117]) в образовании многих терминов (например: *неромано-германский, неевропеизированный, нерусский и др.*). Это обусловлено фи-

лософской позицией Н.С. Трубецкого, ведь для него противопоставленность чему-либо является признаком индивидуального бытия. С этих позиций учёный критикует концепцию *человечества*: "*Всякое существо познается в своем противопоставлении другим существам того же порядка.<...> Если же человечество ничему не противопоставлено, то оно не имеет основных признаков живой личности, не имеет индивидуального бытия и никак не может служить стимулом морального поведения*" [7, стр. 525-526]. В целом стоит резюмировать, что список этнографической терминологии в дискурсе Н.С. Трубецкого не слишком обширен, но при этом он активно используется автором и задействуется в построении базовых положениях евразийского цивилизационного подхода.

Широко представлена группа **политических** терминов: *социализм, коммунизм, аристократия, демократия, плутократия, идеократия, национализм, фашизм, шовинизм, космополитизм, автаркия, республика, монархия, федерация, советизм, консерватизм, легитимизм, парламентаризм, юридизм, милитаризм, империализм, евразийство и т.д.*

Особое место в этом списке занимает *идеократия*, так как "одною из основ евразийства является утверждение, что демократический строй современности должен смениться строем идеократическим" [7, стр. 523]. "ИДЕОКРАТИЯ [idea игреч. kratos – власть] – разновидность государственного устройства, где властно-политическое регулирование осуществляется на базе единственной официальной идеологии, во имя олицетворения ее основных постулатов" [6, стр. 48]. Для обозначения такой "официальной идеологии" Н.С. Трубецкой изобрёл термин *идея-правительница*, который имеет определяющее значение в ценностной иерархии данного политического строя. В связи с соответствием/несоответствием государственной идеологии критериям сакральной *идеи-правительницы* Н.С. Трубецкой определяет и статус самого государства. Так, фашистские и коммунистические государства он называл *лжеидеократиями*, что также является авторским термином, образованным с помощью префиксойда ЛЖЕ-: "*И фашизм, и коммунизм – лжеидеократии. Настоящая идеократия еще не появилась, но не замедлит появиться. Пока же сама жизнь в лжеидеократических странах создает для этой настоящей идеократии политические, экономические и бытовые формы и условия*" [7, стр. 446].

Помимо двух названных групп, в дискурсе Н.С. Трубецкого присутствует синкретичный термин *общеромано-германский шовинизм*. Он связан с этнографическим подходом, описанным нами выше, но при этом несёт семантику политического метода, присущего конкретной этнической единице. По мнению Н.С. Трубецкого, все политические идеологии находятся между крайностями *космополитизма* и *шовинизма*, но учёный указывает на практическое сходство этих явлений, вследствие чего термин *общеромано-германский шовинизм* обретает имплицитный характер, так как он, хотя и неявно, относится к любому существующему строю европейской

цивилизации: "параллелизм между шовинистами и космополитами оказывается полным. Это по существу одно и то же отношение в культуре той этнографически-антропологической единицы, к которой данный человек принадлежит. Разница лишь в том, что шовинист берет более тесную этническую группу, чем космополит; но при этом шовинист все же берет группу не вполне однородную, а космополит, со своей стороны, все же берет определенную этническую группу. Значит, разница только в степени, а не в принципе. <...> античные космополитические идеи сделали в Европе основой образования. Попав на благоприятную почву бессознательного чувства романогерманского единства, они и породили теоретические основания так называемого европейского "космополитизма", который правильнее было бы называть откровенно общероманогерманским шовинизмом." [7, стр. 50-51].

Рассмотрев данные примеры мы понимаем, что политическая и этнографическая терминология является основой дискурса Н.С. Трубецкого. Факт новаторства евразийского цивилизационного и идеологического подхода неизбежно повлек за собой создание Н.С. Трубецким авторских терминов, подходящих для точного описания установившегося мироустройства. В целом, мы можем определить терминологический аппарат одним из базовых идеостилевых маркеров дискурса Н.С. Трубецкого, так как он участвует в образовании его базовых положений и отражает его специфику.

Список использованных источников

1. **Головачева, О. А.** Современный русский язык. Словообразование : Учебник для квалификации "бакалавр" направление подготовки 44.03.05 "Педагогическое образование" профиль "Русский язык и литература" / О. А. Головачева, С. А. Шилина. – Брянск : БГУ им. Акад. И.Г. Петровского, 2018. – 236 с.
2. **Дугин А.** Преодоление Запада // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. – М, 1999. – [электронный ресурс]. – URL: <https://history.wikireading.ru/153728> (дата обращения: 21.04.2022).
3. **Ермакова А.В.** Природа термина // Вестник ННГУ. 2018. №2.
4. **Клушина Н.И.** Стиль массовой коммуникации: Учеб. пособие. – М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2010. – 64 с.
5. **Лопатин В. В., Улуханов И.С.** Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – М.: "Азбуковник", 2016. – 812 с.
6. **Мустафин А.А.** Политология: словарь современных терминов и выражений / А.А. Мустафин – Ангарск: Изд-во: АГТА, 2012 – 168 с.
7. **Трубецкой Н. С.** Избранное/ Н. С. Трубецкой; [сост., авторы вступ. ст., коммент. О. В. Волобуев, А. Ю. Морозов]. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 616 с.

Смирнова Светлана Анатольевна

Гуманитарный институт Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова, Россия
e-mail: saa29@mail.ru

УДК 81.161.1, 821.161.1

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СО ЗНАЧЕНИЕМ "РЕБЁНОК" В РОМАНЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ "КАЗУС КУКОЦКОГО"

В статье объектом анализа выступает роман Людмилы Улицкой "Казус Кукоцкого", где повествуется о семье врача-гинеколога. Интерпретация материала позволяет выделить средства репрезентации семантического пространства со значением 'ребёнок', описать их особенности, ядерные и периферийные смыслы.

Ключевые слова: ребёнок, семантическое пространство, средства репрезентации, смыслы, художественный текст, Людмила Улицкая.

Во все времена в системе ценностей славян значимое место отводилось семье. Это положение высказывается в многочисленных научных сочинениях (см., например, публикации Е.И. Аюповой, Л.О. Вебер, А.Ю. Дмитрийчук, А.Я. Ивановой, Т.Н. Казаковой, М.Г. Лунновой, А.С. Сказко и др., представленные на eLIBRARY.RU), где на материале паремий, лексикографических трудов, записей диалектной речи, различных текстов дореволюционного, советского и постсоветского периодов приводятся наблюдения о лингвокультурных особенностях концепта "Семья", предпринимаются попытки охарактеризовать данный концепт с точки зрения понятия "национальный менталитет", доказывается его принадлежность к константам русской народной культуры, излагаются рассуждения о его трансформации и комментируется соотношение с концептами "Община", "Мать", "Сын", "Ребёнок" и под. Отмечу, что важность последнего концепта для русской культуры в целом и для творчества ряда писателей в частности подчеркивается во внушительном количестве изысканий, при этом особая роль отводится произведениям Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Марины Цветаевой, Андрея Платонова, Леонида Андреева и др. Настоящая статья является продолжением лингвистических работ, где языковые единицы со значением 'ребёнок' рассматриваются в индивидуально-авторском воплощении: в качестве объекта исследования и источника материала избирается художественный текст современной российской писательницы – роман Людмилы Евгеньевны Улицкой "Казус Кукоцкого". Тематика романа определяется как явление "новой прозы", поскольку художественный текст представляет собой синтез различных элементов: здесь Улицкая, медик-биолог по образованию, воплощает элементы медицинского романа, притчи, семейной хроники, семейно-бытового романа и семейной саги.

Для идентификации ребёнка Улицкая использует значительное количество номинаций: (1) частотное по употреблению и поэтому ключевое слово *ребёнок*, (2) синонимы ключевого слова *деточка, дитя, малыш, младенец, детёныш* и др., (3) дериват *ребёночек*, (4) однокоренные единицы *дитё – дитя, дочь – дочка – доченька, малыш – малышка* и др., (5) связанные гипонимическими отношениями имени *девочка – дочка, внучка, сестра* и под., *малыш – сын, внук* и др., (6) составные обозначения *маленький человек, мелочь пузатая* и под. Автор отдает предпочтение лексемам с семей 'женский пол' (*девочка, дочь, дочка, доченька* и *внучка*), потому что семья Кукоцких по типу является "женской" (в семье один мужчина – Павел Алексеевич), в связи с чем большая часть описываемых ситуаций посвящается девочкам.

Выявленные единицы представляют собой названия с признаками 'младенческий / грудной возраст' (*ребёночек, младенец, новорожденный, сосунок* и под.), 'не достигший зрелого возраста, маленький' (*дитя, дитё, деточка, малыш, малышка, маленький человек, мелочь пузатая двухлетняя / восьмилетняя девочка, двухлетний человек*), 'возраст' и 'пол' (*девочка, девица, мальчик*), 'степень родства' (*дочь / дочка / доченька, внучка, брат, сын, сестра, внук, (полу)племянница, правнук*), 'внешний признак' (*воробышек, крошка, кулёк, сверток*), 'характер поведения' (*дичок*), 'неродной' (*воспитанница-приёмщи*), а также именованья по аналогии с животным миром (*существо, детёныш*), названия-прозвища, данные членами семьи (*сладкая вишенка, папин воробышек, черноглазый бельчонок, ушастое яблочко* и под).

В контекстах функционируют имена прилагательные, характеризующие внешний вид маленького существа: телосложение (*толстая девочка, худенький ребёнок*), рост (*рослый ребёнок, маленькая девочка*), осанку (*сутулая девочка*). В романе встречаются словосочетания, представляющие собой общую оценку внешности: *малосимпатичная / мышевидная / очень красивая девочка* и др., например: *Великолепный ребёночек. Я таких больше всего люблю – маленькая, сухая, хорошая мускулатура* [3, с. 626]. Непредикативные определители помогают обозначить конкретный возраст ребёнка – *двухлетний человек, семилетняя девочка* и под.: *Новые слова, новые движения, весь умственный рост, происходящий в двухлетнем человеке, вызывали теперь у Павла Алексеевича острый любовный интерес* [3, с. 39]. Особенности детского характера и поведения подчеркиваются при помощи таких конструкций, как *снотворная девочка, впечатлительный / крикливый ребёнок* и под.: *Она ужасно снотворная девица, это точно, – согласилась Таня. – Ее как в палату принесут, я тут же отрубалась* [3, с. 632].

Узуальные и необычные адъективы употребляет Улицкая, когда речь идет о маленьком существе (зародыше), находящемся еще в материнском организме, а также уже о родившемся ребёнке: *маленький / малый / безы-*

мянный ребёнок, новорожденная девочка (детка), новенькая / свеженькая девочка и под. Отмечаются верификации ребёнка по времени его рождения: *ночная девочка, второй / поздний ребёнок*. Для этой цели используются и субстантивные словосочетания *ребёнок полдня, ребёнок рассвета, ребёнок закатного часа*.

Имена прилагательные и причастия помогают читателю понять статус нового маленького человека в семье (принимают его или нет): *удивительная девочка, желанный / долгожданный / хороший ребёнок, неожиданная / любимая дочь* и др. В романе встречаются синтаксические конструкции, притяжательные местоимения, при помощи которых автор показывает отношение Кукоцкого к Тане: *Павел Алексеевич удочерил Таню сразу же после женитьбы и, как говорила Василиса, "принял ее на сердце". В этой "своей" девочке как будто сошлись все те тысячи новорожденных, которым помог он при появлении на свет* [3, с. 38] или *Он и Елене об этом говорил: другого ребенка я и вообразить себе не могу, девочка наша – настоящее чудо* [3, с. 40]. Любовь отца проявляется и в прозвищах, которыми он наделяет "свою" девочку: *"Сладкая вишенка", "папин воробышек", "черноглазый бельчонок", "ушастое яблочко" – пошлейший гербарий и зоосад обрушивал он на ребёнка* [3, с. 87].

В романе антиподом Тани выступает Тоня Полосухина, волею судьбы попавшая в семью Кукоцких. Особенности внешности и характера девочки-приёмщица, отношение к ней неродной матери характеризуются так: *Два случайно совпавшие события – семейная ссора и приход в дом Тома – как-то соединились вместе, и Елена с глубоко запрятанной неприязнью наблюдала за мышевидной девочкой, едва достающей Тане до плеча* [3, с. 213]; *Елена никак не могла увидеть себя в роли матери малосимпатичной девочки* [3, с. 234]. Автор проводит зооморфную параллель неслучайно: образ мыши помогает представить внешнюю и внутреннюю "малость" Тома: маленький рост (она ниже Тани на целую голову), серость (мало знает, плохо учится, не любит живопись, музыку и др.), забитость (девочка ни с кем почти не общается и не имеет собственного мнения). Кроме того, мышевидное существо выполняет функцию мифологического хтонического существа: появление Тома в доме Кукоцких приводит к семейной ссоре и болезни Елены Георгиевны; в результате в конце романа читатель узнает о гибели дочери Кукоцкого и всей его семьи "в метафорическом плане" [1, с. 12-13].

Оппозиция "свой / родной – чужой / приёмный" (или "Таня – Тома") находит отражение и в отношении к девочкам Павла Алексеевича. В тексте читаем: *Павел Алексеевич, наблюдая за столь разными девочками – обожжаемой Танечкой и необаятельной Томочкой, плохоньким дичком, занесенным в дом особыми обстоятельствами, – следуя своей манере рассматривать все явления мира исключительно с научной точки зрения, и здесь впадал в теорию, и здесь замечал проявления великих природных за-*

конов, может быть, еще не сформулированных, но объективно существующих [3, с. 239].

Интересен выбор предикатов в конструкциях, где номинации ребёнка занимают позицию субъекта. Самостоятельную группу представляют глаголы, характерные для существа, который еще не родился и находится в животе матери: *плавать, набирать* (рост, вес), *покрываться* (пушком), *походить* (на кого-либо) и под.: *Твой малыш сейчас плавает и понятия не имеет, где верх, где низ... Он довольно рослый, набрал больше половины своего роста, а весу всего фунта полтора... Покрыт пушком, и уже образуется смазка* [3, с. 577]. Примечательно, что в словарях русского языка хронологические границы детства очерчиваются этапом рождения (*младенец, грудной ребёнок*) и фазой зрелости (*до юношества, отрочества*) [2]. В русской наивной картине мира нижней границей детского возраста признается время внутриутробного развития ребёнка, выделение же верхней границы является спорным. Людмила Улицкая, как следует из анализа номинаций и контекстов, также расширяет "нижнюю" рамку периода детства. Автор профессионально описывает внутриутробное состояние зародыша и процесс рождения ребёнка, демонстрируя знания из области медицины: *Ребёнок уже пригнул головку, так что маленький родничок оказался впереди, чуть повернул её и, разогнув голову, вошёл под лобковую дугу* [3, с. 730].

Значительную группу составляют предикаты, используемые писательницей, когда речь идет о действиях, состояниях ребёнка новорожденного и младенческого (грудного) возраста. Глаголы называют различные физиологические процессы (*просыпаться, сосать, срыгивать, тужиться, производить акт испражнения, зевать, есть, открывать* (глаза), *засыпать*), процессы познавательной деятельности (*исследовать, пробовать* (на зуб), *заталкивать, крутить, извлекать*), зрительное восприятие окружающей действительности (*видеть, смотреть*), изменение положения тела (*крутиться*) и др. Например: *Он внутренне отмечал её новорожденное, небогатое время: сейчас она спит, уже просыпается, сосет, срыгивает, тужится и сучит ножками, производит серьезный акт испражнения, и снова засыпает* [3, с. 648]. *Дочка Танина была одарена чудесным нравом, сама себя забавляла, никогда не скучала, и довольно было сунуть ей в руки игрушку, ложку, веревочку, и она презабавнейшим образом часами исследовала, пробовала на свежий зуб, заталкивала в карман, крутила и извлекала из любого предмета массу интереса* [3, с. 666].

Характеризуя ребёнка после младенческого возраста, Людмила Улицкая употребляет глаголы состояния (*томиться, беспокоиться, плакать, волноваться, спать, любить, смеяться*), звучания (*шептаться, визжать*), волеизъявления (*принять предложение, не требовать*), межличностных отношений (*не иметь отношения, ссориться, подставлять* (щёчку), *обниматься*), пространственной локализации, перемещения (*уходить* (в школу), *выходить, прощмыгивать, минуть, присутствовать* и др.), действия,

направленного на другое лицо (*дергать, тыкать, толкаться, вцепляться*) и др.

Итак, в романе "Казус Кукоцкого" семантическое пространство со значением 'ребёнок' представляют простые и составные номинации, свободные именные словосочетания и предикативные конструкции. Данные единицы реализуют смыслы 'лицо женского пола в детском возрасте', 'находящийся в животе матери' и 'девочка, принятая в семью' (важные для автора, ядерные) и 'лицо мужского пола в детском возрасте', 'тот, кто родился', 'тот, кто растёт', 'тот, о ком заботятся' и др. (периферийные).

Для каждого "этапа" (внутриутробный, плодный, внеутробный) писательница избирает свои языковые средства. В описании эмбрионального периода наличествуют определения *маленький, малый, будущий* и под., предикаты со значением внешности и способа передвижения – *набирать* (рост, вес), *покрываться* (пушком), *походить* (на кого-либо), *плавать* и др. При характеристике младенца используются прилагательные и местоимения *новенькая, свеженькая, наши* и др., глаголы физиологической деятельности (*просыпаться, сосать, срыгивать, тужиться, заталкивать*), состояния (*волноваться, спать, любить, радоваться*), звучания (*пискнуть, плакать*).

В анализируемом тексте переплетаются элементы медицинского и семейного романов. В первом случае в высказываниях актуализируется индивидуально-авторский смысл 'тот, кто находится в животе матери', поэтому важными являются оппозиции "ребёнок – врач", "ребёнок – тело матери", "ребёнок – роды", "ребёнок – прерывание беременности", "рождённый – нерождённый", "ожидаемый – неожидаемый". В семейных "зарисовках" доминирует смысл 'тот, кто принят в семью', соответственно, проявляется оппозиции "родной / свой – приёмный / чужой".

Список использованных источников

1. **Лариева, Э. В.** Концепция семейственности и средства её художественного воплощения в прозе Л. Улицкой : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Э. В. Лариева ; ГОУ ВПО "Карельский государственный педагогический университет". – Петрозаводск, 2009. – 18 с.
2. **Смирнова, С. А.** Лексикографическое описание слова *ребёнок* : [статья]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksikograficheskoe-opisanie-slova-rebyonok/viewer> (дата обращения: 26.04.2022).
3. **Улицкая, Л. Е.** Казус Кукоцкого: роман / Л.Е. Улицкая. – Москва : Изд-во Эксмо, 2011. – 736 с.

**ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ПОГРАНИЧЬЯ**

УДК 37

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА МАТЕРИАЛЕ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУСОВ

Представлен анализ феномена культурной грамотности в контексте компетентностного подхода к построению образовательного процесса в начальной школе. Рассматриваются приемы организации работы по формированию лингвокультурной грамотности младших школьников на материале белорусских обрядов и поверий.

Ключевые слова: культурная грамотность, лингвокультурная грамотность, компетентность, младшие школьники, народная культура.

Образование как важнейший социальный институт трансформируется в полном соответствии с тенденциями развития самого общества, отвечая его запросам. Одним из приоритетных направлений развития образования на современном этапе можно считать повышенное внимание ученых-исследователей и практиков к реализации его культуuroобразующей функции, предполагающей не просто аккумуляцию комплекса культурных знаний нации и его трансляцию от поколения к поколению, а освоение и развитие культуры как национального и метанационального феномена, построения картины мира и позиционирования человека как компонента культуры и одновременно ее творца.

Подобное осмысление института образования требует своей реализации в русле адекватных по форме и содержанию подходов. Можно с уверенностью утверждать, что в числе первых находится компетентностный подход, ориентированный на формирование и дальнейшее развитие у субъектов образовательного процесса умений социализации, адаптации и успешного функционирования в динамичных условиях на протяжении всей жизни. Таким образом, приобретаемые знания и умения не остаются "мертвым грузом", а становятся для его обладателя ключом к решению проблем, связанных с любой сферой деятельности.

Теория компетентностного подхода опирается на выделение нескольких блоков компетенций, обладающих предельно универсальным характером, так называемых универсальных компетенций, которые предполагают наличие у человека знаний, установок, умений и навыков, позволяющих рассматривать проблемы с различных позиций: локальных, глобальных, межкультурных; понимать и уважать картину мира, точку зрения других

людей; участвовать в открытом и эффективном взаимодействии с представителями различных культур; прилагать усилия для обеспечения коллективного благополучия и устойчивого развития [1, с. 8]. На основе обозначенных умений принято выделять три блока компетенций: компетентность мышления, компетентность взаимодействия с другими и компетентность взаимодействия с собой. Данная понятийная рамка компетенций совпадает с содержанием так называемой "новой грамотности", декларирующей наполнение посылы "чему учить сегодня для успеха завтра".

В числе трех вышеупомянутых блоков компетенций, повторяющихся практически во всех классификациях и присутствующих в большинстве авторитетных исследований, наш интерес вызывает компетентность взаимодействия с другими, предполагающая умение договариваться, основанное на способности убеждения, аргументации своего мнения и принятие чужого, в том числе с учетом социальных и культурных различий, умения разрешать конфликты, понимать возможные противоречия, вызванные различием в интересах, и на этой основе корректировать свои решения и поступки.

Феномен "новой грамотности", который совершенно не привязан к бытовому пониманию грамотности как умения читать и писать, в содержательном отношении включает несколько "конкретных" грамотностей: читательскую, математическую, финансовую, экологическую и др. Как нам видится, безусловным обязательным элементом грамотности вообще является культурная грамотность, о которой впервые заговорили в конце XX века после появления нашумевшей теории культурной грамотности, разработанной американским педагогом и культурологом Э. Д. Хиршем и его учениками. В объем понятия "культурная грамотность" Э. Д. Хирш включал, главным образом, наименования реалий (имена, понятия, даты, цифры и др.), которые должен знать носитель языка и культуры, чтобы адекватно понимать тексты, т. е. информацию любого содержания и способа представления, и в соответствии с этим успешно взаимодействовать с окружающей средой. Как средство реализации данной концепции был разработан "Словарь культурной грамотности. Что должен знать каждый американец", переживший несколько переизданий и до сих пор вызывающий незабываемый интерес педагогов, психологов, культурологов во всем мире.

Более адаптированным к современному обществу будет понимание культурной грамотности как степени владения базовыми концептами культуры, необходимой человеку для того, чтобы свободно ориентироваться в окружающем мире, а также наличие общих для всех фоновых знаний, которые зачастую представлены в сходных у всех членов общества ассоциациях. На самом деле, как показывают новейшие исследования в области культурологической парадигмы науки о человеке (работы В. А. Пушных, Н. Н. Шевченко, О. А. Ужовой, Т. Н. Якович, О. Д. Митрофановой, В. Г. Костомарова, Л. А. Ходяковой, О. К. Ансимовой, Н. А. Судаковой, Ю. С.

Степанова и др.), данное понятие гораздо шире и трактуется как достаточная (элементарная) степень владения языком, речью, читательской грамотностью, базовыми фоновыми культурными знаниями, приоритетными ценностными ориентациями, составляющими культуру личности [2, с. 60].

Одним из продуктивных путей формирования лингвокультурной грамотности учащихся начальных классов является использование удивительно богатого материала народной культуры. Данное понятие не имеет четких границ, поскольку представлено в широчайшем диапазоне: фольклорные тексты, народные ремесла, традиции и обычаи, поверья, уклад жизни, быт, праздники, воспитание детей и многое другое.

Эффективная реализация духовного потенциала народной культуры требует соответствующих форм организации работы с младшими школьниками. Конститутивные признаки компетентного подхода, задекларированного нами ранее, требуют активной деятельности учащихся, когда акцент делается на формировании умения применять полученные знания для решения, в первую очередь, нестандартных задач. Поэтому нам представляется продуктивным вовлекать детей в частично-поисковую и исследовательскую деятельность по освоению, или, точнее, присвоению знаний о своей народной культуре. Можно выделить несколько компонентов такой работы с младшими школьниками, ориентируясь на возрастные особенности восприятия и усвоения информации и возможности собственно образовательного процесса, например, в 3-м классе:

- знакомство с объемом понятия "народная культура" и характеристикой ее составляющих (праздники, обычаи, обряды, поверья) на практическом уровне;
- анализ текстов различных жанров и форм представления информации, направленный на выявление названий компонентов народной культуры;
- соотнесение визуальной информации (фотографии, рисунки) с текстовой;
- выявление неактуальных элементов, коллективное обсуждение причин их неактуальности.

Так, например, можно предложить для анализа адаптированный текст, содержащий информацию об обрядах, связанных с языческим праздником "Гуканне вясны" ("Кликанье весны").

"Этот древнейший обряд появился еще в дохристианскую, языческую эпоху, когда белорусы верили, что их жизнью управляют боги: верховный бог Перун, богиня весны Лада, хранитель домашних животных Велес, покровительница женщин Мокошь, Стрибог – бог ветра и другие.

Этот праздник посвящается встрече весны и отмечается в Беларуси обычно в начале апреля. Праздновать собираются на возвышенном или открытом месте: горке, окраине леса, берегу реки. Место это обязательно украшают разноцветными лентами, картонными яркими птичками, лоскут-

ками ткани, бумагой. В центре раскладывают костер, водят хороводы и поют песни-веснянки.

Вестником весны считается аист, к которому у белорусов особое отношение: у хозяев, чей двор он облюбует, год должен быть удачным. Убить же посланца весны или разорить его гнездо считается большим грехом.

Особую роль играют птички, испеченные из теста: обычно пекут сорок кусочков печенья в виде птичек и раздают детям. Иногда раскладывают в разных местах, чтобы они привлекали птиц, которые на своих крыльях принесут долгожданную весну".

Для анализа и интерпретации информации, представленной в разной форме, можно предложить рисунки:

Возможные задания для работы с текстами:

- Когда и где на Беларуси "гукаюць вясну"?
- Какие приметы связаны с аистом?
- Соотнесите содержание рисунка с соответствующим фрагментом текста.
- Найдите "лишний" рисунок и объясните свой выбор.
- Пользуясь дополнительными источниками информации (например, интернетом), расскажите о славянских (белорусских) языческих богах.

В контексте "погружения" младших школьников в мир народной культуры можно также предложить следующий текст:

"Парадокс, но в современном мире стремительно развивающейся науки и техники многие из нас опасаются перебежавшей дорогу черной кошки, плюют через левое плечо, стучат по дереву, составляют букет только из нечетного количества цветов и т. д. Каждый хочет быть здоровым и счастливым, но четкой инструкции для этого нет, поэтому и надеются на мудрость и опыт наших предков, имевших рекомендации для каждого шага.

Так, в новогоднюю ночь наши предки проводили интересный ритуал, который должен был обеспечить благополучие и взаимопонимание в семье. Перед наступлением нового года все усаживались за праздничный стол, и старший ставил посередине небольшую глиняную чашу, наполненную водой наполовину.

Затем каждый должен был минуту подержать над чашей левую руку, погружая в воду все плохое в прошедшем году – болезни, ссоры, потери, неурожай. Маленьких детей усаживали на колени и держали их ручки вместе со своей над водой. После этого воду вместе с бедами выливали в окно, а в полночь ту же чашу вновь наполняли водой до самых краёв и снова ставили на стол. Теперь вытягивали правую руку и про себя желали добра, здоровья, успехов и благополучия. После этого чаша передавалась по кругу "по солнцу", чтобы каждый отпил свою "долю желаний".

После знакомства с текстом можно организовать работу следующим образом:

- Почему люди верят в приметы?

- При помощи словосочетаний или коротких предложений составьте "цепочку" из действий этого ритуала. Запишите.

- В какие приметы верите вы или ваши родные? Перечислите их.

- Попробуйте изобразить свою "любимую" примету в виде рисунка.

Продуктивной будет также организация групповой или индивидуальной поисковой деятельности в форме исследования объекта, характерного для данной местности: праздника, обычая, поверья, обряда. Можно предложить на основе анализа материалов из нескольких источников (этнографические материалы, Интернет) создать связный письменный текст, содержащий описание полученной информации.

Предлагаемый культуроведческий материал и формы работы с ним позволят учащимся актуализировать, углубить имеющиеся знания и получить новые о традиционном быте, традициях, обрядах, о национальных особенностях материальной и духовной культуры белорусского народа как важнейших компонентов культурной грамотности.

Можно сказать, что культурная грамотность - это общий культурный код, утрата которого грозит культурным и интеллектуальным межпоколенным разрывом, симптомы, которого, к сожалению, уже можно "диагностировать". Поэтому проблема формирования культурной грамотности, или лингвокультурной грамотности (как закреплённой и проявляемой в национальном языке его носителя) является, по нашему убеждению, актуальной и обязательной для решения уже на первых ступенях образования.

Список использованных источников

1. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования / И. Д. Фруммин, М. С. Добрякова, К. А. Баранникова, И. М. Реморенко; Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Институт образования. – М. : НИУ ВШЭ, 2018. – 28 с. – 300 экз. - (Современная аналитика образования. №2 (19)).

2. Ходякова Л. А., Супрунова А. В. Концепция и содержание программы внеурочной деятельности: формирование общекультурной компетенции школьников посредством создания словаря культурной грамотности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2018. No 4. С. 58–69. DOI: 10. 18384/2310-7219-2018-4-58-69

УДК 81'373. 2

РЕФОРМЫ ОРФОГРАФИИ И КУЛЬТУРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ В ЭТНОГРАФОНИМНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается проблема этнографонимной вариативности национального русского языка в условиях его взаимодействия с контактной графикой языков национальностей. Подвергается критическому анализу реформы русской орфографии на основе графического упрощения, не учитывающего диалектику движения народов к мировой глобализации в сочетании с развитием процессов национального обособления. Предлагаются модели графических норм, направленные на сохранение национального языка как средства общности нации, материализующегося в разных формах онимных культур родственных языков.

Ключевые слова: национальный язык, язык общности, языки национальностей, языки общения, орфография и графика, этнографонимы, экзографонимы.

Орфография русского языка не могла быть одинаково стабильной в разные периоды ее становления. Однако если проанализировать причины изменений правил русского письма, то можно обнаружить, что они определялись не внутренними процессами развития языка, а мотивами упрощения графики, поддержанными издателями, не отягощенными мыслью о их последствиях для культуры: 1710 г. – введение гражданской азбуки и гражданского шрифта [1]; 1917 г. – ревизия "лишних" букв [2]; 1930 г. – дискуссия о латинизации алфавита [7]; 1956 г. – унификация правописания [3].

В их основе лежала идея о том, что реформируется не язык, а его графические знаки, которые должны по истечению определенного времени подвергаться унификации. Не стала в этом смысле исключением и постсоветская дискуссия о реформе орфографии, начатая в 2005 г. и преследующая ту же цель упрощения и унификации. Ее нелогичность, однако, очевидна: формальное упрощение отрицает внеграфический смысл знаков, передающих особенности национального мышления и восприятия. Можно, конечно, упростить графику, например, *-н-* и *-нн-* (*некошенная трава* и *ещё не кошенная трава*), но тогда придется "унифицировать" и слитное написание *не* (*некошенная трава* и *ещё некошенная трава*), "убрав" во втором случае "действителя", хотя он должен регистрироваться в "смысловом написании" удвоенных букв *-нн-*: *некошенная трава* (синоним "девственная") и *ещё не кошенная трава* (которую "кто-кто не косил", субъект действия очевиден).

Еще опасней выглядит игра с упрощением графики имен собственных,

у которых она является основным способом передачи адресной, национально-культурной и исторической информации. Ее многоаспектность обусловлена особым статусом онимов в языке, речи и гражданско-правовом сознании, предполагающем обязательное вхождение собственного имени из языков разных стран в контекст собственного национального языка.

Понятия *этнографоним* и *экзографоним* становятся особо востребованными в орфографической практике [4; 6]: *Николай* ≠ *Микола*, *Політіко* ≠ *Політико*, укр. *Їжакевич* ≠ рус. *Ижакевич*, (недопустимые варианты этнографонимов); фр. *Paris* [пар'и] = рус. *Париж*, ит. *Roma* = рус. *Рим*, *Ейск* = *Евклид* (вполне уместные варианты экзографонимов). Их уместность должна определяться не графической унификацией, а точным определением культурного и политического статуса языков, способным мотивировать изменения в графике и орфографии проприальной лексики.

Культурный потенциал собственных имен сконцентрирован в понятии "национальный язык", требующем терминологической расшифровки. **Национальный язык в отличие от языка как средства общения является средством общности нации.** Это тип национального мышления, проявление философии и психологии народа, который может материализоваться в разных языковых системах (литературном языке, языках национальностей, диалектах, жаргонах, региолектах) и любых явлениях культуры и духовности (живописи, музыке, архитектуре, танцах) как формах передачи вербальными и невербальными средствами национального мыслеообразующего процесса.

Единство национального языка обеспечивается его многообразием: чем больше форм его выражения, тем богаче нация, а не наоборот. Национальных поэтов, художников, музыкантов, политиков и религиозных деятелей следует поэтому оценивать не по месту их рождения, по национальности или языку общения, а по тому, философию и психологию какого народа они выражают. С этой точки зрения Н. В. Гоголь, В. Г. Короленко и М. А. Булгаков – как русские, так и украинские писатели, несмотря на русскоязычность их произведений; художники И. К. Айвазовский (на самом деле *Айвазян*, армянин по национальности) или грек А. И. Куинджи – великие русские живописцы; Т. Г. Шевченко и Марко Вовчок, в арсенале которых есть произведения на русском языке, представляют как украинскую, так и русскую литературу и т. п.

Парадоксальной в таком контексте выглядит изучение украинской литературы в Украине как литературы, написанной на украинском языке, куда в таком случае входят и украиноязычные произведения канадских писателей, а русской – как зарубежной. Уничтожение общих культурных основ их формирования влечет за собой разрушение нации и государства.

Политический потенциал собственных имен должен рассматриваться в контексте понятий государственного и официального языков, которые

определяются сегодня как синонимы: государственный – тот, что имеет отношение к государству, а официальный – тот, что регулируется правительством, т. е. "правительственный", служебный". Их статус оценивается не объективной ситуацией, сложившейся в конкретном обществе, а административными институтами, оперирующими понятиями большинства / меньшинства, титульности / нетитульности, коренной / некоренной нации, что исключает равенство языков и народов в составе единого государства.

Проблем при осуществлении языковой политики можно избежать, если узаконить незыблемость культурного потенциала национального языка.

Государственный – это язык (или языки), который понимает большинство граждан государства вне зависимости от их национальности или территории проживания (например, русский и украинский в ДНР или украинский и русский в Украине). Исходя из этого, его статус устанавливается не голосованием, а объективной реальностью. В нем не должно быть и намека на превосходство той или иной национальности, иначе оно станет поводом для конфликтов с представителями другой национальной общности.

Юридической формой государственного языка является государственный официальный язык, который представляет государство на межнациональном или международном уровнях. Государственных языков может быть много, но государственным официальным должен быть только один (например, украинский официальный в Украине и русский официальный в России). Государственный язык не следует при этом путать с родным.

Родной язык тот, на котором человек мыслит и который при определенных условиях проявляется в общенациональном языке.

Языки национальностей (но не "языки национальных меньшинств" – уничижительный термин, делящий нацию на титульную и нетитульную) – это языки компактного заселения граждан определенной национальности проживающих на определенной территории (например, греческий язык в Донбассе или болгарский в Запорожской области).

В рамках современного государства могут функционировать и другие языки, не имеющие отношения к гражданским институтам, не входящие в национальный язык, но обеспечивающие возможность общения в условиях взаимозависимого и поликонтактного мира.

Региональный – это язык, на котором может общаться население определенной территории вне зависимости от своей национальной принадлежности (венгерский язык в Закарпатье, польский во Львове и т. п.).

Нетерриториальные – это языки общения мигрантов и иностранные языки, не имеющие четко очерченной территории и не входящие в национально-государственную языковую общность (например, английский язык как один из мировых, идиш у евреев и т. п.).

Поскольку культура взаимодействия языков ярче всего представлена в письменной интерпретации имен собственных и поскольку, несмотря на это, их вносят в парадигму имен существительных, забывая о специфике графики и орфографии, о них следует говорить особо:

1. Этнографонимы в русской ономастике. Специфика употребления прописной, заглавной и строчных букв.

Собственные имена в отличие от имен нарицательных обладают уникальной способностью передавать правовую суть объекта. Но право как таковое может фиксироваться только в письменной речи, поэтому проблема употребления прописной, заглавной, строчных букв, кавычек максимально обострена в любом языке, но прежде всего в русском. Если в западноевропейской традиции прописная буква выполняет, как правило, грамматическую роль (например, в немецком языке указывает на имя существительное: *die Tóchter* "дочь"), то в русской – социально-правовую, выделяющую собственное имя из массы других имен. Речь по сути идет об *этнографонимах*, которые отделяют в русском языке правовую "жизнь" онимов от нейтральности значений обычных слов.

Тем не менее смешивание прописной буквы с заглавной и графическим рисунком разных номинативных конструкций продолжается: *ГОУ ВПО "ДОННУ"*, *Елка от Городского Главы, ПодкреPIZZA*, *Структурное подразделение Производство "Донецкгортеплосеть Государственного предприятия "ДОНЕЦКТЕПЛОЭНЕРГО"*, *Донбасс Палац, СтройЦентр, ВУЗ, Обувной Квартал "Контур"* и т. п. Такая "вольность" обесценивает правовую природу собственного имени и требует обязательного рассмотрения функций заглавной, прописной и прописных букв в именах собственных, именах нарицательных и аббревиатурах:

А. Заглавная буква указывает на начало нового предложения (*Зима!*. . *Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь* – А. С. Пушкин), и, исходя из этого, словосочетаний, типа *Кафедра "Интенсивного обучения иностранным языкам"* (Минский государственный лингвистический университет) не должно существовать (правильно *кафедра интенсивного обучения иностранным языкам*;

Б. Прописная буква выделяет в структуре собственного имени слова, акцентирующие внимание читателя на уникальности именуемого предмета, например: *Центральный республиканский банк, Донецкий национальный университет, Торричеллиева пустота*. Такая особенность прописной буквы в русском языке ставит под сомнение официальные или "традиционные" формы *Центральный Республиканский Банк* (ДНР), *Кафедра "Теория языка и русский язык"* (Южный федеральный университет), *Торричеллиева Пустота*.

В случае, если в составе собственного имени отсутствует название, но оно обладает выделительной функцией, роль номинации переходит к первому слову, даже если оно является номенклатурным термином (денота-

том): *Академия гражданской защиты, Партия труда*. Но неофициальные названия *партия большевиков, партия вигов* (не какая?, а чья?); *продуктовый магазин* (предмет торговли), но *магазин "Продукты"* (кавычки и несклоняемость свидетельствует, что перед нами не *продукты*, а *магазин*);

В. Прописные буквы указывают на неспособность к изменению по падежам и морфологическую нечленимость аббревиатур: *ДГТУ "Дагестанский государственный технический университет"*, *ПТУ* "профессионально-техническое училище", *ТЮЗ* "театр юного зрителя". С этой точки зрения, употребления, типа *ДОННТУ, ВУЗ, НЭП* не имеют смысла (правильно *ДонНТУ*), поскольку это гибридное именование с сокращением *Донецкий* и аббревиатурой *НТУ* ("национальный технический университет"); *вуз* и *нэп*, так как это аббревиатуры по происхождению, которые превратились в слова, изменяющиеся по падежам и образующие новые слова с корнями *вуз-* (*в вузе, довузовский*) и *нэп-* (*во времена нэпа, нэпман, нэповская модель социализма*).

Среди явных ошибок встречаются и "завуалированные", в которых прописные и заглавные буквы объединяются в понятие "большие", существующие якобы для подчеркивания значимости объекта или для выделения исключительно первого слова в составе собственного имени. Они разрушают ясность официально-делового стиля и продуцируют логико-смысловые неточности:

А. Неодинаковость толкования фиксаций собственных имён в разных стилистических контекстах: *Студенческая поликлиника – ГБУ "ЦПМСП №13 г. Донецка" Коммунальное предприятие "Донбасстеплоэнерго" – ГУП ДНР "ДОНБАССТЕПЛОЭНЕРГО"*, и т. п. ;

Б. Неаргументированность употребления прописной буквы: *улицы Чистые пруды, Каретный ряд, Кузнецкий мост, Путиловская роцца; поселки Березовые дворики, Зеленый гай* (правильно *Чистые Пруды, Каретный Ряд, Кузнецкий Мост, Путиловская роцца, Березовые Дворики, Зелёный Гай*, поскольку речь идет не о *прудах, рядах, мостах, роццах, дворах* или *гаях*).

2. Экзографонимы в кириллическом письме.

В проприноменологии экзотическая графика является одним из неременных условий передачи социального смысла наименований, если их межъязыковая природа требует использования дополнительных графических символов, не имеющих аналогов в родном языке.

Е // Ё // Э > ЙЕ // ЙО // БО > Я // ЙЯ

1. Буквы "е-ё" в практике употребления собственных имен являются наиболее проблемными, поскольку "е" может использоваться в разных произносительных вариантах: *Дементьев* <Дементьйев>, *Хрущев* <Хрущов>, *Цеков* <Цэков>, *Есперсен* <Эспэрсэн>, *Ельцин* <Йельцын>, *Ковалев* <Ковальов>, *Ейск* <Йейск >. В речи носителя языка написание не влияет на произношение, но как только требуется перенести его в доку-

ментальную сферу, возникает масса вопросов: почему *Эзон*, но *Евклид*; *Журавлёв*, но *Мальорка*; *Йоханнесбург*, но *Ёлкин*; *Йемен*, но *Енакиево* и т.п.

Ответы на эти вопросы следует искать в степени экзотичности графики.

Так, в русской письменной традиции в любом из вариантов употребляется "е" (*Дементьев*, *Хрущев*, *Цеков*, *Ельцин*, *Ковалев*), а использование экзографонима "ё" возможно лишь для разграничения разных объектов номинации (например, фамилий *Еришин* и *Ёришин*).

Нелепым поэтому выглядит требования юридических служб при смене паспорта предъявлять справки, что *Журавлев* является-таки *Журавлёвым* (факт, имевший место в ДНР) – замена "ё" на "е" вполне возможна, если она не искажает правовой смысл документа. Для разных фамилий (например, *Ергольский* – *Ёргольский*) употребление буквы "ё" обязательно, но для фамилий, типа *Ковалев* графика не имеет значения, поскольку под ударением в суффиксе *-ев* после мягкого [л'] звучит только [’о], а не [’е] или [йе] (а после твердых и звучит, и пишется "о", потому что написание "е" передвигает ударение и изменяет, таким образом, фамилию *Чернышов* на *Чёрнышев*).

2. Буква "э" в русском алфавите появилась при заимствовании иностранных слов с соответствующим произношением. Если этот звук фиксировать буквой "е", то ирландский напиток "эль" превратится в "е [йе]ль", а "дуэт" следует воспроизводить как "д’уе [йе]т". Для таких случаев и введено "э-оборотное" – зеркальное отражение буквы "е" для фиксации "чужой" реальности, в которой буква "э" передает звучание в начале слова и после гласного по произношению (*Элеонора*, *Эзон*, *Нозль*, *Бодуэн*).

Исключение при этом составляет:

а) слово *проект* [пр’э́кт], не имеющее русских аналогов и воспринимаемое как иностранное;

б) некоторые фамилии и имена из европейских языков, в которых оберегали первичную "иностранную" графику:

– дат. *Jens Otto Harry Jespersen* – рус. *Отто Харри Есперсен*;

– др.-греч. *Εὐκλείδης* – рус. *Евклид* (хотя возможен и вариант *Эвклид* под влиянием совосочетания *эвклидова геометрия*).

в) неосвоенные русским языком слова, в том случае если они обозначают "чужие" для русской культуры понятия: *мэр*, *пэр*, *сэр*, *мэтр*, *кэб*, *Улан-Удэ*, *Бодуэн де Куртенэ*, *Смокинэ София* и т. п.

При этом "за пределами" исключений остается буква "е" даже в иностранных по происхождению словах, если она стоит *между согласными или после согласного и вписана, таким образом, в систему русского языка*: *Белла*, *Барклай де Толли*, *Эрнест Хемингуэй*, *Элизабет* (как и *карате*, *соте*).

3. Буквосочетания "йе", "йо", "ьо", "йя" вместо букв "е", "ё", "я",

которыми выделяются нерусские названия, слова и понятия:

а) пришедшие из германских или других экзотических языков, для которых "правильным" считается написание с "йе", "йо", "йя": **Гейер**, **Йемен**, **Майорск**, **Йоркшир**, **Йошкар-Ола**, **Йоханнесбург** **Майя**, **Брайен**, **Мейерхольд** (но в русских именах и названиях употребляется "родная" буква "е" или "я": **Ейск**, **Екатеринбург**, **Маяки** и т. п.);

б) пришедшие из романских языков, для которых нормированным считается буквосочетание "ьо": **Большой Каньон**, **Мальорка** (для русских собственных имен такая "вольность" недопустима: **Потемкин**, **Брилев** и т. п.).

"И" // "Ы"

Основной мотив вариативности букв "и" // "ы" связан с историей их разграничения. Шипящие и [ц] в древнерусском языке были мягкими, поэтому, когда они отвердели, правописание продолжало фиксировать звук "и" в корнях, несмотря на изменение произношения на твёрдое: жи [ы]л и Жи [ы]лин, тиши [ы]на и Ши [ы]тиков, ци [ы]фра и Ци [ы]млянск и т. п.

К исключениям относятся слова *цыц*, *цыган*, *цыпленок*, *цыпочки*, а также собственные имена с аналогичными корнями (*Цыганенко*, *Цыпин*) и слова на *-цый*, *-цын*, *-цы*: *Лисицын*, *Царицын*, *Клинцы*, *Люберцы* (варианты *Ципко*, *Вицин*, *Ельцин*, *Цицин* представляются неубедительными).

И // "ЙИ" > "І" // "Ї"

В современном русском языке в отличие от древнерусского и украинского языков (*Пир'ї [йі]н*, *Ананьї [йі]н*) отсутствует буква "і" и, таким образом, написание и произношение в нем не совпадают. Однако как только требуется зафиксировать "неродные" имена и названия, их экзотическая природа требует новых акцентов, указывающих на специфику именования: чешск. г. *Jihlava* – рус. **Йиглава**, кит. *Цинь-Йи* (район Гонконга), фестиваль **Йи Пенг** (Таиланд), тур. *Yığıt Uçan* (**Йыгыт Учан**) – рус. **Йигит Учан** и т. п. В этом контексте последовательной должна быть и экзотичность русско-украинского произношения. Его суть заключается в том, что оно должно опираться на соответствующую специфику графики языка-источника, дабы точно передать правовую информацию:

– **Ї**жакевич не может превратиться в **И**жакевича, поскольку **Йи**жакевич от **ї**жак, а не от **ё**жик); но по этой же причине русская фамилия **Ежов** не может передаваться в украинском языке как **Їжов** (правильно: **Єжов**);

– рус. и укр. **Одесса** (от греч. *одессос* "дорога, путь к морю") не может трансформироваться в **Одесу** (ошибочная норма в украинском языке);

– рус. **Таллинн** = укр. **Таллінн** (от эст. *talli* "зимний" + *linn* "город");

– рус. **Россия** ≠ укр. **Росія** (правильно: **Россія**, поскольку название происходит от др. -рус. *россы*).

Анализ наиболее одиозных случаев нарушения правовых подходов к утверждению норм современной ономастики позволяет сделать вывод о

кризисе онимных традиций на всем постсоветском пространстве. Нормой в ономастике следует считать систему правовых принципов, позволяющих передавать соответствующими графическими символами специфику онимного денотата и информативных сем, возникающих в национальной культуре определенного языка [5].

Список использованных источников

1. **Григорович Н. И.** Азбука гражданская с нравоучениями. Правлена рукою Петра Великого. СПб., 1877.

2. Декрет о введении нового правописания // "Газета временного рабочего и крестьянского правительства". 23 декабря (5 января) декабря 1917, № 40.

3. **Кузьмина, С. М.** История и уроки кодификации русской орфографии в XX веке / С. М. Кузьмина // Русский язык в научном освещении. – 2003. – № 2(6). – С. 173–191.

4. **Мозговой, В. И.** Роль и специфика графики в русском ономастике / В. И. Мозговой // Донецкие чтения 2018 : образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы III Межд. научн. конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 4 : Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело/ под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 45–48.

5. **Мозговой, В. И.** Проблема нормы в ономастике / В. И. Мозговой / Ономастика Поволжья : материалы XVIII Международной научном конференции. Кострома (9–10 сентября 2020 г. В 2 т. Т. 1 / науч. ред. Н. С. Ганцовская, В. И. Супрун; сост. и отв. ред. Г. Д. Неганова; Костромской гос. ун-т. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – С. 103–110.

6. **Мозговой, В. И.** Экзографонимы в русском ономастике / В. И. Мозговой / Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы V Международной научном конференции (Донецк, 17–18 ноября 2020 г.). – Том 4 : Филологические науки. Культура и искусство/ под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 44–47.

7. Проект реформы правописания / Русский язык в советской школе. 1930, № 1; Проект реформы правописания / Под ред. К. Бархина, Г. Костенко и П. Устинова. М. ; Л. : Госиздат, 1930. – 64 с.

Новикова Татьяна Федоровна

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Россия
e-mail: tnovikova@bsu.edu.ru

УДК 811. 161. 1

ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА С ПРОЕКЦИЕЙ НА ПОСТИЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДА

В статье рассматривается проблема изучения русского языка с проекцией на постижение народной культуры, называются и кратко характеризуются основные пути реализации идеи преподавания языка в культурологическом аспекте. В связи с поднятой проблемой рассматриваются актуальные понятия разной степени научной освоенности: диалог культур, лингворегионоведение, культурный компонент слова, слово-тема, слово-ключ.

Ключевые слова: русский язык, национальная культура, диалог культур, лингворегионоведение, культурный компонент слова, слово-тема, слово-ключ.

Современными лингводидактами всегда осознавалась и подчеркивалась перспективность описания культуры через факты ее отражения в национальном языке и интерпретации самих языковых фактов через культурный компонент – т. наз. "вертикальный контекст". Формирование профессионально значимых компетенций (в нашем случае – педагогических компетенций) в процессе изучения языку должно гармонично соединяться с формированием духовного, национального компонента языковой личности будущего словесника и будущего воспитателя: он должен передать "эстафету культуры" своим ученикам и должен знать, как это осуществить. В методике русского языка продолжается освоение новых приемов работы со словом и текстом, определение возможностей использования традиционных и инновационных методов в условиях культуросообразного обучения.

В настоящее время обозначилось несколько путей реализации культурологической идеи и культуроведческих аспектов в преподавании родного языка: а) в контексте национальной культуры (за счет языковых единиц с национально-культурным компонентом); б) в формате "диалога культур"; в) за счет организации лингвокраеведческой и регионоведческой деятельности [3].

Изучение русского языка с проекцией на постижение фактов и реалий народной культуры опирается на лингвокультурные и лингвострановедческие теории языка. Н. Ф. Алефиренко, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. А. Маслова, С. В. Ракитина и др. лингвисты, определяя языковые средства, которые актуализируют культурную информацию, рассматривают

слово как носитель культурно-исторической информации, что позволяет выделить в его структуре *культурный компонент* [См. 2]. Исследователями предлагаются различные термины для обозначения национально-культурной информации в составе лексического значения: национально-культурный компонент, культурно-исторический компонент, фоновый компонент и др. В школьной образовательной практике (в т. ч. в образовательном Стандарте) основные компоненты содержания курса русского языка в культуроведческом аспекте представлены как "единицы языка с национально-культурным компонентом значения" (НКК), однако ни одно из названных понятий пока не нашло применения в практике преподавания русского как родного.

Эффективным методическим приемом, позволяющим создавать историко-культурный фон на занятии, выходить на смысловой и ценностный уровни содержания языкового материала, реализовать культуроведческий аспект в изучении русского языка на любом этапе, является широко понимаемая работа со словом, которая все чаще принимает форму концептуального анализа самого слова-концепта (репрезентанта концепта), словоформы, устойчивого выражения, микротекста. Однако концептуальный анализ слова/текста – прием работы, также используемый только при углубленном изучении языка в школе и в т. ч. в высшей школе.

В лингвокультурных исследованиях отмечается связь базовых концептов той или иной культуры с ее *ключевыми словами* (*словами-ключами*). Историческая устойчивость наделяет подобные слова особым статусом (например, *интеллигенция, собор/соборность, колхоз* и др.). При выявлении наиболее важных концептов культуры такие слова рассматриваются в одном ряду с более сложными – и в структурном, и в семантическом плане – культуроносными явлениями. Примером является работа украинского филолога Г. В. Онкович "Слово-тема як конденсат культурологічних знань и підходи до його актуалізації" [5], в которой автор, приведя многочисленные контексты одного из ключевых слов украинской культуры *хата* ("слова-темы", по терминологии автора), рассматривает слово именно как культуроносное явление и ключевой концепт культуры. *Слово-тема*, по определению автора, – "понятие, которое отличается от просто слова тем, что, являясь результатом компрессии определенных знаний, требует приемов развертывания этих знаний в методическом поле, в первую очередь культурологического, профессионально-ценностного плана <...>. Границы культурной памяти студентов значительно расширяются, когда слово – языковой знак (например, *трізуб, хата, щедрівка*) выступает не просто знаком-символом, а знаком-темою, конденсатом культурологических сведений о национальной культуре, духовности и ментальности народа..." [5, с. 49. – Перевод наш. – Н. Т.].

Белгородскими методистами Т. В. Яковлевой и В. В. Дёмичевой в была предпринята попытка конкретизировать классификации этнокультуроведческой лексики (в обучающих целях) по тематическим группам:

1. Названия архитектурных сооружений и их частей (*кремль, терем, хоромы, палата, светлица, изба*).
2. Наименования крестьянской утвари (*печь, сундук, икона*).
3. Названия транспортных средств и средств передвижения (*тройка, сани, упряжка*).
4. Наименования продуктов питания и традиционных русских блюд (*сбитень, расстегай, щи, вареники, блины*).
5. Названия сословий и чинов (*боярин, стрелец, казак, князь, стольник*).
6. Названия музыкальных инструментов (*гусли, балалайка*).
7. Названия музыкальных форм, исполнителей и танцев (*частушка, запевала, хоровод, песенник*).
8. Жанры устного народного творчества (*загадка, сказка, пословица, поговорка*).
9. Фольклорные слова (*витязь, травушка-муравушка, красна девица*).
10. Формы речевого этикета (*батя, матушка, Бог в помощь, хлеб-соль*).
11. Праздники и связанные с ними обычаи и обряды (*Рождество, Крещение, Масленица, Прощеное воскресенье*).
12. Параметрическая лексика (*вершок, пядь, сажень, аршин, верста, фунт, пуд, золотник*).
13. Названия символов (*береза, Красная площадь*) [6, с. 2-3].

Слова этнокультуроведческой тематики в большинстве своем являются словами с культурным компонентом - НКК. Этнокультуроведческую лексику, слова с НКК следует видеть, "опознавать" в дидактических учебных текстах, заранее продумывать приемы семантизации, способы воссоздания культурного фона и выявления культурного компонента того или иного слова. Приведем пример подобного текста, избоблюющего словами с НКК.

Древние профессии

*Хлеб в лесу да на болотах родился неважный. Поэтому селяне уходили из своих деревень на **отхожие промыслы**. Вскоре появились **богомазы, лапотники, овчинники, шерстобиты, валялы, вышивальщицы**. Популярны были профессии **угольщика, смолокура, столяра, гончара, кузнеца** и др.*

*Каждое ремесло имеет свой запах. **Шорники** пахнут **сыромятиной, угольщики** – березовым дымком, **бондари** – дубовой стружкой, про **смолокуров** и **дегтярников** и говорить нечего.* (По В. Солоухину).

Проблемные задания, направленные на выявление внутренней формы слов, обозначающих утраченные и утрачиваемые (*столяр, кузнец*) профессии, попутно, естественным путем (что лучше всего мотивирует на исследование) приведут учеников к историческим и культурно-бытовым реалиям старой России.

Произведения местных авторов обладают осязаемым потенциалом в изучении родного языка с проекцией на постижение народной культуры. В нашем с Е. А. Корнейко пособии для учащихся и учителей "Сборник заданий и упражнений по русскому языку на региональном материале" [1] ко всем основным языковым разделам и темам 5 класса подобраны публицистические и художественные тексты белгородских авторов; параллельно эти тексты позволяют организовать работу на уроке в культуроведческом аспекте. Возьмем для примера отрывок из стихотворения И. Чернухина:

...Как к лицу тебе этот старинный наряд:

И "сорока", и в блёстках жемчужных понёва (И. Чернухин) [1, с. 21].

Сорока - оригинальный головной убор, распространенный на юге России, *понёва* – разновидность юбки из двух несшитых полотнищ, также характерный для юга вид одежды. Разумеется, эти этнографизмы могут и должны быть проиллюстрированы рисунком, фотографией, видеозаписью фольклорного ансамбля, однако "погружение" в культуру в данном случае начинается со стихотворной строки, с языкового материала.

В региональном контексте нужно анализировать речевую деятельность жителей области. Здесь значимы элементы сравнительного языкознания, важные для работы словесника в формате "диалога культур". Нашими программами и пособиями [1; 3] предполагается не только изучение местных говоров в синхронном и диахроническом аспектах, но установление языковых особенностей Белгородчины, возникших на основе контаминации разных диалектов. Спецификой местных говоров являются заимствования из украинского языка, распространение "суржика" – устной разговорной смеси русского и украинского языков. Во многих районах Белгородской области это явление широко распространено до сих пор. Даже в речи молодого поколения распространены диалектизмы-украинизмы (*буряк, пляшка, рушник, цибуля, хата, шлях*), употребление слова *человек* в значении "муж", междометные выражения: *хай* в значении "пусть" и его аналог *нехай* и др. Сравнение синонимов *полотенце – рушник – утирка* даст учителю возможность расширить знания своих учеников не только о словообразовательных моделях существительных, но о функционировании в речевой практике слов, называющих данные реалии.

Опора на региональные культурные особенности помогает реализовать идею познания многофункциональности языка одновременно в контексте "диалога культур" и "регионально-культурном" измерении. В частности, знание диалектных и просторечных включений в местную речь необходимо для предупреждения речевых, грамматических, акцентологиче-

ских и др. ошибок в устной и письменной речи. Краеведческий подход к изучению грамматики и орфографии позволяет соединить теорию русского литературного языка с повседневной практикой анализа речи современников для формирования у студентов и учащихся умения оценивать факты речи с целью повышения собственной речевой культуры. На фоне "встречи культур" и сравнения языковых явлений более глубоко осознается уникальность национального языка и народной культуры, что в конечном итоге способствует формированию сознательного отношению к родному языку, интереса к культурной информации, сохраняемой словом.

Богатейший потенциал культурно-региональной составляющей предмета "Русский язык" может быть и должен быть органично включен в процесс развития языковой личности и формирования ценностных ориентиров. В этом ракурсе приобщение к культуре своего народа через организацию исследования местных языковых фактов наиболее эффективно во внеурочной проектной и творческой деятельности. Традиционные формы работы (кружки, вечера, викторины) поддерживаются возможностями инновационных технологий. Назовем некоторые из современных форм работы с регионоведческой информацией, апробированные нами в практике преподавания дисциплины по выбору "Лингворегионоведение" [3]. Создан фонд презентационных версий (в PowerPoint) исследовательских работ по диалектологии и диалектной лексикографии, топонимике и антропонимике, социолингвистике, историческому и филологическим аспектам литературоведения. Темы проектов разнообразны и культурно значимы: "Белгородский алфавит", "Поэзия улиц Белгорода", "Белгородская понева", "Диалектизмы и регионализмы (указание населенного пункта)", "Старооскольские разносолы", "Названия белгородских монастырей и храмов" и др. ; также подготовлена серия литературных портретов белгородских авторов и исследовательских опытов по их творчеству, например, "Языковые средства создания образа малой родины в творчестве (указание автора)" и др. " [4].

Таким образом, обновление преподавания языка в культурологическом аспекте должно идти в таких направлениях, как расширение репертуара единиц культурного знания (концепты, слова с НКК, слова-темы, слова-ключи), в формировании восприятия образа своего народа, представленного в родном языке, однако эту задачу не удастся решить, если полагаться только на энтузиазм преподавателей и на отдельные яркие разработки: важнее системное представление работы по языку в культурологическом аспекте.

Список использованных источников

1. Корнейко, Е. Сборник заданий и упражнений по русскому языку на региональном материале (5 класс): пособие для учащихся и учителей/ Е. Корнейко, Т. Новикова. – Белгород: Политерра, 2016. – 75 с., с илл. – ISBN 978-5-91295-050-6. – Текст: непосредственный.

2. Культурные концепты в языке и в тексте: сборник научн. трудов; науч. ред. д. фил. наук, проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 164 с. – ISBN 5-9571 - 0155-9. – Текст: непосредственный.

3. **Новикова, Т. Ф.** Лингворегионоведение в школе: учебное пособие/ Т. Ф. Новикова. – Белгород – Харьков: Изд. Федорко, 2018. – 148 с. – ISBN 978-617 - 7298-97-6. – Текст: непосредственный.

4. **Новикова, Т. Ф.** Новые формы сосредоточения и сохранения регионоведческой информации филологического содержания//Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: сборник материалов II Международной научно-практ. конф. ; отв. ред. Т. Ф. Новикова/ Т. Ф. Новикова. – Белгород: ООО "Эпицентр", 2017. – С. 42- 46. – ISBN 978-5 - 9909818-8-1. – Текст: непосредственный.

5. **Онкович, Г. В.** Слово-тема як конденсат культурологічних знань и підходи до його актуалізації/ Г. В. Онкович // Українознавство и лінгводидактика (на українском языке). - Київ, 1998. - 124 с. - Текст: непосредственный

6. **Яковлева, Т. В.** Этнокультуроведческое образование учащихся начальных классов средствами русского языка: учебно-метод. пособие /Т. В. Яковлева, В. В. Дёмичева. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 326 с. - Текст: непосредственный.

**Дубицкая Елена Валентиновна,
Голованова Вероника Владимировна**

*Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: elen-dubickay@yandex.ru*

УДК 372. 882, 37. 041

ПОДГОТОВКА К ЕДИНОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЭКЗАМЕНУ ПО ЛИТЕРАТУРЕ В БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлен анализ результатов единого государственного экзамена по литературе в Брянской области, особенности подготовки к нему, проанализированы возможности подготовки к ЕГЭ по литературе в онлайн-школах.

Ключевые слова: единый государственный экзамен, онлайн-школа.

В настоящее время система российского образования направлена на то, чтобы обеспечивать высокое качество образования. И государственная итоговая аттестация является ярким свидетельством этому. Государственная итоговая аттестация проводится в виде основного государственного экзамена в 9 классе и единого государственного экзамена при завершении обучения в 11 классе.

Единый государственный экзамен (далее – ЕГЭ) проводится в России с 2001 года. Сначала это был эксперимент, коснувшийся нескольких регионов страны. С 2009 года эта форма итоговой государственной аттестации стала единственной при завершении обучения в школе. В перечень дисциплин, по которым можно сдавать ЕГЭ, входит литература.

Анализ статистических данных в целом по России за последние 3 года (2019 – 2021 гг.) показывает, что ЕГЭ по литературе сдают в среднем от 46000 до 50000 учащихся. В 2021 году количество участников составило 48000, и это на 1245 человек больше, чем в 2020 году. 1355 выпускников сдали ЕГЭ по литературе на 100 баллов. 3, 29% от общего количества сдававших литературу не преодолели минимальный порог в 32 балла (и этот процент по сравнению с предыдущими годами уменьшился). Средний балл ЕГЭ по литературе в 2021 году равен 66 баллам. По сравнению с предыдущими годами средний балл вырос (2020 г. – 65 баллов, 2019 г. – 63, 4 балла). Если взять средние показатели ЕГЭ по другим предметам в 2021 году, литература заняла почетное третье место после английского языка (72, 2 балла) и русского языка (71, 4 балла). Уже можно сделать вывод, что выбирающие для сдачи ЕГЭ литературу учащиеся ответственно и сознательно подходят к подготовке по этому предмету.

В Брянской области в 2021 году литературу как дополнительный выпускной экзамен выбрали 292 человека; средний балл составил – 68, 7 бал-

ла (что выше среднего балла по стране); 4 участника (1, 4% от числа сдававших) не превысили минимальный порог; 3 участника набрали 100 баллов, среди них оказалась выпускница МБОУ "Гимназия" г. Новозыбкова Брянской области.

В ходе анализа практического опыта по подготовке к ЕГЭ по литературе, мы определили три основных направления: провели опрос среди учителей г. Брянска, г. Новозыбкова, пгт Климово; опросили выпускников школ, которые сдавали ЕГЭ по литературе, об особенностях их подготовки; рассмотрели обучающие онлайн-платформы, на которых могли получить информацию о ходе подготовки к ЕГЭ по литературе.

1. Опрос учителей.

Как показал наш опрос, учителя русского языка и литературы практически не занимаются подготовкой учащихся к ЕГЭ по литературе. Основной причиной, объясняющей этот момент, является то, что литературу сдают единицы из числа учащихся. Время на подготовку к ЕГЭ в рамках обычных уроков не предусмотрено программой, поэтому на уроках разбор заданий КИМ ЕГЭ по литературе не осуществляется. Было опрошено 24 учителя: 8 учителей г. Брянска, 10 учителей школ г. Новозыбкова, 6 учителей школ пгт Климово.

Работа, которая ведется учителями с учащимися, сдающими ЕГЭ по литературе, сводится к подготовке к написанию сочинения. Это объясняется тем, что такое задание присутствует и в ЕГЭ по русскому языку. Требования к структуре одинаковые, поэтому учителя, когда дают задание написать сочинение по итогам изучения произведения или творчества какого-либо писателя в рамках школьной программы, таких учеников ориентируют писать именно сочинение-рассуждение, чтобы оттачивать это умение.

Некоторые учителя, которые все-таки занимаются подготовкой учеников к сдаче ЕГЭ по литературе, отвечали, что никакой специальной программы по подготовке нет. Главное – знания, полученные во время уроков (теоретический материал, анализ произведений, чтение наизусть) и, конечно, работа с КИМаи ЕГЭ (решать, как можно больше, подбирать материал по определённым темам, учиться писать сочинения, необходимые для сдачи экзамена).

2. Анкетирование и опрос выпускников, сдававших ЕГЭ по литературе.

В опросе и анкетировании приняли участие 29 студентов филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского" в г. Новозыбкове, сдававшие ЕГЭ по литературе по окончании школы. Им была предложена анкета, включавшая 5 вопросов.

1 вопрос. Что повлияло на ваш выбор сдавать ЕГЭ по литературе?

Влияние факторов на выбор учащимися ЕГЭ по литературе (кол-во респондентов)

Рисунок 1. – Факторы влияния на выбор учащимися ЕГЭ по литературе

Рисунок 1 отражает данные о количестве человек, выбравших тот или иной ответ на вопрос о том, какие факторы повлияли на их выбор сдавать ЕГЭ по литературе. Ответ "любовь к литературе" выбрали 8 человек, "желание поступать на гуманитарный профиль (журналистика; русский язык, литература и т. п.)" – 20 человек; "повлиял учитель" – 3 человека. Что касается ответа "свой вариант", который выбрало 3 человека из опрошенных, нужно было кратко сформулировать причину выбора, и среди этих причин указаны: интерес к литературе – 1 человек; требовался при поступлении в художественный вуз – 1 человек; желание понять людей – 1 человек.

2 вопрос. Как осуществлялась подготовка к ЕГЭ по литературе?

Источники и средства подготовки учащихся к ЕГЭ по литературе (кол-во респондентов)

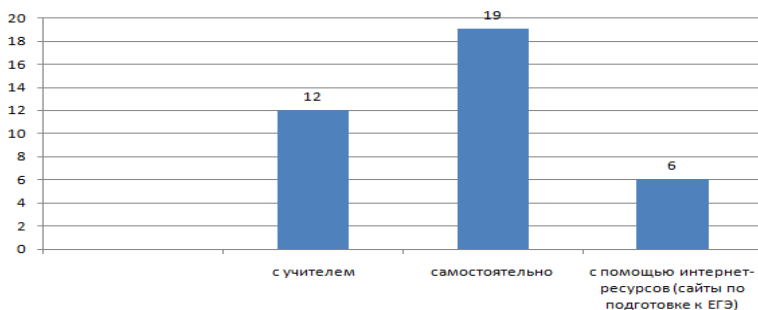

Рисунок 2. – Источники и средства подготовки учащихся к ЕГЭ по литературе

Как мы видим из представленной диаграммы, ответ "с учителем" выбрали 12 человек (41%); большее количество набрал ответ "самостоятельно" – 19 человек (66%). При выборе третьего варианта ответа "с помощью интернет-ресурсов", необходимо было указать, какие именно сайты использовались в процессе подготовки к ЕГЭ по литературе. И здесь мы выявили следующие ответы: Решу ЕГЭ (образовательный портал для подготовки к ЕГЭ) – 4; ФИПИ – 1; УМСКУЛ (онлайн-школа подготовки к экзаменам) – 2; Незнайка (сайт подготовки к экзаменам) – 1.

3 вопрос. Трудно ли было готовиться к ЕГЭ по литературе?

Субъективная оценка учащимися трудности подготовки к ЕГЭ по литературе (кол-во респондентов)

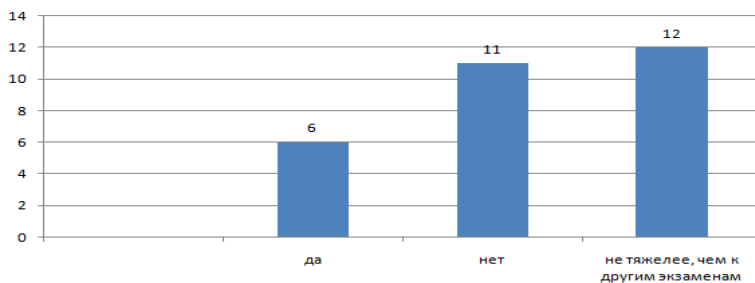

Рисунок 3. – Субъективная оценка учащимися трудности подготовки к ЕГЭ по литературе

6 человек ответили "да", что составило 21% от общего количества опрошенных; 11 человек (38%) – "нет"; 12 человек (41%) выбрали третий вариант ответа "не тяжелее, чем к другим экзаменам (русскому языку, математике)". Т. е. в целом можем констатировать тот факт, что выбирать литературу для сдачи ЕГЭ не стоит бояться. Трудность этого экзамена не больше, чем по другим предметам. Главное, готовиться.

4 вопрос. Какие задания вызывали наибольшую трудность? Этот вопрос предполагал свободную формулировку ответа. И мы получили следующие результаты: самую большую трудность вызывало задание 17. 1-17. 3 (сочинение на литературную тему) – 20 человек (69%); задания по анализу стихотворения оказалось сложным для 5 человек из опрошенных (17%); 16 задание с развернутым ответом по поэзии отметили 4 человека (14%). Встретились единичные ответы: задание на сопоставление персонажей и цитат – 1 человек (3%), не помню – 1 человек (3%).

Вопрос 5. Помните ли вы, на сколько баллов сдали ЕГЭ по литературе? Укажите количество баллов.

Ответ "не помню" указали 7 человек (24%) из общего числа опрошенных. Остальные помнили свои результаты ЕГЭ по литературе. Надо отме-

тить, что баллы в целом оказались достаточно неплохие. Минимальный балл – 40, максимальный – 79. В целом, если вывести средний показатель уровня баллов ЕГЭ по литературе среди поступивших в филиал БГУ в г. Новозыбкове, он составил 62 балла. Среди зачисленных студентов на первый курс в 2021 году средний балл составил 65, 6 (напомним, что в целом в 2021 году по России средний балл равен 66, а в Брянской области – 68, 7).

2. Онлайн-школы.

В анкетах сдававших ЕГЭ по литературе были отмечены Интернет-платформы, которые оказали им существенную помощь в подготовке. Мы решили проанализировать некоторые онлайн-школы по подготовке к ЕГЭ.

Lomonosov School представляет собой онлайн-платформу по подготовке к ЕГЭ, ОГЭ (основной государственный экзамен), ДВИ (дополнительные вступительные испытания) и олимпиадам по разным предметам.

Для обучения на этой платформе предлагается два тарифных плана:

1. Тариф "Ультима" предусматривает 2-3 пробных экзамена в месяц с индивидуальной проверкой и домашние задания после каждого практического занятия, т. е. 2-3 раза в неделю.

2. Тариф "Лайт" не предусматривает обратную связь, т. е. идет теоретическая подготовка, учащийся выполняет домашние задания для себя, анализом его работ и ошибок на платформе не занимаются.

Занятия проводятся в формате online-трансляций. На экране обучающиеся видят преподавателя, демонстрируются учебные материалы. Через чат организована обратная связь: можно задавать вопросы и сразу получать ответы. Таким образом рассматриваются все темы по программе экзамена, изучается теория, и полученные знания закрепляются путем выполнения домашних заданий. В ходе обучения обучающиеся пишут пробные экзамены, сдают зачёты. После выполнения таких работ обязательно осуществляется детальный разбор ошибок.

Тематика занятий:

1. Как правильно готовиться к ЕГЭ по книге.
2. Критерии к заданиям ЕГЭ по описанию и что они значат.
3. Разбор терминов для ЕГЭ по книге (часть 1).
4. Работа с эпическим текстом. "Капитанская дочка" Пушкина.
5. Работа с лиро-эпическим текстом. "Медный всадник" Пушкина.
6. Работа с драматическим текстом. "Горе от ума" Грибоедова и др.

Мы посетили online несколько занятий по подготовке к ЕГЭ по литературе. Рассмотрим занятие по теме "Работа с эпическим текстом. "Капитанская дочка" А. С. Пушкина".

В начале работы по теме преподаватель обратился к встречающимся в первой части КИМ ЕГЭ по литературе понятиям рода литературы, эпос, драма, лироэпос, что собой представляют внешне и сюжетно эти рода литературы, какие жанры к ним относятся.

Далее идет работа по варианту КИМ ЕГЭ, содержащего отрывок из романа "Капитанская дочка", и разбор заданий. Особый акцент сделан на разбор 5 задания, где в КИМ ЕГЭ 2022 года предполагается выбор экзаменуемым для развернутого ответа одного из двух предложенных вопросов. При выполнении этого задания обязательно нужно использовать текст, исходя из критериев: 1) соответствие ответа заданию, 2) привлечение текста; 3) логика и речь.

Работу над текстом произведения преподаватель рекомендует выполнять в форме таблицы (концепт – цитата), например, персонаж Петра Гринева в повести:

Концепт	Цитата
недоросль	Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменилась.
отцы и дети	Матушка была еще мною брюхата, как я был записан в Семеновский полк сержантом.
материнская любовь	Мысль о скорой разлуке со мной так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слёзы потекли по ее лицу.

В качестве домашнего задания было дано задание: заполнить подобную таблицу "концепт – цитата", но только по отдельной главе романа, а именно "Поединок".

Примечательно, что в ходе занятия преподаватель дал существенную подсказку для учащихся, связанную с тем, что одно из заданий в КИМ звучит: "Как называется глава, события которой описываются в приведенном фрагменте?". Не многие произведения имеют названия глав. Поэтому на это важно обратить внимание в ходе подготовки к ЕГЭ и отмечать такую информацию. Чаще всего такое встречается в произведениях, на названиях глав в которых строится развитие сюжета, например, роман "Герой нашего времени" М. Ю. Лермонтова. А в романе И. А. Гончарова "Обломов" вообще только одна глава носит название, и это 9 глава 1 части "Сон Обломова".

Еще одной крупной онлайн-платформой, осуществляющей подготовку к ЕГЭ, выступает Фоксфорд.

"Фоксфорд" – это онлайн-школа, которая предназначена как для учащихся с 1 по 11 классы, так и для учителей и родителей. Онлайн-курсы и индивидуальные занятия с репетитором готовят школьников к ЕГЭ, ОГЭ, олимпиадам, помогают разобраться со школьными предметами.

Мы также воспользовались возможностью посещения бесплатного занятия. Однако стоит отметить, что эта платформа ориентирована только на платный курс.

Темы, которые предложены для изучения на этом курсе:

1. Как сберечь нервы и подготовиться к ЕГЭ за 4 месяца.
2. Структура ЕГЭ по литературе. Критерии оценивания заданий.
3. Лирика как род литературы: принципы анализа. "Памятники" в русской литературе.
4. Драма как род литературы: принципы анализа. Творчество Д. И. Фонвизина. Комедия "Недоросль".

5. Лирозпос как род литературы: принципы анализа. В. А. Жуковский. "Светлана". Образ моря в европейской и русской лирике и др. темы.

Бесплатное вводное занятие "Структура ЕГЭ. Критерии оценивания заданий. Кодификатор". Сделать выводы об особенностях работы по конкретным темам, нам не удалось только по той причине, что бесплатное пробное занятие было посвящено общим моментам, что будет предполагать собой обучение на курсе. Ни одного занятия к просмотру с проработкой конкретной темы по анализу произведения или решения заданий КИМ ЕГЭ не доступно.

Но интересен момент с домашним заданием, выполнение которого предполагается в интерактивной форме на сайте. Приведем примеры упражнений.

Задача 1. Подготовка к ЕГЭ. Литературная эпоха.

Изучив кодификатор, выполните задания.

Соотнесите название произведения и литературную эпоху, которую оно представляет.

древнерусская литература	
литература XVIII в.	
литература первой половины XIX в.	
литература второй половины XIX в.	
литература первой половины XX в.	
литература второй половины XX в.	

Перетащите элементы на пустые поля сверху.

Варианты ответов:

"лишняя" строка	"Кому на Руси жить хорошо" Н. А. Некрасова
"Слово о полку Игореве..."	"Реквием" А. А. Ахматовой
"Капитанская дочка" А. С. Пушкина	"Недоросль" Д. И. Фонвизина

Как мы видим, задание первой задачи на сопоставление.

Задача 2. Подготовка к ЕГЭ. Терминология.

Назовите литературоведческий термин, которому соответствует приведённое ниже определение.

Записывайте слова в именительном падеже, единственном числе.

Построение художественного произведения: расположение и взаимосвязь его частей, образов, эпизодов в соответствии с содержанием, жанровой формой и замыслом автора.

--

Острое столкновение характеров и обстоятельств, взглядов и жизненных принципов, положенное в основу действия художественного произведения.

Главная мысль, лежащая в основе художественного произведения.

Если обучающийся допускает ошибку, появляется теоретическая справка с верными ответами.

Решение задачи:

КОМПОЗИЦИЯ – построение литературного произведения, его структура. В лирических произведениях композиция строится на основе последовательности строк и стихов, принципов рифмовки, повторов, контрастов; в драматических – последовательности сцен и актов, реплик, монологов и авторских пояснений (ремарок), в эпических – сюжета, фабулы и внесюжетных элементов. <...>

КОНФЛИКТ – противоречие, система противоречий, которые лежат в основе литературного произведения. <...>

ИДЕЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ – главная мысль произведения, то, что хотел сказать автор своим произведением, как относится к поставленной проблеме и какие видит пути её решения. <...>

ПЕЙЗАЖ – словесное изображение окружающей среды – природы, деревни, города – в литературном произведении. <...>

ПОРТРЕТ (от фр. portrait – портрет, изображение) – одно из средств создания образа: изображение внешности героя литературного произведения как способ его характеристики. <...>

Этот момент, безусловно, является положительным. Так как если даже ученик допустил ошибку, то он может восполнить пробел в значениях терминов, не обращаясь к какому-то другому дополнительному источнику. Причем информация дана даже более развернутая, нежели просто определение термина.

Задания второй задачи предполагали самостоятельное вписывание учащимся ответов, т. е. это задания на дополнение.

Задача 3. Подготовка к ЕГЭ. Неверные утверждения.

Выберите **НЕ**верные утверждения (фактические ошибки).

- "Слово о полку Игореве..." описывает события XII века.
- В трагедии "Недоросль" Д. И. Фонвизин обличает пороки дворянства.
- В комедии А. С. Грибоедова "Горе от ума" "фамусовское общество" представляют такие персонажи, как Фамусов, Мочалкин, Скалозубов, Загорецкий.
- Тема любви в лирике А. С. Пушкина раскрывается в таких стихотворениях, как "К***" ("Я помню чудное мгновенье..."), "На холмах Грузии лежит ночная мгла...", "Я вас любил: любовь еще, быть может...".
- Роман М. Ю. Лермонтова "Герой нашего времени" состоит из нескольких частей, хронологический порядок которых нарушен.

□ В основе сюжета поэмы Н. В. Гоголя "Мёртвые души" лежит рассказ о похождениях Чичикова, который приезжает в Петербург, чтобы купить у местных дворян весьма странный товар – мёртвые души.

По итогу выполнения третьей задачи также появилась справка с правильными ответами и комментариями.

Задания задачи 3 были на выявление неверных утверждений, обнаружение фактических ошибок, а это уже проверка ученика на внимательное прочтение произведений.

Таким образом, проведя анализ опыта подготовки к ЕГЭ по литературе, можно определить три основных направления, по которым может осуществляться эта подготовка:

- 1) самостоятельная подготовка учащихся;
 - 2) подготовка с учителем;
 - 3) подготовка на онлайн-платформах, в онлайн-школах.
- При этом подготовка должна быть регулярной.

Список использованных источников

1. Lomonosov school : [сайт]. – URL: [https://lomonosov. school/?](https://lomonosov.school/) (дата обращения: 20. 03. 2022). – Текст: электронный.
2. Фоксфорд : [сайт]. – URL: <https://foxford.ru/> (дата обращения: 23. 03. 2022). – Текст: электронный. .

УДК81'373. 7:37. 015. 31-053. 6

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ

Данная статья рассматривает роль фразеологии в духовно-нравственном и интеллектуальном развитии молодежи. Предложены методические приемы, создающие условия для роста лингвокультурной компетенции и повышающие результативность обучения.

Ключевые слова: фразеология, духовно-нравственное развитие, интеллектуальное развитие, русский язык.

В Республике Беларусь на 01 января 2021 года каждый пятый житель являлся представителем молодежи [4], которая в настоящее время рассматривается как активный субъект преобразования общества, драйвер развития страны, ценнейший ресурс экономического роста и обеспечения благосостояния поколений [5]. Всё это предъявляет к молодежи целый ряд определенных требований: мало быть молодым, надо быть самостоятельной, зрелой личностью, позитивно и перспективно мыслящей, умеющей принимать решения и отвечать за них. Формирование такой личности возможно в результате духовно-нравственного воспитания, направленного на усвоение исторического опыта народа, сохранение его внутреннего мира и менталитета.

Инструментом развития духовных сил человека и образования мировоззрений в первую очередь выступает язык [1], неотъемлемой частью которого является фразеология. Будучи "хранилищем" национальной культуры, фразеология транслирует морально-нравственные ценности народа, исторически сложившиеся нормы поведения. Фразеологические единицы "обладают памятью" – внутренней формой, в которой отражены те или иные моменты, ситуации, фрагменты действительности [7], и очень важно раскрыть, расшифровать эту картинку, передать следующим поколениям, что обуславливает актуальность изучения фразеологии как на школьном, так и на довузовском и вузовском этапах образования.

Яркие, образные, меткие выражения делают речь эмоциональной, выразительной, передают личное отношение говорящего к теме беседы. Однако, к сожалению, в последнее время наблюдается недостаточное знание молодыми людьми фразеологических оборотов, составляющих "золотой запас" русского языка, и повышенное употребление новых сленговых вы-

ражений, порой просто засоряющих речь. С одной стороны, это объясняется сниженным интересом к чтению, особенно классики, и значительно большим увлечением виртуальным миром. С другой, на знакомство непосредственно с фразеологией в школьной программе, согласно календарно-тематическому планированию, фактически отведен один час в пятом классе. Как следствие, иногда учащиеся не могут объяснить даже такие широко употребительные единицы, как *кот наплакал капля в море*, не говоря уже о более редких *притча во языцех*, *петь дифирамбы*, *курить фимиам*, *куда Макар телят не гонял*, *между Сциллой и Харибдой* и др. Сложным оказывается и задание по подбору фразеологических синонимов или антонимов к таким оборотам, как *повесить голову*, *верста коломенская*, *третий калач*, *дары данайцев* и др. Конечно же, разговор о фразеологизмах идет и в рамках других тем, и при изучении других предметов (литература, история), но этого явно недостаточно. А значит, требуется постоянная работа, основанная на принципе многократного повторения, по изучению такой уникальной части лексической системы русского языка, как фразеология.

Один из ключевых вопросов в педагогике – улучшение качества образования, для чего требуется повышение уровня интеллектуальной подготовки. И в этом процессе ценность фразеологизмов исключительна, так как, отражая национальную картину мира, сохраняя устаревшие слова, архаичные формы, они позволяют познакомить учащихся с культурно-национальными реалиями (*тянуть канитель*, *бить баклуши*, *точить лясы*, *засучив рукава*), напомнить исторические события (*троянский конь*, *Мамаево побоище*, *перейти Рубикон*, *Варфоломеевская ночь*) и литературные произведения (*мартышкин труд*, *медвежья услуга*, *остаться у разбитого корыта*, *на деревню дедушке*), обратить внимание на современные явления (*утечка умов*, *поехала крыша*, *сесть на иглу*).

Фразеологические обороты учитель-словесник может использовать при изучении разных тем. Так, на занятиях по теме "Числительное" предлагаем записать фразеологизмы, вставив пропущенные слова: *за ... печатями*, *... вода на киселе*, *заблудиться в ... соснах*, *без ... минут*, *играть ... скрипку* и др. Аналогичное задание эффективно и при анализе имени прилагательного: *с ... нос*, *... душа*, *... калач*, *нет ... гроша*. Целесообразно использовать единицы с колоративным компонентом, так как цвет, будучи значимым компонентом культуры, тесно связан с различными традициями той среды, в которой развивался человек [3]: *... ворона*, *... кошка пробежала*, *шито ... нитками*, *держат в ... теле*, *... чулок* и др. Такая работа позволяет вспомнить символическое значение цвета в русском языке, охарактеризовать, систематизировать предметы, социальные установки и нравственно-эстетические понятия [2], сформировать устойчивые ассоциации, помогающие расшифровать смысл других схожих выражений.

В составе многих устойчивых выражений есть культурологически значимые компоненты, которые надо научиться понимать, чтобы сохра-

нить духовное наследие предшествующих поколений и передать потомкам. Таким элементом, к примеру, является хлеб: *хлеб насущный, водить хлеб-соль, сидеть на хлебе и воде, есть чужой хлеб, на вольных хлебах, на своих хлебах, перебиваться с хлеба на квас, не хлебом единым и др.* С раннего возраста детям прививается особое, уважительное отношение к хлебу как основному продукту, дающему жизненную энергию и силу, символу достатка, изобилия и благополучия. Поэтому неудивительно число фразеологизмов с данным компонентом: в разных словарях суммарно зафиксировано не менее 64 единиц [6]. Учитывая такую частотность, на занятии можно предложить учащимся игровые задания "Аукцион" или "Кто больше?". В первом случае участники по очереди должны назвать ФЕ с заданным компонентом, выигрывает тот, кто последним назовет требуемую единицу. Во втором случае цель каждого – вспомнить как можно больше нужных фразеологизмов.

Большинство фразеологизмов антропоцентричны, поэтому значительно пополнить фразеологический запас учащихся можно при составлении портрета человека, используя характеризующие его образные единицы (внешность (*от горшка два вершка – верста коломенская*), качества (*язык без костей – держит язык за зубами; семи пядей во лбу – бестолковая голова, не покладая рук – спустя рукава*), материальное состояние (*зол как сокол – денежный мешок*), действия (*задавать тон – делать из мухи слона*) и т. д.). В качестве примера приведем следующий текст, составленный учащимися: *Мой загадочный друг Миша – семи пядей во лбу, поэтому ему легко учиться, не надо от зари до зари сидеть, выполняя домашнее задание. Он не любит работать спустя рукава и носить воду в решете. Миша умеет держать язык за зубами, и я могу поделиться с ним своими секретами. Он никогда не идет по головам, не бросает камень в чужой огород, никому не лижет пятки и не пляшет под чужую дудку. С ним легко найти общий язык, он не бросает слов на ветер и никогда не вешает нос.*

Эффективно использование "отрицательного" языкового материала при выполнении задания "Найди ошибку": нужно исправить предлагаемые обороты *яблоко преткновения, искры из глаз засверкали, бочка Пандоры, басня во языцах, влипнуть в переплет, крошечная тайна* и т. д. В случае незнания той или иной единицы желательно записать ее в индивидуальный фразеологический словарь. Знание фразеологии определяет как степень владения языком, так и сформированность лингвокультурной компетенции. Использование фразеологических оборотов, делая речь живой, интересной, развивает коммуникативные возможности, стимулирует познавательную активность, решает воспитательные задачи. Это значит, что данной теме надо систематически уделять больше внимания и, по возможности, следует пересмотреть в школьной программе количество часов, посвященных устойчивым выражениям, в сторону увеличения.

Список использованных источников

1. **Верещагин, Е. М.** Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // М. : Русский язык, 1980. – 320с. – Текст : непосредственный.
2. **Завьялова, Н. А.** Фразеологизмы с компонентом цветообозначения как реализация национального самосознания китайского и русского народов / Н. А. Завьялова // Лингвокультурология. – 2008. – № 2. – С. 99-106. – Текст : непосредственный.
3. **Сенько, Д. С.** Основы композиции и цветоведения / Д. С. Сенько. – Мн. : Беларусь, 2010. – 189 с. – Текст : непосредственный.
4. Статистический обзор белорусской молодежи [сайт]. – URL:<https://belstat.gov.by>(дата обращения: 14. 04. 2022). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный. <http://молодежь.бел/stat-obzor-bel-molodezhi/>
5. Стратегия развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года / Постановление Совета Министров Республики Беларусь 19. 06. 2021 № 349 [сайт]. – URL:<https://etalonline.by/document> (дата обращения: 14. 04. 2022). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.
6. **Устьянцева, Е. В.** Русские фразеологизмы со словом "хлеб" в лингвокультурологическом аспекте / Е. В. Устьянцева // Сибирский филологический журнал. – 2017. – №1. – С. 253-260. – Текст : непосредственный.
7. **Филоненко, Т. М.** Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества: на материале фразеологии современного русского языка: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Тамара Михайловна Филоненко ; Московский государственный педагогический университет. – Москва, 2004. – 41с. – Текст : непосредственный.

УДК 811. 161. 1 + 372. 881. 161. 1

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У УЧАЩИХСЯ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С УСТАРЕВШИМ КОМПОНЕНТОМ

Цель данной работы заключается в обосновании необходимости разработки методической системы по формированию культуроведческой компетенции у учащихся основной школы (в 6 классе) при изучении фразеологизмов с устаревшим компонентом. Автором осуществлен анализ дидактического материала по русскому языку для 6 класса, обобщен практический опыт современных ученых по формированию культуроведческой компетенции, проведен эксперимент по выявлению уровня сформированности у обучающихся 6 класса компонентов культуроведческой компетенции при изучении фразеологизмов с устаревшей лексикой. По итогам исследования сделан вывод о необходимости разработки методической системы по формированию культуроведческой компетенции в 6 классе при изучении фразеологизмов с устаревшим компонентом, представлены аргументы и перспективы. Сформулированы предложения по отбору и анализу фразеологизмов с устаревшим компонентом в 6 классе.

Ключевые слова: культуроведческая компетенция, фразеологизм, устаревшая лексика, методы обучения фразеологии.

Введение (Introduction). В школьных учебниках, дидактических материалах по русскому языку, в классических произведениях литературы, рекомендованных в образовательных целях программами, встречаются сегменты текстов, включающие фразеологизмы. Например, фразеологическую единицу *бить баклуши* можно встретить в произведениях школьной программы: рассказе "Каштанка" А. П. Чехова ("*Пора нам, Тетка, делом заняться. Довольно тебе бить баклуши. Я хочу из тебя артистку сделать... Ты хочешь быть артисткой?*") [12, с. 18]), повести "Детство" Л. Н. Толстого ("*Поздоровавшись, папа сказал, что будет нам в деревне баклуши бить, что мы перестали быть маленькими и что пора нам серьезно учиться*") [11, с. 36]) и др.

Освоение фразеологической картины мира, как части языковой картины мира, связано с формированием культуроведческой компетенции на уроках русского языка, так как "через интерпретацию значения ФЕ и при соотнесении их с характером прототипической ситуации обнаруживаются национально-культурные особенности анализируемых единиц" [6, с. 19]. Нами выдвигается исследовательская гипотеза на базе педагогических наблюдений: шестиклассники не обладают минимумом знаний о фразеоло-

гии и об устаревшей лексике. Предположение также опирается на исследование С. Е. Тереховой, которая проводила разведывательные эксперименты для выявления уровня владения минимумом знаний устаревшей лексики [7, с. 25].

Для подтверждения гипотезы были решены следующие задачи: отобрать актуальные фразеологизмы с устаревшим компонентом из школьного "Фразеологического словаря современного русского языка" Ю. А. Ларионовой; отобрать фразеологизмы с устаревшим компонентом из учебников русского языка 6 класса, дидактических материалов к учебникам русского языка 6 класса, дидактических материалов для 6 класса образовательных платформ РЭШ и МЭШ, а также из текстов классических произведений, изучаемых на уроках литературы; выявить уровень владения школьниками минимумом знаний о фразеологических единицах с устаревшим компонентом; определить лакуны фразеологической картины мира школьника.

Материалы и методы (Materials and Methods). Теоретические выводы заключаются в подтверждении наличия лакуны в образовательной деятельности по русскому языку: при изучении фразеологизмов с устаревшим компонентом в 6 классе не осуществляется системная работа с подобной языковой единицей. Появление лакун во фразеологической картине мира школьника обусловлено тем, что в учебниках по русскому языку разных линий УМК, дидактических материалах к учебникам, в дидактических материалах образовательных платформ МЭШ и РЭШ, а также на уроках литературы, во-первых, мало внимания уделяется фразеологическим единицам с устаревшим компонентом, а также устаревшим словам; во-вторых, при обращении к этимологии языковой единицы не акцентируется внимание на устаревшем слове и процессе формирования в истории языка фразеологизма; в-третьих, не наблюдается изобразительной наглядности, необходимой для конкретизации семантики; в-четвертых, доминирующим методом изучения фразеологизмов становится метод языкового разбора, который реализован не в полной мере.

Теоретические выводы сделаны с опорой на анализ фразеологического состава учебников русского языка 6 класса и фразеологического словаря русского языка; сопоставление языковых единиц, отобранных из учебников и словаря; обобщение результатов исследований современных ученых-методистов; наблюдение во время производственной практики над процессом работы школьников 6 класса с фразеологическими оборотами. Практические результаты были получены по итогам анкетирования обучающихся 6 класса с целью выявления уровня владения минимумом знаний о фразеологии и об устаревшей лексике.

Отбор фразеологизмов с устаревшим компонентом для анкетирования обусловлен обращением к школьным учебникам по русскому языку и дидактическим материалам для 6 класса. Были выделены языковые единицы,

которые предположительно освоили школьники при изучении фразеологии: *без руля и (без) ветрил, беречь как зеницу ока, бить баклуши, внести лепту, верста коломенская, за семь верст киселя хлебать, как перст, кося сажень в плечах, плетение словес, с головы до пят*. Обучающимся предлагался список фразеологизмов и устаревших слов (которые входили в состав этих фразеологизмов). Шестиклассникам нужно было оценить свой уровень знания языковой единицы и поставить соответствующий балл. Анкетирование было проведено в Дмитровской СОШ № 10 с УИОП, в нем было задействовано 74 обучающихся 6 класса.

Результаты (Results). Результаты исследования отражают, что фразеологическая картина мира обучающихся 6 класса содержит лакуны, которые обусловлены слабым знанием фразеологизмов и устаревших слов, отражающих исторические реалии (Рис. 1, 2):

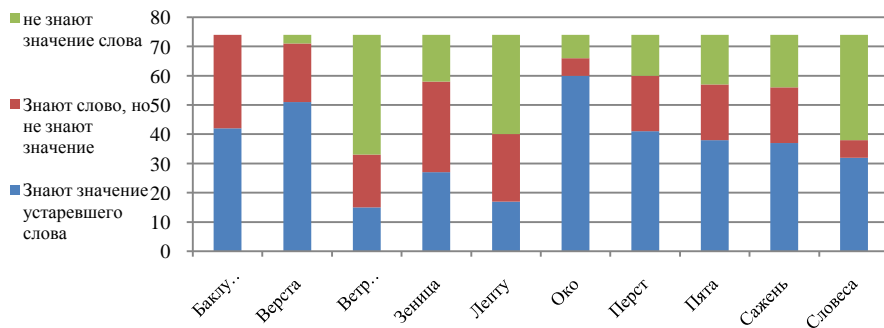

Рисунок 1. – Устаревшие слова

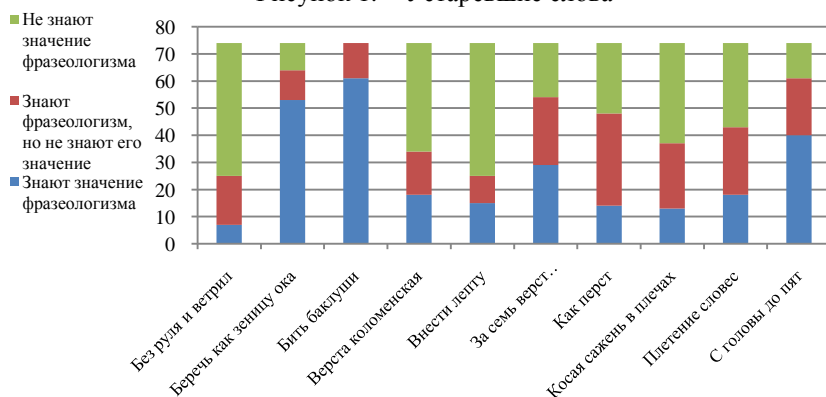

Рисунок 2. – Фразеологизмы с устаревшим компонентом

Полное овладение фразеологизмами с устаревшим компонентом наблюдается у небольшой части респондентов (Табл.):

Таблица. – Уровень овладения фразеологизмами с устаревшим компонентом

Фразеологизм	% (школьники, которые понимают значение фразеологизма и устаревшего слова)	Уровень овладения фразеологизмами с устаревшим компонентом
Без руля и (без) ветрил	9%	31, 6%
Беречь как зеницу ока	55%	
Бить баклуши	58%	
Внести лепту	20%	
Верста коломенская	24%	
За семь верст киселя хлебать	39%	
Как перст	19%	
Косая сажень в плечах	18%	
Плетение словес	23%	
С головы до пят	51%	

Заключение (Discussion and Conclusion). Во фразеологической картине мира школьников можно выделить лакуны, которые связаны с незнанием определённых исторических реалий, в связи со слабой реализацией межпредметных связей на уроках русского языка по изучению лексики и фразеологии [8, с. 39]. У обучающихся 6 класса не сформированы представления о связи языка и нации: фразеологическая единица существует в их сознании отдельно от знаний о жизни, истории, культуре, вследствие чего наблюдается низкий уровень овладения устаревшим компонентом и сформированности у обучающихся 6 класса компонентов культуроведческой компетенции. Заполнение лакун необходимо в процессе изучения фразеологии, так как параллельно происходит пополнение словарного запаса национально-маркированной лексикой, освоение национальной культуры – формирование культуроведческой компетенции. Изучение фразеологизмов с устаревшим компонентом содействует этому процессу, так как и сам фразеологизм, и устаревшая лексика в его составе способствуют овладению социально-культурными стереотипами, навыками употребления национально-маркированных языковых единиц, историческими реалиями, отражёнными в языке единицами лексико-фразеологического уровня. Для полного понимания школьником семантики и возможностей употребления языковой единицы необходима разработка методической системы, которая будет включать следующие компоненты: акцентирование внимания обучающихся на значении фразеологизма, значении устаревшего слова, исторических явлений, которые послужили опорой для возникновения фразеологизма, что предполагает использование метода языкового разбора и метода всестороннего анализа фразеологизма, а также использование изобразительной наглядности, чтобы обеспечить полное понимание языковой единицы, её закрепление в ментально-лингвальном комплексе каждого обучающегося, а также осмысление языковых процессов, которые обусловили архаизацию компонентов структуры и, возможно, содержания фразеологизма.

Список использованных источников

1. **Бондаренко, М. А.** Приемы организации уроков при изучении фразеологии / М. А. Бондаренко // Русский язык в школе. – 2016. – № 9. – С. 22-28.
2. **Васильева, Н. В.** Формирование у школьников культуроведческой компетенции при изучении фразеологизмов в курсе русского языка дис. . . . канд. пед. наук : 13. 00. 02 / Н. В. Васильева. - Чита, 2017. - 243 с.
3. **Дрога, М. А.** Языковая картина мира как отражение культурного фонда (на примере паремий русского языка) / М. А. Дрога, Н. В. Юрченко, С. Х. О. Контрерас // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 4(19). – С. 93-99. – DOI 10. 24411/2499-9679-2019-10596.
4. **Ковшова, М. Л.** Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов / М. Л. Ковшова // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 30. – С. 90-102.
5. **Корнеева, Т. А.** К вопросу о развитии словарного запаса учащихся на уроках русского языка / Т. А. Корнеева // Филология и культура. – Казань, 2017. – С. 184 – 189.
6. **Ломакина О. В.** Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. Монография / под ред. В. М. Мокиенко. – Москва : Изд-во РУДН, 2019. – 344 с.
7. **Терехова, С. Е.** "Внутренние" и "внешние" проблемы исследования устаревшей лексики / С. Е. Терехова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 6(125). – С. 20-26.
8. **Терехова, С. Е.** Вопросы формирования культуроведческой компетенции учащихся на уроках русского языка / С. Е. Терехова // Вестник Белгородского института развития образования. – 2020. – Т. 7. – № 1(15). – С. 32-41.
9. **Терехова, С. В.** Формирование культуроведческой компетенции учащихся 5-6 классов в процессе системной работы с устаревшей культурно-маркированной лексикой: дис. ... канд. пед. наук : 13. 00. 02 / С. В. Терехова. - Белгород, 2014. - 223 с.
10. **Токарева И. Ю.** К вопросу об определении культурно-языковой компетенции // Русский язык в школе. – 2016. – № 11. – С. 13 - 16.
11. **Толстой, Л. Н.** Детство. Отрочество. Юность / Л. Н. Толстой // Вступ. ст. и прим. Л. Д. Опульской. – М. : Правда, 1987. – 432 с.
12. **Чехов, А. П.** Каштанка (с иллюстрациями Геннадия Спирина) / А. П. Чехов. – М : АСТ, 2012. – 32 с.

УДК 037

**СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ КУРСОВ ПО ВЫБОРУ В СТАРШИХ
КЛАССАХ (НА ПРИМЕРЕ КУРСА, НАПРАВЛЕННОГО НА
ИССЛЕДОВАНИЕ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА ЖИТЕЛЕЙ
ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье рассматривается значение курсов по выбору в старших классах общеобразовательной школы для ученика. Автор делает вывод о значимости правильного подхода к выбору элективного курса и результатах, получаемых учеником в процессе обучения.

Ключевые слова: элективный курс, ученик, предметная область.

Современная методика преподавания любого предмета в старших классах невозможна без профильной подготовки учащихся, а значит и ведения элективных курсов.

Элективные курсы – курсы по выбору для учащихся старших классов [4, с. 15]. Но выбирать им придется из числа тех курсов, которые предложит учитель.

Занятия по выбору создают более богатый опыт обучения, а также помогают привить интерес учеников старших классов к данному предмету. И когда преподаватель дает ученикам возможность выбирать эти направления курса – по сути, беря на себя ответственность за их обучение, – ученики, как правило, действительно вкладывают усердие в обучение и получают дополнительную мотивацию в выбор дальнейшего развития.

В 10-11-х классах число элективных курсов определено учебным планом для каждого профиля. Элективные курсы выполняют три основных функции:

- 1) надстройки профильного учебного предмета, превращающей его в полной мере в углубленный;
- 2) развития содержания одного из базовых учебных предметов, изучение которого осуществляется на минимальном общеобразовательном уровне, что позволяет поддерживать изучение смежных учебных предметов на профильном уровне или получить дополнительную подготовку для сдачи единого государственного экзамена по выбранному предмету на профильном уровне;
- 3) удовлетворение познавательных интересов в различных областях деятельности человека [2, с. 21].

Основными целями элективных курсов является углубление знаний в выбранном ими предмете. Например, если рассматривать элективные курсы по математике, то они будут включать в себя экономический уклон, что позволит ученику, увлекающемуся статистикой или математической аналитикой, развить такие качества, как математическое мышление, удовлетворения интересов в области познания экономики [9, с. 104]. Такие знания ученик не смог бы получить на базовых уроках математики.

К самым важным среди компетенций, которые ученик получает в процессе обучения в школе, можно отнести развитие компетентности в сфере усвоения знаний из различных источников информации [5, с. 56]. Эта способность является основополагающей в дальнейшей профессиональной жизни, когда ученику придется самому искать и познавать различные виды информации. Эту способность можно назвать учебно-познавательной компетентностью учащегося.

Помимо этого, необходимо помнить о том, что ученик старших классов – это уже полностью сформировавшаяся личность, следующим шагом которого будет являться профессиональная деятельность.

Элективные курсы в системе профильного обучения позволяют приобщать учеников к самостоятельной работе, знакомят их со взрослой профессиональной деятельностью и способствует раскрытию их потенциала.

"Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования", введённая Минобразованием России, основывается на сочетании трёх типов курсов: это базовые общеобразовательные курсы, профильные курсы, и элективные [2, с. 32].

Каждый из данных видов курсов играет свою значительную роль в развитии образовательных интересов, способностей и общего уровня образования ученика [3, с. 123].

Необходимо помнить о том, что базовые курсы являются лишь общей ступенью образования, не готовящий ученика к реальной жизни, а дающий ему уже готовые знания. Именно поэтому элективные курсы имеют такое значение в жизни ученика, так как некоторые из них могут обеспечить не только очень высокий уровень образовательных потребностей старшеклассников, но и их качественную реализацию.

Например, курсы по русскому языку или литературе в старших классах обеспечивают учеников, имеющих интерес гуманитарным наукам, обеспечить полноценными профильными знаниями по данным предметам, что является очень важным для дальнейшей успешной компетентности в работе [8, с. 76].

Кроме того, курсы по выбору способствуют реализации таких критериев исследовательского уровня усвоения знаний по русскому языку, как "наличие у учащегося в образе познаваемого языкового объекта (явления) "субъективного содержания, в котором как бы зафиксирован эмоциональный опыт субъекта"; оценка учащимся значимости языковых объектов (яв-

лений, фактов), их взаимосвязи с другими объектами; умение отобрать наиболее рациональный метод выполнения задания; наличие элементов творческого подхода к выполнению задания; создание новых оригинальных методов познавательной деятельности и способов обработки языковой информации" [1, с. 13].

При реализации данных курсов предполагается, что они способствуют внутрипрофильной специализации обучения, и решают такие базовые задачи как профессиональная ориентация подготовки человека, который выбирает свою дальнейшую траекторию развития как специалист.

Функции элективных курсов в виде схема представлены на рис. (составлено автором)

Рисунок. – Функции элективных курсов

Чем ближе проблематика элективных занятий к проблемам, которые являются значимыми для учащихся, тем больше шансов на успех в учебной деятельности. Хорошо известна пословица: "Можно привести лошадь к водопою, нельзя заставить ее пить". Школа – источник познания, но пользуются этим источником наши ученики только тогда, когда школьные уроки соответствуют их потребностям, интересам, запросам.

При организации элективных курсов существует определённая последовательность шагов для преподавателя, чтобы позволить ученику сделать правильный выбор [7, с. 65].

Первым и самым необходимым является выбор совокупности предметов, в области которых лежат интересы и стремление ученика.

Необходимо, чтобы школьник очень ответственно подошел к этому выбору, так как от этого может зависеть уровень его компетентности на том или ином профессиональном поприще.

Говоря о формах фиксации достижений учеников при изучении элективных курсов эффективными себя зарекомендовали следующие инструменты:

- рефераты;
- эксперименты и их фиксация;
- проектные работы [1, с. 98].

Данные формы работы являются результатом творческой деятельности школьника, именно поэтому необходимо учитывать не только предметную составляющую задания, но и уровень стараний, оригинальность выполнения и профессиональный подход к работе.

При изучении элективных курсов самым важным, как было сказано, является познавательная деятельность. Специфика курса может носить и метапредметный характер, что говорит об обобщённости и комплексности преподаваемого материала и конечных знаний ученика. Ведь каждый предмет вносит свой собственный специфический вклад в общий багаж знаний школьника.

В качестве примера можно представить курс по русскому языку "Диалекты Брянской области".

Носителей лексики становится всё меньше, говоры испытывают сильнейшее влияние книг, печати, радио, телевидения, поэтому работа по сбору и сохранению этого пласта языка – важное дело.

Цели курса:

- познакомить учащихся с национальным языком Брянской области (диалектами и идиолектами), его разновидностями и формами существования, обязательными, социально обусловленными нормами произношения, словоупотребления и словообразования;
- формировать необходимые для учащихся твердые теоретические знания;
- развивать исследовательский интерес к языку;
- решать образовательные и воспитательные задачи на совершенно новом для учащихся материале.

Курс предполагает собой поэтапное изучение следующих тем:

1. История изучения брянских говоров.
2. Исследование идиолектов жителей Брянской области.
3. Практическая работа по составлению словаря.

Примеры заданий приведены ниже.

Задание 1. Используя учебные пособия или иные лингвистические источники, составьте таблицу "Разновидности оканья и аканья в Брянском диалектизме".

Задание 2. Составить 2 – 3 словарные статьи с диалектными словами.

Задание 3. А сейчас проверим, какие же слова, относящиеся к диалектной лексике, вы знаете. Я буду читать слова, а вы их записываете в 2 столбика: общеупотребительные и диалектные. Готовы?

Таким образом, рассматривая учебный курс с точки зрения преподавателя, необходимо помнить о том, что несмотря на то, что ученик самостоятельно выбрал данную область, важной работой преподавателя остается определить, в какой последовательности и какие составляющие профессиональной компетенции он будет формировать [6, с. 88].

Именно поэтому нужно помнить о том, что на преподавателя также возложена большая ответственность на элективных курсах, и в процессе их организации, так как уровень мотивации учеников напрямую зависит от организации занятий. Например, моделирование проблемных ситуаций является очень эффективным средством для того, чтобы повысить уровень занимательности на уроках.

Список использованных источников

- 1. Белугина О. В., Пустовойтов В. Н., Стародубец С. Н.** Подготовка учащихся общеобразовательной школы к государственной итоговой аттестации по русскому языку: учебно-методическое пособие. – Брянск: Изд. ООО "Аверс", 2018. –194 с. – Текст : непосредственный.
- 2. Захарова Т. Б., Филатова Л. О.** Дифференциация содержания обучения в старшей школе как условие эффективной преемственности общего и профессионального образования //Стандарты и мониторинг в образовании, 2003. - №5. – 55 с.
- 3. Каспржак А. Г.** Проблема выбора: элективные курсы в школе. – М. : Новая школа, 2004. – 160 с.
- 4. Каспржак А. Г.** Элективные курсы – ответ на запросы ученика и учителя, семьи и государства //Директор школы, 2006. - №1. – 27 с.
- 5. Каспржак А. Г.** Элективные курсы: типология и задачи //Директор школы, 2006. - №3. – 60 с.
- 6. Орлов В. А.** Типология элективных курсов и их роль в организации профильного обучения // Профильное обучение в условиях модернизации школьного образования. - М. : ИОСО РАО, 2003. – 96 с.
- 7. Писарева С. А.** Профильное обучение как фактор обеспечения доступности образования: российское видение: рекомендации по результатам научных исследований / под ред. Г. А. Бордовского. - СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. - 84 с.
- 8. Профильное обучение: нормативные правовые документы. - М. : Сфера, 2006. - 96 с.**
- 9. Элективные курсы в профильном обучении / НФПК, общ. ред. А. Г. Каспаржак. - М., 2004. - 144 с.**

Шлома Алла Викторовна

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г.Петровского, Россия
e-mail: avshloma@mail.ru*

УДК 37.02

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИДАКТИЧЕСКИХ ОНЛАЙН-ИГР НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ БРЯНСКО- ГОМЕЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

В статье рассмотрены возможности применения на уроках русского языка и литературы современных игровых онлайн технологий.

Ключевые слова: дидактическая игра, современные технологии, онлайн ресурсы, онлайн игры.

В настоящее время широкое распространение в учебном процессе получили онлайн игры. Цифровизация образования, развитие и доступность интернет-технологий дают большие возможности для использования онлайн-ресурсов в образовательной деятельности. Существующие сайты и приложения дают возможность школьникам и всем желающим пополнить и углубить свой словарный запас по русскому языку, а также проработать стиль языка и культуры речи, что, безусловно, будет способствовать формированию и развитию любви и уважения к родному языку.

Работа по формированию навыков правильного использования русского языка и литературы не должна быть скучной. Организация учебного процесса должна быть такой, чтобы учитель смог заинтересовать ученика, увлечь его и помочь усвоить те стороны филологии, которые являются наиболее сложными для восприятия и понимания обучающимися. Применение на уроках и внеурочной деятельности онлайн технологий по русскому языку и литературе, использование различных онлайн дидактических игр способствует повышению уровня познавательных интересов к предметам и росту успеваемости и качества знаний по русскому языку и литературе.

Проведем анализ игровых площадок, которые предоставляет российский сегмент сети Интернет для применения на уроках русского языка и литературы.

1. Приложение для изучения русского языка "LinGo Play"

Данное приложение позволяет проводить словесные игры, то есть такие игры, в которых игровыми объектами являются слова русского языка. Формат приложения простой и доступный каждому ученику. Приложение существует в двух видах как Web-страница и как мобильная версия для iOS и Android. Основное предназначение - изучение русских слов и фраз

русского языка, акцент делается на правописании и правильности построения и произношения фраз в речи. Особенностью приложения LinGo Play является то, что в нем расположены материалы, которые могут быть использованы пользователями любого уровня языковой подготовки. Материалы расположены в соответствии с иерархией от простых знаний для начинающих пользователей до продвинутого уровня для опытных пользователей. Данное приложение по русскому языку дает возможность изучить более 1000 слов и фраз русского языка, эффективно их осмыслить и запомнить. Также благодаря этому приложению можно всегда вести работу над расширением своего словарного запаса независимо от того, начал ли ты изучать русский язык как иностранный или являешься носителем языка как родного.

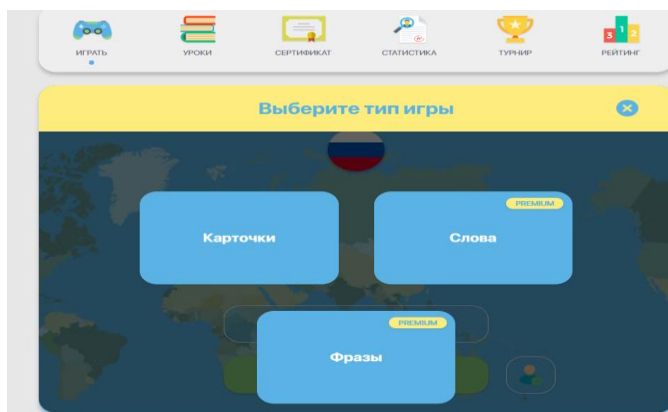

Рисунок 1. – Приложение для изучения русского языка "LinGo Play"
2. Сайт "Русский онлайн"

Проект реализуется при поддержке Минобрнауки РФ и направлен на развитие и пропаганду русского языка и литературы. На сайте можно найти интересные и доступные онлайн-игры по обучению и развитию навыков и компетенций по русскому языку как родному, неродному и иностранному. Проект содержит 9 основных разделов:

- Цветик-семицветик. Этот раздел предоставляет методическую помощь учителям русского языка и литературы, а также преподавателям русского языка как иностранного.
- Жар-птица. В этом разделе представлены обучающие и развивающие материалы категории "русский для всех". В доступной и интересной форме рассказывается о языке и стиле научного текста, фонетике и словообразовании, морфологии и ударениях, об истории русского языка.
- Матрешка. Этот раздел содержит методические материалы для изучения русского языка как иностранного. Здесь расположены методические материалы, русские сказки и стихи, раскрыты современные техноло-

гии обучения русскому языку как иностранному, а также имеется мультимедийный сервис для помощи желающим выучить русский язык.

- Березка. Этот раздел представляет собой карту по современным образовательным курсам по русскому языку.

- Русская птица-тройка. Интересный образовательный раздел, в котором можно узнать, что означает фамилия, ознакомиться с ономастикой, изучить карты-регионов России, ознакомиться с литературным календарем.

- Живая история. В этом разделе можно познакомиться с интересными и важными фактами из истории российской федерации.

- Сервис проверки грамотности. Здесь в окно сервиса можно загрузить текст, требующий проверки, установить параметры проверки и реализовать данную возможность.

- Сервис семантических и сочетаемостных соотношений слов. В словаре сервиса можно выбрать слово и на экране будет представлена вся лингвистическая информация о нем.

- Балалайка. В этом разделе представлены многообразные дидактические игры, которые можно использовать на уроках русского языка и литературы. В разделе есть два подраздела:

1. Интеллектуальные игры: ребусы, шарады, кроссворды, метаграммы и головоломки с загадками, викторины, "застольные игры", "пентагон", "занимательная фразеология", "буквы рассыпались", "грамматическая арифметика", "собери текст", "фонетические пропорции", "родственные слова" и пр.

2. Обучающие и развивающие онлайн-игры по русскому языку как родному, неродному и иностранному.

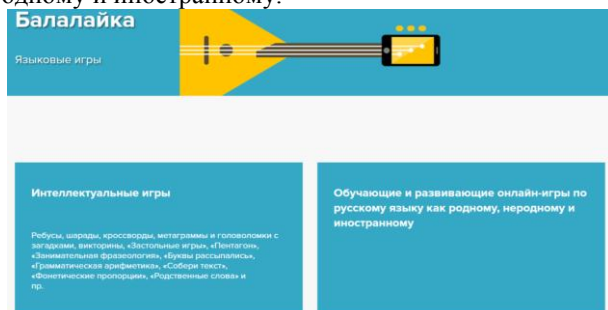

Рисунок 2. – Раздел "Балалайка" сайта Русский онлайн.

2. Сайт Kid-Мама

На сайте представлены материалы, которые могут использоваться учителем на уроке или самостоятельно учениками при выполнении домашней работы и подготовки к занятиям. Здесь имеются онлайн игры и различные тренажеры по русскому языку, с помощью которых можно освоить и за-

Рисунок 4. – Игры в слова на сайте AllGames

4. Сайт LearningApps.org

Сайт LearningApps.org широко используется в школьном образовании с целью оказания поддержки процессу обучения и эффективной организации учебной деятельности. Сайт содержит интерактивные модули по большому спектру учебных дисциплин. Данные модули могут либо непосредственно использоваться в учебном процессе либо создаваться педагогом оперативно по мере необходимости. Все представленные на сайте интерактивные блоки имеют свободный доступ. Интерактивные блоки создаются или в форме приложений или в форме упражнений. Основная ценность этих блоков состоит именно в их интерактивности и всеобщей доступности.

Рисунок 5. – Упражнения по русскому языку сайта LearningApps.org.

Для использования возможностей сайта в процессе обучения русскому языку и литературе выбираем эти предметы в разделе "Все упражнения". В итоге перед нами появляется достаточное количество готовых дидактических онлайн игр по заданной теме, которые созданы ранее другими педагогами. Воспользоваться на уроке можно любой из предложенных игр. Основные критерии выбора: соответствие целям и задачам урока, доступ-

ность, мотивированность. Если учитель хочет создать свою игру по данной или любой другой теме, то необходимо выбрать указатель "Создать подобное приложение" и заполнить появившийся шаблон. Можно вставлять собственные примеры, регулировать количество примеров, повышать или понижать уровень сложности заданий и исходного материала.

В разделе сайта "Новое упражнение" можно познакомиться с уже имеющимися видами онлайн игр. Наиболее популярными среди пользователей сайта являются такие игры, как "Найти пару", "Сортировка картинок", "Классификация", "Викторина с выбором правильного ответа", "Хронологическая линейка", "Скачки" и ряд других. О каждой игре можно составить предварительное мнение, в чем ее сущность, по трем доступным примерам.

Самой популярной и наиболее часто используемой является игра **"Классификация"**. На уроках русского языка она может применяться практически без ограничений. Например, при изучении следующих тем: спряжение глаголов, различение омонимичных корней, производных предлогов и самостоятельных частей речи, гласных Е-И, О-А в корнях с чередованием, безударных проверяемых гласных и словарных слов, разрядов местоимений и наречий и т.д. С помощью такой игры можно организовать и проверку домашнего задания на уроке.

Следующая онлайн игра, представленная на сайте также популярна среди пользователей и при этом легко узнаваемая по своим характеристикам: **"Кто хочет стать миллионером?"**. Также как и в телевизионном аналоге в игре необходимо правильно ответить на все вопросы, чтобы добраться до финиша и получить приз. Всего вопросов шесть В каждом вопросе ученикам предлагается четыре варианта ответов. В случае ошибки ученика программа перенаправляет его к началу игры, но при этом будет произведена автоматическая замена мест расположения правильных и неправильных ответов. Это делается с целью исключения механического запоминания правильных ответов.

Аналогичный принцип построения используется в онлайн-версии игры **"Скачки"**. В игре предлагается ученикам семь заданий, в каждом из которых необходимо сделать выбор одного из возможных вариантов ответов. Всего вариантов четыре. Если ученик выбрал правильный ответ, то его лошадь скачет в следующий тур. Если же учеником допускается ошибка, то движение вперед продолжает другая лошадь. В игре ведется учет количества данных обучающимся правильных и неправильных ответов. В итоге в этой игре победителем может оказаться либо сам ученик, либо программа игры. При повторном применении данной онлайн игры, в учебном процессе, предложенные задания будут размещаться в ином порядке. Достоинством игры является то, что она позволяет играть ученикам самостоятельно либо с другим учеником. В этом случае дух соревнования будет способствовать повышению познавательного интереса учеников к русско-

му языку или литературе, усилить их стремление к победе путем поиска правильного ответа.

На сайте представлена интересная по своей сути игра **"Найти пару"**. Она наиболее часто используется на уроках литературы. Для применения этой игры необходима некоторая предварительная подготовка со стороны учителя. Ему требуется подготовить заранее рисунки, картины или иллюстрации к разным произведениям школьной программы. При создании этой игры необходимо будет составить пары на соответствие. Например, сопоставить портрет с тем, кто на нем изображен; название произведения и его автора; произведение и эпизода из него, представленного в виде изображения. Программа игры произвольным образом будет выбирать и представлять ученикам иллюстрации и возможные варианты ответов к ним. Задача ученика: верно определить заданные соответствия. Если в процессе игры сразу обнаружена ошибка, то ее можно тут же исправить до нажатия кнопки "Проверить".

На уроках литературы можно использовать и такие онлайн игры представленные на сайте LearningApps.org, как **"Сортировка картинок"** и **"Помоги литературным героям"**. Для обеих игр, аналогично предыдущей, нужна предварительная подготовка. Как правило, эта игра эффективна для ознакомления обучающихся с портретами авторов литературных произведений школьной программы за определенный период. Например, писатели и поэты начала XX века. Для второй игры **"Помоги литературным героям"** иллюстрации не нужны, но необходимо сделать так, чтобы персонажи вернулись к своим создателям. На полях - имена авторов, а на пазлах игрового поля - герои их произведений. Выбрав фамилию автора, надо нажатием мышки найти всех, кого они "создали". В случае неправильного выбора, компьютер даст сигнал, при правильном - пазл исчезает. Постепенно высвечивается картинка - фон. Она появляется полностью, когда с игрового поля исчезает последний пазл.

Онлайн-игры могут быть использованы не только для освоения и закрепления новых знаний по русскому языку и литературе, но и для подготовки учеников к итоговому контролю по предмету. Как отмечают практикующие педагоги, наиболее уместными для такого вида деятельности будут игры викторины и игры классификации. С помощью **Викторин** можно проверить знание правил орфографии школьниками, а также фонетику и морфологию. В викторинах ученик может выбрать конкретную тему и даже задание. Однако создание викторин достаточно трудоемкое занятие для учителя, на нее уходит много времени. Со стороны учеников также требуется много времени на выполнение заданий викторины. В связи с этим такие онлайн игры лучше использовать либо на дополнительных занятиях, либо в качестве домашней работы. Игры **Классификации** позволяют проверять сначала теоретический уровень, а потом, после успешного его прохождения, отработать практический. В игру можно включить лю-

бые лингвистические и литературоведческие понятия, знание которых проверяется на итоговом контроле.

Онлайн игры позволяют решить еще одну очень важную задачу: устранить пробелы в освоении учебного материала у обучающихся.

Сайт LearningApps.org очень прост в использовании, создание игр не требует от пользователя больших временных затрат и, главное, дает возможность обычный дидактический материал, которого у каждого учителя достаточно, представить в другой, более привлекательной для учеников форме.

Таким образом, можно сделать вывод, что результативность и эффективность применения онлайн игр очевидна. Создается устойчивая мотивация учащихся к получению знаний, появляется возможность творчески решать учебные задачи, обеспечивается доступный для каждого уровень подачи изучаемого материала, формируются положительные эмоции, желание к самообразованию

Пустовойтов Виктор Николаевич

Брянский государственный университет
имени академика. И. Г. Петровского, Россия
e-mail: vnpnov@gmail.com

УДК 371. 2 : 373. 1: 37. 025

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОВЛАДЕНИЯ ШКОЛЬНИКАМИ КОМПЕТЕНЦИЯМИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОГРАНИЧЬЯ

Показано, что особенности поликультурного пространства пограничья должны быть включены в содержание регионального компонента учебных планов общеобразовательных школ приграничных районов. В обобщенном виде, в контексте освоения обучаемыми компетенций взаимодействия в поликультурном обществе, это положение зафиксировано в отечественном общем образовании в требованиях федеральных государственных образовательных стандартов. Педагогическими условиями овладения обучаемыми общеобразовательной школы компетенциями взаимодействия в поликультурном пространстве пограничья определены: систематическая воспитательная работа с учащимися, проживающими в районах пограничья, по овладению ими компетенциями взаимодействия; систематическая профориентационная работа педагогов школ пограничных областей, направленная на закрепление выпускников на территориях пограничья; целенаправленная подготовка будущих учителей к созданию условий для овладения учащимися компетенциями взаимодействия в поликультурном пространстве пограничья.

Ключевые слова: поликультурное пространство пограничья, воспитание школьников, качество общего образования, региональная политика.

Все пограничные территории отличаются исторически сложившейся поликультурностью и, одновременно, некоторой общностью культур народов сопредельных государств. Жители пограничья тесно связаны кровными и семейными узами, для них, несмотря на территориальные границы, характерны определенная степень единства взглядов и привычек, общность социокультурных особенностей жизни, единое лингвокультурное своеобразие. В полной мере, названные особенности характерны и для славынского пограничья.

Очевидно, что названные особенности пограничных районов сопредельных государств должны быть отражены в региональном компоненте учебных планов организаций образования (по крайней мере – общего), действующих в данном регионе. Только в этом случае представляется возможным передача подрастающему поколению социолингвокультурного своеобразия пограничного региона и сохранения, тем самым, культурного разнообразия на сопредельных территориях, поддержания и развития по-

ликультурности, а также создание условий обеспечения социальной безопасности молодого поколения [1].

Отметим, что в *обобщенном виде*, в контексте освоения обучаемыми компетенциями взаимодействия в поликультурном обществе, данное положение зафиксировано в отечественном общем образовании в требованиях к организации учебно-воспитательного процесса федеральных государственных образовательных стандартов (далее – ФГОС).

Цель формирования навыков жизнедеятельности и самореализации личности определена как стратегическая цель отечественного образования, ключевая составляющая "социального заказа" к образованию. Национальная доктрина образования Российской Федерации направлена, в том числе, на "обеспечение высокого качества жизни народа" [2]. Достижению данной цели подчинены все документы, определяющие государственную политику в сфере образования, в частности – ФГОС общего образования.

Положения, связанные с решением ключевой задачи обеспечения качества общего образования на основе формирования разносторонне развитой личности, готовой и способной к взаимодействию в условиях поликультурного мира, проходят красной нитью через ФГОС общего образования всех уровней. Анализ, например, ФГОС основного общего образования показывает, что стандарт изначально преследует цель формирования личностных качеств у школьников-подростков, связанных с восприятием и навыками жизнедеятельности в поликультурном мире – обеспечивает "формирование российской гражданской идентичности обучающихся как составляющей их социальной идентичности, представляющей собой осознание индивидом принадлежности к общности граждан Российской Федерации ...; сохранение и развитие культурного разнообразия и языкового наследия, ... овладение духовными ценностями и культурой многонационального народа Российской Федерации; ... формирование у обучающихся системных знаний о месте Российской Федерации в мире" [3, п. 1]; "ФГОС разработан с учетом региональных, национальных и этнокультурных особенностей народов Российской Федерации, ориентирован на изучение обучающимися многообразного цивилизационного наследия России, представленного в форме исторического, социального опыта поколений россиян, основ духовно-нравственных культур народов Российской Федерации, общероссийской светской этики" [3, п. 2]. Направленность стандарта на учет поликультурных факторов социокультурной среды раскрывается в личностных требованиях к образовательным результатам освоения школьником программы основного общего образования: в ходе учебно-воспитательного процесса у обучаемых должно быть сформировано "представление об основных правах, свободах и обязанностях гражданина, социальных нормах и правилах межличностных отношений в поликультурном и многоконфессиональном обществе" [3, п. 42. 1. 1], "осознание российской гражданской идентичности в поликультурном и многоконфессио-

нальном обществе, ... [интерес] к познанию родного языка, истории, культуры Российской Федерации, своего края, народов России" [3, п. 42. 1. 2].

Таким образом, формирование готовности и способности учащегося школы к взаимодействию в поликультурном обществе регламентировано правовыми документами сферы образования на федеральном уровне, выступает одной из тактических задач образования на уровне требований к результатам и организации образования в школе. Учитель-предметник призван обеспечить на основе идей лично-ориентированной парадигмы образования [4; 5; 6; 7] освоение учащимися рассматриваемой компетенции "в единстве учебной и воспитательной деятельности Организации в соответствии с традиционными российскими социокультурными и духовно-нравственными ценностями, принятыми в обществе правилами и нормами поведения" [3, п. 42].

Теория и практика общего образования предоставляет для решения данной задачи учителю три ключевые взаимосвязанные стратегии:

- изменение содержания учебного материала на основе целенаправленного выделения в нем воспитательной составляющей;
- реализация воспитательных функций арсенала методов, форм и средств обучения, технологизации учебно-воспитательного процесса, реализации различных моделей обучения, использования современных средств обучения;
- организация педагогического взаимодействия, в том числе – обусловленного задачами коммуникации субъектов образования.

Другими словами, учитель-предметник, реально может решать задачу овладения учащимися компетенциями взаимодействия в поликультурном обществе только через педагогическое взаимодействие по усвоению учащимися содержания учебного предмета, опираясь в ходе урочной и внеурочной деятельности на воспитательные функции методов, форм и средств обучения, технологизации процесса обучения [8; 9].

Исходя из анализа практики организации обучения и воспитания школьников пограничных районов Брянской области, а также с учетом логики образовательного процесса, представляется обоснованным определить следующие педагогические условия овладения учащимися общеобразовательной школы компетенциями взаимодействия в поликультурном пространстве пограничья:

- систематическая воспитательная работа с учащимися, проживающими в районах пограничья, по овладению ими компетенциями взаимодействия.

Взаимодействию школьников, бесспорно, необходимо целенаправленно обучать. Овладение молодым поколением рассматриваемого региона данными компетенциями – насущная проблема, очень трудная в своем решении. Ее решение неразрывно связано с учетом произошедшей в послед-

нее время стремительной трансформации представлений и ценностей в мировоззрении населения приграничных районов.

В рамках овладения названными компетенциями школьниками рассматриваемых территорий требуется, как минимум:

- развитие аксиологического компонента мировоззрения подростков и молодежи в контексте понимания ценности своего предназначения в жизни, значимости взаимодействия в процессе самореализации и достижения жизненных личностных целей.

Подрастающее поколение пограничных районов должно осознавать свою миссию в развитии Отечества на основе поддержания исторически сложившегося взаимного уважения и единой традиции народов сопредельных государств; обладать уверенностью в собственной значимости, личностной готовностью обеспечения сосуществования со всеми народами "в духе мира и ненасилия" [10]. Необходимо учитывать, что речь идет о формировании мировоззрения подростков и молодежи, воспитываемых в условиях сильнейшего влияния цифрового информационного пространства, в котором территориальные и культурные границы существенно размыты.

- формирование у школьников проектировочных навыков коммуникации.

Формирование данных навыков требует овладение обучаемыми, проживающими в приграничных районах, опытом постановки целей и задач деятельности, проектирования путей, навыками отбора методов и подбора средств достижения поставленных целей, а также опытом организации взаимодействия на основе идей взаимопомощи.

- формирование у молодого поколения компетентности в сфере объективной оценки информации.

Цифровизация всех сторон современной жизни, информатизация общества несут не только положительный потенциал, но и угрозы. Как следствие, требуется оперативное решение проблемы обеспечения социальной безопасности молодежи [11]. Актуальной является проблема формирования у подростков и молодежи, как минимум: навыков объективного учета исторических фактов и процессов, беспристрастной оценки их с позиции современников, а не с позиции современности; навыков анализа информации в контексте выявления ее преднамеренного искажения (дезинформация, "фэйки", информация, вырванная из контекста, и др.) как людьми, так и автоматизированными программами-ботами; навыков обобщенного ("объемного") видения процессов и явлений, установления причинно-следственных связей.

Значимость формирования таких навыков у подростков и молодежи, проживающих на пограничных территориях, многократно возрастает, вследствие сложности всесторонней объективной оценки молодежью условий жизнедеятельности. Неготовность молодежи к объективному оцениванию действительности потенциально способствует формированию у мо-

лодых людей превратного представления о жизни в сопредельных государствах и Отечестве, процессах и явлениях, в том числе, общественной жизни.

Формирование у школьников обозначенных навыков предполагает, что учитель-предметник целенаправленно создает условия для их формирования:

- в учебное содержание включает контент, подчеркивающий исторически сложившуюся разностороннюю взаимосвязь народов пограничья, высоконравственные идеи их взаимодействия и взаимопомощи в историческом развитии, единство самоопределения народов в контексте общечивилизационного развития, "надтерриториальное" единство социокультурных и лингвокультурных особенностей региона;

- проектирует и выстраивает учебно-воспитательный процесс на основе идей активационно-деятельностного подхода, применения современных ИК-технологий и цифровых образовательных ресурсов – предусматривается включение в процесс обучения телекоммуникационных проектов, кооперированных форм учебного взаимодействия и других форм обучения с привлечением обучаемых школ пограничных областей.

– систематическая профориентационная работа педагогов школ пограничных областей, направленная на закрепление выпускников на территориях пограничья. Выполнение данного требования позволяет развивать на основе семейного и кровного родства, дружеских отношений граждан, проживающих на сопредельных территориях, базу для укрепления взаимосвязей и взаимопонимания народов в условиях глобализации и стремительного изменения миропонимания.

Отметим, что закрепление выпускников в районе проживания родителей вносит вклад также в решение ряда социальных и экономических проблем: способствует укреплению взаимосвязей поколений; в незначительной степени снимает остроту проблемы обеспечения молодых семей жильем; частично решается проблема социального обеспечения пожилых граждан; создаются условия для решения проблемы оттока молодежи из региона в центр и др.

Очевидно, что обозначенное требование может быть выполнено только при финансовой поддержке на государственном уровне при условии объективной оценки демографической и экономической ситуации в регионе. В районах пограничья должны быть созданы, де-факто, действенные условия для самореализации молодежи: возможность получения выпускниками школ профессионального образования по востребованным для региона направлениям подготовки (в том числе – через институт целевой подготовки специалистов для различных сфер экономики и общественной жизни); наличие рабочих мест в различных сферах региональной экономики с оплатой труда *каждого* работающего, соизмеримой со средней по стране (не "в среднем по региону, отрасли, предприятию и др. "); обеспе-

чение молодых специалистов жильем на условиях долевого финансирования или отсроченной оплаты кредитов и займов, развитая спортивно-досуговая инфраструктура и др. При выполнении данных условий на государственном уровне в систему оценки качества общего образования может быть включен показатель закрепления выпускников школ в пограничном регионе (по типу показателя трудоустройства выпускников вузов по полученной специальности, направлению и профилю подготовки).

– целенаправленная подготовка будущих учителей к созданию условий для овладения учащимися компетенциями взаимодействия в поликультурном пространстве пограничья.

Учителя-предметника необходимо целенаправленно готовить к проектированию и реализации планомерной воспитательной работы с учащимися в условиях пограничья по формированию у них обозначенных составляющих мировоззрения. Учитель должен учитывать не только содержание личностных, метапредметных и предметных требований ФГОС общего образования, но и специфику исторически сложившейся традиции и объективно существующего уровня взаимосвязи народов в условиях пограничья.

Как следствие, требуется корректировка учебных планов и рабочих программ подготовки педагогических кадров, как минимум, в контексте: отражения в рабочих программах учебных дисциплин особенностей регионов пограничья (исторических, политических, экономических, этнокультурных, лингвистических и др.); формирование у будущих педагогов профессиональной компетентности организации учебно-воспитательной работы со школьниками-подростками и молодежью по овладению компетенциями взаимодействия в поликультурном пространстве пограничья. Данная компетентность должна быть интегрирована во все компоненты профессиональной деятельности педагога.

Транспонируя на процесс подготовки педагогических кадров известную мысль К. Маркса о том, что "воспитатель сам должен быть воспитан", отметим: создать условия для овладения школьниками компетенциями взаимодействия в поликультурном пространстве пограничья учитель может только тогда, когда сам уверен в значимости и возможности такого взаимодействия, знает его особенности реализации. Отметим, что специфику данного региона очень трудно усвоить человеку, не выросшему в его пределах, не впитавшему в себя с рождения всех особенностей поликультурных взаимосвязей и исторически неразделимого взаимодействия народов пограничных районов. Отсюда вытекает необходимость закрепления в пограничном регионе выпускников школ – будущих учителей всеми методами (в том числе, и в первую очередь – обеспечить учителя достойной заработной платой на ставку педагогической работы).

Подводя итог сказанному, отметим: овладение школьниками компетенциями взаимодействия – одна из ключевых задач современного общего образования. При ее решении должны учитываться, по возможности, все

условия, в том числе – территориальные особенности проживания обучающихся. В условиях поликультурного пространства пограничья проблема требует оперативного взвешенного решения вследствие стремительной трансформации миропонимания в обществе, вызванной глобализационными процессами. Несмотря на то, что овладение обучающимися, проживающими в пограничных регионах, компетенциями взаимодействия в поликультурном обществе обозначено как требование ФГОС, решение данной проблемы выходит далеко за рамки образования; оно лежит, в большей степени, в плоскости политики развития регионов, требует учета их социокультурных и лингвокультурных особенностей.

Список использованных источников

- 1. Гукаленко О. В., Пустовойтов В. Н.** Социальная безопасность молодёжи в поликультурном пространстве России // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. – 2018. – № 2. – С. 16-23.
- 2.** Постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. №751 "О национальной доктрине образования в Российской Федерации" // Российская газета. 11 октября 2000 г.
- 3.** Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования"
- 4. Пустовойтов В. Н.** Идеи педагогики конструктивизма и тактика личноно ориентированной парадигмы образования // Письма в Эмиссия. Оффлайн. – 2011. – № 3. – С. 1539.
- 5. Пустовойтов В. Н.** Идеи конструктивистской дидактики как базовые условия эффективности индивидуализации обучения школьников // Современное образование. – 2016. – №4. – С. 87-96; DOI: 10. 7256/2409-8736. 2016. 4. 19868. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19868 (дата обращения: 22. 04. 2022).
- 6. Pustovoytov V., Pustovoytova L.** The unity of the ideas of pedagogy constructivist and personality-oriented education // European Journal of Natural History. – 2016. – № 5. – С. 94-97.
- 7. Савина А. К.** Конструктивизм в образовании: от традиционализма до многостороннего образования // Школьные технологии. – 2016. – №4. – С. 37-45.
- 8. Borisenkov V. P., Gukalenko O. V., Pustovoytov V. N., Pustovoytova L. V.** Principles of pedagogical interaction in the digital space // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. (DCCD 2020) Dialogue of Cultures - Culture of Dialogue: from Conflicting to Understanding. – 2020. – Vol. 95. – P. 54; URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.11.03.7> (дата обращения: 24. 04. 2022).

9. Сергеев А. Н. Формирование ИКТ-компетентности педагога в процессе профессиональной подготовки будущих учителей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 9-10 (104). – С. 22-26.

10. Вульфсон Б. Л. Проблемы "европейского воспитания" // Педагогика. – 2000. – № 2. – С. 73–81.

11. Гукаленко О. В., Пустовойтов В. Н. Безопасность детей и молодежи в поликультурном образовательном пространстве России: проблемы и перспективы // Вестник Бурятского государственного университета. – 2017. – № 7. – С. 25-33; URL: <https://vnpnov.wixsite.com/pedagogy> (дата обращения: 24. 04. 2022).

УДК 37. 01 : 37. 014

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ КАТЕГОРИИ "ГРАЖДАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ" В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Проанализированы подходы к пониманию категории "гражданское воспитание" в отечественной и зарубежной научной литературе. Установлено, что в странах Европейского Союза и США понимание гражданского воспитания несколько отличается от понимания данной категории в России и Китае. В западных странах понимание гражданственности сводится к готовности и способности "защищать свои демократические права и ответственность в обществе". В восточной культуре (в Китае) гражданское воспитание рассматривается в контексте "возможность граждан лично участвовать в политической жизни, защита личных интересов граждан, общественное доверие и сотрудничество". В Российской педагогической традиции прослеживается тесная связь гражданского воспитания с патриотическим и правовым воспитанием.

Ключевые слова: воспитание молодежи, гражданское воспитание, гражданственность, компаративистский анализ воспитания гражданина.

Гражданское воспитание – одна из ключевых составляющих воспитательного процесса. Воспитание гражданственности у подростков и молодежи – процесс, присущий не только России; данный процесс характерен для всех стран мира – он имеет смысл нравственно-политического принципа организации воспитания граждан.

Рассмотрим понимание гражданского воспитания и гражданственности в отечественных и зарубежных исследованиях.

В зарубежных нормативных документах сферы образования и научных исследованиях используется две категории "гражданское воспитание" и "гражданское образование". При этом, использование данных категорий примерно равнозначно.

Анализ документов Совета Европы показывает, что в них употребляется категория "гражданское воспитание" – "процесс подготовки учащихся к осознанному участию в жизни демократического общества, основанному на плюрализме, равенстве и справедливости (особенно важный концепт для британского общества)" [1, с. 124].

В Хартии Совета Европы записаны положения о воспитании демократической гражданственности и образования в области прав человека. При этом "воспитание демократической гражданственности" понимается как воспитание, подготовка, просвещение, информирование, организация

практической деятельности, развитие личностных позиций и формирование поведения обучаемых, направленных на расширение их возможностей "осуществлять и защищать свои демократические права и ответственность в обществе, ценить многообразие и играть активную роль в демократической жизни с целью продвижения и защиты демократии и верховенства права" [2].

В нормативных документах образовательной политики Европы отмечается, что гражданское воспитание ориентировано на изучение основных идей и принципов демократии, государственного устройства страны, на воспитание нравственности [1, с. 126]. Отметим, что данное понимание содержания гражданственности включено в курс обществознания общеобразовательных школ Российской Федерации.

Исходя из общей ориентации на демократию, заданную в документах Совета Европы, определены векторы понимания гражданского воспитания и в отдельных европейских странах. Общей особенностью является направленность гражданского воспитания на формирование у молодого поколения "европейской идентичности" [3, с. 243]. Так, например, в Германии гражданское воспитание школьников предполагает формирование "германской гражданской и культурной идентичности, социальной ответственности, общепринятых в немецком обществе нравственных ценностей и представлений о политической системе государства, демократической компетентности, воспитание социального мужества и социальной справедливости" [4]. Французские исследователи также увязывают гражданское воспитание и общественные права и свободы. Например, П. Фульке как ключевую задачу гражданского воспитания называет "приучение" подростка "к осознанию прав и обязанностей человека как члена общества" [5].

Аналогичное представление о гражданском воспитании высказывают и исследователи США. Идея сочетания гражданского и демократического воспитания представлена и в трудах М. Эппл и Дж. Бин. Авторами цель гражданского воспитания определяется как "готовность к жизни в поликультурном обществе и мире, и активному участию в общественно-политической жизни своей страны" [6]. А. Колби в своих работах подчеркивает, что ключевая задача гражданского воспитания школьников состоит в формировании у обучаемых духовно-нравственных и социокультурных установок и ценностей, а также навыков поведения в школьном сообществе, и, далее, в поликультурном демократическом обществе, в рамках данных ценностей [7]. П. Фрейр также отмечает взаимосвязь гражданского воспитания и формирования личностной ответственности, самодисциплины, аксиологических установок по отношению к личности, человеку, правительству, закону и праву. Кроме того, автором как задачи гражданского воспитания отмечаются: формирование навыков критической оценки информации, грамотность в сфере экономики, политики, права, способность распознавать дискриминационные действия и активно противостоять им

[8].

Несколько иначе понимается гражданское воспитание на Востоке. Например, в Китайской Народной республике рассматривают "гражданское образование". При этом нормативные документ по образованию подчеркивают, что это "не радикальное изменение традиционного образования, а продолжение и совершенствованием традиционного гражданского воспитания". Сегодня в Китае поставлена задача в сфере образования – создать между гражданами и государством совместное поле "благоприятного взаимодействия", в котором будут развиваться потребность и возможность граждан лично участвовать в политической жизни, защита личных интересов граждан, общественное доверие и сотрудничество" [9, с. 122] "В практике воспитания гражданина должны воплотиться три аспекта соответствия: Инициативность и инновационность; Соответствие духу времени; Сохранение традиционной культуры" [9, с. 125].

В отечественных научных исследованиях (О. А. Семисотнова, И. С. Бессарабова и др.) подчеркивается, что в "российском" понимании прослеживается более "тесная связь гражданского воспитания с патриотическим и правовым воспитанием" [10, с. 496].

Под гражданским воспитанием в отечественных исследованиях понимается:

– "целенаправленный процесс формирования устойчивых гражданских качеств, характеризующий их носителей как субъектов правовых, социально экономических отношений в общественно-государственном образовании" [11];

– "формирование гражданственности как интегративного качества личности, позволяющего человеку ощущать себя юридически, социально, нравственно и политически дееспособным" [12];

– "сформированный комплекс качеств, значимых для индивидуума как члена современного общества – правовая, политическая культура, культура межнациональных отношений" [13, с. 122].

Отметим, в современных отечественных исследованиях, наряду с пониманием "гражданского воспитания", используется категория "гражданская компетентность личности". Под гражданской компетентностью личности понимается "совокупность готовности и способностей, позволяющих ей активно, ответственно и эффективно реализовать весь комплекс гражданских прав и обязанностей в гражданском обществе" [13].

Анализ приведенных подходов в отечественных и зарубежных исследованиях показал, что, независимо от подходов, исследователями в качестве элементов гражданского воспитания выделяются:

– духовно-нравственные качества личности, основанные на общечеловеческих традиционных моральных ценностях;

– правовое сознание и поведение личности;

– личностные качества достоинства, внутренней свободы, дисципли-

нированности, уважения, доверия к другим гражданам и государственной власти;

– готовность и способность выполнять свой гражданский долг и обязанности [14].

Б. Л. Вульфсон среди компонентов гражданского воспитания называет:

– воспитание "в духе мира и ненасилия";

– подготовка молодежи к жизни в поликультурной и многонациональной среде;

– экологическое воспитание [15].

Значимость формирования гражданских чувств у граждан России трудно переоценить. Гражданственность выступает фундаментом государственности в условиях поликультурности современного мира, основой общности системы государственных и социальных институтов, базой гражданского общества. Формирование гражданственности рассматривается рядом исследователей (В. П. Борисенков, О. В. Гукаленко, В. Н. Пустовойтов и др.) как условие обеспечения социальной безопасности молодого поколения России [16; 17; 18].

С понятием гражданского воспитания тесно связано понятие "гражданская идентичность". По сути, гражданская идентичность – есть результат гражданского воспитания. Гражданская идентичность, прежде всего, включает знание индивидом того, что он принадлежит к определённой гражданской общности. Гражданская идентичность подразумевает, как минимум, две составляющие:

– общую лояльность государству. Данная лояльность достигается через оформление отношений прав и обязательств между властью и гражданином;

– эмоциональную привязанность гражданина к стране. При этом эмоциональная привязанность включает в себя отождествление (идентификацию) гражданина с другими гражданами страны. Отождествление подкреплено политической и общественной самоорганизацией [19].

Таким образом, понятие "гражданская идентичность" в большей степени характеризует преданность гражданина государству, власти, означает преданность народу, уважение к его истории, традициям и культуре [20; 21].

Обобщая сказанное, отметим: под гражданским воспитанием рассматривается целенаправленный процесс формирования важнейшего качества человека – "гражданин общества и носитель общечеловеческих ценностей" [20]. Гражданское воспитание предполагает формирование патриотических, духовных, гуманистических, мировоззренческих, моральных, правовых, культурных, трудовых установок и норм поведения личности. Гражданское воспитание осуществляется на конкретной территории, с конкретной группой людей, конкретной личностью. Как следствие, организация

гражданского воспитания предполагает в первую очередь учет территориальных особенностей проживания воспитанников, в том числе – пограничных территорий.

Список использованных источников

1. Данилов А. С. Гражданское воспитание в частных школах-пансионах Великобритании // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2018. – №1. – С. 122-126.

2. Хартия Совета Европы о воспитании демократической гражданственности и образовании в области прав человека. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/council-of-europe-charter-on-education-for-democratic-citizenship-and-human-rights-education> (дата обращения: 21. 04. 2022)

3. Молоков Д. С. Содержание воспитания в немецкой школе // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2017. – №4. – С. 241-247.

4. Князькова Н. П. Гражданское и религиозное воспитание школьников в системе общего образования Германии: дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 2011. – 191 с.

5. Foulquié P. Dictionnaire de la langue pédagogique [Texte]. Paris : PUF, 1971. – P. 164.

6. Apple M., Beane J. Democratic schools: lessons from the chalk face. – NY: Open University Press, 2011. – P. 232.

7. Colby A. Educating citizens: preparing America's undergraduates for lives of moral and civic responsibility. – NY: John Wiley and Sons, 2013. – P. 367.

8. Freire P. The politics of education: culture, power, and liberation. – MA: Bergin & Garvey, 2014. 332 p.

9. Чжун Минхуа. Гражданское образование в КНР в контексте развития гражданского общества // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2014. – № 3. – С. 122-125.

10. Семисотнова О. А., Бессарабова И. С. Цели и задачи гражданского воспитания в России и США: сравнительный анализ // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems. – 2015. – №7(51). URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 28. 04. 2022)

11. Пугачева Н. Б., Фролов И. В. Функции гражданского воспитания // Институт педагогики и психологии профессионального образования РАО. – № 10 (17). – В 2-ч. ч. 1. – Тамбов: Грамота, 2008. – С. 136-139.

12. Савотина Н. А. Гражданское воспитание студенческой молодежи в современном вузе: дисс. ... д-ра пед. наук. – Москва, 2005. – 459 с.

13. Гладик В. А. Развитие гражданской компетентности старшеклассников в условиях государственно-общественного управления школой. – М.

: Просвещение, 2010. – 262 с.

14. Антонова Е. С. Роль и значение гражданского воспитания во Франции в условиях межкультурной интеграции // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2013. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-grazhdanskogo-vozpitaniya-vo-frantsii-v-usloviyah-mezhkulturnoy-integratsii>

15. Вульфсон Б. Л. Проблемы "европейского воспитания" // Педагогика. – 2000. – № 2. – С. 73–81.

16. Гукаленко О. В., Пустовойтов В. Н. Безопасность детей и молодежи в поликультурном образовательном пространстве России: проблемы и перспективы // Вестник Бурятского государственного университета. – 2017. – № 7. – С. 25-33; URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=34836511&selid=32606365> (Дата обращения: 10. 04. 2022).

17. Гукаленко О. В., Пустовойтов В. Н. Поликультурное образовательное пространство как среда обеспечения социально-педагогической безопасности молодежи // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 6. – С. 236; URL: <https://science-education.ru/article/view?id=27331> (Дата обращения: 10. 04. 2022).

18. Гукаленко О. В., Пустовойтов В. Н. Социальная безопасность молодежи в поликультурном пространстве России // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. – 2018. – № 2. – С. 16-23.

19. Борисенков В. П., Гукаленко О. В., Пустовойтов В. Н. Поликультурное воспитательное пространство вуза как среда формирования гражданственности и патриотизма // Педагогика. – 2018. – № 2. – С. 44-51.

20. Понятие и сущность патриотизма. Подходы к пониманию патриотизма // Современное понимание патриотизма и проблемы его формирования как качества личности. – [Электронный ресурс]. – URL: https://studbooks.net/1747637/pedagogika/ponyatie_suschnost_patriotizma#:~:text=понятие и сущность патриотизма (дата обращения 01. 05. 2022)

21. Пустовойтов В. Н., Корнейков Е. Н. Информационные технологии как средство гражданско-патриотического воспитания современных школьников // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2021. – № 2. – С. 37-41; URL: <https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=2367> (дата обращения: 02. 05. 2022).

Каперзова Юлия Сергеевна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: yulia.kaperzova@yandex.ru

УДК 372.881.161.1

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ УЧАЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

В статье представлен обзор диссертационных исследований, а также статей учителей русского языка и литературы, в которых рассматриваются педагогические технологии, формы, метода, средства и приемы развития коммуникативных универсальных учебных действий. Авторы статей утверждают, что комплекс языковых упражнений, групповые и игровые формы работы, уроки развития речи способствуют активизации мыслительной деятельности учащихся, помогают глубже освоить изучаемый материал, учат школьников отстаивать свою точку зрения.

Ключевые слова: коммуникативные УУД, педагогическая технология, средства, формы, методы и приемы работы.

В настоящее время школьное образование строится на основе Федеральных государственных образовательных стандартах последнего поколения. Согласно ФГОС основного общего образования актуальной проблемой является проблема развития коммуникативных универсальных учебных действий (далее УУД) учащихся, которые заключаются "в готовности и способности осознанно, уважительно и доброжелательно относиться к другому человеку, его мнению, мировоззрению, культуре, языку, вере, гражданской позиции, к истории, культуре, религии, традициям, языкам, ценностям народов России и народов мира; в готовности и способности вести диалог с другими людьми и достигать в нём взаимопонимания" [9].

Становлению коммуникативных УУД школьников способствуют дисциплины естественнонаучного цикла и гуманитарного. В связи с этим многие учёные посвятили данной проблеме свои диссертационные исследования. Так, диссертация В.В. Храмо посвящена развитию универсальных учебных действий у школьников на уроках физики. Как отмечает автор научной работы, отличительной особенностью данного исследования является то, что решение проблемы развития УУД "основано на идее приоритетного развития коммуникативных УУД" [10, с. 5]. С целью реализации данной идеи исследователь предлагает расширить коммуникативное образовательное пространство, вовлечь учащихся в социальную и техническую

коммуникацию, активизировать применение научного стиля в речи школьников. В работе представлена модель развития УУД у учащихся в процессе обучения физике, а также методика, которая разработана на её основе и апробирована в школах. Данная методика включает в себя совокупность методических приёмов, направленных на развитие коммуникативных УУД. Среди них – "Список моих целей", "Я – экскурсовод", "Экскурсия как проект", "Найди конкурс", "Подумай как автор-изобретатель", "Заверши фразу", "Составление краткого текста", "Найди ответ", "Вопросник", ""Секрет" текста", ""Нет" – ошибкам", "Кроссворд "Наоборот"", "Заполни таблицу", "Правильный выбор", "Придумай название", "Информационный стилист", "Сочинение", "Один день из жизни ученого...", "Игра в чтение", "Сообщение/доклад", "Пересказ условия задачи", "Физическая задача", "Составь задачу по таблице", "Познакомь с оборудованием", "Покажи как учитель", "Мое исследование" ("Сделал сам"), "Рецензия на ответ", "Историческая справка", "Вопрос для товарища", "Интервью", "Конструкторское бюро", "Расскажем вместе", "Коллективный проект", "Собери команду", "Самореклама". В научном исследовании В.В. Храмо подробно описывает содержание и методику работы на примере одного конкретного приёма. Кроме того, Вера Владимировна считает, что "реализация всей структуры деятельности в целостности <...> возможна при организации проектной деятельности школьников" [10, с. 15]. В связи с этим автором диссертации разработаны приёмы формирования у учащихся коммуникативных УУД в проектной деятельности. Каждому этапу проектной деятельности соответствуют определённые приёмы работы. Комплекс приёмов зависит и от участников социальной коммуникации.

Эффективной методикой, способствующей формированию коммуникативных УУД, по мнению Е.В. Юшиной, является методика, основанная на индивидуально-групповом обучении. Данная методика апробирована в школьной практике в процессе обучения биологии в 8 классе при изучении раздела "Человек и его здоровье". В качестве приёма работы по данной методике используются инструктивные карты. Их содержание направлено на организацию совместной деятельности учащихся в группах. Как отмечает автор диссертации, результативности применения разработанной методики по формированию коммуникативных УУД способствует соблюдение следующих условий: регулярное использование индивидуально-групповой формы работы на уроке, учитель должен выступать не в роли информатора, а в роли координатора, "целостность изложения учебного материала <...>, постепенное усложнение заданий инструктивных карт <...>, поиск оптимального решения и применение индивидуального подхода при делении класса на группы" [12, с. 19].

По мнению С.А. Тюриковой, продуктивности в развитии коммуникативных УУД способствует применение интерактивных технологий (кейс-метод, проектно-исследовательская деятельность и технология проблемно-

диалогического обучения), которые апробированы автором диссертационного исследования на уроках иностранного языка среди учащихся 5-7 классов. Основой технологии проблемно-диалогического обучения является диалог. Главная задача педагога при этом заключается в организации диалога, в помощи учащимся в формулировании и решении учебной проблемы. Кейс-метод применялся, в основном, на уроках закрепления материала. Школьникам были предложены различные ситуации, в ходе изучения которых они получали новые знания самостоятельно. Данный метод направлен на организацию коллективной творческой деятельности среди учащихся, так как в работе над ситуацией принимают участие все ученики класса независимо от уровня их знаний. Как отмечает С.А. Тюрикова, основной проектно-исследовательской деятельности является дискуссия.

Значительная роль по формированию коммуникативных УУД у школьников отводится урокам русского языка.

Учителя русского языка и литературы с целью формирования коммуникативных УУД в своей практике применяют как традиционные педагогические технологии, так и инновационные методы. Завацкая Ирина Ивановна, учитель русского языка и литературы СОШ № 1 г. Стародуба Брянской области считает, что наиболее эффективно организовать работу по становлению и развитию коммуникативных УУД можно на уроках русского языка. С этой целью Ирина Ивановна применяет определенные средства обучения. Важная роль принадлежит работе с текстом, которая реализуется посредством следующих приемов: комплексный анализ текста, реконструкция текста, сложение целого текста из частей, верные / неверные утверждения, прием тезирования, прием составления сводной таблицы. В комплексный анализ текста входит характеристика всех уровней современного русского языка: фонетического (произвести фонетический разбор слова из текста), лексического (выписать из текста примеры олицетворений, определить лексическое значение слова), морфологического и словообразовательного (найти в тексте причастие, определить глагол, от которого оно образовано, разобрать причастие по составу), синтаксического (выполнить синтаксический разбор предложения). Кроме того, текст необходимо озаглавить, определить его стиль и тип, расставить знаки препинания и вставить пропущенные орфограммы. Реконструкция текста заключается в составлении рассказа, например, об имени существительном по опорным словам. "Прием составления сводной таблицы позволяет обобщить и систематизировать учебную информацию" [3]. Завацкая И.И. отмечает эффективность использования на уроках дискуссий, докладов и рефератов, проектной и исследовательской деятельности, групповых и парных форм работы.

В современных условиях в рамках реализации ФГОС, который нацелен на выполнение метапредметных требований, особая роль отводится групповой форме работы. В ходе такой работы "создаются реальные усло-

вия для формирования коммуникативных <...> универсальных учебных действий" [1, с. 39]. Она "может быть применена на различных этапах изучения материала в рамках классно-урочной системы обучения" [1, с. 41]. Кроме того, как отмечают учителя русского языка и преподаватели ВУЗа, "групповая работа выступает эффективной формой подготовки школьников к государственной итоговой аттестации в контексте формирования универсальных учебных действий (в частности, коммуникативных <...> УУД)" [1, с. 41].

Представим некоторые приемы организации групповой работы учителями школ.

Шлапунова Н.В., учитель русского языка и литературы МБОУ Гимназия имени В.П. Сергейко станицы Ленинградской Краснодарского края, в качестве групповой формы работы предлагает использовать такие приемы, как: "корзина идей", "письмо по кругу", "кластеры", "дерево вопросов". "Приём "корзина идей" позволяет выяснить всё, что знает или думает ученик по теме урока. На доске можно нарисовать значок корзины, в которой условно будет собрано всё то, что все ученики вместе знают по теме урока. Методика этого приёма такова: 1) задаётся вопрос о том, что известно ученикам по теме урока; 2) сначала каждый ученик вспоминает и записывает в тетрадь всё, что знает по этой теме (строго индивидуальная работа, продолжительностью 1–2 минуты); 3) затем происходит обмен информацией в парах или в группах (3 минуты); 4) далее все сведения кратко записываются учителем на доске, в корзине идей (без комментариев), даже если они ошибочны" [11].

Терещенко И.Н., учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 47 г. Краснодара, считает эффективным также применение групповой работы на этапе коррекции и предлагает использовать ее на уроках, на которых школьникам необходимо выполнить анализ ошибок, допущенных ими в изложениях, сочинениях и контрольных работах. Ирина Николаевна делит весь класс на 3-4 группы, каждой из которых предлагается карточка с заданием. Суть работы каждой группы заключается в том, что учащиеся коллективно осуществляют поиск ошибок и дают правильный, по их мнению, ответ. Ученик каждой группы должен быть готов к ответу, который можно считать ответом всей группы. Или, другой вариант групповой работы. "На первую парту каждого ряда передается лист бумаги с заданием: "Устранить стилистические ошибки в предложении". Ученик записывает предложение в исправленном виде, в скобках указывает свою фамилию, а затем передает лист соседу. Тот, если ему не нравится ответ первого, дает свой вариант исправления, если согласен с первым, пишет: "Как у..." - и подписывается" [7].

Киселева Ю.А. и Колычева Г.Ю. в статье [4] представили систему работы, способствующую развитию коммуникативных УУД, над глаголами на уроках русского языка. Ими представлены следующие виды упражне-

ний: поставить ударение в словах; расставить ударение в неопределенной форме глагола; из текста выписать глаголы, образовать от них формы прошедшего времени множественного числа и женского рода единственного числа, расставить в них ударение; подобрать к предложенным словам близкие по смыслу и определить спряжение; подобрать к подчеркнутым в тексте глаголам синонимы. Авторы статьи предлагают комплекс упражнений, который можно применять с целью развития понимания школьниками прямого и переносного значения слов и условий их использования в речи: определить, какие слова в тексте употреблены в переносном значении; в тексте даны глаголы в переносном значении, необходимо составить предложения, в которых они применяются в прямом значении; замените глагол близким по смыслу; объяснить значения выделенных глаголов; найти в тексте слова (глаголы) в переносном значении, объясните их лексическое значение; подобрать глагол, близкий по смыслу, в том же лице и числе.

Более эффективному развитию коммуникативных универсальных учебных действий учащихся основной школы способствуют уроки развития речи.

С.Д. Дресвянина разработала и апробировала в школах г. Вологды методику обучения написанию сочинения в жанре эссе. Основой методики служит активизация личностного опыта учащихся. Светлана Дмитриевна в статье [2] приводит этапы, способствующие подготовке написанию сочинения-эссе – подготовительный, основной и заключительный. На подготовительном этапе осуществляется знакомство с сочинением-эссе как с жанром, с его специфическими особенностями, рассматриваются разновидности эссе, проводится анализ литературных форм такого жанра сочинения. Содержание основного этапа сводится к тому, что учащиеся анализируют литературно-критические эссе, сравнивают эссе и очерк, проводят сравнительный анализ эссе, написанных на одну тему разными авторами и т.д. На заключительном этапе проводится анализ сочинений-эссе, которые были написаны учениками прошлых лет. Кроме того, на этом этапе учащимся предлагается выполнить творческие задания: написать сочинение-эссе на основе ассоциация, написать сочинение в эпистолярном жанре, в форме письма, слова, речи. Такие работы учащихся анализируются и составляются на них рецензии. С.Д. Дресвянина отмечает, что развитие навыков написания сочинений-эссе следует начинать с учащихся 7-9 классов. К 10-11 классам данный навык формируется окончательно.

Т.В. Судалковская считает, что развитию коммуникативных УУД способствует работа, связанная с обучением написанию сочинения-рассуждения. При написании сочинений такого типа для привлечения внимания читателей к содержанию часто используются вопросительные и побудительные предложения. Такой прием позволяет устанавливать с собеседником речевой контакт. Кроме того, для сочинений-рассуждений характерно применение сложных синтаксических конструкций с условными,

уступительными и причинными средствами связи, а также вводные слова, которые позволяют оценить достоверность изложенного и указывают на источник сообщения. Данные факторы позволяют развивать коммуникативные УУД, продуктивное речевое взаимодействие школьников со взрослыми и сверстниками.

Лактюхина А.В., учитель русского языка и литературы МБОУ "Лицей № 1" г. Тулы, на уроках развития речи с целью формирования коммуникативных УУД применяет разработанную ею систему упражнений, которая включает упражнения аналитические, представляющие собой анализ готового материала, аналитико-синтетические, направленные на преобразование данного языкового материала, и синтетические, которые основаны на создании собственного высказывания. Анастасия Владимировна считает, что такой вид учебной деятельности можно использовать не только в письменной, но и в устной форме.

Таким образом, проанализировав представленный выше практический опыт по формированию коммуникативных универсальных учебных действий на уроках русского языка, можно сделать вывод, что учителя-предметники в рамках реализации ФГОС нацелены на выполнение метапредметных требований – на развитие у школьников универсальных учебных действий, в частности – коммуникативных.

Список использованных источников

1. Белугина, О.В. Подготовка учащихся общеобразовательной школы к государственной итоговой аттестации по русскому языку: Учебно-методическое пособие / О.В. Белугина, В.Н. Пустовойтов, С.Н. Стародубец. – Брянск : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Аверс", 2018. – 194 с. – ISBN 978-5-9734-0297-6.

2. Дресвянина, С.Д. Обучение жанровому сочинению в свете требований ФГОС к формированию коммуникативной компетентности обучающихся / С.Д. Дресвянина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 1(190). – С. 45-51.

3. Завацкая, И.И. Формирование коммуникативных УУД на уроках русского языка и литературы (из опыта работы). – URL://https://kopilkaurokov.ru/vsemUchitelam/prochee/statia_formirovanie_kommunikativnykh_uud_na_urokakh_russkogo_iazyka_i_literatury. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

4. Киселева, Ю.А. Формирование коммуникативного УУД при работе над глаголами на уроках русского языка / Ю.А. Киселева, Г.Ю. Колычева // Педагогическое мастерство и педагогические технологии. – 2016. – № 2(8). – С. 115-122.

5. Лактюхина, А.В. Проблема формирования речевой компетенции школьников в процессе обучения русскому языку. – URL://<https://www.prodenka.org/metodicheskie-razrabotki/29168-statja-problema->

formirovaniya-rechevoj-kompet. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

6. Судалковская, Т.В. Использование текста-рассуждения в рамках формирования коммуникативных УУД в основной школе / Т.В. Судалковская // Трибуна ученого. – 2020. – Вып. 1. – – URL: https://tribunescientists.ru/media/p_articles/Судалковская.pdf. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

7. Терещенко, И.Н. Формирование коммуникативных компетенций на уроках русского языка и литературы. – URL:// <https://docplayer.com/46666306-Formirovanie-kommunikativnyh-kompetenciya-na-urokah-russkogo-yazyka-i-literatury.html>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

8. Тюрикова, С.А. Развитие коммуникативных универсальных учебных действий у учащихся 5-7 классов в процессе изучения иностранного языка автореф. дисс. ... канд. педагог. наук / Тюрикова Светлана Анатольевна. – Чебоксары, 2014. – 22 с.

9. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. – URL:// <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

10. Храмко, В.В. Развитие универсальных учебных действий у школьников в процессе обучения физике : автореф. дисс. ... канд. педагог. наук / Храмко Вера Владимировна. – Екатеринбург, 2021. – 24 с.

11. Шлапунова, Н.В. Формирование коммуникативных универсальных учебных действий на уроках русского языка и литературы / Н.В. Шлапунова // Педагогика сегодня: проблемы и решения: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Казань, сентябрь 2017 г.). – Казань: Молодой ученый, 2017. – С. 65-68. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/270/12845/>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

12. Юшина, Е.В. Формирование коммуникативных универсальных учебных действий в процессе обучения биологии: автореф. дисс. ... канд. педагог. наук / Юшина Елена Владимировна. – Мытищи, 2020. – 21 с.

Краузе Анастасия Юрьевна

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия
e-mail: corovjeva.anastasija@yandex.ru

УДК 372. 882

ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО МАРКИРОВАННЫХ СИМВОЛОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. И. ТЮТЧЕВА КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ

В статье представлен анализ особенностей непрерывного образования, проанализирована его специфика в старшей школе. В качестве примера разработан урок-семинар, обосновывающий необходимость изучения и дальнейшего развития данного явления среди старшеклассников.

Ключевые слова: непрерывное образование, старшая школа, особенности непрерывного образования, национально маркированные символы.

Непрерывное образование – термин, который появился в педагогической науке недавно, в конце XX века. Оно стало одной из главных проблем в сфере педагогики не только России, но и всего мира [3, с. 16-19].

Выделяются следующие требования к непрерывному образованию в современном обществе:

- желание учащихся саморазвиваться и формировать в себе способность к самоопределению, формирование у них мотивации к обучению;
- формирование у старшеклассников мировоззрения, которое соответствует развитию науки на сегодняшний день, а также формирование и развитие у них форм общественного сознания, понимание и осознание каждым учащимся своего места в этом мире;
- формирование у учащихся основ саморазвития и самовоспитания, которые соответствуют ценностям общества, мотивация старшеклассников к самостоятельному выполнению творческой деятельности.

Непрерывное образование выполняет осуществление следующих функций:

- адаптация человека к постоянно меняющимся условиям не только профессиональной, но и социальной среды за счёт предоставления ему возможностей организации индивидуальной образовательной траектории на протяжении всей его жизни;
- развитие образовательных социальных ресурсов;
- создание образовательного социального партнерства в виде части гражданского общества [4].

Кроме того, установка на непрерывное образование способствует реализации задач, которые ставятся перед современным образованием в "Федеральном законе об образовании в Российской Федерации", таких как:

"- приведение законодательства в сфере национального образования в соответствие с потребностями и уровнем развития общества;

- расширение образовательных возможностей граждан Российской Федерации

- обеспечение стабильной работы, развития и качества образовательной системы России" [1, с. 5].

Основная задача преподавания литературы – приблизить изучаемый текст к реалиям ученика. Если он начнёт понимать произведение, то оно автоматически станет для него понятным, а соответственно и близким к современному миру. Учащиеся начинают сравнивать свою эпоху с той, которую показал писатель.

Одной из форм непрерывного образования в старших классах на уроках литературы является урок-лекция, который представлен различными блоками, раскрывающими какую-либо предполагаемую тему. Все темы должны соответствовать стандарту образования, но в то же время в них должны быть отражены такие произведения, проблемы которых соответствовали бы по актуальности современному времени.

Проблемный вопрос – это одна из вариантов постановки проблемы, позволяющая привлечь учащихся к работе на уроке-семинаре. Такие вопросы должны активизировать интерес учеников, направить их на исследование и поиск ответов, заинтересовать к работе с дополнительными источниками, и искать не один ответ, а несколько.

На уроках-творческих лабораториях учащиеся могут самостоятельно выбрать для себя тему для рассуждения из того списка вариантов, которые подготовил учитель, и думают, каким образом они раскроют её. Очень важно предоставить ученику самому выбрать то, что ему понравится, дать возможность по diskutieren с автором, создать свой вариант произведения, которое бы отличалось от авторского. Здесь нужно научить учеников всему, что необходимо для написания сочинения. Можно выделить два момента:

– усвоение новых знаний – это происходит во время уроков-лекций и семинаров, создаётся план, необходимый для сочинения;

– формирование навыка написания сочинений – это происходит во время данной формы урока, когда сочинение может редактироваться, изменяться, дополняться личными доводами ученика.

Профильное обучение – ещё один из способов непрерывного образования в старших классах, позволяющий учитывать интересы и способности учащихся для того, чтобы они могли определиться с направлением своей профессии и развиваться в этом направлении в дальнейшем [6].

Чтобы школа была современной, для этого ей необходимо вводить в свой образовательный процесс и современные методы обучения, среди которых большее внимание уделяется таким методам, как метод проектов и так называемое "обучение в сотрудничестве". Объяснить это можно следующим образом:

- от школы требуется давать ученикам не только знания, но и способы получать эти знания самостоятельно, уже после обучения, а также уметь пользоваться всем изученным в жизни для своего дальнейшего саморазвития;

- учащимся нужно получить те знания, которые будут необходимы им по жизни, которые позволят им работать в группе, уметь ориентироваться в различных социальных ролях;

- школе необходимо познакомить учащихся с различными культурами общества, позволить ученикам свободно выражать свою точку зрения на мир и давать им возможность в будущем расширять круг общения;

- необходимо развить у учащихся исследовательские способности для того, чтобы после обучения в школе они могли самостоятельно искать нужную для себя информацию, уметь правильно отбирать и анализировать её, обобщать изученное.

В качестве примера предлагаем план хода урока-семинара по творчеству Ф. И. Тютчева:

Тема: Национально-маркированные символы в произведениях Ф. И. Тютчева.

Цели:

Познакомиться с творчеством поэта, усвоить новые литературоведческие термины;

Развить умения, помогающие воспринимать поэзию;

Развить чувство вкуса и любовь к родному краю.

Оборудование: компьютер, проектор, сборник стихотворений Ф. И. Тютчева.

Ход урока:

Организационный момент;

Актуализация знаний:

–устные ответы учащихся на вопросы учителя:

А. Что вы знаете о Ф. И. Тютчеве?

Б. Какие стихи Ф. И. Тютчева вам знакомы?

В. Какая, по вашему мнению, главная тема в поэзии Ф. И. Тютчева?

Г. Как вы относитесь к творчеству Ф. И. Тютчева?

Д. Какие стихи у него вам нравятся и почему?

Усвоение новых знаний:

–чтение учащимся сообщения на тему биографии Ф. И. Тютчева с использованием подготовленной презентации;

–чтение учащимся сообщения на тему творчества Ф. И. Тютчева, посвящённого природе родного края, с использованием подготовленной презентации.

Закрепление:

– чтение каждым учащимся стихотворения Ф. И. Тютчева и совместный их разбор вместе с учителем;

–чтение стихотворения "Весенняя гроза", ответы учащихся на вопросы учителя:

А. О какой красоте говорит поэт?

Б. Что мы видим и слышим, читая данное стихотворение?

В. На каком образе, символе строится всё стихотворение?

–Чтение стихотворения "В душном воздухе молчанье...", ответы учащихся на вопросы учителя:

А. Каким мы видим тютчевское лето в данном стихотворении?

Б. Как показана природа?

В. Что конкретно мы видим в изображённой здесь природе?

Г. Чем примечательна природа в данном стихотворении?

– чтение учащимися стихотворения "Есть в осени печальной короткая, но дивная пора...", ответы на вопросы учителя:

А. Какой здесь мы видим осень?

–чтение учащимися стихотворения "Чародейкою землею околдован лес стоит", ответы на вопросы учителя:

А. Какой здесь представляется нам зима?

Б. Кто главный герой стихотворения, и что происходит из-за него?

–обобщение всех стихотворений, ответы на вопросы учителя:

А. В чём особенность изображения природы Тютчевым?

Б. Почему он видит природу иначе, чем мы?

В. С какими пейзажами вы уже были знакомы, а с какими познакомились на сегодняшнем уроке?

Г. Как вы думаете, какие художественные приёмы у Тютчева являются излюбленными в рассмотренных сегодня стихотворениях?

Д. Какие бы иллюстрации вы бы нарисовали к этим стихотворениям?

Е. Как вы думаете, можно ли изобразить всё содержание выбранного стихотворения на рисунке и почему?

Ж. В чём особенность лирики Ф. И. Тютчева, посвящённой природе родного края?

–подведение итогов урока:

Один из учеников формулирует вывод по всему, что было изучено на сегодняшнем уроке.

Домашнее задание:

– выучить любое стихотворение Ф. И. Тютчева, посвящённое природе родного края.

Таким образом, можно сказать, что данная форма работы, как урок-семинар, необходима для формирования у старшеклассников навыков непрерывного образования, так как с помощью проблемных вопросов, поставленных в начале урока, учащиеся сразу настраиваются на работу, самостоятельно формулируют для себя цели и задачи, которых нужно достичь; развивается поисковый, исследовательский навык учащихся в процессе самостоятельной работы к уроку; учащиеся формируют в себе навыки коллективной, совместной работы, основанной на устных ответах на вопросы учителя; развивается выразительное чтение учащихся и их эстетические предпочтения, а также навыки обобщения и систематизации полученной информации.

Список использованных источников

1. Белугина О. В., Пустовойтов В. Н., Стародубец С. Н. Подготовка учащихся общеобразовательной школы к государственной итоговой аттестации по русскому языку: учебно-методическое пособие. – Брянск: Изд. ООО "Аверс", 2018. – 194 с. – Текст : непосредственный.

2. Блинов В. И., Сергеев И. С. Как реализовать компетентностный подход на уроке и во внеурочной деятельности : практическое пособие / В. И. Блинов, И. С. Сергеев. – Москва : АРКТИ, 2007. – 200 с. – Текст : непосредственный.

3. Галимова, М. Т. Образование в течение всей жизни как инструмент успеха : "Обучение в течение всей жизни" – "LifeLongLearning" как перспектива трансформации университетского образования / М. Т. Галимова. – Екатеринбург : УрФО, 2009. – С. 16 – 19. – Текст : непосредственный.

4. Коджаспирова, Г. М. Педагогика в схемах, таблицах и опорных конспектах / Г. М. Коджаспирова. – Айрис-Пресс, 2006. – 256 с. – Текст : непосредственный.

5. Коровина, В. Я. На подступах к риторике / В. Я. Коровина. – Москва : Мнемозина, 1996. – 190 с. – ISBN5-87441-018-X – Текст : непосредственный.

6. Петриева, Л. И. Обучение литературе в условиях профильного образования : вопросы теории и практики преподавания литературы в старших классах гуманитарного профиля / Л. И. Петриева. – Ульяновск : [УлГПУ], 2007. – 201 с. – ISBN 5-86045-199-7 – Текст : непосредственный.

ABSTRACT

Denis S. Adamko

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: Ad.Nihil.ru@yandex.ru*

COMMUNICATIVE MEANINGS OF THE COMPOUND NAME "RUSSIAN LAND"

The article considers the component composition of the compound name Russian land. Russian language describes the main communicative meanings that are part of the "nation-forming concept", represented by the ambiguous formation of the Russian land in the Russian language picture of the world and recorded in the main and newspaper buildings of the NKRR.

Keywords: compound name, communicative meaning, National corpus of the Russian language, nation-forming concept.

Elizaveta S. Aksenova¹, Natalya V. Troshina²

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
¹e-mail: mahabrayn2002@gmail.com
²e-mail: natalya_troshina@mail.ru*

MEANS OF LEXICAL REPRESENTATION OF THE IMAGE OF A CHILD IN THE BRYANSK DIALECTS

The article presents an analysis of lexemes representing the image of a child in the dialects of the Bryansk region. Lexico-semantic groups of words-representatives of the image of a child are described based on lexicographic sources, the grounds for classifying these lexemes are revealed.

Keywords: child, lexeme, Bryansk dialects, representation.

Svyatoslav Y. Aksyonchikov-Biryukov

*Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: arhares333@gmail.com*

ABOUT THE INTERNAL FORM OF DIALECT PHRASEOLOGICAL UNITS ASSOCIATED WITH WEDDING RITUALS

The article presents an analysis of dialectal phraseological units of the Russian language with a darkened internal form. The object of the study is the semantics of the component composition of some Russian phraseological units. The subject of the study is the connection between the semantics of the components of phraseological units and the traditional Russian spiritual culture.

Keywords: phraseological unit, internal form, dialect, wedding, ceremony.

Natalya V. Atamanova¹, Anna S. Shcherbakova²
Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
¹e-mail: atamanova2001@list.ru
²e-mail: shcherbakova_anna_2000@mail.ru

THE PERCEPTUAL IMAGE «THUNDERSTORM» IN THE POETIC IDIOLECT OF F.I. TYUTCHEV

The article attempts to analyze the image of a thunderstorm in the traditional representation of this natural phenomenon, in the folk-poetic worldview of the Slavs and in the poetic contexts of F.I. Tyutchev. The poetic image of a thunderstorm is considered as a perceptual image, the emergence and development of which is inextricably linked with the movement of sound, color and olfactory images. A thunderstorm in the poetry of F.I. Tyutchev is a joyful, life-affirming event, filling nature with fun, a symbol of its renewal.

Keywords: poetic text, poetic idiolect, Tyutchev, perceptual images, symbol, thunderstorm.

Anna M. Belova
Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: pwodjdj@yandex.ru

COMPOUND NAME RUSSIAN STYLE

The article considers the component composition of the composite name Russian style. The paper explores the communicative meaning of the name on the materials of the NKRY and analyzes the semantic regiment.

Keywords: compound name, National Corpus of the Russian Language

Elena A. Belyakova
Gomel State professional lyceum of builders
e-mail: lena13021975@yandex.ru

TRADITIONAL NAMES OF FESTIVE AND FUNERAL DISHES OF BELARUSIAN CUISINE

The article discusses the names of wedding and funeral dishes of the Belarusian cuisine, the etymology of the words "loaf", "kulich". Attention is focused on the connection between Belarusian and Russian cuisine. It is concluded that funeral customs and ceremonies are still preserved.

Keywords: Russian cuisine, Belarusian cuisine, rite, loaf, kulich, memorial dish, kutya.

Olga V. Belugina¹, Tatyana A. Shevtsova²

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky

¹e-mail: OBelugina@mail.ru

²e-mail: tatjana.shevtzova2016@yandex.ru

NAMES OF HOUSEHOLD OBJECTS IN THE "DICTIONARY OF FOLK TALICS OF THE WESTERN BRYANSK REGION" P.A. RASTORGUEV

The article presents an analysis of dialect vocabulary, reflecting the peculiarities of the language of the inhabitants of the western regions of the Bryansk region and recorded in the dictionary of P.A. Rastorguev. The linguistic units included in the thematic group "Household items" were considered. The following lexical and thematic groups have been characterized: "Names of items intended for storage or preparation of liquid products", "Names of tools and devices for performing certain actions related to the daily economic life of people", "Names of clothing", "Names of headgear", "Names of shoes.

Keywords: P.A. Rastorguev, dictionary, dialects, lexical-thematic group, Bryansk region.

Milana A. Bogatyreva¹, Natalya V. Troshina²

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky

¹e-mail: mbsalamad@mail.ru

²e-mail: natalya_troshina@mail.ru

TURKISMS IN THE FAIRY TALE OF M.Yu. LERMONTOV «ASHIK-KERIB»

The article presents a description of the Turkisms representing the life of the highlanders in the fairy tale by M.Yu. Lermontov «Ashik-Kerib». The lexical-semantic groups of Turkisms are characterized, the importance of studying exotic vocabulary in literary texts is substantiated.

Keywords: vocabulary, lexico-semantic group, Turkism, M.Yu. Lermontov, «Ashik-Kerib».

Svetlana N. Boikova¹, Xiao Yuxi²

Francisk Skorina Gomel State University

¹e-mail: lukjanchiksn@mail.ru

²e-mail: yuxi.xiao@yandex.ru

THE CONCEPT OF «TEA» IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUOCULTURES

The article defines the main meanings of the concept "tea" in Russian and Chinese on the basis of data from explanatory dictionaries and collections of proverbs and sayings. The symbolism of the hieroglyph designating tea is noted, the features of the Russian and Chinese tea traditions are described. It is concluded that the concept of "tea" in both Russian and Chinese cultures forms a specific linguistic and cultural space.

Keywords: linguoculturology, concept, tea tradition, hieroglyph, conceptsphere, value.

Violetta V. Brytkova

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: leta_brytkova@mail.ru*

UNOFFICIAL TOPONYMS AS AN ELEMENT OF THE ONYMIC SPACE OF NOVOZYBKOV, BRYANSK REGION

The article is devoted to the analysis of unofficial toponyms of the city of Novozybkov in the Bryansk region as an element of onymic space. The classification of folk names of urban realities is given, their peculiarities in speech are noted, it is shown that they help to preserve the rich culture and history of the municipality and its inhabitants, demonstrate linguistic creativity and folk art.

Keywords: toponym, unofficial urbanonym, types of nomination, motivational feature, folk name.

Anastasiya V. Bunos

*Belarusian State University of food and chemical technologies
e-mail: anastasia.bunos@gmail.com*

SOME FEATURES OF A SOCIOLINGUISTIC PORTRAIT OF MODERN DAY BELARUS

This article examines the main sociolinguistic characteristics of the modern day Belarusian population. Factors influencing the language situation in the country are analyzed. The dependence of the use of the Belarusian language on the place of residence and the size of the human settlement was established on the basis of a comparative analysis of the 2009 and 2019 population census data. The data on the choice of the language for compulsory examination by applicants in centralized testing over the past decade are considered. There has been revealed a decreasing trend in popularity of the Belarusian language among young people.

Keywords: sociolinguistic features, official bilingualism, language situation, status of the Belarusian language in modern society, interlingual interference.

Svetlana F. But-Gusaim

*Brest State University named after A.S. Pushkin
e-mail: svfbg@tut.by*

ANTHROPONIMIKON OF THE PROSE BY NIKOLAI SENKEVICH

The article considers the national and cultural specificity of the anthroponymic space of the prose by the contemporary Brest writer Nikolai Senkevich. The author of the article describes the full, hypocoristic, emotional-evaluative forms of personal proper names – exponents of connotations of emotionality, evaluativeness and national and cultural specificity. The connotation of the sociality of patronymics is considered. The figurative features of surnames and nicknames are studied, the etymological semantics of which preserves information about the ethical norms inherent in the Belarusian ethnos. The classi-

fiction of surnames and nicknames-poetonyms according to the semantic features of word-formation bases has been carried out.

Keywords: onym, poetonym, anthroponym, anthroponymic connotation, personal proper name, nickname, surname.

Oksana V. Danich

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

e-mail: odanich@mail.ru

FORMATION OF LINGUO-CULTURAL LITERACY OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN ON THE MATERIAL OF FOLK CULTURE OF BELARUSIANS

An analysis of the phenomenon of cultural literacy is presented in the context of a competency-based approach to building the educational process in elementary school. The methods of organizing work on the formation of linguistic and cultural literacy of younger schoolchildren are considered on the basis of Belarusian rituals and beliefs.

Keywords: cultural literacy, linguistic and cultural literacy, competence, junior school-children, folk culture.

Lyubov M. Dereguzova¹, Olga Yu Pechenkina²

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky

¹ e-mail: Lubimochka98@yandex.ru

² e-mail: Olya_Bryansk@mail.ru

THE UNIQUE DEVELOPMENT OF CHRISTIAN MOTIVES IN THE LYRICS OF V.D. DINABURGSKY

The article studies Christian motives in the works of V. D. Dinaburgsky. The analysis of the collection "Enlightenment: Christian Motives for Believers and Non-believers" reveals from new sides all the versatility and depth of V. D. Dinaburgsky's talent, the originality of his author's position and beliefs, and also gives an opportunity to more closely consider significant themes and motives in his lyrics directly related to the historical and cultural heritage of the Great Bryansk region.

Keywords: V. D. Dinaburgsky, Christian motives, religious issues, lyrics.

Julia L. Dmitrieva

Gorlovka Institute for Foreign Languages

e-mail: Juls88Dmutrieva@yandex.ru

THE IMAGE OF AN OAK TREE IN THE LANGUAGE OF POETRY BY S. YESENIN AND N. KLYUEV

The study of the relationship between language and culture remains relevant in modern linguistics. The thesis about the presence of culturally significant information in the structure of the meaning of a verbal sign is axiomatic. The image, being the basic unit of linguoculture, actualizes this information in the consciousness of a representative of an ethnic group, performs the function of a standard and/or symbol, and also actualizes

facts about the object of the surrounding reality. The image of an oak tree is one of the most significant for the speakers of Russian linguoculture. The purpose of this work is to describe the means of objectification of the image of the oak in the works of S. Yesenin and N. Klyuev. Information about the object of reality is fixed in the dictionary definition of the lexeme, which nominates the image of an oak. The cognitive feature "plant age" is also updated in the texts of S. Yesenin and N. Klyuev. The image of the oak is endowed with positive cultural connotations: it is a sacred tree for the Slavs, a variant of the world tree that organizes earthly and sacred spaces. We include power, strength, wisdom and longevity among the reference qualities of the image under consideration. These qualities are also verbalized in the language of poetry of the carriers of Russian linguistic culture S. Yesenin and N. Klyuev.

Keywords: image, linguoculture, oak, cognitive signs, standard, symbol.

Elena V. Dubitskaya¹, Veronika V. Golovanova²

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky

¹*e-mail: elen-dubickay@yandex.ru*

²*e-mail: smirnovaveronika19@gmail.com*

PREPARATION FOR THE UNIFIED STATE EXAM IN LITERATURE IN THE BRYANSK REGION

The article presents an analysis of the results of the unified state exam in literature in the Bryansk region, the features of preparation for it, analyzed the possibilities of preparing for the Unified State Exam in literature in online schools.

Keywords: unified state exam, online school.

Alexander L. Dziadzinkin

Vitebsk branch of the International University "MITSO"

e-mail: alexanderdedinkin@yandex.by

ETHNIC AND LINGUISTIC SITUATION ON THE BELARUSIAN-RUSSIAN BORDER IN THE 19th – EARLY 20th CENTURIES AS THE FOUNDATION OF A LANGUAGE PERSON

The article presents an analysis of the ethnic and linguistic situation in the territories of the Vitebsk and Mogilev provinces in the 19th - early 20th centuries. The author concluded that the population of the region was multi-confessional and multi-ethnic. The identification of one or another ethnic group was carried out through the use of the corresponding native language. The historical prerequisites for the formation of a linguistic personality on the Belarusian-Russian border are indicated.

Keywords: linguistic personality, ethno-confessional situation, linguistic situation, native language, Belarusian-Russian borderland.

Ksenia V. Emelyanova

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: emelxen.90@gmail.ru

DIALECT VOCABULARY OF THE BRYANSK REGION NOMINATED INTERIOR DEVELOPMENT OF RURAL HOUSING

The article analyzes the dialect vocabulary of the Bryansk region. The history of the study of Bryansk dialects is briefly described. The object of the study is selected dialect units that call the internal arrangement of rural housing. The characteristic features of the nominations that came to the Russian dialect speech from the Ukrainian and Belarusian languages are highlighted and described. Based on the analysis, the dominant influence of Ukrainian lexemes on Bryansk dialects is noted.

Keywords: dialect vocabulary, lexico-thematic group, Bryansk region, rural housing, Bryansk dialects.

Anna A. Filatova

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: annafilatova15@gmail.com

DIALECT VOCABULARY OF THE BRYANSK REGION NOMINATES OBJECTS AND PHENOMENA OF ANIMAL HUSBANDRY AND POULTRY FARMING

The article analyzes the dialect vocabulary of the Bryansk region, consisting of a brief reference on the history of the study of Bryansk dialects, the division of the selected vocabulary into lexico-thematic groups, the identification of lexemes inherent in other languages of the East Slavic group. The study concludes that the equal influence of the Ukrainian and Belarusian languages on the development of Bryansk dialects.

Keywords: dialect vocabulary, lexico-thematic group, Bryansk region, Bryansk dialects, animal husbandry, poultry farming.

Stepan S. Fomin

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: stepfom2001@mail.ru

ETHNOGRAPHIC AND POLITICAL TERMINOLOGY AS AN IDIOSTYLE MARKER OF JOURNALISTIC N.S. TRUBETSKOY'S DISCOURSE

The article examines the functioning of terms in N.S. Trubetskoy's discourse. In the course of the research, we have established the main types of terminology, its functioning within the discourse, the formation of author's terms. We have determined that this particular lexical group is one of the idiostyle features reflecting the specifics of N.S. Trubetskoy's discourse.

Keywords: N.S. Trubetskoy's discourse, terminology, idiostyle, journalism.

Elena A. Glazkova
Russian State University for the Humanities,
Russian Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: elena-glazkova1@ya.ru

BORSCHT IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND RUSSIAN CULTURE

I consider in my article a representation of the notion of borscht in the Russian world picture, taking into account that borscht is a symbol of both Russian cuisine and Russian culture as a whole. I use examples from Russian National Corpus, russian proverbs as a material.

Keywords: world picture, culture, value system, borscht.

Nataliya A. Golik
Municipal Cultural Institution Unecha local history museum
e-mail: un.muz@mail.ru

PEASANT LABOUR AND REST: A COMPARISON OF THE TRADITIONS OF THE LATE 19TH AND MID-20TH CENTURIES (BASED ON MATERIALS OF FOLKLORE WRITER M.N. KOSICH AND MEMORIES OF UNECHSKY DISTRICT'S RESIDENTS)

The article presents the traditions of labour and rest of South Western Bryansk region peasant population whom a 19th century writer and ethnographer M.N. Kosich considered as unique folk: Lithuanian Belarusians. Based on conversations with the local elderly, there is an analysis of the traditions that were preserved in the villages of the Bryansk region by the middle of the 20th century.

Keywords: Lithuanian Belarusians, Mariya Nikolaevna Kosich, peasant labour, Orthodox rite, dialect, South Western Bryansk region.

Olga A. Golovacheva, Yana V. Salovskaya
Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: golovacheva-olga@mail.ru

REPRESENTATION OF RUSSIANS AND EUROPEANS IN THE ASPECT OF THE PARADIGM 'OWN'/'ALIEN' (BASED ON THE MATERIALS OF EARLY JOURNALISM BY N. S. LESKOV)

The article is devoted to the study of the binary opposition of "friend"/ "stranger" in line with the anthropocentric paradigm in the early journalism of N.S. Leskov. The material for the study was the articles of the virtuoso of the Russian word N.S. Leskov. The study of the semantic content of the opposition "own" / "alien" on the material of the analyzed texts is one of the effective ways to comprehend the mentality of the Russian people in comparison with the worldview of a number of other ethnic groups.

Keywords: N.S. Leskov, the opposition "friend - foe", Russians – Europeans, early journalism.

Veronika V. Golovanova

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: smirnovaveronika19@gmail.com*

COMPOUND NAME RUSSIAN WINTER: TRADITIONAL AND RELEVANT

The paper analyzes the component composition of the multi-word formation Russian winter. The goal is to describe the semantic field of this language unit by analyzing the communicative meaning of the combination Russian winter in the main body of the NKRY.

Keywords: compound name, communicative meaning, National Corpus of the Russian language.

Inna G. Gomonova

*Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: inna-gomonova@mail.ru*

DICHOTOMY IN RUSSIAN PROVERBS WITH THE COMPONENTS OF YESTERDAY / TODAY / TOMORROW

The article deals with Russian proverbs, which express the opposition of temporal characteristics of yesterday / today / tomorrow. Variants of dichotomy and the meaning of paremiological units based on opposition are analyzed.

Keywords: proverb, paremiological unit, time, temporal characteristic, opposition, dichotomy.

Pavel Yu. Gusev

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: gusev-pavel-89@mail.ru*

LIFE AND EVERYDAY LIFE ON THE TERRITORY OF THE BRYANSK BORDERLAND AFTER THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article analyzes the situation in the Bryansk border area in the post-war years, the impact on these processes of the distinctive features and various features that inhabited this territory, as well as the interaction of various groups.

Keywords: restoration, interaction, interethnic relations.

Yulia S. Kaperzova

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: yulia.kaperzova@yandex.ru*

METHODICAL TECHNIQUES FOR THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE UNIVERSAL EDUCATIONAL ACTIONS OF COMPREHENSIVE SCHOOL STUDENTS

The article presents an overview of dissertation research, as well as articles by teachers of Russian language and literature, which consider pedagogical technologies, forms,

methods, means and techniques for the development of communicative universal educational actions. The authors of the articles claim that a set of language exercises, group and game forms of work, speech development lessons contribute to the activation of students' mental activity, help to master the studied material more deeply, teach schoolchildren to defend their point of view.

Keywords: communication skills, communicative actions, pedagogical technology, means, forms, methods and techniques of work.

Vladimir I. Karasik

State Institute of the Russian Language. A. S. Pushkin

e-mail: vkarasik@yandex.ru

EMBLEMICS AND SYMBOLS OF THE HOUSE IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The paper presents figurative features of the concept "home" in the Russian language consciousness, including perceptual and associative characteristics. To identify these features, data from the National Corpus of the Russian Language and modern associative dictionaries were used.

Keywords: concept, frame, prototype, archetypal, evaluative features.

Oleg G. Kazak¹, Artem S. Sereda²

¹*Belarusian State Economic University*

e-mail: olegkazak90@tut.by

²*State educational institution «Secondary school № 3 in Zhabinka»*

e-mail: marcellinus@tut.by

LANGUAGE QUESTION ON THE PAGES OF THE REGIONAL PRESS OF THE BREST REGION (SECOND HALF OF THE 1980s - FIRST HALF OF THE 1990s)

The article analyzes the materials of the regional press of the Brest region of the BSSR / Republic of Belarus, dedicated to the language issue. Most publications noted the linguistic features of the inhabitants of the West Polesie region. The official course of the late Soviet period and the first years of the existence of the sovereign Republic of Belarus (Belarusization) met with significant resistance in the region, which was reflected even in the official press.

Keywords: Polesie, language, dialect, Belarusianization, press.

Marharyta M. Kazlouskaya

Gomel State Medical University

e-mail: almark@tut.by

PHRASEOLOGY AS A MEANS OF SPIRITUAL, MORAL AND INTELLECTUAL DEVELOPMENT OF YOUTH

This article examines the role of phraseology in the spiritual, moral and intellectual development of young people. Methodological techniques that create conditions for the

growth of linguistic and cultural competence and increase the effectiveness of training are proposed.

Keywords: phraseology, spiritual and moral development, intellectual development, Russian language.

Kristina N. Kirichenko

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky

NAMES OF FOOD IN SOUTH-WEST PLANTS OF BRYANSK REGION

The article presents an analysis of food names of dialects of the south-west of the Bryansk region, which are presented in the "Dictionary of Folk Dialects of the Western Bryansk region" by P. A. Rastorguev (Minsk, 1973) and the "Bryansk Regional Dictionary" (ed. N. I. Kurganskaya, Bryansk, 2011).

Keywords: Bryansk dialects, dialectism, P. A. Rastorguev, food name, lexico-semantic group.

Irina S. Klimas

Kursk State University

e-mail: iklimas@mail.ru

THE CONCEPT "GATE" IN THE KURSK TEXT - FOLKLORE AND AUTHOR'S

The article presents an analysis of the concept "GATE" and the originality of its lexical representation in the Kursk folk lyrical songs and fairy tales and in the military prose of the Kursk writers. The conclusion is made about the iconic, symbolic nature of the image, entering into traditional semantic oppositions.

Keywords: concept, language representation of the concept, conceptogram.

Oksana Yu. Kolegova

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

e-mail: troy79@mail.ru

AMBIGUOUS EDUCATION "RUSSIAN SOLDIER" IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The article considers the component composition of the semantic field of the compound name Russian soldier. Russian soldier's communicative meaning in the Russian language picture of the world is characterized by the analysis of the main and newspaper corpora of the National Corpus of the Russian Language (NCRR).

Keywords: ethnonym, compound name, communicative meaning, National corpus of the Russian language.

Evgeniy N. Korneikov

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: korneikoff@yandex.ru

APPROACHES TO UNDERSTANDING THE CATEGORY "CIVIL UPBRINGING" IN DOMESTIC AND FOREIGN PEDAGOGICAL CULTURE

Approaches to understanding the category "civic upbringing" in domestic and foreign scientific literature are analyzed. It has been established that in the countries of the European Union and the United States, the understanding of civic upbringing is somewhat different from the understanding of this category in Russia and China. In Western countries, the understanding of citizenship comes down to the readiness and ability "to defend one's democratic rights and responsibilities in society." In Eastern culture (in China), civic upbringing is seen in the context of "the ability of citizens to personally participate in political life, the protection of the personal interests of citizens, public trust and cooperation". In the Russian pedagogical tradition, there is a close connection between civic upbringing and patriotic and legal education.

Keywords: education of youth, civic upbringing, citizenship, comparative analysis of the education of a citizen

Inna A. Koroleva

Smolensk State University
e-mail: innakor@mail.ru

ETHNOGRAPHIC VOCABULARY OF THE SMOLENSK-MOGILEV BORDERLANDS AND ITS LEXICOGRAPHY

The article includes ethnographic vocabulary at the disposal of lexicographic sources of the Smolensk-Mogilev border area. There is a significant number of devoted ethnographies in the involvement of lexicographic works. Particular attention is paid to the presentation of ethnography in the unique Dictionary of Mogilev-Smolensk border dialects

Keywords: dialectology, lexicography, ethnographic vocabulary, Smolensk-Mogilev borderland, comparative dialect materials

Margarita I. Korotchenko

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: margaswag@yandex.ru

FOOD NAMES IN THE DIALECTS OF THE BRYANSK REGION

The article presents an analysis of dialect vocabulary reflecting the peculiarities of the language of residents of the Bryansk region and recorded in the Bryansk regional Dictionary. The language units included in the thematic group "Food" were considered. The following lexical and thematic groups are characterized: "Names of dishes made from potatoes", "fermented milk products", "Names of liquid dishes", "Names of flour products".

Keywords: Bryansk regional dictionary, dialects, lexico-thematic group, Bryansk region.

Vladimir I. Koval
Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: vlad-kov@mail.ru

**ETHNOLINGUISTIC ANTIQUITIES SYNCRETICIDIOLECT:
THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDER**

The article discusses information related to the field of folk demonology, recorded by collectors in the territory of the city of Novozybkov and Novozybkovcity district. The presence of similar linguistic and extra-linguistic facts in other cultural traditions is noted, regional peculiarities of traditional folk beliefs from the sphere of «lower» mythology are revealed.

Keywords: traditional spiritual culture, ethnolinguistics, witch, werewolf, harmfulness.

Ulyana N. Kozhurina
Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: ulliana.borisova@yandex.ru

**DIALECT FEATURES OF A COMMUNICANT WITH PARTIAL DYSFUNCTION
OF THE SPEECH APPARATUS**

The article discusses the dialect features of a communicant with partial dysfunction of the speech apparatus. Before the disease, the communicant was a native speaker of the South Russian dialect, these features are fixed in speech and are preserved even with language disorders.

Keywords: dialectology, dysfunction of the speech apparatus, communicant, phonetic features, aphasia.

Nelli A. Krasovskaya
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

RUSSIAN DIALECT VERB: REFLECTION OF THE WORLD VIEW OF THE PEOPLE

The article deals with dialect verbs with the semantics of active physical action and influence. The lexico-semantic field of such verbs is considered, examples are given. According to the author, among such verbs, most of all there are verbs expressing a variety of semantics of impact.

Keywords: dialectal verb, semantics, active action, strike, Tula dialects.

Anastasia Yu. Krause

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky

e-mail: corovjeva.anastasija@yandex.ru

**STUDY OF NATIONALLY MARKED SYMBOLS IN THE WORKS OF F. I. TYUTCHEV
AS ONE OF THE WAYS TO IMPLEMENT LIFELONG EDUCATION IN HIGH SCHOOL**

The article presents an analysis of the features of lifelong education, analyzes its specificity in high school. As an example, a lesson-seminar was developed, substantiating the need to study and further develop this phenomenon among high school students.

Keywords: lifelong education, high school, lifelong education features, nationally marked symbols

**AMBIGUOUS EDUCATION "RUSSIAN CROSS" IN THE RUSSIAN LANGUAGE
PICTURE OF THE WORLD**

The article considers and analyzes the component composition of the semantic field of the compound name Russian cross. Russian Cross is a characteristic of the communicative meaning of the ambiguous formation of the Russian cross in the Russian language picture of the world through the analysis of the main and newspaper corpus of the National Corpus of the Russian Language (NKRR).

Keywords: ethnonym, compound name, communicative meaning, National corpus of the Russian language.

Sergey B. Kurash

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin

e-mail: text2005@mail.ru

**FROM «THE UNIQUE WORD» TO «STRONG WORD » (IMAGES OF THE WORD
IN THE BELARUSIAN LITERATURE OF THE XX-EARLY XXI CENTURIES)**

The article analyzes a number of word images characteristic of Belarusian poets and prose writers, as well as linguistic means of their creation. The semantic multidimensionality of the word as a poetically reflected phenomenon is shown, typical motives for Belarusian literature accompanying reflections on the word in artistic discourse are highlighted. The compatibility of the analyzed lexeme with a number of adjectival lexemes acting as typical epithets is characterized. Attention is drawn to the nationally specific representations of the word in the language of literary texts of Belarusian authors.

Keywords: word, image, concept, phenomenon, artistic text, Belarusian literature.

Nina P. Kurmakayeva
Donetsk National University
e-mail: kurmakayeva@mail.ru

THE REGIONAL COMPONENT IN THE IDIOLECT OF THE DONBASS POET'S LINGUISTIC PERSONALITY

The phenomenon of Donbas poet's Russian linguistic personality is studied through the specificity of his idiolect. Regional words and linguocultural concepts, determining value, cognitive and behavioral levels of the regional linguistic personality in different periods of life of the Donbas, take a noticeable place in the idiolect. Fragments of a unique regional poetic worldimage in the historical and cultural refraction are revealed. The thesis about the direct and deep connection between the cultural and historical specificity of the region and the mentality of its inhabitants continues to be defended.

Keywords: idiolect, linguocultural concept, mentality, regional linguistic worldimage, regional linguistic personality of the poet.

Nadezhda I. Lapitskaya
Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: nadezhdalapickaya@yandex.ru

MYTHOLOCATIVES IN TEXTS RUSSIAN AND BELARUSIAN SPELLS

The article presents a description of the main groups of river names in the texts of Russian and Belarusian incantations. Locatives in incantation texts are distributed by us according to the loci that the subject of the conspiracy overcomes, moving towards the sacred center, where his will will be done. These are peripheral, middle and central loci, which are filled with proper names, naming certain geographical objects.

Keywords: charms, mytholoqatives, sacral function, hydronyms, locus.

Jaroslavna V. Lebedeva
Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: yaraslavnaya37@yandex.ru

LEXICAL-THEMATICAL GROUP "POTTERS" IN THE "BRYANSK REGIONAL DICTIONARY"

The paper analyzes the composition and methods of nomination of the lexical-thematic group pottery. The composition and motivational features of LTG nominations are described.

Keywords: lexical-thematic group, motivational signs at the heart of the nomination, Bryansk Regional Dictionary.

Valentina V. Ledeneva
Moscow state regional University
e-mail: ledenevavv@yandex.ru

ETHNOGRAPHISM AS A NUCLEAR UNIT OF A JOURNALISTIC TEXT

The article examines the ethnographism of djembolos as a nuclear unit of one of the published texts of the notebooks of the publicist, TV presenter, journalist, public figure Yu.D. Chernichenko (1929-2010), figuratively called "patriarch of the Crimean thaw". It is shown that ethnographism occupies a strong position, plays a plot-forming role, reflects the emotional mood of the author, forms the stylistic tonality of the text, is realized as its keyword.

Keywords: journalism, notebooks, Y.D. Chernichenko, ethnographism, djembolos.

Tatyana V. Leontyeva¹, Valery M. Mokienko²

¹Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin
e-mail: leotany@mail.ru

²Saint Petersburg Federal University,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin
e-mail: mokienko40@mail.ru

FROM EASTERN SLAVIC PAREMIOLOGICAL ORNITHOLOGY: FRIENDS AND ENEMIES OF THE SORP

The linguistic study of Polissya as an East Slavic borderland is an actual Slavic problem. The paremiological material allows us to show the linguoculturological heritage of this linguistic continuum, both in its similarities and differences. In the report, they are shown on the example of Russian, Ukrainian and Belarusian proverbs and sayings with the ornithonym component "forty". With a general similarity inherited from the Proto-Slavic period, semantic and axiological differences of specific proverbs are noted. The ornithonym "forty" is analyzed against the background of other ornithonyms in the spectrum of the opposition "Unity" - "Enmity"

Keywords: the concept of unity and enmity, paremiology, proverb, saying, ornithonym "magpie", East Slavic borderland

Olga A. Leshchinskaia
Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: zshvedova@mail.ru

LEXEMES-SYMBOLS 'BORDER' AND IMAGES OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE ARCHITECTURAL AND HOUSE-BUILDING CODE OF CULTURE

In the article on the base of phraseological units with the component-symbol 'border' a stable valuable content of culture, its categories and meanings, the interaction of the

language and culture of the Belarusians due to the selection of lexemes while creating images of phraseological units that objectify the architectural and house-building code of culture in the range of cultural and national self-cognition is established. Linguistic and cultural analysis of the components, figurative images related to the parts of the house, allows to note that the presented phraseological units primarily characterize and evaluate the person himself, his actions, state, relationships between people and the most important concepts.

Keywords: phraseological unit, component, symbolism, border, image, cultural information, architectural and house-building code.

Tatyana P. Lipai

Minsk City Institute for the Development of Education

e-mail: lipai@tut.by

IMPACT OF REALITY SHOW ON HOUSEHOLD CULTURE AND EVERYDAY LIFESTYLES OF YOUNG

Television is still the main source of information. This article presents the results of a study of the influence and reality shows on value orientations and everyday lifestyle of young.

Keywords: reality show, household culture, language, value orientations, self-stigmatization, youth

Tat'yana A. Listova

Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology

of the Russian Academy of Sciences

e-mail: listova.ta@mail.ru

The concepts of payoff and redemption in the modern wires of the deceased (Russian-Belarusian-Ukrainian border area)

The article deals with ritual and behavioral acts associated with the departure of the deceased to another world. Thematically, they can be divided into those that protect the living from the deceased, and those that serve his safe movement. The materials show the relevance of mythological representations associated with death in our days.

Keywords: funerals, ritual and behavioral acts, deceased, redemption, ransom.

Marianna V. Lyubimova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

e-mail: lbm73@gmail.com

PROBLEMS OF PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS OF RUSSIAN HOUSE-BUILDING TRADITIONS

The paper reflects the geography and role of the festival "Tom Sawyer Fest" of the volunteer movement "Tom Sawyer Fest" in solving the problem of preservation of the cultural

heritage of the building and the precious historical means. The objects of activity, as well as previous events and characteristics of volunteer movement in Nizhny Novgorod are demonstrated. The current problems of conservation of the cultural heritage of the Russian tradition of home-growing are underlined.

Keywords: spirituality, cultural heritage objects, protected quarter, social movement, festival of the historical environment restoration, interaction "society-business-power".

URBAN ARCHITECTURE OF THE PAST: TECHNIQUES OF RESTORATION AND INTEGRATION INTO MODERN CULTURE

The paper reflects the methods of semantic filling of the historical quarter on the example of preparation for the 800th anniversary of the city of Nizhny Novgorod through intersectoral interaction.

Keywords: heritage economics, landscape festival, revitalization, interaction "society - business - government".

Ma Tongtong

Moscow State Pedagogical University

e-mail: caihongxianzi2008@qq.com

THE LINGUOCULTURAL CONCEPT "FORGIVENESS" AND THE WAYS OF ITS REPRESENTATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

This article gives a practical definition of forgiveness as the first step to a systematic analysis of this concept. Using the approach described by Walker and Avant (1995), the authors identify the features and characteristics of forgiveness, as well as its theoretical and practical implications. The therapeutic role of forgiveness has been advocated throughout the ages in relation to religious practice and the human relationship with God. This conceptual analysis suggests a definition of forgiveness application in theory and practice.

Keywords: concept, forgiveness, Russian, research, linguoculture

Vera I. Martsynkevich

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin

e-mail: vera.martsinkevich@mail.ru

PERCEPTIVE MODUS "VISION" AND THE MEANS OF ITS LINGUISTIC REPRESENTATION IN THE PAREMIOLOGICAL WORLDVIEW OF BELARUSIANS (on the basis of proverbs realizing the concept 'children')

Based on the factual material of the folklore records of A. Serzhputovsky and F. Yan-kovsky, the article analyzes paremiological units that implement the concept of 'children' in the context of linguistic sensory.

Keywords: children, paremia, linguosensorics, perceptual mode "vision".

Valentina A. Maslova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

e-mail: mvavit@tut.by

HOUSE AS A PART OF HOUSEHOLD CULTURE OF THE BORDER FROM THE POSITION OF PHILOSOPHY AND LINGUOCULTUROLOGY

The report considers the house as a dwelling and part of the everyday culture of the borderlands. The problem is analyzed from three angles: 1. Border culture as a problem of regional linguistics. 2. The house is the organizing center of the world in Russian philosophy and culture. 3. House from the position of linguoculturologists, since the analysis of language is a way of describing and existing culture.

Keywords: everyday culture, regionalism, philosophy of space, linguoculturology.

Kate N. Matusевич

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin

E-mail: katarina.kovalchuk@gmail.com

BELARUSIAN POLESHUKS IN THE WORLD

The social changes after the USSR collapsing period have led to the appearing of many companies to which it was necessary to give names. That time linguistics started to work a lot on the topic of onomasticons. Last time there are many linguistic researches on this topic. But there is a lack of information about the persons who did and do a lot in the world, culture, science and etc.

Keywords: street, memorial sign, professor, native, posthumously

Olga N. Melnikova

Francisk Skorina Gomel State University

e-mail: olsen_74_1@mail.ru

ON THE INTERNAL FORM OF THE COMPONENTS OF THE STABLE VERBAL COMPLEX KHOLIT I LELEYAT

The article considers the features of the functioning of the stable verbal complex kholit i leleyat (based on the material of texts presented in the National Corpus of the Russian Language). It is assumed that the functioning of this phraseological unit is associated with the peculiarities of the semantics of its key components, which have an unclear internal form in the modern Russian language.

Keywords: phraseology, compatibility, lexemes, etymology, semantics, internal form.

Yulia V. Milutina

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: julchik-sed@bk.ru*

SEMANTIC RELATIONS IN THE STRUCTURE OF COMPLEX BASES OF DIALECT WORDS NAMING NAMES OF PERSONS IN BRYANSK DIALECTS

The article presents a lexical and semantic analysis of dialect words in the word formation of names of persons based on the material of dictionaries of Bryansk dialects. The word formation of complex bases in the structure of nouns is shown in comparison with similar processes in other dialects and in the literary language.

Keywords: dialect word formation, addition method, Bryansk dialects, word-formation models, names of persons.

Tatiana A. Mishchenko

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: mtapost@yandex.ru*

MOTIVES OF THE "SOVIET" IN THE TECHNIQUES OF HOUSEHOLD HOUSE-BUILDING DESIGN (ON THE EXAMPLE OF DWELLINGS IN THE SOUTH-WEST OF THE BRYANSK REGION)

The author refers to the experience of a field study in 2013, the analysis of the materials of which shows the influence of elements of Soviet culture on the life experience and creativity of home builders of the south-west of the Bryansk region. A common feature of the masters is universalism: they are not only housebuilders, but have invented and manufactured many objects made of wood, described by us in the categories of "household design". Along with traditional decorative elements – floral and geometric, the masters of the second half of the XX century. they used images of people, animals, symbols that could be perceived from other samples of Soviet mass culture, their own ideological and aesthetic ideas about the beautiful.

Keywords: "soviet", household design, master housebuilders, housing, south-west of the Bryansk region.

Viktor V. Mishchenko

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: vicpost@inbox.ru*

THE INFLUENCE OF CONFESSIONAL ATTITUDES ON THE SPREAD OF TRADITIONAL CRAFTS IN EASTERN POLESIE AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES

The article deals with the influence of confessional attitudes on the spread of crafts in Eastern Polesie among the Old Believers.

Keywords: Eastern Polesie, Old Believers, traditional crafts, confessional attitudes.

Elena Yu. Muratova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail mouratova@tut.by

HOUSEHOLD CULTURE AND PRINCIPLES OF ITS IMPLEMENTATION IN LITERARY TEXTS

The article examines the everyday discourse in the literary texts of N.V. Gogol, I. Ilf and E. Petrov, M. Bulgakov. It is proved that the inclusion of household details in the context – food, drinks, furnishings, furniture, clothing, etc. – plays an important artistic, meaning-forming, social role in the transmission of images of heroes, reflects the spiritual, material and everyday national culture.

Keywords: discourse, artistic text, household detail, food, drinks, national traditions.

Vladimir I. Mozgovoy
Donetsk National University
e-mail: mowi48@mail.ru

SPELLING REFORMS AND THE CULTURE OF INTERACTION OF LANGUAGES IN THE ETHNOGRAPHONIMAL SPACE

The article deals with the problem of ethnographic variability of the national Russian language in the context of its interaction with the contact graphics of the languages of nationalities. The reformation of Russian spelling based on graphic simplification, which does not take into account the dialectics of the movement of peoples towards world globalization in combination with the development of processes of national isolation, is subjected to critical analysis. Models of graphic norms are proposed, aimed at preserving the national language as a means of the nation's community, materializing in various forms of onymic cultures of related languages.

Keywords: national language, community language, languages of nationalities, languages of communication, orthography and graphics, ethnographonyms, exographonyms.

Maria D. Naumchik
Brest State University named after A.S. Pushkin
e-mail: maria.nmchk@gmail.com

REALIZATION OF THE MAGIC FUNCTION OF LANGUAGE IN ORAL SPEECH OF BELARUSIAN POLESIE CULTURE REPRESENTATIVE

The article discusses the implementation of the magical function of language in oral narratives based on the author's audio recordings of 2021-2022. With the help of the case-study method, the linguistic means of implementing this function in oral speech of a resident of Belarusian Polisie region were analyzed.

Keywords: language function, magic function of language, oral narrative, victim, knowing.

Elena V. Nichiporchik
Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: evnich@gmail.com

BELARUSIAN PROVERBS WITH THE COMPONENT HLEB

The corpus of Belarusian proverbs with the component hleb is analyzed on the material of the dictionary "Prykazki i prymauki" compiled by M. Grinblat. The specific weight of such proverbs in each of the thematic blocks of the dictionary is established. The semantics of the component hleb is determined and the generalized meanings of proverbs with this component are revealed.

Keywords: proverb, dictionary, thematic group, component, meaning, sense.

Tatyana F. Novikova
Belgorod National Research University
e-mail: tnovikova@bsu.edu.ru

WAYS OF LEARNING THE NATIVE LANGUAGE WITH A PROJECTION ON THE COMPREHENSION OF THE CULTURE OF THE PEOPLE

The article deals with the problem of learning the Russian language with a projection on the comprehension of folk culture, the main ways of implementing the idea of language teaching in the cultural aspect are named and briefly characterized. In connection with the raised problem, topical concepts of varying degrees of scientific mastery are considered: dialogue of cultures, linguoregionology, cultural component of the word, word-theme, key word.

Keywords: Russian language, national culture, dialogue of cultures, linguoregionology, cultural component of the word, word-theme, key word.

Tamara A. Osipova
International University "MITSO"
e-mail: annettoc@rumbler.ru

THE CONCEPT "WORLD OF WORD RADIO" IN RUSSIAN ART LITERATURE AND PUBLICISTICS

The article presents an analysis of the verbalization of the word of mouth concept in Russian fiction and journalism (based on the material of the National Corpus of the Russian Language). The semantics, connotations of phraseologism word of mouth are considered.

Keywords: concept, concept sphere, verbalization (representation) of the concept, phraseological unit, semantics, connotations.

Natalia I. Ovchinnikova
Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: ovchinnikovanata2018@gmail.com

NAMES OF RESIDENTIAL PREMISES, OUTBUILDINGS AND THEIR PARTS IN THE BRYANSK DIALECTS

The article analyzes the dialect names of residential premises, outbuildings and their parts, recorded in the dictionary of N. I. Kurgan. Six lexical and thematic groups were characterized: "Names of houses and their parts", "Names of premises for keeping animals", "Names of premises for storing food", "Names of fences", "Names of roofs of premises" and "Names of premises for various needs". A comparative analysis of words in the Russian, Belarusian and Ukrainian dictionaries was made.

Keywords: dialectisms, premises, lexical units, thematic group, Bryansk region.

Olga B. Perekhod
Brest State University named after A.S. Pushkin
e-mail: rexo61@mail.ru

TRADITIONAL HOUSING OF THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDER: INTERIOR DECORATION, SYMBOLS

The article discusses the interior and interior decoration of a traditional peasant of the Russian-Belarusian borderlands, describes the symbolism of the dwelling associated with the natural and life cycles of a person, family and ritual traditions. Particular attention is paid to the symbolic meaning of sacred places and objects of traditional dwellings – the red corner, stove, loom.

Keywords: traditional dwelling, interior, household items, symbolism of the dwelling, sacred places in a traditional dwelling.

Marina G. Petukhova
Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: mg.petukhova@mail.ru

SANITARY AND HOUSEHOLD CULTURE AND TRADITIONS OF PERSONAL HYGIENE OF RURAL RESIDENTS OF THE SOUTHWESTERN REGIONS OF THE BRYANSK REGION

The article deals with oral-historical, ethnographic sources containing elements and components of the peasant sanitary and hygienic culture. Among them are personal hygiene for men and women, detergents and methods of providing household sanitation, means of daily cleaning, washing linen, child care in the south-west of the Bryansk region in the second half of the 20th and early 21st centuries.

Keywords: sanitary culture, hygiene, childcare

Elena N. Poluyan
Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: alena.paluian@mail.ru

HOUSEHOLD ITEMS FROM WOOD: UTILITARY AND RITUAL FUNCTIONS

The article discusses the utilitarian and ritual functions of such household items made of wood as a mortar, salt shaker, bowl. Their role in family and calendar rituals is revealed, as well as extralinguistic information encrypted in stable combinations associated with household items.

Keywords: household items, wooden items, utilitarian and ritual functions.

Liliya V. Poplavnaya
Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: liliya.paplaunaya@mail.ru

FOLK PROVERBS OF KOSOVO

The article presents an analysis of proverbs recorded in the collection of A. Zaika "Proverbs and sayings of Kosovo". These figurative stable combinations, recorded by the author in the most picturesque corner of Belarus, give an idea of the way of life, family relations, morality, and moral values of the Belarusian people.

Keywords: proverb, figurativeness, expressiveness, comparison, syntax, types of sentences.

Sergei P. Pravednikov
Kursk State University
e-mail: spprav618@mail.ru

LINGUISTIC SPECIFICS OF KURSK DITTIES

Dialect vocabulary occupies a significant place in the texts of Kursk ditties, which this article is devoted to. The material for the study was the recently published set of Kursk ditties, which selected texts recorded in all districts of the Kursk region (including the Russian-Ukrainian borderland) during the folklore practices of students and teachers of Kursk State University. One cluster is subject to analysis, its example demonstrates the features of the functioning of dialectisms. The opinion is defended that the words of the everyday dialect, being actualized in the text of a folklore work, are able to act as territorial identification marks.

Keywords: the language of Russian folklore, ditties, dialect vocabulary

Sergey M. Pronchenko¹, Olga G. Nikulkina²

¹Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: s.m.pronchenko@yandex.ru;

²Plekhanov Russian University of Economics Bryansk branch
e-mail: sinbad1982@yandex.ru

VOCABULARY OF POTTERY IN THE "BRYANSK REGIONAL DICTIONARY"

In the publication, based on the material of the Bryansk Regional Dictionary, the vocabulary of pottery is considered, the features of its functioning in the folk speech culture of the Bryansk Region are determined.

Keywords: vocabulary of pottery, "Bryansk regional dictionary", Bryansk dialects, folk speech culture of the Bryansk region.

Viktor N. Pustovoytov

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: vnpnov@gmail.com

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR SCHOOLCHILDREN TO MASTER THE COMPETENCIES OF INTERACTION IN THE POLYCULTURAL SPACE OF THE BORDERLAND

It is shown that the features of the multicultural space of the borderlands should be included in the content of the regional component of the curricula of general education schools in the border areas. In a generalized form, in the context of the development of learners' competencies of interaction in a multicultural society, this provision is fixed in the domestic general education in the requirements of federal state educational standards. The pedagogical conditions for mastering the competencies of interaction in the multicultural space of the borderlands by the students of the secondary school are defined: systematic educational work with students living in the borderlands to master the competencies of interaction; systematic career guidance work of teachers of schools of the border regions aimed at securing graduates in the borderlands; targeted training of future teachers to create conditions for students to master the competencies of interaction in the borderlands. the multicultural space of the borderland.

Keywords: multicultural space of the borderland, education of schoolchildren, quality of general education, regional policy.

Tatyana A. Raspopova¹, Julia I. Rozhkovskaya²

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
¹e-mail: volkova1111@yandex.ru

²rozhkovskaya1997@bk.ru

INSULT SEMANTICS IN THE PLAYS OF A.N. OSTROVSKY

The article describes the semantics of the speech act of insult; invective linguistic means in the speech of the heroes of Ostrovsky. Methods of expression and stylistic functions of insult in plays by A.N. Ostrovsky are analyzed.

Keywords: insult, invective vocabulary, plays by A.N. Ostrovsky.

Angelina A. Scherbataya

Francisk Skorina Gomel State University

e-mail: angelina.scherbataya@mail.ru

PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE WITH THE WATCH COMPONENT

In the article, attention is directed to phraseological units with a common verb to look. The frequency of use of this component, the variety of its forms, two most important types of phraseological units structure – comparative turns and verbal phrases, various forms of the selected verbal component for figurative, emotional fixation, reflection and characterization and evaluation of new, usually abstract phenomena and concepts are established.

Keywords: phraseology, component, verb, look, structure, semantics, culture.

Ekaterina V. Selivanova¹, Tatyana V. Selivanova²

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky

¹*e-mail: selivanovakatya@hotmail.com*

²*e-mail: ponka_north@mail.ru*

THE NAME OF CLOTHING IN THE DIALECTS OF THE BRYANSK REGION

The article analyzes the dialect names of garments, represented in the dialects of the Bryansk region in the structural-semantic and paradigmatic aspects. The studied material demonstrates the linguistic competence of dialect speakers who use derivatives in speech, the formation of which corresponds to language models, the semantics is motivated by the generating base and word-building formants.

Keywords: dialectisms, semantics, motivation, derivation, naming of household items, southwestern territories of the Bryansk region.

Lidia A. Shapedko

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky

e-mail: lidiapoda@mail.ru

THE SPECIFICS OF THE ORGANIZATION OF ELECTIVE COURSES IN HIGH SCHOOL (ON THE EXAMPLE OF A COURSE AIMED AT STUDYING THE DIALECT FEATURES OF THE LANGUAGE OF RESIDENTS OF THE BORDER TERRITORIES OF THE BRYANSK REGION)

The article discusses the importance of elective courses in high school for a student. The author makes a conclusion about the importance of the correct approach to the choice of an elective course and the results obtained by the student in the learning process.

Keywords: elective course, textbook, subject area.

Natali V. Shishonina¹, Tatiana Batalova², Diana Kuznetsova²

¹Pyatigorsk State University

e-mail: 0977778@mail.ru

²Ramenskaya Secondary school No. 35 "Vector of success"

FASHION AS A COMPONENT OF CULTURE AND LANGUAGE

The article examines the nominative component of the concept of "FASHION" in cultural and historical development with different epochs and countries. The concept of fashion is multifaceted and extends to various spheres of social life. Fashion is characterized by scale and dynamics in language and cultural potential.

Keywords: concept, fashion, semantics, phenomenon, connotation, culture, history.

Alla V. Shloma

Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky

e-mail: avshloma@mail.ru

THE USE OF DIDACTIC ONLINE GAMES IN THE LESSONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE IN THE TERRITORY OF THE BRIANSK-GOMEL BORDER

The article discusses the possibilities of using modern online gaming technologies in Russian language and literature lessons.

Keywords: didactic game, modern technologies, online resources, online games.

Vasily V. Shur

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin

email: text2005@mail.ru

ONOMASTIC MUTUAL INFLUENCE AND INTERACTION IN THE SYSTEMS OF THE BELARUSIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

The article uses examples of local dialects, historical, fiction, folklore to trace the interaction of Belarusian onomastic systems with neighboring Russians, explains the reasons for interactions, and indicates the regions in which mutual influence in onomastic systems is most convincingly and consistently manifested.

Keywords: onym, anthroponym, surname, region, toponym, ethnonym, ethnotoponym.

Valentina A. Skachkova

Gomel branch of the International University «MITSO»

e-mail: vska8@tut.by

REGIONAL CASE FORMS OF NOUNS IN EASTERN POLESIAN DIALECTS OF BELARUS

The article analyzes the grammatical forms of nouns observed in the territory of the East Polesie region of Belarus. Also a comparative analysis of the identified forms with the

forms of the standard literary language has been carried out. The necessity of further research into the grammatical features of the Polesye dialects and the observation of changes, occurring under the influence of both linguistic and extralinguistic factors, has been grounded.

Keywords: East Polesie dialects of Belarus, relict forms, case endings, nouns, standard literary language.

Svetlana A. Smirnova

*Humanitarian Institute Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov
e-mail: s.smirnova@narfu.ru*

SEMANTIC SPACE WITH THE MEANING 'CHILD' IN LYUDMILA ULITSKAYA'S NOVEL "THE KUKOTSKY CASE"

The article the object of analysis of Lyudmila Ulitskaya's novel "The Kukotsky case", which narrates the story of the gynecologist's family. The interpretation of the material allows to identify the means of representation of the semantic space with the meaning of 'child', to describe their features, nuclear and peripheral meanings.

Keywords: child, the means of representation, the semantic space, meanings, artistic text, Lyudmila Ulitskaya.

Alexandra A. Stankevich

*Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: stankevich_gomel@mail.ru*

VERBAL-FIGURATIVE VERBALIZATION OF THE CONTENT OF PROVERBIAL EXPRESSIONS OF THE BELARUSIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

The article provides a comparative analysis of the verbal-figurative verbalization of the content of the paremic discourse in the Belarusian and Russian languages. At the same time, comparison, allegory and antithesis are considered as the most important linguistic means of creating the visual expressiveness of the proverbial fund, their types are analyzed, and the functional and stylistic potential is determined.

Keywords: paroemias, proverbs and sayings, proverbial expressions, folk aphorisms, comparative phrases, allegory, metaphorization, antithesis.

Svetlana N. Starodubets

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky
e-mail: starodubets.madam@yandex.ru*

RUSSIAN TRADITIONS OF EVERYDAY LINGUOCULTURE IN THE EAST SLAVIC BORDERLAND

The article is devoted to the description of the spiritual and ideological linguoculturological aspect of the study of linguistic units, in the semantic field of which the subject-conceptual and cultural-symbolic content are combined. It is emphasized that the most

productive in this respect is the subject-everyday and ritual vocabulary of the Russian national language, reflecting the national worldview in the sign.

Keywords: East Slavic borderland, linguoculture, dual semiotic analysis of linguistic units.

Svetlana N. Starodubets¹, Olga V. Belugina², Maria A. Mukhina³

^{1,2}*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

¹*e-mail: starodubets.madam@yandex.ru*

²*e-mail: OBelugina@mail.ru*

³*Gymnasium, Novozybkov, Bryansk region*

e-mail: berta17@yandex.ru

FEATURES OF SYMBOLS OF SPIRITUAL CULTURE OF THE SLAVIC BORDER

The article analyzes the symbolism characteristic of the spiritual culture of the inhabitants of the Bryansk-Gomel borderland, highlights the main realities reflected in the symbols, notes such a specific feature of the borderland symbols as synthesizing, due to the territorial proximity of the East Slavic states.

Keywords: symbolism, Bryansk-Gomel borderland, folklore, language codes, symbol, spiritual culture.

Ievgenii N. Stepanov

Hunan Normal University (China)

e-mail: stepanov.odessa@gmail.com

LEXICAL-SEMANTIC GROUP OF NAMES OF AGRICULTURAL TOOLS IN THE DICTIONARY OF RUSSIAN DIALECTS OF ODESSA REGION

The article presents a functional-semantic and, in part, a sociolinguistic analysis of the names of agricultural implements, tools and devices specific to the Russian dialects of the Odessa region. The typology of subgroups of such names is structured. It is based on a functional and pragmatic feature of household items associated with the peasant labor of Russians in the northwestern Black Sea region.

Keywords: dialect, lexical-semantic group, polysemantic word, names of agricultural tools, Dictionary of Russian dialects of Odessa region, Odessa region.

Svetlana V. Supryaga

Kursk State University

e-mail: supriaga@mail.ru

VOCABULARY NOMINATED ARTIFACTS IN SONGS OF OLD BELIEVERS OF EASTERN POLESIE

The article presents an analysis of the vocabulary of the songs of the Old Believers of the Eastern Polissya in order to reflect in them the traditional material culture of the Slavic borderlands in ethnolinguistic and ethnographic aspects. In particular, the names of artifacts that are not recorded in the songs of the Old Believers of Transbaikalia and

Altai, with whom this group of the Russian-speaking population once represented a single "Vetka" tradition, are considered.

Keywords: Russian folk songs, vocabulary, Old Believers, Eastern Polesie, artifacts, dictionaries.

Tatiana N. Suzanskaya

Beltsy state University named after A. Russo (Balti)

e-mail: suzanskaia@mail.ru

THE PECULIARITY OF ARTISTIC REFLECTION ROMANO-SLAVIC WORLD IN V. KOROLENKO'S ESSAYS ON ROMANIA

The article examines the artistic originality of the essays of the outstanding Russian writer-democrat V.G. Korolenko "Over the Estuary", "Ours on the Danube", "Nirvana", "Turchin and we", in which he embodied with warmth, sympathy and gentle irony the image of the Danube southeastern Romania, its nature and inhabitants. Their research is preceded by a brief history of the creation of essays, some features of the genre of the essay in general and Korolenko's travel essay in particular are clarified. The main attention in the article is paid to the natural and national realities noticed by Korolenko, the spatial-temporal and character plan of the essays, the speech of the heroes, the tropes and stylistic figures with which the writer creates an image of Slavic-Roman life and being, harmoniously placing it in the general universal picture of the world.

Keywords: travel essay, genre diffusion, artistic space, geocultural locus, hero's speech, tropes, stylistic figures.

Vyacheslav I. Terkulov

Donetsk National University

e-mail: terkulov@rambler.ru

"DICTIONARY OF THE LANGUAGE OF WAR IN DONBASS": LINGUISTIC AND LINGUO-CULTUROLOGICAL FEATURES

The article deals with the linguistic and linguoculturological features of the Dictionary of the language of war in the Donbass. The author gives a general description of the Dictionary, describes the basic principles for the formation of the Dictionary's vocabulary, the structural types of units included in the Dictionary, and their relationship to the units of the national lexicon.

Keywords: dictionary, war, lexicon, vernacular, thematic groups, structural types.

Natallia P. Timoshenko

Francisk Skorina Gomel State University

e-mail: natka.tim@mail.ru

SYNTACTIC COMMUNICATION MEANS IN BELARUSIAN PAREMIAS WITH THE STRUCTURE OF COMPLEX SENTENCES

The author discovers paremic constructions with the structure of the complex sentence, considers semantic-syntactic relations between the constituent components of these syntactic units and identifies the role of syntactic communication means between predicative parts.

Keywords: semantics, structure, syntax, paremia, compound sentence, main part, subordinate part, means of communication.

Grigory V. Tokarev

Tula State Pedagogical L. N. Tolstoy University

e-mail: grig72@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE CONTENT OF THE CONCEPT OF "REGIONAL CULTURE"

The article is devoted to the consideration of the signs of a regional subculture: the specificity of self-consciousness, the commonality of experience and value systems.

Keywords: culture, national culture, subculture, regional culture, value.

Tamara G. Trofimovich¹, Irina K. Rusakovich

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

¹e-mail: t.trof@mail.ru

SIGN LANGUAGE AND ITS NATIVE SPEAKERS IN THE SOCIO-CULTURAL THE SPACE OF MODERN BELARUSIAN SOCIETY

The article briefly analyzes the current state of the Belarusian sign language in the context of the problem of recognizing its national status, examines the place and role of sign language speakers in the life of modern Belarusian society, as well as some issues of their socio-cultural inclusion.

Keywords: sign language, national language status, inclusion, socio-cultural adaptation.

Mariya V. Turilova

Independent Researcher, Kaluga, Russian Federation

e-mail: mariaturilova@mail.ru

**SOUTH-WEST FRONTIER TERRITORIES OF KALUGA REGION, BRYANSK REGION,
BELORUSSIA IN THE SCHOLARLY JOURNAL "KALUGA V SHESTI VEKAKH"
("KALUGA DURING 6 CENTURIES")**

The article produces a review of articles about Russian-Byelorussian frontier territories, published in the scholarly journal "Kaluga v Shesti Vekakh" ["Kaluga during 6 centuries"] of Kaluga municipal conference.

Keywords: Bryansk, Byelorussia, history, Kaluga, local lore, Russia, Russian, Russian Orthodox Church

Elena N. Voinova

Francisk Skorina Gomel State University

e-mail: helena_voinova@mail.ru

**STRUCTURAL-SEMANTIC MOTIVATION OF AGRICULTURAL NAMES
OF MAZYRSKY-PRIPYATSKY REGION**

The article deals with the national economic nominations fixed on the territory of the Mozyr-Pripyat Polissya. A detailed lexical-thematic classification of the names of vocabulary related to the agricultural life of a person is carried out:

Keywords: dialect language, folk dialects, semantic classification

Olga L. Yuchko

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin

e-mail :o.yuchko@mail

**MYTHONYM WITCH AS A MEANS OF CHARACTERISTICS OF CHARACTERS IN
ARTISTIC TEXTS**

The article discusses the features of the use of the mythonomination witch in literary texts. The correlation of traditional (ethno-cultural) characteristics of a witch as a demonic character, along with the use of this mythonym as a characteristic of the internal qualities and functions of female characters is taken into account.

Keywords: mythonym witch, means of characterization, literary text, semantics, stylistic coloring.

Irina P. Zaitseva
Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail: irinazaj91@mail.ru

"INTERLACEMENT" OF CLOSELY RELATED LANGUAGES IN LYRICAL WORKS OF LUHANSK POETS

The article presents and analyzes text fragments from the lyrical works of modern poets of the Luhansk region, a territory included in the Donbass, which reflect the interaction of two related East Slavic cultures – Russian and Ukrainian, which are mainly embodied in the inclusion of elements of the Ukrainian language in texts in Russian. Functioning in lyrical works in Russian, the elements of a closely related language traditionally performed a number of significant functions: a cultural and national marker, a means of increasing the expressiveness of the lyrical structure, etc. However, in the past few years, these functions have been significantly transformed under the influence of the military conflict unfolded in the Donbass.

Keywords. East Slavic languages, closely related linguocultures, national flavor, foreign language element, lyrical structure, national cultural marker, expressive function.

Valeria M. Zelova
Moscow Region State University
e-mail: cat.talan@yandex.ru

FORMATION OF CULTURAL COMPETENCE IN SECONDARY SCHOOL STUDENTS WHEN STUDYING PHRASEOLOGICAL UNITS WITH AN OBSOLETE COMPONENT

The purpose of this work is to identify the need to develop a methodological system for the formation of cultural competence in the 6th grade when studying phraseological units with an outdated component. The author analyzes the didactic material on the Russian language for the 6th grade, summarizes the practical experience of modern scientists on the formation of cultural competence, conducted an experiment to identify the level of formation of the components of cultural competence in the study of phraseological units with outdated vocabulary in the 6th grade students. Based on the results of the study, the author concluded that it is necessary to develop a methodological system for the formation of cultural competence in the 6th grade when studying phraseological units with an outdated component. In conclusion, the article formulates proposals for the analysis of phraseological units with obsolete components in the 6th grade.

Keywords: cultural competence, phraseology, outdated vocabulary, methods of teaching phraseology.

Ekaterina A. Zueva

Brest State University named after A.S. Pushkin

e-mail: katarzyna.zujewa@mail.ru

**UNIVERBS WITH A UNIVERBATOR -АУ IN CLOSELY RELATED RUSSIAN AND
BELARUSIAN LANGUAGES**

The article presents an analysis of suffixal univerbs with a department -ау in Russian and Belarusian. In comparative terms, semantic, stylistic, grammatical and word-forming features of suffixal univerbs with a department -ау are studied in two closely related languages.

Keywords: univerb, univerbant, univerbator, semantics, stylistic, word formation, identity and distinction.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адамко Денис Сергеевич – студент 5 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: Ad.Nihil.ru@yandex.ru;

Аксёнова Елизавета Сергеевна – студентка 2 курса филологического факультета направления подготовки "Педагогическое образование" (профили "Русский язык. Литература") ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: mahabraun2002@gmail.com;

Аксёнчиков-Бирюков Святослав Юрьевич – старший преподаватель Гомельского филиала учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси "Международный университет "МИТСО", e-mail: arhares333@gmail.com;

Атаманова Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: atamanova2001@list.ru

Белова Анна Михайловна – студентка 5 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: pwojdj@yandex.ru;

Белугина Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: OBelugina@mail.ru;

Белякова Елена Алексеевна – магистр педагогических наук, преподаватель русского языка и литературы УО "Гомельский государственный профессиональный лицей строителей", e-mail: lena13021975@yandex.ru;

Богатырева Милана Адсаламовна – студентка 2 курса филологического факультета направления подготовки "Педагогическое образование" (профили "Русский язык. Литература") ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: mbsalamad@mail.ru;

Бойкова Светлана Николаевна – старший преподаватель УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: lukjanchiksn@mail.ru;

Брыткова Виолетта Витальевна – студентка ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: leta_brytkova@mail.ru;

Бунос Анастасия Владимировна – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин УО "Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий", e-mail: anastasia.bunos@gmail.com;

Бут-Гусаим Светлана Феодосьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской филологии УО "Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина", e-mail: svfbg@tut.by;

Воинова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языка УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: VOINOVA@gsu.by;

Глазкова Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедры интегрированных коммуникаций Школы Медиакommunikаций ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доцент кафедры журналистики факультета журналистики Института Массмедиа Российского государственного гуманитарного университета, e-mail: elena-glazkova1@ya.ru;

Голик Наталья Александровна – директор Муниципального учреждения культуры "Унечский краеведческий музей", Заслуженный работник культуры РФ, e-mail: un.muz@mail.ru;

Голованова Вероника Владимировна – студентка 5 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: smirnovaveronika19@gmail.com;

Головачева Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: golovacheva-olga@mail.ru

Гомонова Инна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: inna-gomonova@mail.ru;

Гусев Павел Юрьевич – магистр, преподаватель истории и философии ПОУ Облпотребсоюза "Брянский кооперативный техникум", e-mail: gusev-pavel-89@mail.ru;

Данич Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, докторант, Научно-методическое учреждение "Национальный институт образования", e-mail: odanich@mail.ru;

Дединкин Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, магистр права, директор Витебского филиала Международного университета "МИТСО", e-mail: alexanderdedinkin@yandex.by;

Дерегузова Любовь Михайловна – магистр, ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: Lubimochka98@yandex.ru;

Дмитриева Юлия Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО "Горловский институт иностранных языков", e-mail: Jul88Dmutrieva@yandex.ru;

Дубицкая Елена Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, заместитель директора по учебной работе филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: elen-dubickay@yandex.ru;

Емельянова Ксения Владимировна – студентка 3 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: emelxen.90@gmail.ru;

Зайцева Ирина Павловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых языков УО "Витебский государственный университет имени П.М. Машерова", e-mail: irinazaj91@mail.ru;

Зелова Валерия Михайловна – студентка 5 курса ГОУ ВО Московской области "Московский государственный областной университет", e-mail: cat.talan@yandex.ru;

Зуева Екатерина Александровна – преподаватель УО "Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина", e-mail: katarzyna.zuewa@mai.ru;

Казак Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета, e-mail: olegkazak90@tut.by;

Каперзова Юлия Сергеевна – студентка 5 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове;

Карасик Владимир Ильич – профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, e-mail: vkarasik@yandex.ru;

Кириченко Кристина Николаевна – студентка 2 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове

Климас Ирина Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО "Курский государственный университет", e-mail: iklimas@mail.ru;

Коваль Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания Учреждения образования "Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины", e-mail: vlad-kov@mail.ru;

Кожурина Ульяна Николаевна – студентка 2 курса магистратуры филологического факультета ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского";

Козловская Маргарита Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков УО "Гомельский государственный медицинский университет", e-mail: almark@tut.by;

Колегова Оксана Юрьевна – старший преподаватель кафедры английского языка № 4 Московского государственного института международных отношений;

Корнейков Евгений Николаевич – учитель информатики МБОУ СОШ №6 г. Новозыбкова Брянской обл., студент 3 курса направления подготовки 44.03.01 Педагогическое образование, направленность (профиль) Информатика филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове;

Королева Инна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета Смоленского государственного университета, e-mail: innakor@mail.ru;

Коротченко Маргарита Ивановна – студентка 3 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: margaswag@yandex.ru;

Красовская Нелли Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

Краузе Анастасия Юрьевна – студентка 5 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: sorovjeva.anastasija@yandex.ru;

Кураш Сергей Бонифациевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО "Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина", e-mail: text2005@mail.ru;

Курмакаева Нина Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет", e-mail: kurmakayeva@mail.ru;

Лапицкая Надежда Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: nadezhdalapickaya@yandex.ru;

Лебедева Ярославна Владимировна – студентка 2 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: yaraslavnaya37@yandex.ru

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта ГОУ ВО МО "Московский государственный областной университет", e-mail: ledenevavv@yandex.ru;

Леонтьева Татьяна Валерьевна – доктор филологических наук, доцент ФГАОУ ВО "Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина", e-mail: leotany@mail.ru;

Лещинская Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры белорусского языка филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: zshvedova@mail.ru;

Липай Татьяна Петровна – кандидат социологических наук, профессор ГУО "Минский городской институт развития образования", e-mail: lipai@tut.by;

Листова Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЭА РАН, e-mail: listova.ta@mail.ru;

Любимова Марианна Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и таможенного дела ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", председатель Нижегородской региональной общественной организации "Институт изучения города", e-mail: lbmv73@gmail.com;

Ма Тунтун – аспирант ФГБОУ ВО "Московский педагогический государственный университет", e-mail: caihongxianzi2008@qq.com;

Марцинкевич Вера Ивановна – аспирант кафедры белорусской и русской филологии УО "Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамкина", e-mail: vera.martsinkevich@mail.ru;

Маслова Валентина Авраамовна – доктор филологических наук, профессор кафедры дошкольного и начального образования УО "Витебский государственный университет имени П.М. Машерова", e-mail: mvavvit@tut.by;

Матусевич Екатерина Николаевна – магистр государственного управления социальной сферы, аспирант УО "Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина", e-mail: Katarina.kovalchuk@gmail.com;

Мельникова Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: olsen_74_1@mail.ru;

Милютин Юлиа Васильевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: julchik-sed@bk.ru;

Мищенко Виктор Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: vicpost@inbox.ru;

Мищенко Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: mta-post@yandex.ru;

Мозговой Владимир Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ГОУ "Донецкий национальный университет", e-mail: mowi48@mail.ru;

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: mokienko40@mail.ru;

Муратова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания УО "Витебский государственный университет имени П.М. Машерова", e-mail: mouratova@tut.by;

Мухина Мария Александровна – учитель русского языка и литературы МБОУ "Гимназия" г. Новозыбкова Брянской области, e-mail: berta17@yandex.ru;

Наумчик Мария Дмитриевна – студентка 3 курса специальности "Русская филология" УО "Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина", e-mail: maria.nmchik@gmail.com;

Никулкина Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО "Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова" (Брянский филиал), e-mail: sinbad1982@yandex.ru

Ничипорчик Елена Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: evnich@gmail.com;

Новикова Татьяна Федоровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Педагогического института НИУ ФГАОУ ВО "Белгородский государственный национальный исследовательский университет, e-mail: tnovikova@bsu.edu.ru;

Овчинникова Наталья Игоревна – студентка 3 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: ovchinnikovanata2018@gmail.com;

Осипова Тамара Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций "Международный университет "МИТСО", Гомельский филиал, e-mail: annetoc@rambler.ru;

Переход Ольга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего и русского языкознания УО "Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина", e-mail: gehob1@mail.ru;

Петухова Марина Геннадьевна – бакалавр педагогического образования, ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: mg.petukhova@mail.ru;

Печенкина Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: Olya_Bryansk@mail.ru;

Полюян Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: alena.paluian@mail.ru;

Поплавная Лилия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языка УО "Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины", e-mail: liliya.paplaunaya@mail.ru;

Праведников Сергей Павлович – доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО "Курский государственный университет", декан филологического факультета, e-mail: sprrav618@mail.ru;

Пронченко Сергей Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: s.m.pronchenko@yandex.ru;

Пустовойтов Виктор Николаевич – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: vnprnov@gmail.com;

Распопова Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: Volkova1111@yandex.ru;

Рожковская Юлия Игоревна – магистрант 2 курса направления "Филология", профиль "Русский язык" ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского";

Русакович Ирина Кузьминична – кандидат педагогических наук, доцент кафедры коррекционно-развивающих технологий УО "Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка";

Саловская Яна Викторовна – магистрант 2 курса БГУ, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ №53 имени Д.Н. Медведева г. Брянска, e-mail: sal.yana@rambler.ru;

Селиванова Екатерина Валерьевна – студентка 3 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: SelivanovaKatya@hotmail.com;

Селиванова Татьяна Валерьевна – магистрант ФГБОУ ВО "Российский государственный гуманитарный университет"

Середа Артем Сергеевич – учитель истории и обществоведения Средней школы № 3 г. Жабинки, e-mail: marcellinus@tut.by;

Скачкова Валентина Александровна – кандидат филологических наук, доцент Гомельского филиала УО ФПБ "Международный университет "МИТСО", e-mail: vska8@tut.by;

Смирнова Светлана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Гуманитарного института Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, e-mail: saa29@mail.ru;

Станкевич Александра Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры белорусского языка филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: stankevich_gomel@mail.ru;

Стародубец Светлана Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: starodubets.madam@yandex.ru;

Степанов Евгений Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Хунаньского педагогического университета, КНР, г. Чанша, e-mail: stepanov.odessa@gmail.com

Сузанская Татьяна Николаевна – доктор педагогики, доцент кафедры славистики Бельцкого государственного университета им. А. Руссо (Молдова), e-mail: suzanskaia@mail.ru;

Супряга Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики дошкольного и начального образования ФГБОУ ВПО "Курский государственный университет", e-mail: supriaga@mail.ru;

Сяо Юйси – студент УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: yuxi.xiao@yandex.ru;

Теркулов Вячеслав Исаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет", e-mail: terkulov@rambler.ru;

Тимошенко Наталья Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языка филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: natka.tim@mail.ru;

Токарев Григорий Валериевич – доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО "Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого", e-mail: grig72@mail.ru;

Трофимович Тамара Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и лингводидактики УО "Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка", e-mail: t.trof@mail.ru;

Трошина Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", заведующий кафедрой русского языка, e-mail: natalya_troshina@mail.ru;

Турилова Мария Валерьевна – кандидат филологических наук, независимый исследователь, e-mail: mariaturilova@mail.ru;

Филатова Анна Андреевна – студентка 3 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: anafilatova15@gmail.com;

Фомин Степан Сергеевич – студент ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: stepfom2001@mail.ru;

Шапедько Лидия Александровна – студентка 5 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: lidia.poda@mail.ru;

Шевцова Татьяна Александровна – студентка 2 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: tatjana.shevtzova2016@yandex.ru;

Шишони娜 Натали Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО "Пятигорский государственный университет", e-mail: 0977778@mail.ru

Шлома Алла Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: avshloma@mail.ru;

Шур Василий Васильевич – доктор филологических наук, профессор УО "Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина", e-mail: text2005@mail.ru;

Щербакoвa Анна Сергеевна – студентка 4 курса филологического факультета, специальности "Русский язык, Литература" ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: shcherbakova_anna_2000@mail.ru;

Щербатая Ангелина Андреевна – студентка 4 курса филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: angelina.scherbataya@mail.ru

Ючко Ольга Леонидовна – аспирант кафедры белорусской и русской филологии УО "Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина", e-mail: o.yuchko@mail.ru.

Содержание

АНТЮХОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ <i>ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ ФОРУМА</i>	3
СТАРОДУБЕЦ СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА <i>РУССКИЕ ТРАДИЦИИ БЫТОВОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ</i>	5
КАРАСИК ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ <i>ЭМБЛЕМАТИКА И СИМВОЛИКА ДОМА В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ</i>	9
МАСЛОВА ВАЛЕНТИНА АВРААМОВНА <i>ДОМ КАК ЧАСТЬ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПОГРАНИЧЬЯ С ПОЗИЦИИ ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ</i>	18
ТЕРКУЛОВ ВЯЧЕСЛАВ ИСАЕВИЧ <i>"СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ВОЙНЫ В ДОНБАССЕ": ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ</i>	25
ЛЮБИМОВА МАРИАННА ВИКТОРОВНА <i>ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РУССКИХ ТРАДИЦИЙ ДОМОСТРОЕНИЯ</i>	30
СТАНКЕВИЧ АЛЯКСАНДРА АЛЯКСАНДРАЎНА <i>СЛОЎНА-ВОБРАЗНАЯ ВЕРБАЛІЗАЦЫЯ ЗМЕСТУ Ў ПРАВЕРБІЯЛЬНЫХ ВЫРАЗАХ БЕЛАРУСКАЙ І РУСКАЙ МОЎ</i>	37
КОРОЛЕВА ИННА АЛЕКСАНДРОВНА <i>ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА СМОЛЕНСКО-МОГИЛЕВСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ И ЕЕ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ</i>	42
СУЗАНСКАЯ ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА <i>СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОТРАЖЕНИЯ РОМАНО- СЛАВЯНСКОГО МИРА В ОЧЕРКАХ В. КОРОЛЕНКО О РУМЫНИИ</i>	46
ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ <i>К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ "РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА"</i>	52
ТРОФИМОВИЧ ТАМАРА ГРИГОРЬЕВНА, РУСАКОВИЧ ИРИНА КУЗЬМИНИЧНА <i>ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК И ЕГО НОСИТЕЛИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА</i>	55
ПЕРЕХОД ОЛЬГА БОРИСОВНА <i>ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ: ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО, СИМВОЛИКА</i>	61

**ДУХОВНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ
АСПЕКТАХ**

ЛЕОНТЬЕВА ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА¹, МОКИЕНКО ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ² <i>ИЗ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ОРНИТОЛОГИИ: ДРУЗЬЯ И ВРАГИ СОРОКИ</i>	68
КОВАЛЬ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ <i>ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ СИНКРЕТИЧНОГО ИДИОЛЕКТА: РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ</i>	75
СТЕПАНОВ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ <i>ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА НАИМЕНОВАНИЙ ОРУДИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ТРУДА В СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ОДЕСЩИНЫ</i>	80
ЛЕЩИНСКАЯ ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА <i>ЛЕКСЕМЫ-СИМВОЛЫ 'ГРАНИЦА' И ОБРАЗЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АРХИТЕКТУРНО-ДОМОСТРОИТЕЛЬНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ</i>	90
АКСЕНОВА ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНА, ТРОШИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА <i>СРЕДСТВА ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА РЕБЕНКА В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ</i>	98
НИЧИПОРЧИК ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА <i>БЕЛОРУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ ХЛЕБ</i>	102
КРАСОВСКАЯ НЕЛЛИ АЛЕКСАНДРОВНА <i>РУССКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ ГЛАГОЛ: ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДА</i>	107
ЗУЕВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА <i>УНИВЕРБЫ С УНИВЕРБАТОРОМ -АЧ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ</i>	112
АДАМКО ДЕНИС СЕРГЕЕВИЧ <i>КОММУНИКАТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СОСТАВНОГО НАИМЕНОВАНИЯ "РУССКАЯ ЗЕМЛЯ"</i>	117
АКСЁНЧИКОВ-БИРЮКОВ СВЯТОСЛАВ ЮРЬЕВИЧ <i>О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, СВЯЗАННЫХ СО СВАДЕБНЫМИ ОБРЯДАМИ</i>	124
БЕЛОВА АННА МИХАЙЛОВНА <i>НЕОДНОСЛОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ "РУССКИЙ СТИЛЬ" В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА</i>	129
БЕЛЯКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА <i>ТРАДИЦИОННЫЕ НАЗВАНИЯ ПРАЗДНИЧНЫХ И ПОМИНАЛЬНЫХ БЛЮД БЕЛОРУССКОЙ КУХНИ</i>	134

БРЫТКОВА ВИОЛЕТТА ВИТАЛЬЕВНА <i>НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ТОПОНИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА Г. НОВОЗЫБКОВА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ</i>	138
ГЛАЗКОВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА <i>"БОРЩ" В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ</i>	148
ШУР ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ <i>АНАМАСТЫЧНЫЯ ўЗАЕМАўПЛЫВЫ І ўЗАЕМАДЗЕЯННІ ў СІСТЭМАХ БЕЛАРУСКАЙ І РУСКАЙ МОЎ</i>	156
СКАЧКОВА ВАЛЕНТИНА АЛЕКСАНДРОВНА <i>РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ВОСТОЧНОПОЛЕССКИХ ГОВОРАХ БЕЛАРУСИ</i>	162
НАУМЧИК МАРИЯ ДМИТРИЕВНА <i>РЕАЛИЗАЦИЯ МАГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА В УСТНОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЯ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ</i>	166
КРАУЗЕ АНАСТАСИЯ ЮРЬЕВНА <i>НЕОДНОСЛОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ "РУССКИЙ КРЕСТ" В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА</i>	171
МАРЦИНКЕВИЧ ВЕРА ИВАНОВНА <i>ПЕРЦЕПТИВНЫЙ МОДУС "ЗРЕНИЕ" И СРЕДСТВА ЕГО ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА БЕЛОРУСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ, РЕАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПТ 'ДЕТИ')</i>	175
МА ТУНТУН <i>ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ "ПРОЩЕНИЕ" И СПОСОБЫ ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ</i>	180
СТАРОДУБЕЦ СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА, БЕЛУГИНА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА, МУХИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА <i>ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИКИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ</i>	185
БЕЛУГИНА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА, ШЕВЦОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА <i>НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ БЫТА В "СЛОВАРЕ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ ЗАПАДНОЙ БРЯНЩИНЫ" П. А. РАСТОРГУЕВА</i>	189
БОЙКОВА СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА, СЯО ЮЙСИ <i>КОНЦЕПТ "ЧАЙ" В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ</i>	198
БУНОС АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА <i>НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУСА</i>	204
МЕЛЬНИКОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА <i>О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ КОМПОНЕНТОВ УСТОЙЧИВОГО СЛОВЕСНОГО КОМПЛЕКСА ХОЛИТЬ И ЛЕЛЕЯТЬ</i>	209

ВОИНАВА АЛЕНА МИКАЛАЕЎНА <i>СТРУКТУРНА-СЕМАНТЫЧНАЯ МАТЫВАЦЫЯ СЕЛЬСКАГА СПАДАРЧЫХ НАЙМЕННЯЎ МАЗЫРСКА- ПРЫПЯЦКАГА ПАЛЕССЯ</i>	215
ОВЧИННИКОВА НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА <i>НАИМЕНОВАНИЯ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, НАДВОРНЫХ ПОСТРОЕК И ИХ ЧАСТЕЙ В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ</i>	220
ПОПЛАВНАЯ ЛИЛИЯ ВИКТОРОВНА <i>НАРОДНЫЯ ПАРЭМІ КОСАЎШЧЫНЫ</i>	225
КОЛЕГОВА ОКСАНА ЮРЬЕВНА <i>НЕОДНОСЛОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ "РУССКИЙ СОЛДАТ" В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА</i>	230
ЕМЕЛЬЯНОВА КСЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА <i>ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА БРЯНЩИНЫ, НОМИНИРУЮЩАЯ ВНУТРЕННЕЕ ОБУСТРОЙСТВО СЕЛЬСКОГО ЖИЛИЩА</i>	237
КОРОТЧЕНКО МАРГАРИТА ИВАНОВНА <i>НАИМЕНОВАНИЯ ПИЩИ В ГОВОРАХ БРЯНЩИНЫ</i>	242
ФИЛАТОВА АННА АНДРЕЕВНА <i>ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА БРЯНЩИНЫ, НОМИНИРУЮЩАЯ ПРЕДМЕТЫ И ЯВЛЕНИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА И ПТИЦЕВОДСТВА</i>	246
СЕЛИВАНОВА ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА, СЕЛИВАНОВА ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА <i>НАИМЕНОВАНИЕ ОДЕЖДЫ В ГОВОРАХ БРЯНЩИНЫ</i>	251
ЛЕБЕДЕВА ЯРОСЛАВНА ВЛАДИМИРОВНА <i>ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА "ГОНЧАРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ" В "БРЯНСКОМ ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ"</i>	259
КИРИЧЕНКО КРИСТИНА НИКОЛАЕВНА <i>НАИМЕНОВАНИЯ ПИЩИ В ГОВОРАХ ЮГО-ЗАПАДА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ</i>	265
КОЖУРИНА УЛЬЯНА НИКОЛАЕВНА <i>ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАНТА С ЧАСТИЧНОЙ ДИСФУНКЦИЕЙ РЕЧЕВОГО АППАРАТА</i>	270
ПРОНЧЕНКО СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, НИКУЛКИНА ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА <i>ЛЕКСИКА ГОНЧАРНОГО ПРОМЫСЛА В "БРЯНСКОМ ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ"</i>	273
ПОЛУЯН ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА <i>ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА ИЗ ДЕРЕВА: УТИЛИТАРНАЯ И ОБРЯДОВАЯ ФУНКЦИИ</i>	278
ЛИСТОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА <i>ПОНЯТИЯ ВЫКУП И ОТКУП В СОВРЕМЕННЫХ ПРОВОДАХ УМЕРШЕГО (РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ)</i>	282

Шишони́на Натали Владимировна, Баталова Татьяна, Кузнецова Диана	
<i>МОДА КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА</i>	292
Милотина Юлия Васильевна	
<i>СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СТРУКТУРЕ СЛОЖНЫХ ОСНОВ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ, НАЗЫВАЮЩИХ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ, В БРЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ</i>	300
Голованова Вероника Владимировна	
<i>СОСТАВНОЕ НАИМЕНОВАНИЕ "РУССКАЯ ЗИМА": ТРАДИЦИОННОЕ И АКТУАЛЬНОЕ</i>	305

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР И ПОВСЕДНЕВНЫЙ УКЛАД ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ В XX–XXI ВВ.

Мищенко Виктор Васильевич	
<i>ВЛИЯНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РЕМЕСЕЛ В ВОСТОЧНОМ ПОЛЕСЬЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.</i>	312
Казак Олег Геннадьевич, Середа Артем Сергеевич	
<i>ЯЗЫКОВОЙ ВОПРОС НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980–Х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1990–Х ГГ.)</i>	316
Мищенко Татьяна Александровна	
<i>МОТИВЫ "СОВЕТСКОГО" В ПРИЕМАХ БЫТОВОГО ДОМОСТРОИТЕЛЬНОГО ДИЗАЙНА (НА ПРИМЕРЕ ЖИЛИЩ ЮГО-ЗАПАДА БРЯНЩИНЫ)</i>	329
Любимова Марианна Викторовна	
<i>ГОРОДСКАЯ АРХИТЕКТУРА ПРОШЛОГО: ПРИЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И ИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННУЮ КУЛЬТУРУ</i>	335
Голик Наталья Александровна	
<i>КРЕСТЬЯНСКИЙ ТРУД И ОТДЫХ: СРАВНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ КОНЦА 19 И СЕРЕДИНЫ 20 ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ-ФОЛЬКЛОРИСТКИ М. Н. КОСИЧ И ВОСПОМИНАНИЯМ ЖИТЕЛЕЙ УНЕЧСКОГО РАЙОНА)</i>	345
Гусев Павел Юрьевич	
<i>ЖИЗНЬ И БЫТ НА ТЕРРИТОРИИ БРЯНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ</i>	355
Лишай Татьяна Петровна	
<i>ВЛИЯНИЕ РЕАЛИТИ-ШОУ НА БЫТОВУЮ КУЛЬТУРУ И ПОВСЕДНЕВНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ</i>	357

МАТУСЕВИЧ ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА <i>БЕЛОРУССКИЕ ПОЛЕШУКИ В МИРЕ</i>	360
ПЕТУХОВА МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА <i>САНИТАРНО-БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИИ ЛИЧНОЙ ГИГИЕНЫ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ</i>	370
Дединкин Александр Леонидович <i>ЭТНИЧЕСКАЯ И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НА БЕЛОРУССКО- РОССИЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. КАК ФУНДАМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ</i>	375

НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННЫЕ СИМВОЛЫ РУССКИХ ТРАДИЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СЛАВЯНСКИХ АВТОРОВ

Леденёва Валентина Васильевна <i>ЭТНОГРАФИЗМ КАК ЯДЕРНАЯ ЕДИНИЦА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА</i>	380
Зайцева Ирина Павловна <i>"ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ" БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ В ЛИРИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ ЛУГАНЩИНЫ</i>	385
Кураш Сергей Борисович <i>ОТ "СЛОВА САМАВИТАГА" ДО "МОЦНАГА СЛОЎЦА" (ОБРАЗЫ СЛОВА В БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ)</i>	391
Курмакаева Нина Петровна <i>РЕГИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ИДИОЛЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЭТА ДОНБАССА</i>	398
Климас Ирина Сергеевна <i>КОНЦЕПТ "ВОРОТА" В КУРСКОМ ТЕКСТЕ – ФОЛЬКЛОРНОМ И АВТОРСКОМ</i>	404
Цімашэнка Наталля Паўлаўна <i>СРОДКІ СІНТАКСІЧНАЙ СУВЯЗІ Ё БЕЛАРУСКІХ ПАРЭМІЯХ СА СТРУКТУРАЙ СКЛАДАНАЗАЛЕЖНЫХ СКАЗАЎ</i>	412
Турилова Мария Валерьевна <i>ЮГО-ЗАПАД КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ, БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ, БЕЛОРУССИЯ В СБОРНИКЕ "КАЛУГА В ШЕСТИ ВЕКАХ"</i>	418
Атаманова Наталья Викторовна, Щербакова Анна Сергеевна <i>ПЕРЦЕПТИВНЫЙ ОБРАЗ "ГРОЗА" В ПОЭТИЧЕСКОМ ИДИОЛЕКТЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА</i>	423
Богатырева Милана Адсаламовна, Трошина Наталья Викторовна <i>ТЮРКИЗМЫ В СКАЗКЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА "АШИК-КЕРИБ" ..</i>	429

БУТ-ГУСАИМ СВЕТЛАНА ФЕОДОСЬЕВНА <i>АНТРОПОНИМИКОН ПРОЗЫ НИКОЛАЯ СЕНКЕВИЧА</i>	434
ГОМОНОВА ИННА ГЕННАДЬЕВНА <i>ДИХОТОМИЯ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ С КОМПОНЕНТАМИ</i> <i>ВЧЕРА / СЕГОДНЯ / ЗАВТРА</i>	440
ДМИТРИЕВА ЮЛИЯ ЛЕОНИДОВНА <i>ОБРАЗ ДУБА В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА И Н. КЛЮЕВА</i>	444
ШЧАРБАТАЯ АНГЕЛІНА АНДРЭЎНА <i>ФРАЗЕЛАГІЗМЫ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ З КАМΠΑНАМЕНТАМ</i> <i>ГЛЯДЗЕЦЬ</i>	450
ЮЧКО ОЛЬГА ЛЕОНИДОВНА <i>МИФОНИМ ВЕДЬМА КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ</i> <i>ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ</i>	454
СУПРЯГА СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА <i>ЛЕКСИКА, НОМИНИРУЮЩАЯ АРТЕФАКТЫ, В ПЕСНЯХ</i> <i>СТАРООБРЯДЦЕВ ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ</i>	458
ОСИПОВА ТАМАРА АНАТОЛЬЕВНА <i>КОНЦЕПТ "САРАФАННОЕ РАДИО" В РУССКОЙ</i> <i>ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ</i>	463
ДЕРЕГУЗОВА ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА, ПЕЧЕНКИНА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА <i>СВОЕОБРАЗИЕ РАЗВИТИЯ ХРИСТИАНСКИХ МОТИВОВ В</i> <i>ЛИРИКЕ В. Д. ДИНАБУРГСКОГО</i>	467
РАСПОПОВА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА, РОЖКОВСКАЯ ЮЛИЯ ИГОРЕВНА <i>СЕМАНТИКА ОСКОРЕЛЕНИЯ В ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО</i>	471
ЛАПИЦКАЯ НАДЕЖДА ИВАНОВНА <i>МИФОЛОКАТИВЫ В ТЕКСТАХ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ</i> <i>ЗАГОВОРОВ</i>	477
МУРАТОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА <i>БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРИНЦИПЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В</i> <i>ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ</i>	482
ПРАВЕДНИКОВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ <i>ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА КУРСКИХ ЧАСТУШЕК</i>	487
ГОЛОВАЧЕВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА, САЛОВСКАЯ ЯНА ВИКТОРОВНА <i>РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКИХ И ЕВРОПЕЙЦЕВ В АСПЕКТЕ</i> <i>ПАРАДИГМЫ `СВОЙ`/`ЧУЖОЙ` (ПО МАТЕРИАЛАМ РАННЕЙ</i> <i>ПУБЛИЦИСТИКИ Н. С. ЛЕСКОВА)</i>	492
ФОМИН СТЕПАН СЕРГЕЕВИЧ <i>ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК</i> <i>ИДИОСТИЛЕВОЙ МАРКЕР ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА</i> <i>Н.С. ТРУБЕЦКОГО</i>	495
СМИРНОВА СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА <i>СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СО ЗНАЧЕНИЕМ "РЕБЁНОК"</i> <i>В РОМАНЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ "КАЗУС КУКОЦКОГО"</i>	499

ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОГРАНИЧЬЯ

- Данич Оксана Владимировна**
*ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ
МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА МАТЕРИАЛЕ НАРОДНОЙ
КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУСОВ* 505
- Мозговой Владимир Иванович**
*РЕФОРМЫ ОРФОГРАФИИ И КУЛЬТУРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ЯЗЫКОВ В ЭТНОГРАФОНИМНОМ ПРОСТРАНСТВЕ* 511
- Новикова Татьяна Федоровна**
*ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА С ПРОЕКЦИЕЙ НА
ПОСТИЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДА* 519
- Дубицкая Елена Валентиновна, Голованова Вероника
Владимировна**
*ПОДГОТОВКА К ЕДИНОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЭКЗАМЕНУ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ В БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ* 525
- Козловская Маргарита Михайловна**
*ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО И
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ*..... 534
- Зелова Валерия Михайловна**
*ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У
УЧАЩИХСЯ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С УСТАРЕВШИМ КОМПОНЕНТОМ*..... 538
- Шапедько Лидия Александровна**
*СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ КУРСОВ ПО ВЫБОРУ В СТАРШИХ
КЛАССАХ (НА ПРИМЕРЕ КУРСА, НАПРАВЛЕННОГО НА
ИССЛЕДОВАНИЕ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ЯЗЫКА ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ БРЯНСКОЙ
ОБЛАСТИ)* 543
- Шлома Алла Викторовна**
*ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИДАКТИЧЕСКИХ ОНЛАЙН-ИГР НА УРОКАХ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ БРЯНСКО-
ГОМЕЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ* 548
- Пустовойтов Виктор Николаевич**
*ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОВЛАДЕНИЯ ШКОЛЬНИКАМИ
КОМПЕТЕНЦИЯМИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ПОГРАНИЧЬЯ*..... 556
- Корнейков Евгений Николаевич**
*ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ КАТЕГОРИИ "ГРАЖДАНСКОЕ
ВОСПИТАНИЕ" В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ*..... 564

КАПЕРЗОВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА	
<i>МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ УЧАЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ.....</i>	<i>570</i>
КРАУЗЕ АНАСТАСИЯ ЮРЬЕВНА	
<i>ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО МАРКИРОВАННЫХ СИМВОЛОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. И. ТЮТЧЕВА КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ.....</i>	<i>577</i>
АБСТРАКТ.....	582
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	616

Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье

Международный научно-просветительский форум
г. Новозыбков, Брянская область, 17 – 20 мая 2022 г.

Научные доклады

Подписано в печать 12.05.2021. Формат 60×84 1 / 16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. п. л. 36,95.
Тираж 300 экз. Заказ №12/05

РИСО Брянского государственного университета
им. акад. И. Г. Петровского
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Отпечатано в РИО Брянского государственного
университета им. акад. И. Г. Петровского
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

